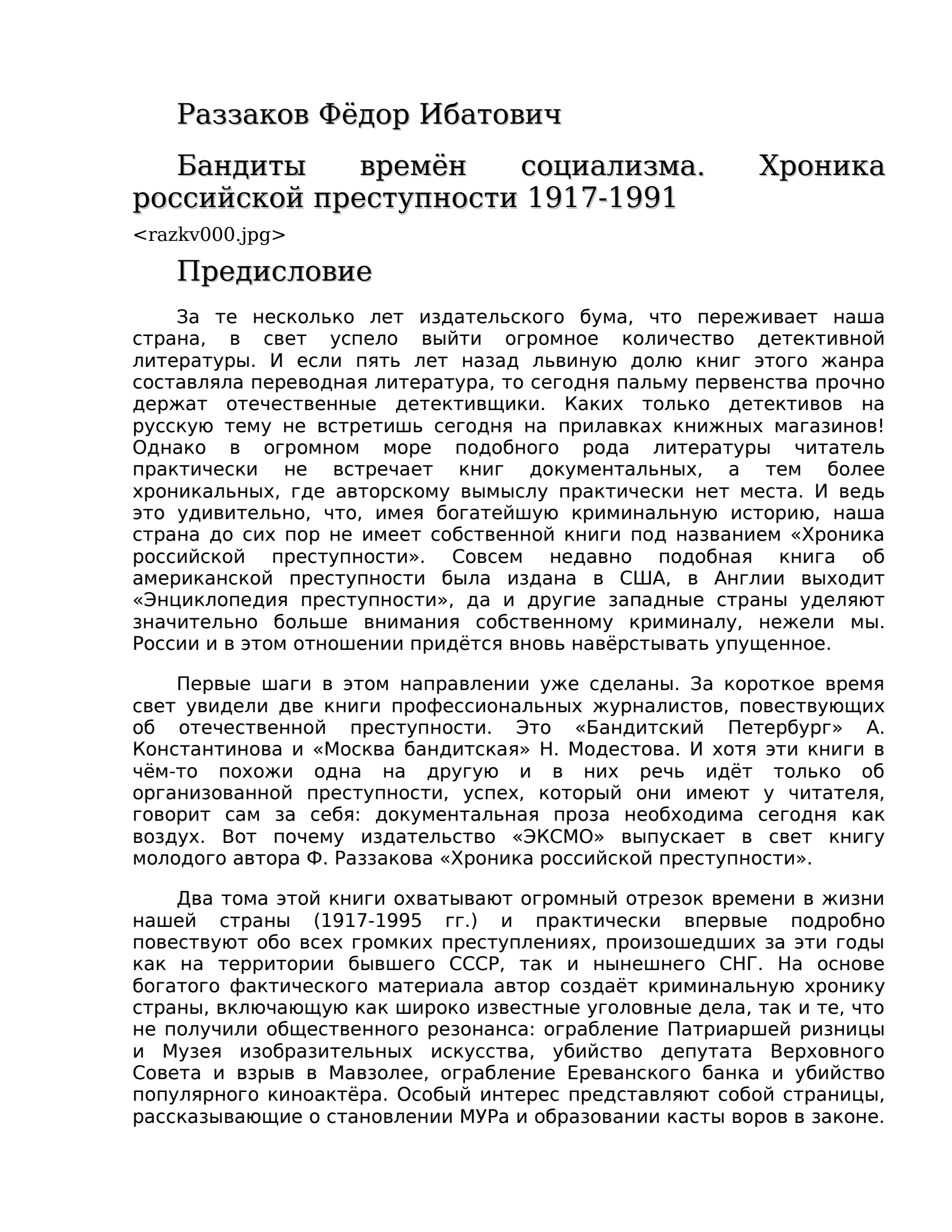
Раззаков Фёдор Ибатович

Бандиты времён социализма. Хроника российской преступности 1917-1991



Предисловие

За те несколько лет издательского бума, что переживает наша страна, в свет успело выйти огромное количество детективной литературы. И если пять лет назад львиную долю книг этого жанра составляла переводная литература, то сегодня пальму первенства прочно держат отечественные детективщики. Каких только детективов на русскую тему не встретишь сегодня на прилавках книжных магазинов! Однако в огромном море подобного рода литературы читатель практически не встречает книг документальных, а тем более хроникальных, где авторскому вымыслу практически нет места. И ведь это удивительно, что, имея богатейшую криминальную историю, наша страна до сих пор не имеет собственной книги под названием «Хроника российской преступности». Совсем недавно подобная книга об американской преступности была издана в США, в Англии выходит «Энциклопедия преступности», да и другие западные страны уделяют значительно больше внимания собственному криминалу, нежели мы. России и в этом отношении придётся вновь навёрстывать упущенное.

Первые шаги в этом направлении уже сделаны. За короткое время свет увидели две книги профессиональных журналистов, повествующих об отечественной преступности. Это «Бандитский Петербург» А. Константинова и «Москва бандитская» Н. Модестова. И хотя эти книги в чём-то похожи одна на другую и в них речь идёт только об организованной преступности, успех, который они имеют у читателя, говорит сам за себя: документальная проза необходима сегодня как воздух. Вот почему издательство «ЭКСМО» выпускает в свет книгу молодого автора Ф. Раззакова «Хроника российской преступности».

Два тома этой книги охватывают огромный отрезок времени в жизни нашей страны (1917-1995 гг.) и практически впервые подробно повествуют обо всех громких преступлениях, произошедших за эти годы как на территории бывшего СССР, так и нынешнего СНГ. На основе богатого фактического материала автор создаёт криминальную хронику страны, включающую как широко известные уголовные дела, так и те, что не получили общественного резонанса: ограбление Патриаршей ризницы и Музея изобразительных искусства, убийство депутата Верховного Совета и взрыв в Мавзолее, ограбление Ереванского банка и убийство популярного киноактёра. Особый интерес представляют собой страницы, рассказывающие о становлении МУРа и образовании касты воров в законе.

Среди антигероев этой книги: знаменитые налётчики Яков Кошельков и Лёнька Пантелеев, лжеполковник Павленко и бандит Митин, валютчик Рокотов и маньяк Ионесян, фальшивомонетчик Баранов и братья-бандиты Толстопятовы. Всё это и многое другое читатель найдёт в книге «Бандиты времён социализма».

<razkv002.jpg>

Фёдор Ибатович Раззаков

Первые банды Республики Советов

Ограбление Патриаршей ризницы. Банда Сабана, Кошелькова, Вани Белки и др. Ленька Пантелеев. Банда Котова. «Веер дьявола» Мишки Культяпого. Кража из Музея им. А. С. Пушкина.

Ушедшая в небытие в феврале 1917 года великая царская Россия оставила новым правителям довольно пёстрый и профессиональный уголовный мир. Но лучшее, что смогла сделать новая демократическая власть с этим миром, это тут же объявить ему в марте 17-го года всеобщую амнистию. После неё тысячи уголовников заполонили Россию от края и до края, и той же весной преступность в стране сделала небывалый скачок. Если весной 1916 года в Москве было совершено 3618 преступлений, то в тот же период 17-го - свыше 20 тысяч. Если в 1913 году в Москве в день поступало до 20 заявлений о крупных кражах, то с весны 1917 года - больше сотни. То же самое происходило и с убийствами. В том же 1913-м из каждых ста осуждённых менее всего убийц оказывалось в Москве.

В 1913 году в Швейцарии на Международном криминалистическом конгрессе Московская сыскная полиция (её тогда возглавлял Аркадий Францевич Кошко) была признана лучшей в мире. Раскрываемость преступлений в Москве составляла 52%. А ведь до прихода в московскую сыскную полицию А. Кошко (май 1908 г.) дела обстояли крайне скверно. Её начальник был уличён во взятках и полном развале сыскного дела. Прошло всего пять лет, и московские сыщики обогнали своих коллег из Санкт-Петербурга и достойно представили Россию на конгрессе в Швейцарии.

После февраля 17-го убийства в Белокаменной выросли в 10 раз, а раскрываемость их равнялась практически нулю. Можно сказать, что кровавая бойня на фронте дала жестокие уроки убийств, грабежей и насилия миллионам людей. И вот тогда россияне, стеная и плача под бандитскими ножами и обрезами, призвали к власти партию порядка - большевиков. Большевики, не обременённые никакими буржуазными привычками типа «суда присяжных» или «презумпции невиновности» и приравняв любое уголовное преступление к категории политического, железной рукой принялись наводить порядок в стране. 28 октября (10 ноября) 1917 года была создана советская милиция. 20 декабря того же

года появляется ВЧК.

Первым заведующим Управлением милиции НКВД РСФСР, а затем начальником Главного управления милиции стал большевик с 1912 года Андрей Дижбит. При нём Главное управление состояло из пяти отделов: общего (наружная служба и контроль за порядком на улицах), инструкторского, снабжения, информационного и культурно-просветительного. Уголовный розыск тогда находился в ведении Народного комиссариата юстиции. Правда, уже при Дижбите по его настоянию перед правительством был поставлен вопрос об объединении сил в руках Наркомата внутренних дел. Вскоре уголовный розыск перешёл в ведение НКВД. Случилось это в октябре 18-го. До Октябрьской революции в преступном мире России существовали четыре устойчивые касты уголовников: «иваны», «храпы», «игроки» и «шпанка». «Иванами» звали себя те, кто занимался грабежами, кто всегда стремился к лидерству и вёл себя достаточно агрессивно по отношению к другим заключённым. «Храпы» были любителями загребать жар чужими руками, их благосостояние базировалось на активном обмане своих же товарищей по заключению. «Игроками» назывались карточные и иные шулера, самые интеллигентные и образованные люди в преступной среде. И, наконец, четвёртая каста - «шпанка» - представляла собой низшее сословие заключённых, всеми презираемое и гонимое.

Октябрьская революция и гражданская война заметно пополнили армию уголовных преступников России за счёт представителей мелкой буржуазии, анархистов и проигравших войну белогвардейцев. И всё же первый эшелон этой многочисленной армии составляли тогда преступники с давним, ещё дореволюционным уголовным прошлым. «Иваны», объединявшиеся в банды, буквально терроризировали население не только мелких провинциальных городов, но и таких, как Москва и Петроград. Поэтому неоценимую услугу молодой советской правоохранительной системе могли бы оказать в борьбе с разнузданным бандитизмом старые специалисты, асы царского сыска. Когда в январе 1918 года из Патриаршей ризницы Московского Кремля преступники похитили изумруды, сапфиры, редкие бриллианты, Евангелие 1648 года в золотом окладе с бриллиантами, Евангелие XII века, золотую чашу весом 34 фунта и много других ценностей на общую сумму 30 миллионов рублей, огромную помощь в поимке преступников московским сыщикам оказал Иван Свитнев из Саратова, до февраля 1917 года служивший надзирателем саратовского сыскного отделения.

Как было установлено в ходе предварительного следствия, преступники проникли в ризницу через окно со стороны Царь-колокола. Никаких особенных зацепок, по которым можно было бы определить личность преступников, на месте преступления найдено не было. Перед совершенно не обученными сыщиками МУРа встала трудная задача: в хаосе тех лет найти и задержать преступников.

Первое, что сделали сыщики, - установили контроль за всеми

рынками сбыта антиквариата в Москве. Судя по всему, преступники совершали ограбление с единственной целью - нажиться, поэтому они должны были попытаться продать похищенное как можно быстрее. К тому же они явно не придавали серьёзного значения сыскным подразделениям новой власти, считая, что царским сыщикам равноценной замены всё равно нет. На этом, собственно, они и прокололись.

Первую партию украденных драгоценностей преступники решили продать в далёком от Москвы Саратове. Действовали они при этом не особенно осторожно - отдали золотые украшения двум перекупщикам и договорились, что ровно через три дня в ресторане «Товарищество» встретятся для получения денег. Однако перекупщики сразу попали в поле зрения местной милиции, которая почти в каждой гостинице или ресторане имела своих негласных агентов. Один из них и заприметил 12 марта 1918 года мужчину и женщину, которые с рук предлагали людям купить у них драгоценности. Буквально через час после этого оба торговца были задержаны и доставлены к заместителю начальника саратовской милиции Ивану Свитневу.

Свитнев спросил у задержанных, откуда у них эти драгоценности. Те ответили, что получили их из рук некоего Самарина, которого до этого никогда не видели. Мол, наше дело маленькое, мы должны были только продать «камешки» и взять себе определённый процент со сделки. А львиную долю должны были через три дня передать Самарину.

Свитнев прекрасно понимал, что ждать три дня бессмысленно. Этот Самарин вполне мог узнать об аресте перекупщиков и скрыться из города. Однако как его найти, не имея почти никаких примет личности, кроме тех, что описали перекупщики? А их показания были весьма расплывчаты. И тогда на помощь Свитневу пришёл его прошлый сыскной опыт.

Он внезапно вспомнил, что года три назад в Саратов из Москвы приезжал известный вор Константин Полежаев, который купил себе часть дома № 6 на Рождественской улице и прописался там под фамилией Самарин. Может быть, это было обычным совпадением, однако Свитнев решил всё-таки проверить. В тот же день с группой своих людей он приехал на Рождественскую улицу.

Никаких особенных улик против Самарина не было, однако Свитнев действовал решительно. Прямо с порога он заявил, что хозяин дома подозревается в торговле драгоценностями. Свитнев предложил ему добровольно выдать их милиции. Самарин ответил отказом. И тогда в его доме был произведён обыск, который привёл к неожиданному результату.

Во время обыска было обнаружено несколько килограммов золотых украшений, драгоценности, изуродованные чаши и другая церковная утварь.

Как правильно понял Свитнев, всё это было явно похищено из какого-

то церковного хранилища. На первом же допросе он спросил об этом Полежаева-Самарина, и тот признался, что похитил эти вещи в Патриаршей ризнице в Москве. Причём он настаивал, что действовал один. Однако в этой настойчивости он явно переусердствовал, и Свитнев сразу заподозрил неладное. Но допросить задержанного во второй раз он так и не успел: той же ночью Полежаев-Самарин повесился в камере. И тогда Свитнев отправился в Москву.

Как выяснилось в Москве, ушедший в мир иной Константин Полежаев принадлежал к преступному клану семейства Полежаевых. Его отец и мать были скупщиками краденого, а три родных брата - профессиональными ворами. Одного из них, Александра, убили при попытке бегства из тюрьмы, однако остальные двое были живы-здоровы и, вполне вероятно, могли участвовать в ограблении ризницы.

В ходе дальнейших поисков выяснилось, что отец и мать Полежаевы давно уже в Москве не жили, а поселились в Богородской губернии. Один из их сыновей, старший, Алексей, в мае 1917 года был осуждён и теперь отбывал срок в Омском исправдоме. Таким образом, совершить ограбление ризницы он не мог. Значит, следовало искать последнего брата Полежаева - Дмитрия. Однако поиски его растянулись на несколько месяцев. В ходе этого расследования выяснилось следующее.

С января 1918 года в дачном посёлке Красково под Москвой проживал некто Виктор Попов, выдававший себя за коммерсанта. Вместе со своей любовницей он снял дом у местного жителя Жбанкова и весьма щедро с ним за это расплатился. Этим богатым коммерсантом и оказался разыскиваемый Дмитрий Полежаев.

Однако, когда сыщики нагрянули к нему в дом, его там не оказалось. Вместе со своей любовницей он отправился отдохнуть на юга - в Ялту. Сыщики не стали медлить и в тот же день, произведя в доме и вокруг него тщательный обыск, нашли многие вещи из числа тех, что были похищены из Патриаршей ризницы.

Дмитрия Полежаева арестовали через несколько дней. Загоревший и отдохнувший, он сошёл с электрички и прямо на платформе попал в руки оперативных работников МУРа. Так завершилось дело, в котором особую роль сыграл опытный сыщик с дореволюционным стажем Иван Свитнев.

Однако в большинстве случаев Советская власть относилась к старым специалистам с недоверием, а порой и откровенной враждебностью. Руководство НКВД в своих директивных документах подчёркивало, что на службе в уголовно-розыскных отделениях ни в коем случае не должны находиться лица, хотя бы незаменимые специалисты, работавшие в политическом сыске до Октябрьской революции. Такие люди, подчёркивалось в документах, должны быть немедленно уволены.

И всё же, даже несмотря на столь грозные директивы, многие как

губернские, так и центральные розыскные органы НКВД первое время шли на контакт со старыми спецами и активно привлекали их к работе. Примером была Москва. Здесь во главе угрозыска встал профессионал царского сыска К. Н. Маршалк, до 1917 года возглавлявший Московскую уголовную полицию. Правда, период сотрудничества с ним длился недолго. Вскоре К. Маршалк, чувствуя, что над ним сгущаются тучи, бежал в Финляндию, и его место занял проверенный большевик К. Розенталь. В результате раскрываемость преступлений в МУРе той поры составляла всего 15 процентов.

В Москве самой многочисленной бандой в 1917 - 1919 годах была банда Николая Михайловича Сафонова по кличке Сабан, у которого был немалый уголовный опыт, несколько судимостей, годы каторжных работ. За два года существования эта банда, в неё входили 34 человека, совершила несколько десятков вооружённых нападений, награбив денег и ценностей на сумму свыше 4,5 миллиона рублей.

Главаря банды нельзя было упрекнуть в отсутствии дерзости. Прослышав однажды, что его активно разыскивают сотрудники 27-го отделения милиции, Сабан явился в отделение и, выхватив бомбу, буквально разогнал всех сотрудников по углам.

Не останавливалась банда и перед убийствами. На Дмитровском шоссе она ограбила на 1,5 миллиона рублей семью фабриканта Иванова и перед уходом хладнокровно лишила жизни всех её членов. Но самым громким преступлением этой банды стали убийства 24 января 1919 года 16 постовых милиционеров. Все они были уничтожены в самое короткое время из проезжающей машины в районах Долгоруковской улицы, Оружейного переулка, Лесной улицы и Тверской заставы. Убийства совершались предельно просто и хладнокровно: налётчики подзывали постового к машине, справлялись у него, как проехать в какой-нибудь переулок, и в тот момент, когда милиционер собирался ответить, производили в упор несколько выстрелов. Эти преступления породили среди москвичей слухи о неких «чёрных мстителях», убивающих исключительно милиционеров. Постовые тогда отказывались дежурить в одиночку, что вызвало соединение нескольких сторожевых единиц в пикете. На поиски бандитов были подняты лучшие силы московского угро. Но с первого раза Сабана взять не удалось: ранив одного сыщика, он сумел выскользнуть из расставленной для него ловушки.

После этого он отправился в Лебедянь Липецкой области, где во время ссоры зверски вырезал семью своей родной сестры, состоявшей из восьми человек. Там его и схватили. Жители города потребовали от властей казнить изувера прилюдно, что и было тотчас сделано. Однако, несмотря на гибель вожака, банда не распалась и, возглавляемая теперь бывшим каторжником Павлом Морозовым по кличке Паша Новодеревенский, продолжила своё кровавое ремесло. До весны 1920 года она совершила несколько десятков ограблений и убила более 30 человек. Так, в доме № 16 по Банном переулку и в доме № 14 близ

Рогожской заставы бандиты вывели свои жертвы в сарай и зарубили всех топором. Было убито 10 человек. Чуть позже на платформе Соколовская Ярославской железной дороги они ограбили местную аптеку и изнасиловали жену аптекаря. Свидетели этого преступления смогли выбежать из аптеки и подняли шум. В ответ разъярённые налётчики явились на платформу и хладнокровно убили 10 человек, служащих железной дороги.

Уголовная секция МЧК и МУР буквально сбились с ног в поисках неуловимых налётчиков. И до весны 1920 года большинство членов этой банды были или переловлены, или уничтожены. Лишь Павел Морозов пока избегал всех ловушек. И кто знает, сколь долог был бы его преступный путь, если бы не случай: во время ссоры с рядовым членом банды Иваном Барабановым по кличке Вороной Морозов был убит.

Не менее известным преступником, чем Сабан и Морозов, являлся в те годы Яков Кузнецов по кличке Яшка Кошельков. Его банда насчитывала 18 человек и в 1918 - 1919 годах наводила страх на москвичей.

Отец Кошелькова был каторжником, осуждённым за разбойные нападения, и умер в Сибири. Сам Яшка к 1917 году имел за плечами 10 судимостей. После нескольких удачных ограблений Кошелькова в октябре 1918 года схватили в городе Вязьме, и он готовился к самому худшему. Верные друзья не дали пропасть своему главарю. Когда Кошелькова этапировали в московскую чрезвычайку под конвоем трёх человек, бандиты на Мясницкой вручили ему буханку хлеба, в которой был спрятан револьвер. Получив такой «хлебец», Кошельков через минуту убил двух конвоиров и скрылся.

19 января 1919 года Яков Кошельков мог бы изменить весь ход советской истории. В тот день ему попался сам Председатель Совнаркома Владимир Ульянов-Ленин. Случилось это на Сокольническом шоссе близ Краснохолмского моста, когда Ленин ехал в своём автомобиле в одну из школ. Кошельков лично разоружил именитого пассажира (правда, не зная, кто это), отобрав у него документы. После этого он отпустил Ленина, его сестру Марию Ильиничну и водителя. Сам же с товарищами сел в их автомобиль и продолжил путь.

Однако, проехав несколько километров и узнав из отобранных документов, кого он отпустил, Кошельков спешно вернулся назад, но Ленина уже и след простыл.

Через три дня, 22 января 1919 года, зампредседателя ВЧК Яков Петерс собрал экстренное совещание представителей ВЧК, МЧК, Моссовета, уголовного розыска и ряда общественных организаций, на котором был выработан общий план борьбы с бандитизмом. После совещания борьба стала поистине беспощадной. В приказе Московского окружного комиссариата по военным делам говорилось следующее: «Всем военным властям и учреждениям народной милиции в пределах линии

Московской окружной железной дороги расстреливать уличённых и захваченных на месте преступления виновных в грабежах и насилиях».

Спустя неделю в Москве была ликвидирована группа бандитов, принадлежащих к банде Кошелькова. Но сам главарь по-прежнему оставался недосягаем для сыщиков.

Между тем в отличие от Сабана и Морозова Кошельков старался не убивать мирных граждан, в основном он вымещал злость на сотрудниках милиции и чекистах. Так, узнав однажды адрес особо активного в его поимке сотрудника уголовной секции МЧК Ведерникова, Кошельков с сообщниками явился к тому на квартиру и застрелил на глазах родных и близких. 14 марта 1919 года он убил на Плющихе двух комиссаров МЧК. 1 мая на Воздвиженке такая же участь постигла троих милиционеров.

Небывалый размах бандитизма вынудил правительство бросить на борьбу с ним свои лучшие силы. 30 марта 1919 года наркомом внутренних дел РСФСР становится председатель ВЧК Феликс Дзержинский. По его рекомендации к руководству Московским уголовным розыском приходит бывший матрос с «Рюрика», а ныне чекист Александр Трепалов. Он проводит беспощадную чистку в угро, уволив из него сразу около 15 человек. Не чураясь черновой работы, сам участвует во многих операциях МУРа. Так, в 1918 году с двумя оперативниками отправляется в бандитское чрево Москвы - на Хитров рынок, чтобы лично взять местного «короля» бандитов Михаила Селезнёва по кличке Ночной Король Хивы. Держал под своим контролем А. Трепалов и операцию по поимке Якова Кошелькова.

10 мая 1919 года в кофейной у Пречистенских ворот сотрудники уголовной секции МЧК «сели на хвост» Кошелькову и его сообщникам Мартазину, Хохлову и Иванову. В завязавшейся перестрелке Хохлов был убит, Иванов задержан, но Кошельков с Мартазиным скрылись на лихаче.

Через девять дней ситуация повторилась. В Конюшковском переулке была накрыта кошельковская «блатхата». В перестрелке трое бандитов были убиты, а Кошельков всё с тем же Мартазиным, выбив оконную раму, скрылись. Через три недели после этого, как бы в отместку за свои рисковые прыжки, Кошельков со товарищи совершил вооружённый налёт на контору Афинерного завода на Донской улице, сорвав куш в 3,5 фунта золота и 4 фунта платины. Но погулять на это золотишко Кошелькову уже не довелось. 21 июня 1919 года московские сыщики из угро и МЧК через своих осведомителей узнали о новой явке Кошелькова в доме № 8 по Старому Божедомскому переулку. Операцию по поимке опасного бандита возглавил лично начальник МУРа А.Трепалов. В пять часов вечера Кошельков и его товарищ Емельянов по кличке Барин попались в ловко расставленные сети. Но, услышав команду «Руки вверх», бандиты сдаваться не стали, а применили оружие. В завязавшейся перестрелке Барин был убит наповал, а Кошельков тяжело ранен. Его смерть наступила через 18 часов утром 22 июня 1919 года.

Это была одна из самых успешных операций тогдашнего МУРа, который вёл негласную борьбу за свой авторитет с уголовной секцией МЧК. Чекисты уже тогда были поставлены на ступень выше, чем сотрудники милиции, и даже продуктовые пайки, в которых у чекистов присутствовали редкие по тем временам масло и сахар, зримо подчёркивали это.

Несмотря на то что волну бандитизма в Москве удалось несколько сбить, в 1920 году при МУРе появилась специальная бригада из 15 человек, которая занималась исключительно бандитскими группировками. В неё вошли проверенные бойцы сыскного дела: Н.Осипов, Г. Иванов. И. Кириллович, А. Ефимов, Н. Ножницкий, И. Клебанов, И. Родионов, М. Марзанов, А. Бухрадзе, Д. Кипиани, Я. Саксаганский, Н. Безруков и др.

В 1920 году количество вооружённых грабежей по сравнению с 1919 годом в Москве сократилось в 3 раза, а невооружённых ограблений - в 9 раз. Число убийств уменьшилось на одну треть. К 1921 году было ликвидировано значительное количество банд, терроризировавших город более трёх лет. Одно перечисление их заняло бы у нас не одну страницу. Поэтому ограничимся лишь кратким списком самых известных и крупных банд.

Банда Ивана Гусева по кличке Гусёк насчитывала в своих рядах 13 человек и действовала в районе Петровского парка и Бутырской заставы. Ликвидирована в конце 1919 года.

Банда Фёдора Прокофьева по кличке Графчик действовала в районе Екатерининского парка и Пименовской улицы. Ликвидирована весной 1920 года. Банда Ивана Савостьянова по кличке Краснощёков насчитывала 41 человека и действовала по всей Москве. Ликвидирована в конце 1919 года.

Банда Николая Константинова по кличке Хрящик насчитывала 10 человек и действовала на Дмитровском шоссе, за Бутырской заставой, в сёлах Останкино и Свиблово. Ликвидирована в конце 1919 года.

Банда Ивана Румянцева по кличке Матрос насчитывала 20 человек и действовала в том же районе, что и банда Хрящика, но спустя полгода после её ликвидации. Уничтожена в середине 1920 года.

Банда Бориса Бондарева по кличке Бондарь в количестве 10 человек действовала в районе Марьиной рощи и Неглинного проезда. Ликвидирована в конце 1920 года.

Банда латышей, насчитывавшая 13 человек во главе с Александром Соло по кличке Донатыч, действовала в центре Москвы до лета 1920 года.

В октябре 1920 года в Москве объявилась «банда шофёров». Она состояла из 20 человек, а название своё получила из-за того, что, как

оказалось, почти все её участники были шофёрами и служили в различных советских учреждениях. Главарями банды были шофёр гаража Реввоенсовета Республики Владимир Иванов и шофёр гаража ГВИУ Павел Голышев. Так как бандиты принадлежали к шофёрской профессии, большинство своих преступлений они совершили «на колёсах». Так, в октябре 1920 года в Третьяковском проезде восемь членов банды напали на автомобиль Народного банка и, убив конвоира, похитили 287 миллионов рублей.

Несколько позднее члены этой же банды, разъезжая по улицам Москвы на автомобиле, выбирали красивых женщин и под видом ареста увозили их за Дорогомиловскую заставу, где, угрожая оружием, насиловали. Таких случаев за несколько дней набралось четыре.

В 1920 году в МУРе было 6 территориальных, районных отделений. Седьмое носило название губернского и занималось преступлениями, совершёнными в области. Восьмое отделение именовалось железнодорожным. Кроме того, в состав МУРа входили: отряд по борьбе с карманными кражами, стол приводов, питомник служебного собаководства, тюрьма и телеграф.

В начале 20-х в Москве началось изучение причин преступности, буквально захлестнувшей столицу. В 1922 году Административный отдел Моссовета привлёк к этой работе группу учёных. Результаты своего исследования они изложили в сборнике «Преступный мир Москвы». Это был первый научный труд при Советской власти, обобщивший не только состояние преступности в столице, но и практику работы правоохранительных органов.

Ещё через год при МУРе был создан научный кабинет по изучению преступности и преступника, который стал первым научным учреждением в системе органов внутренних дел.

После того как в конце 1921 года по бандитствующим элементам в Москве был нанесён существенный удар, большинство из них решили сменить место своей дислокации и перебрались в Северную Пальмиру - Петроград. С этого момента волна преступности перекинулась в город на Неве.

Надо отметить, что и до этого Петроград не уступал Москве по части чрезвычайной криминогенности, и бандиты Питера ничем не уступали своим московским коллегам. Были и там свои знаменитости. Один из таких - Иван Белов по кличке Ванька Белка, банда которого в течение двух лет орудовала в петроградских пригородах. Их зверства по отношению к чекистам и милиционерам не знали себе равных. К примеру, попавшийся в их руки инспектор уголовного розыска Александр Скальберг принял поистине мученическую смерть: его четвертовали.

Всего же к весне 1921 года на совести банды Белки было уже 27

убийств, 18 раненых и больше 200 краж, разбоев и грабежей.

Эту банду выследили с помощью внедрённого в преступную среду агента ленинградского угро Ивана Бодунова (это именно ему писатель Юрий Герман посвятил свою повесть «Наш друг Иван Бодунов», а его сын А. Герман затем снял фильм «Мой друг Иван Лапшин»). В течение нескольких месяцев Бодунов вращался в бандитской среде, пока осенью 1921 года не установил точный адрес «блатхаты» Белова - Лиговский проспект, 102. Туда и нагрянули затем чекисты и сыщики угро. В том бою бандитов практически не жалели. В результате на месте были убиты сам Иван Белов, его супруга и около десяти членов банды. Однако конец одной банды не мог снять проблему бандитизма в Петрограде в целом.

После того как в конце 1921 года волна бандитизма вновь захлестнула Петроград, Москва срочно выслала туда подмогу: в город выехала уголовная секция МЧК. В результате этого за первые четыре месяца 1922 года в городе было ликвидировано 5 вооружённых банд численностью до 150 человек, из которых 63 были расстреляны.

Особенные хлопоты петроградским сыщикам доставлял, несомненно, самый знаменитый налётчик того времени Леонид Пантёлкин по кличке Лёнька Пантелеев. В отличие от налётчиков-любителей, которых в те годы развелось в достаточном количестве, Пантелеев был налётчиком-профессионалом, наделённым недюжинным организаторским талантом. В его банде насчитывалось около десятка человек, действовала строгая дисциплина и тщательная конспирация. Немалую помощь в этом оказывало Пантелееву то, что был он до недавнего времени не кем-нибудь, а сотрудником ГПУ.

Приобщение Пантелеева к бандитскому ремеслу произошло при весьма необычных обстоятельствах. Мы уже упоминали о том, что до 1921 года он работал рядовым сотрудником ГПУ. Однако в один злополучный для Пантелеева день, когда он с другом решил посетить, любопытства ради, один из ленинградских притонов, там произошла чекистская облава. В числе многих задержанных оказался и Пантелеев. Узнав об этом, начальство тут же приняло в отношении его карательные меры, и Пантелеева в одночасье уволили из органов. Это было настоящим ударом для 23-летнего юноши. С таким клеймом уволенный из органов за дискредитацию звания не мог найти работу - его теперь никто не решался оформить к себе на постоянную должность. Для Пантелеева потянулись мучительные месяцы ожидания на ленинградской бирже труда. Однако дни тянулись, работу ему так и не предлагали. Зато нашлись на бирже труда друзья - такие же, как и он, молодые люди, выброшенные судьбой на обочину жизни. Среди них был и Дмитрий Гавриков, ставший для Пантелеева чуть ли не родным братом.

Вместе с ним и двумя другими сообщниками Пантелеев и пошёл на своё первое ограбление. Случилось это 4 марта 1922 года, и первой жертвой этой банды стал богатый ленинградский меховщик Богачёв.

Ограбление прошло настолько гладко, что Пантелеев со товарищи решил не останавливаться на достигнутом. Ровно через две недели после первого преступления, 18 марта, они «грабанули» квартиру доктора Грилихеса. И вновь это сошло им с рук. После этого длинная череда дерзких ограблений, совершаемых бандой Пантелеева, буквально потрясла Петроград. Причём потрясёнными и обезумевшими от страха оказались новые советские буржуа, нэпманы, а простой люд был буквально в восторге от дерзости и лихости «потрошителя богатых», эдакого Робин Гуда советской поры - Леньки Пантелеева.

Отметим, что, в отличие от многих иных налётчиков той поры, Пантелеев никогда не скрывал своего настоящего имени и при каждом налёте оповещал свои жертвы о том, кто их ограбил. Это был его своеобразный вызов бывшим коллегам по ГПУ, которые буквально сбивались с ног в поисках неуловимого Леньки и его друзей.

Выгодно отличался Ленька от своих коллег-налётчиков и тем, что был довольно скромен и непритязателен в быту. Он не пил и любил всего лишь одну женщину, бухгалтершу, с которой судьба свела его ещё в пору работы в ГПУ. Она знала о новой «работе» своего возлюбленного, сильно переживала за него, но он никогда не давал повода чекистам уличить её в пособничестве.

В августе 1922 года Пантелеев совершил два вооружённых налёта прямо на улице, средь бела дня. Во время одного из них он убил человека - первого на своём веку. Им оказался милиционер Борзов. Дело обстояло так. Ситуация складывалась для Пантелеева и Гаврикова неудачно. Завязалась перестрелка между налётчиками и сыщиками, в результате которой Гавриков был ранен в руку. Спасаясь от погони, друзья забежали в одну из аптек, чтобы на ходу перевязать рану. Один из сыщиков, случайно оказавшийся на дороге у бандитов, заметил, куда они зашли. Не теряя времени, он бросился в ближайшее отделение милиции. Вскоре к аптеке подъехала машина с шестью вооружёнными милиционерами. Когда они ворвались в аптеку, Гаврикову ещё перевязывали рану, а Пантелеев сидел на лавке с револьвером в руке. Увидев, кого принесла нелёгкая, Ленька не раздумывая пустил в дело оружие и убил первого же вбежавшего в помещение милиционера. Остальные на несколько секунд опешили, и этого времени Пантелееву и Гаврикову вполне хватило на то, чтобы, выбив оконную раму, выскочить на улицу. Поймать их после этого так и не удалось.

После этого убийства Пантелеев буквально обезумел. Первая кровь развязала ему руки. Когда однажды на улице его опознал один из милиционеров и попытался самолично задержать, Ленька вырвался из рук стража порядка и, недолго думая, застрелил его. Следом за милиционером он убил ни в чём не повинную старушку, возвращавшуюся с базара, а также шофёра, который увёз его под дулом пистолета с места происшествия.

И всё же, несмотря на все ухищрения, к осени 1922 года кольцо вокруг него сжималось всё сильнее и сильнее. В сентябре на одной из «блатхат» чекистам наконец удалось задержать Пантелеева, а вместе с ним и Гаврикова, Лысенкова и Рейнтона. Одного милиционера во время ареста Пантелеев всё-таки убил. Арестованных поместили в «Кресты» под надёжную охрану. Советская судебная машина начала готовиться к шумному процессу над знаменитым бандитом. Однако фортуна не изменила налётчику даже в тюрьме. В ней нашёлся человек, готовый за хорошее вознаграждение (золото, бриллианты и помощь в устройстве его побега за границу) вызволить Пантелеева и его друзей из тюрьмы. Этим человеком оказался заместитель начальника тюрьмы. Получив обещанные драгоценности, он тут же подписал бумаги об освобождении бандитов. Так в ночь на 11 ноября 1922 года Ленька Пантелеев со товарищи оказался на свободе.

Между тем в отличие от Пантелеева тюремному начальнику повезло гораздо меньше. Бандиты «кинули» его и так и не помогли переправиться за границу. Тогда он предпринял эту попытку сам, но был схвачен и через месяц расстрелян по приговору военного трибунала.

А Пантелеев тем временем, очутившись на свободе, вновь окунулся с головой в кровавую вакханалию налётов и грабежей. Уголовный розыск и ГПУ опять сбивались с ног, выискивая по «блатхатам» удачливого авантюриста. Неоднократно сыщики сталкивались с Пантелеевым нос к носу, один раз даже ранили его в руку, но поймать так и не могли. А Пантелеев, как будто пьянея от азарта этой охоты на него, входил в ещё больший раж и исступление. За январь 1923 года он совершил 10 убийств, около 20 уличных грабежей и 15 вооружённых налётов. И во всех случаях пускал в ход свой револьвер не раздумывая.

Однажды, придя в один из притонов, где на него была устроена засада, он почуял неладное уже на пороге. Не давая времени никому опомниться, он выхватил пистолет и тут же убил хозяйку притона, оперативника, ранил второго и, выскочив во двор, по пути убил дворника, подметавшего улицу.

Зная о том, что Пантелеев «трясёт» поздних лихачей, чекисты решили устроить ему здесь засаду. Двое вооружённых оперативников, одна из них была женщина, сели в пролётку и помчались по вечерним улицам Питера. Однако здесь Пантелеев оказался хитрее своих преследователей. Его реакция оказалась быстрее, и оба оперативника оказались убитыми наповал.

Но вечно так продолжаться, конечно, не могло. Конец должен был наступить, и он наступил. 12 февраля 1923 года Пантелеев и Гавриков уверенно шли на одну из надёжных своих «блатхат» на Можайской улице. Между тем на ней уже давно дежурила чекистская засада. И как только бандиты переступили порог квартиры, из комнаты ударил дружный залп, и Пантелеев с Гавриковым рухнули на дощатый пол.

Случилось это ночью, а уже вечером 13 февраля в газете «Красная звезда» было помещено срочное сообщение под заголовком: «Арест Леньки Пантелеева». В нём сообщалось: «В ночь с 12 на 13 февраля ударной группой по борьбе с бандитизмом при Петроградском губернском отделе Г.П.У. с участием Уголовного розыска после долгих поисков пойман известный бандит, прославившийся за последнее время своими зверскими убийствами и налётами Леонид Пантелкин, по кличке Ленька Пантелеев. При аресте Ленька оказал отчаянное вооружённое сопротивление, во время которого был УБИТ.

Вместе с Пантелеевым задержан и другой бандит, Мишка Корявый, который во время сопротивления ранен в шею. Задержаны также соучастник Пантелеева известный громила-взломщик Сашка Пан и целый ряд соучастников и укрывателей...»

Но даже после этого сообщения власти, зная о тех легендах, которые ходили в городе вокруг неуловимого Пантелеева, сознавали, что окончательно развеять всякие домысли о живучести этого бандита может только показательная акция. Поэтому и был разрешён общественности доступ в морг, где в течение нескольких дней лежал труп Пантелеева.

Между тем с введением в стране нэпа ситуация вновь начала меняться, причём отнюдь не в лучшую сторону. Расслоение общества, появление целой прослойки новых советских буржуа не могло не сказаться на росте преступности. В Москве в структуре МУРа вновь была воссоздана бригада по борьбе с бандитизмом. И хотя ситуация 1918 - 1920 годов повториться уже не могла, но обстановка в стране заметно усложнилась. В Москве того времени самыми известными бандитами стали Мишка Курносов и Гаврилов по кличке Землянчик, банда которого грабила кооперативы и магазины в столице и Твери.

В Питере самым громким преступлением 1923 года было вооружённое ограбление Кожевенного синдиката. Тогда государственные учреждения не сдавали ежедневно деньги в банки, поэтому в их кассах хранились немалые суммы. Вот и из кассы Кожевенного синдиката преступники в тот день похитили 96 тысяч рублей. Фабула преступления была такова.

Средь бела дня к зданию синдиката подкатили три пролётки, из которых выскочили семеро вооружённых пистолетами людей. Один из них, не раздумывая, для большего эффекта швырнул в витрину синдиката гранату. Раздался оглушительный взрыв, и стеклянная витрина разбилась вдребезги. После этого налётчики ворвались в помещение и под дулами пистолетов заставили всех служащих, а их было сорок человек, лечь на пол. При этом все грабители стреляли в потолок и ругались.

Забрав из кассы три мешка денег, налётчики ещё немного постреляли, после чего выбежали на улицу и, сев всё в те же пролётки, умчались прочь.

Следствие по этому делу шло несколько месяцев. У сыщиков не было ни одной серьёзной зацепки, по которой можно было выйти на грабителей. И кто знает, когда бы возмездие свершилось, если бы не случай. Однажды кассир ограбленного синдиката зашёл отдохнуть в ресторан «Квисисана», за одним из столиков он опознал в мужчине главаря налётчиков и тут же позвонил в милицию. Главаря взяли через несколько минут в том же ресторане. После этого задержали и остальных шестерых соучастников.

Как выяснилось в ходе следствия, главарём оказался некто Сизов. Он упорно настаивал на политических мотивах ограбления, выдавал себя за члена партии эсеров. Говорил, будто эти средства нужны были для партийных нужд. Однако, как оказалось, все деньги у него пошли на развлечения. Причём сыщиков поразил тот факт, что из 96 тысяч рублей Сизову досталось целых 70. Остальные грабители довольствовались двумя тысячами на брата (по две тысячи рублей получили и извозчики, нанятые налётчиками).

Между тем после убийства Леньки Пантелеева в феврале 1923 года бандитизм в Питере постепенно сходил на нет. Последней крупной вооружённой преступной группировкой в городе была банда Жорки Александрова, за которой числилось 39 крупных ограблений ювелирных магазинов, банков, ломбардов. Начиная свою бандитскую карьеру ещё до революции, Александров сумел по-настоящему развернуться только во времена нэпа. Когда его поймали, весь Ленинград следил за судебным процессом над ним и его сообщниками. Их всех приговорили к расстрелу и лишь самого юного участника банды, который обычно во время налётов стоял на стрёме, решили помиловать и дали ему несколько лет тюрьмы.

Между тем самой безжалостной бандой начала 20-х годов была банда Василия Котова. Её главарь родился в 1884 году в деревне Суходол Вяземского уезда Смоленской губернии, в неблагополучной семье. Его отец и трое братьев регулярно нарушали закон и неоднократно попадали за решётку. Во время одной из таких отсидок отец скончался, и воспитанием младшего, Василия, занялись старшие братья. В результате уже в 12 лет тот попался на краже и угодил в исправдом. С этого момента из тюрем Василий практически не выходил.

В 1918 году он был отпущен на свободу новой властью как «жертва царского режима» и принялся за разграбление помещичьих усадеб. Его ближайшим сообщником в этом деле был уроженец Белгородского уезда Курской губернии Григорий Морозов, который ещё в 1903 году обагрил свои руки кровью полицейского. Именно под влиянием этого человека банда Котова и стала совершать массовые убийства ни в чём не повинных людей.

Одно из первых подобного рода преступлений бандиты совершили в Курске - на родине главаря. Случилось это в Казанской слободе в ноябре 1920 года. Под покровом ночи бандиты подошли к одному из домов и

постучались и дверь. В качестве приманки выступила 20-летняя любовница Котова, дочь служащего железнодорожного депо на станции Курск Серафима Винокурова. Сообщив разбуженным хозяевам, что она оказалась жертвой ограбления, Винокурова попросила пустить её на ночлег. И сердобольные хозяева дома по фамилии Лукьяновы открыли ей дверь.

Ворвавшиеся в дом бандиты не пожалели никого и после ограбления убили топором (излюбленное орудие Морозова) всех пятерых. Над детьми «смилостивились» и завязали им тряпками глаза, чтобы те не видели ни смерть родителей, ни свою собственную.

После этого жестокого преступления бандитов уже ничто не сдерживало. В январе 1921 года они ворвались в дом всё в том же Курске, на этот раз в Стрелецкой слободе, и застали там сразу 16 человек. Дом принадлежал одному китайцу, и к тому в тот вечер на огонёк зашли его соплеменники. Однако даже такое количество людей не испугало преступников. Они связали их всех по рукам и ногам, а затем хладнокровно раскроили им черепа с помощью всё того же топора.

Прошёл всего лишь месяц после этого зверства, и преступники вновь, прогуляв награбленное, вышли на охоту. В том же Курске на Хуторской улице они ограбили и убили семью из шести человек. Таким образом, всего лишь за три месяца банда Котова отправила на тот свет 27 человек.

Курский уголовный розыск был абсолютно беспомощен в деле поимки жестоких убийц, что вполне объяснимо. В те годы провинциальные службы российского угро практически не имели у себя ни профессиональных сыщиков, ни каких-либо технических средств. Поэтому банда Котова абсолютно безнаказанно творила свои зверства во многих регионах России. Так, летом и осенью 1921 года они убили две семьи по пять человек каждая в деревне Видное Гжатского уезда и близ станции Уваровка (все в Смоленской губернии). Возле станции Батюшково они уничтожили шестерых хуторян Яковлевых, после чего отправились в Калужскую губернию и в Боровском уезде зарубили сразу 16 человек из семей хуторянина Лазарева и его работника. Затем бандиты вновь вернулись в пределы Курской губернии и за пару месяцев убили ещё 27 человек.

В конце 1921 года бандиты наведались и в Подмосковье, а именно - в Бородинскую область Можайского уезда. Действовали по хорошо отработанному сценарию: Винокурова стучалась в дверь, а Котов и Морозов врывались в дом. В тот раз ими были убиты пятеро членов семьи Соловьёвых.

В январе 1922 года бандиты вновь объявились в Гжатском уезде, где убили всю семью Мешалкиных. Счёт их жертв уже приближался к сотне, а конца кровавым злодеяниям видно пока не было. Но тут преступники, видимо, окончательно уверовавшие в свою безнаказанность, совершили

просчёт. В конце января 1922 года они впервые «наследили» в Москве: на Поклонной горе зарубили семью Морозовых из 6 человек. Несмотря на то что, уходя, бандиты подожгли разграбленный дом, сыщики из МУРа сумели установить приблизительную картину преступления. Однако ни один из местных преступников, известных МУРу, под этот почерк не подпадал. Стало ясно, что это дело рук заезжих гастролёров. И в это время в Москве произошло ещё одно подобное преступление.

В доме № 53 по Нижне-Красносельской улице были убиты ударами топора по голове трое членов семьи Малица и мужчина, снимавший у них одну из комнат. И на этот раз, уходя с места преступления, преступники попытались поджечь квартиру.

Сыщики МУРа подняли на ноги всю свою агентуру в уголовной среде, однако личность хотя бы одного из членов жестокой банды установить так и не удалось. К тому же молчали региональные отделения угро, на территории которых произошли подобного рода преступления. Поэтому оставалось только ждать, что рано или поздно, но преступники совершат роковую для себя ошибку.

Тем временем в мае 1922 года банда Котова вновь объявилась в Гжатском уезде Смоленской губернии - на этот раз жертвой преступления стал всего один человек - 50-летняя хуторянка Федотова. Перед тем как её убить, Морозов изнасиловал несчастную. В отличие от Котова, который всегда имел под рукой любовницу Винокурову, Морозов был один как перст, поэтому никогда не упускал возможности изнасиловать кого-нибудь из жертв. Причём её возраст не играл для него абсолютно никакой роли.

Между тем после убийств в Москве столичные сыщики отправили во все региональные отделения угро запросы о том, чтобы в столицу сообщались все случаи подобного рода убийств. И первыми такое сообщение отправили гжатские сыщики. Однако, пока это сообщение шло в Москву, бандиты совершили очередное зверство - на этот раз возле подмосковной станции Паликово в Верейском уезде. Причём на этот раз они действовали несколько иначе, чем в других случаях.

Представившись хозяевам дома сотрудниками местной милиции, они сообщили, что намерены произвести в их доме обыск. После этого, потрясая перед ошеломлёнными хуторянами револьверами, преступники связали всем восьмерым руки за спиной и отвели в дом. В это время во двор вошли трое молодых людей, которые возвращались с охоты и случайно оказались в этих местах. Этих людей бандиты тоже арестовали и присоединили к хуторянам.

После того как все ценные вещи были вынесены из дома и погружены на телеги, Морозов вновь взялся за топор. Однако на этот раз бдительность ему изменила. На полу дома лежали одиннадцать человек, и, когда Морозов ударом топора убил первого из них, главу семейства,

остальные жертвы, крича и плача, стали расползаться в разные стороны. Морозов бросился за ними и стал на ходу убивать их одного за другим. Однако в пылу погони он не заметил, как одна из жертв, 16-летняя дочь владельца дома по имени Христина, сумела закатиться под кровать, а там заползла под стойки, на которых была сложена печь. Это и спасло ей жизнь. Таким образом, впервые за полтора года своей деятельности банда Котова оставила в живых свидетеля своих преступлений.

Чудом уцелевшая девушка сумела весьма подробно описать всех преступников, среди которых оказалось трое мужчин и одна молодая женщина. Сыщики МУРа бросились наводить справки об этих людях, пытаясь отыскать их имена в списках преступников, известных ещё с царских времён. Но, пока наводились справки, банда Котова кровавым смерчем пронеслась по Подмосковью, успев за три недели убить 32 человека в Воскресенском и Наро-Фоминском уездах. В последнем они убили семью из 13 человек, большую часть которых составляли дети. После этих убийств во всех уездах прошли массовые выступления крестьян, которые требовали от местной власти немедленной поимки извергов. Власти в свою очередь обратились за помощью в Москву.

К тому времени в МУРе уже скопилась достаточная база данных о деяниях этой банды. Но так как преступники предпочитали действовать во многих областях, было решено отправить в ряд из них опытнейших сыщиков. Так, в Гжатский уезд был откомандирован агент МУРа Э. Степанов. Именно ему и удалось с помощью местных жителей установить дом, в котором бандиты оставили часть награбленного в семье Яковлевых. Владельцем этого дома оказался 19-летний Иван Крылов. После нескольких изнурительных допросов нервы парня не выдержали, и он сознался в том, что несколько раз участвовал с разыскиваемыми преступниками в грабежах и убийствах. Назвал он и их имена - Василий Смирнов и Иван Иванов. Причём внешний облик этих людей абсолютно точно сходился с описанием Христины.

Получив искомые имена, сыщики МУРа просмотрели всю свою, а также общероссийскую картотеку, но даже упоминания об этих людях не нашли. Тут пришла догадка, что бандиты могли умело маскироваться под вымышленными именами. Напасть на их след можно было, только подключив к этому делу всю общесоюзную агентуру. Что и было сделано.

В ноябре 1922 года из-под Киева пришло сообщение: мужчина и женщина, похожие по описаниям на разыскиваемых, находятся здесь. Получив это сообщение, в МУРе удивились: почему только двое, ведь в банде был твёрдый костяк - три человека? Однако в Москве ещё не знали, что одного участника банды, Григория Морозова, к тому времени уже не было в живых: 23 сентября в лесу под подмосковной Апрелевкой Котов лично пристрелил из револьвера своего соратника. Видимо, опасения относительно того, что рано или поздно садист Морозов доберётся и до него, подвигли Котова первым взяться за оружие. Но спасти Котова от заслуженного возмездия это всё равно уже не могло. Через полтора

месяца после этого выстрела его и его любовницу сыщики МУРа всё-таки схватили в городке Нежин Черниговской губернии.

Суд над Котовым, Винокуровой и Крыловым состоялся в 1923 году в московском Ревтрибунале. Несмотря на то что все они в один голос утверждали, что основным убийцей 116 человек был покойный Морозов, избежать высшей меры наказания им так и не удалось. В те годы революционное правосудие карало подобного рода преступников безжалостно.

В те же самые дни, когда в Москве решалась судьба Василия Котова и его подельников, в Сибири зверствовал ещё один массовый душегуб - Михаил Осипов по кличке Культяпый.

Многих извергов знавала до этого земля российская, однако этот был особенным. Убивать людей доставляло ему истинное удовольствие, и он всегда делал это сам, не доверяя никому из своих подельников. Причём он не жалел никого: ни детей, ни женщин, ни стариков. Убивал целыми семьями, даже домашних животных не оставлял в живых. После злодеяний всегда оставлял свою «визитную карточку»: разложенные веером трупы на полу. Именно эта примета и навела сибирских сыщиков на мысль о том, что убийца - явно профессионал. Стали копаться в царских архивах и вскоре установили, что веером трупы раскладывал только один человек - Михаил Осипов, уроженец Пермской области. В деле была найдена даже его фотография, с которой на людей смотрел обаятельный молодой человек интеллигентной наружности. У него и кличка в преступной среде была именно такая - Интеллигент. Культяпым он стал несколько позднее.

Поймали же этого изверга с интеллигентной наружностью, на счету которого было более сотни загубленных человеческих жизней, можно сказать, случайно. В Уфе Осипов с подельниками совершили налёт на комиссионный магазин прямо в центре города. Всех людей, находившихся там, бандиты связали и, как и положено, уложили веером на полу. Но в этот момент в магазин вошёл местный священник отец Георгий. В своё время он занимался французской борьбой, и теперь прошлое увлечение ему весьма пригодилось. Сбив с ног сразу нескольких бандитов, он выскочил на улицу и поднял такой шум, что к месту происшествия сбежались все окрестные милиционеры. Осипов сдался, надеясь на то, что ему удастся прикрыться чужим именем. Однако его подвёл «веер», про который сыщики уже знали. В 1924 году Михаила Осипова и его ближайших сподвижников расстреляли.

Тем временем нэп «развращал» не только бандитов. В те времена резко вверх пошла кривая взяточничества в рядах самой милиции. Кое-кого нэпманы покупали буквально «с потрохами». Во многих отделениях милиции к задержанным применялось насилие. В этом отношении весьма показателен случай, происшедший тогда в Москве с самим членом Центральной контрольной комиссии партии, членом Верховного суда СССР

Ароном Сольцем. Однажды он ехал в трамвае без билета. Его поймали контролёры, он полез в карман за документами, но оказалось, что Сольц их оставил дома. Попытался объяснить это контролёрам, однако они были неумолимы и с шумом препроводили его в ближайшее отделение милиции.

Очутившись там, Сольц искренне надеялся, что уж тут всё окончательно прояснится, перед ним извинятся и отпустят. Однако действительность оказалась куда ужасней, чем предполагал видный член партии. Когда он попытался объяснить милиционерам, кто он такой, те в ответ грубо оборвали его, обозвали «жидом» и, применяя рукоприкладство, затащили в кутузку. Там Арон Сольц провёл несколько мучительных часов, деля крышу с настоящими преступниками.

Когда вскоре ситуация с личностью Сольца прояснилась и его выпустили с извинениями на свободу, он первым делом пошёл к Феликсу Дзержинскому, грозному председателю ВЧК. Тот выслушал рассказ своего товарища по партии и, не теряя ни секунды, взяв с собой с десяток чекистов, лично отправился в злополучное отделение. Явившись туда, Дзержинский арестовал начальника, весь штат милиционеров уволил, а само помещение приказал заколотить досками до лучших времён.

Однако отметим, что подобный случай был всего лишь редким исключением. Москва тем временем жила по-нэпмановски. В ней чуть ли не в открытую работали публичные дома. Самыми известными были два: «Мадам Люсьен» на Рождественском бульваре и «Генеральша» в Благовещенском переулке. Буквально второе дыхание обрели в нэпмановской Москве воры, всевозможные мошенники и грабители. Во многих руках начало «говорить» оставшееся с гражданской войны оружие.

В 1925 году трое вооружённых мужчин ворвались в кассу типографии «Искра революции» и захватили все деньги. Но их отъезд с места преступления видели местные мальчишки. Они и описали муровцам автомобиль преступников. Им оказался редкий по тем временам автомобиль «ганза». Найти его в одном из гаражей на Большой Якиманке было уже делом техники.

С приобщением России к европейским благам увеличилось и число таких преступлений, как грабежи музеев. В конце 20-х самыми известными были два таких ограбления.

Первое произошло 22 апреля 1927 года в Москве. В ночь на Пасху из Музея изящных искусств им. А. С. Пушкина были похищены пять картин, представлявших огромную художественную ценность: «Бичевание Христа» Дж. Пизано, «Христос» Рембрандта, «Се человек» Тициана, «Святое семейство» Корреджо и «Иоанн Богослов» Дольчи.

Прибывшие по вызову музейных работников сыщики МУРа

установили, что преступник действовал весьма умело и нагло. Проникнув на галерею музея, он дождался момента, когда зазвенели колокола пасхального благовеста, и обыкновенным булыжником разбил стекло в одном из окон. Так как в те годы никакой охраны в музее не было (и это при том, что ещё в 1923 году из его Египетского зала было похищено 238 золотых предметов!), злоумышленник действовал безо всякой боязни быть обнаруженным. Открыв окно, он проник внутрь музея и вскоре оказался в демонстрационном зале. Там он достал нож и с его помощью вырезал из рам все пять картин. После этого он покинул музей тем же путём, каким туда пришёл.

Никаких существенных следов преступник на месте преступления не оставил. Единственное, что удалось обнаружить сыщикам, - записка, которую грабитель прикрепил за раму одной из похищенных картин. На листке бумаги было начертано: «Христос мёртв, быть смертию жизнь оживися». Кто-то из сыщиков по этой записке определил, что к краже вполне могут быть причастны служители церкви. Однако эта версия просуществовала недолго.

В августе 1927 года в МУРе внезапно появился коммерсант из Италии, который принёс с собой... одну из похищенных картин - «Бичевание Христа». Когда его спросили, откуда у него эта картина, коммерсант поведал сыщикам такую историю:

Утром в гостиницу «Метрополь», где он снимал номер, явился посыльный, который вручил ему небольшую посылку. В ней оказалась та самая картина и письмо, в котором неизвестный отправитель сообщал, что он согласен за небольшую, чисто символическую плату отдать этот шедевр коммерсанту, чтобы тот увёз картину на её истинную родину - в Италию. Однако искушённый в подобного рода делах коммерсант не стал рисковать своей репутацией и поспешил заявить об этом советским властям. Так сыщикам стало понятно, что картины попали в руки непрофессионала, и тот явно не знает, как от них избавиться. Однако напасть на его след не удавалось вплоть до 1930 года.

Грабитель навёл на себя сыщиков сам. Был он весьма азартным игроком на бегах и сутками не вылезал с ипподрома. В большинстве случаев ему везло, однако в один из дней 1930 года он проигрался, что называется, в пух. И тогда он попросил одного своего знакомого дать ему денег в долг, а в качестве залога предложил ему... бесценную картину. Об этом предложении тогда же стало известно многим обитателям ипподрома, в том числе и негласному агенту МУРа. Тот, естественно, и доложил куда следует. В тот же день грабитель был арестован.

Как выяснилось, этим человеком оказался некто Фёдорович, который в своё время входил в банду петроградских «потрошителей музеев» во главе со Шварцем. Они давно планировали ограбить Музей изящных искусств, однако в 1926 году большую часть банды переловили сыщики, и Фёдорович вынужден был пойти на дело в одиночку. Все похищенные

картины он сложил в небольшой чемоданчик и некоторое время хранил в камере хранения нескольких московских вокзалов. Но после того как закончилась провалом затея с итальянским коммерсантом, Фёдорович решил спрятать оставшиеся у него картины подальше и поглубже. Засунул их в жестяные банки и зарыл в землю в двух местах: в Покровском-Стрешневе и в двух километрах от деревни Ягличево Малинского (ныне Ступинского) района Подмосковья. Это захоронение затем дорого обошлось шедеврам: три картины были сильно повреждены и лишь «Христос» Рембрандта почти не пострадал. В 1933 году именно эту картину и продали в одну из частных американских коллекций.

Вторая кража произошла в конце тех же 20-х в Ленинграде в самом Эрмитаже. Там тогда была собрана уникальная коллекция антиквариата, специально для иностранных гостей. Поздним вечером, когда музей закрылся и охранник остался только в вестибюле, преступник забрался на карниз здания и подобрался к окнам демонстрационного зала. Алмазом разрезав стекло, он с помощью пластыря бесшумно выдавил его и проник внутрь. Сложив драгоценности в мешок (на сумму в 330 тысяч рублей), грабитель перекинул его через плечо и удалился тем же способом, каким и пришёл. Спустившись вниз, он зашёл в подвал, сменил там всю одежду и обувь и был таков.

Пропажу обнаружили только утром следующего дня. Создали следственную бригаду. И вскоре вышли на преступника. В этом сыщикам помог клей, которым был обмазан пластырь. Он был самодельным, сваренным из картофельного крахмала, пшеничной муки и столярного клея. Сыщик Алексей Кошелев (в 1951 году он возглавит МУР) нашёл в архивах дело десятилетней давности, в котором использовался точно такой же клей. Так было установлено имя грабителя, проживавшего тогда на Украине.

Не менее громким было и ограбление крупнейшего магазина в Москве «Меха», что на углу Столешникова переулка и Большой Дмитровки. Случилось это летом 1928 года. Преступники проявили чудеса изобретательности и не стали вскрывать замки или ломать витрины. Они прорыли подкоп в подвал магазина из соседней котельной и унесли мехов на сумму 22 тысячи рублей.

Это дело взяла в своё производство единственная женщина-следователь в МУРе - Екатерина Максимова. Подкоп был уникальным в своём роде. Ранее такого никогда ещё не случалось. Сделать это мог только технически грамотный человек. Удача же пришла к сыщикам неожиданно.

На одной из «малин» муровцы арестовали мужчину с забинтованными руками. Тот объяснил, что поранил руки в драке. Однако сыщики решили по-другому и предположили, что руки тот мог поранить во время подкопа.

Между тем арестованный, находясь в тюрьме, не выдержал и решил

дать весточку своим друзьям. Через освобождаемого из заключения мужчину он отправил на волю записку. Но муровцы были начеку. Так был установлен адрес подельников арестованного. Там проживал Станислав Швабе, как оказалось, сын бывшего начальника московской сыскной полиции и главный организатор ограбления магазина.

Тем временем - хоть и не так часто, как десять лет назад - в Москве продолжали иногда греметь бандитские выстрелы. Зимой 1929 года в Бобровом переулке был убит выстрелом из пистолета кассир района Фролов. Преступник похитил у него чемодан с 28 тысячами рублей. Столь дерзкое и жестокое преступление подняло на ноги буквально весь МУР. Сыщики работали не покладая рук и вскоре задержали грабителей. Ими оказались некие Маргеладзе и Шмидт. Последний и был главным инициатором преступления. К этой акции они готовились два месяца, тщательно изучали маршрут движения Фролова, его привычки. Достав наконец револьвер, бандиты решили осуществить задуманное. Суд приговорил их к расстрелу.

Преступления времён Великой Отечественной

Борьба с бандитизмом. Дело А. Харитоновой. МГБ против МВД. Лжеполковник Н. Павленко. Дело Мосминводторга.

Великая Отечественная война сплотила всех, кому дороги были свобода и честь Отечества. Даже преступники готовы были бить врага до победного конца. Генерал К. Рокоссовский, до войны сам познавший ужас тюремных застенков, обратился к И. Сталину с предложением сформировать из уголовников специальные подразделения для борьбы с фашистами. Сталин дал добро. Штрафбаты создали летом 1942 года, и они буквально наводили ужас на врага. Правда, и потери в этих подразделениях были огромны. Используемые в виде «пушечного мяса», уголовники чуть ли не голыми руками воевали с врагом, рискуя получить пулю и от немцев - в грудь, и от своих - в спину.

Однако отметим, что участие некоторых уголовников в войне в скором времени раскололо надвое преступный мир страны. Получившие оружие из рук власти («ссучившиеся») уголовники по старым воровским понятиям предавали главную идею блатного мира - не идти ни на какие сделки с государством. Впереди теперь маячила долгая и жестокая «сучья» война.

С самого начала войны уголовному розыску страны пришлось столкнуться с новыми видами преступлений: дезертирством, мародёрством, распространением провокационных слухов. Московский уголовный розыск в годы войны возглавляли два человека: комиссары милиции 3-го ранга К. Рудин и А. Урусов. Авторитет МУРа и в годы войны оставался на том же высоком уровне, что и прежде. Когда в начале 1942 года волна бандитизма захлестнула Среднюю Азию, включая города

Ташкент, Фрунзе, Алма-Ату, Джамбул, Чимкент и др., ГКС НКВД СССР командировал в Ташкент бригаду Главного управления милиции во главе с начальником отдела уголовного розыска по раскрытию опасных преступлений Александром Михайловичем Овчинниковым. Почти месяц эта бригада помогала ташкентским сыщикам обезвредить ряд крупных вооружённых банд в городе и окрестностях. С пойманными бандитами особо не церемонились - просто ставили к стенке.

Москва тогда помогала не только людьми, но и советом. 3 сентября 1942 года в органы милиции на местах был направлен обзор опыта борьбы с преступностью в стране за первый год войны. Он содержал не только анализ состояния преступности, но и разбор тактики, применяемой преступниками в условиях военного времени.

В 1943 году к руководству уголовным розыском страны пришёл упоминавшийся нами ранее А. М. Овчинников, один из лучших сыщиков того времени. Уроженец Пермской области, А.Овчинников начинал свою карьеру в милиции с должности участкового инспектора в Кунгуре. Затем там же он был начальником милицейского конного резерва. В 1938 году он стал начальником городской милиции Свердловска. Перед войной работал в НКВД Армении. С января 1941 года - в ГУУР НКВД СССР.

Став главным сыщиком страны, Овчинников собрал под своим крылом лучших специалистов розыскного дела. Он перевёл к себе из МУРа Николая Осипова, участвовавшего в раскрытии в декабре 1936 года в Мелекессе убийства депутата Марии Прониной. В ГУУР были также переведены: начальник угро Казахстана Иосиф Татаринов и начальник угро Красноярского края Михаил Титаренко (в 1949 году именно он сменит А. Овчинникова на посту начальника ГУУР).

Преступность в Москве военных лет была по тем временам довольно высокой. Грабили квартиры, убивали людей (благо с оружием теперь не было проблем), «чистили» магазины и склады железнодорожных орсов. Злачные места Москвы буквально кишели блатным людом. Самыми криминогенными местами считались Марьина Роща и особенно Тишинский рынок. Как вспоминал писатель Эдуард Хруцкий, «перед кровавыми подвигами Тишинки бледнела слава Марьиной Рощи, Вахрущенки и Даниловской заставы. Я по сей день помню это пугающее скопище человеческой нечисти. На территории этой была своя иерархия и даже некая «форменная одежда».

Ниже всех стояли уголовные солдаты-огольцы. Они ходили в синих кепках-малокозырках, в скомканных «в гармошку» хромовых сапогах, и белый шарф на шее, и, конечно, золотой зуб-фикса. Для нас, мальчишек, они были особенно опасны: могли запросто отобрать продовольственные карточки, если тебя родители послали в магазин, снять шапку, отнять билеты в кино. Они шныряли по рынку, выполняя указания «солидняков». Местного ворья...»

В конце войны, в ноябре 1944 года, силами ГБ и московской милиции, с привлечением значительных армейских сил на Тишинском рынке была устроена грандиозная облава. По словам всё того же Э. Хруцкого, «после неё разбежались, сгинули огольцы, исчезли мордатые спекулянты, залегли на дно воры в законе. Карательная машина государства, имевшего уникальный опыт массовых посадок, сработала безукоризненно. После этой облавы мы ещё долго находили в проходных дворах деньги, финки, кастеты и даже пистолеты... С массовым бандитизмом в Москве было покончено за полгода.

Брали всех. Бандитов ставили к стенке или отправляли на Север, а тех, кто, возможно, сталкивался с ними случайно, забирали по статье 59-3 как бандпособников...»

Война высвечивала как лучшие, так и худшие качества людей. Были и тогда среди преступников свои «монстры». И даже женщины, в частности, москвичка, некая Анастасия Харитонова. Её уголовное дело стало одним из самых громких дел в практике МУРа тех лет.

Семья Харитоновых (муж, жена и двое мальчиков-близнецов - Володя и Витя) жили до войны на Хорошевском шоссе. В 1941 году глава семейства ушёл на фронт, а Анастасия Харитонова с детьми эвакуировалась. Мальчикам в тот год было по 7 лет. Вернувшись в 43-м из эвакуации в Москву, Анастасия встретила мужчину, с которым решила создать новую семью. Однако сделать это ей мешали уже подросшие дети. И Харитонова задумала от них избавиться. Поначалу она не решалась выгнать ребят из дома сама и поэтому всеми силами создавала такие ситуации, чтобы они это сделали добровольно. Она била их нещадно за малейшую провинность, морила голодом. Затем, видя, что это не помогает, стала действовать более энергично. Увезя детей в Горький, она оставила их там и приехала в Москву. Но местная милиция вернула мальчиков обратно. Тогда Харитонова увезла сыновей в лес и бросила. К сожалению, мальчики самостоятельно нашли дорогу назад. Развязка в этой жуткой истории наступила в апреле 1944 года.

19 апреля Харитонова сказала детям, что отвезёт их в Хотьково к тёте Анне. Доехав до станции, все трое отправились пешком к дому родственницы. Когда они шли по мосту над рекой Пажой, Харитонова неожиданно столкнула детей в воду. Не умея плавать, оба мальчика утонули. Харитонова вернулась в Москву и сообщила соседям, будто дети остались у сестры. Однако та через несколько дней приехала в Москву, и соседи поинтересовались здоровьем мальчиков. Анна ответила, что не видела детей больше месяца и их к ней никто не привозил. Почуяв неладное, соседи сообщили обо всём в милицию. После нескольких изнурительных допросов Харитонова созналась в убийстве детей. Суд приговорил её к длительному тюремному заключению, так как закон тогда не позволял её расстрелять.

9 июля 1945 года народный комиссар внутренних дел СССР

Лаврентий Берия был удостоен высокого звания Маршала Советского Союза за самоотверженную работу на благо Родины в годы Великой Отечественной войны. Через пять месяцев после этого, 29 декабря, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении Л. Берии с поста наркома. По личному распоряжению И. Сталина Берия отныне должен был целиком сосредоточиться на работе в Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркоме СССР.

Первоначально Л. Берия продолжал курировать систему правоохранительных органов в стране, но уже в 1946 году в связи с усилением позиций А. Жданова эти функции у него были отобраны, он сохранил за собой лишь контроль за Комиссией по атомной энергии. Пошатнулись связи Берии и в самом МГБ, куда в 1946 году вместо давнего друга В. Меркулова председателем пришёл Виктор Абакумов, в своё время арестованный Берией, но в 1940 году ушедший из-под его опеки в Управление особых отделов РККА. И только в МВД СССР министром оставался Сергей Круглов, имевший с Берией тесную рабочую связь с ноября 1938 года, когда 31-летний С. Круглов пришёл служить в НКВД под начало только что назначенного на пост наркома Берии. Теперь, в 1945 году, С. Круглов сменил своего патрона в кресле наркома, и именно на его долю выпала обязанность существенно перестроить органы внутренних дел страны в послевоенный период.

Так как борьба с преступностью в первые послевоенные годы значительно осложнялась массовой миграцией населения - возвращающихся из эвакуации, демобилизованных, репатриантов, - то в этих условиях первостепенное значение имели все направления деятельности милиции: охрана прав и интересов граждан; предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений; борьба с расхитителями, спекулянтами и взяточниками; борьба с детской беспризорностью; обеспечение безопасности дорожного движения; соблюдение требований паспортной и разрешительной систем.

В 1946 году серьёзной реорганизации подвергся уголовный розыск страны. Отдел уголовного розыска Главного управления милиции МВД СССР был преобразован в Управление уголовного розыска (УУР), деятельность которого стала строиться по территориальному принципу. На УУР возлагалась задача организации борьбы со всеми видами уголовных преступлений на всей территории СССР. Начальником УУР оставался А. М. Овчинников.

МУР в первые послевоенные годы возглавлял Иван Васильевич Парфентьев, начальник строгий и сыщик, как говорится, от Бога. Оперативных работников он подбирал себе так, как не каждый мужчина подбирает себе жену.

Реорганизация коснулась тогда и отдела БХСС Главного управления милиции МВД СССР. В 1947 году этот отдел был преобразован в Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности и

спекуляцией.

В августе 1947 года реорганизации подверглись подразделения милиции Москвы, столиц союзных республик, Ленинграда, а также Архангельска, Мурманска и Владивостока: они организовывались по войсковому принципу и на них распространялись уставы Советской Армии.

В феврале 1948 года в составе Главного управления милиции МВД СССР и при республиканских, краевых и областных УМВД появились следственные отделы, основной задачей которых стало расследование уголовных дел, возбуждаемых оперативными отделами милиции.

Между тем давнее соперничество органов МВД и МГБ в 1949 году вылилось в то, что МГБ вновь поглотило советскую милицию, подчинив её себе, как это уже было в 1930 году. Теперь Главное управление милиции МГБ СССР состояло из трёх управлений: управления милицейской службы, на которое возлагались функции охраны общественного порядка и общественной безопасности, а также проведение административных мероприятий по исполнению законов и распоряжений центральных и местных органов власти; управления по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией; управления уголовного сыска (так тогда именовался уголовный розыск). Кроме того, был создан ряд отделов по видам деятельности милиции.

Преобразовав центральный аппарат милиции, МГБ упразднило как не оправдавший себя зональный принцип руководства местными органами сыска, введя линейный (по видам преступлений). Теперь при республиканских, краевых и областных управлениях милиции были образованы учётно-регистрационные отделы, ведавшие статистикой.

Переподчинение милиции столь мощному ведомству, каким являлось МГБ, конечно, сыграло свою положительную роль, но всё же не смогло снять всех проблем.

Даже в годы знаменитого сталинского порядка не переводились на Руси уникальные преступники. Одним из таких был Николай Павленко. Встречавшийся с ним сорок лет назад следователь союзной прокуратуры Сергей Михайлович Громов рассказывал: «О деле Павленко нигде публично не упоминалось. На мой взгляд, оно поучительно. Бытует мнение, что только в последние десятилетия появились крупные аферисты и мошенники. К сожалению, были они и раньше, в сталинские времена «высоких нравов». Мне довелось заниматься делами всех категорий. Это убийства, бандитизм, украинские нацисты, крупные хищения, взяточничество лиц, занимавших высокое служебное положение. Но уголовное дело по обвинению Павленко - единственное в своём роде.

В ноябре 1952 года была разоблачена и ликвидирована преступная вооружённая организация, действовавшая на протяжении 10 лет.

Её создал в марте 1942 года, в тяжёлый период Великой Отечественной войны, некий Павленко Н. М., который дезертировал из воинской части, направляемой на фронт, и через некоторое время сколотил и возглавил лжевоенно-строительную организацию под вымышленным наименованием УВР-2 (Управление военных работ). Под её крышу он собрал дезертиров, судимых ранее людей, своих родственников и приятелей. Павленко и его сообщники, воспользовавшись ротозейством и беспечностью командиров отдельных воинских частей, обманывая и подкупая тыловиков, смогли обмундировать личный состав «своей воинской части» в форму солдат, сержантов и офицеров Советской Армии, вооружить их и, находясь в тылах действующих войск, занялись массовыми хищениями и грабежами государственного, а также трофейного имущества на территориях, освобождаемых от врага. Этот поход сопровождался бесчинствами и даже самовольными расстрелами. По существу, УВР-2 представляло собой вооружённую банду.

После окончания войны Павленко разделил значительную часть награбленного имущества между своими «однополчанами», щедро наградил их через командование других частей орденами и медалями, многих «бойцов» снабдил различными подложными документами и фиктивно демобилизовал.

Как ни парадоксально, Павленко со своей лжевоинской частью дошёл почти до Берлина. Подкупив некоторых должностных лиц из числа военных комендантов в немецких городах, добился выделения для них железнодорожных вагонов и беспрепятственно вывез всё награбленное имущество летом 1945 года.

После так называемой демобилизации Павленко и его сообщники создали в Калинине артель «Пландорстрой». Он стал её председателем. Вскоре, расхитив свыше 300 тысяч рублей кооперативных денег, из Калинина скрылся, а в марте 1948 года, используя сохранившиеся у него фиктивную печать и бланки УВР-2, возродил свою организацию. Теперь уже под названием УВС (Управление военного строительства).

Основным способом массовых хищений государственных средств было заключение разного рода договоров на дорожно-строительные работы, фактически выполнявшиеся наёмными рабочими и колхозниками, вовлечёнными в эту организацию обманным путём и не подозревавшими о её подлинном характере и целях.

До разоблачения в 1952 году Павленко и другие участники УВС, используя открытый счёт в Госбанке, из сумм, выплачиваемых разными организациями за выполненные дорожно-строительные работы, расхитили свыше 30 миллионов рублей.

Павленко дезертировал из армии в звании воентехника 1-го ранга, а в последующие годы присвоил себе звание полковника. Маскировка созданной Павленко организации под воинскую часть способствовала

уклонению от финансового и иного государственного контроля за её деятельностью. В то же время наличие вооружённой охраны на объектах УВР-2 и УВС исключало проникновение на них представителей местных властей.

С целью конспирации в «части» была создана и так называемая контрразведка, начальником которой был один из главарей УВС Константинов (Константинер), выдававший себя за майора. Кроме него, носил форму инженер-майора Допкин, «начальник снабжения», в званиях офицеров ходили и некоторые другие участники этой преступной организации: Завада, Фелимонов, Щёголев и другие.

Документально установлено, что Павленко и его сообщники по разного рода липовым представлениям получили свыше 230 орденов и медалей Советского Союза.

В ноябре 1952 года, в момент ликвидации УВС, её участники располагались в Киевской, Одесской, Запорожской, Днепропетровской, Харьковской, Могилёвской областях, на территории Молдавии и Эстонии. В «штате» этой лжевоинской части числилось свыше 300 «бойцов», из них 50 вооружённая охрана. При ликвидации было конфисковано 3 ручных пулемёта, 21 винтовка и карабин, 8 автоматов, 18 пистолетов и револьверов, 5 ручных гранат и свыше 3 тысяч боевых патронов. УВС располагало и автотехникой легковыми автомобилями, грузовиками, тракторами, экскаватором. Кроме того, у «руководства» в достатке имелось фиктивных гербовых и других печатей и штампов, бланков, справок...

Павленко и другие были осуждены по приговору военного трибунала Московского военного округа. Сам «полковник» получил высшую меру наказания...»

Так что, как это ни покажется странным, но, оказывается, и во времена железного сталинского порядка могли десятилетиями безнаказанно обделывать свои дела преступные группировки типа УВС. Судя же по воспоминаниям бывалых следователей, многие из нынешних громких преступлений были известны и полстолетия назад. К примеру, в конце 40-х годов много шума наделало так называемое дело Мосминводторга. Эта организация содержала в Москве павильоны, где продавались в розлив пиво и водка. Служба в этих павильонах была настолько прибыльной, что, для того чтобы устроиться на неё, требовалось «отстегнуть» начальникам 15 тысяч рублей, а эта сумма тогда равнялась шестидесяти месячным стипендиям студента-отличника МГУ. Место же руководителя павильона оценивалось в два раза выше. Зато, устроившись в павильон или палатку, можно было с помощью элементарного недолива возместить затраты в течение одного месяца. И все оставались довольны. Продавец получал свою долю левого навара, инспектора - свою, даже районное отделение милиции было не в обиде на торг, имея свой процент от левых денег.

И вот в конце 40-х годов директора торга Федунова всё-таки взяли. Тогда этот арест навёл страху на московских барыг, правда, ненадолго. Вскоре, используя связи в Секретариате Президиума Верховного Совета СССР, Федунов был помилован и вышел на свободу. Так что система взяточничества прекрасно себя чувствовала и при Сталине. В 1950 году в Верховном суде РСФСР на взятках «погорели» несколько членов суда и консультантов. Секретарь Военной коллегии некто Буканов за деньги подписывал для преступников различные ходатайства с указанием своей немаленькой должности, и последние прикрывались этими бумагами как щитом.

Тогда же, в 40-х годах, в стране появились и первые так называемые «цеховики», владельцы подпольных цехов, где выпускалась «левая» продукция. Об этом делится своими воспоминаниями полковник юстиции в отставке А.Лискин: «И в те времена было немало людей, обуреваемых страстью лёгкой наживы. Однако в рамках тогдашней хозяйственной инфраструктуры и уголовного права гражданам СССР заниматься частным предпринимательством не дозволялось под страхом уголовного наказания. Тем не менее находились и такие, кто создавал дутые артели, подпольные цеха в колхозах и совхозах и «гнал» незамысловатый, но имевший спрос ширпотреб: плащи, свитера, кофты, чулки, носки...

Они воровали, так как никаких фондов у частников не имелось. Чтобы делать «левый» товар, скажем, бытовую резинку, они порой под официальным лозунгом об экономии на производстве сырья и материалов «совершенствовали» её изготовление на государственной фабрике. Из семи жилок, скажем, оставляли пять, а две умыкали на подпольное производство...

Были продуманы как каналы сбыта, так и система отмывания «грязных» денег. Например, преступники находили людей, выигравших крупные суммы по займам и дорогие предметы по денежно-вещевым лотереям. Подпольные миллионеры оплачивали таким счастливчикам их выигрыши двойными, а то и тройными суммами.

Однако в этих хитросплетениях, особенно при дележе добычи, возникали обострения из-за объегоривания друг друга. Но в те годы никаких разборок с применением паяльных ламп, электротока, удавок, пальбы из пистолетов и привлечения наёмных убийц теневики не применяли. По взаимному согласию дельцы подбирали трёх, с их точки зрения, наиболее уважаемых и мудрых старцев, которых и приглашали выступить в роли третейских судей».

Таким образом, корни отечественной организованной преступности следует искать в той командно-административной системе, что действовала ещё при Сталине. Ведь сложившийся порядок управления обществом и хозяйством не мог существовать без теневой экономики, которая являлась не чем иным, как передаточным звеном между организованной преступностью и советской бюрократической системой.

Другое дело, что, зная о существовании рядом с собой теневой экономики, официальная власть не давала ей возможности сильно укрепиться и расшириться и с помощью штыка раз от раза проводила профилактические мероприятия по ликвидации особо зарвавшихся теневиков. В ноябре 1952 года очередь дошла, например, до Н. Павленко. Отметим, что суммы ущерба, который наносили шайки бандитов в то время, не шли ни в какое сравнение с тем, что происходит сегодня. Специалист по организованной преступности в СССР Александр Гуров (о нём ещё пойдёт речь впереди), изучив в Мосгорсуде дела 40 бандитских групп, разоблачённых за период с 1946 по 1959 год, выяснил, что их «подвиги» куда скромнее, чем дела нынешних бандитов. Одна тогдашняя банда из 17 человек, занимавшаяся хищениями, причинила убыток на сумму в 3 тысячи рублей, что, по новому исчислению, равняется сумме... в 300 рублей.

В последний раз возвращаясь к имени Н. Павленко, отметим, что его «бойцы» так и не произвели в сторону законной власти ни одного выстрела. Может быть, поэтому именем этого великого расхитителя социалистической собственности в те годы сердобольные родители не пугали своих детишек и имя его не склонялось всуе среди простых сограждан в очередях и на коммунальных кухнях. Зато про всяких «чёрных кошек» люди судачили не переставая. Хотя на самом деле московская банда «Чёрная кошка» была всего лишь молодёжной хулиганской группировкой. В неё входили ребята 10 - 12 лет, основным занятием их был грабёж уличных палаток, в которых продавались так нужные подросткам папиросы и конфеты. Обчистив вечером палатку, ребята на прощание малевали на её стенах силуэт чёрной кошки.

Однако в отличие от «Чёрной кошки» в Москве того времени действовали и настоящие вооружённые банды, подобные банде Горбатого из знаменитого произведения братьев Вайнеров.

Борьба за власть в правительстве СССР. Банды 50-х

Банда Америки. Банда И. Митина. Арест Л. Берии. Создание КГБ. Чистки в МВД. Борьба с преступностью. Упразднение МВД СССР.

15 апреля 1949 года в Московский финансовый институт кассиры Тимакова и Никитина привезли 258 тысяч рублей зарплаты. В шесть часов вечера, когда кассиры вошли в вестибюль института, к ним приблизился молодой человек и тремя выстрелами из пистолета уложил наповал. Схватив мешок с деньгами, он выскочил на улицу и, сев в поджидавшую его у входа «победу», скрылся с места происшествия. Этим убийцей и грабителем оказался 25-летний Павел Андреев, в уголовной среде известный под экстравагантной кличкой Америка, предводитель банды из 14 человек. Эта банда долгое время занималась вооружёнными налётами на магазины и кассы Подмосковья. Но деньги, добываемые бандой после

подобных налётов, были не столь большими и проедались, пропивались её участниками в считанные недели.

Америка же мечтал о солидном куше, причём делиться ни с кем не хотел. Поэтому когда в один из апрельских дней 1949 года в ресторане «Звёздочка», что на Преображенке, к нему за столик подсел неизвестный и предложил без особых хлопот «взять» кассу финансового института, Америка сразу согласился, чем и поставил финальную точку в своей бандитской карьере. В машине, брошенной налётчиками на Башиловке, сотрудники МУРа нашли «пальчики» Америки, и с этого момента судьба его была предрешена. Но так как Павел Андреев теперь проживал по подложным документам не у родителей, а в отдельной комнате в Сокольниках, достать его муровцам удалось не сразу. Лишь после того, как в далёкой от Москвы Казани агент угрозыска по кличке Брюнет вывел своих товарищей на изготовителей фальшивых документов и оттуда ниточка протянулась в Москву, муровцы установили наконец, под какой фамилией нынче скрывается Америка. Было установлено, что Павел Андреев теперь является Никитиным и числится художником-модельщиком в Производственном комбинате МОСХа. 20 мая 1949 года в Сокольниках на квартире Америки сотрудники МУРа арестовали почти всю банду. Так и не сумел Павел Андреев вдоволь погулять на ворованные деньги, получив по суду 25 лет отсидки.

Не успело стихнуть эхо суда над бандой Америки, как Москва вновь содрогнулась от страха перед бандитскими налётами. 26 марта 1950 года трое налётчиков, представившись ни много ни мало сотрудниками МГБ, ворвались в промтоварный магазин в Тимирязевском районе и «обчистили» его кассу на 68 тысяч рублей. Поражённые такой наглостью, московские чекисты попытались по горячим следам сесть банде на «хвост», но та на некоторое время «легла на дно» и легко избежала всех неприятностей.

После того как страсти вокруг дерзкого налёта несколько улеглись, банда вновь дала о себе знать. 16 ноября 1950 года ею был ограблен магазин водного бассейна на 24,5 тысячи рублей, а 10 декабря - промтоварный магазин в Кутузовской слободе на 62 тысячи рублей. Столь солидный куш (почти 90 тысяч рублей) и дерзость банды заставили заговорить о ней всю Москву и округу. Сыщики из МГБ и МУРа буквально сбились с ног в поисках неуловимых налётчиков. По свидетельским показаниям, верховодил у них высокий белобрысый парень в коричневом кожаном пальто. На правом плече пальто кожа была вырвана треугольным клочком, а затем аккуратно зашита. Вооружён белобрысый двумя пистолетами, один из них - «ТТ». Второй преступник был низкого роста, в телогрейке, он обычно складывал в сумку все наворованные деньги. В описаниях третьего преступника свидетели путались.

Однако, даже несмотря на описание двух бандитов, сыщики так и не могли выйти на них через своих информаторов в преступной среде. Судя по всему, налётчики не имели никакого отношения к уголовному миру.

Это значительно усложняло поиски.

В МУРе были созданы две оперативные группы: одна, во главе с полковником Семёном Дегтярёвым, занималась розысками бандитов в Москве, другая, во главе с Игорем Скориным, прочёсывала область. От Москвы операцию курировал А. М. Овчинников, от области - начальник областного угро Андрей Холомин.

Между тем преступники, чувствуя свою безнаказанность и дурея от лёгких денег, стали действовать наглее и безжалостнее. 1 февраля 1951 года возле одного из промтоварных магазинов в Ховрине ими были убит оперуполномоченный местного отдела милиции Кочкин. 11 марта та же участь постигла и лейтенанта милиции Бирюкова. Вместе с последним шальные пули бандитов сразили наповал и двух случайных свидетелей - мастера одного из московских заводов и женщину.

Эти убийства средь бела дня настолько всколыхнули Москву, что партийные власти не могли оставить их безнаказанными. Первый секретарь МК ВКП(б) Никита Хрущёв собрал у себя всё руководство столичной и областной милиции и поставил вопрос ребром: либо вы ловите банду, либо каждый из вас ответит перед партией своей карьерой. В доказательство серьёзности своих слов Хрущёв тут же публично снял с должности и арестовал начальников двух райотделов милиции - Тимирязевского и Химкинского.

Но даже столь крутой разговор в кабинете главного партийного руководителя Москвы не исправил положение в лучшую сторону. Банда по-прежнему была неуловима. Продолжали звучать выстрелы и лилась невинная кровь. До февраля 1953 года (то есть в течение последующих 23 месяцев) преступники успели совершить ещё 15 вооружённых налётов, убить одного (в общей сложности - трёх) милиционера и пятерых гражданских лиц и награбить денег на сумму 292 тысячи 500 рублей. И кто знает, сколь долгим оказался бы кровавый путь этой неуловимой банды, если бы не секретный агент милиции по кличке Мишин. Именно ему выпала участь быть внедрённым в эту банду, которую взяли ранним февральским утром 1953 года. В неё входили четыре человека, а возглавлял её мастер одного из заводов в Красногорске 26-летний Иван Митин. Эта преступная группировка, наводившая ужас на Москву и область в течение почти трёх лет, была уникальна прежде всего тем, что члены её были вполне добропорядочными гражданами, числились передовиками производства и не имели никаких уголовных контактов. Последнее обстоятельство и позволяло ей просуществовать столь долгое время и путать все карты московским сыщикам. Главарь банды Митин чуть ли не под страхом смерти запретил своим подельникам «светиться» с награбленным в злачных местах столицы, и никто из них не посмел его ослушаться.

И всё же сколько верёвочке ни виться, но на каждого Горбатого находился свой Шарапов и на каждого Митина - свой Мишин.

В дни, когда банда Митина содержалась в тюрьме Лефортово, на даче в Кунцеве 5 марта 1953 года скончался Иосиф Сталин. Смерть его повергла в уныние миллионы людей, но только не его ближайших соратников из кремлёвского руководства. Один из выдающихся деятелей коммунистической системы Лаврентий Берия начал своё новое и последнее стремительное восхождение к вершинам государственного руководства.

Для того чтобы вернуть себя к руководству силовыми министерствами (МГБ и МВД), ему понадобилось всего 10 дней. 15 марта 1953 года Л. Берия в четвёртый раз за советскую историю объединяет МГБ СССР и МВД СССР в одно министерство и становится министром внутренних дел Союза. Его рвение в те дни, кажется, не знает никакого предела. Отстранённый в 1945 году от фактического руководства карательными органами, Берия теперь стремится наверстать упущенное. «Я прекратил ежовщину, - заявил он тогда. - Теперь я прекращу и игнатовщину!»

Семён Игнатьев, кадровый партийный работник, в июле 1951 года был направлен Сталиным для руководства МГБ, одновременно занимая должность заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б). Встав во главе МГБ, С. Игнатьев сделал всё от него зависящее, чтобы усилить партийный диктат над органами госбезопасности. Сотни партийных чиновников пришли в МГБ, вытесняя оттуда чекистов-профессионалов.

Став в марте 1953 года министром внутренних дел, Берия запустил колесо в обратную сторону. Полностью игнорируя прежний порядок назначения на руководящие посты (когда для этого требовалось согласие ЦК ВКП(б)), Берия стал целенаправленно удалять из МВД всех работников, прибывших из партийных органов.

На следующий день после своего назначения на пост министра Берия направляет секретарю ЦК КПСС Н. Хрущёву документ следующего содержания: «ЦК КПСС. Тов. Хрущёву Н. С. В связи с объединением органов бывшего МГБ и МВД прошу утвердить министрами внутренних дел республик, начальниками краевых и областных управлений МВД (далее следуют 892 фамилии генералов и полковников с указанием должностей, на которые они назначаются). В дальнейшем может оказаться необходимым сделать некоторые изменения в этом составе, независимо от этого представляемых товарищей необходимо утвердить. Л. Берия».

На должность начальника Главного управления милиции МВД СССР в том списке рекомендовался 52-летний кадровый чекист (в течение последних 10 лет он возглавлял пограничные войска страны) Николай Стаханов.

Реорганизационная деятельность Л.Берии на посту министра

внутренних дел продолжала набирать свои обороты. В том же марте 53-го Берия вывел из подчинения МВД строительные главки, а ГУЛАГ передал Министерству юстиции. В своём министерстве Берия оставил лишь оперативный аппарат.

На шестой день после своего назначения Берия вошёл в Совет Министров СССР с предложением прекратить строительство 20 крупных объектов (строительство гидротехнических сооружений, железных, шоссейных дорог и предприятий). 24 марта Берия пишет записку в Президиум ЦК КПСС с предложением провести в местах заключения амнистию среди осуждённых, которые не представляют для населения особой опасности, получивших за свои преступления срок до 5 лет, осуждённых независимо от срока наказания за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления, женщин, имеющих детей до 10 лет, беременных женщин, несовершеннолетних в возрасте до 18 лет, пожилых мужчин и женщин, а также больных.

Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии был принят 27 марта 1953 года, и согласно ему подлежали освобождению из лагерей и тюрем 1 181 264 человека из 2,5 миллиона осуждённых.

Но эта широкомасштабная амнистия, затеянная Берией в целях поднятия собственного престижа, проводилась в жизнь бездарно. В результате преступной халатности многих начальников лагерей и тюрем на волю были выпущены сотни опасных преступников. И в связи с тем, что паспортные ограничения были сняты в 340 городах Союза (кроме Москвы, Ленинграда, Кронштадта, Севастополя и Владивостока), криминогенная обстановка в стране резко обострилась. Многие города страны в буквальном смысле слова перешли на режим чрезвычайного положения. Даже в Москве было неспокойно. Сотрудники МУРа работали круглосуточно, отлучаясь домой лишь на несколько часов. Почти все сыщики работали на улицах города, опытным глазом определяя блатных. К осени вал преступности, захлестнувший столицу, был сбит.

Тем временем в апреле 1953 года либеральная политика нового министра внутренних дел продолжилась. Было закрыто «дело врачей», а в июне, по предложению Берии, Президиум ЦК КПСС ограничил права Особого Совещания при министре внутренних дел.

Как это ни парадоксально звучит в наше время, но именно Л. Берия, гораздо раньше Н. Хрущёва, стоял у истоков десталинизации советского общества, способствуя тому, чтобы имя Сталина постепенно исчезало со страниц массовой печати. Если в апреле и мае в передовых статьях «Правды» всё ещё встречалось имя «вождя всех народов», то за период с конца мая до конца июня 1953 года (то есть до ареста Берии) на Сталина была лишь ОДНА ссылка. Но после ареста министра МВД имя Сталина только за первую неделю июля было названо 12 раз.

В бюллетене «Радио Свобода» в январе 1972 года на эту тему

писалось: «Берия, вероятно, понимал яснее и дальновиднее, чем его сотрудники в Президиуме ЦК, что вся эта (сталинская) система так или иначе обречена и что лучше всего взять инициативу в свои руки и опрокинуть эту систему. Но даже в таком случае можно сказать с уверенностью, что Берия не мог сам начать в 1953 году процесс десталинизации... По многим причинам можно предположить, что Маленков стоял на более умеренном, либеральном крыле партии, тогда как Хрущёв в то время ещё противился десталинизации».

Вернув себе после смерти Сталина реальную, ничем не ограниченную власть, Берия основательно взялся и за перестройку партийных кадров. Его уполномоченные на местах на основе собранного компромата должны были регулярно оповещать своего министра о деятельности партийных органов. Выглядело же это так. Один из уполномоченных, некий Ткаченко, сообщал тогда Берии в Москву: «партийные и советские руководители республики, на наш взгляд, работают мало. Секретарь ЦК ВКП(б) иногда вечерами, как правило, бывает на работе, остальные не работают.

Лично т. Суслов работает мало. Со времени организации бюро ЦК ВКП(б) около половины времени он провёл в Москве, в несколько уездов выезжал на 102 дня, днём в рабочее время можно часто застать его за чтением художественной литературы, вечерами (за исключением редких случаев, когда нет съездов или совещаний) на службе бывает редко».

Подобные рапорты шли к Берии весной - летом 1953 года почти из всех республик. Когда же письменных данных ему было мало, он отправлял на места своих помощников с заданием проверить работу партийных и советских органов. В апреле 1953 года с подобным заданием в Литву выехал начальник 4-го управления МВД СССР Сазыкин.

Между тем стремление Берии диктовать партии свои правила не могло не вызвать у его ближайших соратников по кремлёвскому руководству обоснованной тревоги. Кстати, подобная же тревога возникнет у членов Президиума ЦК и в 1957 году в связи с действиями маршала Г. Жукова в армии. Поэтому в недрах кремлёвского руководства начал постепенно зреть заговор против столь активного министра внутренних дел. Берия же ни о чём не догадывался, считая свои действия вполне законными и обоснованными. Эта беспечность дорого ему обошлась.

15 июня 1953 года по решению Президиума ЦК и Совета Министров СССР Берия был откомандирован в Восточный Берлин, где в это время начались антиправительственные выступления. Ни о чём не подозревая, он соглашается на целых 10 дней покинуть Москву. 25 июня Берия возвращается обратно, а 26 июня во время очередного заседания Президиума ЦК в Кремле его арестовывают. Наиболее активную роль в этом аресте играл маршал Г. Жуков, человек, которого через четыре года после этого самого объявят бонапартистом и снимут с поста министра обороны.

Как указывает официальная советская историография, следствие над Л. Берией и его шестью соратниками по МВД длилось полгода. С 18 по 23 декабря 1953 года в Москве, в Кремле, в зале заседаний Президиума ЦК КПСС, проходил закрытый суд над Берией. В своих ответах судьям бывший министр внутренних дел СССР заявил: «Я должен заявить суду, что врагом народа я не был и не могу быть... Я категорически отрицаю, что все мои действия были направлены к захвату власти. Я скажу так, что особой скромностью я не отличался - это факт. Я действительно влезал в другие отрасли работы, не имеющие ко мне никакого отношения, это тоже верно... то, что я старался себя популяризировать - это было. Что касается моих бонапартистских вывихов, то это неверно...

Прошу вас при вынесении приговора тщательно проанализировать мои действия, не рассматривать меня как контрреволюционера, а применить ко мне те статьи Уголовного кодекса, которые я действительно заслуживаю».

Но Берия напрасно надеялся на снисхождение со стороны своих бывших соратников. Руки всех кремлёвских руководителей, судивших его, были обагрены кровью тысяч безвинных жертв не меньше, чем у Берии, но именно Берия должен был стать тем человеком, на которого кремлёвское руководство могло списать все свои грехи. Отныне имя Лаврентия Берии должно стать нарицательным, стать символом всего ужасного, что произошло в советской истории.

Между тем Л. Берия стал третьим министром внутренних дел СССР, расстрелянным тем режимом, которому он верой и правдой служил. Причём в отличие от Ягоды и Ежова Берия был наиболее талантливым и одарённым руководителем репрессивной машины, созданной в огромной советской империи Сталиным. Не случайно именно Лаврентий Берия 18 лет оставался рядом со Сталиным, и, хотя последний перед смертью явно утратил доверие к своему земляку, Берия всё же сумел пережить своего грозного хозяина и даже вновь подняться к вершинам власти.

Как только в июне 1953 года на руках Берии защёлкнулись наручники, кресло министра внутренних дел Союза вновь занял Сергей Круглов. И это несмотря на то, что Круглов работал под началом государственного преступника Л. Берии с ноября 1938 года и должен был волей-неволей попасть под подозрение кремлёвских руководителей. Однако в тот период режим решал для себя минимальную задачу: ликвидировать опасного претендента на власть Берию и его самых близких соратников из МВД. С. Круглов в этот список тогда не попал и, заняв кресло министра, должен был стабилизировать обстановку в МВД, где в среде ветеранов министерства возникли уже панические настроения в связи с арестом Берии и ожидаемой всеми массовой чисткой. Однако с широкомасштабной реорганизацией МВД кремлёвское руководство тогда решило повременить, ограничившись пока выпуском в свет очередных постановлений ЦК с призывами об улучшении работы, искоренении бюрократизма и усилении бдительности. Лишь в марте 1954

года, в очередной раз за советскую историю, органы госбезопасности вывели из системы МВД. Был образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР, и председателем его назначен кадровый чекист Иван Серов, свояк набиравшего силу и власть Никиты Хрущёва. Министром внутренних дел СССР продолжал оставаться Сергей Круглов.

Реорганизация МВД и КГБ в 1954 году оказалась весьма значительной. Отныне два могучих некогда ведомства имели право вести только следствие: МВД - по уголовным делам, КГБ - по делам государственной безопасности. Внутренняя прокуратура обоих ведомств была ликвидирована. Более того, в союзной прокуратуре появился отдел, контролирующий деятельность МВД и КГБ. Все «особые совещания», обладающие ранее правами внесудебной расправы, отменялись.

Если в лице И. Серова Н. Хрущёв имел своего человека в КГБ, то в МВД не было столь прочного тыла. Отношения с С. Кругловым у него явно не ладились, но предпринять в 1954 году смещение неугодного министра Хрущёв так и не решился. Единственное, на что он пошёл осенью 54-го, это вернул из лагеря старого большевика А. Снегова, ввёл его в коллегию МВД и назначил заместителем начальника Политотдела ГУЛАГа.

3 февраля 1955 года наряду с союзным МВД было образовано и МВД РСФСР. Министром нового ведомства стал уже знакомый нам по предыдущему повествованию Николай Стаханов, который в марте 1953 года, ещё в бытность министром внутренних дел Л. Берии, был назначен начальником Главного управления милиции и введён в коллегию МВД, а в 1954-м стал первым заместителем С. Круглова.

В структуру нового министерства вошло 7 управлений - милиции, исправительно-трудовых лагерей и колоний, пожарной охраны, службы МПВО, кадров, архивное и хозяйственное, 6 самостоятельных отделов и три других подразделения. Первая коллегия нового министерства собралась 31 мая 1956 года и была посвящена состоянию уголовной преступности в РСФСР. К 1955 году по сравнению с 1954-м преступность в России возросла с 1906 тысяч до 2155 тысяч случаев, или на 13 процентов, а раскрываемость преступлений составила 85,5 процента. Узда, накинутая когда-то Сталиным на общество, после его смерти несколько ослабла, и преступники не преминули этим воспользоваться. Масштабы эпидемии стало принимать уличное хулиганство. По поводу этого явления на коллегии МВД РСФСР звучали заявления о принятии к хулиганствующим элементам усиленных мер общественного воздействия вплоть до предоставления уличным и домовым комитетам права выносить решение о выселении отдельных лиц из города на определённый срок. Преступность наглела, а органы внутренних дел России влачили поистине нищенское существование. Например, на весь 1955 год органам внутренних дел России было выделено лишь 56 легковых автомобилей «ГАЗ-69», а 330 поселковых отделений милиции вообще не имели никаких транспортных средств. В таких крупных городах, как Свердловск, Казань,

Хабаровск, Новосибирск, Ярославль, Сталинград, не было ни одного телефонизированного поста милиции.

Тем временем по мере укрепления позиций Н. Хрущёва на вершине кремлёвского Олимпа приближалась к своему логическому завершению и карьера Сергея Крылова на посту министра внутренних дел Союза.

В 1955 году в нескольких городах СССР прошли открытые судебные процессы над соратниками Л. Берии. В Ленинграде перед лицом Фемиды предстал бывший министр союзного МГБ Виктор Абакумов и несколько сотрудников МГБ, повинных в фабрикации летом 1949 года так называемого «ленинградского дела». В Тбилиси судили группу сподвижников Л. Берии во главе с бывшим министром МГБ Грузии Рухадзе. В Баку на скамье подсудимых оказался бывший первый секретарь ЦК КП Азербайджана Багиров, давний соратник Берии ещё по работе в ВЧК Азербайджана. Эти судебные разбирательства привлекли внимание сотен тысяч людей. Общество было буквально потрясено столь откровенными разоблачениями преступных деяний некогда такого могущественного ведомства, каким являлось МГБ. Резонанс от этих процессов достиг и ГУЛАГа. К тому времени реабилитация осуждённых, начатая ещё в 1953 году, шла очень медленно, а за весь 1954 год из мест заключения домой возвратились только 10 тысяч человек, да и то это были бывшие партийные деятели среднего и высшего эшелонов власти. На остальных амнистия почти не распространилась. В результате в лагерях начались бунты, во главе которых стояли уголовники. Один из таких крупных инцидентов произошёл в Норильске на шахте «Капитальная». Заключённым удалось нейтрализовать охрану и отнять у неё оружие. Весть об этом дошла до Москвы, и министр внутренних дел СССР С. Круглов поручил своему заместителю генералу Ивану Масленникову любой ценой подавить восстание. Что было сделано самым безжалостным образом, в результате погибли сотни людей. Точно так же было подавлено и восстание в Кенгире.

Проблема ГУЛАГа вкупе с жестокостью, проявленной С. Кругловым, стала основным козырем Н. Хрущёва в борьбе с министром внутренних дел СССР. В конце 1955 года в МВД СССР состоялась коллегия министерства, на которой было отмечено: в руководстве министерством допускалась порочная практика, когда в решении крупных, имеющих государственное значение вопросов нарушался принцип коллективного руководства, не учитывалось мнение членов коллегии и руководителей местных органов. Относительно самого министра внутренних дел коллегия отметила, что он не принял во внимание правильные замечания отдельных руководящих работников министерства, указывавших на необходимость установления ограничений при освобождении из лагерей некоторых категорий преступников.

14 - 25 февраля 1956 года в Москве проходил XX съезд КПСС, на котором Н. Хрущёв выступил со своим эпохальным докладом «О преодолении культа личности и его последствий». Хрущёв окончательно

определился в направлении движения общества в сторону демократизации, и в этом движении С. Круглову, как министру внутренних дел, места не оставалось. За несколько дней до начала съезда, а точнее - 6, 8, 10 и 11 февраля, в МВД СССР работала правительственная комиссия, собранная по случаю ухода с министерского поста С. Круглова. Имя нового министра было уже известно - им оказался 49-летний Николай Дудоров, до этого никакого отношения к правоохранительной системе не имевший. С конца 30-х годов, начав работать на строительных должностях, Н. Дудоров к 1954 году вырос до заведующего Отделом строительства ЦК КПСС. Таким образом, он оказался первым строителем в советской истории, ставшим волею судьбы министром внутренних дел СССР. Ровно через 32 года его путь на этом поприще повторит и Вадим Бакатин.

Тот факт, что для передачи дел в министерстве от одного министра другому создали правительственную комиссию во главе с секретарём ЦК Аверкием Аристовым, было явлением беспрецедентным и указывало на решение Хрущёва разделаться с Кругловым одним ударом. Вместе с правительственной комиссией в составе 5 человек образовали ещё 6 подкомиссий из работников отдела административных органов ЦК КПСС, Министерства госконтроля СССР, Минюста СССР, Минобороны СССР, Прокуратуры СССР и союзного Минфина.

Вывод авторитетной комиссии был весьма однозначен: «Министерство внутренних дел СССР неудовлетворительно выполняет поставленные перед ним партией и правительством задачи... Бывший министр т. Круглов, члены коллегии и др. руководящие работники МВД СССР не сделали должных выводов из постановлений ЦК КПСС 1953 года... В работе МВД СССР преобладает канцелярско-бюрократический стиль руководства местными органами МВД. Критика и самокритика в МВД не была развита».

Вспомнили С. Круглову и недавние бунты в лагерях ГУЛАГа. «ЦК КПСС своими постановлениями от 12 марта и 10 июля 1954 года обязал руководство МВД СССР принять меры к коренному улучшению дела перевоспитания заключённых путём укрепления режима их содержания и приобщения к общественно-полезному труду. Руководство МВД СССР безответственно отнеслось к выполнению этих постановлений, не навело порядка в режиме содержания осуждённых в местах заключения, не справилось с задачей правильной организации их трудового воспитания».

Сняв С. Круглова с поста министра МВД, партия направила его работать в качестве заместителя министра строительства электростанций.

Прослеживая дальше судьбу этого человека, отметим, что эта опала была для него не последней. К августу 1957 года С. Круглов «скатился» до должности заместителя председателя совнархоза Кировского экономического административного района. Воистину неисповедимы пути

Господни. Человек, в июле 1945 года награждённый правительствами Великобритании и США высшими наградами за обеспечение безопасности их делегаций на Потсдамской конференции, через 12 лет после этого отвечал за сохранность совнархозного хозяйства в далёком Кировском районе.

В 1957 году С. Круглов был выведен из кадрового состава МВД. В 1959 году его лишили пенсии от МВД, дачи и выселили из четырёхкомнатной квартиры в центре города. 6 января 1960 года Комиссия партийного контроля при ЦК КПСС исключила С. Круглова из партии за участие в деяниях сталинской поры.

И всё же эти репрессии не шли ни в какое сравнение с тем, что сделал режим с предшественником Круглова на посту министра МВД - Л. Берией. Хотя четверть века спустя режим также навалится всей своей мощью на министра внутренних дел СССР Николая Щёлокова, и тот, не выдержав этого натиска, пустит себе пулю в голову. С. Круглов в отличие от него выдержит, но судьба его не станет от этого менее трагичной. 6 июня 1977 года, находясь за городом, С. Круглов попал под колёса поезда и погиб.

Через месяц после смещения С. Круглова новый министр объявил большой сбор: 15 - 16 марта 1955 года в союзном МВД проходило расширенное заседание, на котором присутствовали министры внутренних дел союзных республик. Н. Дудоров выступил на нём с критической, в духе времени, речью. Он, в частности, сказал: «Органы МВД, особенно милиция и ГУЛАГ и все его звенья, работают настолько плохо, настолько отвратительно плохо, что плохая работа этих органов, да и других звеньев работы МВД создали не особенно хорошую славу МВД в народе. У товарища Микояна, когда беседовали с товарищем Булганиным и товарищем Хрущёвым, не только они отзывались плохо, но и простые люди, любые работники, кого ни спросишь, о милиции и некоторых других органах МВД отзываются очень плохо... Я не буду рассказывать всех недостатков, а назову лишь, на мой взгляд, два наиболее главных недостатка. Первый - органы милиции не ведут настоящей борьбы с преступностью в стране, в результате чего у нас преступники действуют и орудуют в большинстве случаев безнаказанно годами и никаких мер к ним никто не принимает.

Второе - это то, что у нас в органах милиции очень много преступлений совершают сами работники милиции...»

Надо отметить, что критика Н. Дудоровым органов МВД была во многом правильной, престиж этого министерства в народе был не на высоте. Хотя и стремление лягнуть - именно МВД, а не КГБ в те годы начинало прочно закрепляться в нашем обществе, в сознании большинства как высокопоставленных чиновников, так и простых граждан. Через четверть века эта тенденция сыграет с нами злую шутку, поставив органы МВД в положение некоего пасынка, на которого со всех

сторон сыплются тумаки за плохое поведение.

Но всё это будет потом, а тогда, в конце 50-х годов, в среде руководителей страны созрела идея поднять престиж органов МВД с помощью средств массовой информации. Многие известные деятели культуры включились в этот созидательный процесс.

Взрослое население страны зачитывалось в 1956 году детективом Аркадия Адамова «Дело пёстрых», на основе которого кинематографисты оперативно отсняли первый художественный кинодетектив, вышедший на экраны страны в 1958 году. В том же 1956 году на экранах советских кинотеатров начал демонстрироваться фильм «Дело Румянцева», где справедливый полковник милиции Афанасьев (актёр Сергей Лукьянов) спасал главного героя от тюрьмы и от опасных преступников. Даже звезда советского кино 50-х годов Леонид Харитонов, сыгравший в двух фильмах солдата Бровкина, в 1958 году превратился в обаятельного милиционера в киноленте с выразительным названием «Улица полна неожиданностей».

Тем временем с целью улучшения работы милиции в новых условиях осенью 1956 года было признано целесообразным реорганизовать управление МВД и управления милиции в областях и краях в единые управления внутренних дел исполнительных комитетов областных (краевых) Советов депутатов трудящихся, а отделы (отделения) милиции в городах и районах преобразовать в отделы (отделения) милиции исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся. Таким образом восстанавливалось двойное подчинение милиции местным Советам и вышестоящим учреждениям МВД.

Между тем бурная и деятельная перестройка в органах внутренних дел страны не могла не вызвать ответной реакции со стороны уголовных авторитетов. Преступный мир страны представлял тогда довольно пёстрое зрелище, но основными группировками считались воры в законе (законники) и «отошедшие» (польские воры, или суки).

Группировка «отошедших» возникла во время и после войны, когда в лагерях значительно увеличилось число осуждённых за измену Родине, бандитизм и другие тяжкие преступления. Попав в лагерь, эти люди стали объединяться с уголовниками, исключёнными за всякие нарушения из группировки воров в законе. Отходу от «законников» способствовал и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года об усилении уголовной ответственности за хищения. Этот указ внёс существенный раскол в среду воров в законе и ужесточил борьбу за влияние внутри группировки. Многие воры стали требовать пересмотра «устава», за что были немедленно изгнаны из группировки и пополнили ряды «отошедших». Последние были намного гибче по сравнению с принципиальными ворами в законе, и их «устав» разрешал им контактировать с администрацией ИТУ - работать бригадирами, поварами, нарядчиками и т. д. Это значительно облегчало им жизнь, и руководители

ИТУ относились к ним благосклоннее, чем к ворам в законе. Эта благосклонность подбрасывала ещё больше дров в пожар войны, что бушевала в конце 40-х между ворами в законе и «отошедшими». Война эта получила название «сучьей» и была поистине беспощадной. Если, к примеру, вор в законе случайно во время этапа попадал к «отошедшим», те под страхом смерти заставляли его принять их веру и отречься от «законников». Последние же действовали ещё жёстче и оставляли врагу только один выбор - нож в сердце.

В результате многие осуждённые, не желая примыкать ни к тем ни к другим, создавали свои мелкие группировки типа «Красная шапочка», «Дери-бери» или «Один на льдине».

Серьёзные перемены в МВД СССР в середине 50-х годов заставили воров в законе сплотиться ещё сильнее, так как теперь стало ясно, что, помимо их вечных врагов - «отошедших», на них всей мощью навалится и новая власть. Так оно и получилось. Как только Н. Дудоров пришёл в МВД и разобрался в ситуации, он в том же 1956 году начал борьбу с «законниками». Под Свердловском был создан специальный лагерь, куда согнали почти всех воров в законе. Так как в отличие от «отошедших» они бойкотировали работу в лагерях и тюрьмах, здесь их всех стали заставлять трудиться. Тех, кто отказывался, тут же переводили на голодный паёк и до упора морили голодом. Давление на воров было настолько сильным, что кое-кто из них попросту ломался. Таких оказалось девять человек, и все они согласились написать обращение ко всем ворам в законе в СССР с призывом «завязать» со своим прошлым. Вскоре это послание увидело свет, правда, подписи под ним поставили уже семь человек.

К делу перевоспитания воров в законе подключилась вся партийная и государственная пропаганда. Газеты публиковали письма раскаявшихся воров, писатели взялись за написание нужных в этом плане книг (Ю. Герман), кинематографисты начали снимать антиворовские фильмы. Ярким примером подобного кинематографа может служить кинолента «Верьте мне, люди!» (1965 г.), в которой в роли раскаявшегося вора в законе снялся будущий кино-Ленин Кирилл Лавров.

Одним из эпизодов этой кампании явились и события начала 1959 года. Тогда, во время отдыха Н. Хрущёва в Крыму, ему на стол легло письмо от одного вора-рецидивиста, четырежды судимого. В этом письме он обращался к главе государства со следующими словами: «Начать свою старую преступную жизнь я не могу и не могу вернуться к семье, так как бросил её без денег и в долгах. За пять лет, как я уехал, я не совершил ни одного преступления.

Я не боюсь ответственности и прошу Вас ответить советом, как мне быть. Я буду ждать ежедневно в течение этого времени, как только у меня хватит силы воли, буду ждать беседы с Вами. Если сочтёте нужным меня арестовать, я и с этим согласен...»

Получив это письмо, Н. Хрущёв пригласил автора к себе. Их встреча состоялась через несколько дней и была, можно сказать, исторической. Глава государства, выслушав горести бывшего вора, пообещал ему помочь. Хрущёв, в частности, сказал: «Я позвоню секретарю горкома партии, попрошу его, чтобы обратили внимание на вас, устроили на работу, помогли бы приобрести квалификацию... Вам дадут кредит, чтобы вы построили себе домик, или же попрошу, если есть возможность, чтобы вам дали квартиру, и тогда вы будете платить меньше...»

Как глава государства сказал, так, естественно, всё и было сделано. Бывшего вора приняли на работу, он получил новую квартиру.

В конце мая 1959 года об этом случае Н. Хрущёв рассказал участникам Третьего съезда писателей СССР. А уже через три недели в ЦК КПСС родилась записка, в которой излагалась реакция заключённых страны на этот эпизод из речи Н. Хрущёва. Вот лишь небольшие отрывки из той записки: «Выступление на III съезде писателей товарища Хрущёва Н.С., и особенно в той части речи, где он говорил о приёме на личную беседу бывшего вора, привлекло исключительное внимание заключённых, содержащихся в местах заключения МВД РСФСР.

Подавляющее большинство заключённых положительно высказываются об этом выступлении, заявляя о том, что их судьба не потеряна, о них всё больше проявляют заботу руководители партии и правительства.

Так, заключённый Ш., содержащийся в ИТК Свердловской области, говорил: «Действительно, жизнь в нашей стране в настоящее время изменилась, это видно из речей руководителей правительства. В настоящее время есть забота о тех лицах, которые раньше совершали преступления, их устраивают на работу, оказывают материальную помощь. Такой заботы нет ни в какой капиталистической стране...»

Заключённый П. (Кемеровская область) заявил: «Такого ещё не было, чтобы руководители партии и правительства уделили внимание бывшему вору. А вот Н. С. Хрущёв это сделал».

Заключённый Б., 1929 года рождения, осуждённый к 3 годам ИТК, сказал: «Н. С. Хрущёв верит нам, заключённым. Это не просто выступление, а указание, чтобы к нам, заключённым, после освобождения не относились так, как относились раньше. Теперь, после этого выступления, наверное, будет легче с пропиской, отразится и на новом кодексе, сроки будут давать меньше... Вот говорили, что Н. С. Хрущёв жёсткий представитель власти, а он нет, принял нашего брата и помог ему, это просто надо быть душевным человеком. Нет, что и говорить, а Хрущёв всё-таки голова, всё он видит и везде успевает...»

В ИТК № 9 УМЗ Горьковской области заключённый П., 1935 года рождения, подлежащий условно-досрочному освобождению,

ознакомившись с речью Н. С. Хрущёва на съезде писателей, сказал: «Эта речь приведёт к значительному уменьшению преступности. Я вырезал эту часть речи, где говорится о воре, и ношу её на груди. Когда я освобожусь и поеду устраиваться на работу, она мне поможет...»

Однако наряду с положительными высказываниями имели место и отрицательные отклики.

Так, заключённые А., Ш. (Свердловская область) заявили: «Это сделано выборочно, специально для выступления. Это провокация, которая преследует цель изъятия воров и заточения их в места заключения. Кто-то клюнет на эту провокацию, придут с повинной, вот их-то и задержат. Такие меры проводятся не впервые...»

Думается, последнее утверждение гораздо ближе к истине, чем все предыдущие. В той войне с преступностью, что велась властью в конце 50-х годов, отсутствовали всякие правила «хорошего тона». Воров в законе, к примеру, «валили» всеми возможными способами, мазали грязью так, что не было никакой возможности впоследствии отмыться. Администрация ИТУ выставляла воров в законе перед другими заключёнными в самом неприглядном виде, обнародуя факты их отступничества когда-то, освещая неприглядные факты биографии. В ответ «законники» сопротивлялись отчаянно. В 1957 году на сходке в Краснодаре воры в законе подвергли публичной казни двух отступников. Молва об этом случае облетела все зоны страны и на какое-то время способствовала сплочению «законников». Но даже несмотря на подобные акции, положение воров в законе тогда было отчаянным. Само время обрекло их на поражение.

Опьянённое свободой общество готово было преодолеть любые препятствия на пути к светлому будущему. Преступники, не вставшие на путь исправления, вызывали у людей лютую ненависть, и народ в одночасье поднялся на борьбу с ними. В ноябре 1958 года по инициативе ленинградских рабочих в стране возникли первые Добровольные народные дружины. К 1959 году уже было 84 тысячи таких дружин, насчитывающих в своих рядах более 2 миллионов человек. Это потом ДНД превратились в показушное мероприятие, за участие в котором людям приплюсовывали три лишних дня к отпуску, а тогда, в 50-х годах, это была реальная поддержка милиции в борьбе с уличной преступностью.

Однако одновременно с ростом ДНД партийное и государственное руководство страны целенаправленно сокращало численность сотрудников МВД. Ещё 22 октября 1956 года министр внутренних дел РСФСР Н. Стаханов рапортовал ЦК КПСС о сокращении органов внутренних дел почти на 7 тысяч человек. А 10 октября 1958 года, накануне возникновения ДНД, МВД СССР предложило МВД РСФСР сократить свои ряды ещё на 14 331 человека. Предложение было тут же принято к исполнению. В связи с этим милиция Ленинграда, к примеру, уменьшилась на 950 человек. Всего же за 1958 - 1959 годы из органов

внутренних дел России были уволены 15 682 человека, что позволило государству сэкономить 163 миллиона рублей. Такое массовое сокращение сил правопорядка в стране диктовалось сверху, самим Н. Хрущёвым, который уверенно вёл советский народ к коммунизму. Поэтому, подстраиваясь под указующий перст главы государства, высокие начальники в МВД и в Министерстве обороны без всякого сожаления выкидывали с работы сотни тысяч человек. В своём отчёте в ЦК КПСС в 1959 году руководство МВД СССР сообщало: «В результате повышения роли общественности в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка количество возбуждённых милицией уголовных дел по сравнению с 1958 годом сократилось на 26,4%, а число лиц, привлечённых к уголовной ответственности, уменьшилось на 33,8%».

По той же статистике, составленной в недрах МВД, в 1959 году по сравнению с 1958 годом количество преступлений в РСФСР уменьшилось на 27,1%, а по наиболее опасным - на 24,5%.

В 1958 году увидели свет «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», которые заменили собой действовавшие с 1924 года Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. Особенностью «Основ» 58-го года являлось сужение и смягчение ответственности за деяния, не представляющие большой опасности для общества и государства. Вместе с тем «Основы...» усиливали ответственность за некоторые наиболее тяжкие преступления. В частности, они предусматривали ужесточение наказания для рецидивистов и других опасных антиобщественных элементов.

В конце концов эйфория от скорого вхождения в коммунизм привела Н. Хрущёва и его соратников к мысли об упразднении союзного МВД. Тогда казалось, что с остатками преступности в стране в скором времени будет покончено объединёнными силами милиции и дружинников, а посему столь громоздкий аппарат, как МВД, с лёгким сердцем можно распустить. 13 января 1960 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об упразднении Министерства внутренних дел СССР». Ряд его служб и функций был передан МВД РСФСР и союзных республик.

Это решение высшего руководства явилось полной неожиданностью для министра Н. Дудорова, который на февраль 1960 года назначил Всесоюзное совещание работников органов МВД. Однако реакция министра на расформирование его ведомства наверху никого всерьёз не интересовала. Что касается самого Н. Хрущёва, то с тех пор, как Н. Дудоров стал предпринимать попытки дискредитировать председателя КГБ СССР Ивана Серова, свояка Хрущёва, первый секретарь ЦК КПСС явно охладел к министру внутренних дел. 1 мая 1960 года МВД СССР прекратило свою деятельность. Министром МВД РСФСР по-прежнему оставался Н. Стаханов, Н. Дудоров 20 июля был назначен Генеральным правительственным комиссаром Всемирной выставки 1967 года в Москве.

После этого москвичи сочинили байку: «Чем Дудоров отличается от Ивана Сусанина? Сусанин завёл врагов в болото, где вместе с ними и погиб. А Дудоров завёл в болото МВД, где оно погибло, а Дудоров получил новое назначение».

Между тем, несмотря на победные реляции эмвэдэшных статистов, преступность в стране в период массового исхода из правоохранительных органов десятков тысяч специалистов и не думала идти на снижение. Суды же, пытаясь шагать в ногу с либеральным временем, старались не заводить уголовных дел по многим преступлениям, ограничиваясь передачей провинившихся на поруки общественности. В результате этого в первом полугодии 1960 года по сравнению со вторым полугодием 1959 года количество наиболее опасных преступлений увеличилось на 22,9%. Немалую долю в них составляли изнасилования.

Встревоженное ростом преступности, руководство страны не нашло ничего лучшего, как обвинить во всём МВД России и лично министра Н. Стаханова. 4 августа 1960 года Бюро ЦК КПСС по РСФСР во главе с Н. Хрущёвым приняло постановление «О состоянии борьбы с уголовной преступностью в РСФСР и политико-воспитательной работе в местах заключения». В нём отмечалось, что МВД РСФСР неудовлетворительно выполняет ранее принятые постановления по этим вопросам, в результате чего в борьбе с преступностью имеются значительные недостатки. По мнению Н. Хрущёва, подобные бумажные постановления должны были буквально свернуть бандитов в бараний рог. Но, как и следовало ожидать, подобное бумаготворчество стало очередной насмешкой над действительностью. Преступность в стране продолжала расти. И тогда по инициативе всё того же импульсивного Никиты Сергеевича Хрущёва в Уголовный кодекс страны внесли существенные изменения и восстановили смертную казнь за некоторые виды преступления. К ним относились и изнасилования, и хозяйственные преступления. Более того, по инициативе Н. Хрущёва смертная казнь была признана допустимой и в отношении несовершеннолетних. После этого решения в Ленинграде к расстрелу был приговорён 14-летний Нейланд, повинный в убийстве своих родителей.

Начало теневой экономики

Дела Я. Рокотова, Б. Ройфмана и др. Восстание в Муроме.

В связи со значительной либерализацией экономической политики внутри страны в СССР в конце 50-х годов, как грибы после дождя стали появляться всевозможные частновладельческие предприятия, существующие под видом артелей и фабрик. Небывалый прилив энтузиазма обуял «цеховиков».

Надо сказать, что «цеховых» дел мастера обладали массой всевозможных талантов и способностей. В стране всеобщего учёта и

контроля заниматься левым производством было крайне неуютно и опасно, это требовало от «цеховиков» дополнительной сноровки и умения. Расстрелянного в 1952 году Николая Павленко сменили не менее талантливые и достойные ученики. Да это и понятно. Люди, не сумевшие найти себя на поприще партийной и государственной службы, но не желавшие жить хуже, пошли в хозяйственные структуры, и многие из них, не боявшиеся риска, попали в теневую экономику. Можно сказать, это были лучшие из лучших советских аферистов.

Отметим, что до 1956 года максимальная сумма хищений и взяток в стране составляла 20 тысяч рублей. Большего репрессивная система, созданная Сталиным, своим воротилам теневого бизнеса не позволяла. Н. Хрущёв либерализовал систему, что не замедлило сказаться на теневой экономике: она начала постепенно расширяться и нагуливать жирок. В немалой степени этому процессу способствовал и развал МВД, учинённый в конце 50-х годов. Также сквозь пальцы смотрел на деяния «цеховиков» и КГБ, во главе которого в декабре 1958 года встал бывший комсомольский лидер всесоюзного масштаба Александр Шелепин.

Однако с начала 60-х годов, а точнее, в преддверии XXII съезда КПСС (октябрь 1961 г.), в практику правоохранительных органов была возвращена жёсткая репрессивная политика по отношению к тем же «цеховикам», валютчикам и спекулянтам, в простонародье именуемым расхитителями социалистической собственности. По стране прокатились громкие судебные процессы над данной категорией преступников, завершившиеся расстрельными приговорами. Самым беспрецедентным убийством государством своих сограждан в хрущёвское время по приговору суда явилось так называемое «дело валютчиков», или дело Яна Рокотова и Владислава Файбишенко. Произошло это в середине 1961 года.

Ян Тимофеевич Рокотов родился в 1929 году в интеллигентной семье. Отец его был директором крупного ленинградского предприятия. Во время учёбы в институте на юридическом факультете в конце 40-х годов Яна арестовали органы МГБ и, обвинив его в антисоветской деятельности, отправили на 8 лет в лагерь. Но хрущёвская «оттепель» освободила молодого человека из заключения, и Рокотов переехал в Москву, где у него проживала тётя. Этот переезд стал роковым событием в жизни Рокотова. Летом 1957 года в Москве состоялся Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, во время которого Рокотов впервые стал свидетелем скупки валюты у иностранных туристов его товарищем по лагерной отсидке. С этого момента и он вполне сознательно выбрал для себя новое поле деятельности - стал валютчиком.

В те годы официальный курс доллара равнялся четырём рублям (учитывая старый масштаб цен, т.е. до обмена денег в 1961 г.). Затем в конце 50-х годов в стране ввели специальный туристский курс: 10 рублей за доллар. Но иностранцам, приезжавшим в СССР, всё равно было выгоднее иметь дело с такими, как Рокотов, они платили за «бакс» по 20 - 25 рублей. Помимо них, Рокотов имел дело с «восточными иностранцами»,

которые продавали за доллары и рубли золотые монеты царской России. По ценам швейцарского банка такой рубль стоил 9 долларов, а Рокотов покупал их за 20. Затем он тут же продавал их в Москве за полторы тысячи рублей за одну монету. С помощью подобной активной деятельности на валютном рынке Ян Рокотов по кличке Косой стал одной из самых заметных фигур в валютном бизнесе Москвы. За один вечер подобной «работы» он умудрялся зарабатывать по 50 тысяч рублей. Чёрный рынок валюты в Москве работал на полных оборотах, и в преддверии денежной реформы население активно вкладывало свои деньги в недевальвируемое золото и драгоценности.

Свидетель тех событий И. Фильштинский позднее вспоминал: «По доходившим до меня слухам, Ян сумел войти в контакт с каким-то западногерманским банком. Внося в этот банк марки, приезжавшие в СССР иностранцы получали от Яна советские деньги по выгодному курсу, и, напротив, выезжавшие за границу советские люди, выдав Яну советские деньги, получали за границей соответствующую сумму в валюте. Одна моя бывшая солагерница шёпотом рассказывала мне, что обороты Яна достигли многих десятков тысяч рублей. Ходили слухи о его легендарном богатстве, каких-то немыслимых кутежах в московских и ленинградских ресторанах и о любовницах из полууголовного и артистического миров.

Валютные комбинации Яна были столь умело продуманы и настолько эффектны, что ходили слухи, будто в Западной Германии ему была присуждена премия за лучшую финансовую сделку последних десятилетий, а один из городов сделал его своим почётным гражданином. Если это даже легенда, то она сама по себе свидетельствует о той дани уважения, которое его финансовые способности вызвали в деловых кругах.

Самое любопытное, что вопреки слухам Ян не производил в это время впечатление преуспевающего дельца. Я трижды случайно встречал Яна на улице, и он всегда казался мне скромным и небогатым человеком…»

Между тем безнаказанная деятельность Рокотова длилась ровно до тех пор, пока власть не объявила очередную войну преступности. Летом 1960 года вышел указ, в соответствии с которым КГБ передавались дела о нарушении правил валютных операций, контрабанде, хищениях государственной собственности в особо крупных размерах. Но даже после появления этого указа длинные руки КГБ добрались до Рокотова лишь в мае 1961 года, когда комитет провёл широкие аресты в среде московских валютчиков. Столь удивительную неуловимость Рокотова вполне можно объяснить, если принять в расчёт тот факт, что он был негласным агентом МВД и состоял в приятельских отношениях с самим начальником валютного отдела Петровки, 38. Начальник в звании майора имел неплохой навар с Рокотова, за его счёт посещал московские рестораны и отдыхал на курортах. И лишь в мае 1961 года эта «дружба» закончилась, причём майор, почувствовав, что запахло жареным, сдал своего агента

КГБ. Рокотова арестовали на Ленинградском вокзале, возле камеры хранения, где хранились его миллионы: 440 золотых монет, золотые слитки весом в 12 килограммов, валюта (всего на 2,5 миллиона). 19 мая все центральные газеты поместили информацию из КГБ СССР и союзной Прокуратуры об аресте группы валютчиков. Вместе с Рокотовым были арестованы: 23-летний Владислав Файбишенко, искусствовед Надежда Эдлис и её муж музыкант Сергей Попов, учёный Иустин Лагун, москвичка Мушибиря Ризванова и три брата Паписмедовы из Тбилиси. Согласно обвинительному заключению, Рокотов и Файбишенко скупали валюту у мелких фарцовщиков и золото у иностранцев из арабских стран, Эдлис, Попов и Лагун сбывали это через перекупщиков Ризванову и Паписмедовых. В результате через их руки прошло иностранной валюты и золотых монет в общей сложности на 20 миллионов рублей.

К этому делу было приковано самое пристальное внимание со стороны руководства союзного КГБ, с каждым из арестованных лично повидался председатель КГБ СССР Александр Шелепин.

Огромный резонанс в обществе вызвал и суд над валютчиками, который состоялся в июне 1961 года в здании Мосгорсуда, что на Каланчевке. «Комсомольская правда» и «Известия» напечатали на своих страницах обличительные статьи с убийственными названиями: «Стервятники», «Стервятники держат ответ». Эпитеты типа «мерзостное отвратительное впечатление», «мерзкие подонки» и т. д. обильно усыпали эти статьи. Тот же И. Фильштинский по этому поводу вспоминал: «Появление в газетах фельетонов о Яне было для меня полной неожиданностью. В них Ян рисовался как некая «демоническая» личность, крупный валютчик и спекулянт и даже неотразимый Дон Жуан, совратитель многих женщин, вроде Синей Бороды. Всё это как-то сильно не вязалось с его обликом. Ходили слухи, что он стал жертвой какой-то интриги в борьбе различных отделов специальных служб, работники одного из которых, занимавшиеся расследованием крупных валютных спекуляций, пытались сделать карьеру на этом деле и умышленно раздували его масштабы. Так это или не так, не знаю, но Ян, несомненно, оказался жертвой какой-то закулисной игры».

Однако, несмотря на всю истерию, поднятую газетами вокруг этого дела, подсудимые держали себя в зале суда довольно раскованно, не чувствуя за собой слишком большой вины. Они пока не догадывались, какую директиву относительно их судьбы в скором времени спустят сверху кремлёвские руководители. А пока Ян Рокотов вёл себя вполне разумно, не отрицая в целом своей вины, но и не паникуя, уповая в душе на то, что суд будет к нему снисходителен и учтёт его пятилетнюю отсидку в сталинских лагерях. Владислав Файбишенко вообще ничего страшного в этом процессе для себя не усматривал, молодость брала своё, и он на протяжении всего заседания вёл себя вызывающе, дерзил прокурору и оскорблял свидетелей. Все подсудимые прекрасно знали: в период совершения ими преступления действовал закон, по которому им

полагалось всего три года лишения свободы с конфискацией имущества. И даже появление 5 мая 1961 года Указа Президиума Верховного Совета СССР о борьбе с расхитителями социалистической собственности и нарушителями правил о валютных операциях, по которому им могли «влепить» 15 лет тюрьмы, не насторожило их настолько, чтобы они испугались. И лишь когда суд приговорил их к этим 15 годам, подсудимые наконец осознали, кем они должны были стать для разъярённой в тот момент системы. Но даже тогда им, устрашённым объявленным приговором, не могло прийти в голову, что это ещё не последний ужас в их такой короткой жизни.

Со 2 по 5 июня 1961 года Н. Хрущёв находился в Вене, где встречался с президентом США Дж. Кеннеди. И вот во время одного из разговоров с журналистами Хрущёв принялся гневно обличать господ капиталистов, тыча им в нос убийственные, на его взгляд, факты возмутительных порядков, царящих на Западе. В ответ он услышал, что, оказывается, коммунистическая Москва отнюдь не лучше капиталистического Западного Берлина и, к примеру, чёрный валютный рынок Москвы чуть ли не Мекка спекуляции в Европе. Хрущёв был явно ошарашен такой информацией. По приезде в Москву он вызвал к себе Председателя КГБ Александра Шелепина и поинтересовался, правду ли ему сказали капиталисты. Шелепин в ответ развёл руками и доложил: органы КГБ делают всё от них зависящее, чтобы прикрыть это грязное гнездо спекуляции в Москве. «Вот на днях будут судить большую группу валютчиков», - сообщил Шелепин Хрущёву в своё оправдание. И с этого момента Хрущёв стал лично следить за развитием событий в Мосгорсуде. Когда же узнал, что валютчикам дали всего лишь по 15 лет, он несказанно возмутился и сам взялся за восстановление справедливости. Тут же председатель Мосгорсуда Л. Громков был снят со своей должности. А 6 июля в свет вышел ещё один Указ Президиума Верховного Совета СССР по данной категории преступлений, по которому к подсудимым могла применяться высшая мера наказания - расстрел. Прошло ещё немного времени, и 21 июля того же года газета «Правда» сообщила: «Генеральным прокурором СССР был внесён в Верховный суд РСФСР кассационный протест на мягкость приговора Московского городского суда по делу Рокотова и др. Учитывая, что Рокотов и Файбишенко совершили тяжёлое уголовное преступление, Верховный суд РСФСР на основании части второй статьи 15-1 Закона о государственных преступлениях приговорил Рокотова и Файбишенко к смертной казни - расстрелу с конфискацией всех изъятых ценностей и имущества».

Через несколько дней после этого в Пугачёвской башне Бутырской тюрьмы приговор был приведён в исполнение.

Это беспрецедентное в советской уголовной практике дело послужило сигналом к новой волне, теперь уже не сталинского, а хрущёвского террора в стране. Уголовные дела на расхитителей социалистической собственности пеклись тогда как блины, людей

расстреливали не десятками, а сотнями.

На текстильной фабрике № 11 в Перове в Москве была разоблачена органами КГБ преступная группа из 25 человек во главе с Борисом Ройфманом, которая занималась выпуском левой продукции. Ройфман отличился тем, что одним из первых в стране стал использовать сеть лечебных учреждений, называемых психоневрологическими диспансерами, в целях выпуска товаров массового потребления. Данные лечебные учреждения получали от местных исполнительных органов власти определённые денежные суммы на организацию в своих отделах трудотерапии. На эти деньги приобреталось оборудование, которое потом в основном не использовалось и ржавело на складах. Вот тогда-то на горизонте и объявился Ройфман, который предложил руководителям диспансеров наладить в их мастерских выпуск нужного людям трикотажа. Медики с удовольствием согласились запустить своё оборудование и использовать в работе своих больных, тем более что они обходились им задёшево.

Выпущенный вскоре трикотаж начали продавать в небольших палатках на рынках и вокзалах. И что самое удивительное, пользовался он куда большим спросом у покупателей, чем те же изделия, но выпущенные на государственных фабриках. Вот и работали они не покладая рук, обеспечивая народ модным трикотажем, а себя - звонкой монетой. В Краснопресненском психоневрологическом диспансере работали 58 высокопроизводительных трикотажных машин, и больные там трудились в несколько смен. Сырьё поступало регулярно (шерсть, например, привозили из Нальчика), и сбыт продукции был хорошо организован. Руководитель этого производства Шая Шакерман (кстати, приходившийся племянником знаменитому одесскому налётчику Мишке Япончику, убитому ещё в гражданскую) заработал на этом деле несколько миллионов рублей.

Однако рано или поздно деятельность подобных миллионеров должна была быть пресечена. Что и случилось с тем же Шакерманом и его сообщниками, у которых чекисты изъяли около 100 килограммов золота и золотых монет, 262,5 карата бриллиантов и другие ценности на сумму два с половиной миллиона рублей.

Что касается Бориса Ройфмана, то он после ареста чистосердечно признался во всём и рассказал, как по доброте своей был втянут в частнопредпринимательскую деятельность. По его словам выходило, будто, являясь весьма талантливым специалистом в кустарной промышленности, он поддался на уговоры своих коллег создать при диспансере левое производство. Мол, ему за это было клятвенно обещано лучшее оборудование и фондовые товары. На самом же деле ничего подобного он не дождался, зато затратил огромные суммы денег на подкуп тех же чиновников в госучреждениях.

В ответ на чистосердечные признания Ройфмана КГБ обещал

сохранить ему жизнь, учитывая, что был он фронтовиком и на свободе у него остались двое малолетних детей, один из которых был психически неполноценен. По работе Ройфман характеризовался весьма положительно, его коллеги отзывались о нём как о порядочном и честном человеке. Однако суд, исполняя директиву об ужесточении наказания за подобные преступления, приговорил Ройфмана и ещё нескольких обвиняемых к расстрелу. КГБ пытался было заступиться за несчастного, но Хрущёв, лично курировавший это дело, грозным окриком: «Одним жидом будет меньше!» - поставил точку в этом деле.

Отметим, что всего с ноября 1962 по июль 1963 года (то есть за 9 месяцев) в СССР прошло более 80 «хозяйственных» процессов и на них было вынесено 163 смертных приговора.

В то же время те, кто имел личные связи с сильными мира сего, за подобные же преступления отделывались лёгким испугом. Например, тогда же в Москве была разоблачена группа расхитителей, действовавшая под крышей крупнейшего универмага «Москва». Главным действующим лицом в ней была директор универмага Мария Коршилова, до этого долгое время возглавлявшая московский ЦУМ. Работа в таком солидном заведении, да ещё в руководящей должности, позволила Коршиловой обзавестись весьма полезными знакомствами (она, в частности, дружила с секретарём ЦК КПСС Екатериной Фурцевой) и стать вскоре членом горкома КПСС. Находясь на должности директора «Москвы», Коршилова сумела добиться через Министерство торговли разрешения на открытие трикотажного цеха при универмаге. Начальником его она сделала своего давнего знакомого Александра Хейфеца. Вскоре после начала работы этого цеха на прилавки универмага легли первые тенниски, майки, женское и детское бельё. Вся эта продукция моментально раскупалась, что позволяло Коршиловой иметь для себя солидный куш и платить своим рабочим гораздо больше, чем они смогли бы получать на государственных предприятиях такого типа. В результате за пять лет деятельности цеха было похищено государственного имущества на 2,5 миллиона рублей.

Но когда афёра вскрылась и все её участники были арестованы, Мария Коршилова успешно избежала наказания, проходя по делу всего лишь как свидетель. Зато Александр Хейфец и его преемник на посту начальника цеха Юрий Евгеньев были по приговору суда расстреляны. А Мария Коршилова, оправившись от потрясения и побыв короткое время не у дел, вскоре вновь возглавила один из крупных магазинов Москвы.

Между тем усиление репрессивной политики в стране потребовало и смены руководящих кадров в силовых министерствах. Старые, по мнению кремлёвского руководства, со своими обязанностями уже не справлялись. Во всяком случае, с руководителем МВД РСФСР Н. Стахановым так и получилось. В июле 1961 года он был снят со своего поста за неудовлетворительное руководство внутренними войсками МВД. Обвинение явно надуманное и высосанное из пальца, скрывающее за

собой другие, более глубокие причины. В качестве одной из них можно назвать события в Муроме. 30 июня 1961 года в этом городе состоялись похороны мастера радиозавода, умершего, как полагали многие, от побоев, нанесённых ему милиционерами. Во время этих похорон рабочие в ответ на действия милиции, перегородившей движение процессии по улице Ленина, смяли милицейский кордон и пришли к зданию горотдела милиции, где устроили бурный митинг, на котором большинство ораторов выступили с обвинениями в адрес городской милиции, некоторые даже показывали следы от побоев, нанесённых им стражами порядка. После этого разгорячённая толпа пошла на штурм горотдела, захватила его, овладела оружием и освободила арестованных из КПЗ. Лишь к вечеру митингующие угомонились и постепенно разошлись по домам. Через некоторое время пришедшие в себя власти произвели аресты в среде самых активных зачинщиков беспорядков. Вскоре состоялся суд над шестью активистами, трое из них были приговорены к расстрелу.

Не меньших упрёков мог заслуживать Н. Стаханов и за то, что моральное разложение проникло в ряды его подчинённых. И упоминавшийся на наших страницах начальник валютного отдела МУРа, водивший дружбу с Яном Рокотовым, был тогда не исключением. При расследовании дела Ройфмана Шакермана КГБ вскрыл более шокирующие вещи. Дело в том, что Шая Шакерман в юности являлся негласным агентом МВД. Затем, став преуспевающим бизнесменом, Шакерман начал расплачиваться с сотрудниками МУРа не ценными сведениями, а натурой. На площади Маяковского в скверике у Театра Моссовета он регулярно встречался с офицерами МВД и выплачивал им «зарплату» от 5 до 15 тысяч рублей каждому, в зависимости от звания и услуг, оказываемых ему милиционерами. Таким образом за несколько лет подобных выплат один из милиционеров заработал ни много ни мало - миллион рублей, другой - более 600 тысяч и т. д. Подобные факты перерождения сотрудников МВД не делали чести ни самому министерству, ни его министру.

В июле 1961 года кресло Н. Стаханова занимает 40-летний Вадим Тикунов, до этого 7 лет проработавший в Отделе административных органов ЦК КПСС (надзор за правоохранительной системой) и два года пробывший заместителем председателя КГБ СССР Александра Шелепина. Отметим, что последний через пять месяцев после ухода из комитета своего заместителя сам покинул Лубянку и переехал в здание ЦК на Старой площади, где возглавил Комитет партийного контроля. А на его место в КГБ в декабре 1961 года пришёл ещё один бывший комсомольский вожак - Владимир Семичастный.

Именно с появлением В. Тикунова на посту министра МВД российская милиция стала принимать тот внешний облик, какой во многом сохранился и до наших дней. По настоянию Тикунова в июле 1962 года на вооружении милиционеров появились резиновые дубинки и первые наручники. При нём в 1964 году правительство приняло решение о бесплатном проезде в городском и пригородном транспорте сотрудников

внутренних дел по служебным удостоверениям. Тогда же МВД России предложило заменить синюю рубашку милиционеров на саржевую стального цвета.

В. Тикунову принадлежит также инициатива ежегодно отмечать День советской милиции. Первый такой праздник состоялся 10 ноября 1962 года, в день 45-летия советской милиции, и торжественное заседание осчастливил своим присутствием сам Н. Хрущёв.

При В. Тикунове, влиятельной креатуре ЦК КПСС, возобновился широкий набор в органы милиции кадров из партийных и комсомольских рядов. К началу 1964 года в милиции оказалось 12 тысяч направленцев из этих структур. При В. Тикунове в 1965 году были вновь воссозданы упразднённые в 1956 году политорганы в милиции. Таким образом, в отличие, скажем, от пропагандистской кампании 1956 года, когда власть также пыталась поднять престиж органов МВД в глазах народа, мероприятия начала 60-х пошли гораздо дальше в своём идеологическом развитии. И надо честно признать, это не замедлило сказаться и на состоянии преступности в стране: рост её был остановлен. На раскрытие особо опасных преступлений выделялись лучшие силы, и раскрываемость подобных преступлений тогда была достаточно высокой. И глядя теперь из нашего беспокойного 94-го в те далёкие 60-е, поражаешься тому миру и спокойствию, что царили на улицах той же Москвы или Ленинграда. Когда, к примеру, в Москве в начале 60-х на пороге своей школы в Сивцевом Вражке убили ударом ножа десятиклассника, это всколыхнуло не только всю Москву, но дошло и до высших руководителей государства. Убийство средь бела дня было столь вызывающим и дерзким, что привлекло к себе огромное внимание.

Самым громким преступлением, без сомнения, стало дело о 26-летнем убийце Владимире Ионесяне, совершившем серию зверских убийств и ограблений в Москве и области в начале 60-х годов. В народе это дело получило название «Мосгаз».

«Мосгаз» и первые террористические акты

Дело «Мосгаз». Убийства в Свердловске. Похищение «Святого Луки». Теракты 60-х.

Владимир Ионесян родился в Тбилиси в обычной семье и с малых лет был окружён особым вниманием. Родители, угадывая в нём артистический талант, сделали всё возможное, чтобы их ребёнок получил необходимое образование. Для этого сына освободили даже от службы в армии, только бы он достиг желаемых высот на оперной сцене. Между тем отец одарённого мальчика за торговые махинации был осуждён на 7 лет тюрьмы. Ребёнок остался без отцовского внимания. Связавшись с блатными товарищами, вскоре совершил неудачную кражу и был судим. Суд, учитывая его возраст, приговорил Ионесяна к пяти годам условно. К

тому времени он уже был женат, и его жена Дея, стараясь уберечь супруга от дурного влияния, увезла Ионесяна в Оренбург. Там он взялся за ум и продолжил свою артистическую карьеру, поступив в Театр музыкальной комедии. Однако здесь он вскоре познакомился с артисткой кордебалета Алевтиной Дмитриевой и, сойдясь с ней, бросил жену с малолетним ребёнком и уехал в Москву. Чтобы Дмитриева отправилась с ним, Ионесян наврал ей про 40 тысяч рублей, якобы хранившихся у него на сберкнижке в Москве.

Прибыв в Москву первым, Ионесян познакомился с пенсионеркой Акилиной Коренковой и снял у неё комнату рядом с Рижским вокзалом. Появившуюся вскоре в квартире Дмитриеву он представил как свою молодую жену.

Тем временем обещания красивой жизни в столице требовали от Ионесяна активных действий. И, не обременённый никакими моральными устоями, Ионесян встал на путь преступлений.

20 декабря 1963 года в 12 часов дня он приехал на Балтийскую улицу, что в районе метро «Сокол», и, войдя в один из домов, начал проводить под видом работника Мосгаза профилактический осмотр газовых плит и духовок. Однако отнюдь не техническое состояние плит интересовало его: он высматривал удобную обстановку в квартирах москвичей для совершения преступления. И вот в одной из квартир он нашёл то, что искал. Дверь ему открыл 12-летний мальчик и, выслушав версию о профилактическом осмотре, впустил Ионесяна в квартиру. Тот, обойдя её и убедившись, что мальчик дома один, безжалостно убил подростка, нанеся ему множество ножевых ранений. После этого Ионесян открыл свою сумку и спокойно погрузил в неё детский шерстяной свитер, сатиновые шаровары, кожаный кошелёк с узорным тиснением, положил в карман 60 рублей бумажными купюрами. И это было всё, на что позарился преступник и за что лишил жизни 12-летнего ребёнка. Вечером того же дня убитые горем родители вызвали на Балтийскую улицу милицию. Через несколько часов картина преступления была в целом восстановлена и в протоколе следствия впервые появилась личность молодого южанина в ушанке, немодно завязанной сзади (именно эта странно завязанная ушанка и навела муровцев на мысль, что убийца - не москвич).

На следующий день был составлен приблизительный фоторобот преступника, и с ним ознакомили весь личный состав столичной милиции. Это произошло 24 декабря. А 25 декабря Ионесян уехал из Москвы и прибыл в город Иваново. Здесь его кровавый маршрут пролёг по двум улицам: Калинина и Октябрьской. И вновь его версия о профилактическом осмотре действовала безотказно: люди безропотно открывали перед ним свои двери и впускали в дом. В трёх квартирах обстановка для Ионесяна оказалась подходящей: в них были лишь мальчик-подросток, пенсионерка и ученица девятого класса. Двоих из них Ионесян безжалостно убил, а школьницу изнасиловал и нанёс ей несколько ударов топором (к счастью, девочка выжила). И вновь, как и в первом случае, преступник

довольствовался малым: из квартиры мальчика была похищена одежда, деньги, облигации, авторучки; у пенсионерки он взял фонарик за три рубля и кошелёк с 70 копейками; у девушки - электробритву «Харьков», две авторучки, электрофонарик.

Как только весть о бесчеловечных убийствах в Иванове достигла Москвы и стало ясно, что убийца - один и тот же человек, этому делу был придан статус особо важного. Подобных зверств в столице и округе давно уже не случалось. В Управлении охраны общественного порядка Мосгорисполкома создаётся оперативный штаб по поимке преступника, в который вошли: полковник милиции Анатолий Волков, Кузьма Горбачёв, майоры милиции Фридрих Светлов, Николай Муравьёв и другие. Дело под свой личный контроль взял министр охраны общественного порядка (так с октября 1962 года именовалось МВД) Вадим Тикунов. Он, в свою очередь, чуть ли не ежедневно информировал о ходе расследования председателя Совета Министров СССР Алексея Косыгина. От последнего информация шла выше - в Президиум ЦК.

Статус особо важного дела позволил органам милиции привлечь к его раскрытию многих известных людей из числа учёных, художников, скульпторов. К примеру, заслуженный деятель искусств Казахской ССР Наум Карповский вместе с сотрудниками милиции поехал в Иваново и после продолжительных бесед с очевидцами нарисовал предположительный портрет убийцы. Известный скульптор, профессор Михаил Герасимов также после бесед с людьми, видевшими убийцу, воссоздал подробный портрет преступника. Эксперты научно-технического отдела УООП изготовили сотни этих портретов и распространили их среди сотрудников милиции. По этому портрету и описаниям убийца выглядел следующим образом: рост высокий, выше 172 сантиметров, худощавый, плечи средней ширины, шея короткая, лицо худощавое, удлинённое, овальной формы, нос длинный, узкий, кончик острый, глаза большие с открытыми веками, губы средней толщины, рот среднего размера. Из одежды, бывшей на преступнике, упоминались: длинное поношенное пальто свободного покроя, тёмные брюки, суконные ботинки чёрного цвета на резиновой подошве, ушанка из меха, похожего на пыжик.

Первоначально сыщики ухватились за версию о том, что преступник явно не в своём уме. И действительно, логика его поступков была мало похожа на деятельность нормального человека. Он мог в квартире, где совершал преступления, оставить многие ценные вещи, захватив с собой всякую мелочь вроде авторучек и электрических фонарей. Однако вскоре на основе анализа хитроумных действий убийцы сыщики пришли к выводу о том, что тот не так прост, как кажется. Он был достаточно предусмотрителен и осторожен для ненормального и к каждому преступлению тщательно готовился. Поэтому, чтобы перекрыть ему все возможные лазейки, столичная милиция была приведена в состояние повышенной готовности. Под усиленным наблюдением находились

железнодорожные вокзалы, на улицах появились военные и милицейские патрули. Вся Москва полнилась слухами о жестоком убийце из Мосгаза, однако средства массовой информации сохраняли гробовое молчание по этому поводу. И лишь «вражеские голоса из-за бугра» доносили до людей крупицы правды.

Между тем, несмотря на активные поиски столичной и областной милиции, преступник по-прежнему гулял на свободе. В квартире изнасилованной девушки был найден тетрадный листок с записями фамилий жильцов дома, квартиры которых 25 декабря посетил убийца. Эксперты-криминалисты обнаружили на нём отпечаток пальца. После этого сотрудники угро исследовали несколько сот образцов почерков работников местного горгаза, но владельца такого почерка так и не нашли. Проверка по линии психически больных людей также результатов не дала.

Прошло ещё три дня, и наступило 28 декабря 1963 года. Ионесян, всё это время прятавшийся на квартире Коренковой, вновь вышел на «дело». И вновь его наглость и безнаказанность не знали границ. В том же Ленинградском районе, недалеко от места, где он убил 12-летнего подростка, он вновь обманом проник в одну из квартир и убил 11-летнего мальчика. Москва содрогнулась от ещё одного зверства неуловимого маньяка, и кремлёвские власти обрушили свой гнев на нерасторопных сыщиков. Следствие было активизировано, тысячи людей вовлечены в поиски преступника, но всё безрезультатно. Ионесян вновь залёг в своё лежбище у Рижского вокзала, пропивая и проедая кровавые деньги. Так длилось почти две недели.

Встретив Новый, 1964 год, Ионесян в начале января вновь вылез наружу. И снова, как и в прошлый раз, далеко от дома отходить не стал. 8 января недалеко от проспекта Мира он вошёл в только что заселённый дом и, представившись представителем строительной организации, устраняющей неполадки в новом доме, проник в квартиру 46-летней женщины. Выяснив, что у женщины есть претензии к строителям, Ионесян посоветовал ей изложить свои жалобы в письменном виде. Та так и сделала. Сев за стол, она взяла чистый лист бумаги, ручку и вывела заголовок: «Заявление». Больше женщина написать ничего не успела: вытащив из сумки топор, Ионесян обрушил его на голову несчастной. После этого он забрал из квартиры 100 рублей, наручные часы «Мир» и телевизор «Старт-3». Этот старенький телевизор, в сущности, и поставит точку на затянувшемся кровавом пути 26-летнего убийцы.

Выйдя на улицу с завёрнутым в скатерть телевизором, Ионесян первым делом попытался поймать попутную машину. Ему это вскоре удалось: возле него остановился самосвал, водитель которого согласился подбросить Ионесяна до дома. Всю эту сцену случайно заметил участковый уполномоченный 58-го отделения милиции Евгений Малышев. Проводив отъезжающую машину взглядом, он запомнил две первые цифры номера машины: 96. А вечером, когда стало известно об убийстве

46-летней женщины и пропаже из её квартиры телевизора, Малышев тут же сообразил, что его показания могут быть полезны сыщикам. И оказался прав. После его сообщения сотрудники ОРУД ГАИ «перетрясли» все самосвалы, зарегистрированные в ГАИ Москвы и области. Под утро была обнаружена машина МОЖ 96-26, водитель которой рассказал, что вчера, часов в двенадцать дня, он действительно подвозил молодого человека с ящиком в район Рижского вокзала, на перекрёсток Трифоновской и 3-й Мещанской улиц. Получив эти данные, сыщики смекнули, что с такой поклажей далеко идти преступник не мог, а значит, лежбище его где-то неподалёку от Рижского вокзала. Именно с такой мыслью заместитель начальника 19-го отделения милиции Николай Билюченко начал обход своей территории. И во время этого обхода одна из жительниц с улицы Щепкина рассказала ему, что у её соседки Коренковой гостит племянница с мужем. И муж этот похож на кавказца. Более того, этот кавказец позавчера привёз домой телевизор и вчера уже продал его жильцу из соседнего дома. Все эти сведения Билюченко тут же сообщил на Петровку, 38. Остальное было делом техники. Муровцы быстро узнали, что у Коренковой никакой племянницы нет и в помине, а комнату свою она сдаёт какой-то молодой женщине и мужчине. Взяв в оборот жильца из соседнего дома, который купил вчера у постояльца Коренковой телевизор, сыщики без труда установили: это тот самый «Старт-3», украденный из квартиры убитой. Как только это выяснилось, сыщики тут же нагрянули к Коренковой, однако молодых постояльцев в тот момент дома не оказалось. Зато в их комнате были найдены многие предметы из квартир убитых в Москве и Иванове людей. В десять часов вечера в квартиру вернулась Алевтина Дмитриева. Она была тут же арестована. Однако она рассказала, что Ионесян (теперь милиция точно знала его фамилию) проводил её в тот день до Казанского вокзала и велел купить себе билет на 11 января до Казани (там жили её родственники). После этого он простился с ней и уехал в неизвестном направлении. Больше она ничего существенного о судьбе своего друга сообщить не могла. И тогда за неё это сделали вещи Ионесяна. В них сотрудники МУРа обнаружили карту железных дорог страны и лист бумаги, на котором рукой Ионесяна были написаны названия городов: Иваново, Казань, Рязань, Ярославль, Оренбург. Так сыщики вышли на места возможного появления убийцы. Во все эти города были высланы сотрудники МУРа, местное руководство милиции заранее оповещено о возможном появлении у них опасного преступника.

Тем временем Ионесян, сутки просидев в укромном месте в Москве, выехал в Казань. Туда же, как и было оговорено заранее, выехала 11 января... сотрудница МУРа, загримированная под Дмитриеву. 12 января Ионесян приехал в Казань, ровно за час до прибытия в город московского поезда. К этому времени вся территория вокзала и его окрестности были уже плотно нашпигованы переодетыми в гражданское милиционерами, а на самом перроне находился министр охраны общественного порядка Татарской АССР генерал внутренней службы 3-го ранга С. Япеев и начальник отдела уголовного розыска министерства Бикмухаметов.

Операция по задержанию особо опасного преступника прошла настолько успешно, что Ионесян ни о чём не догадывался до самого последнего момента. Лже-Дмитриева вышла из вагона на перрон, Ионесян подошёл к ней и тут же был схвачен оперативной группой захвата во главе с самим министром. В тот же день Ионесяна этапировали обратно в Москву.

Вспоминая дело Ионесяна, хочется отметить одну парадоксальную вещь: в дни, когда вся Москва замерла в страхе перед неуловимым маньяком, в далёком американском городе Бостоне творилось почти то же самое. Правда, там серия убийств женщин началась несколько ранее - 14 июня 1962 года. В тот день была убита 55-летняя Анна Слезерс. Её задушили в собственном доме. Затем убийства продолжились с периодической частотой: 30 июня, 2 июля, 28 июля, 19 августа, 20 августа. Бостон превратился в охваченный паникой город. Одинокие женщины скупали в магазинах всех сравнительно больших собак, надеясь, что они спасут их от маньяка. В полиции Бостона отменили все отпуска. В течение трёх с половиной месяцев город пребывал в каком-то сомнамбулическом состоянии, ожидая новых кровавых драм. И они не замедлили произойти: 5 декабря 1962 года в своей квартире была изнасилована и задушена 20-летняя студентка-негритянка Софи Кларк, 30 декабря была убита 23-летняя Патриция Бизетт, 8 мая 1963 года - Беверли Семенс, 8 сентября Эвелин Корбин, 23 ноября - Джоанна Графф и, наконец, 4 января 1964 года 19-летняя Мэри Сюлливан.

После этого череда зверских убийств в Бостоне внезапно прекратилась. Как и лондонский Джек-Потрошитель, бостонский душегуб так и остался неизвестен общественности. Московскому маньяку Владимиру Ионесяну была уготована иная судьба.

13 января 1964 года по московскому радио было передано сообщение: «За последнее время в Москве и Иванове был совершён ряд тяжких преступлений. В Москве убито два мальчика и женщина, в Иванове мальчик и женщина и изнасилована девушка с нанесением ей тяжёлых телесных повреждений.

В результате мер, принятых органами охраны общественного порядка, преступник разыскан и арестован. Им оказался Ионесян Владимир Михайлович, 1937 года рождения, ранее судимый за уклонение от воинской обязанности и приговорённый к 2,5 годам лишения свободы…»

На следующий день с этим сообщением вышли почти все центральные газеты. Две недели (со дня первого преступления) молчавшая пресса теперь как бы навёрстывала упущенное. Письма возмущённых граждан, публиковавшиеся на страницах газет, требовали одного - смерти подонку.

В феврале 1964 года газеты опубликовали новое сообщение по этому

делу: «На днях судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР в составе председательствующего - члена Верховного суда В. В. Покровского и народных заседателей: помощника мастера Ивановской прядильно-ткацкой фабрики им. Дзержинского Е. Е. Романовой и машиниста-инструктора моторо-вагонного депо «Москва-4» П. И. Богданова с участием государственного обвинителя помощника прокурора РСФСР Г. С. Быстрова и защиты: адвокатов И. Ф. Деревенченко и В. А. Елизарова в открытом судебном заседании в городе Москве рассмотрела уголовное дело по обвинению Ионесяна В. М. и его соучастницы Дмитриевой А. Н.

Верховный суд РСФСР приговорил Ионесяна В. М. к смертной казни расстрелу, Дмитриева А. Н. осуждена к пятнадцати годам лишения свободы.

Президиум Верховного Совета РСФСР отклонил ходатайство Ионесяна о помиловании. Приговор приведён в исполнение».

В дополнение следует сказать, что пенсионерку А. Коренкову, предоставившую свою квартиру Ионесяну, после суда над ними выселили из Москвы. А Алевтина Дмитриева, получившая за недоносительство срок 15 лет, отсидела всего половину его и уже при Брежневе была амнистирована.

Поимка подобных особо опасных преступников значительно поднимала престиж органов внутренних дел в глазах общественности. Московский уголовный розыск по праву держал за собой почётное звание первого в стране, и дело «Мосгаз» ещё раз наглядно это доказало. Пропагандистские литавры в честь МУРа в тот год звучали не умолкая. Не случайно именно в 1964 году свет увидела книга Юлиана Семёнова с выразительным названием «Петровка, 38». Если же брать не книжных, а реальных героев, то МУР 60-х - это прежде всего такие имена, как В. Корнеев (начальник МУРа), О. Еркин, Б. М. Болотин, В. И. Чельцов, А. М. Сухарев, Е. Ф. Донышин, Л. Л. Маленков, Е. Я. Кузьмин, В. Н. Котов (в середине 80-х он возглавит МУР), И. К. Лопырев, В. Н. Селифанов.

Антонина Ивановна Ермошина, проработавшая около 40 лет в должности секретаря начальника МУРа, поведала корреспонденту газеты «Собеседник» такую историю о тех временах: «Был у нас тяжелейший случай. Убили мать и двоих детей, пяти-семи лет. Изнасиловали перед смертью. Квартира в кровище до потолка. Корнеев уже был начальником МУРа и, конечно, выехал на место происшествия. Казалось бы, такую войну прошёл, столько смертей повидал... А тут - не выдержал и от нервного потрясения неожиданно, уже у себя в кабинете, ослеп. Я зашла к нему - лицо белое, руки бессмысленно перебирают бумаги, глаза глядят в пустоту. Я даже за стол зашла, чего никогда себе не позволяю - правило есть такое. Вызвала врача. Ну он и прописал ему немедленный покой и хотя бы крохотный отдых. Для него это было весьма дефицитным лекарством».

На наших страницах уже упоминалось убийство в декабре 1936 года в городе Мелекессе Куйбышевской области народного депутата Марии Прониной и то, что для расследования этого дела из Москвы выехала оперативная группа МУРа. Это была первая командировка москвичей. Вторая произошла в феврале 1964 года. Тогда в Свердловске во время пожара в одном из частных домов на окраине города обнаружили четыре трупа. Налицо - умышленное убийство и последующий поджог с целью сокрытия преступления. Свердловские сыщики запросили помощи из Москвы, с Петровки, 38, и сразу после этого к ним вылетела спецгруппа муровцев. И вновь, как и в Мелекессе, командировка москвичей продлилась всего несколько дней. По бельевой верёвке, которой были связаны все четверо убитых, установили двор, где эту верёвку срезали преступники. Затем был найден мальчик, который видел тех, кто эту верёвку срезал, и опознал двоих. Одним из них оказался бывший заключённый. Выяснив круг его знакомств, сыщики установили имена ещё троих его подельников и в один из дней взяли всех четверых. И, как оказалось, не ошиблись. Именно эти четверо несколько недель назад в городском саду убили милиционера и завладели его пистолетом «ТТ». Затем решили «взять» дом приёмщика утиля Шамеса, у которого, по их сведениям, водились немалые деньги. Но в день налёта к Шамесам по вызову пришёл врач районной поликлиники. Преступникам пришлось захватить и его. После того как в доме были найдены лишь облигации на полторы сотни рублей, бандиты приступили к пыткам. Не выдержав их, скончалась хозяйка дома. Тогда преступники добили остальных: Шамеса, его дочь и врача. Потом, чтобы замести следы, подожгли дом. Казалось, все концы надёжно упрятаны. Однако муровцы вместе со свердловскими сыщиками в течение нескольких дней вытянули эти концы наружу и обеспечили убийцам справедливое возмездие.

Однако справедливости ради стоит сказать, что не всегда дела, расследуемые тогда сыщиками МУРа, завершались благополучным исходом. Бывали и неудачные. Одним из таких было громкое дело, по которому позднее даже сняли художественный фильм, завоевавший огромную популярность. Речь идёт о фильме «Возвращение «Святого Луки». В роли полковника милиции Зорина в нём снялся Всеволод Санаев. Но, в отличие от фильма, реальные события выглядели несколько иначе.

Кража из Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина картины знаменитого голландского художника XVII века Ф. Гальса «Евангелист Лука» произошла в марте 1965 года. Преступник проник в музей в выходной день, снял картину с верёвок, затем вырезал полотно из рамы и исчез так же незаметно, как и вошёл. Пропажу обнаружили только в понедельник. Поднялся невообразимый шум. В стране давно уже не похищали столь дерзким образом произведения искусства. Стоимость «Луки» по тем временам равнялась 120 тысячам рублей. Делом занялся Московский уголовный розыск.

Между тем дни шли за днями, недели за неделями, а дело так и не

сдвигалось с мёртвой точки. Минуло два месяца со дня пропажи картины, а похвалиться сыщикам было нечем. И тогда дело в своё производство взял КГБ. Через месяц после этого картина была найдена и задержан преступник. Им оказался художник-реставратор того же Музея имени А. С. Пушкина, пытавшийся продать «Луку» гражданину Франции. Однако на этом цепочка преступников почему-то оборвалась. Реставратор назвал в качестве своего соучастника ещё одного художника, виновность которого многими ещё тогда подвергалась сомнению. Но КГБ считал иначе. Дело в том, что художник был диссидентом, и это решило исход дела не в его пользу. Он был помещён в психушку и находился там около трёх лет.

Ещё одним громким преступлением с антикварным уклоном в 60-е годы стало ограбление квартиры знаменитого скрипача Давида Ойстраха. Случилось 27 октября 1968 года в Москве. История началась с того, что соседка скрипача по дому N14/16 по улице Чкалова случайно обнаружила, что дверь его квартиры приоткрыта. Ведомая любопытством она заглянула внутрь и обомлела в квартире всё было перевёрнуто вверх дном. Прибывшая через полчаса оперативная группа МУРа подтвердила факт ограбления и приступила к поискам преступников.

Как выяснило следствие, квартира была обчищена, что называется, подчистую. А уносить из неё было что, так как её хозяин был человеком с мировым именем и постоянно привозил из-за границы ценные и дефицитные вещи (он и в тот раз находился на гастролях за рубежом). Что же пропало из квартиры Ойстраха? Список похищенного уместился на нескольких листах: несколько немецких и японских магнитофонов, транзисторные приёмники, фотоаппарат, переносной цветной японский телевизор, мохеровые шарфы, рубашки, плащи, иностранная валюта, советские рубли, а также редкие изделия из дорогих материалов, включая: золотой портсигар, инкрустированный бриллиантами, драгоценные запонки бельгийской королевы, золотой ключ от ворот Иерусалима, шахматы с золотыми и серебряными фигурками и т. д. Но больше всего оперативников поразило то, что позарившись на эти богатства, преступники не взяли самое ценное, что было в доме - коллекцию из 29 грампластинок из золота, которая лежала на видном месте. Судя по всему, неискушённых грабителей ввёл в заблуждение внешний вид пластинок - они были покрыты чёрным напылением и выглядели как обычные грампластинки. Поэтому из коллекции пропала только одна из них - на ней не было напыления.

Между тем составив полную опись похищенного, сыщики задались справедливым вопросом - каким образом грабителям удалось унести такую уйму вещей за один заход (одного золота они взяли на 4 килограмма)? А если заходов было несколько, тогда сколько всего преступников орудовало в квартире? Короче, вопросов было много и требовалось в кратчайшие сроки дать на него ответ. Почему в кратчайшие? Потому что это дело взял под свой личный контроль глава государства Леонид Брежнев.

Стоит отметить, что сыщикам сразу повезло - на месте преступления преступники оставили весомую улику в виде эспандера, на котором были выцарапана фамилия «Никонов». Однако именно этот факт наводил оперов на определённые мысли, а именно - как профессионалы могли совершить такую ошибку? Вывод о высокой квалификации грабителей напрашивался само собой. Дело в том, что в ночь ограбления в квартире Ойстраха два раза срабатывала сигнализация, однако оба раза прибывший по вызову наряд не обнаружил ничего подозрительного. Когда же сигнализация сработала в третий раз, дежурный по пульту отключил её до утра. Как выяснилось, ложную тревогу организовал именно грабитель, доказав тем самым, что он намного хитрее стражей порядка. Затем он без труда вскрыл три (!) сложных замка в квартире и проник внутрь. Однако сделав дело, он по непонятной забывчивости оставил на месте преступления серьёзную улику в виде эспандера. Как такое могло произойти? Ответа на этот вопрос пока не было.

Между тем в оперативную разработку были взяты все обладатели фамилии Никонов, проживающие в Москве и особенно те из них, кто имел нелады с законом. Однако ни один из них не оказался причастен к нашумевшему ограблению. И тогда на помощь муровцам пришли их коллеги из Воронежа.

Как оказалось, в этом славном городе проживал некто Борис Новиков профессиональный вор-домушник. Чтобы проверить его на причастность к ограблению квартиры Ойстраха местным сыщикам пришлось прибегнуть к определённым мерам - так, во время посещения Никоновым кафе, опера изъяли стакан из которого он пил и сняли с него отпечатки пальцев. В тот же день их отправили в Москву, где выяснилось, что они совпадают с отпечатками, оставленными одним из грабителей на грампластинке. Однако брать Никонова не торопились, справедливо полагая, что через него можно будет выйти и на остальных участников ограбления. И эти предположения вскоре подтвердились Никонов вывел сыщиков на своих подельников: своего младшего брата Сергея и его приятеля Николая Лаврова. В середине января 1969 года грабители были арестованы.

Как выяснило следствие, квартиру Ойстраха Борис Новиков первоначально грабил один. Унеся самое ценное, он на следующий день рассказал об этом своему брату и посоветовал ему сходить туда тоже. И тот вместе с приятелем отправился на улицу Чкалова. Увиденное там богатство настолько ошеломило обоих, что они ещё в течение четырёх ночей приходили туда и уносили в мешках и сумках всё, что попадалось им на глаза. Во время одного из таких походов Никонов-младший уронил свой эспандер и в темноте (преступники не зажигали электричество, а поджигали бумагу) этого не заметил.

В 70-е годы подоплёка этого дела стала известна авторам многочисленных детективных романов братьям Вайнерам. И вскоре на свет появился детектив «Визит к Минотавру». Однако взяв за основу реальное уголовное дело, братья привнесли в него и много вымысла.

Например, «гвоздём» придуманной ими интриги стал факт похищения преступниками бесценной скрипки «Санта-Мария» 1722 года работы гениального мастера Антонио Страдивари. Однако на самом деле скрипки в доме Остраха в момент ограбления не было (по одной из версий её вообще не было в коллекции скрипача, по другой - её похитили за два года до этого и переправили в Англию). Между тем в доме Ойстраха хранились две другие скрипки работы Страдивари, но они почему-то не привлекли к себе внимание грабителей и остались нетронутыми. А ведь они одни стоили баснословных денег.

Следует отметить, что 60-е годы явили нам одни из первых фактов индивидуального террора. Назовём лишь два самых известных случая.

Первый произошёл 1 сентября 1961 года в селе Лютеньки Гадячского района Полтавской области. Там местный житель, некий Левицкий, получил по почте посылку и решил на месте раскрыть её. Как только он приподнял крышку ящика, раздался мощный взрыв, в результате которого Левицкий был убит, а двое работников почты получили ранения различной тяжести.

Следствие по этому делу длилось более пяти лет. И лишь в мае 1967 года был установлен преступник. Им оказался бывший житель того же села Попович. Расправился же он с Левицким из-за ревности. Летом 1959 года, когда Попович со своей женой гостил в Лютеньках, Левицкий тайно ухаживал за его женой, и эти ухаживания завершились обычным адюльтером. Попович узнал обо всём и со скандалом увёз жену домой. После этого их брак продлился недолго. Вот тогда Попович и решил отомстить Левицкому. В один из дней он смонтировал взрывное устройство и вложил его в посылку. Остальное нам известно. Отметим лишь, что за это преступление Попович был приговорён к 15 годам тюрьмы.

Второй террористический акт произошёл на рубеже 70-х и произвёл куда больше шума, чем взрыв в Лютеньках. 22 января 1969 года младший лейтенант Советской Армии Виктор Ильин предпринял попытку покушения на жизнь Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева.

Не менее громким делом 60-х было и дело «отравителей», на основе которого Юлиан Семёнов позднее напишет повесть «Огарёва, 6». Фабула этого преступления такова.

В течение 1963 - 1966 годов в городах Новосибирске, Киеве, Ростове, Саратове, Риге, Курске, Калинине, Подольске происходили случаи ограбления людей. Однако это были не совсем обычные ограбления. Преступники, прежде чем обобрать свои жертвы, усыпляли их с помощью наркотического вещества хлоралгидрата. В трёх случаях применение наркотика дало смертельный исход. После этого розыском преступников занялось Главное управление милиции. Была создана специальная

оперативная бригада из лучших сыщиков. В ходе следствия выяснилось, что преступники действовали несколькими группами по 2 - 3 человека в нескольких городах Союза. Всё проходило по единому сценарию. Для поисков жертв они выбирали обычно два места: рынок или автомагазин. Там знакомились с приезжими, предлагали им переночевать у себя в гостинице или отметить знакомство за городом, на природе. Во время застолья в стакан жертве подмешивался наркотик, и вскоре та отключалась. Затем преступники грабили несчастного и скрывались из города. Всего таких случаев следствие насчитало 60. Сумма похищенного составляла свыше 270 тысяч рублей. По тем временам это были достаточно большие деньги. Из них 170 тысяч преступники получили в сберкассах по поддельным документам. Для этого в банде работал опытный художник. Наркотиками же их снабжал участковый врач одной из ленинградских клиник. В конце 1966 года большая часть этой преступной группы была обезврежена. Уголовное дело по их преступлениям составило 36 томов.

Надо отметить, что банд, подобных этой, в те годы в стране было не так много. Однако и о них упоминать тогда в отчётах МВД было строго запрещено. Никто не имел права даже заикнуться о наличии организованной преступности в стране победившего социализма.

В октябре 1964 года, отправив на пенсию волюнтариста Н. Хрущёва, новое руководство страны с удвоенной энергией взялось за строительство светлого будущего. Смена главного кормчего автоматически повлекла за собой перемещение некоторых членов его команды. Во всяком случае, во главе силовых министерств новый руководитель Леонид Брежнев желал видеть своих людей.

Антимилицейские восстания

Восстания во Фрунзе и Чимкенте. Убийца Ю. Ладжун.

23 июля 1966 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о создании союзно-республиканского Министерства охраны общественного порядка СССР. Казалось, пост министра должен был занять не кто иной, как министр ООП РСФСР Вадим Тикунов, который до этого времени числился на неплохом счету у кремлёвских руководителей. Однако в середине 1966 года в Москву вызвали давнего друга Л. Брежнева второго секретаря ЦК КП Молдавии Николая Щёлокова, и вопрос о министерском портфеле разрешился в его пользу. В. Тикунову предложили занять место его первого заместителя. Но новому министру такой зам был явно в тягость, и в декабре того же года Тикунова попросту убрали из органов и назначили первым замом председателя Комиссии по выездам за границу.

А через пять месяцев после смещения В. Тикунова, точнее - 18 мая 1967 года, на Политбюро был единогласно решён вопрос о смещении В.

Семичастного с поста председателя КГБ СССР. Человек, помогший Л. Брежневу отправить на пенсию Н. Хрущёва, теперь стал новому Генсеку неудобен, и его отправили подальше от Москвы, на Украину, на должность первого заместителя Председателя Совмина УССР. А на Лубянке на долгие 15 лет воцарился Юрий Андропов. Отныне многолетняя вражда между КГБ и МВД с приходом этих руководителей обрела своё второе дыхание.

Пятилетнее правление в МВД В. Тикунова хоть и изменило внешний облик советской милиции, но всё же так и не смогло значительно поднять её общественное значение в глазах простых людей. Несмотря на огромную пропагандистскую работу в этой области, в некоторых местах авторитет сотрудников МВД среди местного населения находился на самом низком уровне. Спустя всего шесть лет со дня первого крупного антимилицейского восстания в Муроме, в Киргизии происходит почти то же самое. 17 мая 1967 года на базаре во Фрунзе внезапно распространился слух о том, что милиционеры убили задержанного накануне ими же пьяного солдата. Тогда толпа в пять тысяч человек, смяв войсковое оцепление, взяла штурмом здание городского управления внутренних дел и двух районных отделений милиции. Во время этих беспорядков один из активных участников, попытавшийся было проникнуть в комнату с оружием, был застрелен. После чего бунтовщики утихомирились и к вечеру разошлись по домам. Позднее властями было арестовано 9 человек, наиболее энергично проявлявших себя во время беспорядков.

Не успело утихнуть эхо муромского восстания, как через месяц ту же Киргизию сотрясло новое, более кровавое побоище. 14 июня 1967 года в Чимкенте в одном из вытрезвителей города сотрудниками милиции был до смерти забит шофёр городского автопарка. В тот же день эта весть дошла до сотрудников автопарка, и те на своём стихийном митинге пообещали завтра же разобраться с убийцами. К 12 часам следующего дня около трёх тысяч человек собрались у автовокзала и направились к зданиям городского и областного управлений внутренних дел. После непродолжительного штурма здания захватила толпа разъярённых людей и тут же их подожгла. Затем была предпринята попытка захвата тюрьмы. Но здесь штурмующих ждало упорное сопротивление вооружённых солдат. Последние открыли огонь по нападавшим, и первые убитые усеяли площадь перед тюрьмой. К ночи в город вошло подкрепление для милиции в лице курсантов танкового училища из Чирчика. Восставшие были рассеяны. Вскоре начались массовые аресты зачинщиков беспорядков. В результате 13 человек были осуждены, причём четверо из них приговорены к расстрелу.

После этих поистине беспрецедентных антимилицейских выступлений новый министр Н. Щёлоков писал Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу: «По вашему указанию Министерство охраны общественного порядка СССР в связи с событиями во Фрунзе и Чимкенте

изучило состояние дел в органах милиции и вносит на рассмотрение записку «О неотложных мерах по укреплению органов милиции и повышению их авторитета». В этой записке Н. Щёлоков дотошно излагал все беды советской милиции, в качестве неотложных мер предлагал направить в партийные организации письмо ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему укреплению органов милиции и повышению их авторитета». Пробелы в воспитании сотрудников милиции Щёлоков предлагал ликвидировать путём создания в МООП СССР Управления, а в МООП-УООП республик, краёв и областей отделов-отделений политико-воспитательной работы, а также введением во всех райгорорганах должности заместителя начальника по политико-воспитательной работе. Кроме этого, новый министр просил повысить личному составу милиции зарплату, оснастить органы милиции технически, улучшить транспортные средства и даже обновить форму одежды. Он же предлагал преобразовать МООП СССР в МВД СССР, что и было сделано в январе 1968 года.

В конце 60-х годов одним из громких уголовных дел было дело Юрия Ладжуна, который совершил на территории СССР (в 56 городах и посёлках 8 союзных республик) 98 преступлений: умышленных убийств, 46 краж личного имущества и т. д.

Этот человек был красив, и его лицо многим напоминало лицо популярного французского актёра Алена Делона. Этим он пользовался, беззастенчиво входя в доверие к женщинам, влюбляя их в себя, после чего грабил, а иногда и убивал. Так, в мае 1968 года он познакомился с официанткой Галиной, представившись ей капитаном дальнего плавания. Он настолько очаровал девушку, что та согласилась выйти за него замуж и даже познакомила со своими родителями. А Ладжун накануне похода в загс ночью достал из-под подушки молоток и несколькими ударами убил свою невесту. Однако он просчитался: днём Галина должна была взять деньги из сберкассы и не взяла, отложив это дело до утра. Так с пустыми, но кровавыми руками Ладжун и покинул тот дом.

В сентябре его жертвой стала директор ресторана на теплоходе «Терек» Литина. Здесь преступник действовал уже наверняка. Узнав, где она хранит ресторанную выручку, Ладжун задушил женщину подушкой, взял ключи от сейфа и обчистил его до копейки.

Именно после этого убийства сыщики и «сели на хвост» преступнику. По тем временам два убийства, совершённых одним преступником, было уже ЧП, поэтому в Следственном управлении МВД СССР была создана специальная бригада во главе со старшим следователем по особо важным делам Михаилом Дейнеко, которая и занялась поисками преступника. Со слов подруги Литиной сыщики сумели составить довольно точный фоторобот Ладжуна. Для этого они даже достали журнал «Советский экран», в одном из номеров которого на обложке красовалась фотография Алена Делона.

Поймали Ладжуна через несколько месяцев - в начале 1969 года. Сначала его опознал в поезде его знакомый, который когда-то вместе с ним служил в армии. Этот человек и сообщил сыщикам настоящее его имя - Ладжун Юрий Юрьевич из Мукачевского района Закарпатской области. Затем было установлено, что Ладжун отправился в новое для себя место - Ленинград.

В Гатчине, когда сыщики обходили с фотороботом общественные места, его опознала одна буфетчица. Она сообщила, что видела, как этот человек познакомился с одной из работниц их заведения и сегодня собирался к ней в гости. В подъезде дома очередной «невесты» его и взяли.

В начале 70-х годов по Центральному телевидению демонстрировался документальный фильм об этом преступнике. К тому времени, когда он шёл на экранах, Ладжуна уже не было в живых - его расстреляли.

Стоит отметить, что к началу 70-х криминогенная ситуация в СССР выглядела не столь благостно, как это рисовалось каких-нибудь восемь-девять лет назад, когда тогдашний руководитель страны Никита Хрущёв обещал к 80-му году построить в стране коммунизм и вывести на корню последнего преступника. Теперь многим стало понятно, что эти прожекты если и претворятся в жизнь, то не в этом тысячелетии. А пока в стране всё больше и больше расцветает взяточничество, растёт количество тяжких преступлений, главным образом за счёт так называемой «бытовухи». Вот почему власти так остро ставят вопрос борьбы с пьянством - по статистике именно любовь к «зелёному змию» толкает большинство сограждан на скользскую дорожку преступлений. В одной Москве «по пьяни» совершается более половины преступлений. Однако всё равно до уровня западной преступности Советскому Союзу ещё очень далеко. Взять, к примеру, США. Там только в 1968 году от огнестрельного оружия было убито более 1000 человек, а всего в тот год в Америке было совершено 4,5 млн преступлений. В Советском Союзе цифры значительно ниже: к примеру, счёт погибших от огнестрельного оружия идёт не на тысячи, а на сотни, поскольку этого самого оружия в свободном обращении попросту нет.

В криминогенном отношении столица страны Москва на рубеже 70- х считалась относительно спокойным городом. Например, гулять по ночной столице было делом абсолютно безопасным и этот факт отмечали даже иностранцы, которых сие обстоятельство чрезвычайно удивляло. Однако преступность в городе, естественно, была, причём, самая разномастная. Например, центр города оккупировали валютчики, которые промышляли крупной спекуляцией. Они скупали золото, валюту на которые затем приобретали в валютных магазинах дефицитные товары (шубы, плащи «болонья» и т. д.) и продавали их состоятельным гражданам. В самом начале 70-го большую группу валютчиков (семь человек) разоблачил КГБ. Весьма любопытно выглядел их распорядок дня: утром они завтракали в ресторане «Арарат», затем перемещались в ресторан «Националь», где

обсуждали свои насущные дела. Днём промышляли работой: встречались с продавцами золота и валютой, покупали и продавали товар (например, те же шубы в количестве полусотни они хранили в одной из камер хранения Киевского вокзала). Вечером отдыхали в ресторане «Останкино» где играл чрезвычайно популярный в деловых кругах оркестр Леонида Геллера.

Москва была наводнена разного рода мошенниками. Например, уже тогда в городе промышляли «кукольники». Нарезав газетной бумаги, они клали сверху стопки настоящую купюру (десять или двадцать пять рублей) и заворачивали бумагу в платок (так называемая «кукла»). Затем в крупных магазинах выискивали «бобра» (приезжего с деньгами) и на улице подбрасывали ему под ноги «куклу». Подбирали её обычно вдвоём: жертва и тут как тут оказавшийся поблизости «кукольник». Последний предлагал разделить найденное поровну. Во время дележа у «бобра» выманивались его деньги (якобы для размена найденных купюр), после чего компаньоны разбегались, поскольку поблизости объявлялся второй «кукольник», изображавший из себя хозяина утерянных «денег». Забавный случай произошёл летом 70-го с двумя представители этой преступной профессии. В универмаге на Добрынинской они «сняли» очередного «бобра», который оказался... милиционером из Рязани. Тот зашёл в магазин за покупками для жены и попал в поле зрения «кукольников». Но когда на улице те попытались всучить ему «куклу», он легко скрутил одного из них и препроводил в милицию. Второго задержали чуть позже.

Ещё одно распространённая каста мошенников тех лет - «прокатчики». Их бизнес базировался на впаривании доверчивым жертвам вещей, взятых в пунктах проката. Например, некая мошенница умудрилась по чужому паспорту взять в нескольких прокатных конторах вещей на общую сумму в 750 рублей (350 тарелок, 76 хрустальных стопок, 74 рюмки и т. д.) и всё это добро благополучно продала. Ей дали за это 3 года общей колонии.

Другой «прокатчик» специализировался исключительно на холодильниках. В те годы достать подобный агрегат в открытой продаже было крайне трудно, чем и пользовался преступник. Возле магазина он знакомился с жертвой, мечтающей приобрести «ЗИЛ» или «Юрюзань» и обещал в ближайшие дни привезти холодильник прямо на дом. Для пущей убедительности мошенник совершал обмен паспортами: жертве вручал свой паспорт (на самом деле это был чужой паспорт, он покупал их у карманников по червонцу за штуку), а себе забирал её. Затем в пункте проката брался холодильник. Что было дальше, думаю, понятно. На одной такой афёре мошенник с двумя подельниками (они изображали грузчиков) зарабатывали по 350 рублей.

Ещё одна категория мошенников - «вузовские». Эти за деньги помогали страждущим поступать в различные учебные заведения столицы. С будущего абитуриента брались деньги (по 500 рублей за

поступление), после чего экзамены за него сдавал другой человек - «подставной». Затем в течение года «подставной» сдавал за своего клиента все зачёты за 1-й курс (здесь такса увеличивалась до 1 тысячи рублей), после чего брал академический отпуск и переводился в другой институт. А там уже на свет объявлялся настоящий студент, поскольку в карточке о переводе фотография не предусматривалась. За год только одна группа мошенников помогала устроиться в вузы нескольким абитуриентам, навар каждого преступника составлял 5-6 тысяч рублей.

До 70-го года довольно вольготно себя чувствовали в столице карточные шулера. Обычно у магазинов они подбирали себе доверчивого клиента, который хотел приобрести дифицитную вещь, и предлагали ему оказать помощь в покупке: дескать, на другом конце города есть магазин, где эта вещь имеется. Шулер вместе с жертвой садился в такси (водила работал на картёжников) и по дороге «раскручивал» клиента на игру в «московского дурачка». Для затравки игру обычно начинали со ставки в одну копейку. Однако по прибытию к месту назначения клиент оставался гол как сокол. В начале 70-го МУР сумел разоблачить одну из шулерских шаек, которую возглавлял ни много ни мало племянник Героя Советского Союза Милитона Кантария - того самого, что был участником водружения Знамени Победы над поверженным рейхстагом.

Существовали тогда и автомобильные угонщики. В 70-м МУР разоблачил одну из таких банд, в состав которой входили исключительно водилы: двое бывших таксистов, шофёр спортобщества «Спартак» и ещё двое профессиональных автомобилистов. У каждого в шайке была своя специализация: одни выслеживали и угоняли со стоянок автомобили, другие делали фальшивые документы на неё, перебивали номера. Попались они случайно, когда один из пострадавших опознал свою машину, угнанную несколько месяцев назад. Ещё одна группа угонщиков была разоблачена прямо на территории 11-го таксопарка. Двое его работников перебили номера на двигателе «Волги», закрасили таксистские шашечки и собирались отогнать машину в Запорожье, чтобы там её продать. Но их задержали на выезде из Москвы.

Хватало в столице карманных и квартирных воров, разного рода воровок. Например, долгое время на столичных вокзалах промышляла миловидная девушка, которая подсаживалась к пассажирам, ожидавшим поезда, и заводила разговоры «про жизнь». Внешний вид и поведение девушки так располагали к ней собеседников, что они проникались к ней доверием и спокойно оставляли её одну со своими вещами, а сами отлучались минут на пять. По возвращении ни вещей, ни девушки они, естественно, не обнаруживали. Повязали преступницу возле Белорусского вокзала.

Ещё одна воровка специализировалась на охмурении мужчин. Прогуливаясь в одиночку по паркам, она знакомилась с представителями сильного пола и, если те приглашали её в гости (а в большинстве случаев так и получалось), охотно соглашалась. По дороге обычно покупалась

бутылка водки для распития «за знакомство». Дома женщина незаметно подсыпала в стакан кавалеру снотворное, после чего тот засыпал, а когда просыпался недосчитывался многого из своих личных вещей.

В те годы крайне строго вёлся учёт огнестрельного оружия, поэтому преступникам приходилось искать иные пути выхода на него. Например, в столице действовало несколько групп, которые наладили выпуск самодельных пистолетов и ружей. В начале 70-го одну из таких групп удалось разоблачить, причём получилось это случайно. На станции метро «Академическая» милиционер обратил внимание на мужчину, который подозрительно держался за левый бок, как будто что-то придерживал под пальто. Страж порядка препроводил мужчину в комнату милиции, где у незнакомца был обнаружен самодельный обрез. Запираться задержанный не стал и выдал всех своих подельников, наладивших в кустарных условиях выпуск самодельного огнестрельного оружия.

Чрезвычайно популярным видом преступления в те годы были нападения на таксистов. У последних к вечеру накапливалась приличная выручка (до несколько сотен рублей) и они становились лакомой добычей для бандитов. В большинстве случаев во время нападения преступники использовали холодное оружие - финки, реже - огнестрельное оружие. Были случаи, когда таксистам удавалось не только отбиться от грабителей, но и задержать их. Один из таких случаев произошёл летом 70-го. Находившийся в розыске преступник, вооружённый обрезом, захватил столичного таксиста Шломина в заложники и приказал ему вывезти его из столицы. В районе Серпухова таксист сумел привлечь к себе внимание случайных автомобилистов и с их помощью разоружил уголовника.

Не сплоховал и другой таксист, на которого в районе шоссе Энтузиастов напали двое гастролёров из Грузии (один был вооружён макетом пистолета, другой ножом): он сумел выхватить у преступника нож и нанёс ему смертельное ранение. Суд его полностью оправдал.

Между тем медленно, но неуклонно поднималось благосостояние советских трудящихся, и взявшая разбег «косыгинская» реформа обещала им, что этот рост теперь не остановится. И действительно, у людей появилась надежда. Впервые в открытую заговорили о хозрасчёте, о хозяйственной предприимчивости и оплате по труду. Однако тогда же и по тем же причинам зашевелились и теневики. После того как в начале 60-х годов они кооперировались между собой на нижних и верхних уровнях, то со смещением Н. Хрущёва начали активную инвестицию накопленного капитала в производство. Альтернативные производственные структуры («цеха») тогда стали появляться как грибы после дождя. Укрепление бюрократической системы сулило теневикам прибавление многомиллионных доходов, открывало перед ними новые заманчивые горизонты. К этому времени советский подпольный рынок, учитывая противоречия между интересами бюрократии и общества, вынудил последнее работать на себя, исподволь прививая ему свои

нравы. Спекулянты различных мастей всё сильнее опутывали общество, а так как отечественная промышленность из-за своей нерасторопности не могла удовлетворить запросы рядового покупателя, то спекулянт в такой обстановке чувствовал себя как рыба в воде. Возможность купить дефицитную вещь и открыто надеть её на себя или выставить в своей квартире (раньше, в период всеобщей бедности, люди стеснялись выделяться из общей массы) постепенно меняла и общественную атмосферу в стране. Теперь желание жить богато не осуждалось большинством населения. Люди смело въезжали в новые квартиры, покупали дорогую мебель, обзаводились личным автотранспортом. На этом фоне постепенно пропадала необходимость теневых миллионеров прятать свои богатства в кубышках. Можно сказать, что с середины 60-х воровать стали красиво и с размахом. Кто же не помнит вышедший в 1966 году фильм Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля», в котором представший перед судом Юрий Деточкин, эдакий Робин Гуд советского периода, оправдывал свои кражи словами: «Так ведь воруют, товарищи. И много воруют...»

Однако желание жить красиво на глазах у всех и не бояться своего богатства, нажитого явно нечестным путём, таило для новых советских Корейко серьёзную опасность попасться на заметку не только органов МВД, но и уголовных элементов, в среде которых, так же как и во всём обществе, происходили весьма серьёзные перемены.

Становление советского рэкета

Теория А. Черкасова. Банда Г. Корькова. Вячеслав Иваньков. Банда братьев Толстопятовых.

Залёгшие на дно в начале 60-х воры в законе после смещения Н. Хрущёва начали постепенно поднимать головы. Наряду со старыми представителями группировки обретали уверенность и более молодые, коронованные в начале 60-х годов в знаменитой Владимирке (крытая тюрьма во Владимире). Среди них были и свои знаменитости. Один из них - вор в законе Анатолий Черкасов по кличке Черкас, прославившийся тем, что в числе первых в те годы разработал новую концепцию воровского существования. Суть её заключалась в следующем.

В связи с тем, что власть тогда явно ужесточила систему уголовного наказания и режим содержания в тюрьмах, перед авторитетами преступного мира встала проблема «отсидки». Раньше существовала система взаимопроверок («ломка»), когда ворам в законе вменялось в обязанность раз в полгода (потом раз в три года) садиться в тюрьму. Теперь подобное положение должно было измениться. Но так как «ломку» пока никто не отменял, кое-кто из воров, тот же А. Черкасов, пришёл к мнению: чтобы не попасться, надо грабить прежде всего тех, кто не заявит. Под эту категорию попадали прежде всего «цеховики», наркоманы, проститутки и т.д., то есть те, у кого рыльце в пушку. Однако,

развивая свою концепцию дальше, А. Черкасов учил - грабить подобную категорию лиц надо с умом, оставляя потерпевшему на жизнь и не доводя его до отчаяния (такой может и в милицию заявить). Но самое главное, идя на дело, надо всегда иметь над собой хорошую «крышу» в лице кого-нибудь из среды высокопоставленных чиновников или представителей правоохранительных органов.

Проедет совсем немного времени, и подобные идеи овладеют умами всех авторитетов уголовного мира страны. Вот тогда-то, в начале 70-х, и произойдёт трансформация ордена воров в законе. В Киеве будет собрана представительная сходка, на которой в повестку дня станет основной вопрос о том, как выжить в новых условиях. После продолжительных дебатах было решено внести в воровской «кодекс законов» существенные изменения. Отныне в связи с тем, что за некоторые преступления - в частности, за карманную кражу - будут давать большие сроки, среди воров отменили такую норму, как «ломка». Далее, в связи с тем, что в начале 70-х условия в советских тюрьмах сильно ужесточились, сходка постановила разрешить ворам в законе по возможности вообще не садиться и не запрещала «невинные» контакты с работниками милиции. Если, к примеру, вор в законе попадал в тюрьму, ему отныне разрешалось давать администрации ИТУ подписку, при этом звание вора в законе с него за это не снималось.

Эта сходка в Киеве будет иметь поистине историческое значение для преступного мира страны и явно укажет на то, что на смену «идейным» ворам приходит новое, молодое поколение. И это новое поколение воров в законе в скором времени возьмёт реванш у властей за позор и унижение своей группировки в конце 50-х - начале 60-х годов. В те годы власть, либерализовав режим заключения, сумела отвадить от уголовного мира многие тысячи людей, лишив профессиональных преступников той массы заключённых, из которой они черпали свои нескончаемые ресурсы. Нынешняя власть, власть 70-х, не нашла ничего лучшего в борьбе с преступностью, как ужесточить до крайности режим заключения. Что из этого получилось, можно судить по словам свидетелей тех событий. Р. Джамилев вспоминал: «В 1957 году существовала система зачётов. Один день, если ты выполнял норму выработки на 120%, засчитывался за три дня. Людей в основном интересовали эти зачёты. И они, стараясь побыстрее освободиться, работали с охотой, меньше допускали нарушений...

Заключённые были сыты и не думали о том, где бы им кусок хлеба достать. И люди работали добросовестно. Утром рано встаём - никого нам не надо, никакого птальника, чтобы он нас пинал, будил, сажал в карцер за нарушение... Всё решал бригадир, он мог оставить тебя в бараке, если ты плохо себя чувствуешь. Бригадир нёс ответственность и за план, и за работу, и за дисциплину. Обычно на этой должности работали уважаемые, знающие дело люди. «Ментов» в «зоне» не видно было...

То, что я увидел впоследствии в 1972 году и тем более в 1980-м, это

просто страшно. Ввели массу ограничений - в письмах, посылках, свиданиях, деньгах. Очень ужесточили режим. Лагерь внутри разгорожен на локальные зоны («локалки»), заборы по восемь метров высотой, металлические решётчатые заборы. Тюрьма в тюрьме. Даже там, внутри, запрещают общаться друг с другом. И вот это всё давит на человека. Он озлоблен на государство, на общество... Зачем его так озлобляют? Сидит какой-то идиот, я не знаю кто, но не человек - это оборотень какой-то, какое-то существо - и из пальца высасывает всё новые порядки, удушающие человеческие понятия. Понятия в человеке выжигают. Вое условия создаются для того, чтобы человек прекратил себя понимать, себя уважать, чтобы у него не было самолюбия, чести, достоинства - ничего.

В 50-е годы не было такого наушничества в лагерях. Были некоторые, кто исподтишка ходил к начальнику докладывать, доносить, - без этого не бывает, но такой массовости, как в 70-80-е годы, не было...

Где насилие, там возникает и противодействие. Оттого, что меня в смирительную рубашку одели, оттого, что на мне прыгали, они не воспитали меня, они, напротив, меня ожесточили, и я буду с ещё большей силой им противостоять.

Если сравнивать три периода в «исправительной» системе, хрущёвские лагеря, по крайней мере до начала 60-х годов, были самые лучшие и по условиям содержания, и по эффекту - если задача в том, чтобы не делать человека хуже. С начала 60-х, когда ввели новое законодательство и разделили лагеря по разным режимам, положение с каждым годом становилось всё ужаснее».

Гений Сталина в том и заключался, что, создав систмему ГУЛАГа, он смог «грамотно», как истинный создатель и хозяин, этой системой управлять. Хрущёв и Брежнев, не обладая подобной «гениальностью» и проводя политику «ни рыба ни мясо», лишь наплодили новых преступников и способствовали дальнейшей криминализации нашего и без того больного общества. С начала принятия нового уголовного законодательства в 1969 году в стране резко увеличилось число осуждённых за различные преступления. За тридцать последующих лет их число возрастает до 24 миллионов, причём треть из них, попав первый раз в тюрьму, встанет затем на путь рецидива.

Однако вернёмся на несколько лет назад, в конец 60-х, и вспомним всё того же Анатолия Черкасова по кличке Черкас. Явив свету свою простую, как и всё гениальное, концепцию, он сумел найти и тех, кто с удовольствием согласился претворить её в жизнь. Так в Москве появилась первая крупная банда рэкетиров во главе с Геннадием Корьковым по кличке Монгол (1930 г. рождения).

Этот человек родился в Калужской области и одно время работал в межколхозной строительной организации города Боровска. В 1966 году он

попался на мелкой краже и на три года угодил в тюрьму. Именно там он и завёл весьма перспективные для себя знакомства в уголовной среде. Когда в 1969 году он приехал в Москву, кое-кто из этих знакомых и помог ему сколотить сильную банду. Среди этих людей были: Куприянов (8 судимостей), Генкин (5 судимостей), Ибрагимов (4 судимости) и другие. Молодую поросль представлял 29-летний Вячеслав Иваньков, до этого ни разу не судимый. Всего же в банде Монгола был 31 человек, из которых семь человек были представительницами слабого пола. В распоряжении банды были два автомобиля «волга», один грузовик, две формы сотрудников МВД и милицейское удостоверение, которое они выкрали у одного из сотрудников 128-го отделения милиции. Территориально банда дислоцировалась в одной из квартир на Большой Почтовой улице.

Усвоив концепцию А. Черкасова «бей замазанных», Монгол и его люди избрали для себя в качестве жертв московских теневиков: дельцов наркотического рынка, директоров шашлычных, кафе и пивбаров. Одной из первых их жертв стал торговец наркотиками Минаев, на которого бандиты «наехали» в сентябре 1970 года. После целой серии устрашающих мероприятий (наркодельца даже хотели распилить электропилой) тот согласился выплатить рэкетирам 5 тысяч рублей. После этого в июле 1971 года жертвой бандитов стала буфетчица одной из московских шашлычных Ломакина, которая отделалась от людей Монгола суммой гораздо большей: она обязана была ежемесячно отдавать им по 50 тысяч рублей.

В сферу внимания сыщиков МУРа (этим делом занимался 2-й отдел во главе с полковником Евгением Калугиным) банда Монгола попала в июне 1971 года. Через месяц начались первые аресты, а к осени костяк банды был полностью разгромлен. 12 июля 1972 года в здании Бауманского райсуда состоялся суд, на котором все основные участники группировки получили максимальные тюремные сроки. Главарь Геннадий Корьков был приговорён к 15 годам заключения. Всего же один из первых советских рэкетиров прожил 64 года и умер в одной из московских больниц 14 октября 1994 года.

Историческая справка

Согласно одной из версий слово «рэкет» происходит от английского «рэкит» - «ракетка», изготовление которой в 1897 г. было монополизировано в Чикаго. По другой - считается, что это понятие возникло в конце прошлого века, когда некоторые клубы в Нью-Йорке имели обыкновение устраивать балы, называвшиеся «рэкиты» (ракетки). Продажа билетов на них была основным источником доходов этих клубов. Администрации приходилось обычно немного «содействовать» распространению билетов, вынуждая людей покупать их.

Обратив внимание мафии на возможность организации рэкета в широких масштабах и введя его впервые в Чикаго, Аль Каноне

использовал в работе опыт, накопленный в своё время «Чёрной рукой»: банановую «пошлину» в Новом Орлеане и мясную торговлю в Сент-Луисе. Рэкетиры тех лет действовали таким образом: парни из банды Аль Каноне обходили, к примеру, несколько сот прачечных Чикаго, заявляя при этом их владельцам, что хотели бы получать всего десять долларов в месяц «вознаграждения за охрану». Если хозяева платить не желали, они лишались защиты. А это означало разбитые витрины, двери, облитые кислотой, сорванные вывески, испорченное бельё клиентов. Вскоре платить стали все. Так было в Америке в середине 20-х годов.

У нас в Москве «санитарные» мероприятия Монгола продолжались несколько лет и закончились в самом начале 70-х. Монгол был осуждён на 14 лет и отбыл из Москвы. Но, следуя российской поговорке «свято место пусто не бывает», вскоре на небосклоне преступного мира Москвы взошла новая звезда Вячеслава Иванькова по кличке ЯПОНЧИК.

В 1963 году в популярной серии «Военные приключения» вышла книга, в которой были опубликованы две повести А. Лукина и Д. Поляновского: «Сотрудник ЧК» и «Тихая Одесса». Повести эти стали бестселлерами в нашей стране, и в 1964 году по одной из них был снят фильм с тем же названием: «Сотрудник ЧК». А ещё через четыре года на экраны вышел и фильм-продолжение «Тихая Одесса». Именно в этой повести и фильме впервые широким советским массам было рассказано о знаменитом некогда одесском бандите Мишке Япончике. Дабы не утруждать себя долгим пересказом, возьмём в руки первоисточник и процитируем его:

«Молдаванские ребятишки играли на пустырях «в налёты». Бандиты волновали их воображение. Налётчики жили на широкую ногу, одевались пёстро, с крикливым провинциальным шиком, и разъезжали на лихачах. Это были люди, сумевшие вырваться из окружающей нищеты и «воспарить над ней».

Их главарём и предводителем был сын биндюжника с Госпитальной улицы Михаил Винницкий, прозванный Япончиком за скуластое лицо и чёрные раскосые глаза. Молва приписывала ему удивительные по смелости и дерзости налёты. По-видимому, среди подобных себе Япончик и впрямь был незаурядной фигурой. Хитрый, волевой, наглый, он сумел сколотить шайку из самых отъявленных молдаванских бандитов. Постепенно весь уголовный мир Одессы признал его своим вождём. Полиция была у Япончика на откупе, закон стыдливо обходил его стороной, поскольку с политикой он не имел ничего общего, и пути ему были заказаны только в те кварталы, где проживала одесская знать. Но разве и без этих кварталов мала Одесса?

Люди Япончика проникали всюду. Они наводили ужас на одесских скототорговцев, магазинщиков, купцов средней руки, и те безропотно платили Мишке щедрую дань, откупаясь от налётов на их конторы и лабазы.

Скандальная популярность Япончика была велика. Этот коренастый узкоглазый щёголь в ярко-кремовом костюме и жёлтой соломенной шляпе канотье, с галстуком-бабочкой «кис-кис» и букетиком цветов в петлице гулял по Дерибасовской, сопровождаемый двумя телохранителями из самых отчаянных громил. Городовые делали вид, что не замечают его. Прохожие почтительно уступали дорогу. Небрежно помахивая тросточкой, Япончик отправлялся на Екатерининскую улицу. Там, в знаменитом кафе Фанкони, где собирались преуспевающие одесские дельцы, у него был постоянный столик. Мишка чувствовал себя здесь равным среди равных.

Япончик был честолюбив. На Молдаванке он время от времени обкладывал контрибуцией местных лавочников и закатывал шумные пиршества. Столы ломились от даровой еды, водку подавали вёдрами, и в благодарность за бесплатную выпивку молдаванская голытьба нарекла Мишку «королём Моддаванки».

Дальнейшая судьба этого уникального бандита закончилась трагически. Во время гражданской войны он пошёл на сотрудничество с Советской властью, сформировал из своих ребят красный полк и выступил с ним на фронт. Однако по дороге Япончик взбунтовался и, усмиряемый красными, был убит в перестрелке в городе Вознесенске в начале 1920 года.

И вот через полвека после гибели Япончика его кличку (теперь уже в Москве) взял себе Вячеслав Иваньков, для того чтобы прославить её не менее громко, чем это сделал когда-то Михаил Винницкий.

Вячеслав Иваньков родился 2 января 1940 года. Его детство было типичным, если не считать того, что его отец был репрессирован и парень, в сущности, рос без отца. В дворовой компании Иваньков всегда слыл заводилой и старался ни в чём не уступать не только своим сверстникам, во и тем, кто был старше его. В те годы в среде московских мальчишек было весьма распространено увлечение боксом, и Иваньков записался в одну из таких секций вскоре на этом поприще позволили ему сдать норматив кандидата в мастера спорта и выступать как на городских, так и на республиканских соревнованиях. Однако в конце концов спорт не стал для Иванькова делом всей жизни. В 18 лет он женился, н в этом браке у него появилось двое детей. А в середине 60-х годов он близко сошёлся с Г. Корьковым, которому весьма импонировали многие качества Иванькова, но в первую очередь - его смелость и незаурядный ум.

Когда банда Монгола была всё-таки разгромлена, Иваньков не попал в милицейские сети и потому остался на свободе. Однако ненадолго. Году в 1973-м его арестовали за квартирное ограбление и присудили 5 лет колонии. Именно во время этой первой отсидки его, по ходатайству всё того же Г. Корькова, и короновали на «вора в законе».

Уже в те годы об Иванькове-Япончике по Москве ходили различные

легенды. Одна из них именно ему приписывала главную роль в инциденте, произошедшем в подмосковном ресторане «Русь», когда там, как в заправском боевике о гангстерах, гремели выстрелы, билась посуда, визжали женщины. Беспрецедентное по тем временам побоище со стрельбой имело шумный резонанс не только среди москвичей, но и благодаря свидетелям-иностранцам получило огласку на Западе. Там тогда впервые заговорили о советских мафиози, не боящихся ничего и никого. Видимо, из-за этой огласки тогдашние советские власти и раскрутили это дело на полную катушку и осудили нескольких участников этого инцидента.

И всё же разборка в ресторане «Русь» не являлась тогда типичной для московских бандитов. Огнестрельное оружие в те годы довольно редко появлялось в их руках. Чего нельзя было сказать о других регионах Российской Федерации.Так, ростовские бандиты братья Толстопятовы без пальбы не мыслили своего существования, для чего и обзавелись суперавтоматами собственного производства. Причём этому производству мог позавидовать любой оружейный завод (один из этих автоматов теперь даже хранится в музее МВД). Кроме этого, банда Толстопятовых была уникальна и в другом. Например, братья набирали для себя людей после своеобразных экзаменов на бандитскую выучку. После этого принятые в группировку люди обучались преступному ремеслу под руководством самих братьев и занимали места в банде соответственно своим умениям. Выходя на дело, банда тщательно готовилась к нему и проверяла бдительность милиции. Например, перед налётом на кассу бандиты звонили из телефона-автомата в милицию и сообщали об ограблении. Затем они терпеливо ждали приезда милиционеров и с секундомером в руках скрупулёзно засекали время прибытия наряда. Подобная профессионализация бандитского ремесла позволяла долгое время уходить от наказания. Но банда не имела над собой крыши в лице сотрудников милиции или представителей местных властей, и ставка только на собственные силы, с одной стороны, конечно, позволяла ей избегать доносов стукачей (банда Митина) действовавшая в Москве в начале 50-х годов, только за счёт этого оставалась неуязвимой в течение трёх лет), но, с другой стороны, делала её «слепой» в противоборстве с властью.

Дело Глода

«Цеховики». Дело Глода.

Между тем наличие прикрытия в лице представителей правоохранительный системы или госслужащих высокого ранга позволяет обыкновенной банде встать на ступень выше в своей классификации и сделать первый шаг в сторону того, чтобы именоваться именно мафией. Цеховики в конце 60-х поступали именно так. К примеру, с 1969 года в Карагандинской области действовала крупная группа расхитителей, специализировавшаяся на пушно-меховом производстве. Возглавляли её

специалисты высокой квалификации, дипломированные юристы: Дунаев когда-то заведовал юридической консультацией, а Эпельбейм возглавлял кафедру уголовного права в Высшей школе МВД. Третьим в их команде был Снопков, деловой хозяйственник. Вот эта оборотистая тройка и создала при государственном предприятии филиал, который огромными партиями стал получать дефицитнейшее пушно-меховое сырьё. А толчком к подобным махинациям послужили два постановления Политбюро ЦК КПСС и Совмина СССР о передаче некондиционного сырья пушнины из лёгкой промышленности предприятиям бытового обслуживания. Постановление было настолько выгодно цеховикам, что у следователей, которые позднее разбирали эту пушно-меховую афёру, невольно возник вопрос: кто же это лоббировал появление подобного постановления в том же союзном Совмине и в Политбюро? Но вопрос этот остался неразгаданным, так как следователей, особенно рьяно вознамерившихся найти на него ответ, попросту поставили на место.

Тем временем группа Дунаева в целях собственной безопасности нашла в местном райотделе милиции некоего майора и за взятку в 8 тысяч рублей ежемесячно договорилась с ним о том, что он постоянно будет информировать её о возможной опасности.

Открыв на государственном предприятии несколько цехов, Лев Дунаев со товарищи получил возможность каждое второе изделие пускать налево. Дело было настолько беспроигрышным, что Дунаев не побоялся вложить в него и свои личные 18 тысяч рублей. Уже через короткое время, заработав первые миллионы, дунаевцы сняли в Москве для своих представительских целей офис, и не где-нибудь, а в гостинице «Метрополь». Филиалы их пушно-мехового производства стали появляться один за другим.

По мере роста доходов от их левого производства и расширения влияния группы прибавлялись и звёздочки на погонах некогда неприметного майора милиции: теперь уже он имел должность ни много ни мало заместителя начальника УБХСС области. Да и сами цеховики едва не доросли до невиданных высот: Снопков едва не стал депутатом Верховного Совета, но в последний момент передумал баллотироваться, посчитав это для себя делом чересчур хлопотным.

Пользуясь своими связями в правоохранительных органах, Дунаев попросил одного известного юриста, доктора наук, разработать «теорию хищений», то есть показать самые эффективные и безопасные методы незаконного обогащения.

В дни, когда пушных дел мастера только-только встали на ноги, в Москве действовали мастера несколько иного профиля - ювелиры. Работали они на небольшой ювелирной фабрике, расположенной в маленькой церквушке, стоявшей между «Детским миром» и зданием КГБ на Лубянке. Вот здесь и существовала группа работников, которая систематически похищала с предприятия бриллианты. Делалось это легко

и просто, так как никакого досмотра не производилось, и даже когда фабрика переехала на завод «Кристалл», в район «Водного стадиона», хищения не прекратились. Возглавлял группу сам начальник цеха, ему помогали разметчик, резчик, шлифовальщик и ещё несколько мастеров. Украденные бриллианты продавались в той же Москве многочисленным любителям «камушков». Среди последних оказались многие известные люди из среды творческой интеллигенции. К примеру, администратор театра «Современник» занимался активной скупкой и перепродажей ворованных бриллиантов.

Кто знает, сколь долго длилась бы эта эпопея, если бы в марте 1971 года в аэропорту при попытке провезти контрабанду не был задержан гражданин Глод. Таможенник, досматривавший вещи Глода, обратил внимание на кольцо на его руке, подозрительным образом повёрнутое бриллиантом вовнутрь ладони. При более тщательном осмотре выяснилось, что кольцо это было грубой подделкой и служило футляром для большого бриллианта в 2 карата. Этим делом занялся КГБ и через несколько месяцев (в июле) уже арестовал восемь человек во главе с начальником цеха ювелирной фабрики. Всего же в ходе этого расследования было арестовано 20 обвиняемых и 100 человек выделены в качестве свидетелей. У арестованных конфисковали 500 тысяч рублей и 600 бриллиантов. За один только раз, когда ниточка потянулась в Армению, было изъято 100 тысяч рублей (сумма по тем временам колоссальная). Этот случай являлся самым крупным хищением драгоценностей в 70-х годах. И впервые сотрудники КГБ СССР изымали не золото или деньги, а бриллианты.

Об этом «бриллиантовом деле» было лично доложено председателю КГБ Юрию Андропову. Услышав о таком количестве изъятых бриллиантов, Андропов попросил устроить для руководства комитета показ этого богатства. На следующий день камни были разложены на столе у помощника Андропова, и руководители союзного КГБ (Андропов, Цвигун, Пирожков, Чебриков и др.) с нескрываемым восхищением осмотрели эту «коллекцию». Самые любопытные смогли подержать бриллианты в руках, но не более: ни один «камушек» так и не смог «случайно» закатиться ни под стол, ни в рукав кого-либо из присутствовавших. Следователь Добровольский ни на секунду не расслаблялся и не сводил с «коллекции» глаз. Проверку «на вшивость» чекистское руководство в тот день сдало на «отлично». А вот члены Политбюро спустя несколько месяце в подобной же ситуации оказались явно не на высоте.

В тот год сотрудники МУРа арестовали в Москве одного перевозчика золота и его напарников. Шум от этой успешной операции через Н.Щёлокова дошёл до ушей Брежнева, и тот распорядился показать членам Политбюро уникальные золотые самородки. Старший следователь по особо важным делам Станислав Подшивалов привёз золото в Кремль и сдал его в секретариат. После того как просмотр закончился, Подшивалов для порядка взвесил золото и, к своему ужасу, недосчитался почти 100

граммов. Тут же, прикинув в уме, на какой срок ему может потянуть этот стограммовый самородок, Подшивалов поднял тревогу. Она дошла до самого Брежнева. Тот собрал всех членов Политбюро, присутствовавших на просмотре, и поставил вопрос ребром. Короче, самородок вскоре вернули с сохранением инкогнито похитителя.

Гении преступного мира

«Каталы». Фальшивомонетчик В. Баранов. Дело «диверсанта». Вор Б. Венгровер.

Помимо цеховых дел мастеров, поистине второе дыхание обрели в конце 60-х - начале 70-х годов всевозможные мошенники и шулеры. Отметим, что данная категория преступников всегда относилась к элите криминального мира. Особенно много в те годы было карточных шулеров, по блатному - «катал». В конце 60-х, познав, что в Тбилиси проживает знаменитый ещё в царские времена преферансист, они предложили ему за деньги открыть свою «академию» и передать мастерство молодому поколению. Старик согласился. Так к началу 70-х годов в жизнь вошла целая плеяда профессиональных игроков в карты самого высокого пошиба.

Первый же уголовный процесс над «каталами» произошёл в Москве в 1970 году и особого резонанса в обществе не вызвал. Разве только судачили люди о том, что в числе мошенников оказался племянник Героя Советского Союза Мелитона Кантария, того самого, который в мае 1945 года водрузил Красное знамя над рейхстагом.

К началу 70-х годов по стране уже действовало множество мелких и крупных групп мошенников, профессионально промышлявших игрой в карты и сколачивавших себе на этом целые состояния. В 80-х годах на место «катал» придут «наперсточники», ещё одна порода ловких мошенников.

«Каталы» делились на несколько категорий в зависимости от мест, где они обычно играли. Те, кто играл в такси, например, назывались «гонщиками», а те, кто предпочитал просиживать время в ресторанах или на тайных квартирах («катранах»), - «катранщиками». Последние считались элитой среди карточных игроков.

Иногда на этих «катранах» появлялись весьма высокопоставленные деятели из государственной, партийной и даже правоохранительной среды, в хобби которых входили карты. Именно на «катранах» между «каталами» и деятелями из высшей государственной сферы порой устанавливались самые доверительные отношения. Был, к примеру, такой случай в те годы. Когда один особенно ретивый оперуполномоченный встал поперёк дороги «каталам», те на своей сходке решили убрать его весьма оригинальным способом. По их ходатайству один из чиновников

МВД попросту подписал приказ о повышении оперуполномоченного по службе, и того с Петровки, 38, перевели на Огарева, 6, в Управление розыска МВД СССР.

Для решения наиболее важных вопросов «каталы» собирали «съезд» где-нибудь на природе или на одном из черноморских курортов. Делегатами «съезда» были руководители бригад. Наиболее важным на подобных слётах обычно являлся вопрос о территориальных разграничениях. В 1969 году в лесу недалеко от аэропорта Внуково «съезд» карточных шулеров, например, разделил территорию аэропорта между «каталами» из Москвы, Тбилиси, Днепропетровска и Киева.

В среде «катал» находились и свои гениальные личности, молва о которых ходила по городам и весям страны, обрастая чуть ли не фантастическими подробностями. Одну из таких историй расскажем и мы.

Жил на Черноморском побережье один профессиональный карточный шулер, Мастер, промышлявший игрой на пляжах. И вот однажды совершенно случайно натолкнулся он на молодого человека, игравшего в карты столь профессионально, что появилась у Мастера идея играть с ним на пару. Он тут же сделал это предложение молодому человеку, и тот согласился. Так образовался их дуэт. Через некоторое время, видя, что молодой напарник окончательно втянулся в карточную жизнь, Мастер предложил ему стать содержателем одного «катрана» в Ленинграде. И вновь отказа не последовало. Спустя ещё немного профессионализм парня вырос настолько, что слухи о нём пошли по всему Союзу. Докатились они и до одного знаменитого кавказского «каталы», и тот решил испытать парня на прочность. В Ленинград прибыли эмиссары от кавказца и передали молодому игроку вызов от своего хозяина сразиться в карты на любую сумму. Парень уже успел стать миллионером, но лишние деньги ему, как видно, тоже не мешали. И он принял вызов. Эмиссары уехали, пообещав известить о дне начала состязания. Так прошёл почти год. И вот однажды такое извещение пришло в Ленинград. Первую встречу наметили на нейтральной территории на Черноморском побережье. Игра длилась несколько дней и потребовала от её участников максимальной выкладки. В конце концов победил более молодой и выносливый. Но кавказец, Мастер с большой буквы, не верил в честность игрока. Слишком фантастическим казалось мастерство молодого соперника. Однако объяснения своему поражению он тогда так и не нашёл. Всё прояснилось позднее, когда выяснилось, что те несколько месяцев перед игрой молодой «катала» не сидел сложа руки. Он зарегистрировал малое предприятие и послал в одну из типографий заказ на изготовление крупной партии особенных, крапленных по его методике карт. Эти карты затем поступили в продажу в тот регион, где должна была состояться суперигра. Остальное - дело техники. Гениальный ход гениального шулера.

Вообще гениальность российских граждан, весь свой талант растрачивающих не на благие дела, а на криминальные, - тема отдельной

книги. Мы же упомянем лишь несколько таких людей, вкратце рассказав историю их «грехопадения».

Начнём с истории про Виктора Баранова, который так наловчился печатать фальшивые деньги, что в МВД про него даже документальный фильм сняли. Впрочем, расскажем обо всём по порядку.

Виктор Баранов родился в 1941 году в Подмосковье. Его отец был военным прокурором, мать работала в министерстве торговли. Когда Виктор был ещё несовершеннолетним, мать подала на развод с отцом - тот стал здорово поддавать, частенько поднимал руку на жену и сына. Матери с сыном пришлось сменить место жительства - они переехали в Ставрополь. По словам Баранова, изобретательская жилка была у него чуть ли не с рождения, но всерьёз этим делом он «заболел» где-то в середине 60-х. Сначала в домашних условиях изобрёл несгораемую автомобильную краску, затем складной металлический ящик для стеклотары. Обе эти вещи, в случае их внедрения в народное хозяйство, помогли бы государству сэкономить миллионы рублей, но беда была в том, что оно этого не хотело. Когда Баранов пришёл со своим чертежом складного ящика для стеклотары к главному инженеру винзавода, тот ему ответил коротко: «Мне на это плевать! Думаю, и тебе тоже».

Но Баранов никак не хотел успокаиваться. В самом начале 70-х он придумал очередное изобретение - картофелекопалку, и отправил своё рацпредложение в Комитет по делам изобретений и открытий (причём, ценным письмом). Ждал полгода. А ему оттуда пришло уведомление о том, что «автором неправильно заполнен формуляр». А ведь изобретение Баранова было уникальным в своём роде, таких аналогов в мире ещё не было. Ведь везде люди вручную отделяют камни от клубней. А что придумал Баранов? По его задумке, в огромную ёмкость наливают раствор с определённым удельным весом соли, в который ссыпают картофель. В итоге: глина и грязь тонут, а картофель всплывает. Просто, как всё гениальное. Но барановская идея не прошла из-за махрового бюрократизма. И это стало последней каплей, которая переполнила чашу терпения Баранова. Он решил: с чиновниками из Комитета по делам изобретений он больше дела иметь не будет и все свои рационализаторские задумки внедрит сам, на свои кровные. Правда с кровными у него в ту пору было не густо: получал он чуть больше ста рублей, работая в должности шофёра в Ставропольском крайкоме (кстати, иногда ему доводилось возить самого первого секретаря крайкома Михаила Горбачёва). Но Баранов горевал не долго. «А руки на что?» - подумал он, и решил заняться производством денег... у себя на дому. Благо рисовать он умел с детства, а в юности даже писал маслом.

Ещё в начале 60-х годов, когда Баранов проходил срочную службу в составе Западной группы войск в Германии, у него на родине грянула денежная реформа. Когда Баранов демобилизовался, на руки ему выдали новенькие «хрущёвки», которые заметно отличались от прежних «портянок». Они тогда потрясли воображение Виктора своей красотой,

увлекли таниственными, по его же словам, будто бы закалдованными линиями. Он ещё подумал про себя, что, наверное, такие деньги подделать невозможно. Однако ошибся: умельцы находились. В те годы по стране гремело имя фальшивомонетчика Суворова, который умудрялся так виртуозно подделывать новые «хрущёвки», что даже опытные специалисты не могли отличить подделки от оригинала. Суворов плохо кончил: его арестовали и приговорили к расстрелу. Причём, он просил смягчить ему наказание в обмен на помощь государству в борьбе с будущими фальшивомонетчиками, но торговаться с ним никто не стал - поставили к стенке. Баранов эту историю знал, но она его не остановила, поскольку, как он считал, в его случае всё будет выглядеть иначе, а главное - свои деньги он пустит исключительно на внедрение полезных изобретений, а не на удовлетворение своих меркантильных нужд.

Между тем, вставая на путь фальшивомонетничества, Баранов понимал, что теоретических знаний в его багаже, что называется, кот наплакал. Надо было пополнять свои знания за счёт других средств, в частности - книг по полиграфии. Однако в краевой библиотеке имени Лермонтова, куда он записался, таковых не оказалось, поэтому надо было искать другие места где водились такие книги. Баранов раскинул сети по букинистическим магазинам и книжным толкучкам. Наконец в его руки попал первый улов: книга «Занимательная гальванотехника», где он нашёл описание светочувствительного раствора. По роду его работы ему приходилось бывать в типографии издательства газеты «Ставропольская правда», где он имел возможность видеть клише высокой печати. Пользуясь старыми связями, он возобновил свои посещения типографии и после каждого раза уходил не с пустыми руками, а прихватив с собой образцы различной бумаги. По его расчётам, она могла пригодиться в качестве образцов для исследования при подготовке производства водяных знаков.

Однако одной умной книги для налаживания фальшивомонетного производства Баранову было, конечно же, мало. Поэтому в 1971 году он взял на работе краткосрочный (всего два дня) отпуск за свой счёт и отправился в Москву, в Библиотеку имени Ленина, где необходимой литературы должно было быть в избытке. Так оно и вышло. В «Ленинке» он набрёл на книги: «Производство форм глубокой печати» профессора Синякова, «Полиграфические материалы» Берёзина и ещё ряд других изданий, посвящённых полиграфии. Как добросовестный школьник Баранов в течение всего светового дня конспектировал эти книги, выписывая нужные ему места в специальный конспект. Однако затем понял, что отпущенного ему времени явно не хватит, чтобы выписать всё, что необходимо, поэтому пошёл на преступление незаметно вынес две книги из библиотеки. После этого им было принято решение посмотреть аналогичные книги и в букинистических магазинах Москвы. Надо сказать, что Баранову в той поездке явно фартило. За те несколько часов, что у него оставалось до отъезда, он умудрился раздобыть ещё несколько редких книг по полиграфии: «Основы современной цинкографии»

немецкого автора Гинакса, «Изготовление клише», написанную работником Госзнакоиздания Крыловым в 1921 году, «Основы репродукционной техники» Шульца. С этой литературой Баранов и вернулся в Ставрополь.

С того момента как эти книги оказались в руках у Баранова их изучение увлекло его настолько, что ничто другое его уже практически не волновало. Естественно, кроме основной работы. Но едва заканчивался рабочий день, как Баранов мчался домой и садился за изучение своих фолиантов. Из них он узнал многое, о чём ранее даже не имел ни малейшего представления (хотя с детства читал много научно-технической литературы). В частности, он узнал о процессах в печати, стал разбираться в специальной терминологии о видах печати, например, узнал, что такое глубокая печать (то есть такая печать, где элементы изображения рисунка вытравлены на клише вовнутрь, вернее в глубину и краска извлекается из этих элементов под давлением), что такое высокая печать (она используется при печатании газет, журналов и книг), почерпнул много нового о существовании всевозможных растворов и материалов, из которых можно изготовить клише. Кстати, он узнал, что даже в производственных условиях изготовление клише является делом весьма сложным и под силу высококвалифицированным мастерам, что особенную сложность представляет изготовление штриховых клише и особенно клише глубокой печати. В книгах так и сообщалось: дескать, мастера глубокой печати наперечёт. Однако всё это нисколько не испугало Баранова, более того - лишь сильнее раззадорило. Его охатил такой азарт, такое желание доказать себе и всем окружающим, что он «не лаптем щи хлебает», что остановить его никому было уже не под силу.

Печатать деньги Баранов начал не сразу, а только после того как в течение четырёх лет скрупулёзно занимался исследовательской работой, проводя различные опыты в лаборатории, оборудованной им в собственном сарае по улице Железнодорожной. Начал же он с того, что тщательно исследовал защиту самых различных купюр: дореволюционных, советских, а также иностранных. В частности, изучая американский доллар, Баранов обнаружил, что текстура его бумаги пронизана тонкими красными волокнами - то был своеобразный щит от подделки. А защита на рублях была иной: она состояла из трёх слоёв - тёмного и более светлых. Специалисты, которые разрабатывали эту защиту, были уверены, что сымитировать её в кустарных условиях просто невозможно, однако у Баранова на этот счёт было своё мнение.

Шлифовал он своё мастерство в сарае на станке между мешками с репчатым луком. Причём, чтобы никто из близких и соседей не догадался о том, чем он занимается, ему приходилось постоянно быть начеку. Хотя по большому счёту никто толком и не пытался сунуть свой нос в его дела, разузнать, чего это он там химичит. Жена двно уже привыкла к его изобретательским «чудачествам», то же самое и соседи. Хотя от последних нарекания были. Например, частенько, когда Баранов

закрывался в своём сарае, напряжение в электросети у его соседей значительно уменьшалось. Те какое-то время терпели, а потом высказали ему всё это в лицо. Баранова это испугало, поскольку если бы соседи надумали пожаловаться на него в местное домоуправление, то вся его афёра могла легко вскрыться. И он заверил соседей, что ничего подобного больше происходить не будет. И верно: электроэнергия в их домах больше не «скакала». А всё потому, что изобретатель-самоучка создал специальное электрооборудование, которое работало автономно. При этом отдельные детали этого и другого оборудования Баранов изготавливал частным путём на Ставропольском инструментальном заводе и Ставропольском заводе «Красный металлист». Этикеточную бумагу он приобрёл в типографии краевой газеты, а химикаты в одном из цехов Ставропольского трансформаторного завода. Естественно, люди, которые помогали ему в этом, не догадывались, куда и зачем приобретаются все эти материалы.

Больше всего времени ушло у Баранова на изобретение водяных знаков он корпел над этим три с половиной года. Причём, пришёл к нужному результату благодаря случайности. Когда после долгих экспериментов у него никак не проступали на бумаге «водяные» звёзды, Баранов со злости плюнул на лист, бросил его в урну и лёг спать. А ночью его внезапно озарило. Он бросился к ведру, достал скомканный лист и увидел, что в том месте, куда попала слюна, водяные знаки проступили. Оказывается, в растворе не хватало малости - белка.

Два с половиной года ушло у Баранова на изобретение краски, а вот с печатью он справился практически сразу. Кроме этого по ходу дела он изобрёл новый способ травления меди и состав бумаги, напоминавший по прочности кожу. Последнее вообще было революционным открытием. Если бы из этой бумаги Гознак начал выпускать деньги, то им сносу бы не было - они могли бы служить дольше обычных раз в 50 дольше. Был момент, когда Баранов даже собирался объявить об этом открытии публично, но потом передумал: вспомнил, какие ему давали отлупы в прошлые разы. Да и начатое дело хотелось всё-таки закончить.

Первую фальшивую купюру Баранов изготовил в феврале 1974 года. Это была пятидесятирублевка. Чтобы проверить её качество, он закрыл глаза, перемешал её с настоящими купюрами, а когда глаза открыл долго не мог найти в ворохе денег фальшивую. Это его вдохновило, и спустя несколько дней он изготовил сторублёвку. Но потом быстро к ним охладел, поскольку их изготовление было уж больно лёгким делом для него. Он даже оборудование для них уничтожил. Решил печатать исключительно «четвертаки» - купюры по 25 рублей. Чтобы их изготовить от создателя требовалось проявить высший пилотаж. Баранов с этим делом справился. По его же словам, когда он понял, что у него получилось, он до утра ходил по рельсам счастливый. Сразу захотелось сообщить в Гознак, но побоялся ареста.

С этого момента денежный станок в сарае Баранова заработал

бесперебойно. За короткое время он напечатал несколько сот купюр. Причём, часть из них собирался потратить на внедрение своих изобретений, а другую на личные нужды. Так, он приобрёл автомобиль, буквально завалил подарками своих родственников и жену, которой он вручил 3300 рублей, полученных им от сбыта фальшивых купюр. Кстати, супруге он сказал, что получил эти деньги вполне законым путём: дескать, получил премию за изобретение одноколёсного автомобиля. Та поверила, поскольку никогда особенно не интересовалась изобретательскими делами мужа. Новый промысел позволил Баранову уйти с основного места работы и устроиться по совместительству на полставки завхозом машиносчётной станции Ставропольского крайпотребсоюза.

Между тем, подсчитав, что на раскрутку изобретений ему необходимо 30 тысяч рублей, Баранов напечатал нужную сумму, после чего разобрал станок, уверенный, что он ему больше не понадобится. Сложив деньги в портфель, он отправился в Симферополь, чтобы там обменять их на настоящие и пустить на правое дело. Но дорога в автобусе сильно его вымотала, и он заехал на ялтинский рынок, чтобы купить кое-какой провизии. Овощи выбирал дотошно, торгуясь с продавцами чуть ли не за каждую копейку. И так вёл себя человек, в портфеле которого лежало 30 тысяч филигранно исполненных фальшивок. За эту жадность Всевышний его, видимо, и наказал. Торгуясь с продавцом помидоров, Баранов достал из портфеля сетку, сложил в неё овощи и... ушёл, начисто забыв о портфеле. Буквально через пять минут хватился, бросился назад, а портфеля и след простыл. Можно себе представить реакцию вора, который, открыв портфель, обнаружил там сумму, которой в то время хватило бы на покупку шести автомобилей «Жигули». А Баранова едва удар не хватил: он с горя забрался на какую-то гору и просидел там до вечера.

После этого происшествия Баранов был уверен, что власти забьют тревогу. Но недели шли за неделями, а никаких официальных сообщений по поводу обнаружения фальшивых денег не появлялось. Видимо, «барановки» весьма органично вписались в систему денежного обращения СССР. Поэтому через пару месяцев денежный станок в барановском сарае вновь был собран и заработал в прежнюю силу. Правда вторая партия двадцатипятирублёвок получилась с небольшим брачком, который и выдал их создателя. Обнаружилось это так.

В ноябре 1976 года в одной из торговых точек России были выявлены четыре барановских «четвертака». Их тут же отправили в Москву, в Управление эмиссионно-кассоых операций Госбанка СССР. Оттуда они поступили на Гознак для более тщательной экспертизы. Это исследование выявило, что все «четвертаки» поддельные, принадлежат к одному источнику изготовления и имеют огромное внешнее сходство с настоящими. Гравюры на них с лицевой и оборотной сторон воспроизведена способом глубокой печати, волнистая сетка на лицевой

стороне и нумерация на оборотной стороне - высоким способом. Бумага имеет водяной знак в виде тёмных и светлых звёздочек. Из выводов экспертов выходило, что основными признаками поддельных билетов были следующие признаки: бумага «вялая», изготовлена из 100% целлюлозы, толщина от 100 до 130 микрон. В ультрафиолетовых лучах имеет голубое свечение. При просмотре бумаги под микроскопом хорошо видна различная её структура с лицевой и оборотной сторон билетов. Выводы экспертизы заканчивались так: данную подделку следует отнести к разряду опасных подделок, выполненную квалифицированно и практически нераспознаваемую в обращении.

Стоит отметить, что обнаружение этих четырёх «четвертаков» насторожил правоохранительные органы, но не настолько чтобы впасть в панику. Она началась месяца два спустя, когда сразу в восьмидесяти городах Советского Союза (от Москвы до Благовещенска) стали всплывать точно такие же двадцатипятирублёвки. Вот тогда в союзном МВД поднялся настоящий переполох, потому что стало ясно - фальшивые деньги выпускает целая группа высокопрофессиональных специалистов. На каком-то этапе кто-то из высоких милицейских чиновников даже предположил, что это ничто иное, как происки ЦРУ, которое таким образом пытается подорвать денежную систему СССР. В итоге в МВД была создана специальная следственная группа, которая занялась поисками «денежных террористов». Сотни типографских рабочих, служащих Гознака и его филиалов были взяты под негласный контроль, с целью выявить их причастность к данной провокации. Однако всё было напрасно. Преступники были неуязвимы, а фальшивые деньги не иссякали. К началу 1977 года их сумма уже составляла 23 тысячи рублей.

Те временем кольцо вокруг Баранова сжималось. Ранней весной 1977 года в УБХСС Ставропольского крайисполкома из Центрального хранилища ветхих денег в Москве пришла купюра достоинством 25 рублей, принятая из Ставропольского банка. На ней прямо было указано: фаьшивая. Единственное отличие - отслоение бумаги на сгибе. Всё остальное - не подкопаешься. Обэхээсники в течение месяца шерстили весь район Минеральных Вод, блокировали все торговые точки, оповестив всех работников торговли под роспись о том, чтобы в случае обнаружения фальшивок те немедленно сообщали в милицию. Вскоре выяснилось, что большой сбыт фальшивок идёт через рынки. Перекрыли и те. И вскоре «рыба» угодила в расставленные сети.

12 апреля Баранов приехал на рынок города Черкесска, чтобы сбыть очередную партию фальшивок. Но нарвался на дотошного агронома совхоза «Унцукульский» Шарпуттдина Магомедалиева, который заподозрил в протянутой ему покупателем двадцатипятирублёвке фальшивку. Агроном поднял крик. Баранов же, вместо того чтобы убежать, решил будь что будет. Его привели в отделение милиции и изъяли из карманов 77 фальшивых «четвертаков». У него был шанс откреститься от этого «добра» - сказать, что нашёл, купил, да мало ли что

ещё, но он предпочёл во всём сознаться. Так и сказал: «Я тот, кого вы ищите».

Однако пиком операции явилось даже не само задержание, а поразившая бывалых обэхээсников картина, которая открылась в сарае Баранова на улице Железнодорожной в Ставрополе. Когда они увидели специальное прессовое оборудование, типографские заготовки, пластины, красители, клише и даже «шаровую мельницу», у них глаза на лоб полезли. Только тут им стало ясно, что задержанный не врал, когда утверждал, что работал исключительно в одиночку.

Арест фальшивомонетчика-одиночки произвёл на власти поистине шоковое впечатление. Его супермастерская на дому была показана руководству краевого УВД, затем демонтирована и перевезена в здание того же УВД. По фактам этого дела был снят шестичасовой (!) учебный фильм, одну копию которого отправили в Москву в союзный МВД. Говорят, сам Л. Брежнев интересовался тогда этим уникальным делом.

Тем временем Баранов на четвёртый день после своего ареста написал на имя союзного министра внутренних дел Николая Щёлокова письмо, в котором откровенно поделился своими идеями относительно слабых сторон советских денежных купюр. Так и написал:

«К производству фальшивых купюр я готовился в течение 8 лет и пришёл к выводу, что наши бумажные деньги недостаточно снабжены защитными свойствами, исключающими подделку. В связи с этим я считаю необходимым внести ряд важнейших предложений...».

Однако инициатива Баранова так и осталась невостребованной: то ли из-за брезгливости, то ли из-за недостатка ума власть не захотела выслушивать советы самородка-фальшивомонетчика. Хотя его гениальные способности тогда признали даже специалисты. К нему в Ставрополь из Москвы срочно прилетела группа высокопоставленных начальников из Следственного управления МВД и Управления Гознака. В ходе 12 следственных экспериментов был фрагментарно воспроизведён весь процесс изготовления фальшивых купюр от самого начала и до конца. После этого начальник 17-го отдела Управления Гознака СССР государственный эксперт Тимофеев изрёк: «Вы, Баранов, единственный в России человек, сработавший так профессионально. Вы - одиночка, профессионализм которого стоит на одном уровне с Гознаком». Эксперт знал, что говорит. Вот всего лишь один факт, говорящий в пользу этих слов. На советской сотенной купюре один из водяных знаков был - профиль Ленина. Под микроскопом было видно, что у Ильича ресничка находится в микроне от глаза. Это сделали специально - как одну из степеней защиты. На самом Гознаке из десяти купюр одна-две с брачком - ресничка залипает. А у Баранова таких не было ни одной.

Когда Баранова привезли в Москву и посадили в Бутырскую тюрьму, посмотреть на него приезжали многозвёздные генералы МВД. Вскоре

состоялся суд, на котором Баранов отказался от услуг адвокатов и защищал себя сам. Ему «светило» до 10 лет, однако он сам увеличил себе срок, рассказав о том, как в 1975 году «посеял» на рынке в Ялте портфель с 30 тысячами фальшивых рублей. За язык его никто не тянул.

В приговоре значилось: «За указанный период подсудимым было изготовлено 1249 штук 25-ти рублевых билетов и 46 50-ти рублевых билетов на общую сумму 33 545 рублей. Сбыто фальшивых купюр: 50-ти рублёвого достоинства - 45 штук и 25-ти рублёвого достоинства - 851 штука. На общую сумму в 23 525 рублей.

При разрешении дела судебная коллегия учла, что подсудимый к уголовной ответственности привлечён впервые, раскаялся в содеянном и способствовал раскрытию настоящего преступления, - признала Баранова В. И. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.87 УК РСФСР и приговорила к 12 годам лишения свободы в ИТК усиленного режима».

О том, как он сидел в колонии, Баранов вспоминать не любит. Известно лишь, что было ему там не сладко. Были моменты, когда он попадал в санчасть избитый так, что не мог пошевелить пальцем - тело было всё иссиня-чёрным от синяков. Но срок свой он отсидел «от звонка до звонка». А когда вернулся домой, там его встретило пепелище: мать умерла незадолго до его ареста, жена не дождалась, забрав себе квартиру. К счастью, Баранова пригрели его однокашники по музыкальному училищу. Да, да, у него помимо технических талантов есть ещё и талант певца. После колонии он даже записывался на радио - пел весь репертуар Марио Ланца и Пласидо Доминго. Но это для Баранова что-то вроде хобби. А главным делом его жизни на свободе стал бизнес, теперь уже легальный. Он внедряет в производство парфюмерию собственного изготовления: придумал рецепт духов, дезодорант для полости рта с витаминным эффектом, бальзам для роста волос.

Однако вернёмся в конец 70-х.

О том, что земля российская полна всевозможными талантами и уникальными личностями, в том же 1977 году пришлось убедиться и вечным конкурентам МВД - чекистам. Об этом значительно позднее рассказал на страницах еженедельника «Мегаполис-Экспресс» контрразведчик полковник Николай Грашовень. Вот его рассказ: «Дело было давно, ещё в 1977 году. Оно было на контроле у самого Андропова. И я был непосредственным участником этой прямо-таки фантастической истории, на распутывание которой ушло целых четыре месяца кропотливой работы. Всё началось с той ночи, когда жильцы одного из домов в районе Перовских улиц столицы заметили, что у них на чердаке обосновался мужчина, одетый в полевую форму десантных войск. Работники милиции задержали этого десантника, доставили в местное отделение и вызвали патруль военной комендатуры. Патруль, не обнаружив при нём никаких воинских документов, уехал - разбирайтесь,

мол, сами. Милиционеры позвонили нам. Дежурным по управлению был я. С момента задержания и до моего приезда десантник не проронил ни слова. Когда мы с ним остались наедине, он всё же снизошёл... Сказал, что прибыл из Прибалтики. В одиночной камере Лефортовской тюрьмы ему дали бумагу и письменные принадлежности. Он умел прекрасно рисовать, писал стихи, много пел...

Однако медики не нашли у него явных психических отклонений. В бумагах десантника, кроме рисунков и стихов, были ещё и чертежи. Эксперты установили, что это не что иное, как планы ракетных шахт и прочих стратегических объектов. Прибавьте сюда ещё то обстоятельство, что пел и писал он на двенадцати языках без акцента и ошибок. Очень долго его не удавалось разговорить. Когда же это наконец произошло, он назвался Гельмутом Иоганном Брауном, потомком абверовских диверсантов, выросшим в подземных бункерах, где до сих пор ещё сидят его родители в ожидании приказов какого-то центра. Дальше пошли настоящие чудеса. С любым текстом он справлялся блестяще. Например, сделал полные чертежи немецкой армейской рации времён войны. Давал подробнейшие описания любого вида оружия. Когда его попросили набросать план одного из наших секретных объектов и назвали точные координаты, то он это сделал. Затем другой объект, третий, четвёртый... Эксперты признали, что чертежи Брауна более точны, чем материалы космической аэрофотосъёмки. Тут уж мы просто схватились за головы! Получалось, что какой-то невероятно способный человек (а вдруг таких Браунов ещё несколько сотен?!) разгуливал вблизи объектов, изучал их и проводил топографические работы. Наше высшее руководство уже наметило проведение операции с привлечением двух дивизий войск госбезопасности. Цель - обнаружить и обезвредить те самые бункеры, о которых рассказывал Браун. Всё разъяснилось случайно. Я попросил его разобрать и собрать автомат Шмайсера, любую деталь которого он воспроизводил на бумаге, что называется, с закрытыми глазами. Не получилось... Владеть оружием мнимый диверсант совершенно не умел. Повторная проверка велась уже по милицейским каналам. Результат был плачевным. Оказалось, что целых четыре месяца контрразведка возилась не с Гельмутом Иоганном Брауном, а с дважды судимым за бродяжничество гражданином Журавлёвым. В течение последующих пяти лет его феноменом занимались уже медики».

В дни, когда знаменитый фальшивомонетчик В. Баранов «парился» в тюрьме МВД, а «диверсант» Браун-Журавлёв - в Лефортово, ещё один уникальный преступник вор-домушник Борис Романович (Рувимович) Венгровер получил по приговору Мосгорсуда свой последний срок. Случилось это осенью всё того же 1977 года. Звезда уголовного мира СССР и нескольких европейских стран был случайно задержан во время своего очередного ограбления в доме, что стоит в Токмаковском переулке (рядом с Курским вокзалом).

Так же, как и В. Баранов, Б. Венгровер - уникальное явление в

криминальном мире бывшего СССР. Человек недюжинного ума и выдающихся способностей, Венгровер занимался своим воровским ремеслом с настоящим упоением и истинной выдумкой. Помимо милиции Советского Союза, на территории которого он уже успел «схлопотать» 13 судимостей, его искали ещё в нескольких европейских странах, чтобы предать суду за квартирные кражи. Однако Венгровер был неуловим. Как представитель поколения «идейных» воров, он грабил только состоятельных людей. Если воровская судьба заносила его в квартиры бедных, оттуда ничего не пропадало. Взяв несколько богатых квартир, Венгровер на какое-то время залегал на дно или, меняя место пребывания, выезжал за границу. Приятной, импозантной внешности, он обычно выдавал себя то за бухгалтера, то за фининспектора какой-нибудь солидной организации.

В молодости Венгровер искренне и самоотверженно влюбился в девушку из приличной семьи и даже женился на ней. У них родилась дочь. Однако в скором времени родители девушки узнали, какому роду деятельности отдаёт свои силы и страсть их зять, и тут же потребовали от дочери порвать с ним всякие отношения. После этого Венгровер решает «завязать» со своим ремеслом. Отсидев очередной срок, он устроился рядовым путейским рабочим на железную дорогу. Вскоре за отменные человеческие качества - а был он щедрым и великодушным - снискал в коллективе истинное уважение. Не имея возможности общаться со своей родной дочерью, он всю свою нерастраченную отцовскую любовь отдавал чужим детям. Именно для них на собственные деньги он построил детский спортивный городок в районе Селезневки.

Говорят, именно обида за свою неудавшуюся семейную жизнь толкнула Венгровера на прежнюю воровскую стезю. Он вспомнил лихую молодость и решил тряхнуть стариной. Числясь истопником Саженевской специальной школы-интерната, что в Рязанской области, он стал частенько отлучаться к своим якобы дальним родственникам. Назад же возвращался не с пустыми руками и почти всё это богатое барахло раздаривал саженевцам. До своего ареста в 1977 году он успел обокрасть семь квартир в Рязани и три - в Москве.

На суде Б. Венгровер вёл себя честно, во всём признался и, более того, изъявил желание помочь советским гражданам уберечь свои квартиры от посетителей вроде него. Он говорил о дверях, изготовленных из пластинок прессованного картона, о непрочных замках, которые можно было открыть при помощи спички. Всё это рассказывал искренне, отнюдь не стремясь «купить» представителей правосудия. Он был уже старым и искушённым в жизни человеком и прекрасно понимал - это его последняя судимость. Выйти живым из тюрьмы он уже не надеялся и чистосердечным признанием стремился хоть как-то облегчить душу.

Вооружённые ограбления 70-х

Налёт в Риге. Ограбление в Кривом Роге. Ограбление банка в Ереване.

А в то время как дилетант В.Баранов сотрясал основы банковской системы страны без единого выстрела, лишь силой своего профессионального мастерства, находились люди, мечтавшие на советской почве повторить путь легендарных американских бандитов 30-х годов, грабителей банков Бонни и Клайда. Наиболее знаменитыми стали три случая, происшедшие в 1974 и 1978 годах.

9 января 1974 года в Риге впервые за долгие годы был ограблен инкассатор. Случилось это в девятом часу вечера возле кафе «Турайда». Преступник действовал один и на удивление грамотно и хладнокровно. Убив за несколько часов до ограбления водителя инкассаторской машины, он занял его место за рулём, после чего, прибыв к кассе, дождался, когда деньги будут получены, обрезком металлической трубы ударил инкассатора по голове, схватил мешок с 36 тысячами рублей и скрылся.

Несмотря на то что милиция прибыла на место происшествия через 10 минут после сообщения о случившемся и сразу же в районе начала действовать операция «Кольцо», преступник по горячим следам так и не был найден.

Второй инкассатор, находившийся в момент преступления возле машины и не пострадавший, начал давать первые свидетельские показания и описал приметы преступника. Более того, он назвал его предположительное имя Николай - и вспомнил, что тот по дороге к кассе хвалился знакомством с продавщицей одного из рижских гастрономов. Найти эту продавщицу милиции не составило большого труда, так как тот гастроном находился на пути следования инкассаторской машины. Именно продавщица и восстановила полное имя преступника - Николай Красовский. В дополнение к этому женщина предоставила сыщикам и фотографию Красовского с дарственной надписью на обороте. Отметим, что с момента совершения преступления прошло всего лишь пять часов!

Вместе с тем эксперты, изучавшие отпечатки пальцев в машине, установили: на электробритве, принадлежавшей убитому шофёру, помимо отпечатков Красовского, найдены ещё одни. Значит, преступников было как минимум двое.

Утром следующего дня выяснилось, что Красовский работал в одном таксопарке с убитым им шофёром. Там рассказали: Красовский обладал весьма скандальным характером, несколько раз после обильных пьянок задерживался милицией. Стали искать, с кем он обычно выпивал. И тогда всплыла фамилия некоего Мезиса, прежде судимого. 10 января в 10 часов утра эксперт НТО уже докладывал руководителю следствия Кавалиерису о том, что отпечатки пальцев Мезиса, как и отпечатки пальцев Красовского, точно совпали со следами, найденными на металлической поверхности трубы, опустившейся несколько часов назад на голову

инкассатора.

В полдень того же дня Мезис был арестован у себя на квартире. Никакого сопротивления оперативникам он не оказал и сразу же во всём сознался. После этого следственная группа выехала с ним в лес, к месту, где, по словам Мезиса, покоилось тело убитого шофёра Инара Карпова. Теперь предстояло арестовать Николая Красовского.

К середине дня 10 января из типографии вышла первая партия листовок с фотографией Красовского, в которых были перечислены все его приметы и опубликована просьба ко всем гражданам Риги помочь в его розыске и задержании. В тот же день подобное объявление было передано по радио, а вечером телевидение дважды прерывало свои программы и обращалось к гражданам с просьбой: «Помогите найти убийцу!» После этого прошло ещё двое суток.

Арестовали же Николая Красовского, можно сказать, случайно. На Рижском вокзале его опознал инспектор уголовного розыска Николай Крамаренко. Так за три дня было раскрыто это дерзкое преступление. Результаты его были настолько беспрецедентны, что руководство МВД СССР буквально через три часа после задержания Красовского обратилось к кинодокументалистам с предложением создать на материале этого дела фильм. Предложение тут же было принято.

Вскоре в Риге состоялся суд над преступниками. Приговор обоим вынесли суровый - смертная казнь.

В том же 1974 году, только несколько позднее - 23 мая, в Кривом Роге двое 30-летних мужчин совершили ограбление самого крупного в городе магазина - «Детский мир». Средь бела дня ворвавшись в кассу магазина, они обухом топора свалили с ног старика сторожа и, наставив на кассиршу пистолет-зажигалку, отобрали у неё сумку с 20 775 рублями. Несмотря на то что преступники работали в открытую, найти их какое-то время не удавалось. И кто знает, сколь долгим было бы следствие, если бы не случайность, можно сказать, анекдотического характера.

27 мая того же года один из налётчиков, напившись у друзей на ворованные деньги, не смог дойти до дома и заснул на лавке в одном из дворов. Под голову он положил портфель с 10 тысячами ворованных рублей. Вскоре его разбудили милиционеры. Они доставили пьяного в отделение и там, естественно, поинтересовались происхождением такой крупной (по тем временам) суммы. Запирательство длилось недолго.

В третьем случае хоть и обошлось без кровопролития, но сумма похищенных денег не шла ни в какое сравнение с рижским и криворожским ограблениями. Она по тем временам считалась астрономической - 1,5 миллиона рублей.

Для раскрытия этого преступления буквально «на уши» была

поставлена вся союзная милиция, а следствие курировал сам министр внутренних дел СССР Николай Щёлоков, который лично докладывал о его ходе венценосному генсеку. И хотя спустя несколько месяцев дерзкие преступники были арестованы и руководители операции по их поимке получили причитающиеся им ордена и звёздочки, однако назвать это дело до конца раскрытым было нельзя. Ведь главные и самые дорогие ценности, похищенные преступниками, найти так и не удалось. Но самое любопытное в том, что сыщики, искавшие преступников, об этих главных ценностях даже не догадывались.

Начало этой уникальной истории уходит корнями в далёкое прошлое - в события 1918 года. После августовского покушения на Ленина и начавшегося сразу после этого красного террора, большинство иностранных граждан, проживавших в России, стали спешно покидать страну. Не стал исключением и знаменитый французский ювелир Фаберже. Однако в отличие от многих его соплеменников, уезжавших «налегке», Фаберже раздирали противоречия - как быть с драгоценностями, которых у него накопилось на целый саквояж? Везти их с собой? Но где гарантия, что на границе их не конфискуют революционные власти, а их хозяина не запишут в контрабандисты? В конце концов, ювелир решил оставить их в посольстве, уповая на то, что ворваться на его территорию у большевиков наглости не хватит. Но он ошибался. Буквально спустя несколько недель после его отъезда чекисты посетили французское посольство под предлогом поиска в его стенах иностранных шпионов. Оных они так и не нашли, зато обнаружили доверху набитый драгоценностями саквояж, который тут же и конфисковали, даже не выдав ошарашенным французам соответствующую расписку. С этого момента и берут своё начало удивительные приключения кулонов и браслетов знаменитого ювелира в советской стране.

Судя по всему в том же 1918 году большую часть этой уникальной коллекции растащили чекисты, участвовавшие в их экспроприации. Часть вещей, причём незначительная, в 20-е годы стала всплывать на различных вещевых рынках в качестве оплаты за жизненно необходимые продукты, но большая часть осела в чьей-то частной коллекции. В 60-е годы этими драгоценностями завладел богатый армянский цеховик Вазген О., который предпочитал хранить их в своём доме под Ереваном. Но в середине 70-х, видимо всерьёз опасаясь за судьбу коллекции, он предпочёл их перепрятать, доверив это дело своему родному дяде. Тот со своей стороны пообещал ему, что в его руках драгоценности будут «как в банке», и не обманул - действительно спрятал их в Ереванском банке, в котором занимал одно из руководящих мест. Но слово своё дядя не сдержал.

Согласно расхожей поговорке, что «шила в мешке не утаишь», наличие у Вазгена О. уникальной коллекции драгоценностей самого Фаберже в конце концов стало известно ещё одному коллекционеру из

Армении. С этого момента идея завладеть ею стала не давать ему покоя. В течение нескольких месяцев его люди шаг за шагом сжимали кольцо поисков, пытаясь узнать в каком месте Вазген хранит коллекцию, пока наконец не вышли на его дядю. Узнав о том, кем и где работает этот человек, преследователь чисто интуитивно догадался в каком месте может храниться искомое. Однако для подтверждения этого необходимы были веские доказательства. Но за ними дело не стало. Подкупив одного из сотрудников банка - молодого парня, только что закончившего экономический факультет Ереванского госуниверситета и сильно нуждавшегося в деньгах, преступники вскоре сумели установить, где именно дядя-банкир мог хранить уникальную коллекцию. Судя по всему, это было хранилище с деньгами на втором этаже банка. В течение нескольких последующих дней преступники тщательно изучали работу банка, в котором на их счастье в те дни проводился ремонт и царил сопутствующий ему бардак, после чего пришли к заключению, что самым благоприятным временем для осуществления задуманного может быть только уикэнд.

В один из июньских дней 1978 года в МВД СССР поступила срочная телефонограмма из Еревана, в которой сообщалось, что из Ереванского банка неизвестными преступниками похищено 1, 5 миллиона рублей. Учитывая астрономическую сумму похищенного, Ереван телеграфировал об этом происшествии в Москву и надеялся, что оттуда им пришлют помощь. Так оно и получилось. Вскоре из столицы Союза в Ереван прибыла представительная делегация в составе заместителя министра внутренних дел СССР Б. Шумилина (он курировал угрозыск страны), заместителя начальника Управления уголовного розыска СССР А. Волкова и других следователей УУР МВД Союза. (Чуть позже туда же прибыл и сам начальник УУР И. Карпец). На месте группу розыска усиливал министр внутренних дел Армении А. Поталов и начальник республиканского угрозыска Э. Шахназаров. Что же выяснили сыщики на место преступления?

Как оказалось, преступники действовали на удивление нагло, пользуясь чудовищной расхлябанностью и разгильдяйством работников банка. Проникнув в здание (кстати, оно было ещё дореволюционной постройки) с крыши соседнего дома, преступники попали в комнату, под которой находилось хранилище с деньгами. Пользуясь ручной дрелью, они в течение двух дней (в перерывах даже уходя домой) просверлили в полу отверстие и спустились в хранилище. Там, набив под самую завязку принесённые с собой мешки деньгами на сумму в полтора миллиона рублей (можно было взять и больше, но грабители взяли столько, сколько смогли унести), они тем же путём покинули банк. Случилось это приблизительно в воскресенье вечером, однако о пропаже работники банка узнали только во вторник, когда открыли хранилище.

Сыщики, осмотрев место преступления, пришли к однозначному выводу: преступники - профессионалы своего дела. Об этом

свидетельствовали некоторые особенности их действий и прежде всего находчивость грабителей, которые, сверля отверстие в полу, использовали обыкновенный зонтик просунув его в отверстие и раскрыв, они собирали в него всю грязь, появлявшуюся в процессе сверления. Для сыщиков это была первая зацепка. В течение нескольких месяцев они тщательно рылись в архивах, пытаясь найти хоть какое-то упоминание о подобном методе, применяемом в прошлом. Им казалось, что хитроумный трюк с зонтиком вполне мог подбросить кто-то из бывалых уголовников. Но, к сожалению, найти что-нибудь подобное в архивах МВД так и не удалось. Не сумели они с первого раза и «расшифровать» наводчика из числа работников банка, услугами которого явно воспользовались грабители. Также не принесла мгновенных результатов и ориентировка, посланная во все банки и сбрекассы страны, где указывались номера серий похищенных купюр. Впрочем, царившие в этих заведениях неразбериха и бесхозяйственность не могли привести к быстрым и положительным результатам. Так месяц за месяцем уходило время, а преступники- миллионеры по-прежнему гуляли на свободе.

Между тем все эти обстоятельства послужили весьма удобным поводом для интриганских игр внутри МВД СССР. Неудачи подопечных начальника УУР И. Карпеца позволили его соперникам из служб УБХСС «спустить на него всех собак» и настроить против него самого министра МВД Н. Щёлокова.

Когда восьмимесячное расследование не дало серьёзных результатов, руководство УУР решило пойти на последний манёвр и выманить преступников на стратегический простор. В начале 1979 года в среде банковских работников было заявлено, что ранее объявленный запрет на выпуск в оборот денег из похищенной серии снят. Теперь следовало ожидать активных действий со стороны преступников, руки которых наверняка жёг похищенный миллион. И сыщики не ошиблись.

Выехав в Ташкент, преступники действительно «сбросили» там несколько тысяч рублей и стали отслеживать реакцию властей. Те же стоически «бездействовали». Тогда грабители, уверенные в том, что всё сошло им с рук, отправились в Москву и принялись транжирить миллион дальше.

В Москве у одного из них жила любовница со своим братом, у которого имелся автомобиль. Этот автомобиль и облюбовали себе преступники, пообещав его владельцу дать денег на покупку нового. Они решили выехать на отдых в Сочи и попросили брата разменять в ближайшей сберкассе три тысячи рублей на более мелкие купюры. Эта вылазка по обмену ворованных денег на настоящие повлекла за собой цепочку событий, завершением которых стала поимка преступников. Бдительная сотрудница сберкассы, обнаружив на деньгах «засвеченные» номера, тут же связалась с ближайшим отделением милиции. Но пока нерасторопный дежурный уточнял ситуацию, посланец смекнул, что дело нечисто, и, оставив деньги, сбежал из сберкассы. Однако машина розыска

была уже запущена, и сыщики с Петровки, 38, получив долгожданный сигнал, активизировали свои действия по всей столице. Подняли на ноги негласную агентуру муровцев. К вечеру того же дня заместителю начальника 52-го отделения милиции по розыску пришло сообщение о том, что два подозрительных кавказца находятся по такому-то адресу. Тут же был отдан приказ об их задержании. Через час кавказцы уже находились на Петровке, 38. А ещё через некоторое время в машине, которую они купили у брата любовницы, в размонтированном колесе было найдено более 800 тысяч рублей из похищенных в Ереванском банке. Остальные 100 тысяч рублей преступники закопали под домом в Ленинакане. «Сдали» милиции грабители и своего сообщника из банка бывшего студента госуниверситета. Но на этом их признания и закончились. А сыщики ни о чём кроме денег их не пытали - история с бриллиантами Фаберже им была неведома. Но куда же тогда делись драгоценности? И вообще, как они пропали?

Похитили их, естественно, те двое грабителей, которые попались в руки сыщиков. Причём, задержав их, у муровцев наступило лёгкое оцепенение. Перед ними предстали не матёрые профессионалы-медвежатники, а обыкновенные молодые люди, дилетанты в преступной науке. Но сыщики не знали, что это было неспроста - заказчику ограбления - охотнику за коллекцией Фаберже были нужны именно такие подручные. Он рассчитывал, что «чистых» грабителей меньше всего шансов вычислить профессионалам из угро. Но он ошибся в другом. Когда грабители попали в хранилище, где действительно хранился саквояж с драгоценностями, у них просто «поехала крыша» от вида денег, сложенных там. Поэтому, вручив заказчику требуемый товар, грабители в следующую ночь вновь наведались в банк и от души затарились советскими червонцами.

Что стало с драгоценностями Фаберже доподлинно так и неизвестно. По одной из версий, в 80-е годы их благополучно вывезли за рубеж (предположительно во Францию), где они осели в одной из частных коллекций. Как бы то ни было, но справедливость восторжествовала - вещи через много лет вновь оказались на родине. Но надолго ли?

Раскрытие столь громкого преступления оказалось выгодно многим высоким чинам в союзном МВД, включая и самого министра Н. Щёлокова. Не успело сообщение об аресте двух грабителей достичь его ушей, как он тут же позвонил Л. Брежневу и победно отрапортовал об успехе. При этом основные заслуги в этом деле он приписал службе БХСС во главе с генерал-майором И. Перевозником. Это была откровенная пощёчина Управлению уголовного розыска страны во главе с И. Карпецом, которого Щёлоков откровенно недолюбливал. Собственно, именно это дело поставило крест на карьере в угро талантливого сыщика - через несколько месяцев Карпец был снят с должности. Новым начальником УУР МВД СССР стал А. М. Волков.

Слияние властных структур с преступными группировками

Ю. Андропов против Н. Щёлокова. «Красные буржуи». Чистка в Азербайджане и Грузии.

В те годы, имея своим заместителем молодого и энергичного Ю. Чурбанова, сам Н. Щёлоков не мог быть спокоен за своё кресло. Чурбанов колесил по Союзу с инспекторскими проверками и явно «тянул одеяло на себя» - ставил своих людей во многих регионах. В том же 1979 году благодаря его стараниям бессменный в течение 15 лет министр внутренних дел Узбекистана Яхьяев ушёл в отставку, а на его место пришёл К. Эргашев.

Однако Н. Щёлоков и сам был достаточно опытным стратегом политической интриги. К тому же к концу 70-х он уже достаточно заматерел для того, чтобы всерьёз считаться одним из сильнейших политиков в команде Л. Брежнева. В октябре 1980 года, когда скончался Председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин, Николай Щёлоков стал одной из основных фигур на замещение этой должности. Правда, кое-кто считал, что, предлагая этот пост Щёлокову, Брежнев тем самым пытался расчистить путь к министерскому креслу своему зятю - Юрию Чурбанову. И надо сказать, логика в подобных слухах была. Однако Щёлоков вежливо отказался от высокого поста и так и остался министром МВД. По-видимому, он считал, что в его руках и без того достаточно власти и нет нужды стремиться к чему-то большему.

Усиление позиций министра МВД шло параллельно усилению ещё одного представителя силовых министерств страны - председателя КГБ Юрия Андропова. Конфликт между двумя этими министрами сохранялся на протяжении всех 70-х и к концу этого десятилетия достиг своего апогея. Заметим, что, как и раньше, чекисты в служебной иерархии стояли на несколько ступенек выше сотрудников МВД и постоянно старались открыто это подчеркнуть. Однако именно Н. Щёлоков стал первым министром союзного МВД, который попытался нарушить эту последовательность благодаря своему близкому положению к Л. Брежневу. И подобное, естественно, не могло не вызвать резкого раздражения по отношению к Щёлокову со стороны руководства КГБ. Свидетель тех событий Е. Чазов позднее вспоминал: «Речь шла больше не о противостоянии Ю.В. Андропова и Н. А. Щёлокова, которого Ю. В. Андропов иначе как «жуликом» и «проходимцем» мне не рекомендовал, а скорее о противостоянии двух организаций, обладающих возможностями контроля за гражданами и ситуацией в стране. И надо сказать, что единственным, кого боялся и ненавидел Н. А. Щёлоков, да и его первый зам, зять Брежнева - Ю. М. Чурбанов, был Ю. В. Андропов».

И ещё одно свидетельство на этот счёт - Ю. Чурбанова: «Андропов с неприязнью относится к Щёлокову не только из-за «магазина» (в 1972

году в Москве по распоряжению Щёлокова был открыт магазин, где практически за бесценок отоваривались высшие чины МВД и их родственники), тут, видимо, существовали какие-то другие, более глубокие причины. Юрий Владимирович был истинным коммунистом. Если человек, носивший в кармане партбилет, совершал поступки, порочащие имя коммуниста, он не только переживал - этот человек вызывал у него принципиальное презрение... Не личная ненависть, а принципиальные расхождения во взглядах на то, как должен вести себя руководитель министерства, - вот что было между ними».

Следует также сказать, что в отличие от аскетичного «человека в футляре» Ю. Андропова Щёлоков всегда стремился быть максимально открытым в общении, активно заигрывал с интеллигенцией. Он дружил с М. Ростроповичем в то время, когда тот в 1973 году предоставил свою дачу под жильё гонимому КГБ А. Солженицыну. Этот поступок министра МВД был явно в пику председателю КГБ, и Андропов нисколько не заблуждался на этот счёт.

Укрепляя с каждым годом свои позиции в качестве министра внутренних дел страны, Щёлоков действовал расчётливо и старался бить наверняка. Сосредоточив в своих руках оперативную работу в области преступлений в сфере экономики, уголовных проявлений, охраны общественного порядка, подчиняя себе всю систему предварительных мест заключения, исправительно-трудовых учреждений, включая и внутренние войска, министр МВД после смерти Генерального прокурора СССР Романа Руденко в 1974 году позарился и на прокурорские владения. Мечта о передаче расследований особо важных дел, в том числе убийств, изнасилований, должностных преступлений, из прокуратуры в МВД давно уже не давала Щёлокову покоя. И он шёл к осуществлению этого медленно, но, казалось, верно. И вот наверху принято решение о передаче всех дел о преступлениях несовершеннолетних в следственные органы милиции, а это почти половина дел, расследуемых следователями прокуратуры. Достигнуть же большего Щёлокову не позволили ни время, ни обстоятельства, которые складывались отнюдь не в его пользу.

70-е годы XX столетия явились для нашей отечественной криминальной буржуазии годами истинного расцвета и благоденствия. Партийная и хозяйственная мафии жировали на глазах у всех, не особенно заботясь об объяснении причин собственного благополучия. Бороться с этим монстром было уже бесполезно, да и небезопасно. Например, в 1974 году заместитель начальника Пензенского областного УВД Г. Дидиченко возглавлял оперативную группу по раскрытию одного уголовного преступления. В сферу деятельности группы попала и работа ликеро-водочного завода, кондитерской фабрики, мясокомбината, ресторана и других организаций города и области. Выяснилось, что здесь действует организованная преступная группа, состоящая из высокопоставленных должностных лиц, знающих основы оперативной работы, имеющих своих информаторов, боевиков и, самое страшное, -

реальную власть в области. Поначалу преступники не поверили в серьёзность следствия и не предпринимали против него никаких мер. Но когда в КПЗ был заключён заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды Пензенского обкома КПСС, они зашевелились. Прокурор области В. Журавлев, давший «добро» на этот арест, был освобождён от должности. К самому Г. Дидиченко стали применяться меры устрашения. Ему позвонили домой и пригрозили: ещё один подобный шаг, и он навсегда потеряет свою единственную дочь. В результате следствие свернули. А через четыре года Дидиченко уволили из органов МВД и предупредили, что его молчание гарантирует ему спокойную жизнь и нормальную пенсию.

Что говорить о пятисоттысячной Пензе, если в самой Москве беспредел различных партийных и хозяйственных кланов не знал границ. Одного начальника Главторга Мосгорисполкома Николая Трегубова столичное ГУВД в начале 70-х пыталось «свалить» несколько раз, но всё напрасно. Более того, пухлая папка компромата из 157 листов оказалась не у адресата - ЦК КПСС, а на столе у Трегубова.

Н.Трегубов попал в начальники Главторга в 1968 году в возрасте 50 лет, так сказать, получил «подарок» к своему юбилею. Пост этот всегда считался «хлебным», поэтому лучшего подарка к своему юбилею Трегубов и представить себе не мог. К тому времени торговая сеть Москвы была уже основательно развращена (вспомним нашумевшее ещё в конце 40-х дело Мосминводторга) системой взяток и хищений. В магазинах это выглядело так. Норма естественной убыли - в обиходе «естественка» - предусматривает, что ряд продовольственных товаров в ходе хранения или подготовки к реализации теряет определённый процент веса. Но во многих магазинах, где товар шёл в продажу, что называется, с колёс, потерь практически не было. Расхитители этим и пользовались: «естественка» на бумаге начислялась и списывалась, а на самом деле оседала в их карманах. Учитывая же товарооборот каждого отдела в крупных магазинах, подобная прибыль исчислялась в сотнях, а то и в тысячах рублей. Особенно за счёт товаров так называемого повышенного спроса. А чтобы получить такой товар сверх положенных фондов, директор магазина обычно давал взятки «наверх» директорам торгов. От тех деньги кочевали к начальникам управлений торговли и, наконец, достигали верхушки пирамиды - Главторга. И каждый из руководителей считал само собой разумеющимся получение подношений в виде денег, бесплатных продовольственных заказов, дорогих подарков. Эта система была отлажена превосходно, ни у кого и мысли не возникало о том, что кто-нибудь может на неё покуситься. Ведь торговая мафия питала мафию партийную, и Н. Трегубов являлся не просто директором торга, а ещё и депутатом Моссовета. Так же, как и директор (с 1963 г.) Дзержинской плодоовощной конторы Амбарцумян. Депутатом того же Совета мог стать и директор Елисеевского магазина Юрий Соколов, если бы не предыдущая судимость (Ю. Соколов был осуждён за изнасилование, которого не совершал. Через два года, когда задержали настоящего насильника, его

отпустили на свободу). Его карьера весьма типична для касты советских торговых чиновников. Покрутив баранку такси в конце 50-х, Соколов был уволен с работы за нечестное обращение с клиентами (якобы обсчитывал пассажиров). Выйдя за ворота таксопарка, Соколов недолго унывал и вскоре через знакомых сумел получить место инспектора в Мосгалантерейторге. Через тех же знакомых вскоре пошёл на повышение и перешёл в отдел организации торговли Главторга Мосгорисполкома. А оттуда в 1962 году он пересаживается в кресло замдиректора гастронома № 1, что в народе носит название «Елисеевский». Поскольку директор магазина В. Борисов всё чаще стал прикладываться к спиртному, доверие к нему со стороны начальства окончательно иссякло, и в 1972 году его кресло занял примерный Юрий Соколов.

К середине 70-х годов молва о новых красных буржуях широко гуляла в народе. Не случайно именно в те годы популярным был анекдот о том, как мать Леонида Брежнева, обходя его новые роскошные апартаменты, удивлённо вопрошала: «Лёня, что же ты будешь делать, если коммунисты опять придут к власти?» Советские нувориши уже не прятали своё богатство от людских глаз, и поговорка «красиво жить не запретишь» всё чаще звучала из их уст. Один из таких миллионеров построил себе под Москвой роскошный дом и поставил у калитки швейцара в ливрее с галунами, который каждому гостю, открывая калитку, говорил: «Милости просим, барин ждёт вас». На территории дачи был сооружён бассейн, в нём плавали изящной работы столешницы, на которых стояли не менее изящные «стопарики» с водкой, тарелочки с разнообразной закуской.

Единственным ведомством, временами пытавшимся нагнать на них страх, оставался КГБ, председателя которого в 1973 году (через 20 лет после Л. Берии) вновь ввели в состав Политбюро. Произошло это после того, как Ю. Андропов сумел довольно успешно разворошить мафиозные гнёзда в двух советских республиках - Азербайджане и Грузии.

В Азербайджане широкомасштабная чистка началась в 1969 году. Для начала Андропову пришлось поставить во главе республиканского ЦК бывшего председателя КГБ Азербайджана Гейдара Алиева. Придя к власти, Алиев основательно взялся за кадры, и первые результаты не заставили себя ждать. Ещё будучи председателем республиканского КГБ, он имел данные о том, что начальник следственного отдела прокуратуры республики Саша Бабаев и ответственный работник той же прокуратуры Иза Кулиев вкладывают деньги в подпольные цеха и регулярно получают свою долю прибыли с левого производства. Став хозяином республики, Алиев получил возможность уличить прокурорских работников в неблаговидных поступках. Правда, ничего страшного с ними не произошло - их просто уволили с работы. Но по тем временам и это было весьма громким событием. Каток чистки прошёлся чуть ли не по всей республиканской номенклатуре, и под него попали несколько членов бюро республиканского ЦК, председатель Совета Министров, партийный секретарь Баку, а также многие министры и партийные секретари

областных и городских организаций. Газета «Бакинский рабочий» чуть ли не ежедневно сообщала читателям о случаях взяточничества, расхищения социалистической собственности, о подпольных частных заводах и о соответствующих наказаниях, среди которых порой фигурировала и смертная казнь.

В первый же год своего пребывания на посту первого секретаря ЦК Алиев сменил министра внутренних дел республики и двух его заместителей. На пост министра Алиев поставил своего друга - фронтовика, Героя Советского Союза Гейдарова. Однако через несколько лет случилась трагедия. Один из работников исправительно-трудовой колонии в Шуше, доведённый до отчаяния многочисленными отказами в переводе к новому месту службы из-за отсутствия денег для взятки (а они и при Алиеве не исчезли), получил табельное оружие и, приехав в Баку, пришёл на приём к министру внутренних дел. Там он без всяких церемоний оттолкнул от себя адъютанта министра, вставшего у него на пути, ворвался в кабинет к Гейдарову и несколькими выстрелами убил его и двух его заместителей. Потом подошёл к окну и, стоя возле него, застрелился. Так через несколько лет после смены первого триумвирата в МВД Азербайджана сменился второй. И вновь не по своей воле.

Не менее драматично, чем в Азербайджане, проходила чистка партноменклатуры и в другой закавказской республике - Грузии. Там к власти в середине 1972 года пришёл министр внутренних дел республики (1965 - 1972 гг.) 43-летний Эдуард Шеварднадзе. К тому времени первый секретарь ЦК КП Грузии Василий Мжаванадзе справил свой 19-летний срок правления в этой солнечной республике и не подозревал, что этот юбилей станет для него последним. Отметим: при нём Грузия превратилась в одну из самых коррумпированных советских республик и власть теневого капитала в ней распространялась на все сферы жизни общества. Даже родное для Шеварднадзе МВД было основательно разложено взяточниками и мздоимцами. Как-то в начале 70-х годов министр внутренних дел СССР Н. Щёлоков на совещании в Москве упрекнул Шеварднадзе в том, что служба ГАИ Грузии занимается денежными поборами и количество таких мздоимцев составляет чуть ли не 50% личного состава. Шеварднадзе молча выслушал упрёк министра и, вернувшись на родину, решил лично проверить верность слов Щёлокова... Загримировавшись под рядового гражданина, Шеварднадзе сел за руль обычного «москвича» и выехал на дороги Тбилиси. То, что он увидел, потрясло его неимоверно. Поборами занимались не 50% сотрудников ГАИ, а все 100%. После этого Шеварднадзе провёл кардинальную чистку республиканской службы ГАИ, но ликвидировать поборы окончательно так и не сумел. Да и не в силах обычный смертный, пускай и министр, это сделать.

Между тем первый секретарь ЦК КП Грузии В. Мжаванадзе был личным другом Л.Брежнева и за его широкой спиной чувствовал себя вполне уверенно. Сместить Мжаванадзе пытались несколько раз, однако

все попытки заканчивались безрезультатно. И только в начале 70-х годов очередная попытка Шеварднадзе увенчалась успехом. А завязка истории со смещением Мжаванадзе была настолько крутой, что могла бы послужить затравкой для любого детектива.

На одном из официальных приёмов в Тбилиси проницательный Шеварднадзе заметил на руке супруги Мжаванадзе Виктории бриллиантовое кольцо, представлявшее музейную ценность и давно разыскиваемое «Интерполом». Шеварднадзе по своим каналам установил, что кольцо подарил первой даме республики подпольный воротила Лазишвили. Эта информация полетела в Москву и легла на стол Ю.Андропова. Взвесив все «за» и «против», председатель КГБ дал добро на смещение Мжаванадзе.

Начать операцию Шеварднадзе решил, надёжно прикрыв тылы. Он хотел скандала, который всколыхнул бы общество. И такой скандал летом 1972 года состоялся. Под Сухуми силами МВД республики был найден тайный завод по производству оружия. Оружие продавалось преступникам и являлось источником многих бед как для жителей самой Грузии, так и для её соседей. Об обнаружении этого подпольного завода оповестила жителей республики главная партийная газета Грузии «Заря Востока». Через несколько дней этот номер газеты лёг на стол Леонида Брежнева. Так в августе 1972 года решилась участь Василия Мжаванадзе. Однако его личная судьба благодаря всё той же дружбе с Брежневым не была столь драматичной. Не желая жить под пятой Шеварднадзе, бывший первый секретарь с семьёй переехал в Москву, где получил квартиру, дачу и персональную пенсию. Чуть позже, с сохранением всех перечисленных привилегий, он перебрался жить на Украину (его жена была родной сестрой жены первого секретаря ЦК КП Украины П. Шелеста).

Между тем пришедший к власти Шеварднадзе проявил такую активность в деле перетряски партийных кадров, что уже через полтора года его пребывания на посту первого секретаря были смещены со своих постов 20 министров и членов ЦК партии, около сотни секретарей областного и районного масштабов, около десятка мэров и их заместителей. Всего же за 5 лет непрерывных чисток Шеварднадзе арестовал более 30 тысяч человек, 40 тысяч государственных и партийных чиновников были уволены со своих постов.

Шеварднадзе сумел «скрутить» одного из влиятельнейших грузинских подпольных миллионеров Отари Лазишвили. Тот имел весьма прочные связи не только в Грузии, но и в самой Москве. Именно туда он и направился, когда кольцо вокруг него стало сжиматься. Однако фортуна отвернулась от Отари в Москве: его арестовали сотрудники центрального аппарата КГБ прямо в приёмной Генерального прокурора СССР Романа Руденко. Единственное, что смогли сделать оставшиеся на свободе друзья Лазишвили, это увести от расстрельного приговора, который в те годы в Грузии считался вполне обычным делом.

Действия Шеварднадзе, в отличие, скажем, от действий Алиева, были куда более энергичными в плане борьбы с коррупцией, а значит, и опасными для коррупционеров всех мастей. Более того, Шеварднадзе затронул репрессиями и мир уголовный, ужесточив наказание для тех же воров. Грузинским ворам пришлось срочно сниматься с насиженных мест и совершать преступления за пределами родины. Так появились бригады «гастролёров». Эти ребята приезжали, к примеру, в Москву и договаривались с московскими коллегами о совместных действиях. Москвичи «наводили» грузин на квартиры своих состоятельных земляков, те их грабили, отдавали все вещи своим московским коллегам, получали тут же за них деньги и уезжали проедать их в родную Грузию.

Преступления хозяйственников и местных властей

Дело «Океан». «Король» Днепропетровска.

Несколько раз мафия пыталась свести счёты с энергичным первым секретарём ЦК, организовывала на него покушения, но каждый раз удача не покидала Шеварднадзе. За одну весну 1976 года таких попыток было две: 12 апреля бомба взорвалась перед зданием Совета Министров Грузии, а 9 мая загорелось здание Театра оперы и балета в Тбилиси, загорелось чуть раньше того часа, когда в него должен был войти Шеварднадзе, чтобы присутствовать на торжественном заседании, посвящённом Дню Победы.

В том же 1976 году в «Литературной газете» был напечатан судебный очерк А. Ваксберга «Баня», в котором впервые советскому читателю была показана криминальная изнанка жизни сильных мира сего. Речь в этом очерке шла о том, как в Чебоксарах руководители строительного треста превратили городок для студенческих стройотрядов в базу для своих сладких утех. Проницательный советский читатель сразу смекнул, что на месте упомянутых в очерке руководителей строительного треста могли стоять любые фигуры рангом повыше, имевшие точно такие же «баньки» во всех уголках необъятного Союза. Многочисленными фактами диких оргий в среде партийной, комсомольской и хозяйственной номенклатуры уже тогда полнилась земля советская, и очерк «Баня» послужил как бы первым официальным подтверждением всех этих слухов. Не случайно и на Западе к этому очерку было проявлено повышенное внимание: его суть перепечатали крупнейшие мировые газеты.

В 1977 году правоохранительная система страны активизировала свои действия в борьбе с преступностью, в частности против хозяйственной мафии. Например, начальником ОБХСС Подмосковья в том году стал полковник Пётр Сухов. До этого он в течение 6 лет возглавлял угрозыск РОВД Загорского района Московской области и показал себя блестящим оперативником. Не уронил он своей марки и на новом месте. Придя в управление, провёл тщательный отбор кадров, оставив на своих

постах прежде всего самых умелых, способных и надёжных людей. При П. Сухове были осуществлены крупнейшие «золотые» операции на ювелирном заводе в Бронницах, на фарфоровом заводе в Ликино-Дулёво, в Караганде, откуда оперативники привезли аж 32 килограмма золота! Добывать его пришлось со стрельбой и драками, так как нити от золотишка тянулись от Якутии до Бухары.

За 5 лет работы П. Сухова в должности начальника ОБХСС Московской области он сумел досадить многим лидерам хозяйственной мафии, имевшим связи в самых высоких сферах государственного и партийного руководства. Поэтому рано или поздно вопрос о его устранении с должности должен был возникнуть. Он возник в 1982 году и разрешился вполне «мирно»: Сухова повысили в должности и сделали заместителем начальника УВД Московской области. А через полтора года, когда в союзное МВД пришёл В. Федорчук, на П. Сухова завели... уголовное дело.

Почти то же самое произошло в те годы и с начальником Главного следственного управления Прокуратуры СССР В. Найдёновым. Фабула той истории выглядела следующим образом.

В 1977 году очередную «профилактическую» чистку в среде зарвавшихся государственных и партийных чиновников затеял КГБ СССР. Так на свет явилось дело «Океан», в котором расследовались факты взяточничества в системе Министерства рыбного хозяйства СССР. По этому делу были арестованы весьма влиятельные фигуры в лице заместителя министра рыбного хозяйства СССР Рытова и начальника Рыбпромсбыта Рогова. Волны от этого «Океана» были настолько мощными, что они смели со своего поста бессменного (в течение полутора десятка лет) министра рыбного хозяйства СССР Александра Ишкова (его отправили на пенсию в конце 1978 г.). Впрочем, пенсия Ишкова не шла ни в какое сравнение с тем, что получил за свои деяния Рытов: суд приговорил его к смертной казни.

Между тем ручейки от «Океана» растеклись по некоторым республикам и областям Союза. Вскоре следователи прокуратуры вышли на преступные кланы взяточников и расхитителей в Грузии и Краснодарском крае. В основном они состояли из работников торговли и общественного питания. Так в городе Сочи в 1978 году арестовали директора магазина «Океан», его заместителя, директора базы Мясорыбторга, директора краевого Мясомолторга, директора Сочинского холодильника, заместителя начальника управления торговли и общественного питания, директора одного из ресторанов и многих других работников торговли и городского общепита. Через них же вышли и на фигуры рангом повыше, а именно - на секретаря крайкома КПСС А. Тараду. Именно он в начале 80-х поведает следователям о той системе взяток и хищений, что царила тогда в крае. Держа в своих руках всю торговлю и местную промышленность, Тарада усердно закрывал глаза на процветание структур теневой экономики, на существование

всевозможных подпольных цехов по выпуску левой продукции. За этот «недосмотр» ему весьма щедро платили. Когда в Краснодар должен был приехать сам Леонид Брежнев, первый секретарь крайкома С. Медунов звонил Тараде и требовал, чтобы тот собрал с цеховиков-миллионеров нужную сумму для покупки подарков Генсеку.

Когда А.Тараду арестовали, у него из двух тайников извлекли 200 тысяч рублей и ведёрко золота. Кроме того, у него нашли более сотни сберкнижек на предъявителя. Ещё столько же книжек были заполнены его рукой. Кому? Следствие пыталось выудить у Тарады показания, и он вроде бы согласился их дать. Однако в ту же ночь Тарада внезапно скончался в тюрьме. И ниточка оборвалась...

Столь решительные действия КГБ СССР и Прокуратуры Союза не могли не напугать кое-кого из партийных и государственных чиновников в самом Кремле. Поэтому решили пыл чекистов несколько остудить. Первый секретарь Краснодарского крайкома партии С. Медунов, к примеру, обвинив Москву в том, что она «избивает партийные кадры на манер 37-го года», волевым решением в 1979 году снял с постов сочинского прокурора П. Костюкова и замначальника УВД горисполкома Сочи Александра Удалова.

В «краснодарском деле» ещё раз схлестнулись амбиции двух силовых министров - Андропова и Щёлокова. Последний, наблюдая за действиями Андропова, явно предчувствовал, что шеф КГБ, добравшись в своё время до многих брежневских выдвиженцев, теперь добрался до С. Медунова, а в скором времени, возможно, примется и за него, Щёлокова. А рыть яму себе самому Щёлоков, естественно, не хотел. Поэтому МВД СССР выступило с инициативой побыстрее свернуть следствие по делу «Океан». Для этого в том же Сочи было созвано крупное совещание, которое проводило союзное МВД, посвящённое работе правоохранительных органов курортных городов в летний период. Уже тогда сам факт подобного совещания вызывал у многих людей ряд вопросов. Во-первых, ни до, ни после него таких мероприятий не проводилось. Во-вторых, почему выбрали именно город Сочи? В-третьих, почему оно проводилось с таким пропагандистским шумом? Проводить совещание из самой Москвы приехал первый заместитель министра внутренних дел СССР Юрий Чурбанов. Более того, самое активное участие в совещании принял С. Медунов. Со стороны Прокуратуры Союза, которая и вела следствие по «краснодарскому делу», присутствовал заместитель Генпрокурора СССР, начальник следственного управления Виктор Найдёнов. Именно для того, чтобы попытаться воздействовать на него в нужном русле, по всей видимости, и затевался весь этот сыр-бор. Во всяком случае, Чурбанов и Медунов в один из последних дней совещания уединились на одной из дач крайкома и пригласили туда для беседы Найдёнова. Но тот пренебрёг предложением встретиться и отбыл в Москву.

После того как предпринятые меры не возымели должного действия, в ход была запущена мощная пропагандистская кампания. Специально

подобранные люди писали ложные заявления о том, что к ним применялись незаконные методы следствия, что их били, вынуждали давать ложные показания. Эти письма из Краснодарского крайкома были оперативно переправлены в Москву, в ЦК КПСС. Однако прежде чем по ним были приняты какие-либо меры, Прокуратура СССР в лице всё того же В. Найденова в августе 1981 года обратилась в Сочинский горисполком за согласием на привлечение к уголовной ответственности одного из ближайших соратников С. Медунова - секретаря крайкома по идеологии Мёрзлого. Даже по мнению самих кремлёвских руководителей, это было уж слишком. Арестовать идеологического работника краевого масштаба по обвинению во взяточничестве и использовании служебного положения в корыстных целях для того времени было просто неприемлемо, так как бросало тень на всю партию и её идеологию. В августе 1981 года Верховный суд страны приговорил к смертной казни замминистра рыбного хозяйства СССР Рытова, и на этом тема взяточничества в среде высокопоставленных руководителей должна быть исчерпана. Но так как Прокуратура Союза продолжала давать санкции на аресты (в августе 1981 г. был, например, арестован замминистра торговли РСФСР Лукьянов), на самом «верху» решали зарвавшегося начальника Главного следственного управления Прокуратуры СССР В. Найденова проучить, да так, чтобы и другие не смели идти по его стопам. 11 ноября 1981 года Виктора Найденова сняли с должности, и поведавший ему об этом могущественный тогда секретарь ЦК КПСС Андрей Кириленко сопроводил данное сообщение отборным матом в присутствии многочисленных свидетелей.

Отметим, что Андрей Кириленко находился тогда в зените славы, впрочем, как и все представители «днепропетровской» команды, во главе которой стоял сам Леонид Брежнев. Эта область в достопамятные 70-е годы стала настоящей кузницей руководящих кадров для нашей высшей государственной и партийной власти. Один перечень имён «птенцов гнезда Днепропетрова» вселял в людей священный трепет. Для примера назовём хотя бы таких деятелей, как В. Чебриков, Н. Щёлоков, Н. Тихонов, Г. Цуканов, Г. Павлов, Г. Грушевой, в те годы занимавших ключевые посты в Кремле и на Старой площади.

Столь обильное представительство днепропетровцев в златоглавой позволяло этой области жить как у Христа за пазухой. Пользуясь счастливым случаем (с 1970 г. в Днепропетровской области не проводилось ни одной инспекторской проверки со стороны МВД СССР), не упускал своего и преступный мир Днепропетровщины. Самым же известным представителем этого мира тогда был Александр Мильченко по кличке Матрос, так же как и В. Иваньков в Москве, вознамерившийся примерить на себя корону лихого налётчика Мишки Япончика.

В сентябре 1976 года, когда команда Матроса впервые «засветилась» на разбойном нападении на семью Зотовых, Александру Мильченко исполнилось всего 28 лет. Однако слава его уже широко шагала за

пределами области.

А. Мильченко родился в Майкопе в обыкновенной советской семье и с малых лет, отличаясь исключительно бойцовским характером, всегда верховодил среди многочисленной дворовой ребятни. Школьные науки ему давались с трудом, и основной свой авторитет Мильченко зарабатывал не глубокими знаниями точных и гуманитарных наук, а крепкими мышцами и кулаками. «Спортивная» подготовка привела в начале 70-х годов Мильченко на футбольную стезю: попал сначала в команду родного вагоноремонтного завода, а затем был замечен «наверху» и зачислен в дублирующий состав набиравшей тогда разбег команды «Днепр» (в 1972 г. В. Лобановский вывел «Днепр» в высшую лигу). Из «Днепра» молодая знаменитость вскоре переметнулась в периферийный, по футбольным понятиям, Волгоград, однако дела там у Мильченко совсем не заладились, и ему пришлось возвращаться в родной Днепропетровск, на пыльные улицы тихой рабочей окраины, именуемой старожилами звучным именем «Амур». И если в Волгограде совсем туго было со славой и с друзьями, то на «Амуре» всё обстояло наоборот, и Матроса (кличку эту получил он ещё в детстве, когда, не умея плавать, упал в воду, однако сумел выбраться на берег) знала вся местная шпана, доверяла ему и беспрекословно подчинялась. Так в днепропетровской Марьиной Роще - «Амуре» появилась команда Матроса, занявшаяся тем, что на Западе именуют словом «рэкет». Правда, к рэкету команда Матроса пришла не сразу, первоначально матросовцы «стригли» деньгу с обеспеченных клиентов, обыгрывая их в карты на своём «катране» в кафе «Льдинка». Но вкус шальных денег вскоре вынудил Матроса и его бойцов перейти к насильственным действиям, так как некоторые клиенты весьма неохотно расставались со своими сбережениями. А попробовав один раз и увидев, что с помощью кулаков дела идут намного эффективнее, Матрос проникся уважением к подобному способу зарабатывать деньги и стал оттачивать его до совершенства. Теперь владельцы пивных палаток и состоятельные бармены, увидев перед глазами нож или ствол обреза, безропотно отдавали Матросу часть своей выручки и радовались, что всё обошлось благополучно. Правда, иногда и стреляли, но больше для куража, чем для устрашения клиентов. Напьются, например, ребята Матроса и давай в ресторане палить в воздух под бешеный ритм насмерть перепуганного оркестра и визг малохольных барышень. Именно «проделки» со стрельбой и сделали матросовцев самыми знаменитыми бандитами Днепропетровска конца 70-х годов. Знала обо всём этом и местная милиция, но так как никаких официальных жалоб от пострадавших в органы не поступало, посему и не реагировала. От такого «заботливого» отношения Матрос всё более проникался верой в собственную неуязвимость и не останавливался на достигнутом. Вскоре он окончательно порвал с родным «Укрмясомолреммашем», раздобыл официальную справку об инвалидности и, сидя в квартире с единственным во всём доме телефоном, как настоящий «крёстный отец», на расстоянии руководил действиями своих боевиков. К этому времени авторитет Матроса в криминальном мире Днепропетровщины вырос

неимоверно, и он даже выступал порой в качестве справедливого третейского судьи во время разрешения всевозможных споров в уголовной среде. Его неординарные человеческие качества привлекали к нему многих людей, которые, надо сказать честно, и не считали его бандитом. С ним водили дружбу олимпийский чемпион по штанге Султан Рахманов и чемпион мира по боксу Виктор Савченко.

Но, как говорится в народе, «не всё коту масленица». Там, где большие деньги, большие и «разборки». И вот от банды Матроса откололась группа бойцов во главе с Кабаном. Последний, уверовав в то, что он и без Матроса неплохо справится с ожиревшими цеховиками, решил начать действовать самостоятельно. Распад команды Матроса для тех же цеховиков означал одно: теперь грабёж увеличивался вдвое. И тогда в среде обираемых бандитами толстосумов возник сначала стихийный, а затем и целенаправленный протест. Начался он после того, как несколько рэкетиров вломились к одному зубному технику и потребовали от него золото. Это показалось технику настолько несправедливым и диким, что он, недолго думая, схватил со стола кухонный нож и зарезал одного из бандитов. Остальные, никогда ранее не встречавшие такого яростного отпора, бежали с поля боя.

Весть об этом мигом облетела всех рэкетируемых, и те воспряли духом. Состояние такого душевного подъёма рэкетиры вскоре почувствовали на себе: один из барменов, к которому вымогатели пришли за данью, пошёл дальше зубного техника и зарубил топором не одного, а двух рэкетиров. После этого доведённый до отчаяния бармен собрал вокруг себя около двух десятков таких же, как он, запуганных дельцов и, вооружив их огнестрельным оружием, стал ждать прихода мстителей.

Однако Матрос был отнюдь не дурак и, хотя он не знал о заповедях московского вора в законе А. Черкасова, учившего: «Бери, но не зарывайся», но тут же почувствовал, что где-то перегнул палку. Совсем недавно разборки со стрельбой произошли у него с кавказцами, которых он сильно обидел, «сдав» одного из них милиции, и горячие молодцы чуть было не устроили в городе «день длинных ножей». Но Матрос вовремя пошёл на попятную и заключил с южанами перемирие, бурно отмеченное в ресторане «Днепропетровск». И вот теперь точно таких же действий требовали доведённые до отчаяния цеховики.

Ситуация, сложившаяся в Днепропетровске в конце 70-х годов, была типичной для всей страны. Беспредел рэкетиров стал к тому времени настолько нестерпимым для большинства цеховиков, что последние вынуждены были встать на путь вооружённого отпора обнаглевшим бандитам. И тогда на повестке дня обеих сторон встал вопрос о примирении. Его заключили в 1979 году в Кисловодске. В этом курортном городе в тот год собралась представительная сходка воров в законе, на которую впервые в истории были приглашены гражданские лица - цеховики. После бурных дебатов, длившихся не один день, пришли к полюбовному соглашению: отныне, дабы избежать ненужных эксцессов,

цеховики обязывались добровольно отдавать рэкетирам 10% от своих левых доходов. За эти немалые по тем временам проценты рэкетиры обещали не только не трогать их, но при случае и защищать от всяких «залётных» бандитов и мелкой шпаны.

Такой же союз заключили между собой главный рэкетир Днепропетровска Матрос и главный цеховик того же города Аркадий Коваль. Имел этот оборотистый воротила подпольный цех, в котором старые байковые одеяла умело переделывались в ковры, что приносило ему баснословные прибыли. И хотя были у него связи со многими городскими начальниками, но дружба с Матросом и его бойцами стала куда дороже и весомее.

Более семи лет куролесила в Днепропетровске и окрестностях банда Матроса, и все эти годы местные власти и пальцем не пошевелили, чтобы раз и навсегда пресечь её деятельность - ведь матросовцы не причиняли добропорядочным гражданам Днепропетровска особых хлопот. Страдали от неё люди нечистоплотные, жуликоватые, те, о ком власть и не желала особенно заботиться. И несмотря на то что банда была вооружена, ни одного трупа за всё время её существования обнаружено не было.

Существовали подобные группировки и в Москве, однако и здесь их деятельность почти не соприкасалась с жизнью большинства москвичей. Москва тогда по праву считалась одним из самых спокойных городов мира. Во всяком случае, на фоне беспредела 90-х это видно особенно отчётливо.

В октябре 1976 года в журнале «Человек и закон» появился очерк Я. Шнайдера об одном дне московской милиции. В этом очерке были приведены знаменательные слова начальника штаба из Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома полковника В. Лукьянчикова. Он, в частности, сказал: «У нас в Москве тоже случаются убийства. Но, во-первых, именно случаются, а во-вторых, природа их совсем иная, чем на Западе, где процветает организованная преступность, где человек убивает человека из корысти, из желания устранить соперника по банде и так далее. Как правило, абсолютное большинство убийств у нас на бытовой почве: пьяная драка с трагическим исходом, ревность или другие семейные неурядицы, и мы с этим боремся, ибо нам дорога жизнь каждого человека».

И далее корреспондент Я. Шнайдер пишет: «Я читаю аккуратно распечатанные листки с лаконичным описанием случившегося и действительно ничего похожего на Париж и тем более Нью-Йорк не нахожу. Угон автомобиля, пьяная драка, ложная тревога в сберкассе - из-за дождя произошло короткое замыкание и сработала сигнализация... Опять угон автомобиля, нападение на женщину - вырвали из рук сумку, подвыпившие юнцы избили товарища... А главное - все происшествия за ночь умещаются на одном листке писчей бумаги.

Не удивлюсь: был готов к такому «разочарованию». В конце концов, я тоже москвич и тоже довольно часто возвращаюсь поздно, не испытывая ни волнений, ни страхов. Так же вполне уверены в своей безопасности все семь с половиной миллионов москвичей и тысячи гостей столицы».

Молодёжные банды. Стервятники на дорогах

«Казанский феномен». Банда Османова. Банда братьев Самойленко.

Но если в Москве в те годы было относительно спокойно, то в некоторых других городах необъятного Союза уже начала бродить «тень беспокойства». И одним из лидеров в этой «области» была столица Татарии город Казань. Молодёжь этого города в конце 70-х годов подарила нашей правоохранительной системе так называемый «казанский феномен», то есть крупные преступные группировки молодёжи, объединённые по территориальному принципу.

Если посмотреть на данную проблему в историческом разрезе, то мы увидим: молодёжные банды были известны в нашей стране ещё с 20-х годов. Тогда их возникновение непосредственно связывалось с последствиями гражданской войны, профессиональной и организованной преступностью, беспризорностью подростков и безработицей. В 30-е годы трудовой энтузиазм «великой стройки социализма» и власть НКВД свели молодёжные бандитские группировки практически к нулю. После войны эта проблема вновь дала о себе знать (вспомним подростковую банду «Чёрная кошка» в Москве). Однако настоящий взрыв молодёжной преступности произошёл в нашей стране в 70-х годах, и связан он был с усилением ориентации преступного мира на подростков. Во многих городах Союза стали появляться молодёжные банды, за спиной которых стояли уголовные авторитеты.

Доводилось и автору этих строк в середине 70-х годов под зычные возгласы «махьяна» «скрещивать» кулаки с ребятами с соседней территории (нашими считались владения по улице Казакова, Гороховскому и Токмакову переулкам вплоть до улицы Карла Маркса, ныне - Старая Басманная). Соседи и союзники наши - ребята с Бауманской и Почтовой улиц («бауманцы»), а противники - пацаны, жившие в переулках вокруг Сада имени Баумана.

Правда, противниками мы были не всегда, порой, когда надо было дать отпор ребятам с тех же Чистых прудов, наши команды объединялись, и тогда на прудах происходили сражения, в которых порой участвовало до сотни человек. Всё это было в середине 70-х, тогда по всему Советскому Союзу, как по команде, стали появляться молодёжные группировки, делившие города на зоны своего влияния. Наибольшую известность, как отмечалось выше, на этом поприще снискала себе Казань, где с 1974 года процесс образования молодёжных группировок приобрёл интенсивный характер. Специалисты, изучавшие эту проблему,

позднее объяснят, что криминализация казанской молодёжи (впрочем, как и всей остальной) происходила по причине отставания социальной инфраструктуры, рассчитанной на обслуживание подростков, когда в микрорайоне города, где проживает около 150 тысяч человек, работает всего лишь один кинотеатр, да и тот на 200 посадочных мест. Эти же специалисты отмечали, что Татарская АССР на рубеже 70-х - 80-х годов стала регионом с невиданными ранее масштабами возведения крупнейших промышленных объектов («Атоммаш», «КамАЗ», «Химмаш» и т.д.), и поэтому централизованное субсидирование и средства республиканского бюджета направлялись главным образом для решения социальных проблем именно новых городов. Казань же из этого списка выпадала и оставалась на «голодном пайке». И тогда молодёжь города ответила на это резким ростом криминала.

В 1978 году в районе завода «Теплоконтроль» в Казани образовалась крупная группировка (до 200 человек в возрасте от 15 до 25 лет) под названием «Тяп-Ляп». Однако, несмотря на своё аляповатое название, эта группировка представляла собой серьёзную силу и отличалась от других строгой дисциплиной и дерзостью. В ней имелась своя «касса», созданная за счёт ежемесячных сборов со всех членов (деньги вносились в зависимости от возраста и категории совершаемых преступлений), и члены группы были вооружены не только ремнями, цепями и кастетами, но и огнестрельным оружием. Расширяя и укрепляя свой авторитет среди молодёжи, «Тяп-Ляп» начала осуществлять регулярные набеги на близлежащие и дальние районы города. Вскоре появились и первые жертвы этих налётов: убитые, изнасилованные, искалеченные. В ответ на это в других районах стали формироваться собственные «охранные отряды», которые вскоре сменили оборонительную тактику на наступательную. Крупные драки между группировками теперь носили систематический характер, в них принимали участие до 200 человек с каждой стороны. Во время этих побоищ широко применялось как холодное, так и огнестрельное оружие.

Первое время милиция Казани находилась буквально в шоке от такого разгула страстей. За это в 1978 году со своего поста был снят министр внутренних дел Татарстана генерал С. Япеев, который бессменно возглавлял министерство в течение последних 24 лет. С начала 80-х ситуация стала постепенно выправляться: после того как большинство членов группировки «Тяп-Ляп» осудили (нескольких лидеров суд приговорил к смертной казни), она прекратила своё существование. Пошла заметно на спад и деятельность других группировок.

В конце 70-х по части криминала не отставал от Татарстана и юг Российской Федерации, а именно - Ставропольский и Краснодарский края, а также Ростовская область, где почти в одно и то же время действовали три опасные банды убийц и грабителей.

Первая, из Ростовской области, состояла из трёх человек, двое из которых были родными братьями: Пётр и Владимир Билыки, а третьим

участником был их приятель Афанасий Ставничий. Чем же они «прославились»?

Решив продолжить дело братьев Толстопятовых, Пётр Билык и Афанасий Ставничий решили ограбить инкассаторов в Куйбышеве. Однако двоим идти было несподручно, и Пётр привлёк к этому делу своего младшего брата. Они раздобыли автомат (Пётр украл его в поезде у неких солдат-срочников), а машиной должны были разжиться в ночь накануне преступления. Поначалу всё шло по плану. 13 октября 1977 года на дороге они поймали попутку, упросили водителя отвезти их за город, в станицу Медведовскую, и там его зарезали (это сделал Пётр, сначала оглушив водителя металлической болванкой, а потом три раза ударив его ножом в грудь). Однако на ночной дороге путь им внезапно преградила патрульная машина ГАИ, в которой находились двое милиционеров - Богатиков и Вернигоров. Причина остановки банальна: у автомобиля преступников не работали фары освещения. Но норвы бандитов не выдержали и они пустили в ход оружие. Первыми же выстрелами был сражён Богатиков (на какое-то время он потерял сознание), Вернигоров пытался убежать, но Ставничий на бегу разрядил в него чуть ли не половину рожка «калашникова». Через несколько минут преступники скрылись с места происшествия на гаишном «жигулёнке».

Когда Богатиков очнулся, бандитов поблизости уже не было. На удачу в это же время мимо проезжал туристический автобус, который заметил голосующего раненого милиционера и взял его с собой. К сожалению, по дороге Богатиков скончался, но информация о растреле гаишников в ту же ночь стала известна в областном УВД. Тут же был создан оперативный штаб по раскрытию дерзкого преступления.

Благодаря профессиональной работе сыщиков и экспертов удалось установить где именно и кто украл автомат, из которого были произведены смертельные для двух гаишников выстрелы. Этим человеком был Пётр Билык. Однако когда сыщики собирались навестить его выяснилось, что тот вместе со всей семьёй (мать, сёстры, брат) переехал со всем домашним скарбом в неизвестное место. Но куда именно не знали даже их соседи. Пришлось искать по своим каналам. Так как вещей у Билыков было много (значит, вещи могли отправлять по железной дороге в контейнере) надо было обследовать все железнодорожные станции в ближайших областях. Начали с Челябинской и не ошиблись: на станции Троицкая была найдена квитанция, по которой Билыки отправили контейнер в Краснодар, Красная улица, 63. Однако когда сыщики прибыли туда, оказалось, что дома с таким номером на этой улице нет. Что делать? Стали обследовать ближайшие окрестности и вскоре обнаружили то, что искали - Билыки обосновались в тихой кубанской станице. В тот же день - 8 декабря 1977 года - их решили брать. Взяли братьев после недолгой погони, при этом они всем своим видом показывали, что считают своё задержание недоразумением. Однако Ставничего рядом с ними не было. На его след сыщики выйдут два дня

спустя, но взять живым не сумеют - тот попытается вырваться из засады и его убьют выстрелами из пистолета.

На суде, который состоялся через несколько месяцев, Пётр Билык избрал, по его мнению, беспроигрышную тактику. Случайно узнав, что Ставничий убит он стал валить всё на него, а себе и брату определил роли невольных соучастников преступления. При этом поступил по-своему благородно - назвал младшего брата случайным свидетелем преступления. Однако он не рассчитал одного - Владимир оказался совестливее его и рассказал всё, как было. В итоге старшего брата приговорили к расстрелу, младшего - к 15 годам тюрьмы. Спустя пять лет режиссёр Константин Ершов на основе этих событий снимет фильм «Грачи» с Леонидом Филатовым (Пётр), Ярославом Гаврилюком (Владимир) и Виталием Шаповаловым (Ставничий) в главных ролях.

В конце 70-х по части криминала не отставал от Татарстана и юг Российской Федерации, а именно - Ставропольский и Краснодарский края, где почти в одно и то же время действовали две опасные банды убийц и грабителей.

Первая (позднее известная как банда Османова) появилась в конце 1975 года, и создателями её стали некие 25-летний Гегиров (главарь), Шогенов, Кяров, Бицуев и Гедогушев. До весны 1976 года ею было совершено несколько опасных преступлений на территории Ставропольского края, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской республик. В частности, налёты на Лескенское потребобщество (при этом был убит сторож), на кафе «Весна» в Нальчике и универмаг в североосетинском городе Дигоре. После этого банда решила сменить «профиль» и в селении Кызбурун-3 попыталась ограбить один из частных домов, однако хозяин дома оказал налётчикам отчаянное сопротивление, и бандиты, напуганные шумом, ушли из селения без добычи. Но память о себе они оставили: покалечили жену хозяина, и тот по закону «кровной мести» поклялся покарать обидчиков. Будучи кавказцами, бандиты прекрасно понимали, что означает подобная клятва, и поэтому решили на время «залечь на дно». По совету Гегирова они задумали сесть в тюрьму за какое-нибудь мелкое преступление. Украв трёх колхозных лошадей и угодив в руки милиции, все вскоре отправились в места, весьма отдалённые от их постоянного места проживания.

В сентябре 1979 года вышедшие на свободу Гегиров и Губачиков встретили на своём жизненном пути неоднократно судимого Хабалу Османова. Парень настолько им понравился, что они привлекли его в свою компанию. Вместе они вскоре решили совершить налёт на оружейную комнату следственного изолятора в Нальчике, где в должности старшего контролёра работал старый приятель Гегирова. Этот приятель и вызвался сделать для своего дружка слепки ключей от входной двери арсенала. Пока же бандиты, маясь от скуки, решили немного размяться. Под Нальчиком ночью они напали на одну из машин и убили её хозяев - мужа и жену из Армении. То же самое произошло через несколько дней и с

владельцами «жигулей», остановленными на той же дороге. Однако, когда молва о ночных убийствах на дороге стала вовсю гулять в народе и милиция усилила бдительность, Османов, ставший к тому времени главарём банды, решил «сменить профиль». Теперь начались налёты на колхозные кассы.

Наконец, вдоволь размявшись, бандиты решили ехать в Нальчик - «брать» оружейку. Причём Османов на правах главаря послал на это дело только двоих: Гегирова и Губачикова. Осенней ночью 1979 года Гегиров и Губачиков с помощью старшего контролёра СИЗО Гажева проникли на территорию изолятора, связали часового, однако на большее их не хватило. Страх перед вооружённой охраной заставил отступить от задуманного плана, и они ушли восвояси, унеся с собой лишь автомат, отобранный у одного из часовых.

И всё же через некоторое время Гегиров выполнил обещание вооружить своих друзей. Так в банде появились два пистолета Макарова, два автомата Калашникова и пистолет-пулемёт Судаева. Весь этот арсенал решено было опробовать на ночной дороге Ростов - Баку. Однажды ночью, заметив на обочине дороги машину «жигули», бандиты напали на спящих хозяев: молодого человека, старика и старуху. Всех троих ждала ужасная смерть.

После этой «пристрелки» Османов решил пойти на «настоящее дело» и совершить налёт на ресторан «София», расположенный на территории Северной Осетии, между селением Эльхотово и железнодорожной станцией Змейской. Так как Губачиков во время последнего налёта пострадал (прострелил себе ногу), решено было вместо него взять проверенного в одном из дел Кярова.

Трое вооружённых бандитов напали на ресторан средь бела дня, когда там вовсю справляли чей-то день рождения. Убив швейцара, бандиты ворвались в банкетный зал и, вскинув автоматы, стали хладнокровно поливать свинцовым огнём ни в чём не повинных людей. Раненых добивали одиночными выстрелами в голову. И всё же, торопясь обчистить кассу, уничтожить всех не сумели: двое тяжелораненых выжили в этом смертоносном аду.

Это было последнее преступление банды Османова. На след её вышли, можно сказать, случайно. Однажды отчаявшаяся жена главаря прибежала в местное РУВД и сообщила, что её муж вооружён. Трое милиционеров пришли в дом к Османову, но тот встретил их шквальным огнём из автомата. Воспользовавшись замешательством милиционеров, Хабала Османов выскочил из дома и скрылся. На ноги подняли всю местную милицию и даже солдат ближайшей воинской части. К месту, где был обнаружен вскоре бандит, прибыли бронетранспортёры. Устоять против такой силы, измученный погоней, он, естественно, не мог. Его взяли без единого выстрела. В течение нескольких следующих дней были арестованы и остальные участники банды.

Когда через год следствие было завершено, судебные власти РСФСР встали перед серьёзной проблемой: ни один российский город не хотел проводить у себя судебные заседания из-за страха перед дружками подсудимых. А по этому делу проходило ни много ни мало 17 человек. И лишь по истечении нескольких месяцев выбор в конце концов остановили на Владимире. Здесь нашли здание, стены которого могли бы выдержать любой штурм вооружённых друзей Османова. Помимо этого, оно было окружено бронетранспортёрами, и количество солдат, рассредоточенных поблизости, исчислялось несколькими сотнями. Вот в такой обстановке начался суд, который приговорил Хабалу Османова, Аслана Гегирова, Руслана Губачикова и Сафраила Кярова к исключительной мере наказания - смертной казни.

Одновременно с Османовым почти в тех же местах действовала ещё одна вооружённая банда, промышлявшая грабежами и убийствами на автомобильных дорогах. В неё входили три брата Самойленко: Дмитрий, Юрий и Валерий. Старшим в семье и в банде был 40-летний Дмитрий, неоднократно судимый за грабежи. По своему характеру волевой и жёсткий, его авторитет в любом коллективе был непререкаем. За спиной у него было несколько побегов из мест заключения и семь пулевых ранений.

Так же, как и старший брат, несколько судимостей имел средний брат Юрий. И лишь Валерий, самый младший в семье, был к тому времени чист перед законом.

В январе 1979 года Дмитрий Самойленко, твёрдо решивший встать на путь вооружённых грабежей, приехал в Ставрополь, где проживал его брат Юрий. Он назначил встречу своим братьям с целью уговорить их создать вместе с ним вооружённую банду. К его удивлению и радости, братья быстро согласились с его предложением. Более того, сразу после встречи Юрий принёс мелкокалиберную винтовку с патронами. А ещё через некоторое время они обзавелись пистолетом системы «наган» и угнали в Майкопе автомашину «жигули». Теперь у них было не только оружие, но и собственный транспорт. С июля 1979 года начался кровавый путь братьев Самойленко, каждый месяц вплоть до марта 1980 года они лишали жизни по нескольку человек, уничтожая их хладнокровно, как бы походя, довольствуясь порой самым малым, за что и убивать казалось бессмысленным. Но главарь банды Дмитрий Самойленко сразу предупредил своих младших братьев, что в живых они никого оставлять не будут, чтобы не «сгореть» по пустяку.

6 июля 1979 года банда выехала из Майкопа в Ставропольский край и возле города Невинномысска совершила нападение на автомашину «ВАЗ-2103», в которой находились трое мужчин. Всех троих в упор расстреляли, отвезли к Армавиру и там зарыли в землю. Одним из убитых оказался инспектор ГАИ, и его форма была взята бандитами для совершения последующих преступлений. И они не заставили себя долго ждать.

29 июня того же года братья Самойленко напали на детский сад в Ставрополе, убили сторожа и похитили предметов (пишущая машинка, ковры) на сумму 2800 рублей. На эти деньги у некоего Лупенникова, приятеля Юрия, братья приобрели два пистолета системы «беретта». Дальше преступления пошли как по маслу. 19 августа на трассе Ростов - Краснодар бандиты подстерегли автомашину «ВАЗ-2106», убили ее владельца и взяли автомобиль, магнитофон и другие вещи. Через 11 дней - новое, ещё более страшное преступление. На той же трассе Ростов - Краснодар братья расправились с семьёй Ивановых - отцом, матерью и их одиннадцатилетней дочкой. Улов, за который лишили жизни целую семью, был небогат: посуда, одеяло, бусы, надувные матрасы, столик и три складных стула. А Дмитрий, пользуясь пассатижами, извлёк у отца семейства золотые коронки изо рта.

12 сентября на трассе Ростов - Баку братья Самойленко (Дмитрий, как всегда, был в форме инспектора ГАИ) остановили очередную машину и хладнокровно застрелили её хозяина. И у этого несчастного Дмитрий вырвал золотые коронки.

15 сентября в районе Большого Ставропольского оросительного канала они совершили налёт на автомашину, в которой находились два жителя города Ташкента. Пассажиры были убиты и закопаны в ближайшей лесополосе.

11 октября на трассе Ростов - Баку братья остановили «жигули», которыми управлял житель города Харькова Айрапетян. Его постигла та же участь, что и всех остальных. Однако во время этого нападения пострадал и Дмитрий: смертельно раненный Айрапетян рванул свою машину вперёд и сбил старшего из братьев с ног. В результате тот повредил себе лицо. Пришлось в спешке покидать место преступления и в Майкопе положить Дмитрия в больницу. Находился он в ней около десяти дней под фамилией Карпенко. Пока главарь банды лечился, младшие братья отдыхали от убийств в своих семьях. Дома их ломились от награбленного добра, и жёны на всё это смотрели сквозь пальцы. Ни одна из них так и не поинтересовалась, откуда взялись у них все эти предметы.

Как только раны на лице Дмитрия затянулись, бандиты вновь вышли на большую дорогу. Теперь они намеревались напасть на инкассатора колхоза имени Ворошилова, который 13 ноября 1979 года должен был получить крупную сумму денег в банке. Для осуществления этого преступления братьям требовалась машина, которую решено было получить старым испытанным способом.

12 ноября на трассе Ростов - Баку братья напали на автомобиль «жигули» и застрелили её хозяина. Однако дальше случилась незадача: оставленная на ночь у гостиницы «Кубань» в Невинномысске машина была разграблена и искорёжена местными грабителями. Но Самойленко не сильно горевали. 13 ноября они выехали на свою привычную трассу и через несколько минут застрелили ещё одного владельца «жигулей».

Теперь у братьев была машина для ограбления инкассатора. Однако через несколько минут после её захвата выяснилось, что это не самое лучшее техническое обеспечение банды. Проезжая через Ставрополь, бандиты увидели впереди себя двигавшийся в сторону Изобильного многотонный грузовик «урал-377». Дмитрий сразу смекнул, что таким «танком» можно легко протаранить колхозный «газик» с кассиром и охраной. Поэтому, обогнав грузовик, бандиты остановили его на безлюдном шоссе и спокойно расстреляли двух сидевших в кабине мужчин. Пересев в грузовик, братья тронулись в дальнейший путь. Но удача покинула их. В тот день колхозный «газик» с деньгами оказался намного расторопнее многотонного грузовика и, обогнав его на скорости, скрылся из вида. Налёт не состоялся.

Неудача с колхозным кассиром подстёгивала их на всё новые и новые преступления. До конца года они лишили жизни ещё более десяти ни в чём не повинных людей. В частности, 20 декабря в Ставрополе убили владельца новенькой «нивы», а 30 декабря там же лишили жизни парня, который на вещевом рынке продал им ковёр «Русская красавица», после чего сел к братьям в машину, чтобы привезти их к себе домой за вторым ковром.

В начале 1980 года братья по совету Дмитрия решили несколько «перепрофилироваться» и заняться квартирными кражами. 4 января они ограбили квартиру в Ставрополе, но «навар» составил около двух тысяч рублей. Однако эта неудача не очень обескуражила братьев, и 15 января они влезли в ещё одну квартиру (теперь уже по наводке старого приятеля Лупенникова. Фамилия изменена) и унесли добра намного больше, чем из первой. Всё это они увезли в Майкоп и поделили между собой.

В промежутке между этими двумя ограблениями 7 января братья вновь вышли на «тропу» дорожного бандитизма на трассе Краснодар - Ростов. Там на участке между Выселками и Тихорецком они напали на машину некоего Арзамасцева, который поздно ночью из аэропорта в Краснодаре подвозил пассажира в село Белая Глина. Позднего пассажира Самойленко убили, а вот с хозяином машины произошла осечка: раненный в ногу Арзамасцев сумел скрыться от бандитов. Именно этот человек и станет для милиции единственной ниточкой, которая протянется к братьям. Уголовное дело по этому нападению затребуется сначала в Краснодар, а затем в Ставрополь. А через несколько дней выяснится, что это нападение не единственное в послужном списке банды. При спуске воды из Невинномысского оросительного канала на его дне было найдено шесть автомашин марки «жигули», в которых были обнаружены точно такие же гильзы, что и в случае с Арзамасцевым. Перед следствием впервые начала приоткрываться страшная личина неуловимых убийц.

А братья Самойленко продолжали своё преступное ремесло. 30 января они наведались в Краснодар, в квартиру ювелира Демченко. Обнаружив в доме 80-летнюю старушку и её внучку-школьницу, бандиты впервые решили обойтись без крови и заперли обеих в ванной. После

этого быстро ограбили квартиру.

6 февраля 1980 года братья Самойленко вместе с Лупенниковым приехали в Новороссийск к знакомому Лупенникова. По его словам, тот был достаточно богат, для того чтобы без особых хлопот «отстегнуть» братьям 10 тысяч наличными. Надо только его хорошенько припугнуть.

Фамилия знакомого Лупенникова была Юматов, и жил он на улице Цедрика. В восемь часов утра, когда Юматов вышел из дома, Дмитрий Самойленко, как всегда одетый в милицейскую форму, подошёл к нему и потребовал пройти с ним в его машину. Юматов подчинился и вскоре был заключён в наручники и вывезен на окраину города, где ему предложили выбирать: жизнь или деньги. Юматов, сразу осознав, с кем имеет дело, согласился отдать бандитам все свои сбережения. Машина вновь повернула к улице Цедрика.

Возле дома Юматова, когда тот в сопровождении бандитов заходил в подъезд, его заметил младший брат, проживавший в доме напротив. Почуяв неладное, он позвонил по телефону своему другу-милиционеру, и они вдвоём решили наведаться к старшему Юматову. К этому времени бандиты уже вытрясли из него все деньги и даже сняли со стен дорогие ковры. И тут в квартиру позвонили. Всё, что происходило дальше, было похоже на кадры из детективного фильма. Вошедший в квартиру милиционер потребовал у братьев документы. Юрий Самойленко, представившийся как сотрудник ОБХСС, сунул руку в карман, где лежал пистолет. Но Юматов-старший опередил его и с криком: «Он вооружён!» увлёк своего брата в соседнюю комнату. А милиционер бросился на Юрия, не зная, что на кухне сидят ещё двое преступников. Один из них, подкравшись сзади, выстрелил милиционеру в голову. После этого братья бросились из квартиры на улицу, где их должен был ждать в машине Лупенников. Однако того давно и след простыл. Пришлось братьям возвращаться в Краснодар на электричке.

Перепугавшийся не на шутку Лупенников отправился на автовокзал и там, сняв с машины номерные знаки, оставил её на платной автостоянке. Но впопыхах он, оформляя квитанцию, назвал диспетчеру свою настоящую фамилию. Эта роковая случайность и решила исход дела. Уже ночью того же дня сотрудники новороссийской милиции, следуя по горячим следам происшествия на улице Цедрика, вышли на белые «жигули» бандитов, оставленные Лупенниковым на автостоянке. В багажнике машины обнаружили оружие, патроны, документы убитых людей, милицейскую форму. Но взять бандитов сразу не удалось. В результате Дмитрий Самойленко вместе со своей любовницей совершил ещё одно убийство - таксиста, который согласился подвезти их в Крымск. После этого преступления сотрудники угрозыска, тайно следившие за Лупенниковым, решили его арестовать. Через несколько дней тот во всём признался. И хотя он не смог назвать точное местонахождение главаря банды Дмитрия, но адреса Юрия и Валерия Самойленко назвал точно. Обоих братьев задержали без лишнего шума: одного прямо у него на

квартире, другого - на улице. А арест старшего брата задержался на несколько дней, пока сыщики не вычислили его точное местонахождение. Это оказалась станица Двинская. Ранним утром на квартире своей любовницы Дмитрий Самойленко был арестован в тёплой постели, он так и не успел применить свою «беретту», лежавшую у него под подушкой.

Два года длилось следствие по этому делу. Оно включало в себя 64 тома. Тридцать два убитых человека и двое раненых числились на совести этой банды. Но даже несмотря на это, младшие братья просили снисхождения. В письме следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Юрий Самойленко писал: «Со слезами на глазах прошу пощады у правосудия, у семей загубленных нами людей. Мне стыдно смотреть людям в глаза. Стыдно за себя, Валерия, Дмитрия.

Основной причиной, которая толкнула меня перешагнуть через черту человеческих норм и понятий, был старший брат Дмитрий, который медленно, но верно помог мне упасть, опуститься до звериной жажды к наживе...»

В отличие от своих младших братьев старший, Дмитрий, никакого снисхождения к себе не просил. Он прекрасно понимал, что надеяться ему не на что. В одном из писем в Верховный суд он писал: «Морального права на какое-то снисхождение и человечность я не имею. Согласен с тем, что меня и расстрелять, и казнить мало».

Но дожить до суда Самойленко-старшему так и не удалось. Организм 43-летнего мужчины, подорванный предыдущими тюремными «ходками», не выдержал. Дмитрий Самойленко умер в следственном изоляторе города Армавира за несколько дней до суда и был похоронен на городском кладбище. А вот могилы его братьев так и остались безвестными. 16 апреля 1982 года Юрия и Валерия Самойленко приговорили к смертной казни. Их подельник Сергей Лупенников получил 15 лет тюремного заключения.

Маньяки

Г. Михасевич. Гусаков. Алмазян. Е. Евсеев. А. Нагиев.

Достопамятные 70-е годы подарили нашим криминалистам не только рэкетиров и фальшивомонетчиков, но и не менее знаменитых насильников. Самые известные среди них, конечно, Геннадий Михасевич и Андрей Чикатило.

Геннадий Михасевич - житель посёлка Солоники, что под Полоцком, совершил своё первое изнасилование и убийство в 1971 году, когда ему было 24 года. Произошло это до обыденного просто: повздорив со своей девушкой, Михасевич вечером вышел на улицу и сорвал свою злость на первой же встречной. После этого убийства долгое время дремавший в нём зверь внезапно проснулся. Началась кровавая охота вошедшего во

вкус маньяка.

Имея личный автомобиль, Михасевич обычно сажал в него голосовавших на дороге одиноких женщин, завозил их в лес и там насиловал и убивал, используя при удушении подручные средства: шарф или косынку жертвы, а то и просто пучок травы. И хотя преступления эти совершались с регулярной частотой и имели весьма характерный почерк, милиция не особенно утруждала себя поисками реального убийцы. После каждого преступления она хватала первого подвернувшегося под руку подозреваемого человека и без особого труда вешала на него эти убийства. В результате за 13 лет охоты на Михасевича вместо него было осуждено ни много ни мало 14 человек. Причём один из них был расстрелян, другой едва не покончил с собой, третий отсидел в тюрьме 10 лет, четвёртый после 6 лет отсидки окончательно ослеп... А Михасевич между тем за всё это время даже ни разу не попал под подозрение. Да и как можно было подумать, что заведующий ремонтными мастерскими, коммунист, дружинник и отец двоих детей Геннадий Михасевич и есть тот изверг и убийца, что вот уже столько лет держит в страхе всю округу от Полоцка до Витебска. К 1980 году количество жертв Михасевича перевалило за два десятка.

В 1978 году, а точнее, 28 декабря, когда кровавый путь Михасевича отсчитывал своё семилетие, в городе Шахты Ростовской области на ту же самую тропу насилия и убийства вышел 42-летний филолог по образованию Андрей Чикатило. И хотя его путь продлится на год меньше, чем у Михасевича (Чикатило будет убивать в течение 12 лет), количество жертв окажется почти в два раза больше.

Первой жертвой Чикатило стала 9-летняя девочка, которую тот 28 декабря 1978 года заманил в свою мазанку, изнасиловал и убил. Значительно позднее, уже арестованный, убийца расскажет об этом следователю: «Мы зашли в мою мазанку. Я включил свет, как только закрыл дверь, и сразу навалился на неё, подмял под себя, повалил на пол. Девочка испугалась, закричала, а я стал зажимать ей рот руками, срывать с неё нижнюю часть одежды, оголяя тело, расстегнул пальто. Она вырвалась, но против меня ничего не могла поделать, так как я лёг на неё, прижав всем телом. Спустив с себя брюки, я стал водить половым членом по её промежности, но эрекция члена не наступала, и мне не удавалось ввести его ей во влагалище. Но желание удовлетворить себя затмило весь мой рассудок, и мне хотелось любым путём совершить это... Её крики возбудили меня ещё больше. Лёжа на ней и покачиваясь, как бы имитируя половой акт, я достал нож и стал наносить ей удары... У меня произошло семяизвержение... как это бывает при оконченном половом акте в естественной форме, я стал заталкивать ей сперму рукой во влагалище. Руками залез вовнутрь половых органов, хотелось всё рвать и трогать. Она хрипела, я её душил, и это принесло какое-то облегчение. Когда я понял, что убил девочку, встал, оделся и решил избавиться от трупа».

Как и в случае с Михасевичем, за это убийство арестуют совсем другого человека, рецидивиста, который, по мнению местной милиции, больше подходил на роль изверга, чем 42-летний мастер производственного обучения шахтинского ПТУ Андрей Чикатило. В результате такого поверхностного подхода, впрочем, легко объяснимого с точки зрения плановой экономики, где важен не результат, а возможность вовремя отчитаться, убийца-изверг ещё долгих 12 лет будет терзать свои безвинные жертвы.

На фоне двух этих монстров другие насильники 60-х - 70-х годов несколько блёкнут, хотя и их преступления не менее жестоки и ужасны. Другое дело, что охота за ними была более удачна, чем за Михасевичем и Чикатило.

13 марта 1968 года Москва полнилась слухами о зверском изнасиловании и убийстве двух студенток-первокурсниц Московского энергетического института. 12 марта в перерыве между занятиями они решили поближе ознакомиться с родным учебным заведением и устроили для себя экскурсию по самым укромным уголкам института. На их беду, в это время на чердаке находился некто Гусаков, 30-летний фотограф из подмосковной Салтыковки. К этому моменту молодой человек уже имел на своём счету два изнасилования и убийства: 11-летней девочки, которую он поймал возле Люберец, и молодой женщины, застигнутой преступником близ деревни Торбеево. И вот 12 марта 1968 года случай свёл его с двумя 17-летними студентками.

Вооружившись металлической трубой, Гусаков несколькими ударами убил обеих девушек, после чего оттащил их вглубь чердака и там изнасиловал. Потом прикрыл убитых листом кровельного железа и спокойно покинул место преступления.

С 13 марта, с момента обнаружения убитых девушек, вовсю заработала машина следствия. Обнаруженные на металлической трубе отпечатки пальцев убийцы дали сыщикам существенную зацепку. Все студенты и персонал МЭИ в течение нескольких дней прошли проверку на дактилоскопию. Но преступника установить так и не удалось. А он, уверенный в безнаказанности, вновь вышел на свою кровавую охоту.

2 мая 1968 года в лесопарке посёлка Томилино он приглядел двух подростков, юношу и девушку, мирно сидевших на лавочке. Вооружённый металлическим прутом, Гусаков обрушил его сначала на юношу, а затем и на девушку. После этого он изнасиловал несчастную. Однако этого ему показалось мало. Раздев юношу, находившегося без сознания, он положил его на убитую девушку и натянул им на ноги трусы, как бы связав обоих.

Сыщики, расследовавшие это дело, сразу определили, что убийца двух студенток МЭИ и этот «шутник» - одно и то же лицо. Но найти его и обезвредить никак не удавалось. И тогда в дело вмешался случай.

Через некоторое время вошедший во вкус убийца вновь вышел на дело. Теперь жажда убийства привела его на Курский вокзал в Москве. Здесь он познакомился с двумя молоденькими девушками, ожидавшими электричку, и, представившись им фотографом (что и было на самом деле), предложил сфотографироваться и тут же получить снимки. Доверчивые девушки согласились и приехали к нему в Салтыковку. И лишь там, когда фотограф стал предлагать попробовать какие-то «витамины», в их души закралось сомнение. Они попытались бежать, но Гусаков внезапно вытащил зубило и ранил одну из девушек. Перепугавшись, они подняли такой шум, что преступник испугался и тут же сменил гнев на милость. Он попытался обратить всё в шутку, спрятал зубило и проводил девушек до дверей. Выпроваживая подруг из дома, попросил забыть об этом инциденте и никому о нём не говорить. Но удача была уже не на его стороне. Через некоторое время этот случай стал известен местной милиции. Гусакова задержали и, сняв отпечатки с его пальцев, обнаружили, что они абсолютно идентичны тем, что были оставлены преступником на обрезке трубы, которой убили двух студенток МЭИ. Судьба убийцы и насильника была решена. Через несколько месяцев суд приговорил его к расстрелу.

Когда на суде решалась судьба Гусакова, в Луганске весной 1970 года появился не менее опасный маньяк. Отметим, что первые свои преступления он совершил без крови. Так, в начале апреля он предпринял три нападения на одиноких женщин, действуя по стандартной схеме: поздней ночью, встречая возвращавшихся домой женщин в районах трамвайных и троллейбусных остановок, шёл за ними до малоосвещенных мест, затем нападал на них, душил, угрожал ножом, говорил, что они проиграны в карты и должны либо уплатить пять тысяч рублей, либо вступить с ним в половую связь. На вид насильнику было лет 30 - 35, он был среднего роста, широкоплеч, со смуглым продолговатым лицом. Но милиция, обладая таким «портретом», долгое время никак не могла выйти на след преступника.

Между тем тот осмелел настолько, что позволил себе первое убийство. 14 апреля 1970 года на Парковой улице Луганска он напал на 17-летнюю девушку, изнасиловал её, затем убил, а труп спрятал в трансформаторную будку. После этого преступник «лёг на дно» и два с половиной месяца не давал о себе знать. За это время луганские сыщики попутно раскрыли несколько подобного рода преступлений и арестовали двух опасных насильников и убийц. Но маньяк оставался пока недосягаем.

4 июля он вновь дал о себе знать: на улице Первая Линия им была изнасилована и убита 22-летняя рабочая завода имени Октябрьской революции. 6 августа - новое преступление. Затем на полтора месяца - затишье. А 20 сентября маньяк напал на молодую женщину, но так как та отчаянно сопротивлялась и кричала, решил не рисковать и скрылся с места происшествия, так и не довершив дело. Этой женщине тогда же и заявить бы в милицию по факту нападения, но она сочла за лучшее

промолчать. Через шесть дней в том же районе была изнасилована ещё одна рабочая завода имени Октябрьской революции, возвращавшаяся домой со второй смены.

16 октября 1970 года убийца на улице Лермонтова напал на молодую работницу кондитерской фабрики, с помощью ножа парализовал её волю, связал ей руки за спиной и, вставив в рот кляп, отнёс в уединённое место. Но внезапная случайность вмешалась в его расчёты. Он вдруг услышал, как к выбранному им месту приближаются люди. Не желая рисковать и искушать судьбу, он оставил связанную жертву и бежал с места происшествия. Это была его предпоследняя охота. После неё луганские сыщики смогли впервые ухватиться за кончик той ниточки, которая вела к преступнику. Тот кусок простыни, что преступник использовал в качестве кляпа, имел часть штампа, на котором виднелись две цифры - 96. Сыщики стали проверять все организации города и окрестностей, у которых в нумерации имелись такие цифры. Попала под подозрение и войсковая часть № 96444. Туда тут же под видом офицера политотдела Киевского военного округа прибыл оперативный милицейский работник. Но раскопать что-нибудь по этому делу он так ничего и не смог. Между тем удача ждала сыщиков совсем в другом месте.

В ноябре 1970 года около одиннадцати часов вечера оперативно-поисковая группа услышала громкий женский крик, донёсшийся с территории парка отдыха. В течение нескольких минут парк был оцеплен и после тщательного прочёсывания его окрестностей были задержаны трое мужчин. Двоих потом отпустили, а вот третий, молодой человек без каких-либо документов при себе, был доставлен в РОВД. Как выяснилось через несколько минут, это был некий Алмазян, солдат срочной службы из войсковой части № 61436, соседней с войсковой частью № 96444. На чердаке склада, где он служил, сыщики вскоре обнаружили многие вещи, принадлежавшие убитым женщинам. Отпираться Алмазяну было бессмысленно. Так после семи месяцев усиленных поисков опасного убийцу наконец поймали и приговорили к расстрелу.

Не меньше шума, чем Алмазян в Луганске, наделал в 1974 году в Москве некто Андрей Шувалов, который насиловал и убивал женщин, одетых исключительно в красное. В 1977 году Шувалова поймали и содержали не где-нибудь, а в самой Лефортовской тюрьме под неусыпным контролем КГБ.

В 1977 году в той же Москве объявился ещё более страшный монстр 25-летний Андрей Евсеев, житель Хотькова, что в Загорском районе Московской области. До 1977 года он успел поработать в нескольких местах и поменять множество профессий. Среди них - натурщик, лаборант, матрос, проводник пассажирского поезда. В 1972 году Евсеев непродолжительное время находился на лечении в психбольнице.

Убивать людей Евсеев начал в 1977 году и за три года совершил в Москве и области 32 вооружённых нападения, 9 убийств. В большинстве

случаев его жертвами становились женщины.

Первой жертвой маньяка была 16-летняя школьница, которая приехала в Загорск навестить бабушку. Евсеев убил её, нанеся несколько ударов ножом. Грабить не стал (да и взять у девушки было нечего, кроме 35 копеек в кошельке), так как перепугался и сразу убежал с места происшествия.

На следующий день, чтобы сбить с толку следствие, Евсеев специально едет подальше от Загорска, в Одинцово, и там убивает 60-летнего старика. После этого Евсеев входит во вкус убийств. Совершив ещё два нападения на мужчин, он переключается исключительно на женщин. Как позже объяснит на следствии, «у женщин всегда есть деньги и ювелирные украшения». Теперь преступления следовали одно за другим. Однажды в районе Таганской площади за один вечер он совершил сразу два убийства и одно вооружённое нападение. Нападал он наугад, обычно поздно вечером и порой довольствовался совсем малым. У одной жертвы, к примеру, в сумочке оказался всего лишь рубль, у другой - чуть больше. С убитых Евсеев снимал все украшения, которые затем продавал или обменивал. Одно из них он, например, обменял на ящик вина.

К каждому своему преступлению Евсеев тщательно готовился. По утрам бегал кроссы, поднимал гантели, обучался борьбе самбо. Рассчитывал на то, что его никто не поймает. Однако развязка была уже близка. Но перед этим Евсеев успел убить и изнасиловать двух женщин. Последнюю свою жертву убийца подстерёг в семь часов утра в Софрине. Он нанёс несчастной женщине около десяти ударов ножом. Затем ограбил. Мимо проходили люди, оглядывались в их сторону, но Евсеев вполне правдоподобно изображал, будто помогает подняться «пьяной» женщине. Когда люди прошли, Евсеев изнасиловал убитую.

Его взяли через неделю после этого. Он пытался имитировать душевную болезнь, однако это не помогло. Суд приговорил его в 1981 году к расстрелу.

Не менее страшный, чем Евсеев, маньяк был схвачен в июле 1980 года. Им оказался Анатолий Нагиев, 22 лет, уроженец города Ангарска. В пятилетнем возрасте Нагиев переехал в село Ивницы Курской области, где и начались впоследствии его сексуальные похождения. В мае 1975 года он изнасиловал лаборантку одного местного СГПТУ. Это было его первое преступление. Затем в течение двух последующих месяцев он совершил ещё два изнасилования. На последнем его «повязали» и присудили пять лет колонии. Наказание он отбывал на поселении в посёлке Чикшино, причём весьма своеобразно. 30 января 1979 года «отъехал» в город Печору и там совершил изнасилование и убийство одинокой женщины, пригласившей его к себе в гости. До ноября 1979 года, когда Нагиев был досрочно освобождён, он совершил ещё одно убийство и два изнасилования. Кстати, потерпевшие прекрасно знали того, кто это сделал, но предпочитали молчать о своём позоре. А это

только укрепляло преступника в мысли о неуловимости и неуязвимости собственной персоны.

До июля 1980 года Нагиев совершил ещё несколько безнаказанных преступлений. Кульминацией его жуткой карьеры стало 3 июля 1980 года. В тот день Нагиев выехал из Москвы в поезде № 129 в 21 час 35 минут. Через час после отправления он пошёл искать очередную жертву. Нашёл он её в лице одной проводницы, которую изнасиловал и тут же убил. Но этого ему показалось мало, и то же самое он совершил с другой проводницей. Прошло совсем немного времени, и уже ночью третья проводница пала от его рук. Через час - четвёртая. Всех женщин он насиловал в извращённой форме. После этого, ограбив свои жертвы, Нагиев выбросил их из мчавшегося в ночи поезда. Все трупы обнаружили на железнодорожном полотне в разных местах 2 июля. А 24 июля в городе Славяносербске Ворошиловградской области Нагиев был арестован.

В 1981 году завершился кровавый трёхлетний путь шофёра из Смоленска Владимира Стороженко, на счету которого было 12 изнасилованных и убитых женщин.

Акты терроризма 70-х

Три взрыва в брежневской Москве. Теракт в Мавзолее. Пожар в «России». Самоубийство В. Папутина и С. Крылова. Союз воров и «цеховиков».

В конце 70-х в Москве произошёл чуть ли не первый случай открытого террора за последние 50 лет. В субботний день 8 января 1977 года прозвучали сразу три взрыва.

Стоит отметить, что террористы выбрали самое удобное время для диверсии. Буквально две недели назад в Москве проходили торжества по случаю 70-летия главы государства Леонида Брежнева, в связи с массовым приездом в город иностранных правительственных делегаций в Москве были усилены все меры безопасности. В усиленном режиме работали как милиция, так и КГБ. В результате принятых мер торжества прошли без единого инцидента. После них наступило пред- и посленовогоднее затишье, когда вплоть до 10 января 1977 года в страну не въехала ни одна иностранная делегация. Город, что называется, «расслабился», чем и воспользовались террористы.

8 января 1977 года была суббота. В тот день многие москвичи отправились на вечерние киносеансы, в театры, концертные залы, на новогодние ёлки. В вечерние часы на улицах города было оживлённо, и преступники вполне осознанно шли на то, чтобы убить и покалечить как можно больше ни в чём не повинных людей.

Первая бомба взорвалась в 17.33 в вагоне метропоезда между станциями «Измайловская» и «Первомайская». Этот взрыв повлёк за собой

наибольшие жертвы, так как в те часы в поезде было много людей. В результате того взрыва погибли и дети, которые вместе с родителями возвращались с новогодней ёлки.

Второй взрыв прогремел ровно через 32 минуты после первого - в 18.05 бомба взорвалась в торговом зале продуктового магазина № 15 Бауманского райпищеторга. А через 5 минут после этого прозвучал и третий взрыв - на этот раз бомба была подложена в чугунную мусорную урну около продовольственного магазина № 5 на улице 25 Октября (в нескольких сотнях метров от здания КГБ СССР). Здесь заряд этой бомбы взлетел вверх и упал на крышу Историко-архивного института. Однако несмотря на это, общий итог всех трёх взрывов был ужасен: погибло 7 человек и 37 человек получили ранения различной тяжести.

Последний раз нечто подобное в СССР произошло ровно 50 лет назад: 6 июля 1927 года в Ленинграде террористы бросили две бомбы в помещение Партийного клуба, когда там проходило совещание. Поэтому теракты в Москве вызвали настоящее потрясение как в среде простых советских граждан, так и на самом кремлёвском верху. Леониду Брежневу в тот же день доложили об этих взрывах. Он сразу же связался с председателем КГБ Юрием Андроповым и министром внутренних дел Николаем Щёлоковым и потребовал от них в кратчайшие сроки найти преступников. После этого, несмотря на воскресный день, 9 января в КГБ и МВД СССР прошли экстренные совещания, посвящённые произошедшим накануне взрывам. На поиски преступников были брошены лучшие силы из числа розыскников Прокуратуры, МИД и КГБ СССР. Эта операция получила кодовое название «ВЗРЫВНИКИ».

Основную оперативную работу по розыску террористов взяли на себя контрразведчики из КГБ. Последний свой взрыв преступники, видимо, не случайно произвели между Красной площадью и зданием КГБ, тем самым как бы бросая вызов руководству страны и чекистам. Поэтому делом чести для последних было как можно скорее напасть на след преступников.

Оперативники КГБ опросили более 500 свидетелей, видевших, как предполагаемые преступники оставляли на месте преступления свои адские машины. Однако ни один из опрошенных свидетелей так и не смог толком описать внешность террористов. Многие свидетели просто путались в своих показаниях, чем заметно осложняли работу розыскников.

Между тем пока одна группа розыскников опрашивала свидетелей, вторая группа специалистов собирала вещественные доказательства преступлений. Главными среди них были осколки взрывных устройств и те ёмкости, в которых они находились.

Осколки от бомб собирались наиболее кропотливо. Они извлекались из тел убитых и раненых, подбирались на крыше Историко-архивного института, извлекались из обшивки вагона метро, для чего эту обшивку

предварительно полностью сняли.

Наиболее «ценный» осколок был найден в теле одного из убитых в метро мужчин. Этот осколок напоминал собой ручку от утятницы и был окрашен в синий цвет. Именно по этому осколку сыщики сумели установить, что в качестве корпуса взрывного устройства террористы использовали обыкновенную чугунную утятницу вместе с крышкой. Эту крышку они накрепко прикрутили к корпусу с помощью гаек и болтов, после чего прошлись по ним сваркой.

Поиски мест, где изготовлялись подобные утятницы, длился около двух месяцев. За это время было «просеяно» несколько предприятий в ряде союзных республик, пока не удалось выйти на «родного» изготовителя утятницы, использованной террористами. Тот завод оказался в Харькове, однако оттуда вся продукция была отправлена... в 45 различных городов Советского Союза. Так появилось ещё одно препятствие на пути сыщиков к истине.

Нечто подобное произошло и с поиском других вещдоков. Например, было установлено, что в вагоне метро бомба была оставлена в большой дорожной сумке бежевого цвета. По оставшимся кусочкам этой сумки было определено, что эта кожа была изготовлена на Белгородском заводе в Горьковской области. Но и там выяснилось, что вся подобная продукция была отправлена затем в 40 городов Союза. Однако чекисты сфотографировали дубликат этой сумки и фотографии её разослали во все территориальные органы КГБ и МВД СССР. Как покажут дальнейшие события, именно данное обстоятельство во многом поможет раскрытию этого дерзкого преступления.

Тем временем выяснилось, что, кроме осколков от утятницы, в местах взрывов фигурируют и другие осколки. Материал, из которого они были изготовлены, имел в себе примесь мышьяка. Сыщики пошли и по этому пути и установили, что рудник, где добывается эта руда, находится в районе Керчи. Руда с этого рудника затем поставлялась в три места страны: на Украину, в Закавказье и Литву. Как только это стало ясно, было предположено, что к взрывам в Москве вполне могли быть причастны или украинские националисты, или представители армянской организации «Дашнакцутюн», или литовские экстремисты. Однако пока это было только предположением. КГБ подозревал в терактах и советских диссидентов, для чего через своих людей на Западе публиковал в «своих» изданиях статьи соответствующего содержания. Однако эта линия поисков вскоре заглохла ввиду своей неперспективности.

Между тем террористов искало и союзное МВД. Так, в Тамбове местная милиция арестовала некоего Платова, который с помощью самодельной бомбы попытался убить своего соседа-лесника. В результате взрыва лесник не пострадал; однако были убиты его жена и две дочери. Об этом теракте тут же дали знать в Москву. Причём было сообщено, что Платов сознался и в том, что он осуществил январские взрывы в столице.

В Тамбов тут же выехали контрразведчики.

Однако уже с первых же допросов Платова стало ясно, что всё, что он говорит о взрывах в Москве, - «липа». Судя по всему, таким образом местная милиция пыталась отличиться перед собственным министерством. Ведь мнение Н. Щёлокова на этот счёт было хорошо известно, вот на местах, как говорится, и «рвали службу».

Тем временем по одному из вещдоков круг поисков был гораздо уже, чем у других предметов. Этим вещдоком оказалась стальная шпилька, которая была изготовлена на заводе в Ивановской области и оттуда рассылалась всего в 12 городов страны. Одним из городов в этом списке был Ереван. Он также проходил и по всем остальным спискам вещдоков, а это уже кое о чём говорило.

Однако на календаре уже был октябрь 1977 года. С момента взрывов прошло 9 месяцев, а преступники до сих пор гуляли на свободе. Андропов постоянно держал руку «на пульсе» этой операции и рассчитывал, что к ноябрьским праздникам удастся обезвредить террористов. Так, собственно, оно и произошло. Причём развязка истории началась вдали от Москвы.

В ташкентском аэропорту один из чекистов-стажёров обратил внимание на дорожную сумку в руках у одной женщины, спешившей на самолёт. Сумка эта была идентична той, которая была запечатлена на фотографии, присланной из Москвы. Женщину ту попросили на несколько минут задержаться и во время этой задержки проверили её сумку. Она была набита обыкновенными хозяйственными вещами, однако чекистов интересовали не они, а ярлык завода-изготовителя сумки. Оказалось, что эту сумку из белгородской кожи сшили на заводе... в Ереване. Как только эта информация достигла Москвы, оттуда в столицу Армении на личном самолёте председателя КГБ СССР вылетела оперативно-следственная группа. Почти одновременно с ней из Еревана в Москву выехали на поезде и террористы, которые намеревались взорвать ещё несколько бомб в преддверии праздника 7 ноября. Причём на этот раз они усилили мощь своих бомб, заложив в них по 200 штук шрапнелей.

Армянские чекисты с трудом верили, что все нити январских терактов ведут к ним, в Ереван. Однако по личному распоряжению Андропова они должны были оказывать коллегам из Москвы самую посильную помощь в поисках террористов. Они её оказывали, однако делалось это без должного энтузиазма и необходимой в таких случаях расторопности.

Между тем террористов не было уже не только в Ереване, но и в Армении. В конце октября они прибыли в Москву и в зале ожидания Курского вокзала, на одной из лавочек, оставили дорожную сумку с мощной взрывчаткой. Поставив часовой механизм на 20-минутное включение, они уже с купленными на обратный рейс билетами спокойно отправились к своему поезду.

Это уже в наши дни вход в зал ожидания любого столичного вокзала является платным, что отбивает охоту пройти туда каждому желающему. В 1977 году всё было иначе, и в зале обычно толпилась уйма всякого народа. Так было и в том октябре. Если бы взрыв тогда произошёл, шрапнель унесла бы на тот свет не менее сотни человек. Однако взрыва не произошло. Дело в том, что террористы рассчитывали на такую человеческую слабость, как любопытство. Для этого они сконструировали часовой тумблер на взрывчатке «в обратную сторону», рассчитывая на то, что люди, находившиеся рядом, поймут, что сумку забыли, заглянут туда и, увидев взрывной механизм, попытаются его отключить. Для этого они переключат тумблер, и именно это и приведёт к взрыву. Однако всё получилось наоборот.

Сидевшая рядом с «взрывной» сумкой семья оказалась одной из самых нелюбопытных и не заглянула в сумку до утра следующего дня. А когда глава семьи всё-таки сделал это, то батарейка, питавшая детонатор, села настолько, что силы тока уже не хватило для подрыва детонатора. Естественно, что свою находку этот человек туг же отнёс в милицию.

Когда весть о новой бомбе в Москве разнеслась по городу, среди населения возникла очередная паника. На улицах города тогда вновь появились усиленные наряды милиции, в вагонах метро постоянно курсировали военные патрули, которые «шарили» глазами по всем подозрительным сумкам и пакетам.

Между тем удача отвернулась от террористов во всём. Рассчитывая на то, что сумка с бомбой взлетит на воздух, они оставили в ней свои личные вещи: синюю куртку и шапку-ушанку. На последней затем сыщики обнаружили несколько чёрных полукурчавых волос. Ориентированные на поиски людей без верхней одежды, на ноги были подняты милицейские силы на всех железнодорожных вокзалах и в аэропортах страны в направлении таких городов, как Ереван, Тбилиси и Баку. И именно на границе Грузии и Армении и были тогда обнаружены двое из преступников.

Как и было указано в ориентировке, при одном из них не оказалось верхней одежды, не было при нём и документов. Ехал он из Москвы со своим товарищем. Первым задержанным оказался 24-летний рабочий Акоп Степанян, вторым - 32-летний художник Завен Багдасарян. Их обоих этапировали в Ереван. Однако пока никаких обвинений им не предъявляли. Всё произошло на следующие сутки.

Опытные оперативники решили сыграть на неопытности задержанных. К тому времени из Москвы были присланы в Ереван сумка с Курского вокзала и обнаруженные в ней вещи. Следователь вызвал к себе Багдасаряна и сообщил ему, что Степаняна перевели в милицию и что он там мёрзнет в камере, просит передать ему его куртку. Поэтому и вызвали его, Багдасаряна, чтобы он нашёл среди кучи вещей куртку

друга. Багдасарян не почувствовал в этом подвоха, подошёл к разложенным вещам и уверенно взял из них синюю куртку, ту самую, что обнаружили на Курском вокзале. «Вот она!» - сказал Багдасарян и тут же попал в объектив фотоаппарата.

После этого к следователю была вызвана мать Степаняна, которая опознала и сумку сына - ту самую, в которой лежала бомба. Круг, как говорится, замкнулся. Однако в этот момент в дело внезапно вмешалась третья сила.

Руководителю следственной группы лично позвонил первый секретарь ЦК компартии Армении Демирчян и потребовал немедленно прекратить... беззаконие и произвол, творимые якобы следователями из Москвы на территории его республики. В противном случае Демирчян грозился дойти до самого Леонида Брежнева (через несколько дней правительственная делегация Армении должна была вылететь в Москву на празднование 60-летия Великого Октября). К возмущённому голосу своего секретаря тогда присоединили свои голоса и руководители КГБ Армении, которые тоже не верили, что террористы имеют «прописку» на их родине. У следственной группы оставался последний шанс, они согласились освободить задержанных... после того как проведут на их квартирах обыски. В конце концов разрешение на это было получено, и следователи отправились по нужным адресам.

Обыск на квартире Степаняна расставил все точки над «i», у него были найдены детали новых бомб, во многом идентичные тем, что были взорваны в Москве. Кроме этого, у него была найдена записка, из которой следовало, что руководителем преступной группы был известный армянский диссидент, один из создателей Национальной объединённой партии Армении, слесарь-сборщик с «Армэлектрозавода» 32-летний Степан Затикян. Как только это обнаружилось, армянские чекисты сами произвели арест Затикяна и во время обыска в его квартире нашли схему взрывного устройства, использованного в январе в Москве. Это было, наверно, последним аргументом в споре о виновности задержанных, который убедил даже самого Демирчяна.

Уголовное дело «ВЗРЫВНИКИ» вместило в себя 64 тома следственных материалов и тянулось более года. За это время чекистам удалось обнаружить только трёх человек, которые заявили, что слышали, как Затикян (в 1968 - 1972 годах он отбывал заключение по статье за антисоветскую агитацию и пропаганду) предлагал использовать диверсионно-террористические методы в борьбе с советской властью. Сам Затикян это, естественно, отрицал.

Из двух других террористов частично признал свою вину Степанян (при этом отрицая участие Затикяна), и лишь Багдасарян признался во всём и поставил свою подпись под всеми своими показаниями.

Несмотря на то, что власти обещали провести показательный процесс

над террористами, слушание этого дела было закрытым. И продолжалось всего 4 дня - с 16 по 20 января 1979 года. 24 января всем троим был объявлен смертный приговор, который был приведён в исполнение через 5 дней после его оглашения. Случай редкий, но не единственный в те годы. Например, Валерия Саблина, поднявшего мятеж на крейсере «Сторожевой» в ноябре 1975 года, расстреляли в августе 1976 года через 14 дней после приговора.

Однако закрытость процесса над террористами и та спешка, с которой власти расправились с приговорёнными, уже тогда заставляли некоторых людей, знакомых с этой историей, усомниться в справедливости приговора. Их резюме по этому поводу было однозначным: КГБ не смог найти истинных виновников преступления и арестовал не причастных к нему людей. В 1979 году с подобными сомнениями выступил Андрей Сахаров.

Подобных актов террора в Москве никогда ранее не случалось. Хотя один случай мы всё-таки припоминаем.

1 сентября 1973 года бывший рецидивист с 10-летним сроком отсидки решил взорвать себя, и не где-нибудь, а в самом Мавзолее на Красной площади. Разместив под одеждой самодельную взрывчатку, он встал в длинную очередь и не спеша двинулся к намеченной цели. Находясь возле саркофага с телом вождя, привёл в действие взрывной механизм. В результате он погиб сам и убил супружескую пару из Астрахани. Шедших следом школьников от смерти спасло лишь то, что они немного отстали от самоубийцы. Однако четверо ребят всё-таки получили ранения.

Довольно загадочным выглядел и пожар в московской гостинице «Россия», случившийся за полгода до взрывов 25 мая 1976 года. Он начался ранним утром и охватил сразу три этажа: 10-й, 11-й и 12-й. В результате около двадцати человек погибли (среди них и иностранцы), многие получили ранения различной тяжести. В народе сразу же стала гулять версия о преднамеренном поджоге, то есть о диверсии, совершённой неизвестными террористами. Пожаров подобного масштаба в Москве тех времён никогда ещё не случалось. Не случайно к месту происшествия выехали 56 следователей из союзной и городской прокуратур, КГБ и МВД, что ещё больше распалило людское воображение, и по Москве стали гулять самые фантастические версии происшедшего. Одну из них изложили в своём романе «Красная площадь» Э. Тополь и Ф. Незнанский (1982 г.):

«Рассказ старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Тараса Карповича Веделовского.

...Этот пожар возник не случайно. Сегодня, когда уже нет ни Цвигуна, ни Папутина, я могу тебе сказать - это был не пожар, это была война между ними, между Цвигуном и Папутиным. Я не знаю, как и где Папутин

получил тогда разрешение создать при МВД новый Отдел внутренней разведки. Я знаю факты: с конца 1975 года весь 11-й этаж в западном крыле гостиницы «Россия» занял Отдел разведки МВД СССР. Они там устроили свой оперативный штаб и установили самую новейшую аппаратуру подслушивания и слежки - из Японии понавезли, из Америки, даже в Израиле что-то достали. По слухам, им Суслов помог с аппаратурой, но слухи я не проверял, а аппаратуру видел своими глазами и даже пользовался ею, когда вёл дело узбекских торговцев наркотиками: ребята из Отдела разведки помогли выследить главаря шайки. Ну, и пока я там сидел у них на 11-м этаже, я понял, чем они занимаются, - это было эдакое гестапо при союзном МВД. Они установили слежку за всеми партийными и государственными руководителями, у них были досье на всех людей, мало-мальски близких к правительству... Короче, второе КГБ, и только! И где?! В «России», которая, какты знаешь, всегда была вотчиной КГБ, там стукач на стукаче и стукачом погоняет! Директор гостиницы Никифоров - бывший генерал КГБ! Ещё бы! В «России» тьма иностранцев, за ними глаз нужен. Но кроме иностранцев, там и наших полно останавливается: со всех республик начальство, артисты, учёные и самые разные махинаторы, подпольные миллионеры... И вот именно в это осиное гнездо поселяется Напуган со своим новым Отделом разведки. Ну? Две силы, конфликт».

Короче, по версии Э. Тополя и Ф. Незнанского, КГБ, не терпевший конкуренции, поджёг тот самый этаж, на котором свил себе уютное гнездо Отдел разведки МВД СССР.

Этот отдел в системе МВД являлся самым законспирированным и подчинялся лично министру Н. Щёлокову. Штаты этого подразделения находились за семью печатями и были хоть и не столь велики, зато по-настоящему профессиональны. Находилась в этом подразделении и группа, которая отслеживала ситуацию в криминальной среде. В ней работали офицеры, внедрённые под различными легендами в уголовный мир. Их основной задачей было разложение преступных групп изнутри. Работали агенты МВД не только в «малинах» и подпольных борделях, но и на «зонах», в тюрьмах. Это была своеобразная рука МВД на пульсе криминального мира страны, чутко реагировавшая на малейшие перемены в нём. Информации, которой они располагали, было достаточно для того, чтобы пересажать почти всех уголовных авторитетов того времени. Однако органы на это не шли, опасаясь таким образом развязать руки нижним этажам преступного мира.

Через три года после пожара в гостинице «Россия» трагически завершился жизненный путь замминистра МВД СССР Виктора Папутина: в декабре 1979 года, вернувшись из поездки по Афганистану, он пустил себе пулю в висок. Его коллега по работе Юрий Чурбанов объяснил этот поступок алкоголизмом Папутина и его нервной реакцией на события, которые той зимой разворачивались вокруг Афганистана. Министр МВД Н. Щёлоков попытался пробить в «Правде» некролог на своего первого

заместителя, но главная партийная газета страны отказалась это сделать, мотивируя тем, что покойный ушёл из жизни не добровольно. Тогда некролог появился в «Известиях», но очень коротенький и без привычной фотографии. Самым высоким должностным лицом, подписавшим его, был секретарь ЦК КПСС И. Капитонов. Также скромно и незаметно прошли и похороны В. Папутина на Новодевичьем кладбище. Всё это очень напоминало события полугодовой давности, когда из жизни тем же способом, что и Паутин, ушёл начальник Академии МВД генерал-лейтенант Сергей Крылов. Случилось это 19 апреля 1979 года в здании академии, после того как приказом Щёлокова Крылов был снят со своего поста.

В 1967 году в звании подполковника МВД Крылов назначается новым министром Н. Щёлоковым начальником скромного контрольно-инспекторского отдела министерства. Щёлокову понадобился под рукой образованный человек, и он выбрал Крылова, имевшего за плечами опыт научно-исследовательской работы в военном институте. Через него и Щёлоков вскоре буквально заболел наукой. В стенах МВД на постоянной работе появились доктора и кандидаты наук, что заметно повышало интеллектуальный рейтинг руководства министерства.

Крылов одним из первых милицейских чиновников того времени стал ратовать не за усиление кары для преступников, а за более гуманные социальные меры: условное осуждение, условно-досрочное освобождение впервые оступившихся людей. Такой либерализм не мог не породить массу недоброжелателей как в стенах родного министерства, так и за его пределами. Но Щёлоков не давал в обиду своего учёного помощника, более того, во всём потворствовал ему. Ведь Крылов, имея большой вес среди научной и творческой интеллигенции страны, служил для министра надёжным мостиком для связей с этой средой.

Управление Крылова превратилось в мощное учреждение, вобравшее в себя многие функции головного штаба министерства. Оно получило право строгого, независимого ни от кого контроля и инспекции всех сторон деятельности как местных органов внутренних дел, так и его линейных, оперативных служб. Поэтому другие начальники главков МВД были недовольны столь широкими полномочиями ведомства Крылова. Атаки на него не прекращались. «Заумные» идеи Крылова встречались в штыки, Щёлокову постоянно жаловались на зарвавшегося выдвиженца. Но министр был глух к этим голосам и в 1974 году доверил Крылову создание Академии МВД.

Однако в 1977 году в стенах союзного МВД во всю мощь засияла звезда Юрия Чурбанова, который начал активно теснить в сторону первого заместителя Щёлокова Константина Никитина. С этого времени началась и вражда между Крыловым и Чурбановым. Это и понятно: амбиции умудрённого опытом Крылова не могли позволить дать спуску какому-то молодому выскочке, даже если тот и являлся зятем самого Генсека. Щёлоков же в «битве» двух генералов занимал выжидательную

позицию, что в принципе и предопределило её исход. Молодость взяла верх над зрелостью и опытом. В 1979 году комиссия МВД в количестве 71 человека во главе с Чурбановым забраковала работу Академии МВД. Более того, комиссия уличила Крылова в хозяйственной нечистоплотности, барстве и карьеризме. Эти факты и позволили Чурбанову поставить перед руководством академии и лично перед Крыловым вопрос ребром: или он увольняется, или будет начато служебное расследование по фактам, которые вскрыла в академии комиссия.

6 апреля 1979 года С. Крылов пишет рапорт министру о своей отставке, а 19 апреля, приехав к себе в академию в последний раз, он запирается в своём кабинете и кончает жизнь самоубийством.

Сам Ю. Чурбанов позднее вспоминал об этом так: «Крылов постоянно находился в плену каких-то несбыточных (для органов внутренних дел) идей. В аппарате его не любили. Но он полностью очаровал Щёлокова: какие-то его идеи Щёлоков потом выдавал за свои, я и мои товарищи (члены коллегии) считали их не только сомнительными, но и вредными... Когда Крылов появился в стенах академии, там начался полный хаос. Ко мне стали поступать серьёзные сигналы о самоуправстве Крылова, о его неуважительном отношении к людям, о кадровой чехарде и т.д.... Мы сформировали авторитетную комиссию, в неё вошли начальники ряда управлений: была поставлена задача объективно проверить академию по всем позициям. И чем глубже мы копали, тем больше находили негатива. Смена кадров, протекционизм, но в самые большие дебри мы влезли, когда знакомились с вопросами финансово-хозяйственной деятельности академии. Мебельные гарнитуры, которые покупались для академии, перекочевали в квартиру Крылова, там же оказались два цветных телевизора, принадлежавших учебным классам, - вот, если взять только один аспект хозяйственной деятельности, против Крылова можно было возбудить уголовное дело. Министр ушёл в отпуск и отдыхал в Подмосковье. Крылов пытался к нему прорваться, но министр его не принял, как бы давая понять: решайте без меня. Я вызвал Крылова к себе, спрашиваю: «Что будем делать, Сергей Михайлович?» Кроме меня, в кабинете находился начальник кадров генерал Дроздецкий. Надо отметить, что Крылов вёл себя очень нервно. Мне он сказал, что готов расстаться с этой должностью, но просил оставить его в академии преподавателем, я говорю: «Хорошо, вернётся министр, решит все вопросы». Крылов вышел из моего кабинета, поехал в академию, где в этот момент проводилось торжественное собрание, посвящённое очередной годовщине со дня рождения Ленина, прошёл через весь зал и передал генералу Варламову, который вёл собрание, записку, что он хотел бы попрощаться со знаменем академии. Одним словом, бред какой-то. Варламов почувствовал что-то несуразное, быстро закончил собрание - но в этот момент Крылов уходит в свой кабинет, закрывается на ключ, и там раздаётся выстрел».

Таким образом, в 1979 году из жизни ушли сразу три высокопоставленных руководителя союзного МВД: 19 апреля застрелился С. Крылов; 3 августа скончался первый заместитель Н. Щёлокова К. Никитин и в декабре опять же застрелился ещё один замминистра, В. Папутин. Все три смерти, последовавшие друг за другом с разрывом в четыре месяца, заметно облегчили жизнь Юрию Чурбанову и расчистили ему дорогу к власти в стенах МВД. В мае 1979 года, после того как на пенсию был отправлен начальник кадров МВД И. Рябик, Чурбанов занялся кадрами, а в 1980 году, сразу после смерти В. Папутина, Чурбанов становится первым заместителем Н. Щёлокова.

Как уже отмечалось выше, именно в 1979 году на сходке в Кисловодске был заключён союз воров в законе с «цеховиками». Таким образом, на пороге 80-х годов произошло окончательное сращивание профессиональной преступности с преступностью экономической, и наша доморощенная мафия сделала ещё один серьёзный шаг в сторону своего будущего величия.

Ограбление квартиры А. Толстого

По оценкам западных специалистов, доля чёрного рынка в экономике Советского Союза на рубеже 80-х годов составляла от 4 до 8 миллиардов долларов. Если в 1976 году было выявлено 986 хищений в особо крупных размерах, то уже за следующее пятилетие - 6920. И в то время как политический режим в стране, доведённый престарелыми мастодонтами из Политбюро до пропасти, оказался на грани банкротства и краха, криминальные структуры, наоборот, стояли на пороге своего ренессанса.

В некоторых регионах страны молодёжь буквально преклонялась перед преступным миром. И это не удивительно. Пользуясь попустительством со стороны правоохранительных органов, а кое-где и их полным разложением, «блатные», как говорится, собственным примером завоёвывали доверие у людей. Когда в одном из городов Донецкой области у шахтёра изнасиловали дочь, убитый горем отец пошёл не в милицию, а к «блатным». Не прошло и суток после его обращения к ним, как насильника уже вычислила агентура «блатных» и выдала шахтёру для отмщения. В стране, где власть, проповедуя на словах светлые идеи добра и гуманизма, сама погрязла в коррупции и моральной нечистоплотности, разуверившиеся люди готовы были искать защиты у кого угодно.

Однако в те годы бывали периоды (особенно когда в стране проводились очередные пропагандистские кампании), когда власти добивались весомых результатов в борьбе с преступностью. Взять, к примеру, подготовку и проведение Московской Олимпиады в июле-августе 1980 года. По официальным данным, в период подготовки к Олимпиаде было конфисковано и добровольно сдано в Москве и области 155 тысяч стволов незаконно хранившегося оружия, задержано 1262 преступника,

254 из них находились в розыске, обнаружено и изъято около тонны взрывчатки. При службе безопасности создаётся лаборатория, занявшаяся изучением взрывчатых веществ. Московские взрывы января 77-го года не должны были повториться, и они не повторились. В то же время количество грабежей в Москве сократилось на 43%, краж личного имущества - почти на 30%, случаев нанесения тяжких телесных повреждений почти на 34%, автоаварий - на 37%, число погибших в них - на 59%.

В Москву на Олимпиаду прибыли 18 тысяч спортсменов и 200 тысяч туристов. За их безопасность отвечала московская милиция, которая со своими обязанностями справилась на «отлично». Ни одного серьёзного ЧП не было зарегистрировано в городе за все 14 дней Олимпиады. Даже день 28 июля, когда Москва хоронила своего кумира Владимира Высоцкого, прошёл под неусыпным контролем многотысячного контингента московской милиции.

Одно из самых громких преступлений 1980 года произошло в Москве уже после Олимпиады. Случилось оно 14 ноября. В тот день в самом центре города трое вооружённых преступников под видом сотрудников МВД проникли в квартиру Алексея Толстого и совершили одно из самых крупных хищений вещей, драгоценностей и предметов изобразительного искусства (в 1967 г. квартира А.Толстого уже подвергалась подобному налёту). Фабула похищения 1980-го выглядела следующим образом.

У истоков преступления стоял профессиональный фотограф, работавший в Литературном музее и приглашённый в особняк графа, чтобы сделать цветные фотографии имевшихся в доме картин, гобеленов и другой утвари, представлявшей большую ценность. Именно в процессе этой работы у фотографа и зародилась мысль обокрасть квартиру.

В одном из московских ресторанов он встретил свою давнюю знакомую, которая теперь была замужем за гражданином Франции. Однако пока муж-француз проживал в Париже, она крутила амуры с молодым одесситом, имеющим весьма широкие связи в среде иностранцев, коммерсантов и, главное, в среде спекулянтов произведениями искусства. Этого человека и решил использовать в своих целях пронырливый фотограф.

В тот же вечер они с девушкой пошли к одесситу и изложили свой план ограбления квартиры именитого писателя. Одессит с планом согласился без всяких оговорок, и троица приступила к активным действиям. Первым делом в доверие к хозяйке дома, вдове писателя Людмиле Ильиничне, вошла жена французского подданного. Вскоре доверие стало настолько крепким, что вдова показала девушке богатую коллекцию фамильных драгоценностей, среди которых самой дорогой вещью была французская брошь в виде королевской лилии с крупным рубином в середине и множеством бриллиантов, образующих силуэты лепестков. Устоять пред соблазном овладеть таким богатством ни

девушка, ни её друзья не могли.

Ограбление квартиры, находившейся под охраной государства, дело довольно сложное. И одессит решил воспользоваться услугами знаменитого в те времена квартирного вора Анатолия Петкова по прозвищу Котовский, которое он получил ещё в 70-х годах, когда по примеру легендарного молдавского разбойника, а позже красного командира Котовского совершил побег из здания кишинёвского суда через окно. И вот теперь его востребовали в Москву. Петков прибыл в столицу не один, а со своей «бригадой» в составе ещё двух специалистов по квартирным кражам.

14 ноября 1980 года Петков с напарниками под видом сотрудников милиции проникли в квартиру графа А. Толстого, закрыли вдову писателя и её прислугу в ванной комнате, перерезали шнур телефона и приступили к ограблению. Надо сказать, к тому времени одессит отказался от участия в этом деле, но машина преступления была уже пущена в ход и повернуть вспять её было невозможно.

Тем временем Петков, раздарив друзьям награбленное, оставил у себя только брошь - королевскую лилию, можно сказать, самую ценную вещь из всего похищенного (как говорится, «губа не дура»). Между тем «раскаявшийся» одессит и его приятель (тоже бывший житель Одессы) решают подбросить часть похищенных вещей милиции. В химчистке на улице Гарибальди они специально оставляют сумку с частью награбленного.

Это уголовное дело, ввиду именитой пострадавшей и стоимости похищенного, было выделено в категорию особых и расследованием его занялся опытный следователь московской прокуратуры Александр Шпеер. Вскоре вся компания грабителей была схвачена. Почти все похищенные вещи возвратили их законной хозяйке. За исключением одной - той самой знаменитой броши лилии. Петков наотрез отказывался её выдавать. Но была у этого талантливого авантюриста ахиллесова пята - беременная невеста, и именно на это и попытался воздействовать Шпеер. В конце концов Петков сломался и сообщил: за свидание со своей невестой он готов съездить в Баку и через посредника указать человека, у которого и находилась та злополучная брошь. После этого сообщения в МУРе была создана спецбригада из спортсменов для поездки в Баку. Однако в столице Азербайджана произошло непредвиденное. Туда внезапно примчалась невеста Петкова и слёзно стала умолять о новом, последнем свидании со своим возлюбленным. Её мольбы можно было бы проигнорировать, если бы не сам Петков, который вновь выдвинул условие: даёте свидание получаете брошь. Сыщики решили уступить. И вот во время этого свидания невеста внезапно имитирует обморок, оперативники бросаются ей помогать, а Петков, памятуя о своей легендарной кличке Котовский, совершает уникальный побег из-под самого носа у нескольких опытных милиционеров, среди которых находился даже мастер спорта по бегу.

Сразу после этого на Петкова был объявлен всесоюзный розыск. Его «пасли» через невесту, несколько раз нападали на след, но он каждый раз умело избегал всех ловушек. Так продолжалось несколько лет, пока Петкова не выследила тбилисская милиция. К тому времени, по агентурным данным, он уже стал наёмным убийцей, и встреча с ним не обещала ничего хорошего. Поэтому, как только была получена информация о том, что Петкова перевозят из Тбилиси в багажнике «волги», милиционеры без предупреждения открыли огонь на поражение и убили Анатолия Петкова по прозвищу Котовский. А уникальная брошь так и осталась ненайденной.

«Перестройка» воров в законе. Загадочные смерти высокопоставленных деятелей

«Белый лебедь». Смерть П. Машерова. Убийство С. Ибрагимова.

Между тем после кисловодской сходки 79-го года уголовный мир страны начал свою очередную перестройку применительно к реалиям того времени. В исправительно-трудовых колониях страны возрождались старые и создавались новые уголовные традиции. Во главе перестройки стояли, как и положено, воры в законе, которые через своих «ответственных» активно пропагандировали уголовные традиции среди молодёжи, привлекая её в свои ряды. «Казанский феномен» продолжал жить, несмотря на то, что в самой Казани в 1980 году основные группировки были разгромлены (14 апреля 1980 года было закрыто дело группировки «Тяп-Ляп»: четверо её главарей были приговорены к расстрелу).

В ответ на активизацию воров в законе власть предприняла со своей стороны специальные меры. Инициатором их стал генерал МВД Василий Сныцерев, который в 1980 году возглавил исправительно-трудовую колонию в Соликамске (Пермская область). Именно в этом ИТУ Сныцерев и предложил руководству МВД создать профилактический центр для изоляции в нём уголовных авторитетов и проведения среди них так называемой разложенческой работы. По идее Сныцерева именно в его заведении воры в законе должны были начать работать на самых постыдных для них работах - строительстве общежитий для осуждённых, ремонте и благоустройстве жилых зон и охранных сооружений и в конце концов письменно отказаться от своих воровских традиций. Подобные мероприятия по развенчанию воров в законе уже проводились МВД в конце 50-х - начале 60-х годов. В 80-х годах эти «традиции» решено было возродить.

Кстати, упоминаемого нами знаменитого вора в законе А. Черкасова «поймали» подобным образом. Зная о его «гулянках» в баньке на Таганке, однажды «повязали» там, применив к нему позорную статью о распространении порнографии (под эту статью можно было тогда попасть, имея в собственной фильмотеке фильм типа «Эммануэль»).

Кстати, заведение В. Сныцерева получило в уголовной среде название «Белый лебедь» (имелось в виду, что многие воры в законе в стенах этой колонии исполняли свою последнюю, «лебединую» песню). Сам начальник колонии В. Сныцерев получил кличку Архитектор.

Позднее, объясняя журналистам свой жизненный выбор, В. Сныцерев расскажет историю, которая произошла с ним в молодости.

«В 1942 году к нам в школу пришёл какой-то мужчина, построил нас по росту и наиболее рослых ребят отправил в школу ФЗУ. Среди них оказался и я, так как был самым высоким. Самый старший в этом ФЗУ, Витя по прозвищу Пахан, соберёт нас, бывало, и начинает рассказывать про воровскую «малину». Тогда было просто: на базар прибежали, схватили кто что успел из съестного - и дёру! Вот он мальчишек и заставлял делать это. Но мне повезло. Этот Витя, молодой вор в законе, меня почему-то не трогал. Возможно, оттого, что я был сыном офицера-фронтовика. Я избежал его влияния. Но остальные учащиеся ФЗУ (больше пятидесяти пацанов) стали его, так сейчас принято говорить, шестёрками.

В 44-м году мать упросила командование, и меня приняли в Томское военное училище, а в 46-м году я попал в органы МВД. В 52-м году приезжаю в отпуск с Колымы в Томск и случайно встречаюсь с одним из своих товарищей по ФЗУ и, представляете, узнаю от него, что из 50 пацанов один я не стал вором. Все были повязаны и посажены в колонию благодаря этому Вите Пахану... И тогда я окончательно понял, что такое один вор в законе. Всего один!.. И именно тогда пришла мне в голову мысль, что с ворами в законе нужно работать на их уничтожение. Вот и работаю до сих пор. Посвятил этому делу всю свою жизнь».

Скажет это В. Сныцерев в 1989 году, когда результаты его разложенческой работы в среде воров в законе будут весьма ощутимы. Не случайно на сходке воров в законе в 1988 году Архитектора приговорят к смертной казни и оценят его голову в 200 тысяч рублей. Весьма немалые деньги по тем временам. Хотя вполне вероятно, что это только красивая легенда.

Надо сказать, год 1980-й на удивление изобиловал громкими и загадочными смертями в среде самых высокопоставленных деятелей. Взять, к примеру, смерть кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Белоруссии Петра Машерова, последовавшую 4 октября 1980 года в результате автомобильной катастрофы. К тому времени личность этого человека весьма заметно выделялась из длинного ряда членов и кандидатов в члены Политбюро в лучшую сторону и народом воспринималась положительно. Ещё бы, партизан-фронтовик, Герой Советского Союза и, главное, не лизоблюд, как все остальные, кто окружал тогда многозвёздного Генсека. И вот именно этот человек, можно сказать, на взлёте своей карьеры уходит из жизни, причём не в своей постели, а в страшной автокатастрофе. Вывод после этого был однозначен: убили. Для расследования этого неординарного

происшествия в Минск посылают представительную следственную группу, среди членов которой был и следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Владимир Калиниченко. Позднее он рассказывал: «4 октября 1980 года в 14 часов 35 минут от здания ЦК КПСС Белоруссии в сторону г. Жодино выехала автомашина «ГАЗ-13» «чайка», госномер 10-09 ММП под управлением водителя Е. Ф. Зайцева. Рядом с водителем сидел П. М. Машеров, на сиденье сзади офицер охраны майор В. Ф. Чесноков. Вопреки правилам и существующим инструкциям впереди шла автомашина сопровождения «ГАЗ-24» обычной окраски, не снабжённая проблесковыми маячками. И только сзади, подавая звуковые и проблесковые сигналы, двигалась спецавтомашина ГАИ.

На трассе Москва-Брест шириной до 12 метров пошли по осевой со скоростью 100 - 120 км/ч. Такая скорость рекомендуется службой безопасности, так как, по расчётам, она не позволяет вести по автомобилям прицельную стрельбу. Дистанцию между собой держали в 60-70 метров. За километр до пересечения трассы с дорогой на Смолевическую бройлерную птицефабрику первая «волга», преодолев подъём, пошла на спуск. До катастрофы оставались секунды. Грузовик, вынырнувший из-за «МАЗа», увидели сразу. Правильно сориентировавшись в ситуации, старший эскорта резко увеличил скорость и буквально пролетел в нескольких метрах от двигавшегося навстречу несколько под углом грузовика. Водитель Машерова пытался тормозить, но затем, ориентируясь на манёвр «волги», также резко увеличил скорость. Пётр Миронович упёрся правой ногой в стенку кузова «чайки» и, как бы отстраняясь от надвигавшегося препятствия, выбросил вперёд правую руку, отжимаясь от лобового стекла».

За рулём злосчастного грузовика был водитель экспериментальной базы «Жодино», отец троих детей Николай Пустовит. После бессонной ночи он выполнял обычный рейс до Минска. Вина его была бесспорной: зазевавшись, он не заметил, как ехавший впереди него «МАЗ» резко сбавил скорость. В результате этого Пустовит вывернул руль влево, и его грузовик с пятью тоннами картофеля буквально в лоб протаранил старую «чайку».

Следственная группа, которую возглавлял следователь белорусской прокуратуры Николай Игнатович (помимо него, в Минск прилетели начальник союзного ГАИ Лукьянов, начальник Главного бюро судебно-медицинской экспертизы МО СССР Томилин, заместитель Прокурора Союза Найденов, начальник следственной части Прокуратуры СССР Каракозов и другие высокие начальники), не нашла в действиях Пустовита ничего преднамеренного. Состоявшийся вскоре суд приговорил его к 15 годам лишения свободы за нарушение правил дорожного движения.

Петра Машерова похоронили в Минске 7 октября 1980 года, и из Москвы на похороны прилетел лишь секретарь ЦК КПСС В. Зимянин.

Ровно через два месяца после трагической гибели П. Машерова - 4 декабря 1980 года - другая советская республика потеряла одного из высокопоставленных своих руководителей. Во время отдыха в Чолпон-Атинском санатории был застрелен председатель Совета Министров Киргизии 53-летний Султан Ибраимов. Так же, как и П. Машеров в Белоруссии, С. Ибраимов пользовался большим уважением среди населения своей республики. Стрелявший в министра преступник благополучно ушёл с места преступления и почти год скрывался от правосудия. И лишь в 1981 году милиция напала на его след, но при попытке задержания он был убит, и тайна убийства С. Ибраимова так и осталась неразгаданной. Так же, впрочем, как и тайна убийства в том же году заместителя Председателя Совета Министров Якутии Степана Платонова. По одной из версий Платонов собирался встретиться с председателем КГБ СССР Андроповым, для того чтобы доложить тому о положении в алмазодобывающей промышленности, о фактах хищения алмазов. И вот незадолго до этой встречи Платонов был якобы случайно застрелен на охоте первым секретарём Якутского горкома партии. За это преступление высокий партийный руководитель понёс «суровое» наказание: через несколько месяцев содержания под стражей он был отпущен на свободу.

Партийная номенклатура не давала в обиду «солдат» своего многомиллионного легиона. Вот и министр внутренних дел СССР Николай Щёлоков в конце 70-х годов обратился в ЦК КПСС и Совет Министров СССР с докладной запиской, в которой предлагал лишить прокуроров городов и районов права возбуждения уголовных дел против работников милиции, а рядовой и сержантский состав привлекать к уголовной ответственности только с согласия начальника местного УВД. Санкцию разрешать привлекать к уголовной ответственности офицеров МВД министр оставлял за собой. Такое ущемление своих прав прокуратура, естественно, снести не могла. В начале 1980 года партийный актив союзной Прокуратуры на собрании вынес отрицательное решение по докладной записке Н. Щёлокова. Отметим, что чуть позже, в июле 1980 года, Прокуратура СССР командировала в Ташкент начальника следственной части А. Бутурлина и с ним бригаду следователей для расследования злоупотреблений властью бывшего министра внутренних дел Узбекистана Хайдара Яхъяева, который ровно год назад был снят со своего поста. Яхъяев являлся, что называется, «мастодонтом» республиканского МВД и просидел в кресле министра 15 лет (с марта 1964 года). Он поддерживал приятельские отношения с Н. Щёлоковым и имел неплохие связи в аппарате центрального МВД.

Теперь же, после того как стараниями Ю. Чурбанова, отвечавшего в МВД за кадры, Яхъяев был снят со своего поста, союзная Прокуратура, за спиной которой стоял КГБ, получила возможность «копнуть» под Яхъяева поглубже. Благо документов о его злоупотреблениях было вдоволь. В частности, были установлены факты фабрикации уголовных дел, по которым здоровых и невиновных людей помещали в психушки и сажали в

тюрьмы.

И всё же окончательно свалить Яхъяева, который уже трудился в республиканском Комитете народного контроля, тогда не удалось. В дело вмешался сам первый секретарь ЦК КП Узбекистана Шараф Рашидов, который довольно ревниво относился к тому, чтобы московские посланцы наводили порядок в его вотчине. В декабре 1980 года бригаду Бутурлина отозвали в Москву.

Не менее ревниво, чем Рашидов, относился к действиям союзной Прокуратуры и Н. Щёлоков. Он прекрасно понимал, чем для него лично могло обернуться осуждение человека, с которым у него были приятельские отношения. Однако впереди Щёлокова ждали более серьёзные неприятности.

Оборотни

Убийство на «Ждановской».

26 декабря 1980 года один из заместителей начальника секретариата КГБ СССР майор госбезопасности справлял своё 40-летие в узком кругу сослуживцев. Засидевшись за праздничным столом до позднего вечера, друзья наконец выпили по последней рюмке и разошлись по домам. Именинник отправился на станцию «Площадь Ногина» (ныне «Китай-город») и, сев в электричку, заснул в ней беспробудным сном. На конечной станции «Ждановская» пьяного пассажира заметила контролёр метрополитена и растолкала его. Майор тут же очухался и, выйдя из вагона электрички, направился к выходу из метро.

Однако уже на улице он внезапно вспомнил о своём дипломате, который остался в вагоне. Майор вернулся назад, но контролёр уже успела отнести дипломат в дежурную комнату милиции. Когда же майор вошёл туда, его глазам предстала ужасная картина: пятеро милиционеров довольно бесцеремонно рылись в его вещах. Достав своё удостоверение, майор потребовал вернуть вещи. Но успевшие принять уже изрядную порцию алкоголя милиционеры и не думали выполнять требование майора, тем более из конкурирующей фирмы. Надо отметить, в те годы в народе давно уже ходили недобрые слухи о милиционерах из отдела по охране Московского метрополитена. Попадавшие в их руки москвичи и гости столицы запросто могли лишиться как своего здоровья, так и всех своих наличных материальных и денежных ценностей. Причём безнаказанность блюстителей порядка была настолько вопиющей, что милиционеры уже давно перестали обращать внимание на то, пьяный клиент попал в их сети или абсолютно трезвый.

Вот и в тот день 26 декабря 1980 года безнаказанность перешла все допустимые нормы: свалив с ног беззащитного майора, они принялись жестоко его избивать. Били до тех пор, пока тот не потерял сознание.

После этого позвонили дежурному по 5-му отделению милиции и доложили о задержании сотрудника КГБ. В ответ на это сообщение дежурный посоветовал коллегам не связываться со столь солидным клиентом и отпустить его восвояси. Этому совету один из милиционеров тут же и последовал: он помог избитому майору подняться на ноги и вывел его из дежурки. Но остальные, видя, каким зверем смотрел на них майор, какие угрозы отпускал в их адрес, поняли, чем грозит им этот инцидент в случае его разглашения.

Как только эта мысль промелькнула в их головах, они начали действовать. Все трое выскочили из комнаты милиции и бросились в погоню. Не прошло и пяти минут, как майор госбезопасности был вновь скручен по рукам и доставлен в злосчастную дежурку. Здесь жестокое избиение майора продолжилось ещё активнее, чем в первый раз. Теперь милиционеры били свою жертву насмерть. Когда тело его окончательно обмякло и он затих, один из милиционеров позвонил дежурному по 5-му отделению и доложил, что «они грохнули комитетчика». Матюкаясь и чертыхаясь в ответ на эту весть, дежурный приказал коллегам ничего более не предпринимать и ждать приезда начальника отделения. Вскоре на «Ждановскую» лично прикатил начальник 5-го отделения милиции отдела по охране метрополитена Борис Баринов. Профессиональным взглядом окинув место происшествия, он сразу понял, чем для него лично может обернуться этот случай. Поэтому в голове его тут же созрел план: погрузить труп майора в служебную «волгу», вывезти за город и там бросить. Так и сделали. Бездыханного чекиста погрузили в машину и вывезли в район посёлка Пехорка, что рядом с аэропортом Быково. Однако когда тело майора выносили из машины, выяснилось, что тот ещё дышит. И тогда Баринов приказал своим подчинённым добить раненого. Вооружившись монтировкой, милиционеры принялись добивать майора. Каждый из них должен был нанести по одному удару.

Рано утром 27 декабря 1980 года на обочине дороги было обнаружено тело человека, которого вскоре опознали как майора госбезопасности. Сразу после этого по распоряжению самого председателя КГБ СССР Юрия Андропова было назначено самое компетентное следствие. Дело выделено в категорию особых и беспрецедентных. В Прокуратуре Союза была создана следственная бригада, во главе которой встал опытный следователь по особо важным делам Владимир Калиниченко - до этого он расследовал дела о взятках в Краснодарском крае («Океан») и дело о гибели Петра Машерова.

Выяснив, что след покойного теряется в метро, а именно на Ждановско-Краснопресненской линии, следствие вскоре установило, что последний раз майора видели живым на станции «Ждановская». К середине января 1981 года уже оформилась основная версия случившегося, по которой выходило, что к убийству майора приложили руку сотрудники милиции Лобов, Лоза, Самойлов, Емешев и Панов. Это было серьёзное обвинение, и Н. Щёлоков прекрасно понимал, какой

козырь мог появиться в руках у Ю. Андропова в случае успеха в раскручивании этого дела. Поэтому со своей стороны МВД СССР делало всё возможное, чтобы не дать КГБ совместно с Прокуратурой развернуть это дело на полную катушку. Начались прямые угрозы и давление на В. Калиниченко, и КГБ вынужден был выделить для него специальную охрану, более того, охраняли даже его дочь-школьницу. Но всё это не могло уже остановить машину следствия.

14 января 1981 года, когда Н. Щёлокова и его первого зама Ю. Чурбанова не было в Москве, Прокуратура и КГБ провели широкомасштабную операцию по выемке документов в служебных помещениях отдела милиции по охране метрополитена, территориальных отделениях и медвытрезвителях, расположенных рядом со станцией метро «Ждановская». Кроме того, в следственный отдел КГБ СССР в Лефортово доставлялись люди, которые в течение вечера 26 декабря 1980 года находились в комнате милиции на «Ждановской» или могли быть возле неё. Так в руках следователей оказались все участники преступления: Лоза, Масохин, Лобов, Емешев, Панов. После нескольких дней усиленных допросов они один за другим стали во всём признаваться. Правда, ни один из них пока не назвал в своих показаниях ещё одного своего подельника: начальника 5-го отделения милиции Баринова. Но следствие уже располагало сведениями о том, что на месте преступления возле Пехорки обнаружены следы автомобиля «волга» «ГАЗ-24». Теперь надо было только установить хозяина этой машины. На это дело ушло ещё несколько часов усиленных допросов, после чего один из допрашиваемых наконец показал: хозяином «волги» был Баринов. И несмотря на то что Баринов сумел подготовить для себя алиби (он уговорил свою знакомую, которая работала заместителем директора одного из магазинов, показать на следствии, что вечером 26 декабря Баринов был у неё), Калиниченко приказал Баринова задержать. Санкцию на арест Баринова дал заместитель Генпрокурора СССР Василий Найденов, тот самый, которого буквально через несколько месяцев за особое рвение в расследовании «краснодарского дела» снимут с этой должности.

После того как Баринов был официально арестован, обстановка вокруг следствия обострилась до предела. Давление и угрозы со стороны МВД стали ещё более откровенными. Поэтому Ю. Андропов и послал одного из своих заместителей на жёсткие переговоры со Щёлоковым. На руках у зама Андропова были бесспорные доказательства вины подчинённых Щёлокова. Министру МВД крыть было нечем. К тому времени у следователей появились ещё и факты того, что задержанный Лобов пять лет назад, работая в 4-м отделении милиции, совершил ещё одно убийство - жителя города Армавира. По всей видимости, это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения руководства союзного МВД: Ю. Чурбанов собрал коллегию ГУВД Мосгорисполкома и устроил публичную экзекуцию своим подчинённым. Несколько человек были сняты со своих должностей, понижены в звании.

Летом 1982 года судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда приговорила Баринова, Лобова, Панова и Масохина к высшей мере наказания - расстрелу. Остальные отделались максимальными сроками тюремного заключения.

Борьба КГБ с МВД

Арест В. Иванькова. Ограбление И. Бугримовой. Попытка ареста Ю. Андропова. КГБ против мафии.

Тот «великий шмон», который устроил КГБ московской милиции в 1981 году, заметно повлиял на уровень работы МВД. Вся та грязь, что липла на милицейский мундир благодаря бариновым и лобовым, требовала серьёзной чистки и заставляла руководство союзного МВД засучив рукава искать оправдания в глазах как рядового населения, так и предстать пред грозные очи высоких кремлёвских начальников. Требовались показательные акции, и они не заставили себя долго ждать.

В пятницу 15 мая 1981 года в Москве была проведена крупная операция, целью которой являлся захват авторитетного уголовного лидера Москвы Вячеслава Иванькова по кличке Япончик. Взять его должны были после того, как один филателист, некий Нисензон, дал-таки показания против Япончика, обвинив его в рэкете.

Япончика должны были арестовать ещё в конце 1980 года, однако тогда ему удалось скрыться от милицейской погони на своих «жигулях» прямо в центре городе - возле Театра Советской Армии. Несколько месяцев сыщики МУРа искали его по всей Москве и Подмосковью, пока не нашли место, где он скрывается. День его поимки был назначен на 15 мая.

В тот день он должен был уехать в Сочи, однако перед отъездом Япончик встретился на площади Маяковского с одним из своих знакомых. Брать его там сыщики не решились, так как вокруг было полно людей. А вот когда Япончик отправился в родной для него Тёплый Стан, решено было уже не медлить. Там в момент, когда Иваньков остановил машину возле одного из магазинов, чтобы купить пива, его и арестовали. Всех оперативников, участвовавших в этой операции, наградили: одним вручили грамоты за подписью начальника ГУВД Самохвалова, другим - по 30 рублей премии. А Вячеслав Иваньков получил 14 лет тюрьмы и отправился в Иркутскую область.

Надо сказать, что поступок филателиста Нисензона, осмелившегося со второй попытки дать свидетельские показания против Япончика, был чем-то сродни поступку американской проститутки Нэнси Пресер, показания которой помогли американскому правосудию засадить за решётку одного из «крёстных отцов» «Коза ностры» Лаки Лучано. Случилось это 1 февраля 1935 года в Нью-Йорке. До самого последнего

момента «счастливчик» Лучано не верил в то, что суду удастся «подобрать к нему ключи». Но действительность оказалась куда печальнее, чем предполагал Лучано. 6 июля 1935 года суд присяжных постановил, что его вина доказана в 623 из 806 пунктов обвинения, и приговорил Лучано к 50 годам каторжной тюрьмы.

А за две недели до ареста Японchика - точнее, 28 апреля 1981 года - в далёком от Москвы Ташкенте состоялся суд над группой преступников во главе с неким Лагадзе по кличке Джонда, которые довольно длительное время грабили состоятельных людей. Банда была прекрасно вооружена (вплоть до ручных гранат) и отличалась весьма завидной дисциплиной. Без дела боевики Лагадзе никогда не сидели, зарабатывая себе на жизнь жёстким рэкетом. А «трясти» в Ташкенте всегда было кого. В том же 1981 году, к примеру, органами КГБ республики была обезврежена группа расхитителей в составе 20 человек (Вольфсон, Манелис и др.), у которых были изъяты деньги, облигации 3-процентного займа, вклады на сберкнижках на сумму свыше 2 миллионов рублей, а также драгоценные камни и более тысячи ювелирных изделий из золота.

К этому времени разложение советской партийной и государственной элиты достигло своего апогея. Престарелый Генсек уже абсолютно не контролировал ситуацию, и более крепкие его соратники стремились к захвату власти. Наибольшими шансами в этой борьбе, несомненно, обладал Юрий Андропов, в руках которого находилось такое мощное оружие, как КГБ. С помощью этого органа можно было громить всех своих врагов и перетягивать на свою сторону симпатии простых людей, которые только и ждали, когда в стране наконец будет наведён порядок.

Будучи председателем КГБ в течение вот уже 14 лет, Андропов успел накопить компрометирующий материал на большинство высокопоставленных партийных и государственных деятелей страны. Причём часто собрать подобный материал не составляло особого труда, так как моральное разложение номенклатуры зашло так далеко, что её представители уже и не пытались скрывать свои поступки от посторонних глаз. Им казалось, что их величие будет продолжаться вечно.

Родная дочь Генерального секретаря ЦК КПСС Галина Брежнева, женщина слабая и незлобивая, при живом муже Ю. Чурбанове завела себе любовника, 32-летнего оперного певца Бориса Буряце, и сняла для него квартиру на улице Чехова. Любая другая советская женщина, будь она при деньгах, могла бы позволить себе подобные вольности, но только не дочь руководителя Советского государства. Поступая подобным образом, Галина Брежнева давала весьма серьёзные козыри в руки политических противников её отца.

Между тем связь с дочерью Леонида Брежнева превращала молодого цыгана Буряце в некоего некоронованного короля московского бомонда. Вокруг него тогда вращались многие знаменитости как из среды творческой интеллигенции, так и из среды криминальной. Через него эти

люди могли выходить и на Галину Брежневу. А та вовсю увлекалась скупкой драгоценностей, занятием, весьма распространённым в те годы среди особ её положения и репутации. Часть этих драгоценностей Галина оставляла себе, а остальные продавала после очередного повышения цен на ювелирные изделия. Так как решение о повышении цен принималось на Политбюро, то Галина через своего отца узнавала обо всём заранее и в преддверии его активно скупала «камни» в магазинах. Затем так же активно они продавались. Это была типичная картина жизни советских буржуев тех лет. К примеру, директор универмага «Сокольники» В. Кантор скупил драгоценностей из секции ювелирных изделий своего магазина на сумму 322 886 рублей. И если учесть, что повышение цен на драгоценности происходило на 100 - 150%, то можно представить прибыль от подобной скупки и последующей продажи.

С «бриллиантовой» мафией связывают одно из самых громких преступлений того времени - убийство популярной киноактрисы Зои Фёдоровой. Оно произошло днём в пятницу 11 декабря 1981 года. Это был обычный будний день начала зимы и Москва жила в своём привычном ритме. Кажется, ничто не предвещало того, что этому дню будет суждено войти в историю. Криминальных сообщений, поступивших на пульт дежурного ГУВД на Петровке,38, к восьми вечера было больше трёх десятков, но все они относились к разряду «бытовухи»: где-то неосторожный водитель сбил пешехода, пьяный муж избил свою супружницу, компания подростков разбила стеклянную витрину в магазине. И вдруг, в половине девятого вечера, как гром среди ясного неба тревожное сообщение «огнестрел». Взволнованный мужской голос сообщил, что в квартире N234 в доме 4/2 по Кутузовскому проспекту обнаружен труп знаменитой киноактрисы Зои Фёдоровой с огнестрельным ранением головы. К месту происшествия тут же была направлена оперативная группа...

В элитный дом на Кутузовском проспекте Фёдорова переехала в начале 70-х. Это стало возможным благодаря знакомству Зои Фёдоровой с Галиной Брежневой, которая по праву считалась первой леди в среде столичной богемы. Она любила появляться в компании разного рода знаменитостей и многим из них частенько помогала в трудные минуты их жизни. Если назвать всех актёров, спортсменов, писателей и других представителей советской элиты, кому Галина помогла в решении самых разных проблем - присвоение очередного звания, выход фильма на экран, получение ордера на новую квартиру, поездка за границу и т. д. и т. п., - то получится весьма внушительный список на несколько десятков страниц. И одним из первых в этом списке окажется имя Зои Фёдоровой, которой Галина откровенно симпатизировала.

Чуть позже интересы дочери генсека и актрисы переплетутся ещё теснее, поскольку у них появится одна общая страсть - скупка и перепродажа бриллиантов. Однако если Фёдорова вынуждена будет заниматься этим делом исключительно из-за финансовых проблем (её

доход состоял из скромной зарплаты в Театре-студии киноактёра, разовых гонораров за эпизодические роли, которых становилось всё меньше и меньше, и выступлений перед зрителями в программе «Товарищ кино» от Бюро кинопропаганды), то дочь генсека сделала это дело чуть ли не смыслом своей жизни. Причём, её аппетиты не знали себе равных. Известен случай, когда Галина, будучи на отдыхе в Грузии, присмотрела себе в одном из тамошних музеев диадему, некогда принадлежавшую самой царице Тамаре. «Эта вещь должна быть в моей коллекции!» - решила Галина и, не долго думая, потребовала у руководства музея преподнести ей в подарок эту бесценную диадему. Понимая, что в одиночку со своенравной дочерью генсека им не совладать, музейные работники обратились за помощью к главе Грузии Эдуарду Шеварднадзе. Тот позвонил в Москву генсеку и поделился с ним возникшей проблемой. Брежнев был краток: «Гони её в шею!». Это вмешательство позволило сохранить национальную реликвию на родине.

Расследуя это дело, сыщики раскопали много интересных фактов из прошлого актрисы. Например, вновь всплыла история 1945 года, когда Фёдорова влюбилась в американского военного Джексона Тэйта и родила от него девочку - Викторию (в последствии популярную киноактрису). Однако эта связь дорого стоила влюблённым: Джексона выслали на родину, а Фёдорову упекли за решётку, где она просидела до середины 50-х.

Было известно, что осенью 73-го мать и дочь Фёдоровы внезапно получили весточку от Тэйта. В своём письме, которое пришло на Кутузовский благодаря помощи американки Ирины Керк, он просил у дорогих ему женщин прощения за то, что послужил невольным виновником постигших их бед. Получив это послание дочь Фёдоровой Виктория загорелась желанием во что бы то ни стало увидеть своего отца и попросила Керк помочь ей в этом деле. Так началась почти двухлетняя эпопея с её отъездом в США. Кульминацией этой истории стала статья в «Нью-Йорк таймс» от 27 января 1975 года, в которой рассказывалась история любви морского офицера Джексона Тэйта к советской актрисе Зое Фёдоровой, их вынужденной разлуке и вновь вспыхнувшей переписке. Статья произвела впечатление на американцев и сразу несколько продюсеров Голливуда изъявили желание снять об этом фильм. Естественно, что вся эта шумиха не прошла мимо официальных советских властей, которые долгое время старательно делали вид, что вся эта история их не касается. Но после того как она выплеснулась на страницы газет игнорировать её было уже нельзя. В конце концов Виктории Фёдоровой была выдана виза для поездки в США. Весной 1975 года на небольшом островке недалеко от Флориды она наконец встретилась со своим отцом. А уже 7 июня того же года Виктория вышла замуж за пилота Фредерика Пуи и осталась навсегда в США. А что же её мать, которая осталась в России?

После отъезда дочери Зоя Фёдорова вела отнюдь не уединённый

образ жизни. Деятельная натура не могла позволить ей вести жизнь обычной пенсионерки, с утра до вечера сидящей на лавочке возле подъезда. И поскольку её творческая жизнь была практически сведена к минимуму, она нашла применение своему темпераменту в совершенно иной сфере деятельности в скупке и перепродаже изделий из золота, антиквариата. Учитывая, что теперь она жила одна, времени и, главное, возможностей заниматься этим у неё было предостаточно. Тем более появился стимул - скопить деньги на свой возможный отъезд за границу, к дочери.

«Бриллиантовый» бум в Советском Союзе пришёлся как раз на 70-е годы. Именно тогда советская номенклатура в лице процветающих деятелей культуры, работников ЦК, чиновников из различных министерств и ведомств, жён и детей членов Политбюро взяла за моду собирать коллекции из редких «камней» и «розочек» (так на слэнге именовались бриллианты). Причём денег на это дело не жалели. Учитывая возросший спрос на «камушки», в нужном направлении сориентировался и криминальный мир. В той же Москве существовала целая система, когда под видом скромных пошивочных и ремонтных мастерских действовали пункты скупки и перепродажи бриллиантов, валюты, антиквариата. Поскольку нити от этого бизнеса уходили на самый верх, правоохранительные органы вынуждены были безучастно взирать на существование «бриллиантовой» мафии. Достаточно сказать, что первое в истории КГБ уголовное дело в этой сфере возникло только в 1971 году, причём чекисты вышли на «каменных дел мастеров» совершенно случайно, арестовав в аэропорту Шереметьево гражданина Глода (см. соответствующую главу в книге).

Для особенно редких «камней» в Советском Союзе проводились подпольные аукционы, где советские нувориши за баснословные деньги приобретали в свои коллекции эти экземпляры. Большая их часть попадала на подобные торги посредством незаконного отъёма у настоящих владельцев. Вот почему многие громкие преступления 70-х имеют «бриллиантовый» след. Например, дело об убийстве дочери крупного чиновника Лианозовой. Её убили из-за редкой коллекции драгоценностей, которая так и канула в небытие, скорее всего, осев в чьей-то частной коллекции. Или ограбление квартиры Алексея Толстого, случившееся на рубеже 80-х. Тогда из дома писателя были похищены драгоценности чуть ли не на миллион советских рублей. Самой дорогой пропажей в списке похищенных вещей была брошь - королевская лилия, которая одна тянула на половину похищенной суммы. Кстати, почти всё украденное сыщикам удалось вернуть, а вот брошь-лилия бесследно исчезла где-то в Азербайджане.

В «бриллиантовом» бизнесе Зоя Фёдорова, судя по всему, могла выполнять роль посредника или курьера, который имел возможность беспрепятственно разъезжать по городам Советского Союза. Известно, что Галина Брежнева часто использовала в таких целях некоторых

представителей творческой элиты. Самой ей мотаться по Союзу было несподручно (статус первой леди не позволял), зато популярным артистам сделать это было не трудно. Известнен случай, когда в качестве курьера был использован один английский импрессарио, привозивший к нам популярных британских исполнителей. Он должен был ехать с гастролями в Волгоград и Галина уговорила его взять с собой 500 тысяч рублей, на которые ему следовало купить десяток- другой бриллиантов. Значительно позже испрессарио понял, зачем дочери генсека понадобились эти «камушки». Вскоре в СССР объявили очередное повышение цен на драгоценные камни почти на 150 процентов, о котором Галина знала заранее. Преобретя бриллианты по старой цене, она, видимо, потом продала их по новой и сорвала на этом приличный куш.

Вполне возможно, что отъезд дочери Фёдоровой за границу сыграл только на руку тем дельцам, с кем актриса крутила дела на ниве «бриллиантового» бизнеса. Теперь она оказалась у них в ещё большей зависимости, поскольку от их воли зависело позволять или нет матери встречаться с дочерью. И Фёдорова это прекрасно понимала. В те годы выезд за границу, а тем более в США, был делом очень сложным, и далеко не все смертные могли воспользоваться приглашениями даже самых близких родственников. Всё решалось на «самом верху». Но Фёдоровой такую возможность предоставили. В первый раз она выехала в Америку в апреле 1976 года. Там она встретилась со своим бывшим возлюбленным Джексоном Тэйтом и дочерью, после чего вернулась назад. Она имела возможность остаться в Америке навсегда, однако почему-то этого не сделала. То ли она была связана каким-то обещанием перед теми, кто отпустил её в эту поездку, то ли решающую роль сыграли иные причины, например боязнь за судьбу своих двух сестёр и племянников, которые оставались в Советском Союзе.

Между тем это была последняя встреча Фёдоровой со своим бывшим возлюбленным: в июле 1978 года Джексон Тэйт скончался от рака в возрасте 79 лет. Однако в Америке у Фёдоровой оставалась дочь, которая раз в год присылала матери приглашения. И каждый раз, - а таких случаев было два, актриса беспрепятственно вылетала в Америку. Осенью 1980 года Фёдорова получила очередное приглашение от дочери и в четвёртый раз начала собираться в поездку. Но на этот раз дело внезапно застопорилось. Дело в том, что незадолго до этого в США вышла книга Виктории Фёдоровой «Дочь адмирала», которую в Советском Союзе расценили как антисоветскую. На этом основании ОВИР стал отказывать актрисе в выдаче паспорта. Узнав об этом, Виктория предприняла попытку вытянуть мать к себе по своим, американским, каналам. Она обратилась за помощью к сенатору Брэдли. Но он ответил, что если бы её мать просилась в эмиграцию, то он бы сумел оказать какую-то помощь. Но об этом ведь речь не идёт. В таком случае брежневская администрация вправе заявить, что давать или не давать выездной паспорт для поездки в гости - сугубо внутреннее дело. В начале декабря 80-го Виктория позвонила матери в Москву и передала ей суть этого разговора. В ответ та

произнесла загадочную фразу: «Меня скоро убьют». Однако закончила она разговор на оптимистической ноте: мол, в ближайшую среду вновь пойду за паспортом.

Утром 9 декабря Зоя Фёдорова пришла в ОВИР, но опять ничего не добилась. В порыве гнева актриса заявила в глаза чиновнику, решавшему её участь: «Если меня, русскую до последней капельки, патриота России не выпустят в гости к дочери и внуку, я подам на эмиграцию...».

Свой последний день 11 декабря Зоя Фёдорова провела дома. С утра она села за телефон и принялась обзванивать своих друзей, пытаясь решить ряд насущных для себя проблем. О том, насколько эти проблемы были для неё важны говорит хотя бы такой факт: она отказала своему племяннику в визите, хотя еженедельно он посещал её именно в этот день - в пятницу. То ли актриса не хотела, чтобы кто-то ей мешал, то ли в этот день у неё было назначено свидание с человеком, которого она не хотела показывать племяннику.

В числе тех, кому Фёдорова позвонила в тот день, было много разных людей, но точное их количество так и осталось неизвестным. В частности, среди её собеседников был знакомый администратор, у которого она выясняла фамилии коллег-актёров, с которыми ей предстояло в скором времени отправиться в очередное гастрольное турне. Разговор с ним состоялся у неё в 13.45. Далее в числе её собеседников оказался известный актёр, которого она потревожила около двух часов дня, и с которым говорила на ту же тему - о гастролях. Видимо, телефонные разговоры настолько увлекли актрису, что она не стала отзываться на дверной звонок, прозвучавший в её квартире около часа дня. За дверью стояла её подруга, пришедшая к ней по какому-то важному делу. Позвонив пару раз и не дождавшись ответа, женщина ушла, рассчитывая зайти чуть позже.

Следующий свой визит подруга нанесла Фёдоровой около пяти вечера. Однако на её настойчивые звонки никто так и не отозвался. Это было подозрительно, поскольку она заранее договаривалась с Фёдоровой о встрече в этот день. Чувствуя неладное, женщина отправилась к себе домой (благо она жила поблизости) и позвонила племяннику актрисы.

- Я сегодня дважды приходила к Зое Алексеевне, но оба раза мне не открыли дверь, - взволнованным голосом сообщила женщина. - А у нас сегодня должна была состояться важная встреча, и Зоя не могла никуда уйти. Мне кажется, с ней что-то случилось!

Последняя фраза заставила племянника немедленно отправиться на зов. К дому тёти он прибыл около восьми вечера и, воспользовавшись ключом-дубликатом, открыл злополучную дверь. Когда он вошёл в квартиру, его взору открылась страшная картина. Актриса сидела за столом, сжимая в руке телефонную трубку и запрокинув голову на спинку кресла. Левая часть её лица была залита кровью. Женщина была мертва.

Племянник бросился к соседям, откуда и произвёл звонок на Петровку, 38. Спустя каких-то несколько минут к месту происшествия прибыли оперативники ближайшего - 123-го - отделения милиции и МУРа.

Согласно экспертизе, Фёдорова была убита из огнестрельного оружия. Убийца подошёл к жертве сзади и выстрелил в затылок. Пуля вышла через глаз. Выстрел был произведён из пистолета бельгийского производства системы «Зауэр», модели 38, калибра 7,65 мм. В момент выстрела актриса сидела за столом, на котором в беспорядке находились различные предметы домашнего обихода, бумаги с телефонными номерами и адресами. Телефонная трубка была крепко зажата в руке убитой.

Для расследования этого громкого убийства была создана мощная оперативно-следственная бригада, в которую вошли настоящие асы своего дела: следователи столичной прокуратуры, сыщики МУРа и угро УВД Киевского райисполкома, а также один представитель КГБ. Присутствие последнего объяснялось просто: во-первых, убийство знаменитой актрисы проходило по категории резонансных и Лубянка не могла остаться в стороне от него, и во-вторых - связи покойной с «бриллиантовой» мафией вызывали повышенный интерес у КГБ.

Первый вопрос, который задали себе сыщики был такой: каким образом убийца проник в квартиру жертвы. Согласно показаниям многочисленных свидетелей, Фёдорова отличалась крайней осторожностью. Имея дела с «бриллиантовой» мафией, она прекрасно понимала всю степень риска, который сопутствовал её деятельности. Во всяком случае никто из её соседей и даже техник-смотритель ни разу (!) не были у неё дома. Узнав человека через «глазок» двери, Фёдорова обычно просила гостя спуститься вниз и подождать её во дворе. Там и происходила встреча. Тех людей, кого актриса всё-таки впускала в свой дом, можно было пересчитать по пальцам: в их число входили близкие родственники, та самая подруга, которая приходила к ней в роковой день, да ещё несколько человек, в том числе и те, кто был связан с «бриллиантовой» мафией. Подруга рассказала сыщикам, что незадолго до убийства она стала свидетелем появления этих людей у Фёдоровой: между ними состоялся какой-то торг, видимо, по поводу бриллиантов. Сыщики затем установили, что убитая неплохо разбиралась в ценах на драгоценные металлы и дорогие камни. Однако в самой квартире покойной никаких «камней» найдено не было: только 60 пустых коробочек из-под ювелирных изделий и большое количество чемоданов, ящиков и нераспакованных коробок с вещами. Так и осталось неизвестным куда подевалось содержимое коробочек из-под драгоценностей: то ли Фёдорова сама избавилась от них, то ли их прихватил убийца. Однако если вторая версия верна, остался без ответа другой вопрос: почему преступник не взял деньги, находившиеся здесь же?

Осталось загадкой и то, каким образом убийца проник в квартиру жертвы. В равной степени можно было предположить, что актриса, узнав

его в «глазок», сама впустила его к себе, либо он вошёл туда незаметно, использовав дубликат ключей, сделанный им заранее. Вторая версия выглядит убедительней: видимо, в тот момент когда преступник входил в квартиру, Фёдорова разговаривала по телефону. Поэтому выстрел и застал её врасплох. Вряд ли она стала бы разговаривать с кем-то по телефону, если бы рядом находился кто-то посторонний.

Сыщики выдвинули сразу несколько версий убийства. Приоритетными были четыре: убийство на почве «бриллиантового» бизнеса, с целью ограбления, по личным и политическим мотивам. Последняя версия отпала быстрее всех. Сыщики раскопали, что Фёдорова грозилась подать на эмиграцию из страны в случае, если её не выпустят погостить у дочери в США, однако вопрос о том, кому было выгодно убивать её за это, так и повис в воздухе.

Версия убийства с целью ограбления «хромала» по одной причине: следов активного поиска драгоценностей в квартире обнаружено не было. А что это за грабитель, который ничего в доме у жертвы не ищет? И хотя кое-какие вещи из квартиры пропали, однако сыщики быстро раскусили этот манёвр преступника он явно имитировал попытку ограбления.

Третья версия - убийство по личным мотивам - тоже ни к чему не привела. Оказалось, что у актрисы было не так много недоброжелателей, но даже среди них не нашлось человека, которому покойная могла «насолить» настолько, чтобы тот взялся за пистолет. И, наконец, четвёртая версия убийство, связанное с «бриллиантовым» бизнесом. Долгое время она выглядела предпочтительнее всех остальных. Однако и отработать её оказалось намного сложнее. В записных книжках покойной сыщики насчитали 2032 телефонных номера, 1398 почтовых адресов, из которых 971 были московские и 427 иногородние. Чтобы проверить их все понадобилась не одна неделя. Однако эта проверка ничего и не дала. В ходе работы над этой версией в поле зрения сыщиков попали весьма высокопоставленные деятели, которые имели контакты с покойной по «бриллиантовым» делам. Однако, чтобы допросить этих людей требовалось указание свыше, которое, естественно, не последовало. Кто же позволил бы в 81-м году вызвать на допрос ту же Галину Брежневу?! Однако именно эта версия, скорее всего, и таит в себе разгадку этого преступления.

Вспомним: после того как Фёдоровой отказали в очередной поездке к дочери в Америку, она стала грозить эмиграцией. Что если она в отчаянии отправилась к кому-то из тех высокопоставленных деятелей, с кем была связана по «бриллиантовым» делам и попросила помочь с получением визы. Однако и там получив отказ, не нашла ничего лучшего как начать шантажировать этого деятеля. А в том, что Фёдорова действительно знала очень много про тёмные делишки элиты, проживающей на том же Кутузовском проспекте, сомневаться не приходится. Видимо, этим она и подписала себе смертный приговор. Между тем даже после смерти знаменитая актриса не знала покоя. Родной «Мосфильм», на котором она

проработала не один десяток лет, отказал в том, чтобы выделить зал для гражданской панихиды. В то же время ОВИР не позволил дочери актрисы Виктории приехать в Москву на похороны матери. Над дочерью откровенно издевались: «Кто такая Зоя Фёдорова? У нас на неё нет никакой информации...». Возмущённая подобным заявлением, Виктория положила свой советский паспорт в конверт и отправила его в посольство СССР.

В течение нескольких дней родственники погибшей обивали пороги начальственных кабинетов, пытаясь похоронить её на одном из городских кладбищ. Наконец с привеликим трудом удалось выбить место на Ваганьковском. На похороны пришли более тысячи человек, хотя власти делали всё возможное, чтобы это мероприятие осталось в тайне - надвигалось 75-летие Леонида Брежнева и в столице готовились пышные торжества по этому поводу. По мнению устроителей праздника, смерть даже знаменитой актрисы не должна была испортить юбилей. Два месяца следственно-оперативная бригада билась над разгадкой тайны гибели Зои Фёдоровой. Однако несмотря на все старания лучших следователей прокуратуры и сыщиков угро найти организаторов и исполнителей этого преступления так и не удалось. Дело перешло в разряд «глухих».

Не способствовало успешному исходу этого дела и давняя вражда между главами двух ведомств, участвовавших в расследовании преступления: министра внутренних дел Николая Щёлокова и председателя КГБ Юрия Андропова. О том, каких масштабов достигла эта взаимная неприязнь говорит хотя бы такой факт: спустя месяц после убийства сотрудники КГБ под покровом ночи провели на Ваганьковском кладбище эксгумацию тела Зои Фёдоровой. Видимо, чекисты не слишком доверяли акту экспертизы, проведённому сотрудниками МВД. Чуть позже в Москве стали усиленно муссироваться версия о том, что к гибели знаменитой актрисы непосредственно причастен Щёлоков.

Официально эту версию впервые обнародовал в конце 80-х писатель Юрий Нагибин в своём рассказе «Афанасьич». Согласно этой версии, Щёлоков заказал убийство Фёдоровой после того, как узнал о существовании в её коллекции редкого колье, которое он пожелал подарить своей супруге - большой любительнице «камней». О том, каким образом колье попало в коллекцию актрисы Нагибин ничего не сообщает, между тем на этот счёт существует ещё одна версия. Согласно ей, в середине 40-х дорогую вещь Фёдоровой подарил её возлюбленный - Джексон Тэйт. Многие годы этот подарок находился в коллекции актрисы, напоминая ей о счастливом времени, проведённом вместе с возлюбленным. В 1980 году актриса попыталась увезти колье к дочери в Америку, однако таможня не позволила ей этого сделать, объявив, что на такую ценную вещь необходимо специальное разрешение. Фёдорова отправилась за этим разрешением, но через несколько дней была убита. Позже это колье якобы было обнаружено среди вещей застрелившегося генерала Щёлокова. Версия Нагибина выглядит красиво, но

малоправдоподобно.

Первым её разоблачителем был другой известный писатель Юлиан Семёнов. В своей повести «Тайна Кутузовского проспекта» он мотивировал свои сомнения следующим аргументом. Фёдорова часто устраивала «левые» концерты артистов, и МВД было прекрасно об этом осведомлено. Поэтому убивать актрису не требовалось. Достаточно было завести на неё уголовное дело, прийти с обыском и конфисковать бесценную реликвию. Несмотря на то, что дело по факту убийства Зои Фёдоровой перешло в разряд «висяков», сыщикам, распутывавшим его, видимо, были известны имена тех, кто заказал устранение актрисы. Иначе чем объяснить тот факт, что в сентябре 1984 года Виктория Фёдорова прислала в МУР письмо, в котором благодарила сыщиков «за найденную справедливость». Однако по непонятным до сих пор причинам подозреваемые так и не были привлечены к уголовной ответственности, их имена так и не стали достоянием гласности.

До 1981 года Ю. Андропов безучастно наблюдал за деятельностью «бриллиантовой» элиты. В конце 1981 года в его взглядах на эту проблему, кажется, наступил перелом.

30 декабря 1981 года из квартиры цирковой артистки Ирины Бугримовой, что на Котельнической набережной, украли знаменитую коллекцию бриллиантов. Ограбление совершили профессионалы высочайшего класса, сумевшие весьма грамотно облапошить вахтёра на входе (они привезли с собой ёлку и объяснили приезд именно её доставкой одному из жильцов дома) и обезвредить сигнализацию, которая действовала в квартире знаменитой укротительницы. На следующий день почти вся Москва, ещё не успокоившись после загадочного убийства 10 декабря в своей квартире знаменитой киноартистки Зои Фёдоровой, полнилась слухами об ограблении другой артистки, теперь уже цирка, Ирины Бугримовой.

Следствие на удивление быстро вышло на украденные бриллианты. Уже в начале января 1982 года в аэропорту Шереметьево был задержан гражданин, у которого было найдено несколько камней из коллекции Бугримовой. От него ниточка потянулась не к кому-нибудь, а к самому Борису Буряце. В его квартире произвели обыск, после чего он был вызван на допрос в следственный изолятор КГБ в Лефортово. Следствие по этому явно беспрецедентному делу курировал заместитель Андропова Семён Цвигун, кстати, свояк Леонида Брежнева. И ему было явно не по себе от того, что в деле стала фигурировать фамилия дочери Генерального секретаря. Очередного громкого скандала престарелый Генсек мог попросту физически не перенести. Однако дело требовало хоть каких-то действий со стороны Цвигуна, и он 19 января 1982 года отправился на приём к главному партийному идеологу Михаилу Суслову. Разговор проходил за закрытыми дверями, с глазу на глаз, и содержание его навсегда теперь окутано тайной. Но результат известен. Выйдя от Суслова, Цвигун уехал на свою дачу в Усово и в 16 часов 15 минут

покончил жизнь самоубийством, выстрелив в висок из пистолета «макаров». 24 января во всех центральных газетах появился некролог на Цвигуна, но ни один из трёх могущественных деятелей страны (Брежнев, Суслов, Кириленко) под ним не подписался. А через несколько дней и этот триумвират понёс потери: 25 января у Михаила Суслова случился инсульт, и он скончался. В день его похорон по приказу Ю. Андропова КГБ провёл серию арестов в среде друзей и знакомых Галины Брежневой. Одним из первых был арестован председатель Союзгосцирка Анатолий Колеватов.

Столь активные действия председателя КГБ серьёзно напугали всех, кто входил в команду Брежнева, и даже мысль о каком-нибудь сопротивлении, кажется, не возникала в их головах. Поэтому в мае 1982 года на очередном Пленуме ЦК КПСС Ю. Андропов стал секретарём ЦК по идеологии, то есть занял место покойного М.Суслова. Председателем КГБ СССР стал Виталий Федорчук, до этого возглавлявший КГБ Украины. В. Федорчук был выходцем из 3-го Главного управления КГБ (военная контрразведка) и на протяжении всей своей службы сохранял привычки кадрового армейского офицера. Ещё в бытность свою председателем КГБ Украины он издал приказ о том, чтобы его подчинённые появлялись на работе строго в военной форме. Тем самым большинство кадровых чекистов Украины тут же «засветились» в обществе. Такой же приказ В. Федорчук подготовил и в Москве, едва занял кресло председателя союзного КГБ. Но в столице этот номер у него не прошёл, так как умные головы из окружения тактично отсоветовали ему это делать.

Активность Ю. Андропова не знала границ. Летом 1982 года в Москве состоялся суд над группой милиционеров, которые в конце декабря 1980 года участвовали в убийстве сотрудника центрального аппарата КГБ. Четверых суд приговорил к расстрелу. После этого Генеральный прокурор СССР А. Рекунков направил в ЦК КПСС информацию о результатах расследования, в которой отмечалось: «Основной причиной, способствовавшей совершению преступления, была сложившаяся обстановка пьянства, нарушений служебной дисциплины, бесконтрольности и попустительства грубым нарушением социалистической законности. Дезорганизация работы, фактическое разложение личного состава толкали работников милиции на злоупотребление предоставленной им властью. Многие сотрудники рассматривали работу как источник личного обогащения... Особое озлобление у них вызвали попытки отдельных граждан защитить себя от чинимого произвола. За это они подвергались избиениям, запугиванию, шантажу, фабриковались акты опьянения, протоколы о мелком хулиганстве... Милиционер Лобов за большое число задержанных был занесён на Доску почёта, награждён медалью «За 10 лет безупречной службы», имел более пятнадцати поощрений. В ходе следствия выяснилось, что он хронический алкоголик, в течение пяти лет грабил и избивал задержанных, совершил несколько убийств... Обстановка безнаказанности, нетерпимости к критике, круговая порука, укрывательство беззаконий привели к разложению многих работников,

толкали их на путь преступлений...»

Подобный документ, со страниц которого вставал во весь свой рост отнюдь не тот глянцевый образ советского милиционера, о котором писалось в прессе и говорил в своих докладах Н. Щёлоков, ничего, кроме злобы и раздражения, у руководства МВД СССР вызвать не мог. Андропову же это, наоборот, было только на руку. Противостояние между ним и Щёлоковым к тому времени зашло настолько далеко, что ни о каком компромиссе речи быть не могло.

Едва закончился суд и выводы Прокуратуры СССР ушли в ЦК КПСС, за их дальнейшее прохождение на самый «верх» взялся заведующий сектором Отдела административных органов ЦК А. Иванов. Однако обладание подобными взрывоопасными документами дорого обошлось ему. Однажды его обнаружили мёртвым в собственной квартире. Рядом с ним на полу лежал пистолет, что позволило весьма скоротечному следствию списать это дело на самоубийство.

Действительно, нешуточные страсти разгорелись в середине 82-го года между двумя силовыми ведомствами страны. Использовались буквально любые средства для того, что опорочить деятельность друг друга. Хотя кто знает, какой ещё повод использовал бы Ю. Андропов в своей борьбе с Н. Щёлоковым, не погибни в декабре 80-го офицер КГБ от рук именно милиционеров. Ведь 20 октября 1982 года на стадионе в Лужниках во время футбольного матча между московским «Спартаком» и голландским «Харлемом» в результате преступной халатности сотрудников 2-го полка патрульно-постовой службы милиции погиб не один, а 66 человек, среди которых имелось много подростков, однако этот случай не вызвал гневной реакции ни со стороны союзной Прокуратуры, ни тем более КГБ. К тюремному сроку на три года осудили лишь директора Лужников, который к тому времени находился на посту всего два месяца. А вот начальника ГУВД Мосгорисполкома В. Трушина даже ни в чём не упрекнули, хотя в «Плане обеспечения охраны общественного порядка на БСА Центрального стадиона им. В. Ленина», утверждённом именно В. Трушиным, говорилось, что милиция «обязана следить, чтобы во время входа и выхода зрителей не образовывалось скопления большого количества людей с целью предотвращения несчастных случаев». Вместо этого милиция в тот день, осерчав на неугомонных фанатов «Спартака», пустила их в единственный проход, где большинство из них и погибло в стихийной давке. Следствие, которое проводила Московская прокуратура, сделало всё от него зависящее, чтобы отвести удар от московской милиции.

Но вернёмся на месяц назад, а точнее - к 10 сентября 1982 года. В тот день в 10 часов утра Н. Щёлоков направился на приём к Леониду Брежневу и, обрисовав ему ситуацию, складывающуюся в результате попыток шефа КГБ захватить власть, выпросил у больного Генсека разрешение на арест Андропова. Оно было получено, и Щёлоков приступил к активным действиям. С одной из подмосковных баз в Москву

двинулось три группы специального назначения МВД СССР. Одну из них предполагалось направить к дому, где проживал Андропов, по Кутузовскому проспекту, 26 (по иронии судьбы в этом же доме и даже в одном и том же подъезде проживали и Брежнев, и Андропов, и Щёлоков), другую - к зданию КГБ на Лубянке, третью - к зданию ЦК на Старой площади. Но руководитель одной из групп предал Щёлокова и сообщил об операции в КГБ. Действия комитета оказались ещё более молниеносными и результативными. На проспекте Мира пять автомашин с сотрудниками МВД блокировали два десятка гэбэшных машин, то же самое случилось с машинами МВД у Старой площади. Лишь группа, двигавшаяся к Кутузовскому проспекту, успешно достигла цели и вступила в бой с гэбэшной охраной престижного дома. Но схватка была скоротечной и не в пользу подчинённых Щёлокова. Победа Андропова была окончательной и бесповоротной.

Телефонная связь с миром, которая прервалась в два часа дня 10 сентября, к утру 11 сентября была восстановлена, люди, взбудораженные слухами о стрельбе в районе Кутузовского проспекта и бросившиеся скупать в магазинах товары первой необходимости, постепенно успокоились. В сущности, большинство из них уже и не верили ни в какие перемены и оставались безучастными к событиям в политической жизни страны.

Тем временем Андропов пожинал лавры победителя. Его контроль над Брежневым стал всеобъемлющим. Знаменитая целительница Джуна Давиташвили была из окружения Генсека удалена, так же как и его верный соратник и близкий друг Андрей Кириленко. О его проводах на пенсию не сообщила ни одна советская газета, откликнулись лишь западные средства массовой информации. Случилось это всё в том же сентябре 1982 года.

Готовясь к целенаправленной борьбе с теневиками, Андропов в октябре 82-го создал в КГБ СССР 6-е управление, в функции которого входило разоблачение экономических преступлений. В том же месяце КГБ продолжил аресты коррумпированных чиновников. 30 октября в своём служебном кабинете в момент получения очередной взятки в 300 рублей от заведующего отделом рыбной гастрономии был арестован директор гастронома № 1 («Елисеевский») Юрий Соколов. Директор гастронома № 2 на Смоленской площади С. Ниоиев в руки чекистов решил не попадать и посчитал лучшим выходом для себя покончить жизнь самоубийством.

Активизация действий КГБ напугала не только торговую мафию, но и членов Политбюро, боявшихся прихода к власти Андропова. Вспоминая те дни, главный кремлёвский врач Е. Чазов рассказывал: «Тем временем продолжалась атака на Андропова. Кто-то из его противников, не знаю кто - Черненко или Тихонов, который понимал, что в случае, если Андропов станет во главе партии и государства, он вряд ли долго удержится в кресле Председателя Совета Министров, использовал самый веский аргумент - тяжёлую болезнь Андропова. В последних числах

октября 1982 года, после встречи с кем-то из них, мне позвонил Брежнев и сказал: «Евгений, почему ты мне ничего не говоришь о здоровье Андропова? Как у него дела? Мне сказали, что он тяжело болен и его дни сочтены. Ты понимаешь, что на него много поставлено и я на него рассчитываю. Ты это учти. Надо, чтобы он работал». Понимая, что альтернативы Андропову в руководстве партии и страны нет, я ответил, что не раз ставил в известность и его, и Политбюро о болезни Андропова. Она действительно тяжёлая, но вот уже 15 лет её удаётся стабилизировать применяемыми методами лечения, и его работоспособности за этот период могли бы позавидовать многие здоровые члены Политбюро. «Я всё это знаю, продолжал Брежнев. - Видел, как он в гостях у меня не пьёт, почти ничего не ест, говорит, что может употреблять пищу только без соли. Согласен, что и работает он очень много и полезно. Это всё так. Но учти, ты должен сделать всё возможное для поддержания его здоровья и работоспособности. Понимаешь, вокруг его болезни идут разговоры, и мы не можем на них не реагировать».

Знал бы Брежнев, говоря о болезни Андропова, что самому ему осталось жить чуть больше недели. 7 ноября 1982 года он принимал парад на Красной площади, а утром 10 ноября внезапно скончался во сне на своей даче в Заречье. 12 ноября на Пленуме ЦК КПСС Генеральным секретарём был единогласно избран Юрий Андропов. Для многих это означало скорый закат карьеры.

Через несколько дней после смерти Л. Брежнева был снят со своего поста министр внутренних дел СССР Н. Щёлоков и отправлен в «райскую группу», так в просторечии именовалась группа генеральных инспекторов Вооружённых Сил СССР. Вместо него министром внутренних дел стал Виталий Федорчук, переехавший на Огарева, 6, с Лубянки, а председателем КГБ СССР - Виктор Чебриков.

Назначение В.Федорчука, человека военной закваски, жёсткого и принципиального, на пост министра МВД преследовало, несомненно, одну цель: Андропов задумал кардинально перетрясти МВД, и лучшую кандидатуру, чем В. Федорчук, трудно себе представить. В помощь новому министру по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР в органы МВД были направлены 150 работников КГБ. Заместителем В. Федорчука по кадрам стал кадровый чекист из центрального аппарата КГБ генерал В. Лежепёков. И вот с помощью столь мощного «десанта» в МВД СССР началась такая перетряска, какую советские правоохранительные органы не знали с 30-х годов. Придать же этой кампании законодательную основу должна была Коллегия МВД, которая собралась на Огарева, 6, 25 марта 1983 года. На этой коллегии отмечались многочисленные случаи поборов со стороны сотрудников ОБХСС, ГАИ, дорожно-патрульной службы, медвытрезвителей. Отмечалось, что в ряде случаев сами сотрудники внутренних дел совершают тяжкие преступления. Только в Казахстане, например, в 1980 - 1983 годах народными судами привлечены к

ответственности 135 милиционеров, в Туркмении - 78, в Свердловской области - 121. После этой Коллегии процесс реорганизации органов МВД в центре и на местах принял небывалый размах. Буквально в одночасье было ликвидировано всё, что за 16 лет нахождения на посту министра Н. Щёлоков сумел построить в МВД. Разогнали службу профилактики правонарушений, закрыли организационно-методический центр по передовому опыту, научный центр исследования проблем управления в органах внутренних дел, ВНИИ безопасности дорожного движения и ряд других структурных подразделений МВД. Из органов внутренних дел поголовно увольнялись сотрудники, которые не вписывались в то, что создавал новый министр. Был он отнюдь не злодеем, а всего лишь ревностным служакой, всерьёз считал, что можно вот так легко, с одного наскока переделать созданное десятилетиями. Причём ломалось старое с таким рвением и лёгкостью, что у многих волосы шевелились на голове. В Иркутской области, например, под лозунгом борьбы с мафией в милицейских рядах из 28 начальников горрайорганов внутренних дел области 27 были сняты с работы, 103 сотрудника уволены из органов МВД, 56 - понижены в должности, более 100 человек наказаны в дисциплинарном порядке, 56 коммунистов исключены из членов КПСС, а 162 получили партийные взыскания. Ответом на такую вакханалию в милицейских рядах стала резкая вспышка преступности в области, которой деморализованная милиция ничего не могла противопоставить.

Чеченская, автомобильная, торговая мафии

Чеченская мафия. «Король» Ленинграда. Дело «Елисеевского».

Именно тогда, в 1983 году, в криминальной среде Москвы впервые всерьёз заговорили о чеченцах. Правда, упоминались они и три года назад, когда в преддверии Олимпиады-80 два чеченца - студенты одного из престижных столичных вузов Х. Нухаев по кличке Хожа и М. Атлангериев по кличке Руслан - «загремели на зону» за разбой. Но 83-й стал для чеченцев особым. В том году, когда Хожа и Руслан «мотали срок», в Москве объявился их земляк Н. Сулейманов, который через московского авторитета Крапивина занялся прибыльным промыслом в Южном порту: он весьма ловко «кидал» (обманывал) доверчивых советских граждан, желавших приобрести автомобили в комиссионном магазине на Южнопортовой, 22. Однако развернуться в полную мощь ему тогда мешали «аборигены» порта - армяне и азербайджанцы из Гардабанского района. Но вскоре многие члены азербайджанской группировки получили сроки по «делу о браслете», и поле деятельности для чеченцев заметно расчистилось. Ресторан «Узбекистан» на Неглинной стал любимым местом их традиционных сборов.

На той же прибыльной автомобильной ниве, но только уже в Ленинграде, делал свой бизнес авторитет Сергей Васильев. В конце 70-х, вернувшись из заключения, он сошёлся с мелким валютчиком Михаилом Дахьей. Последний и помог Васильеву встать на ноги, ввёл его в мир

«центровых» - скупщиков драгоценных камней у иностранцев. Но Васильев не привык ко вторым ролям. Он всегда стремился стать лидером, даже в семье, где, помимо него, было ещё два брата. Вот и тогда, в начале 80-х, Сергей решил начать своё собственное дело. Помощниками его стали старые друзья, с которыми он когда-то довольно успешно занимался боксом. Так в Ленинграде появилась команда Васильева, которая первым делом взяла в свои руки наперсточников на Ульянке. За спиной наперсточников стоял некий авторитет Симон, и Васильев, зная это, «наехал» на него. У автомагазина на проспекте Энергетиков ребята Васильева сошлись с людьми Симона в рукопашной и одолели их.

В 1983 году, окрепнув, Васильев дотянулся и до автомобильного рынка в городе. Он решил всерьёз прибрать к рукам автомобильных «кидал» кавказцев. «Кидалы» тем и занимались, что обманывали доверчивых автомобилистов, желавших продать свои машины дороже госцены или оценочной стоимости в комиссионке. «Кидала» обычно «подъезжал» к такому автовладельцу и предлагал цены от тысячи до десяти тысяч рублей. Всё зависело от модели и года выпуска автомобиля. При купле-продаже «кидалы» ловко обводили «продавца» вокруг пальца и обещанную сумму не выплачивали. Обманывали по-разному - от ловкого мошенничества до грубого насилия.

Васильев в течение одного дня подчинил себе авторынок, и никто из «кидал», зная судьбу наперсточников, даже не возмутился. Возглавив «кидал», Васильев тут же поставил их дело на солидную основу: одни из них ловили «лохов» (доверчивых автопродавцов), вторые договаривались с ними о цене, третьи «кидали». Деньги, и весьма немалые, обильно текли в руки Васильева. Авторитет его в криминальной среде Ленинграда рос и расширялся.

Следует отметить, что и будущий крупный авторитет из Москвы Сергей Тимофеев по кличке Сильвестр, лидер солнцевских, в те же дни, что и С. Васильев, набирался опыта в Южном порту - столичной Мекке автомобилистов. А начинал свою карьеру Сильвестр в качестве официанта в одном из столичных ресторанов, где обрёл нужные связи и скопил свой первый немудрёный капитал.

Надо сказать, что в те годы отечественная милиция довольно спокойно относилась к подобного рода рэкетирским группировкам, считая их менее опасными для жизни общества, чем банды убийц и грабителей. Ведь рэкетиры в основном трясли и «кидали» тех, кто и сам был нечист перед законом. Кроме того, милицейские начальники были озабочены прежде всего раскрытием зарегистрированных преступлений, а скрытая (латентная) преступность их практически не интересовала.

Новое руководство союзного МВД, выполняя политический заказ Генсека, сосредоточило свои усилия на борьбе с так называемой «беловоротничковой» преступностью. Особенно доставалось тогда

торговой мафии. 14 апреля 1983 года в «Московской правде» было опубликовано сообщение Прокуратуры г. Москвы о том, что за хищение продовольственных товаров в крупных размерах и взяточничество привлечены к уголовной ответственности директор гастронома № 1 («Елисеевский») Ю. К. Соколов, его заместитель И. В. Немцев, заведующие отделами Н. В. Свежинский, В. Ф. Яковлев, А. Ф. Коньков и В. А. Григорьев. После окончания следствия в ноябре 1983 года все они предстали перед судебной коллегией по уголовным делам Верховного Совета РСФСР и были осуждены: Ю. К. Соколов - к высшей мере наказания - расстрелу; И. В. Немцев - к 14 годам лишения свободы; А. В. Григорьев - к 13 годам; В. Ф. Яковлев - к 12 годам; Н. В. Свежинский - к 11 годам; А. Ф. Коньков - к 12 годам. Также к различным срокам заключения были приговорены 5 человек из числа материально ответственных лиц гастронома № 1.

Для многих следивших за ходом этого процесса людей объявленная Ю. Соколову высшая мера наказания была как гром среди ясного неба. Даже сотрудники КГБ, причастные к этому уголовному делу, вслух поражались столь суровому приговору человеку, который весьма активно сотрудничал со следствием. Однако можно предположить, что именно за столь активное сотрудничество Ю. Соколов и пострадал: для кого-то его чрезмерно «длинный» язык был опасен. Да и для остальных, как нынешних, так и будущих, арестантов этот приговор должен был служить своего рода наглядным уроком. Сам 60-летний Ю. Соколов прекрасно это понимал, не заблуждался на сей счёт, поэтому на суде совсем не защищался и только повторял, что стал «козлом отпущения» и «жертвой партийных распрей».

Не успел истрепаться номер «Московской правды» от 14 апреля, как новые аресты в среде московской торговой мафии не заставили себя ждать. 2 июня 1983 года был арестован заместитель начальника Главторга А. Петриков, а следом за ним - директор Куйбышевского райпищеторга М.Бегельман, директор гастронома ГУМ Б. Тверетинов, директор гастронома «Новоарбатский» В. Филиппов, начальник отдела организации торговли Главторга Г. Хохлов, начальник Мосплодовощпрома В. Уральцев, директор торга «Гастроном» И. Коровкин и ещё целый ряд весьма солидных и ответственных работников. Позднее выяснится, что по делу Главторга устойчивыми преступными связями были объединены 757 конкретных людей - от директора магазина до руководителей торговли Москвы и страны, других отраслей и ведомств. Лишь по показаниям 12 обвиняемых через их руки прошло взяток на сумму в 1,5 миллиона рублей.

Официальные сообщения об арестах в среде торговой и иной мафии большинство населения страны встречало с ликованием. Было видно, что народ буквально истосковался по порядку и даже массовые отловы на улицах советских городов праздношатающихся граждан не могли уже подорвать доверия людей к новому Генсеку.

В том же июне 83-го (14 - 15) в Москве проходил очередной Пленум ЦК КПСС. Впервые за последние 20 с лишним лет на таком ответственном

мероприятии коммунистов страны два члена ЦК были выведены из его состава с убийственной формулировкой: «За допущенные ошибки в работе». Этими «ошибающимися» были: бывший первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С. Медунов и бывший министр внутренних дел СССР Н. Щёлоков. Ещё в апреле 1982 года, то есть при живом Л. Брежневе, член КПК при ЦК КПСС В. М. Переудин, осуществлявший инспекторскую поездку по Краснодарскому краю, на секретариате крайкома сообщал следующую информацию: «Преступность в крае из года в год растёт. Темпы её роста значительно опережают темпы роста населения. За пять лет население края увеличилось на 4%, а общее количество преступлений - на 32,4%, в том числе наиболее опасных - на 29,6%. За это же время с 63,3% до 80,6% увеличилось число преступлений на 10 тысяч населения, что является одним из наиболее высоких показателей в регионе и выше, чем по РСФСР.

В последние годы широкое распространение получило такое социальное зло, как взяточничество, и другие корыстные злоупотребления. Если за 1976 1981 гг. общее количество преступлений возросло на 32,4%, то взяточничество - в 2,5 раза. Только за три года в крае выявлено 600 случаев взяточничества. Среди лиц, уличённых в этом, 21,2% составляют коммунисты. За минувшие три года за взяточничество осуждены 152 должностных лица.

Сохраняется устойчивая тенденция роста хищений государственного и общественного имущества, должностных и хозяйственных преступлений. Общий ущерб от них в 1980 - 1981 гг. составил около 100 миллионов рублей. Хищения составляют 15% от общего количества преступлений. Только в 1981 г. за них осуждено 5000 человек, похитивших ценностей на 3,4 миллиона рублей. За должностные преступления было привлечено к ответственности 235 человек, ущерб от действий которых составил 1 миллион 436 тысяч рублей. Среди лиц, привлечённых к уголовной ответственности в 1981 г., было 1111 коммунистов».

Так что первого секретаря Краснодарского крайкома С. Медунова можно было снять «за ошибки» ещё весной 1982-го, однако у Ю. Андропова тогда для этого не было ни сил, ни возможностей. В июне 1983 года ситуация заметно изменилась.

Что касается Н. Щёлокова, то на него ведомство Ю. Андропова имело в своих запасниках солидный компромат. Уже в двадцатых числах декабря 1982 года, как только новый министр внутренних дел СССР В. Федорчук приступил к своим обязанностям, началась широкомасштабная финансовая проверка деятельности МВД СССР. К лету 1983 года её результаты были известны. За Н. Щёлоковым и его семьёй значились тысячные растраты, нарушения служебной и финансовой дисциплины. Н. Щёлокову ничего не оставалось делать, как внести в кассу министерства 124 тысячи рублей и вернуть присвоенные себе после Московской Олимпиады автомобили: два «мерседеса» - свой и дочери. «Мерседес»

сына Игоря и «БМВ» жены он вернуть не смог, зато выплатил за них ровно 30 тысяч рублей. Что же касается результатов финансовой проверки, то В. Федорчук поступил с ними согласно установленному порядку: направил их в распоряжение Главной военной прокуратуры.

Однако все эти выплаты не шли ни в какое сравнение с той потерей, что обрушилась на Н. Щёлокова в феврале: 19 февраля 1983 года на их даче в Серебряном Бору в час дня покончила жизнь самоубийством (застрелилась из пистолета) жена опального министра Светлана Щёлокова. Доведённая до отчаяния гонениями на мужа и на семью, женщина выбрала, на её взгляд, самый оптимальный выход из этого положения - пулю в висок. В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с этим писалось: «...Из материалов проверки следует, что Щёлокова С. В. знала, где хранился пистолет мужа. Находясь на фронте во время Великой Отечественной войны, имела навыки обращения с огнестрельным оружием... Щёлокова С. В. покончила жизнь самоубийством на почве глубокой эмоциональной депрессии».

Но в отличие от представителей торговой мафии на руках С. Медунова и Н. Щёлокова наручники не защёлкнулись, и они остались на свободе: Н. Щёлоков ушёл на пенсию, а С. Медунов переехал в Москву и пересел в кресло заместителя министра плодоовощного хозяйства СССР.

Чистки государственных и партийных структур

«Андроповский десант». Смерть Ш. Рашидова.

Между тем публичное аутодафе двух деятелей подобного ранга было своеобразным сигналом к широкомасштабной чистке в государственных и партийных структурах страны. Из аппарата ЦК КПСС и Совета Министров после этого было изгнано больше трети высокопоставленных чиновников. К центральным органам власти присоединились и периферийные: из 150 областных партийных секретарей снято 47. На одной Украине из 25 первых секретарей партии сменено 9. И это на бывшей родине самого Леонида Брежнева! Более того, люди Андропова добрались и до неприкосновенного когда-то Днепропетровска. По приказу министра внутренних дел В. Федорчука на Украину отправилась следственная бригада МВД, которая в октябре 1983 года в Днепропетровске арестовала самого Александра Мильченко по прозвищу Матрос. Некогда закрытые уголовные дела на него и его группировку были вновь возбуждены. Правда, давалось это следователям потом и кровью, они постоянно находились под давлением местного и республиканского начальства. В результате Матрос получил тогда минимальный срок 3 года.

Той же осенью 83-го «андроповский десант» достиг и другого крупного города Украины - Одессы. Туда прибыли новый прокурор области В. Зимарин и новый начальник УВД облисполкома Е. Старовецкий. Не

прошло и года после их прибытия, как за взятки арестовали дельцов из управления рынками. За многие годы тихого существования «города теневиков» это было первое громкое и серьёзное дело по взяткам. После этого В. Зимарин взялся за горотдел БХСС, начальник которого А. Малышев был уволен со своей должности в октябре 1984 года.

Подобная же картина складывалась и в Геленджике, где был назначен новый начальник УВД капитан В. Миляев (до этого он работал начальником Первомайского РОВД в Краснодаре). Геленджик к тому времени уже прославился шумным судебным процессом над торговой мафией, которую возглавляла начальник местного Общепита Бэлла Бородкина, или Железная Бэлла. Этот процесс прошёл в марте 1983 года. На нём, в частности, вскрылось, что Железная Бэлла одна похитила более полутора миллионов рублей государственных денег. За это, собственно, суд и вынес ей высшую меру наказания - расстрел. Теперь В. Миляев должен был продолжить начатое ранее дело и избавить город от мафии окончательно. Вскоре город пережил ещё один судебный процесс - по делу начальника местного ОБХСС М. Шматова и старшего инспектора Р. Митиной.

Настоящее вселенское потрясение основ правоохранительной системы произошло в 1983 году в Белоруссии. И всё из-за одной судебной ошибки в так называемом «мозырском деле». Началось оно чуть раньше, когда неизвестные преступники убили инспектора рыбохраны и следователя прокуратуры. В результате проведённых следственных мероприятий было арестовано пять человек. Все они признались в содеянном. Но в апреле 1983 года были задержаны истинные убийцы, успевшие за это время совершить десятки грабежей и убить двух милиционеров. Разгневанная кремлёвская власть, как только до неё дошла весть об этом деле, тут же обрушила свой карающий меч на МВД и прокуратуру Белоруссии. В результате лишились своих постов министр внутренних дел республики, прокурор и их заместители. Был отстранён от работы судья, вынесший приговор тем пятерым осуждённым, которых арестовали ранее. На суде все они заявили, что следователи избивали их и заставляли брать на себя вину за несовершенные преступления. Однако суд не принял во внимание эти заявления. Теперь же, по приказу из Москвы, были взяты под стражу и те следователи, что применяли незаконные методы.

Все эти московские и белорусские разоблачения вполне могли сослужить хорошую службу новому Генсеку в его борьбе с влиятельными членами Политбюро - В. Гришиным, В. Щербицким. И лишь краткость пребывания Ю. Андропова на своём посту помогла этим лицам избежать печальной судьбы С. Медунова и Н. Щёлокова. И всё же не всем тогда повезло. Кандидат в члены Политбюро, первый секретарь ЦК КП Узбекистана Шараф Рашидов в схватке с Генсеком потерпел поражение.

В Советском Узбекистане власть делилась между представителями трёх мощных кланов: самаркандским, ферганским и ташкентским. Ш.

Рашидов был представителем первого и вот уже на протяжении 24 лет стоял во главе компартии Узбекистана, являя собой уникальное явление подобного рода. Ни в одной союзной республике такого не было. И не случайно столь долгое пребывание Рашидова на высоком посту породило такое количество недоброжелателей его как в самом Узбекистане, так и за его пределами. И главный среди них - Юрий Андропов.

Пользуясь поддержкой ферганского и ташкентского кланов, люди Андропова в Узбекистане весной 1983 года начали первые чистки в среде самаркандцев. Из Москвы в помощь местным чекистам Прокуратура СССР прислала бригаду из трёх следователей. Благодаря их действиям первой «пала» Бухара. 27 апреля 1983 года на пыльной дороге в райцентр Ромитан в своей служебной «волге» был арестован начальник областного ОБХСС Ахат Музаффаров. За несколько минут до этого некая Турсуна Адиева передала ему в здании областного УВД взятку в размере 1000 рублей за содействие в деле освобождения одного осуждённого. Перед этим бдительная Адиева побывала в областном КГБ и возмутилась порядками, царившими в бухарской милиции, когда даже начальник ОБХСС открыто вымогает у посетителей взятки. Чекисты внимательно отнеслись к заявлению женщины и предложили ей взятку Музаффарову дать. А о дальнейшем ходе событий обещали позаботиться. И позаботились. Музаффаров был арестован. Вскоре, по его рассказам, начали арестовывать и других высокопоставленных взяточников Бухары и области. Так, уже в начале мая 1983 года к Музаффарову присоединились директор Бухарского горпромторга Шоды Кудратов, несколько высокопоставленных милиционеров и торговых чиновников. Дело, ясно, шло к аресту самого первого секретаря Бухарского обкома партии, члена ЦК КП Узбекистана, ближайшего соратника Ш.Рашидова Абдувахида Каримова.

В июле того же года КГБ Узбекистана провёл аресты среди лиц, занимавшихся хищением нефтепродуктов в особо крупных размерах. Преступники поддерживали связи с отдельными руководителями правоохранительных органов и Госкомитета по нефтепродуктам. Были арестованы: директор автозаправочной станции Закиряев, начальник отдела ГАИ УВД Ташкентского облисполкома Мадаминов и 13 работников нефтебаз и АЗС. Нити от них потянулись к самому министру внутренних дел Узбекистана К. Эргашеву. Рикошетом от него и к Ш. Рашидову. Понимая всё это, Рашидов со своей стороны предпринял ответные меры.

Волевым решением он снял со своих постов председателя КГБ республики К. Мелкумова и его первого зама. Это стало открытым вызовом Ю. Андропову и его ведомству. Вызов был принят, и конфликт начал набирать новые обороты.

18 августа 1983 года «бухарское дело» чекисты передали в Прокуратуру СССР, и там была создана специальная следственная группа из 3 человек под руководством следователя по особо важным делам Тельмана Гдляна. В том же августе в Москву в ЦК КПСС был вызван сам Ш.

Рашидов. В здании ЦК на Старой площади с ним встретился новый заведующий организационно-партийной работой Егор Лигачёв. В своих воспоминаниях он об этом говорит так: «Я не изменил давным-давно установившейся у меня привычке принимать посетителей за столом для заседаний, сидя при этом друг напротив друга. И здесь мы сели за продолговатый заседательский стол, стоявший в кабинете. Причём я заранее и не без умысла разложил на нём солидные стопки писем из Узбекистана. Шараф Рашидович, человек опытный, сразу понял, что это за письма. И после первых общих фраз как-то смутился, стал то и дело поглядывать на стопки писем, словно пытаясь угадать, какую угрозу для него таят эти конверты.

Почувствовав это, я вскоре перешёл к делу:

- Шараф Рашидович, в ЦК поступает много писем о безобразиях в республике. Люди жалуются, притом основательно, всё больше и больше. Мы пересылаем письма вам для проверки, но вы и ваши товарищи отвечаете, что факты не подтверждаются. Трудно в это поверить. Вот посмотрите, сколько писем. А ведь здесь малая-малая толика. ЦК завален письмами из Узбекистана.

Рашидов неуютно заёрзал на стуле, даже пару раз привстал с него. Он явно не ожидал такой дерзости с моей стороны, такой прямоты, такой лобовой постановки вопроса. И, моментально взвесив ситуацию, решил перейти в атаку, сразу поставить меня на место. Не отвечая по существу, нахмурившись, тоже в лоб, без всяких церемоний спросил:

- Вы с кем разговариваете?..

- Я разговариваю с товарищем Рашидовым.

Рашидов, видимо, намеревался сказать ещё что-то резкое, усилить давление, однако на сей раз я его опередил:

- Шараф Рашидович, дело серьёзно. О письмах доложено Юрию Владимировичу Андропову. Я беседую с вами по поручению Генерального секретаря.

Рашидов сразу обмяк. Угрожающий приём - «Вы с кем разговариваете?» возможно, впервые не сработал. К тому же Брежнева уже не было, а на покровительство Андропова рассчитывать явно не приходилось. Я продолжал:

- Отдел будет вносить предложение направить в Узбекистан авторитетную комиссию из ЦК...

Расстались мы внешне спокойно, но, разумеется, с разными чувствами. Я - с сознанием того, что открывается большой фронт для очень трудной работы в Узбекистане. А Рашидов, несомненно, ушёл от

меня в большой тревоге».

Надо сказать, тревога Рашидова была вполне обоснованной. В скором времени Узбекистан действительно превратился чуть ли не в полигон по отработке широкомасштабной чистки партийных и государственных кадров. Такой чистки, какую предприняла в 1983 - 1984 годах Москва в Узбекистане, не знала больше ни одна советская республика. А ведь трудно себе представить, чтобы по количеству коррумпированных чиновников Узбекистан намного опережал остальные регионы Советского Союза. Однако все они отделались тогда лишь лёгким испугом.

Всё это видел и понимал Ш. Рашидов в том августе 1983 года. Видел, с каким раболепием кое-кто из его окружения уже готов исполнять любое указание Москвы. Ещё немного, и они набросятся на него как стервятники, абсолютно не думая о том, что пройдёт ещё какое-то время, и та же Москва руками того же Андропова или ещё кого-нибудь расправится и с ними.

31 октября 1983 года из Узбекистана пришло сообщение - умер Ш. Рашидов. Для людей сведущих его смерть не явилась чем-то неожиданным. Под насквозь фальшивым и лицемерным некрологом подписалось всё руководство страны во главе с Ю. Андроповым.

И сразу по республике поползли упорные слухи, будто Ш. Рашидову помогли уйти из жизни. Новым руководителем Узбекистана стал И. Усманходжаев, коренной ферганец. Москве он был удобен и тем, что в 1969 1972 годах работал в центральном аппарате ЦК на Старой площади в Москве, а это была неплохая «привязка».

Между тем основательная перетряска правоохранительных органов, затеянная новым министром внутренних дел страны, огульное увольнение десятков первоклассных оперов не могли не сказаться на качестве работы уголовного розыска страны, к руководству которым пришёл И. Шилов. В то время как КГБ, имея мощную поддержку на самом кремлёвском верху, давил по всей стране «беловоротничковую» преступность, уголовный розыск боялся и шагу ступить, чтобы не вызвать гнев со стороны нового начальства. Во многих регионах штат розыскников был заменён на 80 % зелёной молодёжью, которая только-только начала постигать азы оперативной службы. Но и они работали с оглядкой, так как знали: за каждым их шагом зорко наблюдают находящиеся рядом штатные сотрудники КГБ. Именно для них в МВД СССР и во всех МВД союзных и автономных республик, в краевых и областных управлениях были выделены специальные кабинеты. Давно уже, наверное, со времён ежовщины, советский милиционер не чувствовал себя таким бесправным, как в эти годы. Даже бесплатный проезд в городском транспорте для сотрудников милиции решением Федорчука был отменён. Это было явным нарушением Закона о милиции, и вскоре Прокуратура Союза опротестовала такое решение. Но сам прецедент...

Банда похитителей орденов

Убийство Г. Холостякова.

Пока шла война с мафией в рядах милиции, преступники, пользуясь моментом, не сидели сложа руки. Наглость и беспринципность некоторых из них, кажется, не знала предела.

Действовала в те годы в стране банда, которая занималась кражами орденов у ветеранов войны. В ней насчитывалось до двадцати человек, и сфера деятельности распространялась чуть ли не на весь Советский Союз. Главарём банды был некто Тарасенко, заработавший на перепродаже ворованных орденов и медалей 100 тысяч рублей. Здесь же «трудилась» молодая чета - Геннадий и Инна Калинины из города Иванова. Работали, надо сказать, грамотно и без проколов. Приезжая в какой-нибудь город необъятного Союза, они списывали фамилии ветеранов с Досок почёта на городских стендах. Если этого было мало, Калинин приходил в местный совет ветеранов и, представившись журналистом, получал списки всех ветеранов. Затем шёл в горсправку и в течение нескольких минут узнавал адреса нужных ему людей. Появляясь потом на квартирах своих жертв, он опять представлялся журналистом и просил дать ему интервью. А так как не все наши ветераны имели возможность попасть в телепередачу Валентины Леонтьевой «От всей души» и большинство из них проживало в безвестности, предложение молодого столичного «журналиста» всегда воспринималось с радостью. Так Г. Калинин проникал в квартиру, а далее всё было делом техники. Если рядом была его жена, она в самый разгар интервью вдруг просила принести ей стакан воды. Ветеран уходил на кухню, а супруги в этот момент отстёгивали с висевшего на стуле пиджака ордена. Если же супруги рядом не было, Калинин обходился собственными силами.

Таким вот образом эта молодая чета действовала с 1980 года. За три года ими было совершено 39 краж орденов в 19 городах СССР. Было украдено свыше 50 орденов Ленина, несколько Золотых Звёзд, десятки других орденов и медалей. Калиниными были ограблены 6 Героев Советского Союза, семь Героев Социалистического Труда. К лету 1983 года Калинины имели на руках 40 тысяч рублей, вырученных за продажу ворованных орденов. И именно летом 1983 года, исколесив половину страны и побывав в городах Одессе, Бендерах, Брянске, Владимире, Рязани, Ярославле, Покрове, Павловском Посаде, Тирасполе, Кишинёве, Электростали, Белгороде, Туле, Орле, Курске и Смоленске, Калинины решают совершить гастроль в Москве. Перед этим в городе Елнать Ивановской области при ограблении одинокой старухи попадьи Г. Калинин впервые обагрил свои руки кровью невинной хозяйки квартиры. «Наградой» ему за это были иконы, стоимость которых была всего 90 рублей.

13 июля 1983 года Калинины прибыли в Москву. В киоске

«Мосгорсправки» они получили адрес Героя Советского Союза, вице-адмирала в отставке 80-летнего Георгия Холостякова и тут же направились к нему - на Тверской бульвар. Действовали по давно отработанной схеме: представились студентами журфака МГУ, заочниками. Георгий Никитич был человеком общительным, поэтому визиту «студентов» обрадовался и впустил их в квартиру. В доме была и жена вице-адмирала Наталья Васильевна. «Интервью» длилось около часа, после чего гости стали прощаться. Хозяин на прощание подарил им свою книгу «Вечный огонь» с автографом.

Проведя таким образом предварительную разведку, Калинины решили с налётом не тянуть и наведаться к Холостяковым на следующий день. Убивать пожилую чету в их планы не входило, но на всякий случай Калинин положил в спортивную сумку монтировку. Блеск орденов отставного адмирала настолько затмил его взор, что он готов был взять на себя ещё одно убийство.

14 июля Калинины вновь пришли к Холостяковым. На его удивление ответили, что надо, мол, кое-что дополнить в интервью. Всё было готово к осуществлению задуманного, когда вдруг в квартиру позвонили. На пороге стоял писатель Николай Ланин. «Журналисты» тут же стушевались и стали наскоро прощаться. Непредвиденный случай сорвал им все планы. Однако отступать они не намеревались.

18 июля они пришли к Холостяковым в третий раз. Время выбрали самое удачное: понедельник, восемь утра. Большинство москвичей в это время уходит на работу, дом заметно пустеет.

Удивившись «журналистам», Холостяковы всё же пропустили их в квартиру. В доме, кроме них, находилась ещё их двадцатилетняя внучка Наташа, которая спала в дальней комнате и на шум так и не отреагировала. Это её, впрочем, и спасло.

В отличие от первого визита, последний вызвал явные подозрения у жены вице-адмирала Натальи Васильевны. Это сразу почувствовал Калинин. Когда его жена попросила у хозяйки стакан воды, Калинин заметил манёвр старой женщины, попытавшейся пройти к входной двери. Там он рывком расстегнул сумку и, достав из неё монтировку, обрушил её на голову ни в чём не повинной женщины. На шум из комнаты в коридор вышел сам вице-адмирал. И здесь его настигла смерть. Калинин, ослеплённый яростью и видом крови, нанёс ему несколько ударов той же монтировкой по голове. Вице-адмирал Г. Холостяков тут же скончался. Через три дня ему должен бы исполниться 81 год.

Расправившись с хозяевами квартиры, Калинины спешно приступили к грабежу. Калинина сдёрнула с плечиков в шифоньере китель с орденами и запихнула его в сумку. В кабинете вице-адмирала они прихватили орденские книжки и сорвали с подставки вымпел адмирала. На все действия у них ушло лишь несколько минут, и преступники

покинули квартиру Холостяковых, с шумом захлопнув за собой дверь. Именно на этот шум среагировала в дальней комнате внучка убитых Наташа. Она стала первым свидетелем ужасной картины, открывшейся перед её взором в коридоре и на кухне.

В девять часов утра на Тверскую приехала карета «скорой помощи». Чуть позже появились оперативники из МУРа. От прокуратуры Москвы на место преступления прибыл следователь по особо важным делам Александр Шпеер. Никакого ажиотажа вокруг убийства вице-адмирала первоначально не было. Лишь через несколько дней, когда информация об убийстве дошла до Ю. Андропова, дело сразу получило классификацию особо важного.

Дело в том, что во время Отечественной войны Г. Холостяков командовал Новороссийским оборонительным районом и одним этим уже попадал в категорию фронтовых соратников Леонида Брежнева. Кроме этого, Г. Холостяков состоял в браке с бывшей женой новороссийского героя Цезаря Куникова, имя которого было увековечено в книге Л. Брежнева «Малая Земля». Именем Ц. Куникова в 1977 году назвали одну из центральных площадей в Москве (рядом с кинотеатром «Новороссийск»). И вот теперь чья-то безжалостная рука посягнула на жизнь двух заслуженных фронтовиков. И тут же «сверху» была дана команда: убийц найти во что бы то ни стало и как можно скорее.

Со стороны прокуратуры Москвы следствие курировал заместитель прокурора столицы, оперативной работой руководил заместитель начальника МУРа Анатолий Егоров. Но хотя следственная группа подобралась толковая и грамотная, вычислить преступников по горячим следам тогда не удалось. Между тем на группу постоянно давили, и кое-кто готов был арестовать кого угодно, лишь бы достичь каких-то результатов. Под подозрение таких спецов попала даже внучка Холостяковых, которая, по их мнению, подозрительным образом умудрилась не услышать, как в квартире убивали её родных деда и бабушку. Таким людям и в голову не приходила мысль, что только это и спасло её от неминуемой гибели. Ведь Г. Калинин, прикончив двух людей сразу, не остановился бы и перед убийством третьего человека.

Однако следствие явно топталось на месте. Версия об убийстве с целью похищения орденов как-то не укладывалась в голове. Гораздо ближе было, например, предположение о том, что Холостякова убил кто-то из его старых фронтовых товарищей, быть может, затаивший на него старую обиду. Поэтому стали работать в этом направлении и выяснили: в 1937 году по ложному обвинению Г. Холостяков был арестован органами НКВД. Сыщики затребовали из архива дела НКВД по Хабаровскому краю и узнали, кто именно оклеветал Холостякова. Но и эта ниточка оборвалась, так как того человека давно уже не было в живых.

Не помог и дневник Холостяковых, в котором они довольно подробно описывали наиболее важные события своей жизни. К сожалению,

упоминания о двух «студентах-журналистах из МГУ» в этом дневнике не было. А единственный человек, который видел Калининых в квартире вице-адмирала почти накануне убийства - писатель Николай Ланин, - из Москвы на время уехал, и следствие не стало его беспокоить.

Пока следователи отрабатывали одну версию за другой, Калинины продолжали своё преступное ремесло, колеся в качестве «журналистов» по городам Советского Союза. Их коллекция пополнялась всё новыми и новыми орденами и медалями. А многие пострадавшие даже и не думали обращаться в милицию, считая это делом безнадёжным.

Наконец в Москве сыщики вплотную занялись версией о том, что убийство Холостяковых было совершено исключительно из-за орденов. На их столе появились все уголовные дела, хоть каким-то образом похожие на это. Кропотливо изучая каждое, следователи вскоре вышли на имя главаря одной из шаек, промышлявшей скупкой орденов. В его коллекции и «засветился» вскоре орден, который Калинины похитили на заре своей преступной деятельности у одной учительницы из Иванова. К этому времени сыщики уже напали и на след банды Тарасенко, однако им нужны были реальные подтверждения своих догадок. Поэтому главарь шайки, имевший на руках орден, украденный у учительницы, был срочно доставлен в Москву и после двух дней основательных допросов сознался в том, что он знает Калининых, работавших под «журналистов».

В октябре 1983 года, через три месяца после убийства Холостяковых, Калинины были арестованы. Почти год длилось следствие. Наконец состоялся суд, который вынес приговор: Г. Калинин приговаривался к высшей мере наказания - расстрелу. И. Калинина получила 15 лет тюрьмы.

Андропов и Черненко

Смерть Ю. Андропова. Заказное убийство в Ташкенте.

В том же октябре 1983 года тяжело больной Юрий Андропов перестал непосредственно руководить Политбюро и ЦК, окончательно перебравшись в Кунцевскую больницу. Когда в сентябре во время отдыха в Крыму он простудился и «заработал» себе флегмону, ему была сделана операция, после которой он уже не покидал больничных покоев. Здоровье его ухудшалось с каждым месяцем. К зиме Андропов уже не мог ходить и плохо видел. В это время председателю КГБ СССР Виктору Чебрикову пришло письмо за подписью двух высокопоставленных чекистов. В нём они утверждали, что лечение Андропова поставлено из рук вон плохо, и требовали от Чебрикова немедленного вмешательства. Председателю КГБ не оставалось ничего иного, как вызвать на Лубянку начальника 4-го Управления Минздрава Евгения Чазова.

Узнав о письме чекистов, Чазов в свою очередь отреагировал на него

весьма нервозно. Двое ничего не смысливших в медицине людей пытались учить его, академика, как ему лечить. Есть от чего возмутиться. К тому же болезнь Андропова была слишком тяжёлой, чтобы не понимать, что он, в сущности, обречён и спасти его вряд ли кому удастся.

В конце января 1984 года из-за нарастающей интоксикации у Андропова стали появляться симптомы выпадения сознания. Смерть его ждала с минуты на минуту. Она наступила 9 февраля 1984 года. И сразу же как отголосок того письма, что пришло зимой 1983 года Чебрикову, на свет явился документ, который один из агентов ленинградского КГБ, вернувшийся из Москвы, положил на стол своего начальства.

Вот его текст: «Среди персонала 1-го медицинского института, связанного с 4-м Главным управлением Минздрава СССР, циркулируют разговоры о загадочности смерти Генерального секретаря ЦК КПСС. По мнению ряда специалистов, в ГУ есть люди, которые на ранней стадии болезни Андропова умышленно вели неправильный курс лечения, что впоследствии привело к его безвременной кончине. На более поздней стадии ведущие специалисты страны были бессильны что-либо сделать, несмотря на все предпринимавшиеся ими меры. Люди, «залечившие» Андропова, связаны с группировкой (название условно) некоторой части партийных аппаратчиков в Москве, которым пришлись не по вкусу позитивные изменения и реформы, начатые Андроповым, в частности намерение изменить «кремлёвский паёк», призывы к личной скромности партийных работников, обращение к ленинским идеалам коммуниста. Один бывший ответственный сотрудник Госплана СССР подтвердил изложенное выше и добавил, что Андропова убрали».

Действительно, убрать Ю. Андропова тогда мечтали многие. Его активные действия по наведению порядка в стране путали карты многим «авторитетам» как из высшего партийного звена, так и представителям уголовного мира. Проводимые КГБ аресты по всей стране обрывали привычные, десятилетиями налаженные связи в мафиозной среде, сеяли в ней страх и неуверенность в завтрашнем дне. Но не всё было столь мрачно. Крылатая фраза «Мафия бессмертна!» и здесь находила своё подтверждение. Преступная система, её фундамент так и остались нетронутыми.

24 января 1984 года УБХСС Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома провело аресты преступников в магазине «Автомобили» на Южнопортовой, 22. Почти вся администрация магазина, занимавшаяся махинациями с продажей импортных и отечественных автомобилей, была нейтрализована. Однако это только на небольшое время оздоровило обстановку на этом криминальном пятачке столицы. В скором времени свою широкую длань наложат на это место чеченцы, сладить с которыми будет уже не так просто.

После кратковременного пребывания Ю. Андропова у власти отечественная мафия довольно быстро приспособилась к ситуации и

принялась активно навёрстывать упущенное. Не успело тело бывшего Генерального секретаря остыть, как в Москве уже состоялась встреча между крупным государственным руководителем и корифеем московской коррупции по вопросу расстановки сил в правительстве, в партии, в Мосгорисполкоме. Факт этот не удалось скрыть от вездесущих глаз КГБ и МВД. И вот уже В. Федорчук докладывает в ЦК КПСС о срастании коррумпированных элементов милиции с мафией. По этому поводу в далёкой Уфе КГБ СССР собрал специальное совещание служб оперативного обслуживания МВД. По данным КГБ, в Москве действовало около трёхсот чиновников-мафиози, причём около сотни из них - сотрудники милиции. Порой в своих преступных посягательствах они не останавливаются ни перед чем. К примеру, в Узбекистане в декабре 1983 года произошло убийство начальника отдела дорожно-патрульной службы ташкентской ГАИ Юлдашева, организованное командиром полка дорожно-патрульной службы того же города Джанзаковым. Последний продвигался по службе благодаря денежным подачкам самому начальнику ташкентской ГАИ полковнику Салахитдинову. В августе 1983 года Салахитдинова сняли с должности, и на его место претендовали двое: Юлдашев и Джанзаков. Причём у первого шансов занять это место было гораздо больше. И тогда Джанзаков решается на крайние меры. Через старшего лейтенанта ГАИ Нурмухамедова он находит наёмного убийцу - дважды судимого Ибрагимова. Но тот в последний момент отказывается. Тогда убрать Юлдашева вызываются командир взвода полка ДПС УГАИ УВД старший лейтенант Камбаритдинов и бывший слесарь Ташкентского трамвайно-троллейбусного управления Жаманов.

5 октября 1983 года Джанзакова назначают начальником ташкентского УГАИ. Казалось, на этом можно успокоиться. Но в республиканское МВД поступают две анонимки, характеризующие нового начальника как махрового взяточника. Джанзаков связывает это с одним именем - Юлдашева. И торопится устранить его.

Вечером 20 декабря Юлдашев на своей служебной машине ехал с работы домой. За ним следовали «жигули», за рулём которых сидел старший лейтенант Камбаритдинов. На заднем сиденье с ружьём на изготовку находился Жаманов. На Фархадской улице, когда «жигули» поравнялись с машиной Юлдашева, Жаманов через боковое окно произвёл выстрелы в упор. Пули пробили голову и проникли в мозг. Через несколько минут в салоне реанимобиля Юлдашев скончался, не приходя в сознание.

В феврале 1984 года на место Ю. Андропова пришёл Константин Черненко. Генсек физически был таким же инвалидом, как и прежний. Причём угасать они начали почти одновременно - осенью 1983 года. В те дни, когда у Андропова вследствие простуды развилась флегмона, у Черненко началась тяжелейшая токсикоинфекция с осложнениями в виде сердечной и лёгочной недостаточности. «Удружил» ему в этом сам министр внутренних дел Виталий Федорчук.

Началось всё в августе, когда Черненко отдыхал в Крыму. Именно туда из Москвы Федорчук прислал на имя Черненко посылку, в которой была приготовленная в домашних условиях копчёная рыба. Охрана, принявшая посылку, понадеялась на солидное имя и звание отправителя и не подвергла рыбу тщательному досмотру. А она оказалась недоброкачественной. Отравившись ею, Черненко впал в тяжелейшее состояние, и врачи срочно транспортировали его в Москву. Жизнь буквально висела на волоске. После интенсивного лечения удалось предотвратить самое худшее, но полностью восстановить здоровье Черненко было уже невозможно. Он оставался тяжелобольным человеком и мог работать, только используя лекарственные средства и проводя ингаляцию кислородом. Все члены Политбюро прекрасно знали об этом состоянии Черненко и всё же пошли на то, чтобы избрать его Генеральным секретарём ЦК КПСС. Сделано это было не без влияния министра обороны Дмитрия Устинова, который, как и многие другие члены Политбюро, боялся усиления позиций министра иностранных дел Андрея Громыко, тоже претендовавшего на пост Генсека. Однако Громыко устраивал немногих, тогда как больной и покладистый Черненко годился всем.

С приходом к власти К. Черненко многие попавшие в опалу при Ю. Андропове люди вновь вернулись к активной деятельности. Правда, значимость многих из них была чисто символической. Например, Галина Брежнева вновь замелькала на великосветских раутах, а сталинский нарком Вячеслав Молотов был восстановлен в рядах КПСС.

Однако 15-месячное пребывание Ю. Андропова на посту Генсека не прошло бесследно: он лично подготовил и ввёл во многие партийные и государственные структуры целую плеяду деятелей, готовых продолжить начатое им дело. Молодое поколение рвалось к власти, и ничто уже не могло остановить этих людей на пути к заветной цели.

«Хлопковое» и другие дела

Аресты в Узбекистане.

26 января 1984 года, в дни, когда УБХСС Москвы проводило аресты на Южнопортовой, 22, московское КГБ задержало двух граждан Узбекистана. Эта операция откроет начало прогремевшему затем на всю страну «хлопковому» делу.

В тот день сотрудниками УКГБ по Москве и области были взяты директор Учтепинского хлопкоочистительного завода объединения «Джизакзаготхлопкопром» Узбекской ССР Муминов и товаровед Дустликского хлопкозавода того же объединения Халматов. Они пытались вручить взятку в размере 40 тысяч рублей (огромные деньги по тем временам) одному из руководителей Серпуховского хлопчатобумажного комбината за оформление фиктивных документов о якобы

производственной поставке комбинату этими узбекскими заводами 150 тонн хлопка. На самом деле вместо хлопка в Серпухов были пригнаны 4 вагона отходов, так называемого линта, эти отходы надо было записать как волокно.

Подобная система приписок (примерно миллион тонн хлопка в год) была создана ещё при Брежневе. И чтобы скрыть их, хлопковые деятели пускались на всякие ухищрения. На перерабатывающие предприятия России, Узбекистана, Украины, Казахстана под видом хлопка шестого сорта шли поставки его отходов, пресловутого линта. Шли небезвозмездно. Вагон такой «безтоварки» стоил 10 тысяч рублей. Это была отлаженная система, когда хищения совершались не изъятием из натурального количества, как кусок от пирога, а государству продавалось несуществующее количество хлопка-сырца, а затем «пустота» как бы материализовывалась для сокрытия. И ЦК, и Совмин СССР не могли не видеть этих приписок. Ведь они в общей сложности составили не менее 5 миллионов тонн, за этот «воздух» из госбюджета выделилось 3 миллиарда рублей. Из них украдено было 1,5 миллиарда. Но никто ничего «не замечал», потому что так оказалось выгодно многим.

В течение января-марта 1984 года по этому делу были арестованы директор объединения «Дзижакзаготхлопкопром» Шадиев, заведующий приёмным пунктом Учтепинского хлопкозавода Султанов и ряд других деятелей. У них изъяли денег и ценностей на сумму 2 миллиона 314 тысяч рублей. От этих деятелей ниточка потянулась дальше, достигнув уровня самых высоких структур. Следствие шагнуло в союзный Минлегпром, затем вышло на приписки хлопка в Азербайджане (там арестовали министра Салманова), в Туркмении (арестован ещё один министр), в Казахстане.

В Узбекистане в июле 1984 года был арестован сначала министр хлопкоочистительной промышленности В.Усманов, а затем и вся коллегия данного министерства. Полоса репрессий в этой южной республике, начавшаяся более года назад, ни на день не ослабевала, охватывая всё больше и больше высокопоставленных людей. Начавшись с начальника ОБХСС областного масштаба, аресты достигли уровня министров и членов ЦК республики. 11 августа был задержан бывший секретарь Бухарского обкома партии Абдувахид Каримов. 13 августа заведено уголовное дело на директора Папского РАПО Ахмаджона Адылова. Предчувствуя свою печальную судьбу, 15 августа застрелился министр внутренних дел Узбекистана К. Эргашев.

Столь широкомасштабное наступление на «беловоротничковых» вдохнуло свежие силы в организованную преступность Узбекистана. А республиканские органы внутренних дел были настолько деморализованы, что противостоять распоясавшимся бандитам практически стало некому. Волна бандитизма, направленного прежде всего против миллионеров-»цеховиков», буквально захлестнула республику. В 1984 году следственные органы Узбекистана

зафиксировали 308 разбойных нападений, 1406 грабежей и 5101 квартирую кражу. В подавляющем большинстве случаев нападению подвергались как раз представители «беловоротничковой» преступности.

Наиболее известными бандформированиями того времени были:

- банда Анзорова - Касынова, которая в 1981 - 1984 годах совершила 64 преступления, из них 25 краж государственного и личного имущества, 14 разбойных нападений и другие преступления. Материальный ущерб, причинённый этой бандой государству и гражданам, составил 285 500 рублей;

- банда Юна в количестве 23 человек совершила 42 уголовных преступления. Эта банда контролировала сбыт и производство наркотиков в шести районах республики, и в её рядах состояло на службе четыре милиционера. Они требовались для того, что припугнуть и «официально» конфисковать у сбытчиков спрятанную партию наркотиков;

- банда Болошина в количестве 22 человек совершила за 4 года 48 тяжких преступлений, в том числе одно убийство.

Борьба с «беловоротничковой» преступностью продолжалась в том году и в Москве. КГБ наконец-то добрался до недосягаемого бывшего начальника столичного Главного управления торговли Николая Трегубова.

За четыре прошедших года в Москве в системе Главторга было уже привлечено к уголовной ответственности 15 066 человек, из которых 2121 руководители различных рангов (это 7,5% штатной численности работников Главторга). И вот теперь КГБ добрался и до начальника Главторга. Арестованные задолго до него его подчинённые давно уже сдали своего начальника с потрохами, но чья-то властная рука всякий раз останавливала занесённый над головой Трегубова топор и тем самым спасала его от тюрьмы. В январе 1984 года эта рука отправила Н. Трегубова на пенсию, а через два месяца после этого она же посадила его в кресло управляющего Союзторгпосредконторы Минторга СССР. Однако это было всё, что могла сделать для «папы» (так звали Н. Трегубова его подчинённые) та незримая «рука». В июле 1984 года сила её, по-видимому, иссякла. 14 июля 1984 года во время перевозки из тюрьмы Лефортово в Бутырку в машине был приведён в исполнение расстрельный приговор над бывшим директором «Елиссевского» магазина Юрией Соколовым. 24 июля того же года арестовали Николая Трегубова. И в отличие от Ю. Соколова он никого не «сдавал» и получил за это не «вышку», а 15 лет строгого режима.

Через месяц, в августе 1984 года, на Петровке, 38, совместно с опытнейшими сотрудниками ГУБХСС МВД СССР создаётся специальная группа, которая в строжайшей тайне начинает разработку последующих арестов в среде московских торговых мафиози. Первым номером значился

директор универмага «Сокольники» Владимир Кантор, имевший весьма высоких покровителей в самых верхах Московского горкома партии и Моссовета.

Самоубийство Н Щёлокова и судьба семьи Гоглидзе

Выстрел в голову. Убийство в Малаховке. Вооружённый налёт в Москве.

Не менее безжалостно, чем с Ю.Соколовым, режим обошёлся в тот год и с Николаем Щёлоковым. Прошло уже девять месяцев со дня смерти Ю. Андропова (личного его врага), но длинные руки КГБ так и не оставили в покое бывшего министра МВД. Искать защиты у К. Черненко было бесполезно, тот к тому времени фактически превратился в инвалида. По словам Е. Чазова: «Состояние Черненко осенью 84-го стало настолько тяжёлым, что он мог выезжать на несколько дней на работу только после внутривенных введений комплекса лекарств». Поэтому заниматься судьбой опального министра Черненко было уже недосуг.

И всё же, даже несмотря на вину Н. Щёлокова, изуверство, с каким гонители 74-летнего человека обошлись с ним, с трудом поддаётся объяснению. 6 ноября, накануне праздника Великого Октября, Н. Щёлокова лишили звания генерала армии. 10 ноября - в День милиции! - указ об этом публикуется во всех центральных газетах. 12 ноября на его квартиру пришли следователи из Главной военной прокуратуры. В течение трёх дней они проводили там обыск. И это перед тем как 26 ноября Н. Щёлокову должно было исполниться 74 года!

7 декабря того же года коммунист Н. Щёлоков с 53-летним стажем лишается своего партийного билета. 12 декабря следует ещё один удар - Н. Щёлокова лишают звания Героя Социалистического Труда (получил он его в 1980 году) и отбирают все награды, кроме тех, что он заработал на фронте, причём без предварительно вынесенного приговора. Всё это преследовало только одну цель - подвести Щёлокова к мысли о самоубийстве. Щёлоков никогда не был трусом, и те, кто преследовал его, прекрасно знали, что гордость этого человека, его чувство собственного достоинства не позволят ему устроить над собой судебный спектакль, как это сделали Соколов и Трегубов.

Днём 13 декабря 1984 года Н. Щёлоков надел на себя парадный мундир генерала армии с медалью «Серп и Молот» (это был муляж), 11 советскими орденами, 10 медалями, 16 иностранными наградами и знаком депутата Верховного Совета СССР, зарядил двустволку 12-го калибра «Гастин-Раннет» и выстрелил себе в голову. В 14.15 сын Н. Щёлокова Игорь позвонил в Главную военную прокуратуру и сообщил о самоубийстве отца.

Когда следователи ГВП прибыли на место происшествия, мёртвый Н. Щёлоков лежал лицом вниз в холле. Его сын Игорь представил следователям два письма покойного: одно было адресовано детям, другое предназначалось К. Черненко. В последнем письме Щёлоков прощался с членами Политбюро, заверял их, что не нарушал законности, не изменял линии партии, ничего у государства не брал и молил только об одном - чтобы его ни в чём не виноватых детей не преследовали и не терзали напрасно. Заканчивал своё письмо Щёлоков словами: «Прошу Вас, не допускайте разгула обывательской клеветы обо мне, этим невольно будут поносить авторитет руководителей всех рангов, а это в своё время испытали все до прихода незабвенного Леонида Ильича. Спасибо за всё доброе. Прошу меня извинить. С уважением и любовью Н. Щёлоков». Под письмом стояла дата - 10 декабря 1984 года, то есть за три дня до самоубийства.

Между тем следственные органы Главной военной прокуратуры, расследовавшие преступные действия Н. Щёлокова в бытность его министром внутренних дел, в своём постановлении констатировали: «Всего преступными действиями Щёлокова государству причинён ущерб на сумму свыше 500 тысяч рублей. В возмещение ущерба им и членами его семьи возвращено, а также изъято органами следствия имущества на сумму 296 тысяч рублей, внесено наличными деньгами - 126 тысяч рублей.

Таким образом, Щёлоков Н. А. систематически из корыстных побуждений злоупотреблял своим ответственным служебным положением, причинив государству существенный вред, чем совершил преступление, предусмотренное ст. 260 п. «а» УК РСФСР.

13 декабря 1984 г. Щёлоков Н. А. покончил жизнь самоубийством, поэтому уголовное дело в отношении его не может быть возбуждено».

Через несколько дней состоялись «тихие» похороны Н. Щёлокова. Их невольным свидетелем стал кремлёвский врач Е. Чазов, так описавший их в своих воспоминаниях: «Меня, человека, далёкого от Щёлокова, поразили его похороны, начавшиеся в Кунцевской больнице, случайным свидетелем которых я оказался. Что-то мрачное и тоскливое было в этот сумеречный декабрьский день в собравшейся небольшой группе родственников и близких в виде старушек, пытавшихся выполнить какие-то религиозные обряды в обстановке какой-то молчаливой сосредоточенности. Страшный конец блестящей жизни преуспевающего человека. Не дай бог, как говорят в России, такого конца».

Пройдёт несколько лет, и в период так называемой «горбачёвской гласности» Н. Щёлоков благодаря стараниям отечественной прессы повторит путь Л. Берии, став, как и он, чуть ли не «врагом нации № 1».

Робкие попытки разрушить в народном сознании образ «врага народа», который приклеили к Н. Щёлокову в период перестройки, предпримут его друзья уже после смещения М. Горбачёва. К примеру, Г.

Вишневская в октябре 1993 года скажет о своём соседе по дому на Кутузовском проспекте следующее: «Щёлоков был нашим другом, его жена Светлана Владимировна - моей подругой. Всё, что я сегодня о нём читаю, - враньё. Я этому не верю. Я была у них в доме, ничего особенного там не видела, никаких полотен кисти Айвазовского. Я не верю тому, что о нём говорят. У Щёлокова с Андроповым были ужасные отношения. И когда нас выставляли из страны, Светлана сказала тогда мне: «Это всё голубые (т. е. КГБ - фуражки с голубыми околышами) наделали». Щёлоков был другом Брежнева, а с Андроповым они друг друга ненавидели... Зная Светлану Владимировну, я не могу представить, чтобы она застрелилась. Думаю, мы ещё узнаем правду обо всей этой истории».

Несколько иначе, чем у Н. Щёлокова, сложилась судьба Юрия Чурбанова. В ноябрьские дни 1984 года, когда Н. Щёлокова лишили звания генерала армии и провели обыск у него в доме, приказ об увольнении Ю. Чурбанова из МВД был уже практически подготовлен. Но тут в дело вмешалась его тёща, жена Леонида Ильича Виктория Петровна. Напросившись на приём к В. Федорчуку, она просила его не ставить крест на карьере зятя. Эта мольба старой женщины возымела действие, и Ю. Чурбанов был оставлен в стенах МВД и получил должность заместителя начальника внутренних войск МВД СССР.

Добровольно уйдя из жизни, Н. Щёлоков, в сущности, лишил многих своих бывших «товарищей» удовольствия поприсутствовать на судебном процессе над ним. С 1953 года, с момента суда над Л. Берией, на скамье подсудимых больше ни разу не сидели высшие чины союзного Министерства внутренних дел. Н. Щёлоков мог возобновить эту традицию, однако предпочёл публичному позору выстрел в голову.

В декабре 1953 года в Москве был приведён в исполнение смертный приговор над Л. Берией и группой высших чинов союзного МВД. В числе казнённых был и заместитель Берии генерал-полковник Сергей Арсеньевич Гоглидзе.

Через 50 с лишним лет - 29 октября 1984 года - не менее страшная участь постигла жену и дочь расстрелянного генерала. В тот день трупы двух этих престарелых уже женщин были найдены в их доме в подмосковном посёлке Малаховка. Оперативная группа, которую возглавлял заместитель начальника управления уголовного розыска ГУВД Мособлисполкома А. Бутырских, прибыла на место происшествия после того, как там уже поработали эксперты. Последние установили, что смерть обеих женщин наступила в результате сильных ударов по голове тупым тяжёлым предметом. С первого взгляда стало видно, что преступники что-то искали в квартире, хотя большое количество ценной утвари буквально бросалось в глаза. Дом, что называется, ломился от уставленных хрусталём горок, фарфоровых сервизов, ваз и прочего антиквариата. На стене висела гравюра, которая могла бы вполне обеспечить грабителям безбедную жизнь на долгие годы. Однако ни один из этих предметов не был тронут. Преступникам нужно было что-то

другое, видимо, не менее ценное, чем эта роскошь. После тщательного осмотра квартиры сыщики установили: бандиты проникли в дом через форточку. Это указывало на то, что их комплекция и возраст были далеки от пенсионного.

Была опознана и личность погибших, после чего отпала необходимость объяснять, откуда у двух скромных бабушек столько антиквариата.

Летом 1953 года, когда С. Гоглидзе арестовали, его ближайшие родственники сразу поняли, какой приговор ему может быть вынесен. Спасти главу семейства возможности уже не было, а вот имущество, нажитое им за 30 лет службы в НКВД (в 1937 году С. Гоглидзе занимал пост наркома внутренних дел Грузии), можно. И супруга арестованного, Евлалия Фёдоровна, приложила все силы и умение, чтобы не отдать своё добро в руки конфискантов. В течение нескольких лет после расстрела мужа она писала слёзные письма на имя Генерального прокурора СССР Р. Руденко, секретаря ЦК Г. Маленкова, первого секретаря ЦК Н. Хрущёва и в конце концов добилась своего. К примеру, свой вклад на 160 тысяч рублей она объяснила тем, что эта сумма отчасти состоит из денежных средств домашней прислуги, чья заработная плата в течение 16 лет вносилась на сберкнижку нанимательницы.

И всё же, оградив своё баснословно дорогое имущество от посягательств государственных чиновников, мать и дочь Гоглидзе так и не смогли спасти его от посягательств обычных уголовников. В результате это стоило им жизни.

Одна из домработниц, служившая в их доме, имела 32-летнего любовника, некоего Апухтина. Ему она и поведала однажды о том, в каком богатом доме ей приходится работать. Он в свою очередь рассказал об услышанном квартирному вору Крекшину. Тот к тому времени значился во всесоюзном розыске и мечтал провернуть какое-нибудь крупное дельце, после которого можно было бы раз и навсегда «лечь на дно». Рассказ Апухтина о двух старушках, обладавших несметными сокровищами, настолько «завёл» Крекшина, что он готов был пойти даже на «мокрое дело».

29 октября 1984 года Крекшин и Апухтин проникли в дом к двум ничего не подозревавшим старушкам и хладнокровно расправились с ними. Всю черновую работу взял на себя Крекшин, который убил женщин с помощью обыкновенного кирпича, прихваченного на улице. Убив хозяек, преступники не стали брать стоявший вокруг них антиквариат, а прихватили лишь один чемоданчик, доверху набитый изделиями из золота, серебра и платины.

Преступление было совершено настолько бесхитростно, что уже в первые сутки московские сыщики вышли сначала на Апухтина, а затем и на его дружка - Крекшина. Правда, первого по месту прописки не

оказалось, и пришлось попотеть, прежде чем вычислить место проживания его любовницы. Как только адрес был установлен, тут же за квартирой организовали круглосуточное наблюдение. Через некоторое время грабители сами пришли в предназначенную для них ловушку. Их взяли чисто, без излишнего шума и суеты. К тому времени со дня преступления прошло чуть более двух суток.

Однако самым громким преступлением 1984 года можно считать вооружённый налёт на инкассаторов в Москве 7 декабря. Подобного в столице давно уже не было. События развивались следующим образом.

Вечером 7 декабря 1984 года к магазину «Обувь», что на Зарайской улице, подъехала «волга» с двумя инкассаторами. Старший из них вышел из машины и направился за выручкой в магазин. Второй с водителем остался в машине. Вскоре старший инкассатор с сумкой, в которой лежало 250 тысяч рублей, вышел из магазина и поспешил к машине. Дойдя до неё, он уже собирался открыть дверцу, как сзади раздались выстрелы. Тяжело раненный инкассатор выпустил сумку из рук и рухнул на землю. Одновременно с ним ранения получили второй инкассатор и водитель.

Преступники (их было двое) схватили сумку с деньгами и, сев в инкассаторскую «волгу», исчезли с места преступления.

Это дерзкое нападение подняло на ноги всю столичную милицию. В МУРе тут же была создана опербригада в составе: Н. Куценко, И. Бирюкова, В. Зайцева, Ю. Локтионова. Расследование лично возглавлял замначальника управления уголовного розыска Москвы А. Карпов. В ГУУР СССР это дело курировал генерал Г. Алексеев. Вышли же на преступников, можно сказать, случайно.

Однажды в милицию обратился москвич, у которого угнали автомобиль. Он рассказал, что несколько дней назад продал его мужчине, который расплачивался с ним деньгами в банковской упаковке. Однако покупатель внёс только задаток, а с остальными деньгами просил подождать. Продавец согласился и поставил машину на стоянку. И вот теперь её угнали.

Сыщиков в этом деле заинтересовали два момента: деньги в банковской упаковке и то, что машину увели сразу после внесения задатка. Не иначе сам покупатель это и сделал. Машину тут же объявили в усиленный розыск. И вскоре она нашлась вместе с угонщиком. Как и предполагали сыщики, это был сам покупатель - некто Поспелов. Через некоторое время он сознался и в налёте на инкассаторов 7 декабря. Его напарника Соболева арестовали через несколько дней в Таллине.

И всё же столь быстрое раскрытие данного преступления было отнюдь не показателем эффективности работы уголовного розыска страны в целом. Дело в том, что в 1984 году в союзном МВД продолжалась перетряска кадров и оперативные службы продолжали нести ощутимые

потери. Всего за два года (1983 - 1984) из органов МВД было уволено 60 тысяч человек. Между тем на свободе оставались такие монстры, как Г. Михасевич и А.Чикатило. В марте 1984 года к ним присоединился и 28-летний иркутский маньяк Василий Кулик.

Сексуальный маньяк из Иркутска

Дело В. Кулика.

В. С. Кулик родился в Иркутске в январе 1956 года. Рождение его проходило тяжело, будто сама природа противилась появлению этого человека на свет. И всё же на седьмые сутки ребёнок вошёл в жизнь. Был он маленьким, весил всего 2 килограмма и 100 граммов, без ногтей, с вдавленными ушками и большим животом. Почти до полугода новорождённого не купали, так как его кожа от воды начинала почему-то чернеть. Отец мальчика - крупнейший исследователь-энтомолог, доктор биологических наук, профессор Сергей Андреевич Кулик.

До 12 лет В. Кулик рос болезненным и хилым. Он дважды перенёс гепатит, страдал от ревматизма, задыхался от бронхиальной астмы. И вдруг с 12 лет началось чудесное перерождение: мальчик увлёкся спортом, записался в секцию бокса, показывал на ринге весьма неплохие результаты.

До 1974 года В. Кулик учился в школе, после окончания которой попытался поступить в мединститут, но не прошёл по конкурсу. Ему не оставалось ничего иного, как пойти в армию. Два года он прослужил артиллеристом-зенитчиком. После увольнения В. Кулик попытался вновь поступить в Иркутский медицинский институт. Это ему удалось, и в 1977 году он становится студентом. На третьем курсе он женился.

В 1982 году В. Кулик закончил учёбу в институте и устроился работать линейным врачом иркутской городской станции «Скорой медицинской помощи». Именно здесь и начнутся его кровавые злодеяния. Сначала В. Кулик был рядовым насильником и специализировался исключительно на детях, заманивая их в укромные места. Женщины, коих в его бурной жизни было предостаточно, ему к тому времени надоели, и лишь дети занимали все сексуальные фантазии преступника. Не единожды он пытался изнасиловать и своего трёхлетнего сына, но каждый раз ему в последний момент мешали жена или мать.

В марте 1984 года В. Кулик совершил своё первое убийство. Сам он об этом рассказывал так: «В двадцатых числах марта 1984 года, часов в 10 утра, я встретил на улице Тимирязева старушку, которая поздоровалась со мной. Я ей ответил, и мы разговорились. Оказалось, что ранее я оказывал ей как врач медицинскую помощь. В разговоре я узнал, что она живёт одна, и тут же у меня возникла мысль изнасиловать её. Она жаловалась на здоровье, и я решил ввести Л. внутривенно

одурманивающий укол. Я, однако, прекрасно понимал, что мне придётся убить её, иначе она заявит в милицию. Когда мы пришли на квартиру Л., я смерил ей кровяное давление, затем ввёл в вену двойную дозу аминазина. От этой инъекции человек становится вялым, слабым, впадает в полуобморочное состояние. Я подвёл женщину к дивану и, положив лицом вниз, стал её насиловать в извращённой форме. Во время этого я душил Л. руками за шею...»

Прибывшие через несколько часов на место преступления врачи причину смерти старушки объяснили ишемической болезнью сердца. Труп покойной даже не вскрывался.

Следующей жертвой В. Кулика в том же году станет 8-летняя девочка, которую он заманил в подвал жилого дома. Там её изувеченный труп и найдут люди на следующие сутки. По подозрению в совершении этого преступления милиция арестует совсем другого человека - умственно отсталого Александра П. Против него не было никаких улик, но это особой роли не играло. Столь страшные, будоражившие общественность города преступления не должны оставаться нераскрытыми, поэтому, чтобы успокоить страсти, взяли первого подозрительного человека и повесили на него это дело. Как мы помним из прошлого повествования о Г. Михасевиче и А. Чикатило, подобная практика и раньше имела место, причём даже в более массовом и изощрённом виде. Вот и в случае с В. Куликом вместо него будут арестовываться люди, не имевшие никакого отношения к убийствам. Самого Кулика милиция задержит пару раз, но тут же и отпустит, уверенная в том, что такой внешне интеллигентный человек, отец двоих детей не может совершать столь жуткие преступления. Так Кулик выходил на свободу и спокойно продолжал своё кровавое дело.

Он рассказывал: «С конца 1984 года я стал составлять списки старух, которые меня заинтересовали. Параметры: старушка должны быть одинокой, жить без подселения, в отдельной квартире, знать меня и относиться ко мне доброжелательно... Был у меня список и молодых одиноких женщин, которых я посетил в качестве врача «скорой помощи». Они приглашали меня заходить, но, поскольку в моих сексуальных фантазиях не было им места, я ни к одной так и не зашёл. Весь списочный состав остался жив. Что касается детей, то тут я списка не вёл, всё получалось импровизированно. В своих мыслях я часто прокручивал сексуальные сцены, связанные с детьми, представляя их в конкретных местах Иркутска, которые хорошо изучил ещё в младенчестве. Оказываясь в этих местах - уже наяву, видел ребёнка, удовлетворявшего моим фантазиям, и проделывал с ним то, о чём грезил...»

Гибель актёра Талгата Нигматулина

Год 1985-й начался с преступления, о котором заговорила буквально вся страна. Чуть позднее, когда горбачёвская гласность развяжет язык

прессе, об этом преступлении будут написаны огромные статьи и даже снят документальный фильм, который затем покажут в передаче «Человек и закон». Преступление это совершено в феврале в Вильнюсе. Особую сенсационность ему придаст тот факт, что жертвой его стал талантливый киноактёр Талгат Нигматулин. К тому времени популярность этого артиста была поистине всесоюзной, и обложку одного из январских номеров журнала «Советский экран» (1985 г.) украшал его фотопортрет.

Талгат Нигматулин родился в Ташкенте. Подростком два года проработал на одном из заводов во Фрунзе. У него было много увлечений: он успевал заниматься и в драматическом кружке, и в кружке бальных танцев, и в секции лёгкой атлетики. Но всё же главная мечта Талгата была стать кинорежиссёром. Поэтому после окончания школы он отправился в Москву поступать во ВГИК, однако первая попытка оказалась неудачной. Покидать столицу Талгат не захотел и подал документы в Училище циркового и эстрадного искусства на эстрадное отделение. В отличие от ВГИКа здесь молодому абитуриенту из южных краёв повезло - его приняли.

Вскоре Нигматулин был замечен на «Мосфильме», в 1967 году ему предложили роль в фильме «Баллада о комиссаре». А в 1968 году он повторил попытку поступить во ВГИК. К счастью, его приняли и зачислили в актёрскую мастерскую С. Герасимова и Т. Макаровой. В 1971 году Т. Нигматулин закончил институт и вышел в большой мир кино.

К 1985 году на его счёту было уже около двух десятков ролей в различных фильмах, таких, как «Седьмая пуля», «Право на выстрел», «Приключения Тома Сойера», «Провинциальный роман», «У кромки поля», «Один и без оружия», «В чёрных песках», «Волчья яма». Однако наивысшую популярность Т. Нигматулину принесла роль в знаменитом боевике «Пираты XX века» (1979 г.), в котором он сыграл морского пирата Салеха, мастерски владеющего карате. В то время в нашей стране карате стало чуть ли не самым популярным видом спорта, и отечественные мастера этого заморского вида борьбы пользовались поистине фантастической популярностью среди молодёжи. А многократный чемпион Узбекистана по карате Талгат Нигматулин впервые продемонстрировал своё мастерство на широком экране.

Правда, при К. Черненко советские спецслужбы провели широкомасштабные акции по ликвидации многочисленных секций карате в стране. На наиболее авторитетных их руководителей, таких, как А. Штурмин, В. Гусев, В. Илларионов, были заведены уголовные дела. Высшей точкой в этой репрессивной кампании стал май 1984 года, когда приказом Спорткомитета СССР карате было запрещено на всей территории Советского Союза как «не имеющий отношения к спорту рукопашный бой, культивирующий жестокость и насилие». Статья 219 УК РСФСР (такие же статьи появились и в уголовных кодексах всех союзных республик) устанавливала, что за обучение приёмам карате после применения административного взыскания виновные наказываются

лишением свободы на срок до 2 лет или штрафом до 300 рублей, а при наличии корыстной заинтересованности - штрафом до 500 рублей. Если же эти действия совершило лицо, ранее судимое за незаконное занятие карате, либо обучение было связано с получением материальной выгоды в значительных размерах, то виновный наказывался лишением свободы на срок до 5 лет с конфискацией имущества либо без конфискации.

И всё же, несмотря на столь суровые меры, карате в стране продолжало существовать и развиваться. Как и в других подобных случаях, репрессивные меры государства не ликвидировали проблему, а лишь загнали её внутрь, в подполье. Секции карате продолжали существовать, прикрываясь вывесками дзюдо, общей физической подготовки и даже... аэробики. Идеи восточной философии по-прежнему находили массовых приверженцев на всей территории огромного СССР.

Занимаясь серьёзно карате, Т. Нигматулин заинтересовался идеями дзенбуддизма. Загадочный мир Востока тогда манил многих наших сограждан, уставших от идей марксизма. В конце 70-х - начале 80-х годов газеты буквально соревновались друг перед другом в количестве статей об экстрасенсах, филиппинских врачах, индийских йогах и прочих чудесах.

На почве увлечения восточной философией Т. Нигматулин в конце 70-х познакомился с Абаем Волубаевым (фамилия изменена) из Каракалпакии. Этот весьма неординарный молодой человек, отец которого возглавлял областную газету, имел влиятельные связи в Средней Азии. Получив диплом экономиста, Абай некоторое время руководил комсомольской организацией на одном из промышленных комбинатов. Но лавры комсомольского вожака его явно не прельщали, и Абай «ушёл в народ», став в прямом смысле странником. В конце 70-х он попадает в город Бируни, где во время праздника на мусульманском кладбище в Султан-Баба Абай познакомился с 48-летним Мирзой Курбатбаевым, который к тому времени имел стойкую славу среди местных жителей как народный целитель, в научных кругах обычно именуемый словом «экстрасенс». Способности Мирзы настолько поразили Абая, что он предложил ему съездить в Москву и продемонстрировать свои умения столичной богеме. Мирза согласился.

В 1980 году они приехали в Москву, где их принимали весьма знатные люди: писатели, учёные, общественные деятели различных рангов. Один из известных писателей сопроводил Мирзу письмом, в котором, в частности, говорилось: «Курбатбаев Мирза... наделён необычными способностями, накладывающими свой отпечаток на весь образ его жизни. Известно, что за последнее время такого рода способности, проявляющиеся в нетрадиционных способах лечения при помощи биотоков, телепатии в телекинезе и пр., становятся предметом пристального научного внимания. Курбатбаев Мирза относится к числу людей, обладающих уникальными способностями, наблюдение за которыми может много дать для развития современной науки о законах

человеческой психики. Молодой учёный Волубаев Абай установил с ним взаимодействие и ведёт записи научного характера. Просим оказать содействие этой работе».

После столь лестных отзывов именитых людей дела Абая и Мирзы пошли в гору. Феноменальные способности Мирзы, например, изучала лаборатория в Фурманном переулке в Москве. У них стали появляться ученики во многих городах Советского Союза. Конечной же целью Мирзы и Абая было открытие так называемого Института изучения человека.

Между тем контакты Т. Нигматулина с Абаем и Мирзой объяснялись большей частью желанием Талгата глубже познать идеи духовно-психических контактов между людьми, заглянуть за край обычного человеческого сознания. Связи человека с Космосом были тогда весьма популярны в творческой среде, и каждый, кто хоть как-то мог объяснить это, привлекал к себе внимание. А Мирза и Абай были отнюдь не самыми бесталанными толкователями подобных идей.

К тому же неудовлетворённый своими духовными поисками на съёмочной площадке, где чаще всего ему приходилось играть прямолинейные роли бандитов или суперменов, Нигматулин задумал попробовать себя в режиссуре и снял десятиминутный фильм о Мирзе и Абае.

В начале 1985 года в «школе» Мирзы и Абая произошёл раскол: несколько учеников из Вильнюса решили отколоться. Среди них были В. Мураускас, бывший режиссёр Вильнюсского русского драмтеатра, А. Каленаускас. В целях выяснения обстановки на место выехал сам Абай Волубаев. Затем он вызвал своих сподвижников: кандидата исторических наук, бывшего сотрудника академического института, инструктора по карате 40-летнего В. Вострецова и двух его учеников. Прибыв в Вильнюс в феврале 1985 года, они остановились на квартире художника Андрюса на улице Ленина, дом 49.

Отсюда пошли по адресам, требуя объяснений их «предательских» действий. У одного «отступника» они отобрали 200 рублей, у другого джинсы, третьему поломали мебель.

После нескольких дней пребывания в Вильнюсе Абай решил пригласить к себе и Мирзу с Нигматулиным. Талгат в те дни собирался выехать в Кишинёв, досниматься в многосерийном фильме «Сергей Лазо», а заодно и показать свой 10-минутный фильм про Абая и Мирзу. Но отложил поездку в Кишинёв на несколько дней и приехал в Вильнюс. Как оказалось, на свою погибель.

Нигматулин пытался как-то успокоить своих разгорячённых товарищей, но те его не слушали. Более того, стали и его называть предателем. Во время посещения квартиры одного из «раскольников» Абай и его ученики устроили в доме драку. Нигматулин был

единственным, кто не бил хозяина дома. Когда все они вышли на улицу, жена хозяина квартиры решила разъединить Нигматулина с его товарищами, схватила с его головы шапку и убежала. Нигматулин пошёл её искать и разминулся с Абаем. Это стало последней каплей, что переполнила чашу терпения Абая. Он со своими учениками вернулся на квартиру на улице Ленина, Нигматулин был уже там. Не снимая пальто, Абай прошёл в комнату и, указав на Талгата, приказал: «Бейте этого предателя». Пьяные ученики набросились на артиста. Удары сыпались один за другим. «За что?» - успел только спросить он, прикрываясь руками. Бьющих было трое, и Нигматулин, чемпион Узбекистана по карате, мог бы легко разделаться с ними без посторонней помощи. Но приказ отдал его учитель, ослушаться которого Нигматулин не смел. Он думал, всё это продлится недолго, учитель одёрнет своих учеников, как только увидит, что Нигматулин смирился. Однако конца побоищу видно не было. Вошедшие во вкус истязатели наносили удары всё сильнее и изощрённее. Так продолжалось с двух часов ночи до десяти утра с небольшими перерывами. От этих побоев Талгат Нигматулин скончался. Его предсмертная агония длилась около часа. Самое удивительное, что ещё в самом начале, когда избиение только-только началось, встревоженные шумом соседи вызвали милицию. Наряд прибыл оперативно и застал в квартире разгорячённых молодых людей. На вопрос: «Что здесь происходит?» - хозяйка ответила, что отмечается защита диссертации её мужа. Милиционеры обошли квартиру и ничего подозрительного не обнаружили. Между тем Нигматулин заперся в ванной и молчал, надеясь в дальнейшем на снисхождение своего учителя.

Пробыв в доме ещё несколько минут, милиционеры уехали. А избиение возобновилось с новой силой.

В 13 часов 22 минуты на Вильнюсскую станцию «скорой помощи» поступило сообщение о том, что на улице Ленина умер человек. Прибывшие по вызову врачи констатировали смерть от множественных побоев. У Т. Нигматулина на теле обнаружили 119 повреждений, из них 22 - в области головы. Хозяйка квартиры объяснила всё просто: знакомого на улице избили хулиганы, он с трудом добрался до их дома и здесь скончался. Преступники ещё лелеяли надежду, что всё для них обойдётся. Но даже врач, выслушавший эту версию, тут же в ней усомнился: ведь в подъезде не было ни единой капли крови. Всех вскоре арестовали.

Чуть позднее, во времена гласности, пресса достаточно подробно освещала это преступление. Можно сказать, оно имело большой общественный резонанс и вызвало массу кривотолков. Кое-кто из пишущих пытался повернуть это дело в выгодное для себя русло, наклеив на преступников ярлык вражеских лазутчиков. Так, к примеру, поступил В. Стрелков в журнале «Человек и закон», заявивший буквально следующее: «Именно секретным службам империализма подыгрывают Мирзабай, Абай и многие другие, выдающие себя за экстрасенсов,

телепатов, занимающихся ворожбой и знахарством и готовящих плодотворную почву для посева на ней ЦРУ и другими империалистическими спецслужбами ядовитых злаков антикоммунизма и антисоветизма, мистики и мракобесия».

Между тем суд, состоявшийся вскоре, не стал искать в элементарной уголовщине политического подтекста и воздал каждому по заслугам. Абай Волубаев получил 15 лет тюрьмы строгого режима; Мирза Курбатбаев - 12 лет; Владимир Вострецов - 13 лет. Получили своё и остальные участники преступления. В адрес правления Союза писателей СССР, влиятельные члены которого в своё время весьма лестно характеризовали Мирзу и Абая, суд вынес частное определение.

Нападения на инкассаторов

Банда Евстратова.

В феврале 1985 года в Москве произошло второе за последние два месяца нападение на инкассаторов. Первое случилось 7 декабря 1984 года на Зарайской улице. 21 февраля 1985 года двое преступников напали на инкассаторов, снимавших кассу в одном из магазинов. Нападавшими были Евстратов и Савченко. Эти двое вместе с третьим подельником - Костемеровым составляли одну из дерзких банд, действовавших в Москве.

Евстратов и Савченко жили в одном доме, хотя работали в разных местах: Евстратов - на АЗЛК, а Савченко - в ГАИ. В июле 1981 года Евстратов предложил соседу «подзаработать»: поучаствовать в незаконном вывозе с завода дефицитных запчастей, амортизаторов, радиоприёмников. Савченко с удовольствием согласился. Так начался их криминальный дуэт.

Однако честолюбивые помыслы не давали компаньонам покоя. Хотелось чего-то большего, чем участие в примитивных кражах с завода. Однажды у Савченко появился пистолет. С ним и решили пойти на «серьёзное» дело: ограбить инкассатора, перевозившего деньги в один из подмосковных военных гарнизонов. Но для нападения требовалась машина. И вот в день «х» Евстратов останавливает на шоссе грузовик с надписью «Госкино» и просит шофёра подбросить его к дому. Шофёр, на свою беду, согласился. Через несколько минут Евстратов убил его выстрелом в голову (это было уже второе его убийство: за несколько дней до этого он так же застрелил таксиста и «разжился» 30 рублями его выручки). Сев за руль, Евстратов погнал машину к тому месту, где его давно уже дожидался Савченко. Однако на полпути Евстратова тормозит инспектор ГАИ. Обычная проверка, но она равносильна гибели. Поэтому он прибегает к привычному методу: выхватив внезапно пистолет, стреляет милиционеру в голову. После чего спешно скрывается с места преступления. Нападение на инкассатора отменяется. Однако и без этого

уже пролито море крови.

В 1985 году Евстратов устроился на должность начальника группы караула ВОХР на киностудию имени Горького. И уже спустя несколько дней они вдвоём с Савченко вскрыли сейф в караульном помещении и похитили пять револьверов с патронами. Один из них Евстратов «опробовал» через несколько дней: напал на таксиста в Реутове. Таксист чудом выжил. Но описать подробно налётчика так и не сумел. Бандитам повезло в очередной раз, и возмездие не могло из настичь.

Между тем преступники продолжают мечтать о крупном налёте. Среди множества вариантов они выбирают один. 21 февраля 1985 года нападают на инкассатора, снимавшего кассу в одном из московских магазинов. Двумя выстрелами сразив инкассатора, Евстратов схватил сумку с деньгами и был таков.

Последнее своё преступление бандиты совершили через некоторое время, но уже втроём - к ним присоединился Костемеров. Они решили убить и ограбить кассира киностудии. Для этого Костемеров переоделся в форму милиционера и заявился домой к кассирше. Представился местным участковым. Во время разговора он воспользовался удобным моментом и выстрелил женщине в спину. Затем он завладел ключами и пломбиром от сейфа.

Выручка бандитов в тот раз составила 30 тысяч рублей. Однако участь их была уже решена. Сыщики извлекли из стены в комнате убитой кассирши пулю, которая были идентична похищенным из оружейной комнаты на киностудии. Значит, стрелять могли «свои», со студии. К тому же и сигнализация была грамотно отключена. Через несколько дней после задержания первым сознался в преступлении Евстратов.

На суде выяснилось, что Савченко активно контактировал с западными журналистами: за деньги рассказывал им о неуловимых московских гангстерах, наводивших страх на добропорядочных граждан. Затем эта информация передавалась по «вражьим» голосам.

Все трое были приговорены к расстрелу.

Приход к власти М. Горбачёва

Новый Генсек. Нападение на пост ГАИ в Москве. «Сухой закон». Покушение на «Данаю».

Политическое состояние страны в начале 1985 года характеризовалось одним словом - ожидание. В связи с тяжёлым состоянием здоровья К. Черненко все готовились к приходу нового лидера. Правда, кто им станет, для многих оставалось пока загадкой. Свидетель тех событий Е. Чазов позднее писал: «Черненко постепенно угасал и проводил большую часть времени в больнице. Неопределённость

положения я всегда чувствовал по резкому снижению «телефонной активности». Периодически звонил Горбачёв. Я знал о его сложных отношениях с Черненко и всегда удивлялся неформальным просьбам сделать всё для его спасения и поддержания здоровья. Я не оставлял у Горбачёва иллюзий, сообщая, что, по мнению всех специалистов, речь может идти о нескольких, а может быть, и меньше, месяцах жизни Генерального секретаря ЦК КПСС».

В связи с тем, что дни К. Черненко были уже сочтены, претенденты на его место заметно активизировали свои действия. Старейший член Политбюро Виктор Гришин буквально не отходил от умирающего Генсека, с помощью ТВ демонстрируя советскому народу близкую расположенность к Черненко. 28 февраля 1985 года еле стоявшему на ногах Черненко торжественно вручили удостоверение об избрании его депутатом Верховного Совета СССР. Это мероприятие транслировалось по Центральному телевидению, рядом с Генсеком стоял всё тот же В. Гришин. Е. Чазов по этому поводу писал: «Единственный из Политбюро, кто проявлял активность, был Гришин, руководитель партийной организации Москвы, практически глава руководства столицы... Особенно эта активность проявилась в период подготовки к выборам в Верховный Совет, которые состоялись в начале марта».

Однако и противоположная Гришину сторона - группировка Михаила Горбачёва - не сидела сложа руки. Заручившись поддержкой такой влиятельной силы, как КГБ, она стремилась во что бы то ни стало подорвать позиции В. Гришина прежде всего в столице. В связи с этим череда арестов в среде столичной торговой мафии продолжалась и в 1985 году. Так, 27 февраля, за день до вручения К. Черненко удостоверения депутата, КГБ начал забирать ответственных сотрудников Мосмебельторга. Ещё при Ю. Андропове КГБ «чистил» эту организацию, и её директор Сосновский был даже приговорён к расстрелу. За полтора месяца арестовали ни много ни мало 25 человек.

10 марта 1985 года в 19 часов 20 минут на 74-м году жизни скончался пятый по счёту Генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Черненко. Новым Генсеком стал энергичный выдвиженец Ю. Андропова 54-летний Михаил Горбачёв. Команда В. Гришина потерпела поражение, и дни её фактически были уже сочтены. Приход к власти «своего» Генсека КГБ отметил новыми репрессиями в среде всё той же торговой мафии. 1 апреля, когда В. Гришин находился в официальной поездке в Венгрии, арестовали директора универмага «Сокольники» Владимира Кантора, предварительно согласовав с секретарём МГК Матвеевым. Когда «добро» было получено, операция против В. Кантора началась. В ней участвовало более 400 сотрудников КГБ и МВД. На Петровке 38 создали специальный штаб, и каждый сотрудник, задействованный в операции, получал пакет с заданием непосредственно перед реализацией. Все подробности знали лишь несколько её руководителей.

Майор милиции М. Волков вспоминает: «Дверь в квартиру, где жил

Кантор, напоминала дверцу огромного несгораемого сейфа знаменитых швейцарских банков. Наверное, в Москве не осталось «медвежатника», способного решиться на её вскрытие. (Ну разве что подорвать или разрезать автогеном.)

Квартира же была настоящей антикварной лавкой со множеством предметов старины, богемским стеклом, чешским хрусталём, шикарной коллекцией зажигалок, изделиями из чёрного дерева и картиной Коровина. Но основное богатство этой квартиры - драгоценности - были спрятаны от взора. И надо признать талант хозяина - он был мастер устраивать тайники. Где только не хранились заблаговременно купленные бриллиантовые колье, кольца с рубинами, золотые серёжки с яшмой!.. (И всё с бирочками, с ценой, готовые в любой день отправиться на прилавок.) В карнизах, розетках, под плинтусами и во многих других самых неожиданных местах...

Самое примечательное в том, что Кантор прятал драгоценности не от милиции, а от обычных квартирных воров, потому что до последней минуты не мог поверить в то, что когда-нибудь за ним могут прийти...»

Всего же в ходе обыска у В. Кантора было обнаружено и изъято 749 ювелирных изделий и монет из драгоценных металлов общим весом более 10 килограммов, золота, бриллиантов, серебра и т. д. на сумму 613 589 тысяч рублей.

К моменту, когда арестовали В.Кантора, уже была известна печальная судьба активно сотрудничавшего со следствием Юрия Соколова. Поэтому с первых же дней своего заключения Кантор пошёл в «несознанку». Он рассчитывал, что высокие покровители не оставят в беде, оценят его молчание. Но действительность оказалась суровой: В. Кантор получил 8 лет строгого режима с конфискацией имущества. Слабое здоровье не позволило этому человеку перенести столь тяжкий приговор, и через неделю после его вынесения Кантор скончался. Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть наступила от острой сердечной недостаточности.

КГБ активизировал свои действия не только в Москве. Так, в Узбекистане продолжало «плестись» «узбекское дело». Бригада следователей из союзной Прокуратуры во главе с Тельманом Гдляном буквально терроризировала республиканскую номенклатуру. МВД Узбекистана теряло одного высокопоставленного генерала за другим. 17 мая 1985 года застрелился заместитель министра внутренних дел Г. Давыдов, занимавший этот пост на протяжении вот уже 17 лет и пересидевший трёх министров. В начале августа были арестованы заместитель министра внутренних дел Бегельман и начальник УВД Кашкадарьинской области Нобутаев. 21 августа настала очередь и бывшего министра внутренних дел Узбекистана (1964 - 1979 гг.) Хейдара Яхъяева.

Пока коса репрессий выкашивала одного за другим генералов МВД, рядовой состав пребывал отнюдь не в благостном состоянии. Разгул организованной преступности в Узбекистане, начавшийся ещё в прошлом году, благополучно продолжился и в 1985-м. Во всяком случае, новый заместитель республиканского министра внутренних дел Э. Дидоренко докладывал в Москву следующее: «В настоящее время (данные 1985 г.) в Ташкенте существует около 20 преступных кланов. Ташкент, области и районы республики поделены ими на зоны влияния, что подчас приводит к столкновению между группировками. Для установления своего престижа в антиобщественной среде главари кланов поддерживают тесную связь с лицами из числа воров в законе. По их инициативе созданы общеворовские кассы («общаки»), которые содержат лидеры группировок города Ташкента. Эти кассы используются для оказания помощи осуждённым в местах лишения свободы (в том числе по доставке наркотиков) и подкупа должностных лиц. Более того, лидеры осуществляют все разборы и споры, связанные с выколачиванием путём пыток и истязаний долгов у лиц, проигравших в азартные игры крупные суммы денег (до 300 тысяч рублей и более).

Отмечается, что местные организованные группировки перенимают опыт преступной деятельности мафии».

Однако Москва к подобным докладам оставалась глуха и нема. Заикаться о наличии в нашей стране организованной преступности, мафии, наподобие западной, было в ту пору весьма небезопасно. Порой за это можно было лишиться своего служебного поста. Генерала В. Комиссарова, собиравшегося на коллегии МВД выступить именно на эту тему, вовремя одёрнули: «Ни слова об организованной преступности».

А преступный мир страны не сидел сложа руки. Приход к власти М. Горбачёва воры в законе отметили большой сходкой на побережье Чёрного моря, где под коньяк и хорошую закуску были обсуждены важнейшие вопросы дня: как приспособиться и выжить после смены лидеров в Кремле. Кто-кто, а воры в законе сразу почувствовали, что власть М. Горбачёва установилась всерьёз и надолго.

Результаты этой сходки станут видны лишь через некоторое время, а пока новый начальник МУРа 46-летний Вячеслав Котов уверенно заявил через печать: «Как и повсюду в нашей стране, в Москве ушли в прошлое времена, когда вооружённые банды терроризировали население...»

Вооружённых банд в Москве тогда действительно почти не было, однако бандиты и в то время охотились за оружием. Сентябрьское нападение на пост ГАИ на Рязанском проспекте взбудоражило весь город. Ещё бы, по тем временам подобное преступление было чем-то из ряда вон выходящим.

В тот роковой день ночное дежурство на посту ГАИ несли инспектора милиции И. А. Солорев и С. А. Звёздкин. В три часа ночи к их посту

подкрались двое: некий несовершеннолетний 15-летний Степанов и его старший друг 25-летний Пак. В руках у них были охотничьи ружья, которые они раздобыли несколько дней назад в Балашихинском лесопарковом хозяйстве, убив при этом сторожа.

Вот уже несколько часов бандиты сидели в соседних кустах и ждали удобного момента для нападения. Напряжение от этого долгого ожидания было столь велико, что когда преступники подкрались к посту, у Степанова в руках неожиданно выстрелило ружьё. Элемент внезапности был упущен, но преступники и не думали отступать от задуманного. Пак забежал с другой стороны пикета и дважды выстрелил прямо через жалюзи и стеклянную стену в обоих сотрудников милиции. Через секунду к Паку присоединилось и ружьё Степанова. После этого Степанов вошёл в помещение пикета и добил милиционеров. Когда всё было кончено, убитых обыскали, но, к удивлению преступников, пистолетов не нашли. Гаишники стояли в ночном дозоре без оружия.

В это время подъехала «волга», битком набитая пассажирами. Водитель вышел из машины и направился прямиком к пикету. Потерявшие над собой контроль преступники, не дожидаясь, пока водитель подойдёт ближе, открыли по нему беспорядочную стрельбу. Только дальность расстояния и спасла его от неминуемой гибели. Он бросился назад к машине, сел за руль и мгновенно сорвался с места. В результате этого манёвра один из пассажиров внезапно вывалился из машины на асфальт. Степанов и Пак несколько раз выстрелили, но пассажир, как видно, родился в рубашке. Пули прошли мимо, и мужчина, не дожидаясь, пока новый залп достанет его, бросился бежать в спасительную темноту.

Это неординарное по тем временам преступление вызвало повышенный интерес на самом правительственном верху, и к его расследованию были привлечены лучшие силы угрозыска Москвы. В конце концов преступников изобличили и предали суду. Пака приговорили к расстрелу, Степанова, учитывая его несовершеннолетие, к 10 годам лишения свободы.

Между тем приход к власти энергичного Михаила Горбачёва страна встретила с воодушевлением. Все жаждали перемен, и новый лидер, можно сказать, с лихвой компенсировал это коллективное желание. В мае 1985 года увидел свет указ о борьбе с пьянством, и страна пусть на короткое время, но получила добрый заряд энергии для борьбы за новое, теперь уже трезвое будущее. Уголовная статистика через некоторое время зафиксировала: за время действия этого указа количество бытовых преступлений на пьяной почве пошло на спад.

Однако, как выяснилось гораздо позднее, существовала и иная статистика на этот счёт. Указ о борьбе с пьянством явился одним из первых государственных актов того времени, который заметно криминализировал общество. В нашей стране повторилось то, что произошло в США, когда 16 января 1920 года там вступила в силу 18-я

поправка к Конституции страны, которая объявляла о введении в США «сухого закона». Отныне торговля спиртными напитками стала сферой деятельности выросших как на дрожжах или уже существовавших, но занимавшихся иной деятельностью бандитских группировок. На этом поприще начинал свою преступную карьеру и небезызвестный Аль Капоне.

Многие наши отечественные аль капоне тоже начинали свой путь «наверх» с указа о борьбе с пьянством. О некоем таком мафиози рассказала на страницах одной из газет прокурор Череповца Тамара Гурняк. Вот её слова: «Был у нас в Череповце гражданин по фамилии Берсенёв. Наверное, до самой старости писал бы он в анкете «не привлекался». Но грянул Указ 1985 года о тотальной борьбе с пьянством и превратил гражданина Берсенёва в Берса.

Спустя столько-то месяцев у него было всё, что его душа желала: шикарная квартира, машина, видеоаппаратура, оружие. Начал с того, что спекулировал водкой в одиночку. Потом вовлёк таксистов. Потом - десятки молодых людей. Это была уже целая группировка, у которой возникли другие преступные умыслы. Жертвами становились, как говорится, простые советские люди. И все они считали, что Берс и его подручные - негодяи, а власть тут ни при чём.

Взяли мы Берса на крупном вымогательстве. Сердце у рэкетира оказалось слабеньким, и он отдал Богу душу в камере следственного изолятора. Я наблюдала из окна, сколько крутых ребят шло за гробом, какая двигалась кавалькада такси, и думала: «Сколько же таких берсов появилось после того указа по всей России? Десятки или сотни тысяч? Предвидели ли все последствия этого указа те, кто его подписывал?»

Осознание того, что они наделали в мае 1985-го, придёт в голову кое-кому из высших руководителей через два года. Тогда Председатель Совета Министров СССР Николай Рыжков на одном из заседаний Политбюро поднимет этот вопрос перед своими коллегами. Вот его воспоминания о том дне: «Я несколько раз просил поставить этот вопрос в повестку дня Политбюро хотя бы сверх плана, за повесткой дня. Но Горбачёв не хотел этого. И вот, помню, поздно вечером, последний вопрос... Это было страшное Политбюро. Завелись по-дикому! Я сижу по одну сторону стола. Со мной Зайков, Воротников, Никонов, Горбачёв, Егор Лигачёв, Соломенцев - напротив. И вот как-то получилось, что одна сторона бросилась на ту сторону. А та бросилась на нас. Я говорю: «Хватит! Я, говорю, два года смотрел вам в зубы». Тогда Соломенцев подскакивает, они с Егором вот так, крепко вместе. Соломенцев подскакивает, что-то пытается сказать. Я говорю: «Знаешь, что? А ты сиди и молчи. Ты, говорю, свою бочку уже выпил». Подскакивает Никонов: «А вы орёте, что орёте? Бардак запустили! В стране всё это провалилось с треском! Опозорились! Да надо... Надо немедленно кончать с этой...» Воротников поддерживает меня. Зайков - меня. Те двое: «Михаил Сергеевич, не принимай решение». Я говорю: «Михаил Сергеевич, хватит.

Я вас, Политбюро, пять раз просил, вы не хотели. Я вам заявляю официально: вы обязаны принять решение. Примете решение продолжать такие же фокусы - ставьте на голосование. Победите вы - будем продолжать, нет - кончайте».

И он, когда увидел, что их остаётся человека три всего, заколебался, как всегда, и говорит: «Всё, пусть сами решают, что угодно пусть делают». Я на второй день - после этого как раз большой Совмин был - сказал: «Хватит мучить народ. Мы со своим народом поступаем как с... как с подлецами. Поэтому с сегодняшнего дня кончается вся эта свистопляска...»

Но всё это произойдёт только через два года, а тогда, в 1985-м, эйфория от первых перестроечных указов владела большинством.

Расчищая поле для активной деятельности, М. Горбачёв постепенно отстранял от себя, а затем и вовсе устранил ветеранов Политбюро. Так, в июле 1985 года А. Громыко был перемещён с поста министра иностранных дел на церемониальную должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В том же месяце на пенсию отправили ровесника Горбачёва Григория Романова, не «ветерана», однако весьма опасного в своих амбициозных настроениях и планах.

В октябре того же года на пенсию ушёл и Председатель Совета Министров СССР Николай Тихонов. Медленно и неумолимо М. Горбачёв приближался и к разрешению «проблемы Виктора Гришина». И вот в декабре 1985 года 73-летний В. Гришин был наконец отправлен на пенсию. Первым секретарём МГК КПСС был назначен вызванный из Свердловска ещё летом Борис Ельцин.

В том же декабре разрешилась ещё одна немаловажная для М. Горбачёва проблема - вопрос о новом министре внутренних дел СССР. Дело в том, что недовольство деятельностью В. Федорчука на посту министра МВД достигло своей критической точки. Причём недовольство выражали большей частью не рядовые сотрудники МВД, а высший генералитет, напуганный за свою дальнейшую судьбу. Ведь к тому времени из системы МВД уже уволили 100 тысяч человек, из них 5 тысяч состояли в рядах партии. Из руководящего состава МВД за это от своих должностей были освобождены 346 человек, 12 из них уволены из органов по отрицательным мотивам.

Всё это и стало предметом серьёзного разбирательства на одном из заседаний Политбюро. На нём В. Федорчука впрямую обвинили в развале МВД и в том, что, огульно увольняя заслуженных генералов с работы, Федорчук тем самым дискредитирует советские правоохранительные органы в глазах не только советской, но и мировой общественности. Таким образом, судьба В. Федорчука была решена. На его место рекомендовали 53-летнего Александра Власова, вызванного в Москву из Ростова-на-Дону, где он в течение двух последних лет занимал пост

первого секретаря обкома. До этого А. Власов три года (1972 1975 гг.) работал инспектором ЦК КПСС, его хорошо знали на Старой площади. В 1975 - 1984 годах А. Власов находился в Чечено-Ингушетии на должности первого секретаря обкома. Одним словом, к руководству МВД в который раз пришёл не профессионал, а кадровый партийный работник. На первой же коллегии МВД новый министр обронил знаменательную фразу: «Вы слишком увлеклись борьбой с «беловоротничковой» преступностью».

Доля истины в этом заявлении нового министра была. Но только доля. В последние месяцы пребывания на посту министра внутренних дел В. Федорчука правоохранительные органы страны активизировали свои действия и против уголовной преступности. В 1985 году в Днепропетровске была разоблачена группа, возглавляемая сыном упоминаемого ранее Матроса (А. Мальченко). Сам же Матрос в ноябре 1985 года был приговорён к 12 годам лишения свободы (первый срок он получил в 1983 году за оказание сопротивления работникам милиции и незаконное хранение боеприпасов - 3 года). Вместе с Матросом к различным срокам лишения свободы приговорили ещё 19 человек из его некогда неуловимой «команды».

В череде громких преступлений 1985 года нельзя не отметить то, что произошло в ленинградском Эрмитаже, когда один из посетителей попытался уничтожить знаменитую картину Рембрандта «Даная».

Великий голландец написал эту картину в 1636 году, а в 1772 году из коллекции француза Пьера Кроза она перекочевала в Эрмитаж. Более двухсот лет эта картина демонстрировалась миллионам людей, пережила две революции, три войны, но ни в одном из этих катаклизмов не пострадала. И вот наступил июнь 1985 года.

В том месяце в Ленинград из Каунаса приехал Брюнес Майгис. 48-летний мужчина, холостой, с 1978 года нигде не работающий, он ненавидел Советскую власть, которая в 1944 году расстреляла его отца. Мечтая совершить что-нибудь неординарное, какой-нибудь публичный акт, от которого власти схватились бы за голову, он перебрал в уме массу всевозможных вариантов начиная от покушения на какого-нибудь руководителя и кончая актом самосожжения на Красной площади. Однако ни один из этих вариантов его не удовлетворял. Он уже совсем отчаялся что-нибудь придумать, когда вдруг ему в руки попал журнал «Огонёк», в котором он увидел цветные репродукции знаменитых картин. «А что, если попробовать уничтожить все эти картины? подумал про себя Майгис. - До меня этого ещё никто не делал». После этого Майгис стал методично готовиться к предстоящей акции.

Первоначально он хотел войти в зал Эрмитажа и взорвать одну из картин с помощью взрывного устройства. «Чтобы только щепки от неё остались!» Однако затем он прикинул, что в зале могут быть люди, а убивать кого-либо в его планы не входило. «Хоть я и не люблю Советскую власть, однако не до такой же степени», - подумал он и решил

использовать серную кислоту. Правда, и взрывчатку он с собою в Эрмитаж прихватил, привязав её к ноге под брюками. Как говорится, на всякий случай. Литровую же банку с кислотой он приспособил у себя под пиджаком и утром 15 июня (в день национального праздника, отмечавшегося когда-то в буржуазной Литве) отправился в Эрмитаж.

В зал № 34, где демонстрировалась «Даная», он вошёл в 11 часов утра. Там в эти часы были люди, поэтому Майгис окончательно решил, что использовать взрывчатку он не будет. Подойдя к картине, он спокойно достал из-под пиджака банку и, не обращая внимания на посетителей, принялся методично выплёскивать кислоту на полотно картины. Выплеснув всю банку, он достал из кармана нож и стал наносить им удары по холсту. Кто-то из зрителей, пришедший, видимо, в себя, громко закричал, и из соседнего зала к месту происшествия тут же прибежал милиционер. Увидев мужчину, размахивающего ножом, он подскочил к нему сзади и одним ударом выбил нож у него из рук. После этого милиционер обхватил преступника обеими руками и повалил на пол. К счастью для всех, взрывчатка, спрятанная на ноге, так и не взорвалась.

Следствие по этому беспрецедентному делу длилось всего два с половиной месяца. 26 августа 1985 года состоялся суд. Учитывая, что врачи, обследовавшие Майгиса, поставили ему диагноз «вялотекущая шизофрения», приговор был предрешён заранее: принудительное лечение в психиатрической клинике. Ни о какой политической подоплёке этого преступления речи в суде не заходило.

Между тем обезображенная «Даная» около 4 лет находилась в реставрации, несмотря на серьёзные повреждения, картину удалось-таки спасти. Но на это было истрачено более 190 тысяч рублей. В 1997 году руководство Эрмитажа обещает вновь выставить её на всеобщее обозрение. Правда, теперь она будет скрыта от «потрошителей» пуленепробиваемым стеклом, что в свете произошедшего с ней является мерой отнюдь не лишней.

Каннибалы, Михасевич и другие

Людоеды из Казани. Аресты маньяков в Белоруссии и Иркутске.

Летом 1985 года в Казани прервалась шестилетняя каннибальская кровавая эпопея Алексея Суклетина, охранника садоводческого товарищества «Каенлык», и его 31-летней сожительницы Мадины Шакировой.

На скользкую дорожку преступлений эта парочка встала ещё в ноябре 1978 года. Но первые преступления вполне укладывались в разряд обычных, так сказать, рядовых. В них Шакировой принадлежала роль роковой обольстительницы какого-нибудь доверчивого таксиста, а Суклетин и его напарник изображали ревнивого мужа и его друга,

которые «случайно» раньше времени возвращались домой и заставали там фривольную сцену. Бурный скандал обычно заканчивался полюбовно: с таксиста брали откупного, то есть всю его выручку за день работы.

Но осенью 1979 года в А.Суклетине проснулся зверь, и он решил совершать «систематические убийства лиц женского пола для последующего употребления их в пищу». О своём намерении он сообщил Шакировой и потребовал от неё помощи. Шакирова согласилась. В ноябре 1979 года Суклетин привёл в дом молодую девушку Екатерину Осетрову. После половой связи с ней Суклетин молотком, обмотанным тряпкой, ударил её по голове. Затем положил жертву в корыто, принесённое Шакировой, и ножом перерезал ей горло. После этого они напару расчленили тело несчастной. Часть трупа закопали возле дома, а остальное в течение нескольких дней употребляли в пищу.

Первое убийство, прошедшее без сучка, без задоринки, подвигло зловещую парочку на новое преступление. Буквально через два месяца, 13 января 1980 года, была умерщвлена Татьяна Илларионова. После этого убийства пошли одно за другим. В феврале - 15-летняя Резеда Галимова, в марте - Надежда Ситявина, в мае - Наташа Школьникова, в июле - 11-летняя Валя Еликова. Последнюю Суклетин изнасиловал, затем, так же как и остальным жертвам, хладнокровно перерезал горло. Тело разделывали вместе с Шакировой.

Однако после этого убийства отношения у парочки не заладились. Они крепко разругались, и Шакирова ушла от Суклетина к родителям. Суклетина это не очень сильно опечалило. Вскоре он обзавёлся новой любовницей - 23-летней Лилией Фёдоровой, а заодно приобрёл ещё и друга в лице её родственника Анатолия Никитина. Отношения с новой подружкой у Суклетина длились три года. 12 марта 1985 года наступила развязка. В тот день Суклетин и Никитин договорились убить Фёдорову. Прежде чем это сделать, Никитин изнасиловал её, потом сел на несчастную и крепко схватил её за руки. Суклетин же, вооружившись кухонным ножом, привычными движениями перерезал девушке горло. Мужчины расчленили тело убитой, часть употребили в пищу, а остальное спрятали в трансформаторной будке.

С 18 марта Суклетин стал вновь сожительствовать с Шакировой. То, каким способом Суклетин расправился с Фёдоровой, для неё тайны не составляло: возлюбленный сам ей всё и рассказал.

Летом 1985 года Суклетин и Шакирова решили «тряхнуть стариной» и «раскрутить» какого-нибудь доверчивого таксиста. Однако на этот раз их афёра не удалась. Таксист заявил на них в милицию. Милиция провела обыск на квартире Суклетина и нашла вещи, которые они брали напрокат по документам пропавших женщин. Так, можно сказать, случайно была остановлена кровавая эпопея убийц-людоедов. Суклетин по приговору суда был вскоре расстрелян, Шакирова получила 15 лет строгого режима.

Осенью того же 1985 года в Белоруссии был наконец схвачен сексуальный маньяк, 38-летний Геннадий Михасевич, на счету которого за 13 лет «охоты» было 34 человеческие жизни. По этим уголовным делам в разное время арестовали 14 (!) невиновных людей. Один из них был приговорён к расстрелу, остальные получили различные сроки заключения.

Прошедший 1984 год стал для Михасевича самым «активным»: он убил 12 человек. И даже несмотря на схожесть всех этих преступлений, следствие продолжало считать, что совершают их разные люди. А ведь там всё лежало буквально на поверхности, стоило только внимательно всмотреться в обстоятельства гибели женщин. Все они находились неподалёку от дорог, все были задушены одним способом - резко стянутой на шее косынкой, шарфом или пучком травы. Совпадали и другие детали. Но замечать очевидные вещи никто тогда не хотел, боялись испортить статистику, ведь неуловимость маньяка могла выйти боком местным сыщикам.

Однако нашёлся всё-таки человек, который обратил внимание на все эти детали. Этим человеком оказался следователь прокуратуры Белоруссии Николай Игнатович. К тому времени всё руководство правоохранительных органов Белоруссии (после «мозырского дела») отправили в отставку, и новые начальники должны бы по-иному взглянуть на ситуацию. Однако этого не произошло. В январе 1984 года Михасевич убил ещё одну женщину - студентку Татьяну Кацуба, и по этому делу был привлечён к ответственности невиновный О. Адамов, вскоре получивший по суду 15 лет тюрьмы. Уверенный в том, что О. Адамов не причастен к этому убийству, Н. Игнатович начал собственное расследование по всем (более тридцати) похожим убийствам.

Первым делом он набросал на карте путь следования каждой потерпевшей и выяснил: все намеченные им маршруты стягиваются от Лепеля и Витебска к Полоцку. Значит, вполне вероятно, преступник живёт именно там. Несомненным являлся и тот факт, что преступник располагал автотранспортом, ведь все погибшие были найдены недалеко от шоссейных дорог. Видимо, они «голосовали» на дорогах, преступник сажал их к себе в машину, увозил и убивал в укромном месте. Одна из подружек погибшей вспомнила: она видела, как её подруга садилась в красный «запорожец». После этого было проверено 200 тысяч машин, из них 7 тысяч - красных «запорожцев».

Между тем Г. Михасевич, будучи внештатным помощником милиции дружинником, сам активно участвовал в поисках... самого себя. Он стоял в пикетах на дорогах, проверял документы у водителей. Именно тогда он понял, что поиск неуклонно сдвигается из Витебской области к Полоцку, всё ближе к его родному посёлку Солоники. На дворе стояла осень 1985 года.

И тогда, желая увести следствие в другую сторону, Михасевич

изменённым почерком пишет письмо в областную газету «Витебский рабочий», в котором указывает, будто гибель всех женщин - это месть мужчин своим «изменницам». Внизу Михасевич поставил подпись: «Патриоты Витебска». Но отправляя своё послание, Михасевич не учёл опыта и профессионализма человека, который вёл следствие. За столько лет своей безнаказанной преступной деятельности Михасевич окончательно утвердился во мнении, что в нашей правоохранительной системе работают одни дилетанты. И впервые ошибся. Эта ошибка станет для него роковой.

Н. Игнатович, получив письмо, сразу понял - они на верном пути. Письмо выдавало испуг преступника и горячее желание увести следствие в другую сторону, к Витебску. Поиски продолжались, причём действия всех звеньев следствия были предельно энергичными и точными. Сыщики провели тщательную графологическую экспертизу, исследовав около 80 тысяч квитанций подписчиков газеты «Витебский рабочий»; 312 тысяч карточек в паспортных столах; более 18 тысяч жалоб и заявлений. Всего же тогда исследовали 556 тысяч образцов почерка!

Михасевич, видя, что его затея с письмом не удалась и следствие продолжает сужать круги вокруг него, решил действовать более решительно. В один из осенних дней 85-го года он приехал в Витебск и вечером нашёл свою очередную жертву. Убив её всё тем же испытанным способом, он оставил на её теле записку с тем же текстом, какой отправил в газету, и подписью: «Патриоты Витебска». Ему казалось, на этот раз его трюк удастся. Он не знал, что сыщики уже напали на его след. Исследуя его естественный почерк на всех документах, которые Михасевич вёл последние несколько лет, следователи обнаружили: там, где документы заполнялись в спешке, почерк, меняясь, становился похожим на тот, что был в письме «патриотов Витебска». Так была установлена возможная причастность к преступлениям 38-летнего заведующего совхозными ремонтными мастерскими, отца двоих детей Геннадия Михасевича, в гараже которого стоял «запорожец» красного цвета.

В день его задержания три группы захвата отправились по трём адресам, где он мог находиться. Дома Михасевича не оказалось, на работе - тоже. Выяснили, что преступник направился в соседнее село попрощаться с родственниками: он отправлялся в месячный отпуск в Одессу. В этом селе его и задержали оперативники. В момент ареста Михасевич был невозмутим, даже сказал жене: «Это ошибка, я скоро вернусь». На его руках к тому времени была кровь 36 женщин.

Через несколько месяцев после ареста Г. Михасевича на руках ещё одного сексуального маньяка защёлкнулись стальные наручники. 17 января 1986 года, в день своего рождения, в Иркутске был схвачен 30-летний Василий Кулик, врач «скорой помощи», совершивший к тому времени 13 убийств. От его рук погибли шестеро девочек и мальчиков и семь пожилых женщин. Самой младшей жертве было 2 года 7 месяцев,

самой старшей - 75 лет.

В тот день, 17 января, родные Кулика с вечера готовили праздничный стол для именинника. Между тем сам виновник предстоящего торжества рыскал по вечернему Иркутску в поисках очередной жертвы. Желание «порадовать» себя в столь знаменательный день прибавляло маньяку сил. Вскоре жертва маленький мальчик - была найдена и обманом завлечена в одно из заброшенных зданий. Кулик приступил к своему грязному делу. Но судьба отвернулась от него. То, как он с мальчиком зашёл в пустой дом, заметила повар столовой сельхозинститута, что стоял напротив. Вместе с подругами она подняла неимоверный шум, спугнувший маньяка. Кулик выскочил из дома, но привлечённые криком прохожие бросились за ним в погоню. Среди них оказались двое молодых людей - Николай Модонов и Илья Хонгодоров, - именно они и догнали уже перелезавшего через забор маньяка и в считанные секунды скрутили его по рукам. Кровавая эпопея иркутского монстра завершилась.

В ходе следствия В.Кулик признался в преступлениях и рассказал, что на протяжении последних трёх лет совершил 13 умышленных убийств на сексуальной почве в городах Иркутске и Кировограде. Он признался также в изнасиловании нескольких малолетних девочек и мальчиков, но эти жертвы остались живы.

Однако затем он сделал заявление, что абсолютно непричастен к тем преступлениям, которые ему инкриминировались, просто он оговорил себя. Несмотря на это, дело его всё же было направлено в суд. Однако в суде Кулик проявил чудеса изобретательности и рассказал, будто совершал преступления под воздействием группы шантажистов во главе с мужчиной по кличке Чибис, и те, угрожая убийством его родных и близких (Кулик был женат и имел малолетнего сына), принудили дать такие показания, дабы скрыть собственные многочисленные уголовные деяния.

Короче, эти и некоторые другие обстоятельства послужили основанием для возвращения судом дела на дополнительное расследование. Его поручили вновь сформированной следственно-оперативной группе во главе со следователем Н. Китаевым.

Н. Китаев, понимая, какой хитрый и изворотливый противник достался ему, пошёл с самого начала. В первых своих показаниях Кулик сообщил об изнасиловании им двух девочек. Сразу найти их так и не удалось. Группа Н. Китаева попыталась поиски возобновить, и девочек всё-таки нашли. Те на очной ставке с Куликом опознали в нём своего насильника. После этого Н. Китаев собрал ещё с десяток весомых доказательств, изобличающих Кулика в изнасилованиях и убийствах. 15 июня 1987 года под давлением бесспорных фактов Кулик во всём сознался.

Однако до конца всё-таки не сдался и не смирился с собственной

судьбой. Сидя в одиночной камере, он тщательно готовился к побегу, вооружался. У него неоднократно изымали бритвенные лезвия, металлический стержень с заточенным концом, заставали за изготовлением ножа. Он постоянно тренировался в рукопашном бою (раньше Кулик занимался боксом), набивал кулаки и накачивал мускулы. Но это ему не пригодилось. 11 августа 1988 года палач привёл в исполнение справедливый приговор над маньяком.

В том же 1986 году, летом, череда сексуальных преступлений потрясёт и Московскую область. Страшные слухи о некоем маньяке Фишере будут долго будоражить москвичей от мала до велика. Самое страшное, что объектом посягательств преступника были дети.

Началось же всё в одном из подмосковных пионерлагерей, где пропал мальчик. Через день его обезглавленное тело было найдено неподалёку от лагеря со следами садистских надругательств. Друг убитого поведал следствию о том, что за несколько дней до этого они с покойным повстречали в лесу неизвестного мужчину, который представился им Фишером. Тот рассказал мальчикам, будто скрывается в лесу от милиции, здесь же и живёт, и попросил их принести ему какой-нибудь еды. Мальчики ежедневно ходили к нему в лес и носили пищу из лагерной столовой. В день убийства Вася, так звали второго мальчика, услышал от друга неожиданную новость: мол, он больше к Фишеру не пойдёт и пусть Вася от него отстанет со своими расспросами. Однако Василий заподозрил неладное и решил проследить за своим другом. А тот вдруг в конце дня внезапно собрался и незаметно для всех отправился в лес. Вася пошёл следом. Он видел, как его друг встретился с Фишером, как они разговаривали о чём-то, потом вдруг Фишер вытащил нож и стал бить им мальчика.

Молва об этом диком преступлении дошла до самого «верха». Информацию о случившемся лично потребовал Председатель Президиума Верховного Совета СССР Андрей Громыко. Дело приняла к своему производству следственная часть Прокуратуры РСФСР. Но, несмотря на все старания опытных сыщиков, преступник тогда так и не был найден и изобличён. Поймают его только в октябре 1992 года, когда он убьёт ещё 10 подростков. Однако об этом рассказ впереди.

«Волгоградское дело» и должностные преступления

Дело начальника Волгоградского УВД. Смерть Васи Бриллианта.

Между тем новый министр внутренних дел СССР Александр Власов начал энергичную кампанию против мрачного наследия «федорчукизма». За несколько первых месяцев 1986 года только одних жалоб на произвол бывшей администрации В. Федорчука от работников милиции пришло на имя А. Власова более 30 тысяч. Новому министру предоставилась

счастливая возможность выступить в роли восстановителя справедливости и заметно поднять свой авторитет в среде сотрудников МВД.

Тем временем перестройка, затеянная командой энергичного Михаила Горбачёва, с каждым днём набирала свои обороты. Гласность делала свои первые шаги, и первые жертвы новых революционных преобразований попали в жернова перестроечной мельницы.

27 мая 1986 года в городе Волгограде при выходе из своего дома был арестован начальник Волгоградского УВД (этот пост он занимал с 1970 года) генерал Константин Иванов. Ему предъявили обвинение во взяточничестве и хищениях в особо крупных размерах и после 23-дневного содержания в местном СИЗО отправили в Москву, в «Матросскую тишину».

Ещё в сентябре 1985 года органы КГБ взялись за каналы хищения продукции на Волгоградском мясокомбинате и ликеро-водочном заводе. Арестовывая одного за другим расхитителей, чекисты вскоре вышли на начальника управления вневедомственной охраны полковника А. Шумилина и начальника ХОЗО Волгоградского УВД полковника А. Кириллова. Последний брал взятки с поступающих в Волгоградскую высшую следственную школу, и чекисты во время ареста обнаружили у него дома ценностей на сумму 72 тысячи рублей. Во время следствия оба арестованных не стали долго отпираться и рассказали, что для шумных застолий, на которых присутствовали многие высокопоставленные государственные и партийные чиновники брежневской поры, брали напитки и продукты у директоров мясокомбината, ликеро-водочного завода и кондитерской фабрики по личному указанию начальника УВД К. Иванова.

После этих показаний за Ивановым было установлено негласное наблюдение, в конце концов приведшее к его аресту в мае 1986 года. Этот арест санкционировался на самом «верху» и, безусловно, имел под собой не только уголовную, но и политическую подоплёку. К тому времени новое партийное руководство определилось в своём курсе на разоблачение ошибок и преступлений как давнего, так и близкого прошлого, и арест высокопоставленного генерала МВД, единственного начальника УВД в стране, имевшего звание лауреата премии Совета Министров СССР, должен был открыть серию арестов бывших выдвиженцев Брежнева.

В достопамятные времена Волгоградское управление внутренних дел приказом Н. Щёлокова определялось как базовое для проведения всесоюзных семинаров и совещаний. С тех пор какие только руководители самых различных рангов и званий не наведывались в Волгоград. Всем им, без исключения, оказывался самый радушный приём, и молва о тех шумных застольях широко гуляла по стране. И вот теперь настала пора эти застолья публично развенчать. В обвинительном заключении по делу

К. Иванова называлась даже конкретная сумма, потраченная на эти пиршества: 18 696 рублей. Перестроечная пропаганда затем вовсю отыгралась на этом деле.

2, 3 и 4 декабря 1987 года Центральное телевидение показало документальный фильм «Трясина», подготовленный творческой группой передачи «Человек и закон». Фильм демонстрировался сразу после того, как 1 декабря в Волгограде Верховный суд РСФСР вынес приговор всем обвиняемым по этому делу: К. Иванов получил 10 лет тюрьмы, А. Кириллов - 11, А. Шумилин - 5 и А. Тютюнов - 12. Следователь по особо важным делам Прокуратуры РСФСР Б. Исаенко в газете «Советская культура» заявил: «Это была самая настоящая преступная организация. Если хотите - мафия. Чем они занимались?

Начальник управления К. Иванов, его заместитель А. Тютюнов, курировавший службы БХСС и вневедомственной охраны, начальник управления вневедомственной охраны А. Шумилин и начальник хозяйственного отдела УВД А. Кириллов организовали регулярные хищения продукции с местного ликеро-водочного завода, городского молочного завода, мясокомбината, кондитерской фабрики. Кроме того, все они регулярно получали взятки как деньгами, так и ценными подарками.

Не могу не вспомнить рассказ одного из его подчинённых. Не буду называть фамилию этого человека - он был в этой истории не столько свидетелем, сколько пострадавшим.

В течение 15 лет он поднимался в 3 часа ночи. В 4 утра он был на местном стадионе «Динамо», выставляя там охрану из постовых милиционеров. Затем лично проверял беговую дорожку, убирал камешки. В 5 утра на стадион ступал сам Иванов.

После серии оздоровительных забегов генерал шёл в подготовленную сауну. Путь от стадиона до парилки и бассейна устилался чистыми простынями. В бассейне дежурил другой сотрудник, в чьи функции входило постоянно поддерживать температуру воды для генеральского тела не выше и не ниже 24 градусов...

Когда Иванов ехал по городу, никто из других водителей не имел права его обгонять. Тот, кто рискнул это сделать, тут же останавливался, и Иванов своей генеральской рукой молча рвал его водительское удостоверение, после чего двигался дальше».

Подобные статьи в то время появлялись чуть ли не каждый день во всех центральных, республиканских и областных газетах. Тогда казалось, чем больше разоблачённых из среды сильных мира сего явится миру, тем светлее и чище станет наша жизнь в дальнейшем. К сожалению, сегодняшняя действительность доказала обратное. На смену одним «хозяевам жизни» пришли другие, не менее жадные в своих запросах и

наглые в своих поступках. Жизнь вернулась на круги своя, и бывшие «золотые перья» перестроечной журналистики теперь хранят гробовое молчание относительно нынешних ивановых и тютюновых.

Возвращаясь к 1986 году, следует отметить, он стал самым урожайным за многие годы по количеству осуждённых за должностные преступления. Новая власть лезла из кожи вон, лишь бы доказать своим согражданам, как она беспощадна к высокопоставленным хапугам и мздоимцам. Пощады порой не было никому. Когда осенью 1986 года в Ворошиловградской области был подвергнут незаконному аресту заведующий корреспондентским пунктом журнала «Советский шахтёр» В. Берхин, это вызвало целую бурю возмущения и гнева на самом кремлёвском верху. Тут же последовали карательные меры по отношению к зарвавшимся чиновникам. Со своих постов полетели прокурор области В. Шаталов, начальники местных УВД и УКГБ Г. Ветров и А. Диченко.

Но существовали примеры, правда о которых всплывала значительно позже: когда власть использовала МВД в своих мелкокорыстных интересах.

В 70-е годы в системе МВД существовали специальные подразделения по борьбе с преступным посягательством на антиквариат. В начале 80-х, при Ю. Андропове, эти подразделения упразднили. Но в 1986 году, уже при А. Власове, они вновь появились в структуре МВД. И заработали, что называется, в полную силу. В сентябре 1986 года МВД провело широкомасштабную операцию в Москве, Ленинграде, Одессе, Риге, Таллине, во время которой были изъяты филателистические коллекции у десятков коллекционеров, многие из них были с мировым именем. В Москве, например, обыску подвергся известный драматург Виктор Розов.

Через некоторое время все эти коллекции возвратили их законным владельцам, правда, с одним нюансом: часть марок так и исчезла в недрах МВД. Эти марки как конфискованные поступили в продажу через систему государственной комиссионной торговли. В подобной конфискации были заинтересованы прежде всего высокопоставленные филателисты со Старой площади, которые таким способом пополнили свои коллекции. Потом марки стали в большом количестве всплывать на Западе, где за них платили баснословные деньги.

В 1986 году специалисты из НИИ МВД впервые за долгие годы гробового молчания заговорили о создании в стране спецподразделений по борьбе с организованной преступностью. К тому времени наша отечественная мафия уже крепко стояла на ногах, и не замечать её у себя под носом было бы верхом политического цинизма и разгильдяйства. Но и признавать за ней настоящую реальную силу тогда тоже никто из власть предержащих не собирался. Поэтому ограничились полумерами. При Управлении уголовного розыска МВД СССР создали всего лишь отделения по борьбе с организованной преступностью.

Не утруждая себя поисками чего-то нового, союзное МВД решило вновь использовать опыт далёких пятидесятых годов и организовать очередные гонения на воров в законе. Их стали искусственно компрометировать, применять к ним все меры силового давления и репрессии. Заработала во всю мощь тюрьма в Соликамске под названием «Белый лебедь», где «обламывали» самых строптивых. Знаменитый 70-летний вор в законе Владимир Бабушкин по кличке Вася Бриллиант, не сломленный в 50-е годы, намеревался собрать общий воровской сход, на котором хотел предложить коллегам обсудить складывающуюся тревожную ситуацию. Однако ему этого сделать не позволили. Его арестовали и поместили в камеру-одиночку в «Белом лебеде». В январе 1986 года в разговоре с сотрудниками КГБ, которые с трудом добились с ним встречи в Соликамской ИТК-6, Бриллиант объяснил свою изоляцию просто: власти боятся, что авторитет таких воров в законе, как он, не даст расколоть на мелкие части воровской мир России, стравить воров друг с другом. Такой раскол, по мнению Бриллианта, не принесёт ничего, кроме вреда, ведь воры в законе - это цемент, на котором держится преступный мир России. Стоит только расшатать этот цемент - и страну захлестнут уголовный беспредел и насилие.

Но тогдашняя власть шла умышленно - или по неведению, что малоправдоподобно, - на раскол преступного мира. Вскоре, в том же 1986 году, Бриллиант был найден повешенным в своей одиночной камере. Дело списали на самоубийство.

Проституция и наркомания

«Белый танец». На игле. Захват самолёта в Уфе.

Между тем новый министр внутренних дел был полон уверенности и оптимизма. Он, в частности, сказал: «По стране преступность снизилась в 1986 году по сравнению с 1985 годом на 4,5%. Количество убийств уменьшилось на 21,7%, тяжких телесных повреждений - на 24%, разбойных нападений и грабежей - на 25%.

Действительно, криминальный мир 1986 года был куда спокойнее и «добропорядочнее», чем сегодняшний. Однако следует отметить и тот факт, что именно тогда закладывались основы тех явлений, с которыми правоохранительным органам страны придётся столкнуться в недалёком будущем. Например, в 1986 году в ИТУ РСФСР из различных республик было направлено около 700 воров в законе. И это вскоре заметно осложнило оперативную обстановку в России. Уже тогда в той же Москве вовсю действовали преступные группировки, поделившие столицу на сферы влияния. Уже тогда окрепшие за несколько лет пребывания в городе представители Азербайджана имели солидный вес и репутацию в криминальном мире столицы.

К примеру, группировка некоего Фантомаса контролировала

спекулянтов импортными товарами, часть магазинов «Берёзка», пункт обмена валюты у Курского вокзала, а также рынки: Центральный, Ленинградский и Черёмушкинский. Эта банда имела надёжные связи с Турцией, Пакистаном и Ираком, откуда к ней поступали валюта и наркотики. Она насчитывала в своих рядах около 150 человек и в основном базировалась в ресторанах «Узбекистан» и «Арагви». В конце 1986 года московские сыщики арестовали одного из членов банды и убедили дать показания в суде. Однако во время процесса этот человек испугался мести со стороны своих коллег по группировке и от всех показаний, данных им ранее, отказался.

Помимо торговли фруктами и овощами, клан азербайджанцев прочно захватил в свои руки и цветочный бизнес в столице. Случилось это в том же 1986 году, когда азербайджанцы победили кооператоров с Украины и из Прибалтики. Тогда в Москве появился кооператив «Наш сад», через который и шла основная торговля цветами в городе. Этот бизнес считается одним из самых безопасных и прибыльных. Миллион рублей, вложенный в цветы, через неделю давал изворотливым бизнесменам доход в три миллиона. По этим цифрам можно судить о годовых доходах цветочных королей.

Тогдашняя советская пресса, делавшая первые шаги на ниве гласности, про все эти «кавказские тайны», естественно, молчала, зарабатывая себе авторитет на разоблачении «ночных бабочек-путан», наркоманов и «люберов». В авангарде этого движения шёл «Московский комсомолец», на страницах которого впервые перед советским читателем представали обитатели «дна» проститутки, карточные шулера («каталы»), фарцовщики со Смоленского треугольника. Одной из самых громких в 1986 году стала статья в «Московском комсомольце» Евгения Додолева под названием «Белый танец» - о валютных проститутках, промышлявших на «уголке» (угол гостиницы «Националь») и в «Контике» (гостиница «Международная» при ЦМТ). После этой статьи страна впервые узнала о новых своих «героях» и с удивлением прочитала об их баснословных заработках. Приведу отрывок из неё: «По словам подружек, за пять лет Блоха шагнула за 100-тысячный рубеж: всё у неё есть - квартира, машины, мебель роскошная, любовник, ребёнок, да и муж, наконец, хоть и работает в комиссионке, а как дитё, требует ухода и забот... А вот у С. А. Барабаш (которая зарабатывала свои 100 долларов за 10 минут) при обыске изъято только облигаций трёхпроцентного займа на сумму 250 тысяч рублей! Каково?»

Напомню, в те достопамятные времена средняя зарплата по стране исчислялась всего двумя сотнями рублей, поэтому было от чего поразиться простой советской учительнице или врачу, читая подобные строки. Пройдёт совсем немного времени, и огромная армия молодых и здоровых девчат вольётся в ряды проституток, чтобы ударным трудом достичь «высот» той же Блохи или С. А. Барабаш. И это несмотря на то, что практически все публикации подобного рода содержали не призыв

идти в проститутки, а, напротив, предупреждение: «Берегите, девушки, честь смолоду!» Как, например, в статье, напечатанной тогда в «Крокодиле»: «У современной проститутки - в отличие от дореволюционной - в самом деле нет социальных корней. Но живучий порок обходится и без них: ему хватает нравственных корней - таких, как распущенность, бездуховность, алчность. Алчность - вот основная движущая сила сегодняшних проституток. Алчность, а отнюдь не нужда...»

Валютные проститутки в Москве открыто появились после фестиваля молодёжи и студентов в 1957 году. К началу 60-х годов в столице были известны только три путаны, которых в лицо знали все милиционеры на улице Горького и дружинники. К началу 70-х годов их насчитывалось уже несколько десятков.

В середине 80-х годов в Москве на поприще сводничества «блистала» бандерша по имени Нина. В своё время, в конце 70-х, она сама занималась проституцией, но попалась на мелкой краже и была отправлена в колонию. В 1981 году освободилась и, вернувшись в столицу, решила с древней профессией завязать и заняться сводничеством. Благо девушек, испытывавших материальные трудности, было предостаточно, и они соглашались «подработать» под опекой заботливой Нины. Вскоре у расторопной бандерши сколотилась внушительная команда девушек различных возрастов. Установилась и такса: минимум - 100, максимум - 150 рублей за ночь. То есть почти месячный оклад инженера на каком-нибудь заводе или в НИИ. Таким образом, размер выручки самой Нины за вечер достигал иногда 500 рублей.

Фирма росла и крепла. На неё работали таксисты, развозившие клиентов «по девочкам», существовал телефон, по которому можно было сделать заказ. Чтобы уладить всевозможные конфликты с милицией, Нина оформила документы на удочерение девочки, от которой отказалась одна из её подопечных. Придраться к матери-одиночке гораздо труднее. И всё-таки в 1986 году к ней придрались. После того как проблема проституции была поднята на страницах газет, от милиции потребовали решительных мер. И первым, кто ощутил на себе эти меры, оказалась бандерша Нина и её фирма. Сводницу осудили на длительный срок лишения свободы, девочек разогнали. По законам того времени милиция могла лишь предупредить проститутку, взять с неё объяснительную записку или направить на принудительное лечение от венерической болезни. Поэтому многие из «фирмы Нины», отсидевшись дома, затем вновь вернулись на панель.

В том же 1986 году советская печать впервые громогласно заявила о наличии у нас наркомании. Количество вышедших в свет статей на эту тему было не меньшим, чем публикаций о проституции. Вполне возможно, вызвано это было тем, что за два последних года (1985 - 1986 гг.) по стране насчитывались самые большие приросты среди наркоманов, и особенно токсикоманов (сказывалась борьба с пьянством). За это время

число находящихся на наркологическом учёте стало больше на 10 с лишним тысяч увеличение такое же, как за 14 лет (с 1972 по 1986 год). Количество токсикоманов росло особенно быстро и за те же два года почти удвоилось. На 1 января 1987 года армия наркоманов достигла 48 тысяч, среди них - 43 тысячи наркоманов и 5 тысяч токсикоманов.

В 1955 году общая численность находившихся на наркологическом учёте с одним из двух диагнозов - «хроническая наркомания» и «хроническая токсикомания» - составляла в СССР 1854 человека в расчёте на 100 тысяч жителей охваченных учётом республик. В РСФСР учтённых больных было 0,9% на 100 тысяч жителей, в Туркмении (самый высокий уровень) - 7,4, в Литве - 0,1% (самый низкий).

С 60-х годов количество наркоманов в стране стало уверенно расти. Спрос на наркотики рождал наркотическую мафию, прибыли которой и тогда исчислялись баснословными суммами. Банда знаменитого Монгола (Геннадия Корькова), действовавшая в Москве в 60-е годы, занималась обложением данью торговцев наркотиками.

В 70-х годах, когда советская молодёжная субкультура тесно соприкоснулась с западной, количество наркоманов стало уверенно расти. 5 сентября 1986 года «Вечерняя Москва» опубликовала исповедь девушки, пристрастившейся к наркотикам именно в те годы:

«Жила я в центре, на улице Герцена, училась в английской спецшколе. Дед работал в МВД, отец и мать - инженеры. Как водится, вполне благополучная семья. Потом мы переехали в другой район. Я же продолжала ездить в центр к прежним друзьям.

Тогда, в начале семидесятых, в Москве появились хиппи, хипари, как их тогда называли. Попала к ним и я. По вечерам мы шатались по «плешке» - это возле фонтана Большого театра, в «квадрате» и «трубе» - так называли площадь у памятника Юрию Долгорукому и подземный переход возле «Националя». Летом мотались по стране - Средняя Азия, Кавказ, Крым.

Из спецшколы я перевелась в вечернюю. Училась кое-как, другие интересы владели мною. Начала пить, правда, умеренно, курить... И вот однажды... Парень намного старше меня предложил: «Хочешь уколоться?!» Я согласилась, не очень хорошо осознавая, что это такое. В 15 лет, поймите, всё любопытно. В проходном подъезде одного из домов на Пушкинской улице он вколол мне в вену три кубика морфия. «Приход был?» - спросил спустя некоторое время. «Прихода», то есть ожидаемой эйфории, я тогда даже и не почувствовала. «Ты что, пила?» - «Да». - «Потому и не взяло», - пояснил парень.

Попробовала ещё раз, потом ещё... И незаметно для себя втянулась... Кайф постепенно заменил мне всё. Начала искать запретное зелье. Курила вовсю - чаще не одна, а в компании. Делалось это так: выдувала

табак из папиросного мундштука, смешивала с «травкой» и засыпала всё это обратно. Одна такая папироска называется у нас «косяк»...»

20 сентября 1986 года в Уфе двое преступников-военнослужащих захватили самолёт «Ту-134» вместе с пассажирами. Обезумевшие бандиты убили двух милиционеров и двух пассажиров в самолёте. В сообщении об этом происшествии, опубликованном в газетах, промелькнула короткая фраза: «Как выяснилось позднее, преступники были наркоманами».

Вокруг войсковой части, где проходили срочную службу эти двое, было много дикорастущей конопли. Солдаты то и дело собирали урожай и перерабатывали её в гашиш. Лидером являлся младший сержант Николай Манцев. В своё время он учился в архангельской мореходке и выдавал себя за человека, повидавшего свет. В то время как газеты впервые открывали людям глаза на мир, рассуждения живого свидетеля заморской жизни вдвойне интересны. Вокруг Манцева сгруппировалось несколько человек: Сергей Ягмуржи, Александр Коновал и Игорь Федоркин. В конце концов все они пришли к выводу, что за границей жизнь намного веселей и интересней, чем в СССР, даже перестроечном. То ли дело, например, в ЮАР, где, по словам всё того же Манцева, существовали законы, позволяющие при меньших затратах иметь от жизни больше благ и удовольствий. Короче, в сентябре 1986 года солдаты решили из СССР бежать. И самый верный способ - путь терроризма: захват самолёта.

В ночь с 19 на 20 сентября, когда все заговорщики были назначены в наряд, дежурный по роте Манцев, дневальный Коновал и ушедший со своего поста Ягмуржи после полуночи открыли комнату хранения оружия и взяли из неё ручной пулемёт, автомат, снайперскую винтовку, патроны и через окно столовой комнаты покинули расположение части.

Очутившись на гражданской территории, самовольщики остановили такси и попросили отвезти их в одно место (там в карауле находился четвёртый соучастник - Федоркин). Водитель повёз их по указанному адресу. Однако по дороге произошло непредвиденное. На одной из улиц преступники столкнулись с патрульной милицейской машиной. Посчитав с перепугу, что их уже стали преследовать, они тут же открыли огонь по милиционерам и убили сержанта милиции З. Ахметова и А. Галеева. Во время перестрелки сбежал Коновал. Но Манцев и Ягмуржи решили идти до конца. Захватив в плен перепуганного водителя такси, они приказали ему следовать в аэропорт.

Примчавшись в аэропорт, Манцев и Ягмуржи обошли здание вокзала и залегли в канаве у лётного поля. В это время самолёт «Ту-134», выполнявший рейс по маршруту Львов - Киев - Уфа - Нижневартовск, подрулил к самому краю перрона. Началась посадка. Когда последний, 74-й по счёту пассажир прошёл в самолёт, туда с оружием в руках ворвались Манцев и Ягмуржи. «Ложись, самолёт захвачен!» - прокричал пассажирам один из них. Затем, приставив дуло автомата к виску бортпроводницы,

преступники приказали ей пройти к командиру экипажа и передать их требование: лететь за пределы страны. В это самое мгновение один из пассажиров (Александр Ермоленко) бросился на бандитов, но те оказались проворнее: последовала автоматная очередь, в результате которой был убит как сам Ермоленко, так и один случайный пассажир. После чего командир корабля Заболоцкий тут же принял решение подчиниться.

Однако взлёт оказался невозможным, так как пули пробили обшивку самолёта и нарушили его герметичность. Требовался ремонт. И бандиты пошли на то, чтобы произвести его здесь же. К тому времени власти города были уже в курсе происходящего и стягивали к аэропорту как милицейские, так и армейские части.

Преступники разрешили покинуть борт самолёта всем женщинам и детям. Это была победа двух бортпроводниц - Сусанны Жабинец и Елены Жуковской, которые уговорили бандитов сделать это.

Финал трагедии приблизили сами преступники.

Ягмуржи потребовал от властей, чтобы ему доставили наркотики и гитару. Всё было тут же привезено, и бандиты отпустили на волю ещё одну группу пассажиров. На борту оставалось около 20 человек заложников.

Ночью накачанный наркотиками Ягмуржи заснул в кресле. Сидевший у входа Манцев тоже не выдержал напряжения и задремал. Тогда Елена Жуковская попыталась взять из рук спящего Манцева автомат, однако тот проснулся. Спросонья он не успел понять, что происходит, а нерастерявшаяся девушка предложила ему «допить» остатки наркотиков. Державший себя до этого в руках Манцев внезапно согласился. Он разбил над чашкой все ампулы и одним махом выпил эту смесь. Через минуту ему стало плохо, он начал метаться по салону, водя из стороны в сторону заряженным пулемётом. Жуковская следовала за ним по пятам и умоляла отпустить оставшихся заложников. Манцев согласился. «Валяйте!» - махнул он рукой, и пассажиры стали по одному покидать самолёт. Как только последний из них спустился по трапу на землю, туда ворвались бойцы спецназа. Бой был коротким - оба террориста убиты на месте.

Вооружённый налёт у магазина «Молодёжный»

В 1986 году в центральной и республиканской прессе вышло более 800 статей, касавшихся деятельности сотрудников МВД, в основном критических. Это выглядело явным перебором, однако сама тогдашняя действительность доказывала правоту подобного рода корреспонденции.

14 ноября 1986 года в 21 час 10 минут в Москве возле универмага

«Молодёжный» группой преступников в количестве четырёх человек было совершено вооружённое нападение на инкассаторов. В результате этого убиты: работники Московской городской конторы Госбанка СССР С. А. Мишин - 25 лет, В. И. Новиков - 58 лет и старший сержант 9-го отделения милиции 29-летняя Вера Алфимова. С места преступления преступники похитили более 300 тысяч рублей. Двое преступников до этого служили в органах МВД, один в КГБ. Череда преступлений, совершённых ими, тянулась с лета 1983 года.

Тем летом двое работников уголовного розыска 114-го отделения милиции Октябрьского РУВД города Москвы Игорь Книгин (31 год) и Валерий Финеев (27 лет) совершили убийство работника одной из московских шашлычных. Познакомились они через его жену, с которой у Книгина были весьма близкие отношения. Убийство несчастного произошло в машине на Московской кольцевой автодороге, труп сброшен в ближайший от дороги водоём. Это преступление так и осталось тогда нераскрытым.

Чувствуя свою безнаказанность и повязанные общей кровью, Книгин и Финеев вскоре задумали новое преступление. Объектом их притязаний должен был стать очередной богатый работник московского общепита, работавший поваром в кафе «Московское». И вновь в роли наводчика выступила любовница Книгина.

Однажды Книгин и Финеев приехали в дом повара и стали требовать у него денег. Повар оказался не робкого десятка и двум обнаглевшим милиционерам отказал. Тогда они решили его убить, опасаясь, что тот донесёт на них в милицию. В качестве третьего соучастника преступники взяли с собой курсанта военного училища 29-летнего Евгения Субачева. Как и в первом случае, повара повезли за город, однако в самый последний момент Книгин внезапно изменил своё решение, и приговорённого отпустили. Эта милость едва не стоила преступникам свободы, так как повар не раздумывая бросился в милицию и выложил историю своего пленения. Книгиным тут же занялась инспекция по личному составу ГУВД Москвы. Но Книгин объяснил пленение весьма прозаично: мол, к нему поступила информация, что повар связан с лицами, спекулирующими наркотиками. Вот они с Финеевым, правда, без согласия руководства, вывезли его для «беседы» за город. Подобное объяснение спасло Книгина от ареста, но повредило карьере: его уволили из милиции. Случилось это в августе 1984 года, в период массовых чисток в рядах МВД, проводимых министром В.Федорчуком. Финеев же, в отличие от Книгина, в органах МВД остался, но ненадолго. Через несколько месяцев его приговорили к трём годам лишения свободы условно за недозволенные методы ведения следствия. 12 февраля 1985 года он был направлен в спецкомендатуру УВД Калининского облисполкома.

К тому времени Книгин уже работал в Костеровском охотохозяйстве под руководством пенсионера Константина Голубкова, бывшего сотрудника КГБ. Мечта сказочно разбогатеть так и не оставляла Книгина

ни на минуту, и он ждал удобного случая, чтобы вновь выйти на преступную стезю. Потерпев неудачу на поприще грубого рэкета, Книгин решил попробовать себя в деле куда более рискованном, однако и прибыльном: он решил ограбить банковских инкассаторов. Правда, для осуществления этого плана требовалось оружие, но эту проблему Книгин решил просто - два ружья он получил «в подарок» от Голубкова, а пистолет раздобыл 27 февраля 1985 года, убив в подмосковной электричке младшего сержанта линейного отделения милиции на станции Москва-Белорусская Л.Смирнова. По этому делу милиция арестовала двух молодых людей, одного приговорили к смертной казни, а другого - к 15 годам тюрьмы. К счастью, приговор исполнить не успели. По кассационной жалобе дело вернули на доследование. А тут и ноябрь 1986 года подоспел, и похищенный пистолет вышел на свет.

15 ноября 1986 года Книгин и Голубков приехали в Москву и остановились в доме у Субачева. Сказали, что завтра собираются на одно крупное дело и им понадобится его помощь. Задание пустяковое: взять с собой подсумок с бутылками с зажигательной смесью и стоять «на шухере». Бутылки применять только в крайнем случае, то есть если появится милицейская машина. Прикинув все «за» и «против», Субачев на предложение друзей согласился.

14 ноября в Москву из спецкомендатуры приехал и Финеев. Эта отлучка была «законно» оформлена: его любовница, работавшая техническим секретарём одного из строительных управлений Калинина, состряпала ему повестку-вызов в военную прокуратуру.

В восемь часов вечера Книгин и Финеев первыми выехали к месту предстоящей «операции». Книгин был в штатском, Финеев - в милицейской шинели и фуражке. Через некоторое время к универмагу «Молодёжный» на синих «жигулях» подоспели и Голубков с Субачевым. Последний вышел из машины и с противогазной сумкой на плече, в которой лежали бутылки с зажигательной смесью, занял «боевую позицию» на улице Рябиновой. Голубков, вооружённый боевыми гранатами, остался в машине.

В 21.10 к универмагу «Молодёжный» на «волге» ГАЗ-24, под управлением С. Мишина подъехали инкассаторы Кунцевского отделения Госбанка г. Москвы А. К. Карпинский и В. И. Новиков. До этого они уже объехали 49 точек, и касса «Молодёжного» была 50-й точкой в их сегодняшнем многотрудном дне. За выручкой в универмаг отправился Новиков, Карпинский, как старший смены, остался в машине вместе с водителем. На заднем сиденье лежали тугие мешки с деньгами. Пока Новиков был в магазине, Карпинский заметил у служебного входа милиционера с дипломатом в руках, который, по всей видимости, кого-то ждал. Это был не кто иной, как Финеев.

Между тем через несколько минут Новиков вышел из универмага с мешком денег. Следом за ним шла домой сменившаяся с дежурства

старший сержант милиции Вера Алфимова. В то время как Новиков пошёл к поджидавшей его машине, Алфимова не спеша направилась к ближайшей автобусной остановке. В тот момент, когда Новиков открывал заднюю дверцу автомобиля, чтобы положить на сиденье мешок с деньгами, и раздались предательские выстрелы выскочившего внезапно из-за угла Книгина. Одновременно с его пистолетом «заговорило» и оружие в руках Финеева. В результате этого был смертельно ранен Мишин, а Новиков убит на месте. Карпинскому пуля попала в руку, и он потерял сознание. Подбежавший к машине Книгин схватил с заднего сиденья один из мешков с деньгами и взвалил его на плечи. И в это самое время к месту происшествия подбежала услышавшая выстрелы Алфимова. Она была безоружна, так как ещё днём, задолго до окончания дежурства, сдала свой пистолет. Это было нарушением инструкции, и это нарушение, быть может, и стоило 29-летней Вере Алфимовой жизни.

Увидевший её Финеев почти в упор выпустил в неё четыре пули. Сразу после этого он бросился догонять убегавшего с места преступления Книгина. Однако на первом же повороте они буквально нос к носу столкнулись с мужчиной, который в эти вечерние часы выгуливал во дворе свою собаку. Наставив на него пистолет, Финеев заставил мужчину отступить в сторону. Патронов у него уже не было, а перезарядить пистолет времени не оставалось. Таким образом, единственный свидетель преступления, видевший преступников в лицо, остался жив, и это в скором времени и решило исход дела не в пользу налётчиков.

Как только Финеев и Книгин сели в «жигули» к Голубкову, тот завёл мотор, и машина рванула с места. Про Субачева напарники в суматохе забыли. Между тем пришедший в себя «собачник» не растерялся и бросился бежать в сторону шоссе. На его счастье, именно там в это же время проезжал патрульный милицейский «москвич», в котором находились двое милиционеров: А. Кузьмин и П. Бардышев. Выслушав сбивчивый рассказ «собачника», милиционеры немедленно бросились в погоню за синими «жигулями» преступников. Как это ни удивительно, но уже через несколько минут им удалось их нагнать и сесть «на хвост». Один из милиционеров через мегафон потребовал от водителя «жигулей» остановиться. «Жигули» после этого проехали ещё несколько метров и внезапно остановились на обочине дороги. Из них вышел мужчина (это был Голубков) и направился к милицейской машине. Его поведение и внешний вид были вполне обычными, поэтому милиционеры не заподозрили в них ничего предосудительного и тоже вышли из машины. Между тем этого только и ждали Финеев с Книгиным. Как только милиционеры вышли наружу, оба преступника открыли по ним внезапный огонь из двух пистолетов. В результате этого был ранен Кузьмин, однако Бардышев сумел пригнуться и, открыв ответный огонь, ранил Голубкова. Преступники затащили раненого товарища в машину и тут же умчались с места происшествия.

Однако при подъезде к Ломоносовскому проспекту случилось

непредвиденное. Раненый Голубков внезапно «сломался» и принялся умолять товарищей отпустить его под честные обещания никого из них не выдать. Это настолько взбесило и без того озверевших бандитов, что судьба Голубкова была решена тут же, в машине. Несколько выстрелов в голову, и труп бывшего напарника был выброшен на пустыре у Ломоносовского проспекта.

К тому времени все ближайшие окрестности были уже плотно обложены милицейскими патрулями. Проскочить сквозь них на машине было невозможно, поэтому преступники и решили спасаться от погони пешком. Их моральное состояние было настолько подавлено, что, спасаясь бегством, они даже не взяли с собой сорокапятикилограммовый мешок с деньгами. Финеев успел проскочить сквозь милицейские заслоны на такси, а вот Книгину не повезло. Решив отсидеться в котельной одной из ближайших автобаз, он был обнаружен там и атакован милиционерами. В перестрелке он успел ранить одного из них, после чего, видя свою обречённость, решил больше не испытывать судьбу и пустил себе пулю в голову.

Через пятнадцать часов после ограбления были арестованы Финеев и Субачев. В отличие от Книгина они не сопротивлялись. Суд над ними состоялся осенью 1987 года. Финеев получил высшую меру наказания - расстрел, Субачева суд приговорил к 10 годам лишения свободы.

Арест Ю. Чурбанова

Тем временем 1987 год стал одним из самых либеральных по количеству смертных приговоров за последние несколько лет. Если в 1983 году (андроповском) было расстреляно по приговорам судов 606 человек, в 1984-м 512, то в 1987 году было вынесено всего 140 смертных приговоров. В прессе тогда всё настойчивее стали звучать призывы отменить смертную казнь в СССР вообще. Поэтому с 1987 года Верховный суд России стал применять повышенные требования к судам по рассмотрению уголовных дел, по которым была предусмотрена высшая мера наказания. Малейшие сомнения трактовались в пользу потерпевшего. Горбачёвская либерализация привела к тому, что в июне 1987 года Президиум Верховного Совета СССР выпустил Указ, объявлявший беспрецедентную за последние 40 лет амнистию. Количество осуждённых после неё в стране сократилось в 2 раза, было разом закрыто около 100 колоний.

Однако не всем тогда везло с либерализацией. 14 января 1987 года в кабинете начальника следственной части Прокуратуры СССР Германа Каракозова был арестован Юрий Чурбанов. Позднее он вспоминал об этом аресте так: «Только я переступаю порог, как мне навстречу поднялись два молодых человека с хорошей, полувоенной выправкой... и заявили: «Вы арестованы!» Тут же, в приёмной, с меня сняли подтяжки, галстук, часы, из ботинок выдернули шнурки. Понятыми были две женщины, сотрудницы

Прокуратуры, как я узнал потом от следователя Миртова, да и понятно, что сотрудницы, с улицы кого попало ведь не позовёшь, всё-таки генерал-полковника арестовывают, как-никак. Хорошо, что в этот момент я был в штатском, а не в военной форме, а то могли бы, пожалуй, и погоны сорвать, хотя я ещё и звания в то время не был лишён, это произошло гораздо позже...

В кабинете Каракозова я увидел Гдляна и Иванова. Кто-то, по-моему, Гдлян, положил передо мной белый лист бумаги, дал мне свою ручку, заправленную чернилами, потому что моя, шариковая, была отобрана, и тут же, пока я не опомнился от самого факта ареста, предложил написать заявление о моей явке с повинной. Теперь я думаю: какое счастье, что я всё-таки сообразил тогда и категорически от этой «повинной» отказался. Тогда была бы верная смерть. Начался перекрёстный допрос, и в ту же минуту под издевательски-размеренную диктовку Гдляна я написал заявление на имя Генерального прокурора СССР Рекункова о том, что, занимая ответственные посты в МВД СССР, я получил взятки на сумму в общей сложности полтора миллиона рублей. Расхаживая по кабинету Каракозова, Гдлян диктовал мне имена и фамилии 132 человек, от которых я якобы получал деньги, и сам называл суммы взяток: 10, 20, 50, 200 тысяч - сколько хотел! Всё это были люди, в той или иной степени интересовавшие следствие, - Гдлян диктовал, а я писал...»

К тому времени следственная группа Гдляна - Иванова, основательно «перепахав» Узбекистан, устремила свои взоры на «кремлёвскую мафию». До этого арестовывались только высшие партийные и государственные чиновники среднеазиатской республики, а до москвичей дело не доходило. Арест Юрия Чурбанова нарушил эту традицию. Причём «добро» на этот арест выбивалось на самом верху, в Политбюро. Вполне возможно, что многие голосовавшие за этот арест надеялись на то, что зять Брежнева станет своего рода «громоотводом» для чрезвычайно активных следователей и уведёт их в сторону от нынешних кремлёвских мафиози. Поэтому прессе была дана установка спустить на Ю. Чурбанова всех собак и сделать его чуть ли не врагом нации номер один.

Между тем Ю. Чурбанов был не единственным высокопоставленным генералом МВД, кто в том году попал в опалу. В начале года, после того как в прессе поднялся шум вокруг ситуации в городе Мичуринске, где с помощью сотрудников местного УВД с завода похищались поршневые кольца, был снят со своего поста и уволен из органов заместитель начальника управления кадров МВД СССР Борис Алексеев. Весной того же года, после того как в одном из февральских номеров «Огонька» была опубликована статья «Бронированные мундиры», в которой разоблачались жестокие нравы, царящие в МВД Карелии, был снят со своего поста министр внутренних дел этой республики генерал Мяукин. В Башкирии за злоупотребления властью сняли министра внутренних дел В. Рыленко.

Если за весь 1986 год в центральной прессе было опубликовано около 800 статей о сотрудниках МВД, то за пять первых месяцев 1987 года

таких статей набралось уже 520. Большинство из них были критическими, разоблачительный пафос их преследовал только одну цель: выставить сотрудников милиции в самом неприглядном виде. Ретивые авторы подобного рода статей, радеющие на словах за новую демократическую Россию, пока не догадывались, что рубили сук, на котором сами и сидели.

В то время как престиж органов МВД в глазах общественности падал, преступность в стране видоизменялась и росла. Ведь свобода, которую несла с собой перестройка, раскрепостила всех, в том числе и преступников. И с вступлением в силу 1 мая 1987 года Закона об индивидуальной трудовой деятельности для отечественных преступников открылось ещё более широкое поле для деятельности.

Преступность менялась, а тогдашние власти, кажется, делали всё от них зависящее, чтобы этого не замечать. И лишь узкая группа специалистов МВД работала над изучением этой проблемы. А. Волобуев, вспоминая об этом, писал: «В 1986 - 1987 гг. действовавшие независимо друг от друга три немногочисленные группы учёных, представлявшие ВНИИ МВД СССР, ВНИИ Прокуратуры СССР и Омскую высшую школу МВД СССР, неожиданно для себя (но, по-видимому, вполне закономерно) пришли к одному и тому же выводу - в стране сложилась ситуация организованной преступности. Результаты исследований были вынесены на суд специалистов. Три научно-практических семинара больше напоминали поле боя, нежели традиционный спокойно-умиротворяющий обмен мнениями».

Однако отметим, что дальше дискуссий дело тогда так и не пошло. Тем временем в 1987 году в стране начался бум антикварных преступлений. В связи с небывалым интересом к СССР на Западе резко подскочили цены на нашу старину. В связи с этим в 1987 году таможня пресекла вывоз 11 тысяч предметов старины и искусства, имеющих историческую ценность. Однако многие ценные вещи тогда всё-таки были вывезены за пределы СССР.

«Любера»

В 1987 году в стране резко подскочила кривая молодёжной преступности. Ещё в конце 1986 года центральная пресса заговорила о люберах - накачанных ребятах из подмосковных Люберец, которые ездили в Москву «наводить порядок». «Наведение порядка» заключалось в том, что любера нещадно били металлистов, панков, хиппи, да и обычной московской молодёжи от них тоже изрядно доставалось.

История люберов началась в июне 1986 года, когда газета «Советская Россия» рассказала на своих страницах о неких молодых людях, которые вечером 9 мая хулиганили на Красной площади. Они шли стройной колонной и хором скандировали: «Люберцы! Люберцы!» и на глазах у опешившей публики избивали попадавшихся им на пути подростков-

москвичей. После этой публикации Люберецкое УВД и горком комсомола занялись этой проблемой всерьёз и провели рейды по подвалам не только Люберец, но и всего района. Некоторые спортивные залы, где «качались» ребята, закрыли. В июле 1986 года, в ходе подготовки к Играм доброй воли, работники уголовного розыска Москвы и Московской области, работники органов внутренних дел на транспорте составили даже специальный план совместных мероприятий по предупреждению групповых преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних и молодёжи - жителей Люберецкого района. Ни один другой район Московской области такой «чести» удостоен больше не был.

Казалось, что с проблемой удалось справиться и любера навсегда остепенятся. Однако это оказалось не так, и с осени 1986 года о люберах заговорили буквально все центральные газеты, включая «Комсомольскую правду», «Ленинское знамя», «Литературную газету». В январе 1987 года огромную статью на эту тему опубликовал в «Огоньке» тогда ещё журналист Владимир Яковлев. Статья эта называлась: «Контора «люберов». В ней сообщалось: «Контора» - организованные группы подростков, знакомых между собой, придерживающихся общих взглядов, - и только? Возможно, и так. Но так ли? Есть странное, будто продуманное единообразие в действиях люберов, и молодых, и старших. То, что в самих Люберцах происшествий типа московских не бывает, и то, что привлекают внимание люберов лишь те группы подростков, представители которых не могут по тем или иным причинам обратиться за помощью к органам милиции. Всё это неизбежно наталкивает на мысль: их действия не случайны; не управляет ли ими умелая и опытная рука?»

Если читатель помнит, подобная проблема с молодёжной преступностью была зафиксирована в середине 70-х в Казани (казанский феномен). А там, как выяснилось позднее, за спиной подростков стояли именно взрослые люди с уголовным прошлым за плечами. И вот прошло десять лет, и такая же ситуация сложилась в Московском регионе, а также в Йошкар-Оле, где тоже с 1986 года стали возникать молодёжные группировки криминального толка. Правда, Казань и тогда всё равно ходила в лидерах: против 60 её молодёжных группировок Дзержинск мог выставить лишь 30, а Йошкар-Ола - 11. К этому списку чья-то умелая рука подтягивала и Московскую область. Настоящий всплеск ажиотажа вокруг люберов произошёл ранней весной 1987 года. Лучше всего об этом говорят милицейские сводки тех дней: «21 февраля 1987 года отмечалось скопление групп молодёжи в различных частях города: у станций метро «Площадь Ногина» (30 - 40 человек), «Преображенская площадь» (15 - 20 человек), «Нагорная» (120 человек), на Б. Полянке, у д. 1 (3 - 15 человек), на ул. Арбат (80 человек), на ул. Елецкой у д. 22 (100 человек), у кафе «Каменный цветок» по ул. Народного Ополчения, д. 22 (250 человек). Принятыми мерами группы удалось рассредоточить.

22 февраля 1987 года около 18.00 также наблюдались скопления молодёжи общим количеством свыше 100 человек, которые прибывали в

ЦПКиО им. Горького с целью «выяснения отношений». Часть из них были приезжими из Люберец. В дальнейшем указанные группы молодёжи следовали по Крымскому мосту к Калининскому проспекту, ул. Арбат, Чайковского и др. в направлении Центра, часть из них появлялась на Зубовском бульваре и ул. Горького. Подростками было повреждено остекление трёх павильонов на автобусных остановках. В отделение милиции было доставлено 195 подростков, в том числе 28 жителей Люберец. У доставленных было обнаружено 6 металлических цепей, перочинные ножи, ремни с солдатскими пряжками-бляхами, молотки, резиновые шланги, деревянные палки, муляж человеческого черепа с надписью на затылочной части «убей любера», на лобной - «любер».

В этот день отмечалось скопление молодёжи также в Москворецком, Краснопресненском, Свердловском районах и метрополитене. Всего за противоправные действия в органы милиции доставлено 304 человека, из них 253 несовершеннолетних. Среди задержанных: учащихся ПТУ - 129, школ - 47, вузов - 6, средних специальных учебных заведений - 31, неработающих - 5.

23 февраля 1987 года около 22 час. 30 мин. во время драки группами молодёжи (всего 60 человек) разбита витрина магазина «Украинская книга» на Арбате. Из 8 задержанных 4 человека - жители Люберец...»

Напряжённость февраля перекинулась и на март. 1 марта 1987 года на Садовом кольце собралось около тысячи московских подростков, которые намеревались идти бить люберов. Но после неудачных поисков люберов в кафе «Времена года» в ЦПКиО имени Горького подростки успокоились. Через несколько дней похожая ситуация сложилась возле Киевского вокзала, где тоже намечалась грандиозная драка между москвичами и люберами. Слухи об этом были настолько велики, что к месту сборища подъехали даже многочисленные иностранные журналисты. Но и на этот раз всё обошлось благополучно.

В те дни московская и областная милиция буквально «стояла на ушах». Для того чтобы молодёжь из Люберец не ездила в Москву, примерно с четырёх часов дня и до глубокой ночи на станциях Люберцы, Томилино, у станции метро «Ждановская», на остановках автобуса выставлялись милицейские посты. В электричках курсировали усиленные наряды милиции, которые отлавливали просочившихся сквозь «кордоны» люберов.

Между тем официальные милицейские чиновники пытались через печать успокоить население. В «Советской России» замначальника Главного управления уголовного розыска МВД СССР генерал-майор милиции В. Гончаров вещал: «Люберецкий процент» от общего числа правонарушений, совершённых в Москве подростками, очень невелик. Это - 1,6 процента. Так что говорить о каком-то влиянии подмосковного райцентра на порядок в столице нет никаких оснований».

Однако доктор юридических наук полковник милиции В. Овчинский тогда же подсчитал, что с 1986 года детская преступность в Люберцах в шесть раз превышала детскую преступность в других местах. И хотя «люберецкий феномен» так и не смог достичь высот феномена «казанского», это тем не менее не снимало с проблемы остроты и должно было уже тогда заставить правоохранительные органы обратить на это пристальное внимание. Однако этого сделано не было. Пройдёт совсем немного времени, и ребята из подобных люберецкой группировок составят основу большинства «крутых» команд Москвы и Подмосковья, которые займутся рэкетом в среде новоявленных кооператоров. Но это произойдёт через год-два, а пока в криминальном мире страны правили иные «авторитеты».

От убийств до киднеппинга

Бандитский Ленинград. Убийство Х. Розыбаевой. Похищение в Алма-Ате. Бандитские войны.

В Ленинграде, например, действовал небезызвестный нам Сергей Васильев, обложивший со своей бригадой ежемесячной данью дельцов игорного и автомобильного бизнеса. С конца 1986 года васильевская длань протянулась и к месту сбора ленинградских спекулянтов - Гостиному двору. Он решил нажить капитал, внедрившись в сферу производителей «самопала» под импорт и лиц, которые продавали эти вещи на «галёрке» Гостиного двора. То есть он попытался поставить под свой контроль сбыт продукции, изготавливаемой частными портными, пустить эти вещи через себя и сыграть на разнице цен. Ближней целью Васильева было объединить и замкнуть на себя всех изготовителей «самопальных» вещей, а также тех, кто торговал на «галёрке», то есть организовать корпорацию изготовителей и сбытчиков. Дальней же целью Васильева была мечта сродни той, что мучила когда-то Остапа Бендера, поднакопить деньжат и съехать за границу. Правда, в отличие от сына турецкоподданного, Васильев мечтал не о Рио-де-Жанейро, далёком от Ленинграда, а о близком Стокгольме. Но голубой мечте Васильева не суждено было сбыться. 13 апреля 1987 года в половине пятого вечера он был задержан сотрудниками ленинградского угро по подозрению в организации крупного мошенничества. Да, да, его обвинили именно в мошенничестве, так как доказать то, что Сергей Васильев являлся чуть ли не королём преступного мира Ленинграда, было почти невозможно. Большинство свидетелей во время суда вообще отказались от своих показаний, так как страх за себя оказался сильнее жажды справедливости.

К тому времени в Ленинграде помимо Сергея Васильева действовала ещё одна крупная группировка, во главе которой стоял Николай Седюк по кличке Коля Карате. Н. Седюк был не менее известным в питерских бандкругах человеком, чем С. Васильев. Он был неплохим спортсменом - каратистом, весьма тщательно следил за своим здоровым образом жизни

и был завсегдатаем известного питерского клуба «Ринг». В его команде в 1987 году насчитывалось более сотни активных бойцов. Именно на Н. Седюка, как на признанного авторитета преступного мира «новой волны», обратили тогда внимание славянские и кавказские воры в законе и выделили ему в помощь своего представителя - Антибиотика.

Однако после ареста С. Васильева ленинградская милиция не могла оставить без внимания и команду Н. Седюка. Через несколько месяцев после С. Васильева был взят и Коля Карате. После этого ленинградский преступный мир на целый год остался без лидера. Но в 1988 году это вакантное место займёт 33-летний лидер так называемой «тамбовской» бригады Владимир Кудрин. Судьба же Н. Седюка будет более печальной. В 1993 году он должен будет выйти на свободу, но за несколько месяцев до освобождения его убьют во время внутренней разборки в колонии. Потом вокруг этой смерти будет витать множество всевозможных слухов.

Через несколько месяцев после ареста Сергея Васильева и Коли Карате точно такая же участь постигла другого крупного преступного авторитета, теперь в Туркмении, дважды судимого, по кличке Вовчик Сыра - Ильяса Саркиева. Так же как и Васильев, который официально числился на скромной должности банщика, Саркиев получал зарплату как слесарь СМУ-1 города Ашхабада. Между тем в неофициальной своей жизни он возглавлял мощную бандитскую группировку, обложившую данью многих туркменских толстосумов. Таких, к примеру, как бывший начальник цеха Безмеинского РСУ Минбыта Туркмении или генеральный директор объединения «АвтоВазтехобслуживание». Все они после «наезда» на них людей Саркиева не уведомляли об этом милицию, стараясь решить свои проблемы самостоятельно. И лишь один человек, директор ашхабадского магазина «Обувь», решил не искушать судьбу и, спрятав семью в Баку, отправился в МВД. Там он рассказал, что люди Саркиева лишили его двух автомобилей (один угнали, другой на следующий день сожгли), после чего захватили его самого в плен, вывезли в пустыню и там под угрозами заставили написать расписку о том, что он купил у одного из них пасеку за 25 тысяч рублей. Естественно, в долг.

В то время в МВД Туркмении произошли значительные кадровые перемены. Министром стал В. Гринин, а уголовный розыск республики возглавил Александр Удалов, известный нам по предыдущему повествованию, когда до 1979 года он занимал должность заместителя начальника Сочинского горисполкома и боролся с краснодарской мафией. Тогда сильные мира сего уволили принципиального полковника с работы и лишь в годы перестройки его талант вновь востребовался, теперь уже в Туркмении. Своё новое назначение Удалов отметил беспрецедентным актом - широкомасштабной облавой на преступных авторитетов. Случилось это после того, как в Ашхабаде в автомобильной катастрофе погиб известный в преступном мире авторитет Гаджиев. На его похороны со всего Сочи съехались его друзья, количество которых достигло 400.

Подняв на ноги курсантов средней школы милиции, Удалов дал им задание, соблюдая вежливость, проверить по фотографиям всех подозрительных людей, находящихся на данный момент в розыске. Курсанты сделали своё дело на «отлично», задержав 20 человек.

И вот теперь предстояло взять самого Саркиева, одно имя которого повергало многих горожан в оцепенение. Чувствуя, с кем имеет дело, Саркиев решился на последнюю меру: позвонил Удалову домой и пригрозил скорой расправой, в случае если несговорчивый полковник не выйдет из игры. Удалов звонка не испугался. Противоборство двух авторитетов закончилось тогда победой авторитета из угро. Вскоре Александра Удалова перевели в Чарджоу на должность начальника местного УВД. Случилось это после того, как в этом городе 25 августа 1987 года была зверски убита инструктор отдела административных органов Чарджоуского обкома партии Халима Розыбаева, которая до этого работала прокурором города. И в должности прокурора, и в должности куратора правоохранительных органов Розыбаева отличалась своей бескомпромиссностью и честностью, за что и нажила себе немало врагов на всех уровнях власти. Выступая на бюро обкома за 20 дней до своей гибели, она зачитала свою справку, в которой отмечалось, что только за 7 месяцев 1987 года 63 сотрудника милиции города уволены за рукоприкладство, укрытие преступлений от учёта, аморальные поступки и нарушения дисциплины. По неполным данным, отмечалось далее в справке, в органах внутренних дел и прокуратуры области работают 63 человека, близкие родственники которых привлекались к уголовной ответственности, около 140 работников имеют между собой родственные связи.

В Чарджоуском районе украли невесту. Дело вполне заурядное для тех мест. Но тут случилась оказия: девушка наотрез отказалась выходить замуж. В дело вмешалась милиция, и незадачливого жениха могла ожидать скамья подсудимых. Поэтому родственники его собрали 13 тысяч рублей и пошли на поклон к прокурору объединённой Керкинской прокуратуры А. Джепбаровой. Об этой взятке стало известно в обкоме, и делом занялась Розыбаева. Именно после этого последовал арест Джепбаровой. Между тем муж арестованной полковник милиции Х. Солтанов решил любыми путями вызволить супругу из-под ареста. Вместе с братом жены капитаном милиции Т. Джепбаровым он выкрал единственную свидетельницу по этому делу и, вывезя её за город, пригрозил ей смертью, если та не заберёт своё заявление обратно. На следующее утро она забрала свои показания назад, вечером рассказала родственникам о том, что на это её силой принудил Солтанов, а наутро следующего дня её нашли мёртвой в петле. Но запугать Розыбаеву Солтанов был не в силах. Их дороги уже пересекались однажды, когда Солтанов пытался через свои связи в милиции закрыть уголовное дело на одного нужного ему человека, но тут в дело вмешалась Х. Розыбаева. Теперь эта женщина была повинна в аресте жены Солтанова. Стерпеть это полковник уже не мог. И тогда он решился на крайнюю меру: убить

несговорчивую женщину. Вечером 25 августа 1987 года наёмные убийцы позвонили в квартиру Х. Розыбаевой и попросили помощи. Не подозревавшая ни о чём женщина открыла убийцам дверь...

Эхо этого убийства докатилось до самой Москвы. Смерть от рук убийц высокопоставленного партийного работника не могла остаться безнаказанной. В Чарджоу срочно вылетела специальная группа оперативных работников МВД СССР. Следствие по этому беспрецедентному делу возглавил следователь по особо важным делам Прокуратуры Белорусской ССР В. Кудин. В течение короткого времени убийцы были изобличены и предстали перед судом.

Не менее оперативно и грамотно сработали в феврале того года и сотрудники уголовного розыска Алма-Аты, которые занимались расследованием ещё одного беспрецедентного для того времени преступления - похищения ребёнка, на Западе именуемого киднеппингом. Случилось это 24 февраля днём, когда 9-летний Тимур Сарсенов возвращался из школы. К нему подошли двое молодых людей и предложили взять у них щенка, который им самим был не нужен. Тимур согласился пойти с незнакомцами и с этого момента его больше никто не видел.

В семь часов двадцать минут вечера того же дня матери Тимура позвонил неизвестный и потребовал за сына 15 тысяч рублей. В противном случае мальчика обещали убить. Скованная ужасом женщина нашла в себе силы набрать номер телефона местного РОВД и рассказать о случившемся. Информация тут же поступила в УВД Алма-Атинского горисполкома, где ввиду беспрецедентности случившегося тут же был создан штаб по розыску мальчика. Общее руководство операцией взял на себя лично министр внутренних дел республики генерал-лейтенант внутренней службы Г. Князев. Штаб по розыску Тимура возглавил начальник управления уголовного розыска МВД Казахстана полковник милиции В. Артёменко. Во все подразделения города и области была немедленно направлена ориентировка с указанием примет преступников, которые дал друг Тимура Денис. В каждом РОВД были созданы по две мобильные оперативные группы, начат опрос водителей такси в таксомоторных парках по установлению автомашины, на которой уехали преступники с мальчиком.

Между тем до середины следующего дня преступники ничем себя не обнаруживали. Наконец в половине четвёртого дня 25 февраля в квартире Сарсеновых вновь раздался звонок. Теперь трубку взял отец Тимура конструктор Центральной геологической экспедиции Юрий Сарсенов. Голос на том конце провода приказал ему в 18.30 находиться в своей машине во дворе дома. Что и было сделано в точно установленное время. Сыщики между тем блокировали все подходы и подъезды к дому. Пока Юрий находился в машине, в его квартире вновь раздался звонок, и тот же голос приказал Ларисе Сарсеновой передать мужу, чтобы он ехал на станцию Алма-Ата-1 и оттуда позвонил домой для получения через неё же

новых инструкций. Доехав до станции, Юрий позвонил домой и услышал от жены новое задание преступников: в секции камеры хранения в ячейке 373 код А000 он должен оставить деньги и в обмен забрать записку, в которой указан адрес местонахождения сына. Но когда Юрий открыл дверцу камеры, он обнаружил там один лишь пакет без всякой записки. Преступники явно блефовали, проверяя Юрия на контакт с милицией. В 20.30 Юрию было приказано возвращаться домой и ждать нового звонка ночью.

Ночью действительно последовал новый звонок. Преступники приказали Юрию ехать на улицу Пастера до речки Весновка и, увидев на земле белую тряпку, положить под неё деньги. Юрий сделал всё, как было приказано. Сыщики между тем обложили это место со всех сторон. В 00 часов 39 минут к тряпке нагнулась незнакомая женщина. Дав ей немного отойти, сыщики провели её задержание. Незнакомка оказалась уборщицей подготовительного цеха кондитерской фабрики и к преступникам имела косвенное отношение, те просто попросили её поднять пакет и отнести его к себе домой. А завтра они сами за ним зайдут. Но она хорошо видела преступников и одного из них, Виктора, сумела весьма подробно описать. Сыщики тут же передали по рации всем оперативным группам приметы Виктора. И через несколько минут произошло чудо: похожего человека задержали. Тогда же вышли и на водителя такси, который подвозил уборщицу с двумя парнями и девушкой. Водитель даже вспомнил имя девушки - Ольга. Между тем задержанным оказался некий Виктор Снопков, у которого был старший брат Анатолий и именно у него жену звали Ольгой.

Утром 26 февраля Ольга Снопкова чистосердечно призналась в том, что её муж и его брат похитили 9-летнего мальчика, который вот уже третьи сутки находится где-то в районе посёлка Дружба Каскеленского района. Через некоторое время были арестованы оба Снопкова, и начались поиски похищенного мальчика. Ввиду того, что Виктор Снопков не помнил точного местонахождения Тимура, мальчика искали несколько часов. В 2 часа 40 минут ночи 27 февраля он был наконец найден в камышах возле ТЭЦ-2. Исхудавший, измученный, но живой. Старший оперуполномоченный угро капитан милиции В. Радаев укутал до костей продрогшего мальчика в свою куртку и на руках понёс его к шоссе, где ждала оперативная машина. Товарищи освещали ему дорогу фонарями...

В число беспрецедентных событий в криминальной хронике того года можно также смело включить и задержание в апреле 1987 года в городе Мичуринске Тамбовской области 47-летнего Сергея Кашинцева, повинного в убийстве 58 человек. Многократно судимый Кашинцев вышел на свободу весной 1985 года. Не имея родного очага, он поплыл по волнам псевдожитейского моря. Знался в основном с такими же, как и он, скитальцами, в большинстве своём женского пола. Половина их и стала его жертвами. Обычно он их насиловал и душил, получая от этого сексуальное удовлетворение. Первая жертва погибла от его рук в июле

1985 года в Челябинске. Затем он отметил своим присутствием Уфу, Ижевск, Киров, Тюмень. И везде он оставлял трупы. За два года их набралось более пятидесяти. В апреле 1987 года наступила развязка. Железнодорожные ремонтники обходили свой участок дороги и обратили внимание на женщину, лежавшую в кустах. На шее у неё был затянут мужской брючный ремень. Железнодорожники тут же дали знать о происшествии дежурной по станции, которая связалась с работниками транспортной милиции. Всё это произошло настолько быстро, что убийца не успел далеко уйти. Его нашли в кустах неподалёку от места преступления.

Закон о кооперации и бандиты

Закон о кооперации. Убийство в Донецке. Закрыли «Берёзки». Сходка в Дагомысе.

С политической точки зрения 1987 год был не самым бурным годом перестройки. Он был всего лишь преддверием накануне грандиозных событий последующих лет. Хотя и на его долю выпали события отнюдь не ординарные. Взять тот же прилёт Матиаса Руста в Москву в мае или выступление Бориса Ельцина на октябрьском Пленуме ЦК.

Кстати, в широких кругах населения снятие Бориса Ельцина с поста 1-го секретаря МГК трактовалось не иначе как происки московской мафии, с которой Ельцин попытался начать борьбу, заняв эту должность. Доля истины в этом, может быть, и была, но не более. Ельцин того времени, так же как и остальные высшие столпы кремлёвского олимпа, недооценивал значение организованной преступности в стране и мало что понимал в этом вопросе. Следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре РСФСР Евгений Мысловский так выразился на этот счёт: «В 1987 году я написал об угрозе московской мафии Б. Н. Ельцину. Ответ получил от него уклончивый. Вот пишете, мол, об организованной преступности, а кто её организовал? То есть эту проблему даже на высшем уровне в то время не понимали».

30 декабря 1987 года, в Кремле под председательством Председателя Совета Министров Николая Рыжкова заседала авторитетная комиссия по подготовке проекта Закона о кооперации в СССР. В состав комиссии входили:

- В. Некрасов - заместитель начальника юридического отдела СССР,
- Г. Голзбов - член коллегии Минюста,
- В. Семёнов - заместитель министра финансов СССР,
- М. Козырь - заведующий отделом НИИ гос. и права,
- Н. Тихомиров - референт СМ,

- А. Серков - член коллегии Госагропрома,

- Б. Хвостов - заведующий управделами Центросоюза,

- В. Тихонов - академик ВАСХНИЛ.

Вся эта авторитетная комиссия получила от Н. Рыжкова указание в течение месяца подготовить проект нового закона. До этого Совет Министров уже принимал несколько постановлений о развитии кооперативов по производству товаров и услуг, но теперь законом предполагалось стимулировать их дальнейшее развитие. Это было в русле тех перемен, о которых чуть ли не ежедневно вещал новый лидер страны и которые с таким нетерпением ждали люди. Правда, большинство из них не догадывались, какими последствиями обернутся эти обещанные перемены для страны уже в самом ближайшем будущем.

Вступление страны на рельсы рыночной экономики, как это ни парадоксально, укрепило организованную преступность, сделало её ещё более мощной и неуязвимой. Кандидат юридических наук Анатолий Волобуев по этому поводу писал: «Вступление страны в рыночные отношения открыло для нашей мафии невиданные просторы. Одна из основных причин наступательного развития организованной преступности заключается в том, что она при любых условиях являлась в государстве единственной поистине рыночной структурой, что и позволило ей во все периоды быстро (мобильно) приспосабливаться к любым изменениям. И не просто приспосабливаться, но и извлекать при этом максимум материальных и практических выгод».

В отличие от других стран, где организованная преступность развивалась на подпольном рынке дефицита товаров и услуг, наша мафия, защищённая вместе со своими высокими чиновными покровителями от любых форм контроля (в том числе и правоохранительной системы), в последние годы беспардонно, силовыми методами взяла под свой контроль и легальные формы предпринимательства.

Однако последнее произойдёт лишь в начале 90-х годов, мы же с вами вернёмся в конец 87-го года. Уже тогда предпосылки будущих кровавых войн за сферы влияния в преступном мире давали о себе знать. Череда громких убийств крупных уголовных авторитетов прокатилась в конце года по городам Союза. В Ташкенте был убит Нарик Каграманян. Убит по всем законам гангстерского кино, при выходе из машины, на глазах у многочисленных свидетелей. Почти так же расправились в Москве в декабре 1987 года с одним подмосковным авторитетом. В районе престижных писательских домов у метро «Аэропорт» он садился в свой автомобиль и в этот момент был застрелен неизвестным. Через несколько дней состоялись его пышные похороны, на которых имел честь присутствовать корреспондент английской газеты «Обсервер». Он и оставил об этой церемонии свои воспоминания: «Такси остановилось на

том месте, где покрытая льдом дорога сворачивала с шоссе. Здесь стояли 40 или больше автомобилей, и сразу стало ясно, что происходит что-то необычное. На каждом ярде от поворота до кладбища на дороге горели пятна красных гвоздик, равномерно разбросанных участниками процессии. Но самым удивительным был состав присутствовавших на похоронах. По крайней мере шесть люберецких банд были представлены, если судить по группкам, окружающим своих главарей, последние одеты несколько похоже на чикагскую моду 20-х годов. Не верилось, действительно ли всё это происходит в Советском Союзе в 1987 году. Поношенные шляпы на манер Барсалино, низко надвинутые на глаза, потрёпанные шерстяные пальто, белые на высоких каблуках кожаные ботинки, сигарета в углу рта. Их было приблизительно человек сто, ещё 50 женщин и моментально узнаваемые переодетые в гражданское милиционеры, вооружённые кинокамерами и фотоаппаратами».

По меркам 1987 года столь дерзкое убийство (с помощью стрелкового оружия) человека в Москве было, как это ни странно теперь звучит, исключительным явлением. Более того, именно 1987 год для московской милиции был самым «тихим» с точки зрения преступлений годом. За весь этот год в городе было совершено всего 172 убийства, подавляющая часть которых относилась к элементарной «бытовухе». С 1988 года ситуация в этом плане стала меняться, и отнюдь не в лучшую сторону. Поэтому символично, что стрельбой закончился год 1987-й и ею же начался год 1988-й - год, в котором такие словосочетания, как «организованная преступность», «мафия», «рэкет», шагнули в нашу жизнь и прочно в ней обосновались.

В ночь на 20 января 1988 года по Большой Академической улице с неимоверной скоростью мчалась автомашина «ВАЗ-2101» с тремя пассажирами. Следом за ней с такой же скоростью двигались три автомобиля, из которых вёлся прицельный огонь из двух обрезов. В результате точных выстрелов убегающий автомобиль потерял управление и врезался в дерево на обочине дороги. Из машин преследователей тут же выскочили спортивного вида молодые люди с металлическими штырями в руках и принялись методично избивать трёх пассажиров пострадавшего автомобиля.

Между тем невольными свидетелями этой погони стали водители «икарусов», которые догадались записать номера машин и позвонить в милицию. По этим номерам работники МУРа довольно быстро установили, что пострадавшая машина принадлежала членам долгопрудненской группировки, а автомобили преследователей - люберецкой. Тут же по горячим следам были арестованы все участники этого нападения вместе с главарём кандидатом в мастера спорта по боксу С. Аксёновым.

В ходе следствия были установлены истоки этого конфликта. На знаменитом Рижском рынке, открывшемся несколько месяцев назад, держал свою торговлю один кавказец, безопасность которого за деньги обеспечивали люберецкие. Но вот однажды на кавказца «наехали»

долгопрудненские, имевшие свои интересы на том же рынке. Так возник конфликт. С. Аксёнов, как законный авторитет люберецких, пытался уладить его в рамках переговоров. Но долгопрудненские оказались несговорчивыми. Два раза во время подобных переговоров вспыхивали ссоры с применением холодного оружия. Последняя произошла у ресторана «Бега» и переполнила чашу терпения люберецких. Они решили «наехать» на соперников основательно, что и было сделано в ночь на 20 января на Большой Академической. В результате этого «наезда» один из долгопрудненских лишился глаза. Но никто из них в милицию не заявил, пожелав разобраться с обидчиками самостоятельно.

Предварительное следствие пришло к выводу о виновности трёх человек во главе с С. Аксеновым. Им было предъявлено обвинение по статье 206 ч. 3 УК РСФСР - злостное хулиганство. И, как писала по этому поводу в «Советской России» Л. Кислинская, «двойное» дно этого дела скрывает в себе понятие, которое недостатки нынешнего Уголовного кодекса не позволяют назвать настоящим именем - организованная преступность. Между тем страусиная политика советского правосудия играла только на руку отечественной мафии. Уже два года страна жила по новым экономическим законам, рождённым перестройкой, а Уголовный кодекс так и не был усовершенствован применительно к новым реалиям времени. Это позволяло преступным группировкам безбоязненно наезжать на частных предпринимателей, которым власть разрешила зарабатывать деньги индивидуальным трудом, но не защитила их законом. Подобное положение толкало на путь преступлений даже людей, отмеченных властью.

В январе 1988 года в Донецке был убит 43-летний председатель кооператива «Луч» Анатолий Самойленко. Его нашли в его же доме с одиннадцатью ножевыми ранениями на теле. В ходе следствия выяснилось, что это преступление совершила преступная группа из четырёх человек, во главе которой стоял 28-летний старший лейтенант милиции, сотрудник уголовного розыска Валерий Коновалов. До этого убийства банда Коновалова уже успела совершить пять преступлений, венцом которых и стало убийство А. Самойленко. Толкнула же преступников на это дело уверенность в том, что председатель кооператива, в котором царили финансовые нарушения, сам выложит любую сумму перед вымогателями. Но Самойленко оказался несговорчивым, за что и поплатился жизнью. Газеты по этому поводу писали, что «дело Коновалова открыло статистику рэкета с применением пыток». Нельзя сказать, что власти совсем бездействовали в борьбе с преступностью в то время. В июле 1988 года, например, одним волевым решением были закрыты все магазины «Берёзка», как рассадники незаконных сделок и спекуляции. Правда, та же Л. Кислинская по этому поводу тут же заметила: «И не беда, что прикрыли «Берёзки»! Есть ещё валютные проститутки, есть кооператоры, в конце концов. Работа всегда найдётся».

Дело в том, что возле этих магазинов вот уже много лет «работали» бойкие ребята, которые наживались на обмене рублей на чеки В/О «Внешпосылторга» и наоборот. К примеру, покупая чеки по 1 рублю 80 копеек, спекулянт продавал их по 2 рубля. Цены колебались в зависимости от сезона, наличия или отсутствия дефицитного наплыва посетителей. Начиная с 1983 года правоохранительные органы стали проводить крупномасштабные операции по локализации спекуляции чеками «Внешпосылторга» и товарами, скупаемыми в «Берёзках». За 4 года к уголовной ответственности было привлечено 150 спекулянтов и их пособников из числа работников магазинов.

Между тем работы для многочисленных преступных группировок, которых за последние год-два расплодилось как грибов после дождя, в стране побеждающего капитализма было невпроворот. С 1985 по 1988 год силами правопорядка в стране было выявлено около 3 тысяч групп с признаками организованности. Но их от этого меньше не стало. В одной Москве в 1988 году насчитывалось несколько десятков группировок, наиболее мощными из которых были долгопрудненская, солнцевская, люберецкая, чеченская, подольская и бауманская. На последнюю работали воры, и это считалось самым мощным прикрытием в уголовном мире. Но до весны 1988 года широта и разнообразие операций всех группировок не шли ни в какое сравнение с тем, что началось после того, как в мае того года 9-я Сессия Верховного Совета СССР приняла «Закон о кооперации». По нему вся страна должна была превратиться в один большой Рижский рынок, и первыми, кто это реально осознал, были бандиты.

Они сразу поняли, какой шанс предоставляет им «Закон о кооперации». К примеру, обладатель преступно нажитых средств мог без труда зарегистрировать кооператив по изготовлению предметов бижутерии. Закупив по дешёвой цене оборудование, он мог отразить в документах фиктивные поставки сырца, нанять фиктивный штат сотрудников. При этом каждый месяц, как законопослушный гражданин, хозяин подобного кооператива мог выплачивать государству налог, к примеру, с 50 тысяч рублей. На возможный вопрос налоговой инспекции, откуда деньги, кооператор вполне резонно мог ответить, что на 50 тысяч он произвёл и продал продукции. Благо никто не проверял, действительно ли это так. Ведь государству главное, заплатил ли кооператор налог.

Таким образом, уплатив налог, кооператор имел уже документ на то, что заработанные им деньги «чистые». В течение года он отдаёт государству 252 тысячи, а 468 «отмывает». На эти деньги уже можно смело покупать какую-нибудь недвижимость и наращивать капитал. Парадоксально, но факт: как только «Закон о кооперации» вступил в силу, министр внутренних дел А. Власов издал «Указание № 10», по которому работникам милиции запрещалось не только проверять сигналы и документы по кооперации, но даже заходить в помещения кооперативов.

Правда, через несколько месяцев министр «одумался» и выпустил приказ, который обязывал вести оперативную работу против сомнительных кооперативов, но время было упущено. Сумма «отмытых» денег на этот момент уже исчислялась миллионами.

Л. Кислинская по этому поводу писала: «Монгол и его люди попались в начале 70-х. Они уже отсидели свой срок. Главарь банды вышел на свободу через 14 лет и «отмывает» грязные деньги, вложив их в целый комплекс кооперативов... Есть данные, что руководитель одной из известных московских группировок рэкетиров собирается открыть валютное кооперативное предприятие. Как им всё это разрешают? Здесь уже начинаешь ставить под сомнение честность исполкомовских работников, выдающих патенты...»

Отметим, что в 1988 году на свободе находились 272 вора в законе.

Подполковник милиции В. Овчинский позднее писал: «С 1988 года, после известного закона бывшего СССР о кооперации, по существу, и началось стихийно-неконтролируемое накопление капитала с перекачкой огромных государственных средств в кооперативный, а вернее, в частный сектор, носивший в большинстве случаев противозаконный характер. Здесь же - точка отсчёта слияния теневого мафиозного капитала, накопленного в годы тоталитарного режима, и молодого агрессивного гангстерского капитала первых лет демократизации».

Немалым весом в криминальном мире столицы обладала группировка «Мазутка», во главе которой стоял уголовный авторитет Петрик, которого подручные звали Генералом. В середине 80-х, во второй раз вернувшись из заключения, Петрик сумел заручиться поддержкой влиятельного московского мафиози Отарика, ученика самого Черкасова, и в короткий срок сколотить себе могучую группировку, орудовавшую в Москве, Зеленограде, Химках, Кирове и Астрахани. В Москве, к примеру, боевики Петрика имели неплохой навар с торговцев на Рижском рынке.

С января 1988 года Москву стали наводнять напёрсточники. Во всяком случае их тогда, судя по криминальной статистике, было значительно больше, чем квартирных воров. Тогда квартирных краж в Москве совершалось от пяти до десяти в день. Много было тяжких телесных повреждений, наносимых в основном по пьянке; и уж совсем редкими были преступления с применением огнестрельного оружия.

С февраля 1988 года в Москве стало расти число квартирных краж. Причём взлёт был внушителен - с 10 до 55 в день. С мая преступниками была взята планка с отметкой 100. В августе число квартирных краж в Москве достигало в сутки 150.

В середине мая в Москве произошло одно из самых дерзких преступлений. Преступники напали на кассу в одном из министерств. Убив ножом 74-летнюю кассиршу (огнестрельное оружие тогда ещё достать

было трудно), преступники похитили 14 тысяч рублей. Правда, погулять на них им так и не удалось. Вскоре их задержали.

Летом 1988 года в солнечном Дагомысе прошла сходка представителей двух мощных столичных команд - долгопрудненской и люберецкой. Разговор шёл о переделе сфер влияния в Москве в связи с ростом кооперативного движения. Чеченцы на эту сходку ехать отказались, так как намеревались чуть ли не в одиночку поделить Москву в свою, естественно, пользу. К этому времени чеченская группировка уверенно стояла на ногах как в финансовом, так и в боевом отношении. В её составе начитывалось три мощных объединения, именуемых по местам дислокации. Центральная контролировала центр Москвы и другие территории и была головной - центральной группировкой в чеченской общине. Южнопортовая группировка держала под своим контролем автомобильный бизнес (магазин в Южном порту), а Останкинская контролировала стоянки транзитных автофургонов, следующих по маршруту Москва - Грозный. На этих стоянках «работали» спекулянты, которые договаривались с водителями о перевозке мебельных гарнитуров, автозапчастей, холодильников, фруктов и т. д. непременно крупными партиями. Этими спекулянтами и руководили чеченцы, базировавшиеся в гостиницах «Байкал» и «Останкинская». Проникли чеченцы и в Ленинград, заручившись поддержкой нового короля питерского преступного мира (после арестов в 1987 году С. Васильева и Н. Седюка) Владимира Кумарина.

Этот человек был родом из Тамбовской области и в конце 70-х приехал в Ленинград искать лучшей жизни. Поступив в Ленинградский технологический институт холодильной промышленности, проучился в нём несколько лет, после чего бросил и пошёл сначала швейцаром в «Розу ветров», а затем устроился барменом в «Таллин». В середине 80-х, с началом перестройки, решил создать свою собственную команду по выколачиванию денег из «лохов» и кооператоров. В команду набирать старался своих земляков, тамбовцев. Будучи человеком решительным и жёстким, Кумарин сумел создать одну из самых дисциплинированных команд в преступном мире Питера. Тамбовцы были дерзки и самостоятельны, не признавали над собой диктата воров в законе. Именно тамбовцы одними из первых в городе стали «наезжать» не только на теневиков, но и на представителей легальных коммерческих структур. Став в 1988 году лидером криминального Питера, Кумарин собрал под своими знамёнами несколько сот активных бойцов.

Рост кооперативного движения в стране и пристальный интерес к нему преступного мира, получившего реальную возможность как заработать лёгкие деньги, так и вполне благополучно «отмыть» их, был уже заранее предсказуем. Ещё в мае 1988 года «Огонёк» писал: «По некоторым прогнозам, битва за кооперативы вспыхнет в рэкетирской среде летом нынешнего года. Именно к этому моменту, работая в условиях наибольшего экономического благоприятствования,

кооператоры сумеют заработать свой основной капитал. На это и сделан расчёт боссов московского рэкета, преступников в Ташкенте, Тбилиси и Киеве».

Лев прыгнул

Схватка у магазина «Белград». Лев прыгнул. Смерть В. Кучулории.

Однако, даже учитывая активизацию преступников летом 88-го, власти так и не сумели (или не захотели?) этой активизации достойно противостоять. И хотя 1 апреля 1988 года была создана налоговая инспекция, но квалификация и профессиональный уровень многих её сотрудников оставляли желать лучшего. То же самое касалось и сотрудников МВД, о которых тот же «Огонёк» писал: «Что же касается подразделений по борьбе с организованной преступностью, то их положение оставляет желать лучшего. Ни в одном районном отделении милиции угрозыск не имеет собственных машин, а на муровские автомобили выделяется всего 300 литров бензина в месяц, к тому же Аэрофлот бронирует для сотрудников всего аппарата МВД только два места на рейс».

Между тем в 1988 году в МВД СССР были уже созданы 16 отделов по борьбе с организованной преступностью, несколько отделений, 20 групп при МВД союзных и автономных республик. Правда, министр пока оставался прежний - А. Власов. Зато в Союзной прокуратуре произошли изменения. В мае 1988 года новым Генеральным прокурором СССР вместо А. Рекункова (работал в этой должности с 1981 года) стал Александр Сухарев, до того - министр юстиции РСФСР.

Как обычно в таких случаях, смена первого лица вселяет в людей надежду на лучшее. И действительно, придя на новую должность, А. Сухарев отдал команду аналитикам прежде всего проанализировать ситуацию с организованной преступностью. Аналитики стали копаться в бумагах. А преступники продолжали действовать чуть ли не под носом у них.

4 июля 1988 года в 11.20 утра у магазина «Белград», что на Домодедовской улице, произошла драка. Представители одной московской группировки, контролировавшие это место, жестоко избили азербайджанцев, попытавшихся «развернуться» у магазина в игре в три напёрстка. В драке участвовало 20 человек. Пострадали двое. А. Новрузов получил черепно-мозговую травму, Ш. Гусейнов заработал сотрясение мозга. Органами милиции было задержано 12 человек.

После столь негостеприимного обхождения азербайджанцы воспылали естественной жаждой мести к москвичам. В 20.20 вечера 150 кавказцев на частных автомобилях и такси прибыли на Домодедовскую, надеясь разыскать обидчиков. Одного из них, как им показалось, они

обнаружили в проезжавших мимо «жигулях». Началась погоня. Перепуганный незнакомец свернул во двор 143-го отделения милиции, надеясь там найти спасение. Но разъярённая толпа уже не контролировала свои действия. Въехав следом за ним, кавказцы попытались нагнать незнакомца, но тот перелез через каменное ограждение и скрылся. Тогда всю свою злость кавказцы выместили на его «жигулях», которые в течение нескольких минут были превращены в консервную банку. На выскочивших на улицу милиционеров никто внимания не обращал. Только когда прибыло дополнительное подкрепление, кавказцев удалось утихомирить. 24 человека из них были задержаны. 6 июля многие столичные газеты поместили обширные статьи об этом инциденте. 29 июля на подведении итогов работы ГУВД за первое полугодие этому инциденту было уделено значительное место. Там же говорилось и об инциденте, произошедшем через несколько дней после драки у «Белграда».

Теперь сферы влияния делили чеченцы и боевики из Подмосковья. Камнем преткновения между ними стал Южный порт, контроль над которым пытались монополизировать чеченцы. Правда, в отличие от белградской бойни возле «Узбекистана» схватки не произошло, хотя всё было к этому готово. Боевики имели и цепи, и ножи, и заострённые прутья арматуры, и обрезы с пистолетами. Но предупреждённая заранее милиция сумела предотвратить сражение. Правда, ненадолго. 15 августа у автомагазина на Шарикоподшипниковской вспыхнул новый конфликт славян и чеченцев, теперь уже со стрельбой. Таким образом долгопрудненцы и любера внедряли в жизнь дагомысские договорённости.

Растерявшаяся от такого разгула страстей власть пыталась выровнять положение и даже вырвать инициативу из рук преступников. С 1 июля на территории СССР прекратили работу магазины «Берёзка», превратившиеся в рассадники незаконных сделок и спекуляции.

В августе 1988 года, после шума, поднятого прессой после драки у магазина «Белград», появился Указ Президиума Верховного Совета СССР, который внёс изменения и дополнения в соответствующие правовые нормы, устанавливающие ответственность за азартные игры.

Чуть раньше, 20 июля, в «Литературной газете» была опубликована первая крупная статья об отечественной организованной преступности под названием «Лев прыгнул!». Её авторами были обозреватель «Литературки» Юрий Щекочихин и руководитель исследований по теме оргпреступности подполковник милиции Александр Гуров. В 1973 году младший лейтенант милиции А. Гуров на улице Москвы застрелил знаменитого льва Кинга, который снялся в фильме Эльдара Рязанова «Необыкновенные приключения итальянцев в России». В тот роковой день Кинг набросился на студента Владимира Маркова, и, если бы не Гуров, участь молодого человека была бы печальной. К 1988 году А. Гуров вырос в звании до подполковника и работал в НИИ МВД. В той знаменитой

июльской публикации А. Гуров довольно подробно для того времени рассказал об истоках возникновения советской организованной преступности и о сегодняшнем дне. Чего, например, стоил такой пассаж: «Преступные организации распространены прежде всего во всех южных регионах, включая Украину и Молдавию. Из городов Украины считаю наиболее заражёнными Киев, Львов, Одессу, Донецк, Днепропетровск... Конечно, Москва и Ленинград, отмечены преступные организации (но на более низком уровне) в Тамбове, Пензе, Ярославле, Перми... Сейчас в преступной среде стало престижным брать под свой контроль маленькие города. В Московской области это Балашиха, Люберцы, Пушкино, Орехово-Зуево».

О «крёстных отцах» нашей мафии А. Гуров выразился следующим образом: «Кланами мафии, по нашим данным, руководят или бывшие спортсмены, или профессиональные рецидивисты, или незаметные, серые хозяйственники, или, скажем, официант пиццерии. Но у него - и охрана, и разведка, и своя система контроля над территорией. И главное, коррумпированные связи, с «помощью которых он забирается выше и выше».

О ворах в законе: «Меня как-то старый эмвэдэвский аппаратчик спросил даже не об организованной преступности, а об обыкновенной, профессиональной: «Это ты, что ли, Гуров, нашёл воров в законе на семидесятом году Советской власти? Как тебе не стыдно!»

Эта публикация в «Литературной газете» едва не стоила А. Гурову карьеры. Гораздо позднее, уже в 1993 году, сам он об этом вспоминал так: «Это для меня едва не закончилось изгнанием из милиции. Была назначена комиссия, приехали из особого отдела, и лишь вмешательство Анатолия Ивановича Лукьянова (он по линии ЦК курировал правоохранительные органы) спасло. Я об этом заявил по телевидению, выражал ему огромную благодарность. То ли ему предложил вмешаться Михаил Сергеевич, как мне Юрий Щекочихин сказал, то ли он сам, дело не в этом. Но он написал записку, где выразил мнение, что статья в «ЛГ» заслуживает внимания, и просил разработать меры. Меня оставили в покое, хотя жалобы были на меня из Хабаровского, Пензенского, Львовского обкомов партии...»

Надо отметить, что эта статья имела широкий резонанс не только в среде милицейских и партийных чиновников, но и в криминальной среде тоже. После её выхода в Москве и Волгограде прошли специальные сходки уголовных авторитетов, на которых статья в «Литературке» была названа «предвестником предстоящих бурь». Хотя многие опытные авторитеты резонно заметили, что «ментам, чтоб раскачаться, нужно очень много времени».

21 июля, то есть на следующий день после выхода в свет статьи «Лев прыгнул!», газета «Труд» опубликовала на своих страницах заметку ещё одного журналиста - криминолога Вадима Белых под названием

«Похороны «крёстного отца». В ней рассказывалось, как на днях на Ваганьковском кладбище в Москве хоронили известного в преступном мире авторитета, рецидивиста с 25-летним тюремным стажем В. Кучулорию по кличке Писсо.

Авторитет Писсо в уголовном мире был действительно высок. В 1986 году, когда на Северном Кавказе возник конфликт между квартирными ворами из Пятигорска и наперсточниками из Минеральных Вод, именно Писсо был выбран в качестве третейского судьи. Писсо помирил соперников, но в ресторане, где обмывалось это перемирие, ссора чуть было не вспыхнула вновь. И вот в июле 1988 года В. Кучулории не стало. Проститься с ним в Москву прибыл чуть ли не весь цвет криминального мира страны.

«Давно не видело старинное московское Ваганьковское кладбище столь пышных похорон. Человека, скончавшегося от рака горла, везли на кладбище по центральным улицам столицы. Процессия была внушительна: три огромных автобуса и нескончаемый шлейф из легковых автомобилей всевозможных марок. Мелькали московские, грузинские, азербайджанские, запорожские номера. Проезжали машины из Харькова, Ростова-на-Дону, Одессы...

Был здесь цвет преступного мира - главари кланов, банд, мастера отмычки и лихого бандитского наскока. Они несли венки с красными лентами, охапки роз... Несли гроб с телом усопшего преступника мимо памятника Высоцкому, мимо могил Есенина, великих писателей, учёных, артистов, отважных полководцев...»

Не прошло и месяца со дня опубликования этой статьи, как 13 августа «Труд» опубликовал новую, под названием «Кощунство». В ней сообщалось: «К сожалению, звонками, письмами, визитами в редакцию, митингами дело не ограничилось. Через день после публикации большая группа молодых людей устроила разгром на месте захоронения. Похожее случалось и потом».

Приходится напоминать об очевидном: законность не восстанавливается противозаконными методами, и подобные выходки к лицу разве что сподвижникам «крёстного отца», но не тем, кто борется за справедливость...

Далее в статье сообщалось, что захоронение на Ваганьковском кладбище В. Кучулории - противозаконно. По этому факту прокурор Москвы Л. Баранов направил председателю исполкома Моссовета В. Сайкину представление о нарушении законов, регламентирующих деятельность ритуально-похоронных служб. Одним из пунктов этого представления было аннулирование незаконного разрешения администрации Ваганьковского кладбища на захоронение останков гражданина Кучулории В. Д. и перезахоронение его на общих основаниях.

Между тем в тот год доставалось не только ворам в законе, но и генералам МВД самого высокого ранга. Примером тому может служить августовское выступление «Известий» с публикацией «Столкновение». Речь в ней шла о министре внутренних дел Якутской АССР Ю. В. Кейдышеве, который в пьяном виде решил прокатиться на водном катере, в результате чего катер врезался в теплоход «Метеор-188». На справедливое замечание капитана теплохода Кейдышев ответил нецензурной бранью. После выступления «Известий» Ю. В. Кейдышев был снят со своего высокого поста.

К осени 1988 года желание М. Горбачёва придать реформам ещё большее ускорение привело его к новым кадровым перестановкам. В октябре 1988 года новым председателем КГБ СССР вместо В. Чебрикова стал Владимир Крючков, а кресло министра внутренних дел занял 51-летний Вадим Бакатин, бывший до этого 1-м секретарём Кемеровского обкома партии. По образованию новый министр был строителем, таким образом, он стал вторым, после Н. Дудорова, министром МВД с подобной специальностью.

Но отсутствие у Бакатина опыта работы в правоохранительной системе не играло в решении Горбачёва назначить его министром МВД никакой роли. Главное, чего добивался новый генсек, вызывая Бакатина из Кемерова, это то, что тот не имел в Москве никаких устойчивых связей в аппарате МВД, а значит, был абсолютно независим от чьего бы то ни было влияния. Точно таким же образом поступил Горбачёв в январе 1988 года, когда назначил 1-м секретарём ЦК КП Узбекистана Рафика Нишанова, 15 лет пробывшего за рубежом в качестве посла в Шри-Ланке и Иордании. А И. Усманходжаев, уступивший своё место Р. Нишанову, в октябре 1988 года был арестован группой Т. Гдляна - Н. Иванова по обвинению во взяточничестве. К этому времени Гдлян и Иванов благодаря потоку публикаций о себе в центральной и республиканской прессе стали уже национальными героями и продолжали борьбу с мафией в Узбекистане. Надо отметить, что за 1984 - 1988 годы в этой солнечной республике было снято со своих постов около 58 тысяч ответственных работников различных уровней власти. За тот же период было уже заменено 90,4% кадров номенклатуры ЦК КПСС и 76,6% номенклатуры ЦК КП Узбекистана.

Назначение нового министра союзного МВД прошло незамеченным со стороны преступного мира страны, который осенью 1988 года продолжал нагуливать жирок и накачивать мускулы. В том октябре в Москве произошёл новый виток напряжённости из-за бесцеремонных действий столичных рэкетиров.

24 октября они «наехали» на водителей, занимавшихся частным извозом в аэропорту Внуково. Ультиматум рэкетиров был такой: «Вы нам - по 150 рублей с машины, мы вам - охранную грамоту: чужаков в вашей точке не будет». За деньгами и номерами машин они должны были подъехать 1 ноября. Но сделка не состоялась. Тогда встречу перенесли на

4 ноября к Ярославскому вокзалу. И вот к назначенному часу у вокзала собралась целая армия водителей (500 человек), готовых дать достойный отпор бандитам. Вся территория вокзала была оцеплена милицией. Водителей просили разойтись, но они упорно ждали прихода рэкетиров. А вернее, играли на публику, показывая свою солидарность и сплочённость. В откликнувшейся на это событие газете «Московские новости» журналист Н. Геворкян затем писала: «Рэкет в Москве становится проблемой. И дело не в том, что, как говорят шофёры-индивидуалы, органы правопорядка не могут справиться с этим явлением. Они будут беспомощны до тех пор, пока действия их не подкрепят соответствующие изменения в законодательстве. Закон отстал от жизни, частью которой стал и рэкет».

Рэкет стал проблемой не только для Москвы, но и для всей страны. 28 сентября 1988 года в новой статье «Прыжок Льва на глазах изумлённой публики» «Литературная газета» с горечью констатировала: «Это ещё только слухи, болтовня обывателей или уже скрываемая правда? Что в одного стойкого кооператора, отказавшегося платить дань, разрядили автомат из проезжавшей мимо машины? Что подавляющее большинство менее стойких ежемесячно выкладывают бандитам суммы, которые и не снились Минфину с его прогрессивным налогом? Что милиция, в свою очередь, обложила данью самих налётчиков? И (совсем наоборот) что в милиции созданы подразделения по борьбе с организованной преступностью? «Лев» в самом деле прыгнул или только ещё подёргивает хвостом, готовясь к прыжку?

Объяснимо молчание вымогателей и их жертв. Но почему хранят таинственное безмолвие милиция и прокуратура? Хотя уже очевидно, что замалчивание этой неудобной темы - одна из самых надёжных гарантий дальнейшего развития организованной преступности. Больше того, во всех случаях различимо некоторое даже удовлетворение: грабят не нашего брата неимущего, а этих кооператоров, заламывающих бешеные цены. И как-то не берётся в расчёт, что одно из слагаемых этих цен - та дань, которую кооператоры (по слухам?!) платят-таки рэкетирам!»

Эта публикация появилась в конце сентября, а в конце октября в МВД пришёл новый министр. Пришёл именно для того, чтобы «разобраться» с организованной преступностью, с которой явно не справлялся А. Власов. За один только этот год из МВД в кооперацию ушли три с половиной тысячи офицеров. Это тоже было ярким показателем того, что в МВД явно не всё в порядке.

Между тем, придя к руководству МВД, В. Бакатин сделал мудрый пропагандистский шаг: он раскрыл перед гражданами СССР статистику преступлений. Случится это в феврале 1989 года, впервые за последние 56 лет. По ней выходило, что общее число преступлений в стране в 1988 году выросло по сравнению с 1987 годом на 3,8%, составив цифру (округлённо) 1,8 миллиона. Но, как объясняли далее статисты МВД, в 1983, 1984 и 1985 годах всего в стране совершалось ежегодно более 2

миллионов преступлений, поэтому уровень 1988 года ещё явно не дорос до тех лет.

Далее цифры объясняли, что с 1979 по 1984 год в стране совершалось ежегодно около 20, а в некоторые годы - около 21 тысячи умышленных убийств. Затем начиная с 1985 года число тяжких насильственных и корыстных преступлений стало снижаться (убийства с 20 501 в 1984 г. до 18 718 в 1985-м, до 14 848 в 1986-м и до 14 651 в 1987 году). И вдруг в 1988 году число умышленных убийств увеличилось на 2 тысячи в сравнении с прошлым годом и достигло цифры 16 710. Каждые 32 минуты в стране совершалось умышленное убийство. Всего же в 1988 году в стране было зарегистрировано 1 867 223 преступления, что на 68,7 тысячи, или 3,8% больше, чем в 1987 году. Рост количества зарегистрированных преступлений произошёл в 59 союзных, автономных республиках, краях и областях, между тем как в 1987 году только в трёх!

Что касается рэкета, то здесь количество выявленных в Москве случаев достигло 600, между тем как в милицию обратились только 139 раз. Это явно говорило о том, что граждане кооператоры, не веря в возможности родной милиции, исправно платили дань бандитам. Если учесть, что количество кооперативов в стране с мая 1988 года увеличилось в сотни раз, то можно себе представить, какие деньги оседали в карманах рэкетиров. Последние ради таких денег готовы были пойти на всё. К концу 1988 года кооператоры Москвы были уже плотно обложены данью со стороны долгопрудненской, люберецкой, солнцевской, балашихинской группировок. Чеченцы были несколько оттиснуты от жирного пирога, но это не могло продолжаться вечно. И это длилось до конца года, пока из зоны не вернулись авторитеты Атлангериев и Нухаев. Именно с их возвращением чеченцы обрели второе дыхание и решили дать достойный отпор славянам. Тогда начали создаваться боевые группы чеченцев, которые в нужный момент объединялись в единую боевую дружину.

Тем временем, пока чеченцы наращивали мускулы и готовились к боевым действиям, их противники уже несли потери. В ноябре 1988 года состоялся суд по факту хулиганских действий в январе этого года лидера люберецких С. Аксёнова. Его приговорили к двум годам общего режима за умышленное причинение менее тяжёлого телесного повреждения. Доказать то, что Аксенов и его друзья обстреляли машину с долгопрудненцами не удалось, и поэтому их судили по другим статьям. И хотя приговор суда оказался смехотворным, сотрудники МУРа праздновали свою маленькую, но победу. Л. Кислинская об этом тогда писала: «Сделан первый шаг в борьбе с кланом рэкетиров. Может быть, он станет и первым шагом к принятию закона о рэкете. А он очень нужен, этот закон. Ведь пока, кроме шума, ничего нет. Поступают сигналы тревоги от кооператоров, но, когда сотрудники МУРа туда приезжают, выясняется, что заявить не о чём. Им не угрожали, а просто предлагали охранять - на всякий случай. А за подобные предложения к уголовной

ответственности не привлекают».

Банда Можаева и братья Овечкины

Резкий взлёт преступности в стране, после двух лет спада, поставил правоохранительные органы в трудное положение. Политическое руководство страны, ежедневно вещая о революционных преобразованиях, о наступлении нового светлого завтра, также было поставлено в неприятное положение таким всплеском преступных страстей. М. Горбачёв провёл кадровую рокировку в КГБ и МВД СССР и ждал скорых положительных результатов. Однако ситуация и не думала улучшаться.

Между тем были в тот год и победы. В апреле 1988 года в Алма-Ате была ликвидирована банда Можаева, которая начиная с декабря 1977 года (то есть за 11 лет) совершила 9 убийств. Банда насчитывала в своих рядах три человека и состояла из В. Можаева и Н. Немчина, водителя такси, и Солуянова, который тоже работал водителем, но на «скорой помощи». В. Можаев и Н. Немчин учились в одном классе и жили на окраине Алма-Аты в густонаселённом районе, что ниже бывшей Ташкентской улицы. К своим 25 годам они уже успели познакомиться с местами не столь отдалёнными и набраться криминального опыта. В. Можаев, к примеру, за драку и поножовщину получил 4 года тюрьмы, но отсидел всего 2 года и был отпущен за примерное поведение.

Свой кровавый путь банда начала в декабре 1977 года с ограбления и убийства. Затем пошла целая череда изнасилований с убийствами, совершенных в июне 1980, январе и июне 1981, и в декабре 1982 годов. После этого бандиты перешли на «серьёзный» промысел и решили взять кассу. Для этого они убили милиционера и завладели его пистолетом. Затем в один из июньских дней 1983 года бандиты совершили нападение на женщину-кассира «Спецдормаша» и убили её. В сумке матери двоих детей оказалась лишь тысяча рублей. Преступление было совершено грамотно, и милиция сразу же была направлена по ложному следу. Напавший на кассира Можаев был одет в кожаную курточку, на нём мотоциклетный шлем и очки. Это привело следствие к мысли, что преступление совершено рокерами.

В октябре 1984 года бандиты спланировали напасть на кассу завода «20 лет Октября». Для этого решили раздобыть автоматы. Был подготовлен план нападения на армейский патруль. Во время осуществления этого плана бандиты убили водителя такси, но так и не смогли осуществить задуманное. Нелепая случайность сорвала им тогда задуманное.

Но мысль о крупном ограблении не покидала их ни на час. И вот в июле 1986 года они решают ограбить кассу «Асфальтобетона». Готовятся к преступлению тщательно. Запасаются специальными средствами, чтобы

не оставлять следов и отпечатков пальцев. Добывают рабочие комбинезоны и респираторы. Перед самым ограблением угоняют машину, находят для неё новые номера и перед выездом на «дело» меняют их.

Нападение на кассира «Асфальтобетона» и её убийство тремя неизвестными взбудоражило весь город. В сумке кассира находилось 100 тысяч рублей. На месте преступления были обнаружены пули от милицейского «макарова», снятого три года назад с убитого милиционера. Этот же «макаров» уже всплывал в июне 1983 года, когда была ограблена и убита кассир «Спецдормаша». Значит, в Алма-Ате уже три года безнаказанно действовала вооружённая банда. Было отчего прийти в ярость высоким милицейским чинам.

Для расследования этого дела были востребованы лучшие силы угро. Руководили им заместитель прокурора Алма-Аты В. Вотунов и начальник Управления уголовного розыска МВД республики В. Артеменко. В бригаду следователей входили прокурор-криминалист Б. Азбель, следователи В. Назин, С. Насыров и др. В ходе предварительного следствия было допрошено более трёх тысяч свидетелей, проверено свыше 800 сложных криминалистических и других экспертиз. Весной 1988 года банда Можаев была разоблачена.

Примерно в то же время страну потрясло другое преступление, совершённое семьёй Овечкиных в составе ни много ни мало 11 человек. Мужская половина этой семьи (семеро братьев) была известна у нас в стране и за её пределами как музыкальный ансамбль «Семь Симеонов» из Иркутска. И вот эта «музыкальная» семья совершила попытку угона гражданского самолёта, во время которого была убита бортпроводница Тамара Жаркая, повторившая судьбу стюардессы Надежды Курченко, погибшей от рук воздушных террористов отца и сына Бразинскасов 15 октября 1970 года.

В те весенние дни 1988 года пресса была буквально заполнена статьями об этом преступлении, и нам поэтому остаётся только проследить его путь на основе этих публикаций.

«Аргументы и факты»: «Родители. Овечкина Н. С. 1937 года рождения, уроженка Иркутской области, сирота, родители погибли во время войны, с 6-летнего возраста воспитывалась в детдоме. В марте 1979 года Нинель Овечкина была награждена медалью «Мать-героиня» (в её семье было 11 детей). Отец, Овечкин Дмитрий Дмитриевич, умер в 1984 году. В последние два года жизни тяжело болел. До болезни работал последовательно шофёром, грузчиком, сторожем. Неоднократно увольнялся с работы по причине пьянства. Дети (по старшенству): Ольга (28 лет), Василий (26 лет), Дмитрий, Олег (21 год), Александр, Игорь (16 лет), Татьяна (15 лет), Михаил (13 лет), Ульяна (10 лет), Сергей (9 лет)».

Со слов Н. Гонтимуровой, соседки: «Они выросли в небольшом домике в рабочем предместье Иркутска. Участок - 8 соток. На нём они держали

одновременно 2 коровы, 2 - 5 тёлок, быка, до десяти свиней, овец, кур... Слоняющимися без дела, хулиганящими их нельзя было увидеть. Пьяными - тем паче. Хозяйство было большое, и работы хватало всем».

Со слов Т. Скорнюкова, преподавателя, бывшего директора школы № 66: «Из 11 детей в школе училось 10. Все они отличались большой дисциплинированностью, скромностью. Но учились еле-еле, помногу пропускали. Трудно было ругать их за это, потому что все понимали, им надо вести хозяйство. Ведь основу бюджета семьи (хотя дети бесплатно питались в школе, получали форму и материальную помощь) составляли доходы от участка. Общественной нагрузки никогда не несли, всегда ссылаясь на недостаток времени, не ходили они с ребятами ни в театры, ни в кино. Даже бесплатно. Отсюда - слабое умственное и духовное развитие. Школа, общество, по сути, не оказывали на Овечкиных никакого влияния. Они были почти полностью замкнуты в самих себе».

«Собеседник»: «Ребятишки росли славные, приветливые, одеты всегда были чистенько, аккуратно. Ни грубого слова, ни плохого поступка никогда за ними не было. Но уже тогда многими замечалось их подчёркнутое превосходство над сверстниками с одной стороны, и болезненная реакция на всегдашние занятия непривлекательным крестьянским трудом: навоз, земля, свинарник - с другой. Тайком носили проданный соседу навоз - стеснялись посторонних глаз...

Старшие во всём опекали младших, младшие во всём слушались старших, а все вместе беспрекословно подчинялись маме. Слово матери, мнение, совет, решение были законом для всех и обсуждению не подлежали.

Права на индивидуальность здесь не имел никто, кроме матери, если музыканты, то все, а дочери, как и она, по торговой части. Но внешне это не выглядело палочной дисциплиной, когда, как говорится, все ходят по струнке. Просто здесь так было заведено.

Они любили друг друга и дорожили друг другом. Труд в своём доме, упорный и всепоглощающий, каждодневные заботы и хлопоты не оставляли в их жизни места для другого, разве что для музыки, которая тоже родилась здесь, в их доме».

Со слов В. Романенко, преподавателя Иркутского училища искусств: «Они пришли ко мне осенью 1983 года и попросили помочь им организовать джазовый ансамбль (создан по инициативе Василия). Официально я никогда не числился их руководителем. Они просто приходили ко мне, и мы занимались. Потом у нас состоялся смотр-конкурс, на котором присутствовал представитель Министерства культуры. Вот он и сказал, что этот номер нужно обязательно показать в Москве. Показали. Это случилось в апреле 1984 года в училище имени Гнесиных».

«Социалистическая индустрия»: 1985 год принёс новую известность.

Всесоюзный фестиваль «Джаз-85» в Тбилиси, творческий отчёт «Всемирный фестиваль молодёжи и студентов», передача Центрального телевидения «Шире круг» - везде оказались Овечкины. Они понравились, а раз понравились Москве, то их стали возить всё чаще и чаще.

В том же году был снят документальный фильм о них на Востоке Сибири.

Не исключено, что этот головокружительный взлёт и стал роковым для семьи. Вернее, дал первый толчок, сдвинул какие-то пласты в сознании, которые разверзлись после бездонной пропастью. Если раньше, чтобы купить Игорю фортепьяно, семья долго экономила, выкармливала на продажу бычка и свиней, то теперь блага посыпались как из рога изобилия».

«Аргументы и факты»: «В 1985 году семье Овечкиных были выделены две трёхкомнатные квартиры в новом жилом доме. Одновременно их старый частный дом на Детской улице в Иркутске был оставлен на имя Овечкина Олега».

Осенью 1987 года ансамбль «Семь Симеонов» отправился в Японию в составе делегации города Иркутска. Об их приезде настоятельно просила японская сторона.

Со слов Н. Могилёва, командира подразделения, расквартированного в Иркутске, где служили трое старших Овечкиных: «Я встретил их случайно в городе после возвращения из Японии. Они были в страшном восторге. Взахлёб рассказывали, как жили там, как встретились после своего концерта с негритянским джазистом. Он рассказал им, что играет раз в год и получает за это 100 тысяч долларов. Потом он сказал, что какая-то изюминка в них есть и что если они будут работать, то на Западе смогли бы получать немалые деньги».

Со слов К. Лапустинского, зам. начальника УВД Иркутской области: «Почему они не остались в Японии, а вернулись в Иркутск? Думаю, что тогда их преступный замысел ещё не созрел. Кроме того, старшим братьям и в голову не могло прийти решиться на такой серьёзный поступок, не посоветовавшись с матерью. Они, мне кажется, мыслили свою семью единым организмом».

«Комсомольская правда»: «Выход из тупика был найден - покинуть Родину, вмиг оказаться там, где за удар по струнам платят «тыщи», где такие красивые залы и звонкие инструменты, где ещё недавно их так хорошо принимали, а значит, и теперь примут с радостью... Именно так размышляли старшие Овечкины вместе с матерью, обсуждая на семейном совете (в середине февраля) захват самолёта и мечтая о будущей жизни. Младших в свои планы не посвящали, куда они денутся - «у нас один за всеми, а все без одного не все. Или все улетим, или все умрём», - отрезала тогда мать.

«Против» до самого конца была Ольга. Она даже пыталась сорвать поездку, когда не пришла ночевать домой с 5 на 6 марта. Утром она должна была лететь в Ленинград, чтобы взять там билеты на рейс в Иркутск. Таков был первоначальный план: прилететь 8 марта в Ленинград, пересесть на обратный рейс и лишь тогда потребовать от экипажа лететь за границу. Братья и мать учинили Ольге скандал, вновь купили билеты и до самого отлёта не спускали с неё глаз...»

При обыске квартиры, где проживала семья Овечкиных, обнаружены явные следы готовившегося преступления, гильзы, коробки из-под пороха, контактные провода, обрезки оружейных стволов, специальный клей, корпуса часовых механизмов...

Накануне в спешном порядке семья распродала почти всю мебель - мол, появилась возможность удачного квартирного обмена. Братья продали радиотехнику, привезённую осенью из Японии...

В аэропорту появились за полтора часа до регистрации - в 6 часов 30 минут утра. Выждали, когда досмотр пройдут более половины пассажиров, и пошли сами. 8 марта контроль за посадкой пассажиров и досмотр ручной клади осуществляла смена под руководством капитана милиции К. Джикия...

Кроме ручной клади и инструментов, других вещей у Овечкиных не было. Билеты подали все вместе. Нервозности или чего-то подозрительного работники милиции не обнаружили. Их узнали. Так это же наши Овечкины! Музыканты. Семейный ансамбль. Один из старших братьев даже попытался поставить контрабас в рентгенотелевизионный интроскоп, хотя и так было видно, что он в него не поместится (братья об этом знали, так как перед этим полётом специально летали в Москву с контрабасом, чтобы «опробовать» его при досмотре). Тогда сотрудник службы досмотра Галина Ивановна Сергеева попросила положить контрабас на стол, расстегнула молнию чехла и, увидев инструмент, застегнула и разрешила всем пройти в накопитель. Вот и вся проверка.

Так на борту самолёта оказались обрезы и взрывное устройство.

«Аргументы и факты»: Со слов И. Васильевой, бортпроводницы: «Они вошли в самолёт, обращая на себя всеобщее внимание. Одеты, как подобает эстрадным звёздам, пахнущие духами. Овечкины держались так, чтобы все видели - они артисты. Во время полёта вели себя развязно, пытались заигрывать. Я сначала даже не поняла, кто они, и только потом Тамара (Жаркая) сказала мне, что это Овечкины, те самые, Симеоны.

Самолёт вылетел из Иркутска в 8.05, через три часа прибыл в Курган. И только после Кургана, когда до Ленинграда оставалось около часа полёта, преступники обнаружили себя».

«Известия»: «В самолёте было много свободных мест.

Воспользовавшись этим, вся группа преступников, прежде сидевшая в разных рядах двух салонов, переместилась в хвостовой отсек. Пассажиры этого салона с большим удивлением увидели, что молодой человек в сером свитере и фетровом берете, начавший расхаживать по проходу, перестал пускать людей в туалет. Не пустил женщину, потом другую. Один из пассажиров, который почувствовал что-то неладное, тоже поднялся и направился к туалету. И услышал: «Сядь на место!» Обернувшись, увидел два направленных на него обреза в руках у совсем ещё молодых людей, чем-то похожих друг на друга.

Тем временем преступники вызвали бортпроводницу (Ирину Васильеву), через которую передали экипажу записку со следующими словами: «Летите в Англию (Лондон). Не снижаться. Иначе самолёт взорвём. Вы находитесь под нашим контролем». На часах в этот момент было 14 часов 53 минуты...

Для уточнения обстановки из пилотской кабины вышел бортинженер. Подойдя к молодым людям, начал непринуждённый разговор с парнем, которого другие называли Василием. Надо было попытаться снять истеричность, которая уже начала проявляться в действиях группы. Бортинженер объяснил, что в любом случае полёт не может быть долгим, так как на борту недостаточно топлива, самолёт должен сесть для заправки. И в ответ услышал прежние требования и угрозу».

Однако, после того как истерика у Овечкиных прошла, они согласились на дополнительную посадку. Пунктом приземления был выбран финский город Котка.

«Известия»: «Очевидцы отмечают, что в бандитской группе выделялись три лидера - Василий и Олег Овечкины и их мать - полноватая женщина пятидесяти с лишним лет, модно одетая.

Стюардесса передала по громкой связи всем салонам, что самолёт производит посадку в аэропорту финского города Котка для дозаправки. Она попросила всех пассажиров оставаться на своих местах, сохранять спокойствие, после посадки не вставать».

Между тем земля, получив сообщение о захвате самолёта, приказала садиться на одном из аэродромов под Ленинградом. К этому времени в действие вступил план «Набат», и руководство операцией по обезвреживанию воздушных террористов взяли на себя начальник Управления КГБ по Ленинграду и области В. Прилуков, его заместители - начальник Управления внутренних дел на транспорте полковник милиции В. Власов, заместитель начальника ГУВД полковник милиции А. Быстров. В. Прилуков сидел в Ленинграде и держал постоянную связь с Москвой. А на месте операцией руководил начальник пограничных войск округа генерал-лейтенант А. Викторов. Под его руководством была сформирована и группа захвата из 10 милиционеров роты оперативного реагирования полка ГУВД.

«Советская Россия»: «16.05. Самолёт произвёл посадку. 16.10. Зарулил на стоянку, с борта требуют заправку. 16.17. Вышел вертолёт за группой захвата. 16.30. С борта «Ту-154» передают - угонщики ведут себя агрессивно, взяли в заложники стюардессу».

«Комсомольская правда»: «Тамара Жаркая подошла к 31-му ряду, и тут в неё упёрлось дуло обреза: «Ты останешься здесь. Садись!» Категоричность приказа подтвердили выстрелы, пули просвистели мимо лица Ирины, выглянувшей из-за перегородки самолётной кухни».

В это время вид, открывающийся из иллюминаторов, стал всё больше выводить бандитов из равновесия. В финском городе Котка они почему-то обнаружили людей, одетых в форму солдат Советской Армии, на бензозаправщике прочитали надпись по-русски: «Огнеопасно». Ярости бандитов не было предела. За этот обман поплатилась своей жизнью 29-летняя бортпроводница Тамара Жаркая. Её хладнокровно застрелил Дмитрий Овечкин».

«Комсомольская правда»: «Раздались два выстрела. Один из братьев Овечкиных подошёл к Ирине и прошипел: «Скажи командиру, что одну стюардессу мы уже убили! Пусть все отойдут от самолёта, а не то...»

«Известия»: «Наконец подошёл первый заправщик. Один из пассажиров увидел, как находившийся на заправщике офицер поспешно срывал с шапки кокарду... Люди, стоявшие поодаль на лётном поле, делали жесты, тоже понятные всем, - они жестикулировали, явно направляя действия группы захвата. И это не осталось незамеченным преступниками. Они опять принялись кричать: «Взлёт! Взлёт!» Экипаж передал в салон, что полёт без заправки невозможен, а при заправке не обойтись без бортинженера.

Его удалось выпустить из кабины так ловко, что ни один из преступников не успел проникнуть внутрь, к пилотам. Они позволили лишь одному бортинженеру спуститься по стремянке на землю. Тот взобрался на крыло, открыл горловину, опустил в неё шланг... преступники внимательно следили за каждым движением бортинженера и тех, кто подогнал заправщик. Не спускали глаз и с салона. Впереди стоял Олег, Игорь находился в центре, Василий постоянно перемещался взад-вперёд. Мать с малышами оставалась сзади. Малолетних в группе было трое.

Пять человек из группы захвата уже пробрались в кабину. Подошёл второй заправщик, за ним - третий. Бандиты остервенело рвались в пилотскую кабину. Люди из группы захвата выстроились по другую сторону двери, ждали команды. Сигналом для операции должно было послужить начало движения самолёта...» Время на часах 18.35.

В 19.20, когда самолёт тронулся, группа захвата рванула дверь пилотской кабины и выскочила в салон. Овечкины как будто ждали этого

и открыли бешеную стрельбу из обрезов. В ответ оперативники, прикрываясь щитами, стали стрелять из пистолетов в конец салона, где находились Овечкины. В результате этого был ранен один из пассажиров, сидевший в трёх-четырёх метрах от кабины самолёта, из которой вела огонь группа захвата. Вместе с ним пострадали ещё три ни в чём не повинных человека. Между тем досталось и оперативникам. Пули Овечкиных ранили двоих из них, и группа захвата вынуждена была отступить в кабину пилотов.

Но даже отбив атаку, Овечкины не заблуждались на свой счёт. Поэтому они приступили к осуществлению того, о чём договорились между собой ещё там, дома, если их план захвата не удастся.

«Комсомольская правда». Из показаний Михаила Овечкина: «Братья поняли, что их окружили, и решили застрелиться. Первым выстрелил себе под подбородок Дима. Затем Василий и Олег подошли к Саше, встали плотно вокруг взрывного устройства, и Саша поджёг его. Когда раздался взрыв, никто из ребят не пострадал, только у Саши загорелись брюки, а также обшивка кресла и выбило стекло иллюминатора. Начался пожар. Тогда Саша взял у Олега обрез и застрелился. Затем Олег взял свой обрез из рук Саши и тоже застрелился. Когда Олег упал, мама попросила Васю, чтобы он застрелил её. Вася взял из рук Димы обрез и выстрелил маме в висок».

«Советская Россия». Из показаний Михаила Овечкина: «Вася хотел застрелить меня, поискал патроны в одежде Димы, но не нашёл. У него оставался один патрон, и он истратил его на себя».

После взрыва бомбы самолёт загорелся. Экипаж самолёта открыл основные и запасные люки и выпустил аварийные трапы. Люди стали в панике покидать самолёт.

«Известия»: «В течение двух-трёх минут пассажиры выпрыгнули из самолёта - кто в специально подставленные желоба, кто просто на землю через аварийные люки. Всего на борту находилось 76 человек, не считая членов экипажа. Среди покинувших самолёт оказался и раненный в ногу Игорь Овечкин из бандитской группы, а также малыши. Овечкин, выбравшись наружу, сразу же кинулся к ближайшей машине и захлопнул за собой дверцу, - очевидно, опасался гнева пассажиров».

«Собеседник»: «Действия группы захвата требуют особого разговора. При освобождении самолёта три человека погибли, тридцать пять получили телесные повреждения. Из них двое - тяжкие. «Ту-154» стоимостью 1,4 миллиона рублей полностью сгорел. Наши спецслужбы не в полной мере представляли себе всю сложность ситуации, не думали о пассажирах авиалайнера».

Собственный корреспондент «Комсомольской правды» в Ленинграде Сергей Разин сообщил:

«Не могут не поразить рассказы очевидцев. Я беседовал с врачом «скорой помощи» Е. В. Кочетовой. Она везла раненого пассажира «Ту-154» Игоря Майзеля в больницу, а до этого видела, как милиционеры «укладывали» пассажиров авиалайнера на бетонку. Игорь, пока ещё был в сознании, сказал, что он спрыгнул, на него набросились члены группы захвата. Потом - выстрел в спину.

Единственным иностранцем в самолёте был монгольский студент Дорхаин Батсайхан. С самолёта он спрыгнул в числе последних. Тут же наткнулся на наставленные дула автоматов. Дорхаин видел, как бойцы группы захвата валили людей на землю, надевали наручники, били ногами. Одного из пассажиров пожилого человека - ударили прикладом в лицо. Монгольского студента под конвоем отвели в грузовик, где уже сидел... целый и невредимый Игорь Овечкин, только позже его отделили от остальных».

Действия группы захвата взял под свою защиту следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР В. Гуженков, который в интервью «Советской России» сказал: «К группе захвата, на наш взгляд, никаких претензий не может быть. Она не могла предугадать действия преступников. Действовала как положено. И не исключено, что в каких-то вариантах жертв могло бы быть больше. В некоторых газетах указывалось, будто бы с пассажирами, эвакуировавшимися из горящего самолёта, обходились жестоко. Почему так писали - не знаю. Представьте себе обстановку: темнота, самолёт горит, раздаются выстрелы, люди выпрыгивают из аварийных люков, кто-то кричит: «Вот он преступник, держите его!» Первая задача была оттеснить пассажиров от горящего самолёта. Кто-то сопротивлялся. В группе захвата знали одно: на борту одиннадцать угонщиков. Что среди них женщины и дети и что старшие братья покончили с собой, штурмовавшим самолёт известно не было. В суматохе к сопротивлявшимся применяли силу - а что оставалось делать?»

И всё же, несмотря на подобные оправдания, топорность действий руководителей и исполнителей операции «Набат» была видна даже невооружённым глазом. Газета «Московские новости» вывела тогда же резюме: «Если бы решение (лететь в Финляндию на дозаправку) оказалось выполнено, возможно, происшедшая драма не стала бы столь кровавой». Пройдёт восемь с половиной месяцев после этой трагедии, и в подобной же ситуации наши начальники уже изберут путь, упомянутый «Московскими новостями». Инцидент под Ленинградом всё-таки стал для них уроком.

Захват в Орджоникидзе

1 декабря 1988 года в городе Орджоникидзе вооружённая банда в составе трижды судимого Павла Якшиянца, В. Муравлёва (26 лет), Г. Вишнякова (22 года) и В. Анастасова (25 лет) совершила захват в качестве

заложников 30 школьников и их учительницы, 24-летней Натальи Ефимовой. Захватив их в плен, преступники потребовали от властей предоставить им самолёт с целью вылета за границу. Растерянные от такой наглости власти объяснили, что аэропорт Орджоникидзе не обладает нужными возможностями для такого полёта. И тогда преступники решают ехать в Минеральные Воды. Вечером 1 декабря автобус с захваченными детьми и учительницей отправился в путь.

Между тем информация об этом беспрецедентном преступлении достигла Москвы и легла на стол М. Горбачёва. И генсек лично взял это дело на контроль. Был создан кризисный штаб, в который вошли представители КГБ, МВД, МИДа и Министерства гражданской авиации. Кризисному штабу были даны все полномочия для спасения жизни детей, включая предоставление основного и резервного самолётов, валютных средств.

«Правда». Со слов начальника оперативной группы Ставропольского краевого управления внутренних дел на Кавказских Минеральных Водах В. Воробьёва: «Первым делом подняли по тревоге подразделение дорожно-патрульной службы ГАИ, которое выехало навстречу автобусу ЛАЗ-687 с пленёнными в нём детьми. Следом шла колонна автомобилей. Нет, не только служебных, но и личных. Родители школьников, оказавшихся в беде, мобилизовали транспорт, которым могли воспользоваться немедленно. Колонну следовало встретить и направить в аэропорт по верному пути. Какому именно? Вариантов было несколько. Каждый конкретно отработали в деталях. Общий замысел сводился к тому, чтобы не допустить выхода автобуса, захваченного преступниками, к основной территории Минераловодского аэропорта. Здесь всегда людно. Потому-то колонну машин с автобусом ЛАЗ-687 провели по особому маршруту. Он оказался в стороне от здания аэровокзала. Но преступники этого не заметили.

К аэропорту были стянуты большие силы. Сюда прибыло подразделение внутренних войск, командир которого А. Родин, тяжело больной, взял на себя все заботы по экстренной переброске людей. Были стянуты в единый кулак подразделения отделов внутренних дел Пятигорска, Железноводска, Ессентуков, Лермонтова и, конечно, Минеральных Вод. Руководство проведением всей операции осуществлял заместитель председателя КГБ СССР В. А. Пономарёв. Именно он определил точку, где автобус с детьми, ставшими заложниками, был виден со всех сторон. А что происходило вокруг него, заметить пассажиры никак не могли. Таким был тактический замысел.

В автобус была передана рация. Это позволило вести переговоры с пленившими школьников злоумышленниками. Что им требовалось? Выяснилось, основная цель - добиться предоставления самолёта, который вывез бы их за границу. Желательно вместе с автобусом и всеми его пассажирами. Для этого из Москвы прибыл транспортный лайнер «Ил-76» - об этом своевременно позаботилось Министерство гражданской

авиации. Ведь думали о том, как спасти детей».

Надо отметить, что власти в этой ситуации шли на любые уступки преступникам. Потребовали те автомат с тремя рожками, пистолеты, носилки, бронежилеты и три мешка с валютой, и всё это было им тут же предоставлено. Правда, всё это делалось в обмен на детей, которых в автобусе становилось всё меньше и меньше. Связь между бандитами и властями существлял подполковник КГБ Евгений Шереметьев.

Бандиты долго плутали в «географии» своего предстоящего полёта. То им хотелось в Пакистан, то в ЮАР. Сотрудники МИДа предложили им Финляндию, но бандиты наотрез отказались... «У вас с финнами соглашение, нас там сразу арестуют и передадут обратно в Союз», - заявили они. И тогда преступники остановили свой выбор на Израиле. Мидовцы тут же связались с советской консульской группой в Тель-Авиве. Причём намеренно воспользовались открытой телефонной связью, надеясь, что израильтяне услышат эту беседу и заинтересуются происходящим. Так оно и получилось. Через час с главой консульской группы Г. Мартиросовым связался исполняющий обязанности генерального директора МИД Израиля Ануг и дал понять, что израильским властям известно о ЧП с самолётом. Он просил уточнить детали и выразил желание помочь в этом инциденте.

Переговоры с бандитами между тем продолжались. По рации они передали, что им нужен уксус. Стало ясно, что приходится иметь дело с наркоманами. Им потребовался растворитель для приготовления одурманивающего зелья. Уксус был им предоставлен в обмен на нескольких детей. Потом бандиты потребовали ещё один лекарственный препарат для продолжения «кайфа», и ещё одна группа детей вышла на свободу.

«Правда». Со слов начальника Минераловодского производственного объединения Министерства гражданской авиации В. Бабаскина: «Зная, что ребята голодны, я пришёл в цех бортпитания, где готовится еда для экипажей, уходящих в рейсы. Попросил приготовить 50 бутербродов. Но как их отнести к автобусу? Для этого требовались добровольцы.

И они нашлись в лице работников цеха Н. Булгаковой и Л. Кузьменко. Они подошли к автобусу. Без пальто, и легко одетые. Таково было требование злоумышленников, которые боялись какого-либо подвоха. Впрочем, двери оказались запертыми. Окна занавешаны одеялами, выданными, чтобы укрыть детей. Бутерброды передавали в форточки автобуса. Принимал их мальчик, которому «доверили» это «дяди» с обрезами в руках.

Надежда Георгиевна Булгакова вспоминает:

- Неожиданно уголок одной шторки приоткрылся. И я увидела личико девочки, всё залитое слезами. Когда вернулась на своё рабочее место,

сама разрыдалась как ребёнок. До сих пор не могу успокоиться. Надо было взглянуть в те детские глаза, чтобы почувствовать всё, что я испытала. Ведь в таком положении могли оказаться и мои собственные внучата».

«Комсомольская правда». Со слов учительницы литературы и русского языка орджоникидзевской средней школы № 42 Натальи Ефимовой: «Ночь в автобусе - это был какой-то кошмар. Они постоянно кололись наркотиками, угрожали, ругались при этом последними словами. Устроив туалет за занавеской, никого не выпускали из автобуса ни на минуту. Но, пожалуй, больше, чем поведение этих подонков - чего от таких ещё ждать? - меня поразило, как держались дети. Не поддавшись панике, они разговаривали друг с другом, пытались даже подбодрить меня».

Между тем подполковник КГБ Евгений Шереметьев уговорил бандитов взять вместо детей заложником себя. Ночью все дети были отпущены, а безоружный Шереметьев лёг на пол автобуса. Через некоторое время к вылету был готов транспортный «Ил-76» во главе с командиром экипажа А. Божковым. Всем им, восьмерым, преступники надели на руки наручники. Перед самым отлётом П. Якшиянц потребовал к себе свою жену, якобы для прощания. Жена пришла, попыталась уговорить мужа одуматься, но главарь был непреклонен. Более того, он захватил и свою жену, которая лететь в Израиль не собиралась.

2 декабря 1988 года в 15.30 «Ил-76» взял курс на Тель-Авив.

«Комсомольская правда»: «Рецидивисты, захватившие самолёт, дежурили в пилотской кабине по очереди.

- Попробуй только посади нас в Союзе, - стоял в дверях «Пучеглазый» (так между собой пилоты прозвали одного из бандитов). - Первая пуля, штурман, для тебя.

Штурман Сергей Грибалев молча сидел над схемой полёта, определяя маршрут.

Прошли над Кисловодском. Внизу вскоре заблестело Чёрное море.

Там, внизу, вопрос о выдаче воздушных пиратов уже решался на правительственном уровне, но на борту самолёта в качестве «дипломатов» были Виктор Алпатов и его старший товарищ Борис Ходусов. Все три часа этого рейса они провели глаза в глаза с преступниками. Тамара Фотаки, жена Якшиянца, ходила взад-вперёд, рыдая:

- Ну зачем я с тобой связалась? Куда летим-то, Паша, ведь у нас же ребёнок.

- У меня от первой жены - двое. Ну и что ж теперь - вешаться? успокаивал жену террорист. - Я тебе отстегну 50 тысяч - и вернёшься в Россию.

Потом банда потребовала еду. Виктор Алпатов приготовил на всех, и на экипаж, и на пятерых «пассажиров».

Надзирающий в этот момент за пилотами некто Герман (Вишняков) зашёл в грузовой отсек «Ила» и объявил:

- Пересекли границу.

Узнав приятную новость, преступники засели играть в карты. Главарь банды Якшиянц подошёл ко второму пилоту Александру Гончарову и предложил ему 50 тысяч просто так - за хорошую посадку.

- Я вот жене даю 50 тысяч и тебе, хочешь?

- Не надо. Зачем? Ты-то сам что будешь делать с миллионами?

- Вложу в банк, - мечтал пират. - Найму двух менеджеров, которым поручу вести какое-нибудь дело...

В грузовом отсеке тем временем террористы вскрыли ножом мешки с валютой. На пол посыпались американские и канадские доллары, гульдены, западногерманские марки.

«Потом эти деньги, - вспоминает Виктор Алпатов, - они начали запихивать за пазуху, в сапоги...»

Вскоре появились огни аэродрома. Божков умело посадил самолёт... Главарь спустился по трапу и, не зная английского, начал недоверчиво выспрашивать у полицейских, в какой стране они находятся. Требовал показать паспорта или удостоверения. Ему показывали, но он всё равно не верил, что самолёт сел на территории Израиля.

Бандитов посадили в небольшой автобус и увезли вместе с мешками денег в полицию».

Всех их отвезли в городскую тюрьму и посадили в одиночные камеры. К тому времени израильская сторона уже согласилась выдать их советским властям и из Москвы срочно вылетел «Ту-154» со спецгруппой. Поздно вечером 3 декабря все бандиты были выданы представителям СССР, а 4 декабря они уже сидели в Лефортовской тюрьме. Судили их в марте 1989 года. П. Якшиянца приговорили к 15 годам лишения свободы. Трое остальных преступников, участвовавших в захвате заложников, получили по 14 лет тюрьмы. Приговор вступил в законную силу с 17 марта 1989 года.

Убийство Свинтковского. Маньяк Фефилов

Ещё одним громким преступлением 1988 года было убийство в городе Мытищи бывшего военного прокурора Польши 75-летнего Свинтковского. Рано утром его нашла мёртвым уборщица, которая раз в неделю убирала в его квартире. Свинтковский со связанными за спиной руками лежал на полу. Голова его была окровавлена. Прибывшие вскоре на место преступления сыщики удивились: старик был достаточно богат, его квартира представляла собой нечто вроде антикварной лавки, однако никакие ценные вещи из дома убитого не пропали. Сыщики выяснили, что старик был практически нелюдим, ни с кем не общался, из близких родственников у него был лишь единственный сын, 38-летний Владимир Свинтковской. В момент убийства он находился вдали от Мытищ и об убийстве отца узнал от следователей. Однако его алиби ещё ни о чём не говорило. Дело в том, что Владимир был давно знаком и со столичной милицией, и КГБ. Ещё в 1976 году, будучи студентом архитектурного института, он оказался в тюрьме по статье 88 УК РСФСР - нарушение правил о валютных операциях. Однако в заключении сын профессионального юриста «закосил» под душевнобольного и вскоре был переведён в спецбольницу в Чехове. Выйдя же на свободу, Владимир Свинтковский за ум не взялся и в 1989 году вновь попал на «зону». На этот раз статья была построже - 8 лет за недозволенное хранение оружия. Однако влиятельные связи отца, который прощал своему единственному сыну всё, сделали своё дело. Через 3 года Владимир перевёлся на «химию» в город Шую, что в Ивановской области. Именно туда и потянулась ниточка от убийства старшего Свинтковского.

Как оказалось, на «химии» Владимир свёл дружбу с одним рецидивистом. Тот уже знал, с кем имеет дело, и был весьма наслышан о богатстве Свинтковского. Однажды, с оказией, он приехал в Москву и ночь провёл на квартире Свинтковских в Мытищах. То, что он увидел там, заставило его форсировать события. Вернувшись на «химию», он нашёл нужных людей и уговорил их «потрясти» квартиру старика. Уверял, что дело беспроигрышное, стоит только припугнуть старика, как он сам всё отдаст. Однако на месте всё оказалось несколько иначе. Как только трое преступников ворвались к Свинтковскому, он стал оказывать им отчаянное сопротивление, кричать. Последнее обстоятельство и вынудило преступников задушить старика. А так как убийство не входило в планы преступников, они после свершившегося здорово испугались. И, практически ничего не взяв из квартиры, сбежали с места преступления. Однако их бега длились недолго.

А сын почётного прокурора Владимир, выйдя в 1990 году на свободу и унаследовав всё богатство отца, в том же году уехал в Польшу, а оттуда вскоре перебрался в Западный Берлин. Однако на этом история его злоключений отнюдь не заканчивается. Будучи одним из лучших знатоков западного рынка, он в 1993 году станет главным действующим лицом в серии громких преступлений, буквально потрясших западный мир. Однако

об этом наш рассказ чуть позже.

Рост преступности в 1988 году произошёл почти по всем видам преступлений. Исключение составили хищения государственного или общественного имущества (-9,8%) и мошенничество (-9,8%). Между тем в графе изнасилование (с покушением) значилась цифра +5,3%, означавшая, что если в 1988 году произошло 16 765 изнасилований, то в 1988 году - 17 658. Если в 1987 году в Москве произошло 172 убийства, то в 1988 году эта цифра достигла 400.

Именно в 1988 году в Москве и области силами правопорядка проводилась операция «Удав» по изобличению преступника Фишера, повинного в изнасилованиях и убийствах подростков. Поймать его в том году так и не удалось. Зато в апреле 1988 года в Свердловске был задержан 42-летний Н. Фефилов, сексуальный маньяк, совершавший убийства с апреля 1982 года. Почти все преступления (6 убийств) были совершены им весной, а в первые годы практически на одном и том же месте - в районе автобусной остановки «Контрольная» в лесном массиве у старого Московского тракта. По убийствам следственные органы привлекли к ответственности двух невиновных людей, один из которых, Хабаров, в апреле 1984 года был приговорён к высшей мере наказания, а Титов, на которого повесили два убийства в 1983 и 1984 годах, скончался от побоев в тюремной больнице. За это был снят начальник следственного изолятора, но два преступления «закрыли». В 1986 году за убийство женщины, совершённое тем же Н. Фефиловым, к уголовной ответственности был привлечён Антропов, но ему повезло больше, чем двум его предшественникам: за недоказанностью дело в отношении него прекратили. Случилось это после того, как работник Свердловского уголовного розыска Ю. Коковихин через прессу обратился к руководству угрозыска и прокуратуре города с предложением объединить все дела по убийствам девушек в одно, создать единую группу для оперативной разработки.

После этого обращения в печати осенью 1986 года в Свердловск приехала представитель Прокуратуры РСФСР Л. Баграева. Благодаря её вмешательству и было прекращено уголовное дело на Антропова, который уже 7 месяцев томился в следственном изоляторе.

А арест Н. Фефилова 25 апреля 1988 года произошёл, можно сказать, случайно. Совершив своё очередное убийство в Центральном парке, он попытался перетащить труп убитой в укромное место, но был замечен двумя прохожими. Не растерявшись, те подняли крик, и находившийся неподалёку сотрудник милиции задержал маньяка. Им оказался Николай Фефилов, печатник типографии «Уральский рабочий», примерный семьянин, отец двоих детей.

На следствии Н. Фефилов сразу признался в шести убийствах, но следователи с недоверием отнеслись к его признаниям. И лишь после того, как дома у Фефилова были обнаружены вещи убитых им женщин,

страшная картина предстала перед следствием.

Но довести дело до суда над Фефиловым так и не удалось. 30 августа 1988 года он был убит в камере следственного изолятора своим сокамерником. Для уголовного мира это было обычным «санитарным» мероприятием по отношению к преступникам подобной категории.

В том же 1988 году в Воронеже была изобличена группа подростков из 31 человека во главе со студентом Воронежского инженерно-строительного института по кличке Сидор, которая в течение года совершала групповые насилия над несовершеннолетними девушками. Действовала эта банда просто: средь бела дня окружали понравившуюся девочку на улице, возле школы, техникума, загоняли её на стройку, в подвал, на чердак и там насиловали, по двое, по трое, по двенадцать человек на жертву. Сопротивления обычно не встречали, так как подбирали одетых похуже и на вид поскромнее. Если девушка угрожала заявить на насильников в милицию, ей говорили: сфотографируем голой, а фотографии расклеим по городу. Одним словом, опозорим на всю округу. И девушки молчали, безропотно снося все издевательства. Количество таких жертв достигло более 60 (следствием были установлены 52 случая изнасилования). Следственное дело составило более полутора десятка томов. Вынесение приговора состоялось 18 мая 1988 года. Сидор и его наиболее активные подельники получили по 10 лет тюрьмы, остальные - от 3 лет и выше. Это дело стало одним из беспрецедентных в советской уголовной практике как по количеству обвиняемых, так и по числу совершенных ими преступлений.

Бой с тенью

Тем временем, придя в МВД СССР, новый министр Вадим Бакатин энергично взялся за дело. Тревожная обстановка на фронте борьбы с преступностью вынуждала его к принятию срочных мер. 2 января 1989 года В. Бакатин вызвал к себе специалиста по организованной преступности Александра Гурова и сообщил ему, что все документы по оргпреступности, которые Гуров и его коллеги по НИИ МВД собирали аж с 1985 года, в союзном МВД попросту потеряны. Поэтому требовалась новая детальная их отработка, для чего Бакатин и предложил Гурову работу в штабе МВД. Но Гуров, по его словам, попросил освободить его от работы клерком.

6 февраля в МВД СССР прошла расширенная коллегия, посвящённая итогам работы в минувшем году.

Официальность и представительность коллегии отождествляли собой такие корифеи правоохранительной системы страны, как председатель КГБ В. Чебриков, генеральный прокурор А. Сухарев, председатель Верховного Суда СССР В. Теребилов. Выступивший на ней В. Бакатин с горечью отметил тот факт, что преступность в стране резко пошла вверх.

Причём по отдельным видам - на десятки процентов, чего не наблюдалось вот уже два последних года. Людям стало страшно выходить на улицу, констатировал министр печальную реальность. Преступность тех дней возросла на 40%.

На коллегии было решено открыть статистику преступлений, закрытую для советских граждан с 1933 года. С февраля всё чаще в столице стали звучать выстрелы. Полыхали киоски несговорчивых кооператоров. В конце февраля в Москве был сбит машиной во время массовой драки оперуполномоченный уголовного розыска по делам несовершеннолетних 57-го отделения милиции Николай Клюев. Отметим, что за весь 1988 год было совершено 336 преступлений в отношении работников милиции. 2 убийства, 2 телесных повреждения. 261 раз им оказывали сопротивление.

Одним из самых громких преступлений начала года было убийство 30 марта в Москве двух эстонских девушек - 17-летних Кристы Сароп и Эды Эйклы, трупы которых были обнаружены в лесном массиве Лосиного острова. Девушки приехали в Москву 29 марта и были убиты через несколько часов после приезда.

Тем временем, пока милицейские чиновники занимались анализом ситуации с преступностью в стране, бандиты делили сферы влияния между собой. В Москве, к примеру, продолжалась война славян с чеченцами. Между ними произошло около 15 вооружённых столкновений, в результате которых двое противников чеченцев были убиты и около 30 - ранены. Действия чеченцев уже тогда отличались слаженностью и организованностью. Их тактика ведения борьбы была проста и результативна. «Шестёрки» из числа славянских боевиков, отколовшихся от родных группировок, разыскивали недавних «коллег» в престижных местах отдыха и, найдя их там, отзванивали своим новым хозяевам. Через несколько минут после этого чеченцы приезжали к месту обнаружения противника и без предупреждения, внезапно нападали на него. Потерпев несколько поражений от чеченцев, славяне ответили целой серией профилактических мер, таких, как поголовное избиение всех кавказцев в ресторане «Узбекистан» членами люберецкой команды.

Во всех подобных случаях милиция занимала роль стороннего наблюдателя, вмешиваясь в события лишь в самый последний момент. Хотя не чуралась и кое-каких активных действий, в результате которых только за январь 1989 года в Москве было арестовано 20 рэкетиров. И лишь с весны 1989 года, после того как руководство МВД определилось в своей наступательной стратегии, милиция перешла к активным действиям против бандитов.

В марте в Воронеже силами МВД и КГБ была разоблачена банда Запевалова и его двух товарищей. С декабря 1987 года эта троица собирала оружие с целью нелегального перехода госграницы. В декабре 1988 года Запевалов вместе с сестрой своего товарища убил в Москве с

целью ограбления содержательницу притона и одну проститутку. Дело это приобрело громкую огласку благодаря пристальному вниманию к нему центральной прессы, которая получила указание свыше всеми мерами способствовать борьбе с преступностью. Между тем Запевалов и его подельники на самом деле были не самыми «крутыми» ребятами в Воронеже. Например, Вячеслав Брычёв по кличке Брыч и его группировка ещё с 1987 года активно занимались рэкетом. На эту группировку вышел следователь местной прокуратуры Владимир Лихачёв, но дело, которое он завёл на Брычёва в суде, развалилось. Доказать, что Брычёв сколотил банду, следователю так и не удалось, так как в понятии 77-й статьи УК бандой считается вооружённая группа. А у Брычёва оружия не было. Во всяком случае, Лихачёву не удалось этого доказать. Поэтому Брычева и судили всего лишь за вымогательство и дали 3 года. А в феврале 1989 года в связи со смертью отца В. Брычева просто отпустили на свободу, взяв с него подписку о невыезде. Так Воронеж вновь заимел своего «крёстного отца».

Несовершенство закона позволит в том же году легко отделаться от домогательства властей знаменитому преступному авторитету Петрику, лидеру группировки «Мазутка», по которой ударит МУР в 1989 году. «Мазутка» крепко держала в своих руках Рижский рынок, гостиницу «Космос», имела прочные связи в Зеленограде, Химках и даже Астрахани. На Петрика, например, работала команда Гурина по кличке Перкела из Зеленограда. Как и большинство лидеров группировок новой волны, Гурин был спортсменом, занимался карате. По малолетству сел в тюрьму за хулиганство и сорвался. После освобождения решил не возвращаться в родной Киров и осел в Зеленограде, где вскоре сколотил группировку из своих земляков, знакомых по спортклубу, и местных парней.

В 1989 году МУР провёл широкомасштабную операцию по ликвидации преступных группировок, работавших под началом Петрика. Сквозь сито МУРа прошли около 200 бандитов, более 70 из них были арестованы. Самого Петрика удалось привлечь к уголовной ответственности почти случайно, из-за его собственной оплошности. Понравился ему «мерседес-бенц-250», и его ребята «наехали» на хозяина «мерса». Припугнули его, и тот отдал машину новому владельцу. Но МУР, как говорится, не дремал. Сыщики раскрутили хозяина машины на признание, и вот уже на Петрике висит статья за вымогательство. Так же как в истории с воронежским авторитетом В. Брычёвым. Хоть такая, но победа МУРа над мафией. Известный нам журналист В. Белых по этому поводу писал: «Но даже если Петрика сегодня осудят, то не за создание преступной организации, не за подготовку и руководство всевозможными акциями, а всё за тот же злополучный «мерседес». Увы, закон наш по-прежнему не позволяет эффективно бороться с руководителями доморощенной мафии. Война идёт по преимуществу в нижнем и среднем «этажах»...

А до приговора Генералу (Петрику) остаются считанные дни. Но прореха, пробитая в созданной Петриком структуре, уже затягивается. На

место временно отсутствующего командира заступил один из его помощников по кличке Прокоп. По-прежнему заправляют делами в «Космосе» подручные Петрика братья Малах и Алена, всё так же в жёстких тисках находится Рижский рынок...»

В Казани, например, решительные действия милиции привели к тому, что из 68 молодёжных группировок криминального толка десятая часть была разгромлена. Свято место пусто не бывает. Подобную поговорку можно было отнести не только к Петрику. Когда в том же 1989 году МУР разгромил кунцевскую группировку, подвластные ей территории (Киевский вокзал, гостиница «Славянская», Кунцевский автотехцентр) взял под свою опеку Виктор Монетчик по кличке Деловой. Начинал он свою криминальную карьеру с самых низов, с наперсточника, после чего благодаря ловкости рук и, главное, нелености ума, дорос до лидера. Пользуясь дружбой с дагестанской группировкой, он подобрал себе накачанных боевиков и обложил данью таксистов на Киевском вокзале. Чужих сюда не пускали, наказывая беспощадно, прокалывая шины и разбивая лобовые стёкла.

Рядом с вокзалом расположена только что отстроенная гостиница «Славянская», которую Деловой тоже не оставил без внимания. Работавшие возле неё таксисты и проститутки попали под его настойчивую опеку и «отстёгивали» ему проценты со своего нелегального заработка.

В тот год от милицейских акций пострадала не только кунцевская группировка. Серьёзные потери в своих рядах понесли такие бригады, как бауманская, люблинская, красногвардейская. Пристальное внимание к себе со стороны МВД ощутила и чеченская группировка. Чтобы застраховаться от возможных потерь, лидеры группировки решили разбить свою общину на несколько мелких объединений. В результате этого по совету старших молодые лидеры Хожа Нухаев и Мовлада Атлангериев передислоцировались из центра в кооперативный ресторан «Лазания», который и взяли под охрану. Отныне в криминальном мире Москвы их группировка будет фигурировать как лазанская.

Сферой влияния останкинской группировки продолжали оставаться мебельные магазины, цветочные и фруктовые рынки, кооперативы и гостиницы в Бабушкинском и Кировском районах. Основной источник её дохода - оптовая спекуляция, прежде всего мебелью.

В Южном порту орудовала группировка Н. Сулейманова, состоявшая в основном из его близких и дальних родственников.

Но мозгом чеченской общины продолжала оставаться центральная группировка, выходящая на высоких должностных лиц государственных учреждений и предприятий. В стане чеченских соперников продолжали выделяться такие группировки, как долгопрудненская, солнцевская и люберецкая. И несмотря на всю мощь своего денежного капитала и

высокое покровительство, именно наличие этих группировок и воров в законе, стоявших за ними, не позволяло чеченцам захватить Москву целиком.

К весне 1989 года кооперативное движение в стране крепко встало на ноги. И даже несмотря на то, что на самом кремлёвском верху находились силы, готовые в любой момент обуздать «грабителей»-кооператоров, кооперативы продолжали расти. Первые советские кооператоры-миллионеры прикидывали в уме, куда теперь выгоднее всего им вложить свои деньги. Громкий скандал с Артёмом Тарасовым, заплатившим партийные взносы с трёх миллионов рублей своего заработка, буквально потряс страну до основания.

Между тем многим новоявленным миллионерам их несметные деньги буквально терзали душу. Их требовалось срочно вывезти за пределы СССР. И вот в апреле 1989 года свет увидели «Правила перевоза и продажи для вывоза за границу иностранной валюты за счёт личных средств граждан». По ним выходило, что граждане СССР, выезжающие на постоянное место жительства (или имеющие вид на жительство) в Венгрию, Чехословакию или Польшу, могли переслать туда все свои сбережения. После этого лидеры отечественных преступных группировок стали переводить свои миллионы за границу именно по этому пути. Ведь грех было не воспользоваться положением, когда, для того чтобы перевести деньги за границу, требовались только справка о происхождении денег, приходный ордер о сдаче рублей во Внешэкономбанк и заявление владельца денег об их переводе. Так, с весны 1989 года началась первая волна легализации преступных капиталов, и эта волна накрыла не только нашу страну, но и наших соседей. Подобная активизация советских преступников не осталась незамеченной со стороны международной преступности. Русские бандиты выходили на мировую арену и уже в 1989 году заставили о себе говорить если не с уважением, то хотя бы с любопытством. На международной сходке европейской мафии в Варшаве уже присутствовали и представители советской преступной элиты, занимавшиеся кражами автомашин, антиквариата и компьютеров...

Дело в том, что в 1989 году СССР буквально охватил компьютерный бум. ЭВМ к нам в основном поступали из Польши. Туда же они попадали из Юго-Восточной Азии, из Сингапура в разобранном виде. На небольших предприятиях они собирались и переправлялись в СССР. Как правило, под видом внешнеторговых грузов в адрес совместных предприятий. Компьютеры были некачественные, в Европе их никто не брал, а мы, изголодавшиеся, готовы были проглотить это всё разом.

В том же 1989 году наша отечественная мафия начала обживать и заграницу. Так называемые «челноки» - мелкие спекулянты, сновавшие между СССР и странами Европы, - попали в крепкие объятия отечественных мафиози. Не избежали этих объятий и наши проститутки, промышлявшие с середины 80-х в таких странах, как, например,

Финляндия, Швеция. Их валютный заработок теперь надёжно контролировался их русскоязычными соплеменниками. Наши мафиози нашли надёжных союзников себе в лице нескольких местных фирм, которые по желанию преступников высылали нашим девушкам приглашения, после чего за несколько марок фиктивно устраивали каждую из них на работу в качестве уборщиц, посудомойщиц и т.д. Вслед за ними для контроля заработков приезжают из Союза и «боевики». В Финляндии их, например, называют «Игори».

Между тем ситуация с преступностью в СССР продолжает ухудшаться. В январе - апреле 1989 года от тех же кооператоров и государственных служащих в органы милиции поступило более полутора тысяч заявлений с жалобами на вымогательство. По этим жалобам было возбуждено 1107 уголовных дел и к ответственности привлечено 687 человек. Но проблемы рэкета это, конечно, не решало. На место одного осуждённого рэкетира приходило чуть ли не пятеро новых, молодых и сильных людей, желающих за просто так сшибить с кооператоров лёгкую деньгу. Чуть ли не во всех крупных и провинциальных городах имеются уже свои бандитские группировки, занимающиеся рэкетом. Организационная структура подобных банд целиком зависит от густонаселённости района, где группировке приходится действовать. Столичные банды, естественно, серьёзнее провинциальных. Преступные группировки в Риге, например, в 1989 году имели такую структуру: во главе стоит лидер, у которого в подчинении до пяти человек. Группа обслуживает определённые «точки», кооперативные отделы в магазинах, кооперативные кафе. Раз или два в месяц ребята получают деньги. Большую часть отдают лидеру, который немедленно передаёт награбленное так называемому «резиденту», в чьём подчинении находится несколько групп. Остальное делят между собой. Заработок рядового члена группировки зависит от количества «точек обслуживания» и размеров доходов кооператоров. Но не меньше двух тысяч в месяц. Рядовой милиционер в то время получал зарплату - 203 рубля, офицер 283 рубля. Резидента знает только лидер. Если группировка «горит», резидент обычно остаётся в стороне. Даже если о нём знают следственные работники, даже если на него укажет лидер группы, резиденту ничего не грозит.

Ещё более засекреченной фигурой является в группировке казначей. Вся его работа заключается в том, чтобы «сидеть на деньгах и хранить их». Это «общаковые» деньги. Они идут на то, чтобы увести попавшихся от уголовной ответственности, а если это не удалось, облегчить их пребывание в колонии.

Значительная часть этих денег идёт также на прикрытие, на разные подарки, подношения, короче - на подкуп должностных лиц.

Если большая часть группировки попадает в руки милиции, резидент находит толкового парня, который в короткий срок набирает новую команду. И так может продолжаться бесконечно. Как выразился один

авторитетный преступник: «Это победить трудно. Почти невозможно. Это будет действовать до тех пор, пока будут существовать кооперативы, которые ведут свой бизнес нечестно. Ведь только честный бизнесмен может пожаловаться в милицию, что его обирают». Жажда наживы у мафиози настолько сильна, что, когда дело касается её, в расчёт не идут даже национальные и религиозные чувства. Когда в феврале 1988 года заполыхал Карабах, это сильно ударило по азербайджанским и армянским мафиози, до этого имевшим тесный контакт между собой. Удар был настолько ощутим для обеих сторон, что в середине 1989 года их представители собрались в Сухуми и решили жить между собой дружно.

Банда Колчина. Маньяки 1989-го

Банда Южанина в Москве. Банда Колчина на Урале. Дело «кинорежиссёра». Частный сыск. Выступление В. Бакатина.

Весной и летом 1989 года самой крылатой фразой, звучащей с экранов телевизоров и кричащей в заголовках газет, была фраза - «Борьба с мафией». Вся страна буквально свихнулась от этой фразы. Немалую толику в это внесли знаменитые борцы с «беловоротничковой» преступностью Тельман Гдлян и Николай Иванов. За три последних года благодаря их стараниям в Узбекистане из органов МВД было уволено свыше 3 тысяч человек, из них 250 руководителей, из органов прокуратуры было уволено 197 человек, 19 из них привлечены к уголовной ответственности. Подобных чисток правоохранительные органы Узбекистана не знали даже в мрачные времена сталинщины. В 1937-1940 годах, к примеру, из НКВД Узбекистана было уволено за политическую неблагонадёжность... 468 сотрудников. 11 мая, выступая по Ленинградскому телевидению, Иванов замахнулся на самого Егора Лигачёва, принародно обвинив его во взяточничестве. Эта публичная пощёчина всесильному тогда члену Политбюро была связана с тем, что и Гдлян, и Иванов были отстранены от ведения уголовного дела № 18/5811583 о коррупции и злоупотреблениях должностных лиц. Эра узбекской мафии кончилась, наступила эра мафии кремлёвской.

Тем временем, несмотря на все потуги нового министра МВД взять инициативу в свои руки, преступность в стране продолжает расти. С января по июнь 1989 года она подскочила на 32%.

Чувствуя, что ситуация может окончательно выйти из-под контроля, Бакатин идёт на новые структурные изменения. В августе из отпуска отзывается всё тот же Александр Гуров, и Бакатин предлагает ему на выбор две должности: помощника министра или начальника 6-го Главного управления по борьбе с организованной преступностью. Гуров выбрал второе. М. Горбачёв подписал закрытый Указ о его назначении. Под началом Гурова было 52 человека, и они впервые в нашей стране стали создавать совершенно новую, уникальную спецслужбу и систему борьбы с организованной преступностью, наркобизнесом, коррупцией, особо

тяжкими преступлениями.

В помощь милиции была вновь брошена печать. 19 июля «Литературная газета», как и год назад, публикует беседу Юрия Щекочихина и Александра Гурова под громким заголовком «Под колпаком мафии». 27 июля Лариса Кислинская в «Советской России» публикует статью ««Зубр» арестован».

Во время традиционной сходки в ресторане «Пацха», который входит в комплекс столичного кемпинга «Солнечный», был задержан один из лидеров так называемой люберецкой группировки рэкетиров. Он находился во всесоюзном розыске.

Известный в своих кругах под кличкой Зубр, он давно был в поле зрения сотрудников милиции. Не первый год шло следствие по возбуждённому в его отношении уголовному делу о хулиганстве. Затем Зубр был задержан Киевским РУВД за ношение и хранение огнестрельного оружия и наркотиков. И в том, и в другом случаях мерой пресечения избиралась подписка о невыезде, которая совсем не помешала молодому человеку принять участие в совершении более тяжкого преступления, опять же связанного с выстрелами.

На этот раз фортуна изменила рэкетиру - ему не удалось уйти от сотрудников отдела по борьбе с организованной преступностью МУРа. Не помогла даже театральная перекраска волос. И хотя операция на этот раз закончилась успешно, сотрудников МУРа волнует вопрос, как получилось, что этот ресторан стал одной из криминогенных зон столицы. Основные посетители здешних мест - это рэкетиры и валютные проститутки. И если представительницы древнейшей профессии приходят сюда в поисках добычи, то к вымогателям добыча приезжает сюда сама. Есть данные, что именно в этот ресторан привозят свой оброк обложенные данью.

Лариса Кислинская, белокурая женщина 31 года, начала свой путь в журналистике в 1982 году и поначалу освещала вопросы культуры. Но её всегда тянула к себе криминальная тематика, и, с тех пор как гласность стала общесоюзным явлением, Кислинская взялась за преступность. Начала с подготовки коротких сообщений для ТАСС, а в 1988 году, работая в «Советской России», впервые коснулась темы рэкета в Москве. Позднее, объясняя западным корреспондентам своё бесстрашие перед возможной местью со стороны преступников, она признаётся: «Хорошо, что у меня нет детей, никого, за кого я могла бы бояться. Мой образ жизни несовместим с семьёй».

Как бы патетически ни звучали эти слова, но доля истины в них есть. Кислинской после её разоблачительных статей неоднократно угрожали как в письменной, так и в устной форме. Правда, дальше этого дело не пошло. Другим же её коллегам везло меньше. В конце июля 1989 года у ответственного секретаря журнала «Огонёк» Владимира Глотова убили 26-летнего сына. Тоже Владимира. Он, как и отец, тоже был журналистом

и в те дни собирал материал о мафии, побывал с этой целью в Закавказье и Фергане, искал подступы к одной из банд рэкетиров. Однажды на него было уже нападение, групповое.

В день убийства Владимиру позвонили домой и под каким-то предлогом вызвали на улицу. Он мало чего боялся, прошёл Афганистан и поэтому вышел на встречу. Его нашли под деревом возле его дома в луже крови, с проломленным черепом, перебитой гортанью, до неузнаваемости изуродованным лицом.

И всё же самым популярным журналистом, работающим в криминальном жанре, была в то время Тамара Каретникова. Она работала на телевидении и вела криминальную хронику по Московской программе. Её репортажи о столичной преступности поражали многих своей оперативностью и смелостью. И вот в начале октября 1989 года Тамара Каретникова внезапно умирает. По Москве моментально поползли слухи о том, что это не просто смерть, а месть мафии. Поэтому и Центральное телевидение, и многие средства массовой информации вынуждены были оповестить граждан о том, что журналистка умерла естественной смертью, от отравления. Правда, многие тогда в это так и не поверили.

В сентябре 1989 года в Чикаго проходил 4-й международный симпозиум по проблемам борьбы с организованной преступностью, на котором от советской стороны присутствовал заместитель начальника 6-го Управления МВД СССР Г. Чеботарёв. В перерыве одного из заседаний к нему подошёл корреспондент газеты «Чикаго Сан-Таймс» Арт Петакью и попросил назвать ему фамилии лидеров советской или московской организованной преступности. Но советский генерал отказался это сделать, сославшись на презумпцию невиновности и на то, что опубликование фамилий принесёт им дополнительный авторитет в преступной среде. Петакью в ответ крайне удивился и заметил, что «крёстного отца» Чикаго знают все - от мала до велика, но это не мешает никому - ни жителям города, ни полиции, ни ему самому и его окружению. В дни, когда Г. Чеботарев черпал информацию о деятельности чикагской мафии, советские граждане, затаив дыхание, следили за жизнью и деятельностью мафии итальянской в телевизионном сериале «Спрут», который начало показывать советское телевидение. Изрядно устав за лето от шапкозакидательских обещаний Гдляна и Иванова вывести под корень всю кремлёвскую мафию, советские граждане искренне поверили в итальянского комиссара Катани, который стал им гораздо ближе и понятней, чем родные следователи прокуратуры.

В том сентябре сотрудники МУРа положили конец банде, которая в течение пяти последних месяцев совершила 27 разбойных нападений, в основном на иностранцев. Руководил этой бандой молодой чеченец по кличке Южанин. Банда в своих действиях поступала предельно просто. К ночному Шереметьево-2 подкатывало такси, водитель которого, выбрав иностранного гостя, любезно предлагал ему свои услуги. Иностранец с радостью соглашался, садился в машину, и они трогались в путь.

Буквально через несколько километров, лишь только такси выезжало на пустынную, проходящую через лес дорогу, его «подрезала» другая машина, из которой обычно вылезали дюжие молодцы с ножами и пистолетами. «Деньги ваши - будут наши», - говорили они иностранцу, и его бумажник перекочёвывал в их грубые руки.

Банда работала грамотно и со вкусом. Нападения старались совершать не в Москве, а равномерно распределяли их по управлениям внутренних дел подмосковных районов, по местам, опекаемым «железнодорожной» и «воздушной» милицией, полагаясь на вечную межведомственную неразбериху.

Грабежи совершали раз в неделю, после чего друг с другом не встречались до следующего «дела». Таксисты через два дня после нападения в условленный час подъезжали к гостинице «Интурист» и немного кружили там, пока члены банды проверяли, нет ли за машинами «хвоста».

Сам Южанин обычно в нападениях не участвовал, являясь как бы мозговым центром банды и главным казначеем. Оперативники из МУРа, заваленные нотами протеста из МИДа, буквально сбились с ног в розысках преступников. Помогла же случайность. Эфиопские офицеры, на которых бандиты напали в августе, вспомнили, что перед нападением их такси заезжало на автозаправочную станцию. Сыщики срочно сделали на АЗС выборку талонов на бензин, и в поле их зрения попал один из водителей 11-го таксопарка. Через три дня сыщики заметили на Тверской подозрительных молодых людей, которые следили за «их» таксистом. Среди этих людей был Южанин. Так продолжалось вплоть до сентября. 4 сентября на лесной трассе у Шереметьево наступила развязка. Сыщики из МУРа и следственного управления ГУВД Мосгорисполкома во главе с майором милиции В. Поляковым арестовали Южанина и пятерых его сообщников.

18 сентября того же года в далёкой от Москвы Челябинской области завершила свой путь ещё одна группировка, намного страшнее и кровавее банды Южанина - банда 29-летнего дважды судимого Игоря Колчина.

Ещё в сентябре 1984 года Колчин совершил первое своё дерзкое преступление - разбойное нападение и покушение на убийство. Подкараулив в безлюдном месте одинокую женщину он проломил ей голову металлическим шариком и забрал её сумку.

9 февраля 1986 года Колчин зарезал 29-летнюю вагоновожатую Н. Закирову и забрал у неё 40 рублей и транзисторный приёмник.

После этого убийства Колчин сколотил банду, в которую включил своего 30-летнего брата Владимира, 23-летнего Олега Малахова, 24-летнего Евгения Гончарова, 18-летнюю Елену Малахову и свою жену, 24-

летнюю Людмилу Колчину.

У каждого в банде была своя роль. Женщины, к примеру, хранили, укрывали, пользовались награбленным имуществом, а часть его сбывали. Мужчины участвовали в налётах.

В ночь с 18 на 19 марта 1989 года братья Колчины (тогда они работали таксистами) вызвались подвезти из аэропорта в город жительницу Шевченко (Казахстан). По дороге несчастная женщина была убита, её вещи перекочевали к убийцам.

14 апреля того же года Колчины вышли на новое дело. На шоссе они остановили такси и попросили подвезти их в совхоз «Россия». Водитель согласился. По дороге Игорь Колчин достал из сумки обрез и потребовал у водителя деньги. Таксист оказался не робкого десятка, схватился за монтировку, но Колчин опередил его. Двумя выстрелами он убил водителя, забрал у него 110 рублей, а труп они с братом сбросили в кювет.

Через месяц, 14 мая, Игорь Колчин убил ещё одного таксиста. На «дело» пошёл один, хотел отработать технику нападения в одиночку. Технику отработал на все сто. Так что 16 июня, вновь в одиночку, убил водителя «москвича». Труп оставил привязанным к берёзе.

26 июня на дело пошли втроём, оба Колчина и Малахов. На 85-м километре трассы Челябинск - Свердловск они обнаружили машину «москвич», в которой спал мужчина. Его пробуждение было ужасным. Колчин и Малахов достали обрезы и стали стрелять в спящего. Затем раненого вытащили из машины, положили на землю и добили несколькими выстрелами в голову.

Через день они убили двух женщин, приехавших в Челябинск к родственникам.

Между тем за ними уже охотились. В УВД был создан штаб, в следственно-оперативную группу вошли 26 работников уголовного розыска и прокуратуры. Но банда была неуловима. Ещё два месяца будет гулять она на свободе и совершит семь новых убийств.

В сентябре на дорогах вокруг Челябинска в ночное время уже работало до 35 групп и постов. На одну из таких групп 18 сентября и выскочил Игорь Колчин на «жигулях». Сотрудники ГАИ остановили его, потребовали показать документы. Колчин протянул их милиционеру. Документы были фальшивыми, это сразу бросилось в глаза, но и Колчин не терял бдительности. Как только милиционеры попытались выманить его поближе к себе, Колчин схватил обрез и выстрелил в патрульных. Одного он ранил в плечо, а второй заряд убил случайно оказавшегося здесь прохожего. Колчин с места происшествия скрылся. Но пробыл в бегах недолго. Таким образом, братья Колчины почти один к одному

повторили путь, проложенный до них братьями Толстопятовыми и братьями Самойленко (на счету последних были 32 загубленные жизни). Отметим, что до суда И. Колчин не дожил, наложив на себя руки в СИЗО.

Не переводились в том году и насильники. С лета 1989 года в Мурманске было много разговоров о том, что в лифтах и подъездах домов на женщин и несовершеннолетних девочек нападает сексуальный маньяк. Так оно и было на самом деле. В списке многочисленных жертв насильника оказались и 13-летняя школьница, которую маньяк изнасиловал в её же квартире, и молодая женщина, маленькую дочку которой преступник пригрозил убить, если женщина не подчинится его требованиям. Нападения на женщин, особенно в сентябре октябре, стали частыми. По почерку насильника, по многочисленным приметам было ясно, что это один и тот же человек, что он хорошо тренирован физически. По описаниям потерпевших был составлен портрет насильника, который в октябре опубликовали в местной газете и несколько раз показали по телевидению. Но всё было безрезультатно. С потерпевшими работники милиции ходили по улицам, вглядывались в лица молодых мужчин, но найти преступника не удавалось. И, как обычно бывает в подобных случаях, помогла случайность. Однажды, преследуя свою очередную жертву, маньяк в её доме нарвался на её взрослого сына. Завязалась потасовка. Преступник оказался проворнее, вырвался, но шум борьбы услышал сосед потерпевших. Он и позвонил в милицию. Преступник вырвался на улицу, но к дому уже подъезжала милиция. Когда выяснилось, кто совершал все эти преступления, удивлению честных граждан не было конца. Оказалось, что маньяк был образцовым семьянином, отличным производственником и вообще душой компании. Между тем на счету этой «душки» было двенадцать доказанных изнасилований. За свои деяния он получил 13 лет тюрьмы.

Тем же летом в Москве начал свои сексуальные похождения некий Асратян, дважды судимый до этого за совершение в Москве развратных действий в отношении малолетних девочек. Отсидев второй срок, Асратян получил прописку в Белгородской области. Но его манила к себе столица. Приехав в Москву в начале 1988 года, он знакомится с одинокой Мариной М., у которой была взрослая пятнадцатилетняя дочь. В 1989 году в голову Асратяна приходит чудовищная мысль: выдавая себя за кинорежиссёра, заманивать к себе на дом молодых провинциалок, подмешивать им в чай или кофе психотропные таблетки и насиловать. Причём весь «процесс» снимать на видеоплёнку. Уже летом первая жертва «кинорежиссёра» переступила порог его квартиры.

Из показаний Асратяна: «Марина и её дочь Татьяна помогли создавать у девушек уверенность, что мы действительно съёмочная группа. Заранее договаривались, кто и что должен говорить. Кроме того, Марина и Таня должны были оказывать девушкам помощь, водить в туалет, готовить пищу. Под воздействием таблеток у некоторых случалось непроизвольное мочеиспускание, текли слюни. Нужно было

стирать бельё, убирать в квартире, следить за их состоянием».

Одной из побочных целей Асратяна было и обогащение, для чего он в качестве своих жертв выбирал девушек хорошо одетых, имеющих дорогие ювелирные украшения. Натешившись с жертвой, он с помощью Марины переодевал девушек в старое тряпьё, снимал с них все украшения, давал им последнюю дозу отравы и отвозил на один из московских вокзалов.

Постепенно, входя во вкус и чувствуя, что уже не остановится, Асратян начал понимать, что длительность его похождений может зависеть только от отсутствия свидетелей. Поэтому девушек, которые вызывали в нём сомнения, он решает попросту «убирать». Одну такую девушку, изнасиловав и ограбив, Асратян накачал 80-ю таблетками и, посадив в пригородную электричку, отправил в смертельный путь. Две девушки погибли. Шестерых врачам удалось спасти.

Серия зверских убийств и изнасилований малолетних девочек прокатилась тогда же по Запорожью. В ходе следственных мероприятий была изобличена в их совершении банда из трёх человек, в которую входили бывший врач В. Шпилевой (растлитель малолетних, он сделал пепельницу из черепа одной из своих жертв), уголовник В. Гудинов и ещё один насильник. Первых двух суд приговорил к расстрелу, третий получил 20 лет тюрьмы строгого режима.

В том же году жизнь многотысячного Магнитогорска была выбита из колеи сообщениями о жестоких убийствах девушек. Преступник подкарауливал их у подъездов многоэтажных домов, входил с ними в лифт, там нападал и душил. Результаты осмотров мест происшествий ставили работников следственно-оперативных групп в тупик. Следов изнасилований и ограблений нет, жертва полностью раздета. Как выяснилось позднее, маньяк получал удовлетворение от созерцания обнажённого тела связанной девушки с кляпом во рту.

Однако вскоре маньяка всё же удалось арестовать. Им оказался некий Гридин, студент горно-металлургического института. Он был женат, имел малолетнего ребёнка.

Тот год «подарил» нам ещё одного маньяка - 30-летнего Фёдора Козлова, на счету которого было 10 нападений на женщин, пятерых из них он убил, причём были среди убитых и две малолетние девочки.

В отличие от Гридина личность Козлова была сызмальства тёмной. В 1976 году в припадке гнева он зарубил топором свою 79-летнюю бабушку и 11-летнюю двоюродную сестру. Было ему в ту пору всего 17 лет.

Выйдя на свободу в 1986 году, Козлов поселился в Новосибирской области, там женился, у него появился ребёнок. И всё же тёмное в его душе так и не улетучилось, несмотря на перемену образа жизни. Летом 1989 года Козлов вышел на свою первую кровавую охоту. 16 июня он

поймал в безлюдном месте 17-летнюю девушку, изнасиловал её, а затем перерезал ей горло. После этого разжёг костёр и бросил в него тело несчастной. Счёт его жертвам был открыт, и убийства пошли буквально одно за другим. В июле - убита малолетняя в городе Искитиме. В августе - ещё одна несовершеннолетняя, теперь уже в Новосибирске. Через несколько дней после неё в том же городе погибает 24-летняя женщина. Почерк тот же: ножевые ранения, кляп во рту, связанные руки, кострище...

Маньяка ищет вся городская милиция, военные, но всё безуспешно. А он, почуяв погоню, срочно уезжает в Омск. И там 21 августа убивает несовершеннолетнюю в городском саду под названием «Сибирь».

И всё же не всегда удача сопутствовала маньяку. Несколько раз его жертвам удавалось вырваться из его рук. Так случилось и 1 сентября в городе Бердске, когда школьница вырвалась из рук маньяка и выскочила на шоссе. Там её подобрал мотоциклист и отвёз в милицию. Это было первое заявление потерпевшей, вырвавшейся из когтей неуловимого маньяка. Теперь дело было за милицией, которая своего шанса не упустила. Вскоре Козлов был задержан.

Но самым жутким преступлением 1989 года можно считать то, что в ночь с 13 на 14 августа произошло на станции Кызылет Красноярской железной дороги. Там, опоздав на последнюю электричку, семеро учащихся ПТУ решили остановить грузовой состав и с помощью проволоки замкнули рельсы перед светофором, а в результате этого зажёгся красный свет. Для устранения неполадок на место происшествия отправилась бригада путевых рабочих и милиционер, которые и встретили подростков, ожидавших поезда. Узнав, в чём, собственно, дело, милиционер рассвирепел и решил наказать «преступников». Выхватив из кобуры пистолет он нанёс одному подростку несколько ударов по голове, которые оказались для мальчишки смертельными. Увидев это, милиционер решил не оставлять свидетелей и, кликнув на подмогу четверых путевых рабочих, прикончил и остальных подростков. Затем, погрузив тела убитых на тележку, убийцы отвезли их на железнодорожное полотно, где и оставили лежать посреди рельсов, в расчёте на то, что выезжающий из-за поворота состав не успеет затормозить и изуродует трупы до неузнаваемости. Так всё и получилось. Расследовавшая это дело следственная бригада списала всё на несчастный случай. Три года это дело таким и считалось. Но осенью 1992 года один из путевых рабочих, принимавших участие в убийстве, по пьянке разболтал жителям своего посёлка об этом преступлении. В отместку за это другой участник убийства, родной брат проболтавшегося, взял и убил своего родственника. Так совершённое три года назад преступление было раскрыто.

Говоря о борьбе с преступностью, нельзя не упомянуть и о том, что именно с 1989 года в нашей стране началось массовое открытие частных сыскных бюро. История же этого движения у нас выглядела так.

Ещё в 1922 году начальник уголовного розыска НКВД РСФСР Коцнельсон направил в правительство проект Декрета Совнаркома о частных розыскных бюро, который он просил утвердить.

Однако сменивший Коцнельсона Визнер своим письмом в Совнарком просил оставить этот проект без рассмотрения. На том тогда и порешили.

В 1989 году, когда у руля МВД СССР стоял В. Бакатин, сотрудникам милиции разрешили работать по совместительству на охране объектов народного хозяйства. Таким образом начальники боролись с оттоком кадров из МВД.

Однако, когда закон СССР «О кооперации» набрал силу, когда государственные правоохранительные органы уже не могли гарантировать безопасность бизнеса, а частный бизнес не хотел больше мириться с рэкетом, на арену вышел частный детектив. Колыбелью же частного сыска стал Ленинград. Там к 1 сентября 1989 года было зарегистрировано 83 кооператива, связанных с правоохранительной деятельностью. Из них 23 - консультировали граждан по различным правовым вопросам.

В октябре 1983 года в Москве состоялась учредительная конференция Ассоциации детективных служб «Алекс». Эта конференция и создание ассоциации практически нарушили многолетнюю монополию государства в области сыска. Поэтому власти на эту акцию отреагировали резко отрицательно. Но процесс, как говорил кумир тех лет, пошёл.

12 декабря 1989 года в Москве открылся 2-й Съезд народных депутатов СССР. 22 декабря, в последний день работы съезда, на его трибуну взошёл министр внутренних дел СССР В. Бакатин. Он, в частности, сказал: «Резко возросла уголовная преступность. Всё больше проявлений различных форм беззакония.

Казалось бы, нелогично, перестройка, одобренная народом, стала необратимой, а напряжение в народе возрастает. Но революционных процессов без социальной напряжённости, без отступлений, без временного ухудшения положения масс не бывает. Перестройка - мирная революция, начатая сверху, мощно поддержанная снизу, и все многочисленные противоречия здесь устранимы в рамках демократии и парламентской борьбы...

В стране выросла, резко выросла преступность. Здесь я должен сделать одно отступление. Есть две крайние точки зрения по этому вопросу. Первая наиболее распространённая. В ней преобладают эмоции, броские заголовки, фантастические цифры хищений, смакование жестокости и насилия. Здесь же некорректные, а то и просто бездоказательные утверждения. Одним словом, нагнетание психоза. Представители второй точки зрения, наоборот, считают, что ничего сверхъестественного не происходит, всё закономерно, не первая волна

преступности в нашей истории. А что до психоза, так договариваются до того, что милиция специально пугает, чтобы урвать у государства побольше средств и вновь якобы вернуться к беззаконию.

Ни то ни другое неверно. Нельзя предаваться крайностям. Да, действительно, уровень преступности даже в текущем 1989 году у нас будет на порядок ниже, чем в высокоразвитых капиталистических странах. Не самый высокий он и за всю историю криминальной статистики. Однако положение крайне серьёзно.

Теперь уже трудно оспорить явную неподготовленность правоохранительной системы к самым высоким темпам роста преступности. Они нарастали из месяца в месяц в 1988 году. Достигли максимума в январе текущего года. И весь год стабильно держатся на уровне 33 - 34%. Анализ причин кроется в анализе кризисных явлений в сфере производства и распределения, нарастающих диспропорций в экономическом, политическом и социальном развитии. А также в совершенно в закономерно рухнувших надеждах только путём принятия мер по обеспечению гуманизации наказания, без затрат на социальную адаптацию и реабилитацию удержать нарастающий вал преступности...

Бытует мнение, что у нас в стране нет организованной преступности. Логика такова: любое преступление, которое совершается в стране, вполне укладывается в состав действующего уголовного закона. А там понятия, диспозиции «организованная преступность» - вы не найдёте. А раз нет понятия - нет и явления.

Не случайно поэтому сплошь и рядом под организованной преступностью понимается групповая преступность... Руководство МВД СССР не может согласиться и с такой точкой зрения, авторы которой изображают в журналах организованную преступность в виде пирамиды, на вершине которой расположен некий центр, «папа Коза ностры», правящий всей организованной преступностью страны. Нет и не может быть такого единого центра. И не дело разбирать такие примитивные схемы. Всё значительно сложнее.

В отличие от этих авторов, МВД не рассматривает организованную преступность в отрыве от вульгарной уголовной преступности. Организованная преступность - закономерный этап её развития. Это естественно образующаяся в преступной среде система связей, ведущая к концентрации и монополизации отдельных видов преступной деятельности. Ни в коей мере не претендуя здесь на точки зрения сущностных оценок, считаю, что организованную преступность можно рассматривать как сложную систему с различными разнохарактерными связями между группами, осуществляющими преступную деятельность в виде промысла и стремящимися обеспечить свою безопасность с помощью подкупа, иначе - коррупции.

Во всяком случае, очевидно, что в нашем обществе паразитируют

преступные структуры, фундаментом которых является финансовый потенциал теневой экономики, а «крышей» - коррумпированные сотрудники, прежде всего правоохранительной системы, а также перерожденцы из партийного, советского, государственного аппарата...

Питательной средой организованной преступности является теневая экономика, развившаяся в стране на основе бесхозяйственности, крупных хищений и спекуляции. По оценкам зарубежных специалистов, СССР входит в число 20 стран мира с наиболее развитой теневой экономикой... Наиболее достоверной цифрой общего объёма теневой экономики большинство учёных считают цифру 70 - 90 млрд. рублей.

Один из выступавших депутатов выразил пожелание, чтобы министр внутренних дел СССР в докладе поимённо назвал конкретных лиц из числа подпольных миллионеров. К сожалению, вы, наверное, ясно представляете, что я не могу этого сделать, виновных в преступлениях определяет суд. Могу только доложить, что с 1985 года предано суду 629 обвиняемых в хищениях и взяточничестве по делам с суммой ущерба более 1 млн. рублей. В том числе у 63 обвиняемых изымалось реальных ценностей на сумму более чем 1 млн. рублей. Так что этот вопрос имеет определённую почву.

По оценкам учёных и экономистов, миллионное состояние, приобретённое незаконным путём, имеет в стране гораздо большее число граждан...

Фактическая бесконтрольность кооперативов создала идеальные возможности дельцам теневой экономики для легализации награбленных ранее средств и их приумножения. В прошлом году в кооперативной сфере было выявлено, вскрыто полторы тысячи правонарушений. За девять месяцев текущего года их число составило почти шесть тысяч и продолжает резко увеличиваться. Но и эта цифра далека от реальной картины...

Процесс развития организованной преступности у нас в стране пока не достиг зрелых форм. Однако это не даёт повода для какой-либо беспечности или расслабления.

Недооценка этого явления и фактическое отсутствие скоординированной и целенаправленной борьбы с ним могут быстро устранить этот «недостаток». Происходит дальнейшее укрепление преступных сообществ. Недавно в Московском регионе было выявлено шесть организованных преступных групп общей численностью свыше тысячи человек. Они распределили сферы влияния, контролируют кооперативы, рынки, группы спекулянтов, валютчиков, проституток, занимаются мошенническими сделками при продаже автомобилей, разбоями, вымогательством и квартирными кражами. Ряд членов групп состоит в кооперативах, скупает и перепродаёт компьютеры, проводит различные бестоварные операции... Организованные сообщества

действуют практически во всех регионах страны. В Средней Азии у каждой второй группы были выявлены коррумпированные связи, на Дальнем Востоке зафиксированы нелегальные операции организованных преступных групп с пушниной, в Астрахани - с икрой и так далее.

Всего в стране в текущем году разоблачено 1600 преступных групп, что на 600 больше, чем за весь 1988 год. Но это лишь видимая часть айсберга организованной преступности, менее квалифицированный её слой. Пока, образно выражаясь, грибы срезаются, а грибница остаётся.

Усиливается стремление преступных сообществ к повышению мобильности, технической оснащённости и вооружённости. Уже сейчас оружие и технические средства изымаются у большинства разоблачённых преступных групп. Так вот, в Москве в текущем году зафиксировано 13 случаев перестрелок только между самими преступниками на почве борьбы за сферы влияния...

На сегодня в розыске находится около 9 тысяч единиц нарезного оружия, в том числе 732 автомата и 180 пулемётов...

Практически бездействует норма законодательства, предусматривающая ответственность за бандитизм. В стране на сегодняшний день возбуждено лишь шесть таких дел. Между тем только на Украине за девять месяцев этого года было разоблачено 245 преступных групп, совершивших около двух тысяч преступлений, в том числе 20 убийств, более 300 разбоев, грабежей и вымогательств. У них изъято 337 единиц оружия. При наличии явной устойчивости и доказанной вооружённости ни одна из таких групп не была привлечена к ответственности за бандитизм...

Наиболее неудовлетворительно мы оцениваем свою работу в организации борьбы именно с организованной преступностью. Здесь просто ещё не было определённой ясности, и буквально до последнего времени, пока Временный комитет по борьбе с преступностью под председательством товарища А. И. Лукьянова не заслушал отчёта по этому вопросу, у нас не было (я должен сказать честно) даже единства в определении понятия «организованная преступность». Сейчас этот разнобой преодолён...»

Чрезмерная откровенность В. Бакатина для того времени уже не была чем-то неожиданным для слушателей. К тому времени гласность достигла своего апогея, верхней точки, на которую её в одночасье поднял 1-й Съезд народных депутатов, прошедший в мае - июне 1989 года, и высшие партийные и государственные чиновники буквально соревновались друг перед другом в стремлении ошеломить народ своими откровениями.

Между тем обстоятельный доклад министра внутренних дел СССР вселял в людей надежду на то, что власть впервые за долгие годы действительно нашла способ обуздать преступность. Последние месяцы

уходящего года, кажется, говорили за это. И создание Временного комитета по борьбе с преступностью, и возрождение Министерства внутренних дел РСФСР (министр В. Трушин), и даже желание СССР вступить в ряды Интерпола (в декабре 1989 года советская делегация побывала в штаб-квартире Интерпола в Лионе).

Операция «Капкан»

Январь 1990 года начался для столичной милиции с весомой победы: в результате успешно проведённой операции МУР арестовал нескольких членов солнцевской группировки во главе с крупным авторитетом столичного преступного мира Сильвестром.

Солнцевская группировка считалась тогда одной из самых молодых, но и удачных. Члены её ранее работали в других группировках (например, охраняли наперсточников у ВДНХ), но затем под руководством опытного Сильвестра объединились и стали внедряться в Южный порт, вотчину чеченцев, занимать кафе, рестораны на Юго-Западе Москвы, в Олимпийской деревне. В Гагаринском районе Москвы солнцевские начали контролировать легальный игорный бизнес (игровые автоматы). Авторитет Сильвестра помог группировке сразу войти в дружественные отношения с долгопрудненской, люберецкой и останкинской командами. В 1989 году солнцевские играли активную роль в боевых действиях против чеченцев, и их лидер Антон в одной из схваток даже лишился глаза.

Основными местами сбора солнцевских считались ресторан «Гавана» и пивные бары на улице Удальцова и в Матвеевском.

Нанося удар по славянским группировкам, столичная милиция не забывала и о чеченцах. Ответственный сотрудник центрального аппарата МВД СССР Асланбек Аслаханов (позднее он станет председателем комиссии по законности и правопорядку Верховного Совета РСФСР) в январе 1990 года писал в докладной записке В. Бакатину: «В последнее время в Москве активно действуют организованные преступные группы рэкетиров... Наиболее опасной из них является так называемая чеченская, совершающая преступления дерзко и с особой жестокостью».

Первая бандитская война между славянами и чеченцами, начатая в конце 1988 года и продолжавшаяся почти весь 1989 год, проходила с переменным успехом для обеих сторон. Славяне, правда, добились в ней главного, они заставили чеченцев считаться с собой и сбили с них привычную спесь. Но до победных фанфар было ещё далеко, и обе стороны прекрасно это понимали.

Союзное МВД между тем перестраивало свои ряды. Созданное в августе прошлого года 6-е Главное управление по борьбе с организованной преступностью, насчитывавшее в то время всего 52

сотрудника, теперь выросло до 928 сотрудников во главе всё с тем же А. Гуровым. Отдел по борьбе с организованной преступностью в МУРе дорос в 1990 году до 100 сотрудников.

Однако с каждым днём ситуация в преступном мире страны заметно изменялась. Если в годы застоя в воровском мире царили относительный порядок и строгое соблюдение иерархических норм, то теперь положение круто изменилось. Старая воровская элита стала постепенно утрачивать контроль над ситуацией и уже не располагала всем объёмом необходимой информации. В криминальном мире страны появились новые авторитеты, предпочитавшие «нарам» дорогие рестораны и офисы всевозможных фирм. И если методы борьбы и взаимоотношений со старыми авторитетами преступного мира у милиции были уже опробованы многими годами работы до этого, то с новыми авторитетами приходилось работать, что называется, с чистого листа.

Передел сфер влияния между преступными группировками проходил не только в Москве, но и по всей стране. В феврале, например, в Одессе был убит один из местных авторитетов Валерий Кононенко по кличке Интеллигент. Его застрелили наёмные убийцы прямо возле входных дверей в собственный дом. Это убийство накалило и без того взрывоопасную обстановку в городе. Многие посчитали тогда, что это убийство затеяли кавказцы, давно мечтавшие прибрать славный город юмора к своим рукам. По другой версии выходило, что это убийство вполне могло быть выгодно и милиции, реально опасавшейся консолидации банд. 13 марта в Одессе произошла крупная вооружённая разборка, во время которой два человека были убиты, двое ранены.

Март 1990 года вообще оказался чуть ли не самым «боевым» месяцем того года. Начальник МУРа А. Егоров, выступая в «Аргументах и фактах», рассказывал: «Только за 6 марта сотрудниками МУРа были задержаны 4 группы вымогателей, которых называют на западный манер рэкетирами. Пришлось пострелять...

Кроме этого, мы нанесли ощутимые удары по люберецкой, солнцевской группам. И они растерялись. В прошлом году они позволяли себя попросту игнорировать милицию. Сегодня этого уже нет и не будет».

В том же марте МУР совместно с УКГБ по Москве и области нанёс удар по группировке, именуемой «Орда», которая занималась вымогательством крупных сумм денег у кооператоров, должностных лиц государственных предприятий торговли и бытового обслуживания в Кунцевском, Сокольническом, Перовском и Киевском районах столицы. За два года своего существования «Орда» незаконно получила более 250 тысяч рублей.

Началом разгрома группировки послужил арест активного члена «Орды» Н. Ботинкина за незаконное хранение огнестрельного оружия (пистолет «ТТ» с боеприпасами) во время раздела «Ордой» сфер влияния

с другой группировкой. Затем на основании полученных УКГБ материалов, показаний потерпевших и других доказательств был арестован руководитель «Орды» Х. Юсипов. 20 марта 1989 года были арестованы ещё 8 человек. Всем им было предъявлено обвинение по признакам преступления, предусмотренного частью 3 статьи 95 УК РСФСР.

Как оказалось, арестованные члены группировки нигде не работали, трое из них ранее были судимы. В процессе оперативно-следственных действий у преступников было изъято более 20 единиц холодного оружия, осветительные ракеты, баллончики со слезоточивым газом, 8 портативных армейских радиостанций, удостоверение сотрудника ГУВД Мособлисполкома, 55 тысяч рублей, ценности на сумму свыше 200 тысяч рублей.

В том же году праздновала свой успех и ленинградская милиция, нанёсшая весьма ощутимый удар по одной из крупнейших преступных группировок города тамбовской во главе с 35-летним Владимиром Кумариным. Вместе с ним милиция арестовала и привлекла к уголовной ответственности более 70 человек. В. Кумарину было предъявлено обвинение в вымогательствах, разбоях, хулиганстве.

В том же марте крупную потерю в своих рядах понёс криминальный мир Воронежа. Во время «наезда» на одного шабашника был убит лидер здешней мафии, известный нам по предыдущему повествованию, Вячеслав Брычев по кличке Брыч. Смерть эта, надо сказать, сильно спутала карты местной милиции, которая давно держала на примете Брычева, скрупулёзно отслеживала все его связи.

Похороны Брычева прошли, как и положено, с большой помпой. Траурный кортеж состоял из десятка автобусов и 72 легковых автомобилей. Криминальный мир отдавал последние почести своему так нелепо погибшему командиру. Шабашника, поднявшего руку на вожака, приговорили к смерти. Милиция заблаговременно спрятала его у себя, но у мафии, как известно, руки длинные.

Все увеселительные заведения города тоже пребывали в трауре. Никаких комедий в кинотеатрах, никаких танцулек в дискотеках и барах.

В дни, когда московская милиция праздновала победу над «Ордой», в далёком Тирасполе местные сыщики праздновали свой успех в ликвидации банды Крапа. Крап был известным рецидивистом, судимым за грабёж. Вернувшись из мест заключения, он довольно быстро сколотил себе банду из крепких молодых людей. Вскоре силу и наглость этих молодцов почувствовали на себе местные кооператоры. Каждый из кооператоров теперь должен был отстёгивать ребятам Крапа по 1 тысяче рублей ежемесячно.

Крап имел обширные связи в криминальном мире. Он был связан с киевскими дельцами подпольного бизнеса, изготавливавшими фальшивые

водительские права и вузовские дипломы, и с ворами из Белоруссии, сбывавшими бриллианты.

Постепенно авторитет Крапа укреплялся, и не только в криминальном мире. Кое-кто из начальников местного МВД не прочь был заиметь с удачливым рецидивистом близкие отношения. И это не осталось незамеченным со стороны извечного конкурента МВД - КГБ. Между тем Крап, чувствуя свою безнаказанность, гулял на широкую ногу в ресторане «Пристения», открыто щеголял оружием. И всё ж первоначально придраться к преступникам было нельзя. Все они числились работающими и дань с кооператоров собирали весьма осторожно и осмотрительно. Стали искать обходные пути и обнаружили, что Крап регулярно «глушит» рыбу в Днестре. Рыбкой угощает высоких руководителей. Но чекистов заинтересовала в первую очередь не рыба, и даже не руководители, водившие дружбу с Крапом. Их заинтересовало происхождение боеприпасов. Вскоре выяснилось, что они были украдены из одной войсковой части. Совместно с МВД КГБ создало следственно-оперативную группу, которая вскоре вышла на след прапорщиков и двух офицеров, которые и доставали Крапу боеприпасы. Их количество уже насчитывало полторы тонны. Эти боеприпасы, состоявшие из нескольких сотен пакетов, имитировали разрывы артснарядов, от них лишь не было осколков. Зато детонация от одного такого «снаряда» была такой же, как и от снаряда 152-миллиметровой гаубицы. В Одессе Крап однажды бросил один такой «пакетик» во двор несговорчивому бармену и с удовольствием наблюдал оглушительный эффект от этого. Кроме этих снарядов, Крап получил от военных и несколько тысяч осветительных ракет, электродетонаторы, револьверы, ножи, бинокли, оптический прицел ночного видения.

Между тем проблема бесхозного оружия стала всерьёз беспокоить правоохранительные органы страны с 1989 года. Тогда КГБ СССР подготовил операцию «Капкан», целью которой было пресечь один из каналов поставки оружия в Закавказье. Маршрут, по которому преступники «гнали» оружие, надёжно контролировался чекистами. Был даже подготовлен специальный трайлер - аналог тех курсирующих, начинённый оперативной техникой, для подставы. Однако преступники почему-то медлили с открытием «горячей линии». Так прошло несколько месяцев. И вот в начале 1990 года в городе Коврове на одном из оружейных заводов прямо с конвейера в очередной раз пропало несколько пулемётов Калашникова. Вскоре, однако, часть была обнаружена в нескольких тайниках в городе. Так удалось выйти на преступную группу торговцев оружием. Одна из нитей от них потянулась в Москву. Там у мебельного магазина был задержан гражданин, который купил краденый пулемёт за пять тысяч рублей. В ходе следствия этот гражданин вывел чекистов на закавказских боевиков, скупающих оружие со всего Союза. Чтобы держать ситуацию под контролем, в разработку под видом сообщника этого арестованного гражданина был введён оперативный работник.

Вскоре закавказские части сами дали о себе знать. В ресторане гостиницы «Советская» они встретились с продавцами и высказали желание купить для защиты родной Армении крупную партию оружия. Ознакомление с оружием произошло в Суздале, в одном из номеров роскошного туристического комплекса. Образцы кавказцам понравились, и они выразили согласие его приобрести. Местами возможной встречи для этого были избраны подмосковная Балашиха или, как запасной вариант, Владимир.

Однако в условленный день и час кавказцы к месту встречи не пришли. Спугнула же их случайность. Человек из Еревана, перевозивший деньги в Москву, внезапно был задержан в аэропорту и доставлен в милицию с полным кейсом купюр. Однако ему удалось откупиться и выйти на свободу. Это посеяло в купцах какие-то подозрения. Вот они и решили переждать.

Их выжидание длилось несколько дней, после чего они вновь вышли на связь. Теперь они были более конкретны и избрали местом купли Балашиху и назвали дату - 22 мая.

Операция по обезвреживанию преступников прошла молниеносно, ведь операцию проводила спецгруппа КГБ СССР «Альфа». Да это и понятно. Через некоторое время в Обнинске и Калуге была проведена аналогичная операция по обезвреживанию торговцев оружием. Во главе преступной группировки стоял майор, замполит одной из воинских частей. Работал и проживал он в Калуге. Имел шикарно обставленную квартиру, новенький автомобиль «жигули» с дорогой импортной аппаратурой. И всё это благодаря успешной торговле оружием.

И всё же в общей картине преступности эти победы милиции погоды не делали и никак не могли остановить «девятый вал» преступности. Наполненная политическими страстями, как порохом бочка, страна медленно, но неумолимо шла к своему развалу и разгул преступности был закономерным итогом этого пути.

Русская мафия

К середине 1990 года усилилась дальнейшая консолидация преступных группировок, когда мелкие формирования на основе договоров образовали более крупные объединения, продолжился начатый ещё в 1988 году захват территорий, и в связи с этим обострилась борьба за сферы влияния. Ещё активней, чем в прошлом году, в 1990 году происходило объединение общеуголовной преступности и экономической. Самый распространённый способ, это когда преступная организация навязывает себя в качестве охраны предпринимателям и те - за гарантию безопасности - соглашаются выплачивать ей дань. Наибольших успехов на этом поприще из столичных криминальных группировок достигла долгопрудненская, которая в 1990 году добилась установления контроля

над некоторыми торговыми базами и валютными ресторанами. Эта команда также обеспечивала безопасность сделок по продаже игровых автоматов, когда «одноруких бандитов» покупали по 90 тысяч рублей, а продавали вдвое дороже.

В том же 1990 году шло активное внедрение мафии в государственную экономику и распределение. Не оставалась в стороне и политика. Активное участие мафиозных структур в таких событиях, как карабахские (февраль 1988-го), ферганские (лето 1989-го) продолжилось в Баку, Вильнюсе, Намангане.

После того как в 1989 году волна революционных ситуаций прокатилась по странам восточного блока (ГДР, Чехословакия, Болгария, Венгрия, Румыния), наша отечественная мафия обратила свой взор и в эту сторону. Её посланцы отправились в длительные заграничные вояжи с целью наведения мостов с тамошними криминальными структурами. В апреле, например, в Париж отправился посланец чеченцев Тимур. В мае в Болгарию выехали два московских авторитета - Ролик и Виктор Никифоров по кличке Калина. Последний, несмотря на свой молодой возраст - 26 лет, - был уже известным в преступном мире человеком. Сын известного композитора Юлия Никифорова и приёмный сын знаменитого Вячеслава Иванькова (Япончика), и заведующий пивной из Подольска Калина уже по одному своему происхождению стал весьма уважаемым среди преступников. Успешной карьере его помогла и поддержка отчима армянина, известного преступного авторитета. Да и многие качества самого Никифорова, такие, как ум, начитанность и неуёмная энергия, сделали своё дело: он стал самым молодым вором в законе в нашей стране.

Профессиональные интересы Калины были достаточно разнообразны: квартирные кражи, вымогательство, теневой бизнес. У него были обширные связи с армянскими, грузинскими, азербайджанскими кланами, с подмосковными группировками. Он теперь свято соблюдал кодекс воровской чести и в силу своих человеческих качеств особенно тяготел к богемной сфере. В среде известных артистов, литераторов, художников он был не менее известен, чем в мире союзного криминалитета.

Вот и в том мае 1990 года связи Калины помогли ему выхлопотать для себя и для друга поездку в Болгарию в составе делегации Моссовета. В их выездных документах они значились как специалисты Мосгорплана. Когда сотрудники отдела по борьбе с организованной преступностью МУРа совместно с КГБ заинтересовались этой поездкой, выяснилось, что документы Калине и Ролику оформила одна из сотрудниц управления зарубежных и внешнеэкономических связей Мосгорисполкома. В отношении её возбудили уголовное дело за должностной подлог. Между тем Никифоров и Ролик великолепно провели время в Болгарии. Заработали там несколько тысяч левов, обменяли их на доллары и, купив себе дорогие подарки, вернулись на Родину. Правда, здесь их ждал отнюдь не тёплый приём. Ролика сразу арестовали и предъявили ему

обвинение в том, что он похитил 20 ценных икон (на 40 тысяч рублей). Никифорова тоже взяли под стражу, но обвинения в отношении его были столь зыбкими, что через несколько дней он уже был на свободе.

Тогда же, но в другой стране - Германии - побывал специалист по отмыванию грязных денег Алик Тахтакумов по кличке Тайванчик, в прошлом профессиональный картёжник. С визитом доброй воли в Германию направил его шеф - вор в законе Гиви Резаный, которому нужны были новые деловые контакты с тамошними преступными авторитетами. Тайванчик с честью справился с возложенной на него миссией, и вскоре в Германии возникает совместное советско-германское предприятие, специализирующееся на скупке антиквариата.

Касаясь этой проблемы, Л. Кислинская в бывшей главной газете страны «Правде» писала: «Занимаясь проблемами борьбы с организованной преступностью, не раз уже приходилось делать неутешительный вывод - наше правосудие терпит фиаско. Несовершенство законодательства, устаревающий механизм правосудия, прорехи правоприменительной практики - со всем этим вновь пришлось столкнуться в нашем вопиющем деле. Подумалось о другом. Сейчас более свободный выезд за границу - да, мы считаем это завоеванием, любой, кто выезжает, наверняка помнит и тягостную процедуру оформления, и очередь за валютой, а главное - безысходность в билетных кассах. Зато все эти проблемы, как видим, обходит стороной «криминогенный контингент».

Свобода перемещения помогла нашим московским мафиози в 1990 году перевести в страны Восточной Европы свыше 210 миллионов инвалютных рублей. Мы помним, что они и в прошлом году не особо церемонились в этом плане, а уж когда рухнула Берлинская стена, их аппетиты возросли вдвое. Та же Л. Кислинская по этому поводу писала: «Наши миллионеры очень полюбили маленькую Венгрию. Сюда хлынули толпы бывших сограждан, уже купивших себе виллы, магазинчики, ресторанчики. В венгерском банке пришли в ужас от огромного неуправляемого потока советских рублей, которые долго превращались в частично конвертируемые форматы».

Осенью всё того же 1990 года в Будапешт прибыл известный киевский мафиози по кличке Череп со своими товарищами. Череп, как и полагается авторитетам новой волны, в прошлом был спортсменом, студентом Киевского института физкультуры. Году в 1988-м, сколотив из таких же, как он, крепких молодцов команду, он обложил данью местных кооператоров, а также взял в свои руки скупку и перепродажу изделий из драгметаллов, «шмоток», сутенёрство, валюту, махинации. К 1990 году группировка Черепа уже крепко стояла на ногах и насчитывала в свои рядах до сотни бойцов. Пределы родины стали тесны для них, и Череп отправился в Венгрию. Там его уже ждали друзья, бывшие граждане СССР, теперь ставшие коммерсантами. По их наводкам Череп и его бойцы стали «бомбить» торговцев наркотиками из СССР, имея с каждого

«наезда» по 60 тысяч долларов. К концу года это позволит Черепу с товарищами обзавестись квартирами в Будапеште, машинами. Именно с 1990 года западная печать стала, пускай робко, но упоминать на своих страницах о новом преступном феномене - русской мафии.

Между тем так называемая русская мафия появилась, например, в Америке ещё в конце 70-х годов. Состояла она в основном из лиц еврейской национальности, которые с середины 70-х получили наконец возможность покидать пределы СССР. По данным американской прессы, в 1975 году эмигрантов из СССР прибыло в США около 15 тысяч, треть из которых обосновалась в Нью-Йорке. Такому количеству эмигрантов довольно трудно сразу трудоустроиться, поэтому многие из них обращают свои взоры в сторону криминальной деятельности. Причём начинают они, как правило, с «наездов» на своих, с того, с чего начинали свою преступную деятельность и итальянская «Коза ностра», и японская «Якудза». По данным американской разведки, основу русской мафии составляют спекулянты и другие профессиональные преступники, которые занимались уголовно наказуемыми делами задолго до того, как получили выездные визы в США или были внедрены в среду еврейских эмигрантов.

Деятельность подобных мафиози весьма разнообразна. Она варьируется от старомодного мошенничества с драгоценностями на ювелирной 47-й улице в Нью-Йорке до многомиллионных афёр с кредитными карточками и с облагаемым налогом бензином в городах США. Бензин вообще стал чуть ли не главным источником доходов для русской мафии, которая стала смешивать более дорогие его сорта с дешёвыми, до чего американцы никогда бы не додумались.

Многие американские блюстители законности и порядка уже тогда, в конце 70-х, отмечали, что преступники «советского» происхождения действуют особенно дерзко, демонстрируя откровенное пренебрежение к местной системе уголовного наказания, которая представляется им весьма мягкой по сравнению с лагерями и тюрьмами на Родине. Преступники, привыкшие действовать в условиях дефицита и коррупции, в кратчайшие сроки научились использовать в своих целях американскую систему кредитов и других коммерческих отношений, основанных на доверии. Одним из самых известных представителей «русской мафии» в США был выходец из Ленинграда Евсей Агрон, который эмигрировал из СССР в 1975 году. Человек с богатым воровским прошлым, он уже через два года сумел возглавить банду мошенников в Брайтон-Бич, которые, выдавая себя за моряков торгового судна, предлагали эмигрантам приобрести у них по низкой цене старинные золотые рубли. Монета была настоящей, но, когда доверчивые советские «лохи», заплатив немалые деньги, вскрывали пакет, он оказывался наполненным чем угодно, только не золотом.

Сколотив определённый капитал на подобном «кидании», Агрон вскоре перешёл на торговлю наркотиками, что принесло ему ещё больше

прибыли и подняло его популярность на новую высоту. В 1983 году на Лонг-Айленде, близ Нью-Йорка, состоялась поистине историческая встреча между капитаном самого Коломбо - Ларри Яриццо и Михаилом Марковичем, сподвижником Агрона. Итогом встречи стала договорённость о дележе бензинового рынка, точнее поступлений от махинаций с ценами на этом рынке. Нашим мафиози было выделено 25%, что было серьёзным признанием потенциальной силы и мощи русской мафии.

Тогда же, в 1983 году, Агроном всерьёз заинтересовалось ФБР в связи с афёрами в казино при отеле «Дюны». В Лас-Вегасе тогда выяснилось, что Агрон тесно связан со знаменитым кланом Дженовезе из «Коза ностры». Но как ни старалось ФБР раскрутить кого-нибудь на показание против Агрона, это так и не удалось. 40-летний Марат Балагула в 1983 году был вторым человеком после Агрона в русской мафии Нью-Йорка. Выходец из Оренбурга, он после войны переехал в Одессу и был вполне обычным по тогдашним советским меркам молодым человеком. Отслужив, как и положено, в армии, Балагула вернулся в Одессу и устроился на работу, сначала в мясной магазин, а затем на круизный теплоход «Иван Франко». Здесь ему подфартило: он стал не кем-нибудь, а курьером у партийной мафии, которая гнала из Одессы за границу золото, антиквариат и другие ценные вещи. Благодаря столь высокому покровительству Балагула сумел за короткий срок посетить Германию, Австрию, Италию, Англию и другие европейские страны, что простым советским гражданам в то время и не снилось. Попутно с этим Балагула закончил вечерний педагогический институт и получил диплом учителя математики. В середине 70-х, отплавав своё, Балагула стал директором одного из самых крупных на Украине кооперативных магазинов. В 1973 году в Крыму с большой помпой был отмечен 30-летний юбилей Балагулы, на котором, как гласит легенда, присутствовал тогдашний 1-й секретарь Ставропольского райкома КПСС Михаил Горбачёв.

Но даже несмотря на своё высокое положение в СССР, Балагулу не оставляло желание выехать из страны. Он достаточно насмотрелся на жизнь за границей, к тому же был евреем, поэтому мысль эмигрировать жила в нём постоянно. И вот в конце 70-х эта его мечта осуществилась, он приехал в США. Правда, на первых порах ему пришлось изрядно попотеть над своим устройством там, поступить на курсы английского языка. Организация бывших советских евреев предоставила ему место в одном из центров производства одежды, где Марату пришлось кроить материю за три с половиной доллара в час.

В 1982 году судьба свела Балагулу с Евсеем Агроном, который увидел в энергичном молодом человеке достойного претендента на роль своего заместителя. В 1983 году именно Балагула «закрутил» знаменитую бензиновую афёру в Нью-Йорке, он создал ряд дутых компаний, через которые бензин продавался без какого-либо оприходования. Греческие и турецкие иммигранты, до этого занимавшиеся бензиновыми афёрами, были вытеснены Балагулой окончательно. Эта афёра позволила Балагуле

крепко встать на ноги и даже выйти из-под опеки своего шефа Агрона. Агрон было возмутился, за что чуть не поплатился жизнью: в 1984 году неизвестный ранил его из пистолета в шею. Тем временем окрепший Балагула стал распространять своё влияние за пределы Нью-Йорка. В то время как Агрон был заурядным вымогателем, Балагула стал истинным босом, человеком, которого востребовало новое время. Его империя пошла намного дальше агроновской, раскинув щупальца в Азию, Восточную Европу, Африку. В среде мафии его звали Великаном и Грузином. Утром 4 мая 1985 года Евсей Агрон вышел из своей квартиры в Бруклине на улицу, где его ждала машина. Его путь лежал в одну из знаменитых бань в Ист-Сайде. Но до машины Агрон так и не дошёл: три пули наёмного убийцы навсегда поставили точку на его жизненном пути. Отныне единоличным «крёстным отцом» русской мафии в Америке стал Марат Балагула.

Так же как и лидеры итальянской, японской и других мафий в США, Балагула достаточно открыто жил в шикарном доме в Кони-Айленде. Имел собственный ресторан с ностальгическим названием «Одесса». Среди обитателей Брайтон-Бич имел стойкую репутацию Робин Гуда, так как всегда помогал тем, кто впервые приехал в Америку из СССР на постоянное место жительства. Он давал этим людям работу, обеспечивал жильём. Он помогал начать свой бизнес и поддерживал его финансовыми вливаниями.

В личной жизни Балагула тоже был устроен, имел жену Александру и совершеннолетнюю дочь Оксану, которая в отце души не чаяла. Правда, за Балагулой давно уже закрепилась репутация современного Дон Жуана, но на его семейном положении это никак не сказывалось.

Как главарь русской мафии Балагула делал «бабки» буквально на всём. Но особенно напирал на наркотики и алмазы, которые шли из самой Сьерра-Леоне через Таиланд и попадали в Европу. Там их распределял близкий друг Балагулы Ефим Ласкин. Бывший мастер спорта по боксу, этот человек считался одним из крупнейших гангстеров преступных джунглей южной части Германии, куда он приехал из СССР ещё в 1974 году. Выдавая себя то за кинодеятеля, то за журналиста, Ласкин в то же время был зарегистрирован как безработный и получал специальное пособие от властей. Но жизнь безработного явно не улыбалась Ефиму, и он занялся вымогательством и махинациями с фальшивыми золотыми рублями. За это он вскоре и сел на 4 года. Но даже несмотря на эту отсидку, его популярность в заведениях мюнхенского полусвета не уменьшилась. Вернувшись из заключения, Ласкин вновь занялся криминальной деятельностью. Помимо алмазных дел в сферу стала входить и перепродажа русских икон, которые обильным потоком «пошли» на Запад из перестроечного СССР. Брат Ласкина даже открыл галерею икон в Берлине. Помимо этого, братья владели игорным предприятием «Даллас шпильхамен», через которое легко «отмывали» деньги, заработанные на продаже наркотиков, оружия, контрабанды.

Но в сентябре 1991 года на автомобильной стоянке в курортном местечке Унгерербад, неподалёку от Мюнхена, рука наёмного убийцы настигла 52-летнего Ефима Ласкина. 11 ножевых ран, нанесённых ему, сделали своё дело, Ласкин скончался. Балагула потерял своего очередного партнёра по преступным делам.

А для Балагулы 1990 год не стал успешным. В феврале он был арестован в той же Германии и отправлен в США, где его давно уже ждали. Дело в том, что ещё в 1986 году Балагула был пойман на подделке кредитных карточек на 360 тысяч долларов. Карточки принадлежали одной американской киноактрисе, и Балагула, заполучив номера карточек с личными кодами, решил выпотрошить актрису на весьма кругленькую сумму. Но ФБР не дремало. Балагуле дали возможность снять со счёта актрисы 360 тысяч долларов, после чего пришли к нему с ордером на арест. Но тогда Балагуле подфартило, он сбежал из Америки и скрывался почти четыре года.

После ареста Балагулы русская мафия, лишившись главаря, распалась на пять отдельных групп. Основным же источником её доходов совместно с «Коза ностройй» по-прежнему остаётся торговля беспошлинным бензином. В одном только 1990 году русская мафия заработала на неуплате таможенных пошлин около 1 миллиарда долларов.

Активные поиски контактов советской мафии с русской мафией в США и странах Запада в 1990 году значительно усилились и приобрели устойчивый характер. А. Гуров в июне 1990 года на страницах газеты «Сын Отечества» утверждал: «Мы начинаем «экспортировать» преступность за рубеж. Это очень волнует западные страны. «Экспорт» осуществляется прежде всего через эмиграцию, которая насчитывает сотни тысяч человек в год. Наряду с частными лицами, которые покидают страну, за границу проникает масса дельцов. На родине они скопили капиталец, и, как правило, немалый, теперь хочется красивой жизни. Вообще надо сказать, что сейчас нарастает тенденция к тому, чтобы с помощью иностранных фирм обратить наши богатства, леса, недра в золото, валюту, вложить средства в иностранные банки и, как говорят, «сделать ручкой».

И всё же, несмотря на все прелести заграничного времяпрепровождения, отечественные пенаты для русских мафиози были куда как желаннее и роднее. В одной Москве уступчивые кооператоры в виде взяток передали мафии 30 миллионов рублей. Да и развлекаться теперь было где и на Родине, летом 1990 года в Москве открылось первое валютное казино в гостинице «Ленинградская». Учредителями его стали «Мосресторансервис» и западногерманская фирма «Модерн геймс».

Побег в Москве. Побег в Якутии

В июне 1990 года на территории СССР были отмечены первые подделки банковских документов. Занималась этим преступная группа Владимира Финкеля и директора молодёжного коммерческого центра «Зенит» Владимира Золы. Именно эта группа была одной из первых, кто подделал платёжный документ - в данном случае на 102 миллиона рублей. Провернув эту афёру и переведя деньги за рубеж, Финкель и Зола благополучно выехали из страны, первый - в Австрию, второй - в Израиль.

Выступая на 2-м Съезде народных депутатов в декабре 1989 года, В. Бакатин сообщил, что за год в стране количество хищений боеприпасов и оружия возросло в полтора раза. В розыске в 1989 году находилось около 9 тысяч единиц нарезного оружия, в том числе 732 автомата и 180 пулемётов. В 1990 году эти цифры выросли чуть ли не вдвое-втрое. В мае того же года в Ижевске произошло преступление, имевшее широкий резонанс в стране. В Ижевском механическом институте средь бела дня были застрелены трое сотрудников и похищено десять пистолетов. Обстоятельства этого преступления выглядели следующим образом. Днём в подвале спортзала Ижевского механического института, где располагался тир, работал учебный мастер Соковник. С ним преступник расправился первым. Затем в подвал спустился сварщик Вахрушев и также был застрелен. Третьей жертвой стал подполковник Огольцов, который поспешил на выстрелы из одной из служебных комнат. После этого преступник похитил из тира восемь мелкокалиберных пистолетов, два револьвера и патроны.

В тот же день в МВД Удмуртской республики был создан штаб по руководству расследованием во главе с первым заместителем министра Н. Перевощиковым. Всего в ходе расследования было опрошено около 30 тысяч человек.

По плану «Сирена» были перекрыты все выезды из города, десятки местных сыщиков перешли на режим круглосуточной работы. Но всё было безрезультатно. Тогда местные власти обратились по радио и телевидению к гражданам города с просьбой помочь в раскрытии этого преступления за вознаграждение в сто тысяч рублей. И вновь никакого результата. И только через полтора месяца сотрудники оперативно-розыскного бюро взяли преступника и изъяли у него часть похищенного оружия.

Им оказался 23-летний студент шестого курса того же Ижевского механического института. В преступлении своём он не раскаивался, после чего со смехом рассказывал, как у него в момент убийства кончились патроны. Он был из обеспеченной семьи, женат, ребёнку исполнилось полгода.

Убийца рассказал, как сам изготовил глушитель по лично разработанным чертежам, как тщательно готовился к преступлению. Пистолет он пристреливал дома, когда жена с ребёнком уходили на прогулку. Он ставил на балконе деревянный брус, ложился на пол и

стрелял через открытую балконную дверь.

Между тем в Ижевске почти безнаказанно процветала торговля самым разнообразным оружием. Эмиссары со всего Союза приезжали в этот город и, толкаясь у стен заводов, обхаживали рабочих. За шесть пистолетов предлагали машину «жигули». Крупнокалиберный пулемёт «Утёс» стоил, естественно, несколько дороже. Сотрудники оперативно-розыскного бюро прекрасно владели всей это ситуацией, но пресечь торговлю были не в состоянии. Они с горечью признавались, что «полностью остановить утечку можно только путём закрытия самих заводов».

Тем временем большая часть оружия переправлялась на фронты межнациональных конфликтов. Другая часть заготавливалась преступным миром. В Ижевске им управлял один авторитет криминального мира, тридцати с небольшим лет, трезвенник, неплохой бизнесмен. Одним словом - представитель новой формации советских преступников, такой же, например, как Виктор Никифоров (Калина) в Москве.

В общении с подчинёнными он всегда был корректен, справедлив, что придавало его облику ещё большую привлекательность. Все местные пацаны могли не знать главу местной власти, но этого «авторитета» знали все.

12 июля 1990 года в 16 часов 30 минут в самом центре Москвы из автозака совершили дерзкий побег семеро преступников, пятеро из которых числились по разряду «особо опасных». На счету К. Кима, А. Смердова изнасилование, восемь разбойных нападений. Двое других беглецов - К. Павлюченков и И. Козловский - числились по разряду «рядовых» преступников и участием в «мокрых» делах себя не запятнали. И. Козловский через несколько часов явится с повинной в милицию, чем заслужит себе снисхождение. Остальных начнут искать. Между тем столь вызывающего преступления не помнили даже старожилы МВД. Ю. Чурбанов, например, в своих мемуарах писал: «Совсем недавно стало известно, что в Москве среди бела дня из служебного автомобиля, который перевозит особо опасных преступников, убежали семеро рецидивистов, а перед побегом эти рецидивисты неоднократно распивали вино вместе со своей охраной. Такое возможно? Да. Это такое сверх ЧП, что мне и сказать нечего... За все 70-80-е годы ничего подобного у нас не было и быть не могло. Я даже не знаю, как это всё объяснить, то ли разложением солдат, то ли... преступники настолько обнаглели, что они просто диктуют свою волю охране, - только такие «сделки» сиюминутно не возникают, тут, конечно, зэки провели свою определённую работу. Неподготовленный читатель может и без меня догадаться, что спецавтомобиль, в котором перевозят уголовников, оборудован всеми надёжными и необходимыми средствами. Он не имеет права отклоняться от маршрута. От тюрьмы до здания суда по всей трассе с автомобилем поддерживается непрерывная связь. Как этот автомобиль мог куда-то

свернуть? Как он оказался в подворотне? Как могло случиться, что солдат с портфелем беспрепятственно - в форме! - вошёл в магазин, и услужливая толпа тут же предложила ему без всякой очереди приобрести спиртное. В голове не укладывается».

Не уложилось это и в голове Президента СССР Михаила Горбачёва, которому вечером того же дня доложили об этом происшествии. В те дни в Москве завершал свою работу XXVIII съезд КПСС, и за день до его окончания делегаты вдруг получили такой «подарок». Представить себе такое в былые годы, когда во время работы подобных съездов милиция переводилась на особый режим работы, просто невозможно. В этом Ю. Чурбанов был прав.

Тем временем преступники, вооружённые тремя пистолетами, по приказу своего главаря, К. Кима, разбежались в разные стороны. Ким и Донец, остановив на улице «жигули», поехали на квартиру одного из своих знакомых. Там они сменили одежду и отправились в Новогиреево по ещё одному адресу, не известному милиции.

На Петровке, 38, тем временем вовсю работал оперативный штаб по поимке преступников. Там вычислялись все возможные пути, по которым могут пойти преступники. Материалы следствия, к примеру, подсказывали, что Ю. Денисов и В. Георгиев скорее всего могут скрываться в Москве, где у них были обширные связи. И вот в штаб поступило сообщение: по одному из адресов появился незнакомый человек, которого раньше в округе не видели. По приметам незнакомец смахивал на Георгиева. Оперативники тут же установили возле этой квартиры кинокамеру. Вскоре плёнка зафиксировала небольшого роста, крепко сложенного мужчину. Сомнений быть не могло - это был Георгиев. Зная, что он вооружён, сыщики решили действовать наверняка. К делу подключили ОМОН.

Поздно вечером один из оперативников, вооружившись кувалдой, нанёс мощный удар по входной двери Георгиева. Но дверь с первого удара не поддалась. Между тем преступник, сидевший в дальней комнате и смотревший телевизор, услышав удар, вскочил с кресла и бросился через коридор в другую комнату к пистолету. Но судьба явно отвернулась от него. После второго удара кувалдой входная дверь слетела с петель и упала на выскочившего в коридор Георгиева. Оперативникам осталось только извлечь его оттуда.

Как выяснилось позднее, за три часа до того как за квартирой Георгиева было установлено наблюдение, её покинул ещё один беглец - А. Смердов. Куда он направился, Георгиев не знал. Но оперативникам было прекрасно известно, что у Кима, Донца и Смердова все родственники проживают в Бишкеке. Поэтому во взаимодействии с киргизскими сыщиками московские розыскники взяли под контроль все бишкекские «малины».

Тем временем Ким и Донец на следующее утро после побега остановили первую попавшуюся машину на кольцевой автодороге и отправились во Владимир. Оттуда их путь лежал в Рязань.

А в Москве сыщики вышли на след Ю. Денисова, который скрывался на квартире одной проститутки. И опять, как у Георгиева, «внезапный штурм» и выбитая дверь. И Денисов так же, как и его подельник, пытался схватить пистолет, но и ему фортуна отказала в своей благосклонности. Между тем Ким и Донец, а за ними и Смердов благополучно добрались до Киргизии. Но их уже здесь давно ждали. Вопрос их ареста стал делом времени.

Первым в сети оперативников попался Донец, который с большой партией наркотиков собирался выехать из Чуйской долины. Взятый врасплох, он практически не оказал никакого сопротивления. Но выведать у него, где Ким, сыщикам так и не удалось. Пришлось делать засаду в доме Донца. Так как там у него хранилось 160 килограммов анаши на сумму более чем в миллион рублей, оперативники резонно решили, что рано или поздно, но Ким сюда заявится. Так оно и получилось. Но Ким оказался хитрее своих преследователей. Оставшись в машине в нескольких километрах от дома Донца, он послал туда Смердова. Его и взяли сыщики. А Ким скрылся на машине в неизвестном направлении.

Вскоре из посёлка Чалдовар пришло сообщение, что там появился какой-то кореец. Сомнений не оставалось - это был Ким. Его взяли сонным в доме одного турка, у которого он временно поселился.

Так, одного за другим, милиция переловила пятерых беглецов. Шестого, К. Павлюченкова, поймать так и не удалось, хотя он находился под боком у преследователей. Выходец из люберецкой группировки, он в ней и скрывался, взятый под опеку одним из лидеров группировки по кличке Фандор.

К. Кима, Ю. Денисова, В. Георгиева и И. Донца суд приговорил к высшей мере наказания. Сбежать на этот раз из-под стражи им уже не удалось.

А вот в Якутии летом 1990 года произошёл беспрецедентный побег 11 уголовников, которые захватили самолёт Аэрофлота. Случилось это 20 августа. Преступники обезоружили охрану, захватили в аэропорту самолёт с пассажирами и потребовали вылета за пределы СССР. Чтобы сохранить жизнь невинных людей и избежать кровопролития, угонщикам разрешили перелететь за границу. Самолёт приземлился в городе Караги в Пакистане, где преступники отпустили заложников, а сами сдались местным властям.

Угонщики обратились к Пакистану с просьбой предоставить им политическое убежище, но получили отказ. Исламабад отказался также выдавать преступников нашей стране, приняв решение судить их по

исламским законам. Они были приговорены к пожизненному заключению. Этот приговор поверг перебежчиков в шок. Один из них потом повесился в камере, ещё трое пытались покончить жизнь самоубийством.

В сентябре 1993 года пакистанские власти решили сократить всем угонщикам срок до 10 лет.

Надо отметить, что 1990 год стал пиковым для ответвлений гражданской авиации, когда было совершено 33 акта так называемого незаконного вмешательства в её деятельность. 9 угонов завершились посадками наших самолётов в зарубежных аэропортах. 24 попытки - приземлением самолётов на отечественных аэродромах.

Кража века в Шереметьеве. Убийство А. Меня

Летом 1990 года Московский уголовный розыск активизировал свои действия против преступных группировок в Москве, в частности против чеченцев. В среде их лидеров прошли повальные аресты, в результате которых в июле-августе было нейтрализовано сразу три крупных авторитета группировки. Кроме них были арестованы ещё 7 лидеров структур и боевых групп. Это было достаточно ощутимым ударом по чеченцам, от которого они потом долго не могли оправиться.

Тем же летом во время очередного преступления были задержаны известные в преступном мире люди - лидер одной из преступных группировок Пеле по кличке Али и двое его подручных: Бзыня и Казик. Все они специализировались на ночных ограблениях - выслеживали на машинах подвыпивших завсегдатаев ресторанов и на пустынной дороге, обогнав их на своих машинах, останавливали и грабили. Если читатель помнит, точно таким же «промыслом» в прошлом году занималась банда Южанина, которая, правда, специализировалась на иностранцах.

Идя по следу Пеле, сыщики с Петровки арестовали ещё двадцать человек, боевиков из подмосковных Железнодорожного, Люберец, Видного, Балашихи, а также из Грузии и Дагестана. В сети оперативников попалась даже неуловимая Марина, лидер сразу трёх преступных групп, занимавшихся налётами.

Однако арест Пеле не ставил последнюю точку в этом деле. Вскоре его уголовное дело выделили в отдельное производство, отсекая Пеле от всего остального. После этого многие люди, дававшие свидетельские показания против него, от этих показаний отказались. Перед самым судом над Пеле на свет явился запрос известного народного депутата, члена Верховного Совета СССР, касающийся судьбы Пеле. Всё шло к его скорому оправданию.

В начале того же года в аэропорту Шереметьево произошла кража, названная журналистами «кражей века». Суть же дела состояла в следующем. В аэропорту Шереметьево под открытым небом лежали

мешки с тремя миллионами американских долларов. Работавшие в аэропорту водитель спецмашины Н. Некрасов, грузчики В. Белый и двое других, воспользовавшись подобным ротозейством, попросту украли два мешка, в которых находилось 400 тысяч долларов. Зачинщик всей этой истории Н. Некрасов тут же кинулся сбывать эти деньги и вышел на одного своего друга, также ранее работавшего в Шереметьеве. Теперь друг работал в кооперативе и имел связи с криминальным миром столицы. Именно через этого кооператора на Некрасова и вышел авторитетный в этом мире человек. Для него, человека прежде всего умного и искушённого в подобных делах, не составило большого труда вытрясти из Некрасова и Белого 393 тысячи долларов.

Между тем один из новых знакомых кооператора, тоже поимевший на этом деле «зелёных», выехал в Самару и там рассказал неким молодым бойцам из одной местной группировки о том, что у некоего кооператора появились «шальные» баксы. Молодые люди недолго думая попросили рассказчика устроить приезд этого кооператора в Самару. Что и было тем сделано почти что незамедлительно. В мае 1990 года кооператор приехал в Самару и тут же попал в руки молодцов. После нескольких допросов с пристрастием кооператор рассказал молодым людям о том месте, где он спрятал свою банку с долларами. Один из самарцев, Женя, вскоре со своей долей прибыл в Москву и «толкнул» деньги какой-то спортсменке, известному писателю-сценаристу и некоей семейной паре.

Тем временем «кражей века» уже вовсю занимались три ведомства: МВД, Прокуратура СССР и КГБ. Объединение столь мощных сил в конце концов должно было привести следствие к успеху. Так оно и вышло. Цепочка Некрасов - кооператор - преступные авторитеты позволила следователям выйти на целую банду, давно уже орудовавшую в Москве и области. Эта банда занималась угонами автомобилей, ограблениями квартир, вымогательством и т.д. На банду работала некая бывшая балерина, которая сообщала бандитам, когда и кто из её товарищей по искусству вернётся из-за границы и что с собой привезёт. Возвращенца обычно встречали на дороге возле Шереметьево-2 и освобождали от поклажи. От этой же балерины преступники как-то узнали, что модельер В. Зайцев посещает бассейн «Олимпийский». После этого сообщения преступники попросту вскрыли оставленный В. Зайцевым возле бассейна «мерседес» и унесли из него всё, что было возможно.

Однако, несмотря на успех в поимке банды, деньги в полном объёме следствию вернуть всё же не удалось. К осени 1990 года из 400 тысяч долларов, украденных Некрасовым, было найдено всего лишь 30 тысяч.

Во время следствия по этой банде следователи пытались «раскрутить» преступников на показания о том, что они выполняли платные заказы на убийства. Однако один подследственный на этот счёт выразился так: «Было ещё рано, не дозрели». Между тем платные убийства в том году были уже весьма популярны в криминальной среде. Впервые же о них заговорили в 1988 году. Тогда их было совершено около

десятка. В основном происходили они на бытовой почве, из-за ревности, родственной неприязни. И «вознаграждения» за них были чисто символическими - к примеру, пара бутылок водки. Редко тысяча - полторы рублей. В 1990 году количество заказных убийств достигло сотни, и в основном они совершались профессионалами. Как сказал начальник отдела ГУУР МВД СССР И. Храпов: «Всё большее распространение получают «заказные» убийства из-за экономических причин. Здесь и раздел сфер влияния группировок, и клановые интересы».

Осенью 1990 года по заказу был убит бухгалтер одного из коммерческих предприятий Москвы Михаил Прохоров. В сентябре того же года в Саратове произошло первое для города «разборочное» убийство. В тот момент, когда загонял свой «фольксваген» в гараж, несколькими пистолетными выстрелами был убит преступный авторитет Владимир Хапалин по кличке Хапуга.

9 сентября 1990 года в 6.30 утра по дороге к электричке на станции Семхоз Ярославской железной дороги ударом топора был смертельно ранен протоиерей Сретенской церкви, богослов, философ Александр Мень. Удар топором был нанесён непрофессионально, рана была не смертельной, и, если бы кто-то находившийся рядом зажал разрубленную крупную артерию хотя бы рукой, отца Александра можно было бы спасти. Но поблизости никого не оказалось. Тогда раненый Мень пошёл обратно к дому. По дороге ему повстречались две женщины, которые, увидев кровь на его лице, спросили: «Кто это сделал, отец?» И он два раза им ответил: «Никто. Я сам». И пошёл дальше. Возле самого дома, не доходя нескольких метров до калитки, он упал на забор и умер от потери крови.

Это жестокое убийство буквально всколыхнуло общественность страны. Поднять руку на священника - можно ли было представить себе более омерзительное преступление? Следственную группу Московской областной прокуратуры возглавил следователь А. Дзюба. Начались активные следственно-розыскные мероприятия. Версий убийства отца Александра насчитывалось несколько. Сюда входили версия о возможном причастии к убийству КГБ, который с начала 80-х вёл интенсивное наблюдение за Менем, версия о том, что отца Александра убили на почве религиозного антисемитизма, версия о том, что убийство совершили обыкновенные уголовники.

Между тем в первые же дни после убийства к следователям стали приходить разные люди и признаваться в том, что именно они совершили это преступление. В частности, это сделали братья Бобковы, жившие с Менем в одном посёлке. А житель того же посёлка Силаев признался в том, что он видел, как братья это делали. Односельчане не верили ни единому их слову, но следствие решило ухватиться за эту версию. Энергии, которую сыщики выложили на проверку этой версии, можно было позавидовать. Был даже осушен пруд, куда Г. Бобков якобы выбросил топор - орудие убийства. Но вскоре после этого Геннадий отказывается от показаний. То же самое делает и Силаев. Геннадий

между тем делает заявление, что его, мол, вынудили к самооговору. Кто? Молчание.

Между тем столь обильное количество добровольных «убийц» объяснялось следующим образом. Одни признавались в убийстве с целью облегчить свою участь за совершённые ими различные преступления путём привлечения к решению их проблем работников прокуратуры и следствия из центра, а также желанием разнообразить свою жизнь путешествием по этапам. Другие пытались решить свои семейные, бытовые и другие вопросы путём устранения неугодных им людей силами органов следствия и розыска и писали анонимки на своих коллег по работе и соседей. Третьи явно хотели пустить следствие по ложному пути.

После того как Бобковы отказались от своих признаний, сыщики ухватились за версию женщины, которая в то роковое утро видела мужчину, выскочившего из кустов недалеко от места убийства. Когда на похоронах снимали на видео происходящее и показали ей этот фильм, она опознала того незнакомца. Он стоял в ограде и курил. Но найти этого человека так и не смогли.

Люди, близко знавшие отца Александра Меня, высказывали по факту этого убийства различные мнения. Но ни один из них не высказался за то, что это рядовое убийство.

В. Иванов, директор Всесоюзной библиотеки иностранной литературы: «Сразу после убийства у меня состоялся разговор с В. Бакатиным. Он был согласен с гипотезой, по которой надо изучить вопрос о причастности к этой трагедии некоторых высокопоставленных лиц».

Н. Григоренко, вдова Александра Меня: «Уверена лишь в одном: это было очень хорошо подготовленное убийство. И уголовники здесь ни при чём».

2 октября 1990 года Совет Министров РСФСР принял постановление о реорганизации аппарата МВД России. Теперь вместо малых подразделений на местах начали создаваться специальные оперативные службы, которые должны были выполнять три основные задачи: защита личности, борьба с экономическими нарушениями закона, пресечение организованной преступности. Произошли изменения и в кадровой политике. В частности, была упразднена система политорганов.

Бандитские войны. Осень 1990-го

Осень и зима 1990 года были отмечены резкой вспышкой насилия в криминальном мире. Передел сфер влияния продолжался. В Москве, например, славянские группировки продолжали наступление на чеченцев. 7 октября, в воскресенье, в Москве в кафе «Восход» был устроен настоящий расстрел лиц кавказской национальности. События

развивались следующим образом. В шесть часов вечера в кафе находилось около 30 посетителей. За столиками сидели представители различных национальностей: чеченцы, русские, грузины, даже компания гавайцев зашла перекусить, был один австралиец, семья цыган. В 18 часов в кафе вошли трое молодых людей. Они всем приказали оставаться на своих местах. А для пущей наглядности выстрелили из пистолета в потолок. Но эти угрозы не на всех посетителей произвели впечатление. Некий Липартия вскочил с места. Рядом с ним находилась официантка, и он её толкнул под стол, тем самым спасая от выстрелов. Сам Липартия получил удар ножом (9 октября в больнице он скончается). Вслед за Липартия вскочил 25-летний Алиев, которого настиг уже не нож, а пуля, попавшая в цель. Смерть наступила мгновенно.

Между тем ряды нападавших пополнились ещё несколькими молодыми людьми, в руках у которых были обрезы и индейские клюшки для хоккея на траве. Они начали крушить всё подряд. Это побоище продолжалось около 5 минут. После этого нападавшие скрылись.

Результат побоища был ужасен, убиты чеченец и двое грузин. Ранены ещё 5 человек. Среди них - двое русских и даже австралиец. Одного подстрелили, когда он уже убегал, пуля угодила ему в бедро. Секущий удар в голову ножом получил 18-летний юноша. Сильный удар клюшкой по голове был нанесён австралийцу, этот удар привёл к ужасной травме.

Руководитель штаба по раскрытию преступления первый заместитель начальника Бабушкинского РУВД Игорь Васильев, комментируя это преступление через прессу, заявил: «Полученные нами данные говорят о том, что была проведена акция устрашения. Но против кого? Пострадали разные люди, никак не связанные между собой. Могу заявить определённо, что преступление совершено не на национальной почве».

Чуть позднее в тех же средствах массовой информации появилась версия о том, что акцию устрашения против кавказцев провели представители пушкинской группировки.

Трудно объяснить, чем мотивировала милиция свои предположения о том, что эта акция не имела под собой национальной подоплёки. Видимо, только боязнью новых актов устрашения. Не этим ли объяснялась и та пресс-конференция, что состоялась в 20-х числах октября на Петровке, 38, на которой выступил член Президиума Верховного Совета СССР, председатель Комитета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью Алсанбек Аслаханов. Он, в частности, заявил: «Чеченской мафии нет. Так же, как нет узбекской, грузинской, азербайджанской. Не знаю, с лёгкой руки какого обывателя появилось столь расхожее определение. Так говорят люди, никогда не общавшиеся с чеченцами. Не только гордость за народ, привыкший трудиться в поте лица своего, говорит во мне. Вот цифры: по данным МВД, в Москве живут свыше двух тысяч чеченцев. В прошлом году в радиусе «Золотого кольца» за совершение преступлений задержаны 33 чеченца. В основном грабежи,

разбой, мошенничество, хулиганство. За девять месяцев 1990 года 21. Но это 0,17 процента от общего количества совершаемых преступлений. Мизер.

Хотя феномен особой, «чеченской» группировки существует. Сколько в ней человек - точно не известно. Когда я работал в МВД СССР, в наших кругах называли цифру 300. А основы феномена, если брать чеченцев, заложены в их воспитании, характере. Самое страшное - прослыть трусом. Обидели земляка - святой долг отомстить, попал в беду - выручить...»

Именно так произошло и в тот раз. Как только весть о побоище в кафе «Восход» достигла чеченцев, на кольцевой автодороге собралось свыше 500 их представителей. Пяти лидерам славянских группировок были тут же вынесены смертные приговоры. Добровольцы поклялись на Коране и хлебе привести их в исполнение. Им тут же собрали 5 миллионов рублей на юридическую защиту и поддержку их семей во время предполагаемой отсидки за убийство. Среди добровольцев в основном была молодёжь, которая таким путём могла заработать себе неплохой авторитет. Правда, задача у них была трудная, славяне заранее подготовились к такому повороту событий и обезопасили своих лидеров.

Между тем не успело стихнуть эхо от побоища 7 октября, как 4 ноября на территории 4-го таксопарка были жестоко избиты двое молодых чеченцев. Обоим проломили головы. То же самое произошло и в декабре у гостиницы «Байкал», где в результате разборок один чеченец был зарезан, двое других ранены. Таким образом почти весь 1990 год чеченцев «ставили на место», как их соперники славяне, так и милиция. К концу года под арестом содержалось ни много ни мало - 55 чеченцев.

В том же 1990 году не только в Москве полыхали бандитские войны. Не менее кровопролитные сражения шли в далёком Екатеринбурге (бывшем Свердловске), городе, который вскоре войдёт особой строкой в криминальную историю России. Война же, которая разгорелась в 1990 году, станет как бы предтечей всех последующих за ней событий.

Жили в Екатеринбурге в ту пору два местных авторитета - Виктор Овчинников (Овчина) и Алексей Трифонов (Трифон). В. Овчинников был сыном вполне обеспеченных родителей (его отец работал крупным начальником), однако свой жизненный путь направлял отнюдь не по родительским наставлениям. 1985 год, принёсший стране массу новых впечатлений, не оставил без дела и В. Овчинникова. Антиалкогольный указ толкнул его на криминальный путь, и он активно занялся спекуляцией водкой. Дела его на этом поприще шли неплохо, и вот уже через некоторое время солидная иномарка стояла возле его дома.

Когда водочные дела показались В. Очинникову слишком мелкими, он решил заняться делами посерьёзнее. Благо и ребята под его началом подобрались крутые и тоже мечтали о чём-то настоящем. Так команда Овчинникова занялась рэкетом, а также грабежом богатых квартир.

Параллельно группировке Овчинникова в Екатеринбурге действовала команда Алексея Трифонова, мастера спорта по боксу, человека жёсткого и волевого. В отличие от Овчинникова Трифонов занимался только рэкетом, на другие дела почти не разменивался. Однако и на месте не стоял, расширялся, охватывая своим вниманием всё новые и новые территории. Рано или поздно, но интересы обоих лидеров должны были пересечься. Они и так недолюбливали друг друга (чему немало способствовала давняя история, когда они проходили по одному уголовному делу и своими показаниями сильно навредили друг другу), а тут ещё часть бойцов из команды Овчинникова взяла и ушла к Трифонову. Кажется, это было последней каплей в их затянувшемся споре. Вскоре за них заговорили ружья. Первая вооружённая разборка произошла в августе 1990 года. Причём стрельба началась средь бела дня, и бандиты не особенно утруждали себя мерами предосторожности по отношению к случайным прохожим. Так погиб сначала один мужчина на улице, затем второй - таксист. Милиция, обычно позволявшая бандитам бить друг друга, здесь вынуждена была принять защитные меры. Правда, меры эти первое время никаких результатов не приносили.

А война тем временем и не думала заканчиваться, даже, наоборот, разгорелась до небывалых размеров. В. Овчинников, выследив друга своего врага, известного в городе боксёра, отвёз его на свою базу и приказал пытать. Эти жестокие пытки закончились смертью боксёра. Тогда к ногам убитого привязали рельс и сбросили в воду. Весть об этом, естественно, не могла обойти стороной Трифонова. И он начал мстить.

Начались бешеные гонки на машинах по Екатеринбургу со стрельбой и взрывами гранат. Палили друг в друга из пулемётов и автоматов так, что не могли не задеть и прохожих. Одну женщину убили. Это было уже вызовом властям, которые бросили все силы на поимку преступников. Но те тоже почувствовали, что дошли до предельной черты. И решили на время залечь на дно. Часть товарищей Трифонова улетела во Владивосток, сам главарь спрятался в другом укромном месте. Следственная группа Прокуратуры РСФСР во главе со следователем по особо важным делам Александром Добрыниным начала их активные поиски. 20 классных сыскарей, криминалистов, экспертов участвовали в этих поисках и в конце концов напали на след.

Бандиты «засветились» во Владивостоке, убив одного моряка-контрабандиста. И вроде всё сделали чисто, труп утопили, но промашку допустили, когда машину убитого снимали с учёта в ГАИ. Делал это один из бандитов, внешне похожий на убитого. Вторую промашку они допустили, когда заявились на квартиру любовницы моряка, якобы по его просьбе, забрать от неё навсегда вещи. Вот тут сыскари сели им на «хвост» и пасли их до тех пор, пока они, уверенные в своей полной безопасности, не вызвали во Владивосток своего вожака - Алексея Трифонова. Его ждали на торжественном банкете в ресторане не только его друзья, но и Добрынин со своими людьми. Но это были не последние

аресты в этом деле. Часть арестов прошла в Екатеринбурге и в Москве. Всего был задержан 21 человек. Две группировки прекратили своё существование, но криминальный мир Екатеринбурга недолго залечивал свои раны.

13 октября 1990 года в Санкт-Петербурге была обезврежена группировка трижды судимого Владимира Феоктистова, в которую входило около тридцати человек. Группировка была создана весной 1989 года, сразу после того как Феоктистов вышел на свободу в очередной раз, и контролировала деятельность проституток, таксистов, владельцев ларьков, кооператоров и работников малых предприятий в районе гостиницы «Пулковская».

В конце ноября 1990 года в Москве впервые прошло совещание глав европейских национальных органов по борьбе с наркотиками (ХОНЛЕА). От советской стороны на совещании присутствовал начальник только что созданного межрегионального отдела Главного управления уголовного розыска МВД СССР В. Рощин. 23 ноября в интервью газете «Правда» он сказал: «С одной стороны, наша страна представляет колоссальную сырьевую базу для изготовления наркотиков. Только в одном Казахстане произрастает 4 миллиона гектаров дикорастущей конопли. Есть сведения, что её природные посевы на Дальнем Востоке достигают 1,5 миллиона гектаров. А с другой стороны - мы можем явиться гигантским рынком потребления этого ядовитого дурмана. К примеру, в столице, в этом огромном мегаполисе...»

По поводу столичной наркомании газета «Мегаполис-Экспресс» за то же 23 ноября писала: «По мнению специалистов, на сегодняшний день увеличение числа наркоманов в столице происходит в основном благодаря жителям других районов страны. Приезжие, как правило, образуют «землячества», у которых есть определённые места сбора. Так, например, Колхозную площадь оккупировали жители азербайджанского города Агдам, Черёмушкинский рынок ленкоранцы. В землячествах в ходу опий, гашиш, метадон.

Советская наркомафия больше всего теперь походит на колумбийскую. То же чёткое распределение ролей - от изготовителей до мелких сбытчиков. Высокий уровень технологии производства наркотиков. Есть у наших мафиози и конспиративные навыки, мелкие сбытчики, как правило, знают в лицо лишь одного торговца - оптовика. Сами же наркотики маскируются под обычные лекарственные препараты...»

Борьба за власть. Снятие В. Бакатина

Тем временем амплитуда политических страстей неуклонно шла вверх и в 1990 году. Противостояние Президента СССР (март) Михаила Горбачёва и Председателя Верховного Совета РСФСР (май) Бориса

Ельцина достигло критической точки. Началась война законов. Прилавки магазинов были пусты и в народе только и было разговоров о том, что мафия специально прячет товары, вынуждая людей активно выступать против центральной власти. Осенью обстановка накалилась настолько, что, казалось, военного переворота не миновать. 24 сентября Михаил Горбачёв «выхлопотал» для себя, как Президента, особые полномочия до марта 1992 года.

В середине октября после беседы тет-а-тет с Михаилом Горбачёвым сложил с себя полномочия Генерального прокурора СССР Александр Сухарев. Временно исполняющим обязанности генпрокурора стал А. Васильев. День 7 ноября едва не стал последним днём для Михаила Горбачёва. Во время праздничной демонстрации на Красной площади один из демонстрантов 38-летний рабочий Ижорского завода из Ленинграда Александр Шмонов попытался из охотничьего ружья застрелить Президента СССР. Но находившиеся рядом сотрудники КГБ и МВД предотвратили убийство.

Демократы же активно двигали в сторону реализации программу «500 дней». Один из разделов этой программы под названием «Теневая экономика» гласил: «Логика перехода на рынок предусматривает использование теневых капиталов в интересах всего населения страны. Это один из важных факторов ресурсного обеспечения реформы...»

Многих граждан страны подобная направленность программы буквально бросила в шок. Дать полную свободу дельцам теневой экономики. Мыслимое ли это дело? Между тем депутаты Верховного Совета России практически единогласно проголосовали за эту программу. Что же ими двигало в тот момент? Только ли желание бескорыстно помочь теневым структурам легализоваться на законных основаниях или же за этим их решением стояла иная, преступная корысть?

Как мы помним из предыдущего повествования, буквально за тридцать последних лет теневая экономика страны выросла и окрепла до неимоверных размеров. Победить её теперь оказалось практически невозможно. В 1986-1990 годах, в период зарождения и становления на ноги настоящего советского гангстеризма, теневая экономика обрела новые силы и открыла для себя неизведанные ранее возможности. И вот в 1990 году произошло почти что официальное объединение несметных капиталов теневиков и гангстеров - возвращение изъятых через рэкет сумм в «чёрные» банки теневой экономики. Поэтому рвущиеся к власти демократы, наученные горьким опытом коммунистов, избрали для себя наиболее оптимальный вариант - дать теневикам зелёный свет. Галина Старовойтова, выражая подобные настроения, так и говорила: «Поезд ушёл, и вы не докажете, что это криминальный капитал, поэтому надо разрешить криминальный капитал вложить в экономику. Ведь в нашей экономике, в её криминальном секторе действуют наиболее сметливые, предприимчивые люди, которые и могут завтра определить судьбу нашей экономики. У них есть и связи, и зарубежные в том числе. Фактически они

создали структуры, которые надо только легализовать».

О том же самом в унисон говорил Г. Старовойтовой и экономист Н. Шмелёв: «Крестных отцов» надо легализовать. Если будут нормальные деньги, если им не страшно будет открыть свой магазин или свою фирму, если им дадут государственные гарантии, они будут работать на реформу. Я же многих такого типа людей знаю. Да, они уголовники, но они мечтают быть порядочными людьми. Дайте им возможность быть ими. Скажем, он хочет «мерседес», хочет лебедей на дачу - дайте ему лебедей и «мерседес».

А люди с улицы потерпят. Зато зайдёте в магазин за молоком, за мясом, за колбасой, за колготками - а они на полках, на прилавках. Это ситуацию сбалансируете.

Из высказываний противников подобных идей мы приведём лишь слова специалиста по борьбе с организованной преступностью генерал-майора милиции Вячеслава Комиссарова, который сказал корреспонденту «Московского комсомольца» следующее: «Вы, наверное, обратили внимание, и среди депутатов, и в прессе пошла волна, чтобы легализовать дельцов теневой экономики, освободить, мол, надо из мест лишения свободы тех, кто осуждён за экономическое преступление. Согласен, к определённым лицам может быть снисхождение. Но я не приемлю рассуждений типа, чтобы к формированию новых экономических структур допустить всех, кто был осуждён за экономические преступления, в том числе и расхитителей госимущества, ввиду того, что у них есть опыт предпринимательства. Если они жили прежде нечестно, где гарантия, что они сейчас не вступят в нечестную игру?!»

В то время как Москва уверенно шла по стопам Чикаго 30-х годов, в высших милицейских кругах царило удивительное спокойствие. В ноябре 1990 года газета «Коммерсанть», например, вознамерилась дать обширный материал об организованной преступности в столице. Материал был подготовлен, но, прежде чем увидел свет (номер от 26 ноября), он был отправлен для ознакомления в отдел по борьбе с организованной преступностью ГУВД. Через два дня начальник отдела Валерий Бобришев сообщил, что замначальника ГУВД генерал Бугаев, ознакомившись со статьёй, запретил давать в газету любые комментарии. В телефонном разговоре с журналистами Бобришев отметил, что милиции хорошо известны упомянутые в статье названия и имена. Но, подчеркнул в то же время Бобришев, по данным его отдела, организованной преступности как системы в Москве не существует.

Но даже несмотря на подобные эскапады, статья в «Коммерсанте» вышла и имела в народе весьма широкий резонанс. Ещё бы, ведь в статье приводилась подробная карта-схема дележа Москвы между восемью крупнейшими преступными группировками. Среди них были названы: долгопрудненская, останкинская, чеченская, солнцевская, люберецкая, подольская, раменская, бауманская, ассирийская, гольяновская. В статье,

помимо этого, утверждалось, что преступность в Москве по сравнению с прошлым годом сделала определённый шаг вперёд в своём развитии.

Мелкие кооперативы, которые могут отдавать рэкетирам меньше нескольких десятков тысяч в месяц, давно перестали интересовать «серьёзных». На мелких собственников стихийно «наезжают» самодеятельные труппы рэкетиров, работающие без прикрытия и чёткой информации о клиенте. Такие, по определению «серьёзных», «лохи» практикуют попытки убийства и прочие меры устрашения. Когда похожими методами пользуются «серьёзные», коллеги считают это дилетантской работой...

В мафиозной среде набирает популярность древний лозунг: «Чем ближе к закону - тем безопаснее». Все команды, кроме узкопрофессиональных, самым прибыльным и безопасным ремеслом считают крупный рэкет - по сути охрану - кооперативов с солидным доходом, торговых баз, ресторанов и госпредприятий, перешедших на аренду. При этом процесс уговаривания богатого клиента чаще всего обходится без утюгов и мордобоя и больше напоминает заключение обычного контракта на охрану.

Работает охрана примерно по одной схеме. Дежурная группа сидит, как правило, в ресторане или пивной, где готова в любой момент принять от руководства сигнал к выезду для разборок с другой командой или отбивания налётов «лохов» на охраняемые объекты (среднемесячная зарплата руководителя команды среднего уровня - около 40 тысяч рублей...).

Ближе всех к идеалу, по общему мнению информаторов «Ъ», подошла долгопрудненская команда, которая практически полностью работает в относительно спокойном режиме ВОХРа. Пока только для них характерна чёткая схема перспективного финансирования, в котёл идут средства, собранные за счёт рэкета, сверхприбыль используется руководством для вложения в почти легальные дела - например, негосударственный автосервис и строительство дач. Такая схема обеспечивает рядовым членам долгопрудненских групп твёрдую ежемесячную зарплату в размере от 5 до 7 тысяч рублей плюс дополнительные выплаты за участие в рэкете, разборках и т.п., в то время как бойцы прочих команд получают только то, что заработают. Вход в ряды долгопрудненских - опять-таки в отличие от других - стоит 5 тысяч, выйти - чуть дороже.

Долгопрудненские, по некоторым данным, стали новаторами ещё в одной отрасли. Им удалось обложить данью одно СП, что, по общему мнению, сделать крайне сложно.

Когда статья в «Коммерсанте» увидела свет, московская милиция переживала не самые спокойные свои дни. Политические баталии достигли и стен Петровки, 38.

23 ноября на сессии Моссовета группа депутатов внезапно подняла вопрос о начальнике Главного управления внутренних дел Москвы. Несколькими днями раньше министр внутренних дел СССР Вадим Бакатин написал на имя Михаила Горбачёва письмо, в котором содержалась просьба о выведении из подчинения Советов системы МВД и о прямом их подчинении Президенту. И вот защитной реакцией Моссовета и явилось желание депутатов иметь в ГУВД своего, а не президентского начальника. Вместо Петра Богданова, в то время занимавшего должность начальника академических курсов МВД СССР, депутаты решили избрать генерал-майора Вячеслава Комиссарова. Во время дебатов по этому вопросу на сессии произошло, можно сказать, редчайшее явление. Сессия, каждый день увязавшая в процедурных спорах, вдруг сплотилась и буквально в считанные минуты поставила вопрос на голосование. Причём многие депутаты даже в глаза ещё не видели нового начальника ГУВД. Но вот он вышел на трибуну и произнёс короткую речь, в которой заявил, что ГУВД должно подчиняться только Моссовету и что в милиции нужно срочно провести деполитизацию. Это выступление и решило окончательной исход голосования. За отстранение от занимаемой должности Петра Богданова проголосовали 274 депутата, за назначение на эту должность Вячеслава Комиссарова - 251.

Однако, даже несмотря на это, утвердить Комиссарова в новой должности так и не удалось, в зале не было кворума. Но то, насколько единодушным было желание сессии утвердить Комиссарова в должности начальника ГУВД, ударило по нервам П. Богданова. 27 ноября он сам подал рапорт об отставке. Мосгорисполком отставку принял, однако интрига на этом не закончилась. Против кандидатуры Комиссарова внезапно выступили и председатель Моссовет» Гавриил Попов, и председатель Мосгорисполкома Юрий Лужков. Аргументы о том, что у Комиссарова имеется многолетний опыт борьбы с организованной преступностью (он изучал эту проблему вместе с А. Гуровым), на них никак не повлияли. Они даже не приняли В. Комиссарова для беседы, хотя генерал добросовестно обошёл все три приёмные. Без особого энтузиазма восприняли отставку собственного руководителя и офицеры ГУВД, которые направили в адрес председателя Верховного Совета СССР Д. Лукьянова, председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина и председателя Моссовета Г. Попова открытое письмо, которое 27 ноября опубликовала «Вечерняя Москва». В этом письме, в частности, заявлялось: «Сотрудников милиции Москвы оскорбляет, что отрицательная оценка их работе дана походя, как заранее запланированная акция, без попыток выслушать мнение профессионалов, людей, которые непосредственно участвуют в борьбе с преступностью, разобраться в оперативной обстановке в городе. А она такова, что из 11 месяцев этого года органы внутренних дел уже семь месяцев работают в условиях усиленного варианта, с огромными переработками и резко возросшими нагрузками.

Подобный произвол и навешивание ярлыков очень напоминает период культа личности, который приобретает теперь оттенок «культа

депутатской личности». Да, нас можно и нужно критиковать, есть немало недостатков в работе милиции, в организации борьбы с преступностью. Но надо и смотреть правде в глаза - в условиях паралича власти, экономического развала милиция из последних сил противостоит деструктивным тенденциям в обществе, сумела не допустить кровопролития и массовых беспорядков, в целом контролирует обстановку в городе. Сотрудники милиции, а не отдельные агрессивно-истеричные крикуны, защищают сегодня безопасность граждан, гибнут, получают ранения, не доживают до пенсии (за 1988-1990 гг. погибло 448 милиционеров).

Неправомерные действия, допущенные на сессии Моссовета, ещё раз наглядно показали полную правовую и социальную незащищённость работников милиции. Если по надуманным предлогам можно освободить начальника ГУВД во время его болезни, то что же остаётся ждать другим сотрудникам?..

Мы требуем незамедлительно принять на сессиях Верховных Советов Закон о советской милиции, в котором закрепить механизм правовой и социальной защиты сотрудников, ограждения их от неправомерного вмешательства в служебную деятельность, в том числе и депутатов разных уровней. В противном случае мы оставляем за собой право прибегнуть к другим законным методам защиты своей чести и достоинства».

После выхода этого письма в свет «страсти по милиции» накалились до предела. В народе стали усиленно распространяться слухи о смене всех силовых министров страны - КГБ, МВД и министерства обороны.

Особенно упорно ходили слухи о смещении В. Бакатина. И эти слухи имели под собой реальную почву. Ещё 2 ноября набирающий силу депутатский блок «Союз» добился приёма своих представителей у Горбачёва. На этой встрече депутаты потребовали от Президента немедленного расследования деятельности министра внутренних дел СССР и его отставки. По мнению «Союзников», Бакатин сознательно пошёл на нарушение закона, который был недавно принят Верховным Советом СССР и касался разграничения компетенции органов внутренних дел. В законе, в частности, говорилось, что МВД СССР является союзно-республиканским министерством. Бакатин же специально отдавал республиканские МВД в руки националистов, устраняясь от их руководства. Так, например, получилось в Эстонии, в которой сразу же начались увольнения из МВД всех сотрудников с русскими фамилиями. «

Однако всё та же газета «Коммерсантъ» в конце ноября успокоила советских граждан: «Президент вряд ли будет менять самих глав сильных ведомств - по вполне очевидным причинам.

Во-первых, назначать новых людей - вызвать новый же взрыв критики как справа, так и слева. Во-вторых, старые люди лучше, ибо они - прямые

креатуры Горбачёва, он более или менее может быть уверен в Язове, Крючкове и Бакатине, и сомнительно, чтобы в нынешнее неспокойное время он захотел экспериментировать. назначая на столь ответственные посты «тёмную лошадку».

Однако в своих выводах аналитики «Коммерсанта» допустили промах, степень приближённости В. Бакатина к М. Горбачёву не шла ни в какое сравнение с близостью к Президенту председателя КГБ и министра обороны. Несмотря на то, что В. Бакатин верой и правдой служил М. Горбачёву все два года своего министерства (особенно ярко это проявилось в октябре 1989 года, когда неизвестные люди «искупали» Б. Ельцина в пруду и В. Бакатин с трибуны сессии Верховного Совета СССР рассказал об этом народу), он так и не стал для Горбачёва своим. Более того, Горбачёв мог попросту испугаться растущей популярности Бакатина в обществе, ведь начиная с выборов Президента СССР кандидатура министра внутренних дел не раз выдвигалась в качестве альтернативной то непосредственно Горбачёву, то другим лидерам. Хотя вполне вероятно предположить и то, что кремлёвский руководитель в который раз за всю советскую историю решил попросту отыграться на самом «беззащитном» силовом министерстве - МВД. Короче, 1 декабря 1990 года свет увидел Указ Президента о назначении на пост министра внутренних дел СССР 53-летнего Бориса Пуго. Его первым заместителем стал герой Афганистана 47-летний Борис Громов. Таким образом, М. Горбачёв поставил на руководство МВД бывшего чекиста (Пуго с 1976 года служил в КГБ, в 1980-1984 гг. возглавлял КГБ Латвии, затем стал 1-м секретарём её компартии, с июля 1990 года - председателем Центральной Контрольной Комиссии КПСС) и военного генерала из высшего комсостава МО.

4 декабря с комментариями в связи со сменой министра МВД выступила «Комсомольская правда». Она писала: «В воскресенье обнародовали новые Указы Президента. Видимо, после исчерпания других мер усиления борьбы с преступностью решено усилить руководство МВД. Вадим Бакатин освобождён в связи с переходом на другую работу. Завершилась вторая «перестройка» в истории советской милиции, первая (когда министром был назначен Дудоров, так же, как и Бакатин, партработник и строитель по специальности) окончилась ликвидацией МВД в 1960 году.

Если верно, что два переезда равносильны пожару, то многочисленные реформы милиции в последнее время доведи её почти до состояния пепелища.

Громогласно начался и втихомолку был скомкан эксперимент, расширявший права и самостоятельность следствия. Столь же быстро утих помпезный шум вокруг служб борьбы с организованной преступностью. Общественное мнение долго будоражилось планами создания рабочих отрядов и деления милиции на федеральную и муниципальную. Был, казалось бы, и верный шаг - создание МВД РСФСР. А к чему он привёл? Новое ведомство собиралось полгода. Из союзных

главков и с мест переводились специалисты, формировалась руководящая команда. И что же? Верховный Совет России сменил министра (вместо В. Трушина пришёл В. Баранников). И всё началось сызнова.

Бакатин за прошедшее с назначения время успел накопить .маломальский опыт и, кажется, осознал всю опасность поспешной логики действующих милицейских структур. В последнее время он возражал против создания следственного комитета РСФСР, не без основания полагая, что это приведёт пусть к временному, но параличу следствия.

«Уходу» Вадима Бакатина с поста министра внутренних дел Союза СССР предшествовала кампания критики в его адрес в партийных изданиях.

Из номера в номер еженедельник ЦК КПСС «Гласность» помещал материалы с прямым требованием отставки министра. Причём последнее письмо рабочих Вильнюсского завода радиоизмерительных приборов с вопросом: «Может ли быть в составе Президентского совета человек, чья деятельность не препятствует деструктивным силам в Прибалтике, а значит, и во всей стране?» - было адресовано Президенту.

Судя по всему, на Вадима Бакатина оказывалось серьёзное давление со стороны партийных органов, интердвижений за сотрудничество с новыми прибалтийскими правительствами, как нам известно, упрекали его за взаимодействие с сепаратистами.

В ответ на это Бакатин обратился с письмом к Председателю Верховного Совета СССР Анатолию Лукьянову, где отстаивал тезис о невозможности для органов внутренних дел распускать Советы, принимающие решения, противоречащие Конституции и законам, вмешиваться в политическую жизнь суверенных республик. По мнению бывшего министра (и на наш взгляд), наиболее реалистичный подход - сотрудничество различных политических сил в борьбе с преступностью.

По нашему мнению, именно это принципиальное противоречие в позициях Бакатина и сторонников унитарного государства предопределило его уход.

Тандем Б. Пуго и Б. Громова, по нашему мнению, приведёт к свёртыванию едва наметившейся тенденции на департизацию органов внутренних дел, привлечёт к сотрудничеству с ними широкие слои бывших «афганцев», испытывающих к Громову заслуженное уважение, увеличит на определённые законами возможности использование армии для стабилизации обстановки в стране, поддержит близкий к КПСС блок «центристских партий», предлагавших Б. Громова на пост министра обороны, усилит недовольство кадровых работников милиции тем, что на протяжении долгого времени (после Щёлокова) ими руководят люди, не прошедшие все ступени опыта в милицейской иерархии».

Не обошёл своим вниманием отставку В. Бакатина и «Огонёк». В номере 51-м Г. Рожнов писал: «Новации Бакатина происходили не сразу, не вдруг, и то, что ему удалось сделать за столь короткий срок, можно смело занести в его личный актив. Мне, например, дороже всего его сопереживание людским бедам, кого бы они ни постигали. Это при нём, при Бакатине, прекратился наконец официальный голодомор заключённых в карцерах и штрафных изоляторах - теперь они каждый день получают хоть скудную, но горячую пищу, по сравнению с прежней кружкой воды и ломтём хлеба это едва ли не пиршество... В ряде женских колоний узницы получили возможность краткосрочных отпусков, и перестраховщики даже расстроились - никто не сбежал. А разрешённая летом добавка к передачам овощей и фруктов? А не раз повторяемое министром требование убрать наконец лимит с личной переписки осуждённых?

Знаю, слышал - болью Бакатина прежде всего была милиция, её бесправие, беззащитность, отсутствие социальных гарантий, унизительная зарплата. И вот уже год, как оперуполномоченные уголовного розыска получили существенную прибавку, она постепенно распространилась и на другие службы...

А какова, спросите, отдача от этой заботы, удалось ли руководимому Бакатиным МВД остановить наступление преступной армады? Представьте себе - удалось. Вот подтверждение: за девять месяцев нынешнего года квартирных краж стало меньше вдвое, грабежей - в пять раз, тяжких телесных повреждений - в три раза. А темп роста преступности на улицах сократился в восемь раз. Согласен, этого явно недостаточно - ведь терзающие общество злодейства всё равно растут, за девять тех же месяцев их стало больше на 12,3 процента. Но всё же это уже не так страшно, как было в году минувшем, - тогда уголовщина преподнесла нам рост преступлений на 32,1 процента.

Посильный удар был нанесён и дельцам теневой экономики - в первом полугодии нынешнего года только хищений в особо крупных размерах выявлено на четверть больше, чем в году минувшем. Махинаторам, дельцам и спекулянтам пришлось расстаться почти с двадцатью двумя миллионами нахапанных рублей. Встревожились и те группировки, которые мы называем организованными или просто мафиозными, - обезврежено около тысячи банд, на счету которых свыше трёх тысяч преступлений, включая 61 убийство.

В этой моей статистике не могут и не должны звучать победные фанфары - криминогенная обстановка в стране по-прежнему остаётся тревожной. Но полностью возлагать ответственность за это на органы внутренних дел безграмотно и глупо. Преступность, какой бы она ни была, лишь отражает положение дел в нашем больном обществе, её питают и разбалансированность рынка, и нищета миллионов наших сограждан, и коррупция практически во всех сферах нашей повседневной жизни. Не забудем и то, что Бакатин руководил союзным МВД именно в

тот тяжкий для всех час, когда сам Союз республик дышал на ладан и в каждой их столице принимались законы о суверенитете, звучали громкие голоса о неподчинении центру - разве не коснулось это формально подчинённых Бакатину республиканских МВД».

Ещё одна центральная газета, «Московские новости», прокомментировала отставку В. Бакатина следующим образом: «Парадокс ситуации, видимо, в том, что ухудшение криминогенной ситуации в стране пока ещё не связывалось в общественном мнении с личностью не так давно назначенного министра Бакатина. Более того, во времена падения всех и всяческих авторитетов общественный престиж Бакатина оставался высок. У всех на глазах бывший министр пытался реформировать милицию, доставшуюся ему от таких деятелей, как Щёлоков, Федорчук, Власов. Может быть, менял он её, излишне оторвавшись от внутренних законов ведомства? Может быть, не стоило ему опережать союзный договор, борясь против развала милиции по национальному признаку, и заключать ещё в августе специальный договор между МВД и правительством Эстонии?..

Сегодня многие рассматривают смещение Вадима Бакатина с точки зрения проводимых президентом кадровых изменений всей правоохранительной системы (напомним, два месяца назад был освобождён Генеральный прокурор СССР). В этом случае следующим в серии нас ждёт указ об обновлении руководства КГБ».

И вновь, так же как и аналитики из «Коммерсанта», специалисты «Московских новостей» просчитались, предрекая скорый крах председателя КГБ Владимира Крючкова и его команды. Не падение, а укрепление позиций КГБ произошло в том декабре 90-го, и события первых дней декабря наглядно это показали.

В начале декабря в структуре КГБ СССР и на базе 6-го управления, занимавшегося проблемами обеспечения безопасности в сфере советской экономики, был создан оперативный штаб, который должен был координировать борьбу с проявлениями экономического саботажа, контролировать обстановку с хранением и целевым использованием импортной продукции, а также поступления иностранной гуманитарной помощи. Таким образом под контроль КГБ была взята вся технологическая цепочка поступления в СССР импортных товаров - транспортировка, хранение, распределение.

Тем временем новый виток напряжённости в Москве произошёл в начале декабря, когда пьяный сотрудник 84-го отделения милиции из табельного пистолета застрелил водителя 2-го таксомоторного парка В. Веригина. Преступление произошло ночью 1 декабря в 3 часа 45 минут возле станции метро «Коломенская». Сразу после убийства милиционер пришёл в своё отделение милиции и сдался. Из его показаний следовало, что он достал оружие, так как увидел в руках одного из трёх нападавших на него таксистов нож. А выстрелил в Веригина, когда он выбивал у него

рукой пистолет. Причём выстрелил якобы случайно.

Таксисты же утверждали обратное. Ножа, мол, ни у кого из них не было. А ринулись они на милиционера из-за его вызывающего поведения. В ответ на это убийство таксисты Москвы вечером 5 декабря после похорон коллеги провели акцию протеста на Тверской возле здания Моссовета. Сотни машин-такси перекрыли движение на главной улице столицы, что на несколько часов парализовало движение в центре города. Таксисты потребовали показательного суда над милиционером-убийцей, который обязательно должен закончиться высшей мерой наказания.

Между тем, оперативно откликаясь на эту акцию протеста, газета «Известия» писала: «Мы разделяем скорбь таксистов, их требования к правоохранительным органам разобраться в этом деле. И тем не менее должны со всей определённостью высказать своё отношение к демонстрации на Тверской... Столичное такси, к сожалению, тяжело больно, и не только полной бесчувственностью к простым пассажирам. Справедливо возмущаясь преступлениями, жертвами которых стали сами водители, таксисты будто не хотят замечать, что постепенно превратились чуть ли не в мафиозную организацию, не брезгующую ни обслуживанием рэкетиров, ни подбором клиентов для проституток, ни круглосуточной торговлей спиртным...»

Не успело стихнуть мощное эхо клаксонов над Москвой, как уже на следующий день, 6 декабря, по Центральному телевидению выступил министр внутренних дел СССР Борис Пуго, который заявил: «В стране создалась обстановка, требующая решительных мер по наведению порядка в борьбе с обнаглевшими преступниками, пытающимися воспользоваться сложностями и трудностями нынешнего времени.

Назначая меня на должность министра внутренних дел СССР, Президент потребовал в кратчайший срок обеспечить высокоэффективную работу всех звеньев органов внутренних дел сверху донизу, сосредоточить их усилия на борьбе с организованной преступностью, бандитизмом, коррупцией, спекуляцией, хулиганством, другими тяжкими преступлениями. Органы внутренних дел, советская милиция будут твёрдо и неуклонно стоять на страже Конституции СССР, законности, принимать все предусмотренные законом меры, гарантирующие безопасность советских людей, защиту их жизни...

Я призываю всю советскую общественность, всё население страны, средства массовой информации всемерно поддерживать усилия МВД по борьбе с преступностью».

В те же дни, когда Москва полнилась слухами об убийстве таксиста, произошло ещё одно преступление, взбудоражившее город. В воскресенье 2 декабря в помещении школы-интерната № 36 Кировского РУНО, занятом научно-производственным внешнеэкономическим центром «Протеке», был обнаружен труп студента. Из сейфа, который охранял

студент, была похищена часть выручки от распространения билетов лотереи Советского детского фонда имени В. И. Ленина в размере 4 миллиона рублей. Студент лежал связанным, на его теле было множество колото-резаных ран.

8 декабря газета «Московский комсомолец» сообщила, что «одним из направлений деятельности сотрудников МУРа, начавших работу по раскрытию этого преступления, стала проверка версии об организации убийства самими сотрудниками «Протека».

Здесь, сообщала газета, возникли настораживающие детали. В ночь перед убийством трое мужчин вывозили из здания, где расположен центр «Протеке», коробки с деньгами. В ходе проверки выяснилось, что машина принадлежала офицеру отдела по борьбе с организованной преступностью Московского уголовного розыска. Кроме него, в автомобиле находился и другой сотрудник МУРа. Затем деньги отвезли на квартиру одного из милиционеров.

Что касается коробок с деньгами, то они, по сообщению газеты, были результатом неправомерных финансовых операцией между «Протексом» и кооперативом. Об этих махинациях якобы было известно и офицерам милиции, выполнявшим роль охранников. Узнав на следующий день об убийстве сторожа центра «Протеке», офицеры милиции не сообщили о том, что им было известно, а просто попытались избавиться от денег. Как дискредитировавшие себя, оба сотрудника были уволены из органов внутренних дел.

Прошло всего пять дней со дня выступления по ЦТ министра внутренних дел СССР Бориса Пуго, как уже 11 декабря на советских телеэкранах появился председатель КГБ Владимир Крючков. Его телевизионное выступление было не менее драматичным, чем выступление Б. Пуго. В. Крючков, в частности, сказал: «Деструктивные элементы встают на путь организации, по сути дела, экономического саботажа, обострения обстановки на потребительском рынке. Здесь интересы организованной преступности, дельцов теневой экономики, зарабатывающих на дефиците буквально миллиарды рублей, объективно смыкаются с далеко идущими политическими целями - окончательно расшатать наши общество и государство и ликвидировать Советскую власть.

КГБ СССР призывает всех честных граждан объединить усилия в борьбе с посягательствами на социалистический государственный и общественный строй, с организованной преступностью, экономическим саботажем, коррупцией, проявлениями экстремизма. Мы гарантируем быстрое и объективное рассмотрение обращений граждан в КГБ по этим вопросам».

Однако, несмотря на все потуги Президента СССР и его силовых министров ухватить ускользающую из их рук ситуацию, обстановка к

лучшему так и не менялась. Да она и не могла измениться в лучшую сторону в стране, которую в буквальном смысле слова раздирали на части как «правые», так и «левые» с «центристами». Жажда власти буквально застила им глаза, и ни о какой борьбе с преступностью речь уже давно не шла. Всеми их помыслами двигало только одно - власть, причём одни судорожно цеплялись за неё, другие эту власть пытались захватить.

Но, даже захватив власть, те же демократы так и не сумели ею воспользоваться. По этому поводу экономист Н. Шмелёв на страницах «Литературной газеты» высказался весьма определённо: «...С большой грустью смотрю на то, какими беспомощными оказались левые демократы. Всё было прекрасно. Теоретически, по декларациям. Но реальная жизнь... Они ею не владеют, не знают, что с ней делать. Вот пример, вот вам два дубля: Попов - Станкевич и Собчак - Щелканов. Это уже эксперимент, поставленный жизнью. Самые искренние симпатии вызывает у меня Собчак. Очень серьёзно относился я и к своему однокурснику Попову, поскольку он из них человек наиболее деловитый. Но я вижу, что они ничего не могут сделать, они беспомощны. Я-то представлял себе - ну хотя бы как фантазию - Гавриила Харитоновича где-то в подвале. Сидят там все «крёстные отцы» Москвы, «крёстный отец» по мусору, «крёстный отец» по овощам, «крёстный отец» по электричеству, по воде, по квартирам. И он с ними ведёт такой разговор: «Ну, ребята, ладно, мы вам дадим жить. Но людям-то тоже вздохнуть немножко надо, отдайте им какой-то кусок жизни. Давайте договариваться...»

С этими людьми надо было договариваться, и кто-то должен уметь договариваться, ломать их. Тогда они как-то и начнут жертвовать одним, другим, шестнадцатым. Как мой покойный отец говорил: «С жуликами не с дураками - с жуликами жить можно. С ними хоть договориться о чём-то можно».

Я ждал такого договора. Ждал, что Гавриил Харитонович сразу начнёт с дела, вот, мол, вам три парикмахерские, такие-то магазины. А он всё ещё говорит, концепция нужна. Какая концепция? Дом горит, разваливается, тушить скорее надо!.. Вот, например, идёт обсуждение программы «500 дней». У Горбачёва семь часов сидим, препираемся. Вдруг подходит его секретарь, кладёт ему записочку на стол, и тот говорит: «Вот, ребята, мы тут с вами судьбу России решаем, а Станкевич звонит - «Михаил Сергеевич, помогите! Москва табачные киоски громит». Вот она, вся сила нашей демократии. Два киоска от огня не могли спасти, сразу к царю: «Государь император, спаси!» Вот она, реальность. Декларациями его топчут, а как только что-то практическое, так они уже ниже Кремля никуда не идут. Для меня это был убийственный штрих. Попов, Станкевич расписались не только в том, что допустили табачный кризис, но и в том, что с «крёстными отцами» не договорились. А мафия, не забывайте, взяла ещё и всю спиртовую торговлю».

Арест Чикатило и других

Джек-Потрошитель в Москве. Арест Чикатило.

А бандиты всех мастей удовлетворённо потирали руки и продолжали «ловить рыбу в воде, мутной от политических страстей». Ещё не затихла боль от убийства осенью 90-го Александра Меня, как новое убийство по политическим мотивам произошло в ноябре. 29 ноября был убит физик, член общества «Мемориал» Вадим Пергамент. Обращаясь к Борису Ельцину с письмом по поводу этого убийства, члены «Мемориала», а также Всесоюзный антифашистский центр, объединение «Апрель», Московский союз учёных, Клуб избирателей при АН СССР, МОИ, оргкомитет движения «Демократическая Россия» заявляли: «Якобы одиночные и якобы случайные покушения на человеческую жизнь могут перейти в погромы, а в конечном итоге в бунт с непредсказуемыми последствиями».

Однако если убийство В. Пергамента прошло почти незамеченным для широкой советской общественности, то покушение на жизнь популярного ленинградского телерепортёра Александра Невзорова, произошедшее 12 декабря, всколыхнуло буквально всю страну. Даже газета «Правда» в номере от 14 декабря поместила заметку «Покушение на журналиста», в которой писала: «А. Невзоров широко известен своими острыми репортажами в популярной передаче «600 секунд». Благодаря своей работе приобретал не только друзей, но и стремительно наживал врагов. И вот, по его рассказу, вчера поздно вечером ему позвонил неизвестный и предложил интересную информацию. Собеседник был настойчив, и Невзоров согласился встретиться с ним ночью на одном из ленинградских пустырей. Помощники тележурналиста остались в машине, сам он двинулся к условленному месту. Вдруг из-за кустов выскочил какой-то человек - яркая вспышка, выстрел...

Пуля попала в мягкие ткани левой стороны грудной клетки, прошла навылет. Стрелявший скрылся. Невзорова доставили в больницу. Возбуждено уголовное дело. Ведётся следствие.

В прессе, как отечественной, так и зарубежной, поднялась свистопляска вокруг этого события. Кто говорит о мафии, кто о «длинных руках» демократов или даже коммунистов, посягнувших на жизнь популярного журналиста. Да, случай не из рядовых. И всё-таки сенсации из него делать, наверное, не стоило бы. Таково, кстати, и желание самого А. Невзорова».

13 декабря сам Президент СССР Михаил Горбачёв передал ленинградскому мэру А. Собчаку своё возмущение по поводу случившегося, Невзорову - соболезнования, а правоохранительным органам - предложение принять исчерпывающие меры для расследования.

Последние дни 90-го года стали поистине урожайными на всевозможные отставки и назначения на высшие государственные посты.

На 2-м Съезде народных депутатов министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе громогласно заявил о скором наступлении диктатуры в стране и подал в отставку. Во время работы этого же Съезда слёг в больницу председатель Совета Министров Николай Рыжков. Его дни на посту премьер-министра практически сочтены. Новым Генеральным прокурором СССР на Съезде был избран Николай Трубин, а вице-президентом - «факир на час» Геннадий Янаев.

По-прежнему оставался открытым вопрос о начальнике ГУВД Москвы. Пока им оставался прежний руководитель Пётр Богданов. Хотя он и подавал рапорт об отставке. Не ясна была и судьба Вадима Бакатина, но никто не сомневался в том, что его политическая карьера закончится, как это случилось с Э. Шеварднадзе. Просто М. Горбачёв всё ещё прикидывал, на какой участок фронта перекинуть бывшего министра внутренних дел Союза.

Несмотря на успокаивающую статистику, что привёл в «Огоньке» Г. Рожнов, преступность в стране, особенно тяжкая, и не думала сбавлять свои обороты. За весь 1990 год было совершено 25 тысяч убийств, что на 12% больше, чем в 1989 году. Количество нераскрытых преступлений в 1990 году достигло цифры 184 739 (из них 1830 убийств), что на 25% больше, чем в прошлом году. Только в Москве рост преступности составил 137%, что было на 12% больше, чем в 1989 году.

И всё же, подводя итоги года, из раскрытых преступлений назовём три, наделавших особенно много шума в обществе. Летом 90-го Москву буквально потрясла серия жестоких изнасилований и убийств. Преступления начались в июне и продолжались всё лето. Все они не отличались разнообразием. Преступник нападал на жертву, резал её ножом, после чего насиловал. За всё лето было совершено более десяти покушений. И несмотря на то, что насильник тяготел к граничащим друг с другом северным районам Москвы - Кировскому, Фрунзенскому и Тимирязевскому, - страхом был охвачен весь город.

Система в выборе женщин, как, впрочем, и излюбленный типаж, у убийцы, похоже, отсутствовали напрочь. Выбирая наугад место, он просто подстерегал позднюю прохожую и нападал на неё. Среди его жертв, погибших и выживших, оказались маленького роста брюнетки, светло-русая женщина средних лет и среднего роста, стройная и высокая шатенка, а также совсем молоденькая женщина, одна беременная женщина и женщина в возрасте пятидесяти лет. Одна из оставшихся в живых женщина так описывает события ужасной ночи с 9 на 10 августа 1990 года: «Во втором часу ночи мы с подругой вышли из метро «Динамо» и пошли в сторону парка, огибая ограду стадиона с левой стороны. Следом за нами на небольшом расстоянии по параллельной дороге шёл мужчина. У меня появилось какое-то нехорошее предчувствие, и я то и дело оборачивалась и видела, что он от нас не отстаёт, но и обгонять не собирается. Когда мы почти подошли к самому дому, он прибавил шагу, обогнал нас, остановился, вытащил нож и негромко приказал: «А ну-ка,

стойте». Мы остановились. Он подошёл к нам и встал так, что разбил нас, отделив своим телом меня от подруги. Он взял её за плечо и прижал нож к её спине...

Увидев нож, я на секунду оцепенела, а потом закричала. По натуре я человек спокойный, но тут нервы не выдержали, я задичала как резаная и бросилась от него. А моя подруга как стояла, как вкопанная, так и осталась стоять. Она была в шоке.

Тогда я бросилась бежать от него, крича, я как-то угадала, по блеску глаз, что ли, что он в диком бешенстве, весь кипел. Он, видимо, не ожидал, что я закричу, - мне потом сказали следователи, что, наверное, я была первая, кто так голосил, и тем выбила его из равновесия. Он кинулся за мной и очень быстро нагнал - он был прыгучий и ловкий, одет в кроссовки, а я на каблуках. И побежала-то я не в сторону домов, а к парку, где было меньше шансов спастись. Настиг он меня прямо под фонарём, схватил за волосы, пригнул к земле, видно, чтобы я не запомнила его лица, и процедил: «Молчи, сука»!

В это время уже зажглись окна в домах, одна бабушка из нашего дома закричала: «Хулиганы! Я милицию вызвала!» И - вот счастье-то!.. Как раз в это время за поворотом послышался гул подъезжающей машины...

Он отскочил от меня в замешательстве, будто не зная, что делать. Ещё бы несколько метров, и он утащил бы меня в чащу парка, но не успел. Тогда он подскочил снова и ударил ножом. Целил он в сердце, но немного не попал. Сначала я ничего не почувствовала, ни боли, ни слабости. Я ещё долго была в силе. (Позже, в Институте Склифосовского у пострадавшей из лёгкого откачали два литра жидкости.) Он убежал в парк, а подоспевшие из дома соседи помогли подобрать кофточку подруги и мой поясок, который свалился, когда я убегала».

Попался же московский Джек-Потрошитель на удивление по-дилетантски. На одной из дискотек он познакомился с молодой девушкой. Но та была не одна, а с парнем. Но незнакомца это не смутило, и он пригласил своих новых знакомых в бар. Те согласились. Перед тем как пойти в бар, они на несколько минут заскочили к девушке. Тем самым незнакомец сумел узнать её точный адрес. Посидев в баре до позднего вечера, все трое на улице расстались. Парень пошёл провожать девушку до дома, а незнакомец растворился в темноте. У подъезда девушки расставание влюблённых несколько затянулось. Парень не хотел уходить, да и девушка была не прочь побыть с ним рядом. Вот только сигареты у них к тому времени кончились. Тогда девушка предложила возлюбленному подождать её, а сама поднялась к себе на этаж. И вот здесь из темноты с ножом в руке вышел её новый знакомый. Схватив девушку за волосы, он потащил её на улицу, не подозревая, что там их ждёт молодой человек. Увидев же его, незнакомец внезапно стушевался, отпустил свою жертву и, сославшись на то, что малость перебрал в баре, спешно ретировался.

Однако для девушки это ещё был не конец истории. Через несколько дней незнакомец внезапно позвонил ей домой и назначил свидание. Рассчитывая на наивность девушки, он и подозревать не мог, что она тут же позвонит в милицию и приедет на свидание не одна, а с оперативниками. Так 20 августа 1990 года в Москве был задержан ранее судимый Александр Тимофеев, которому следователи и предъявят обвинение более чем в десяти преступлениях на сексуальной почве.

За пять дней до этого - 15 августа 1990 года - в Павлодаре был арестован 49-летний Владимир Светличный, которому было предъявлено обвинение в 23 нападениях на малолетних девочек. На счету Светличного за шесть лет охоты числилось 11 убийств, 7 изнасилований и 5 покушений на изнасилование. Преступник, как правило, в обеденное время, выслеживал девочек в зарослях, кустарниках, открытых подвалах домов. Он неожиданно подходил к жертве, сдавливал ей шею руками или поясом, приводил ребёнка в бессознательное состояние и затем совершал половой акт, в том числе в извращённой форме. 28 июля 1989 года В. Светличный таким образом убил свою родную дочь 9-летнюю Олю.

Этот монстр в человеческом обличье так и не дожил до суда. 8 сентября 1991 года его нашли повешенным в боксе СИЗО УВД Павлодарской области.

Через три месяца после ареста Светличного, 20 ноября, в городе Новочеркасске был арестован убийца века (как окрестят его позднее журналисты), 54-летний Андрей Чикатило, на совести которого к тому времени было уже 52 убийства.

Первая жертва, несовершеннолетняя девочка, как помнит читатель из предыдущего повествования, пала от рук Чикатило в декабре 1978 года.

Вплоть до 1985 года следственные органы не признавали того факта, что все эти убийства совершает один и тот же человек. И лишь стараниями прокуроров Главного следственного управления Прокуратуры Союза Э. Мироновой и С. Палецкой, которые настаивали именно на этом выводе, была создана следственная группа, которая и занялась отработкой этой версии. Эту группу возглавил заместитель начальника следственной части Прокуратуры РСФСР Исса Костоев. В 1989 году такая же группа была создана и на Украине.

Однако даже наличие подобных групп не позволило следствию быстро установить и задержать маньяка. Группы работали почти вслепую, не имея под рукой даже карты, географической картины преступлений, не утруждая себя и проведением тщательных экспертиз. Всё это и позволило Чикатило оставаться свободным ещё более пяти лет. Последнюю свою жертву он убил 6 ноября 1990 года... Это была 22-летняя Светлана Коростик, девятая жертва Чикатило за этот год. О том убийстве Чикатило на следствии рассказывал так: «С утра на работу не пошёл (к

тому времени он работал снабженцем на Новочеркасском электровозостроительном заводе), решил ехать в Шахты. В тот период ездил в горисполком по поводу квартиры сына. Одет был в синий костюм, коричневую болоньевую куртку, фуражку из кожзаменителя, коричневые ботинки на толстой резиновой подошве... Обратил внимание на женщину в рваной одежде... У мужчин что-то спрашивала, говорила, что едет до конечной остановки, а потом поедет назад. Решил познакомиться... Зная себя, допускал, что в процессе полового акта могу пойти на убийство... Свернули в лесной массив, тле до этого совершил убийство Громова, Муратова... Она согласилась, легла на куртку. Пробовал возбудиться... ей не понравилось, стала ругаться, оскорблять... Женщина была здоровая, крепкая, могла убежать. Я вытащил нож».

Искромсав ножом несчастную, он откусил у неё кончик языка, соски. Остальное, что вырезал после смерти, выбросил. Труп присыпал землёй и опавшими листьями. После этого он покинул место преступления и через несколько минут был на платформе «Лесхоз». Здесь к нему подошёл милиционер Игорь Рыбаков, участвовавший в операции «Лесополоса» по поимке маньяка-убийцы. Вышедший из леса Чикатило сразу привлёк его внимание тем, что шёл из леса с сумкой. Грибники обычно с сумками не ходят. А если он не грибник, то что тогда мог делать один в лесу? Подозрения Рыбакова усилились после того, как незнакомец подошёл ближе и он сумел внимательно его осмотреть. На его одежде, на спине были видны прилипшие веточки и листья. На сумке тоже. Это было объяснимо, так как человек пришёл из леса. Но почему тогда у него чистые, будто только что вымытые, ботинки? Но самое подозрительное - у него следы крови на щеке и мочке уха и перевязанный палец на правой руке.

Сержант милиции был в штатском, поэтому Чикатило, подошедший к грибникам, сидевшим у костра, в первые минуты ничего не заподозрил. Когда же милиционер подошёл к нему, показал своё удостоверение и попросил предъявить свои документы, бежать было уже поздно. Чикатило стушевался, суетливо расстегнул куртку, полез во внутренний карман и довольно долго в нём рылся. Наконец он извлёк на свет свой паспорт и протянул его милиционеру. Рыбаков внимательно пролистал его, не нашёл ничего подозрительного и вскоре вернул его владельцу. Чикатило между тем объяснял, что он едет в Ростов, что с утра, воспользовавшись отгулом на службе, заехал к приятелю в Шахты, а потом решил побродить по лесу, подышать свежим воздухом. Объяснение показалось убедительным. И милиционер, хоть и чувствуя в душе смутную тревогу, отпустил старика восвояси. Но это был ещё не конец истории.

12 ноября 1990 года был обнаружен труп Светланы Коростик. 13 ноября имя Андрея Чикатило, задержанного 6 ноября на платформе «Лесхоз» милиционером Рыбаковым, стало известно Иссе Костоеву. Костоев знал, что в мае 1988 года именно Чикатило арестовывался по подозрению в убийствах, но возбудить против него уголовное дело тогда

не удалось, анализы крови и спермы Чикатило дали отрицательный результат. И вот теперь вновь всплыла фамилия этого человека. Костоев туг же отдал команду своим людям проверить, что делал этот Чикатило 14 мая 1988 года, в день убийства Воронкова в Иловайске. Без шума следователи узнали, где он работает и где работал до этого, послали сотрудницу в Новочеркасск на электровозостроительный завод проверить в отделе кадров командировки Чикатило. И всё совпало. Последние сомнения отпали сами собой.

Брали Чикатило во вторник 20 ноября 1990 года в Новочеркасске. Стоял серый осенний день, с туманом и мелким дождём. Чикатило с утра был на работе. Но работа не шла. Палец на правой руке, который укусил три недели назад мальчишка, убитый им, распух и причинял Чикатило невыносимую боль. В заводской поликлинике сделали рентген этого пальца и выяснили, что он сломан. Палец загипсовали, перевязали, сделали укол. С работы, естественно, Чикатило ушёл раньше обычного.

Дома в то время у него никого ещё не было, и он решил отправиться за пивом в соседний магазин. Купил пиво, вышел на улицу. Увидел мальчишку, бегающего по улице. Попытался с ним заговорить, но мальчишка, на своё счастье, оказался нелюдимым. Попробовал «подцепить» второго, но того родители позвали домой. Потерпев дважды неудачу, Чикатило отправился к своему дому. По улице, навстречу ему, шли трое молодых людей. Это были оперативные работники уголовного розыска: Владимир Колёсников, Анатолий Евсеев и Владимир Першиков. Поравнявшись с Чикатило, сыщики остановили его) и В. Колёсников спокойно спросил:

- Вы Чикатило Андрей Романович?

Чикатило ответил утвердительно.

- Вы арестованы, - всё тем же спокойным тоном произнёс В. Колёсников, и на руках убийцы защёлкнулись наручники.

В этот момент было 15 часов 40 минут. Далее воспоминания участника задержания Анатолия Евсеева: «Он молчал и в машине. Складывались впечатление, что он ко всему безразличен и его не интересует, почему его задержали. Как будто полностью ушёл в себя. Первые слова он произнёс по дороге в Ростов, когда мы проезжали посёлок «Рассвет». Он сказал: «Это лишний раз говорит о том, что не надо ссориться с начальством».

Мы запретили ему разговаривать, но через некоторое время он повторил: «Всё-таки с начальством ссориться нельзя». И замолчал. И больше в машине не произнёс ни слова.

Его провели прямо в кабинет Михаила Григорьевича Фетисова, начальника областного УВД. Там были ещё Исса Магометович Костоев -

руководитель следственной бригады прокуратуры России, прокурор области, его заместитель, начальник бюро судебно-медицинской экспертизы.

После первых допросов Чикатило поместили не в эмвэдэшный изолятор, а в следственный изолятор КГБ, что в Ростове на улице Энгельса (ныне Большая Садовая). Опасались следователи, что те, кому невыгоден был живой Чикатило, могли запросто устроить ему «самоубийство».

В первые дни следствия Чикатило решительно отвергал свою причастность к массовым убийствам. Так продолжалось до 30 ноября. В тот день с ним впервые встретился доктор-психиатр Александр Бухановский. Вот ему Чикатило и рассказал вслух о страшных злодеяниях, которые лежали на его совести. На следующий день он то же самое повторил уже на следствии.

22 декабря 1990 года газета «Советская культура» опубликовала статью «Убийца задержан». В ней писалось: «Этот страшный «мировой рекорд» заставит содрогнуться любого. В Ростове-на-Дону после долгих поисков находится в следственном изоляторе КГБ «человек», которому предъявлено обвинение в совершении многих десятков зверских убийств.

Более пятнадцати лет в различных городах страны оставлял он страшные следы своего порока. По неофициальным, но вполне надёжным данным, задержанный - мужчина-ростовчанин в возрасте 50 с лишним лет, внешне весьма благополучный, был заботливым мужем, отцом и дедом. Предполагается, что он будет признан вменяемым, и тогда итог пока ещё не скорого суда вполне можно предугадать. В настоящее время в Прокуратуре РСФСР отказываются назвать фамилию задержанного, объясняя это опасениями за жизнь его близких, жены, сына с дочерью и внуков. Отныне целый ряд садистских убийств, в том числе в лесополосе в Ростовской области, нашёл своё логичное объяснение. Теперь многие из нас могут вздохнуть спокойно - жить станет пусть немного, но безопаснее».

Убийство в Калуге

Однако начало 1991 года не обещало людям спокойной жизни. Газета «Куранты» от 3 января опубликовала любопытный документ на этот счёт. Вышел этот документ из-под пера территориальной депутатской группы № 12 Бабушкинского районного Совета народных депутатов. А поводом для его выхода стало общее собрание группы вместе с сотрудниками школы № 1094, представителями 106-го отделения милиции, РЭУ-12 и Домкома микрорайона. В документе говорилось: «Учитывая обстановку разгула преступности в городе, в частности в микрорайоне РЭУ-12, и мнение избирателей, территориальная депутатская группа решила предложить Бабушкинскому районному Совету народных депутатов

потребовать от Московского Совета народных депутатов:

1. Распоряжения управления БД Мосгорисполкома о выдаче разрешения на ношение любого холодного оружия (а может быть, и огнестрельного) всем желающим, прошедшим соответствующий отбор, в целях самообороны и защиты от бандитских нападений на беззащитных людей.

2. Поставить вопрос перед командованием гарнизона г. Москвы о выделении для охраны порядка в городе вооружённых воинских патрулей из отборных частей гарнизона) зачитывая эту службу в разряд боевой подготовки войск...

Совету школы № 1094 - организовать патрулирование из родителей и старшеклассников по основным маршрутам следования школьников».

Журналисты «Курантов» сочли этот документ неудачной шуткой и посмеялись над ним на своих страницах. Однако, на мой, взгляд этот документ весьма наглядно показывал, какой путь прошла страна с 1985 года.

Между тем как криминогенная обстановка в Москве по-прежнему оставалась напряжённой, в Моссовете не утихали страсти по новому начальнику ГУВД. 3 января комиссия Моссовета по законности отвергла последнего, восьмого, кандидата на этот пост (им оказался начальник ГУБХСС МВД СССР генерал Вячеслав Рунышков), выдвинутого председателем Мосгорисполкома Юрием Лужковым. Депутаты продолжали настаивать на кандидатуре Вячеслава Комиссарова, но Лужков был категорически против него. Москвичи взирали на всё это с поразительным безразличием. И это неудивительно: после бурного, митингового 1989 года, когда демократические лозунги вдохновляли буквально каждого, в 1990 году началось медленное отрезвление народа, который вскоре окончательно разочаруется как в коммунистах, так и в демократах. В Ленинграде, например, это вылилось в откровенные акты террора против вновь избранных демократических властей. В начале января председателя Смольнинского райсовета Анатолия Чауса неизвестный ударил молотком по голове и едва не убил. Спасла Чауса лишь его зимняя шапка и то, что молоток после первого удара слетел с ручки. Незадолго до этого ЧП .подобное покушение было совершено на заместителя начальника налоговой инспекции Калининского райисполкома и на начальника Дзержинской районной инспекции.

«Комсомольская правда», обсуждая эти случаи на своих страницах, 12 января писала: «Полгода назад только что избранная власть осыпалась неумеренными восторгами и со всей возможной расточительностью одаривалась авансами доверия. Три месяца назад уже вызывала взрывы возмущения и насмешек. А вот сегодня она, судя по всему, набирает реальную силу. И начинает по-настоящему действовать. В ответ вызывая агрессивное противодействие.

- Одно из двух, - сказали И. Потехиной (корреспондент «Комсомолки») в Смольнинском райсполкоме. - Или новая власть сумеет вскоре навести порядок, или сама выльется в коррумпированные структуры, которые сейчас пытается сломать. Сегодня - переломный моменты.

После всех этих нашумевших покушений было принято решение об организации охраны для председателя Ленсовета Анатолия Собчака, для чего было выделено из городского бюджета 60 тысяч рублей.

Однако нападали тогда не только на демократов. 11 января в Калуге в редакционном кабинете был убит главный редактор областной газеты «Знамя» коммунист Иван Фомин, фотокорреспондент той же газеты Геннадий Головков был тяжело ранен. Преступление было совершено трижды судимым Владимиром Воронцовым, по его словам «ярым антикоммунистом». Позднее он рассказывал: «Впервые судим я был в шестнадцать лет... Вам понятно, что таков отрицаловка? Это значит, что я шёл против администрации, актива. А во второй раз я попал на такой режим, что вышел оттуда законченным антисоветчиком, там я возненавидел коммунистов. Тогда в зоне со мной ещё сидели бывшие «лесные братья», всякие политические. Вы слышали, наверное, что сидели все вместе? Так вот они-то меня и подготовили...

Прошёл 1990 год. Обвал информации, разоблачений. Я состоял в народном фронте, ходил на митинги, собрания. Всё это не устраивало меня - слова... А я человек действия, практик. У меня были собраны досье на власть предержащие - факты, газетные статьи. В списке были три или четыре секретаря парткома, работники обкома. Я решил начать с Фомина. Всё же «Знаменка» областная газета, читаем её каждый день. Газета реакционная. Это понятно. Фомина утверждал обком, сам он член бюро ОК КПСС...

Числа четвёртого января я пришёл в редакцию, посмотрел, какая там обстановка, кто сидит в приёмной, как расположен редакторский кабинет.

Десятого января сказал жене - я ведь сварщик хороший, - что нашёл калым на полтинник, а на самом деле мне нужно было узнать путь Платова - секретаря парткома. Караулил я его, караулил, но так и не встретил... Решил позвонить в редакцию, узнать, когда у них обед... Пошёл в редакцию. Смотрю, подъезжает чёрная «волга», из неё выходят двое. Вот, думаю, и Фомин.

Кабинет его на третьем этаже, вход через приёмную. Поднимаюсь. В руке у меня дипломат, в нём папка с вырезками и обрез. Папка вот для чего. Я бы дал ему её, чтобы выгадать время...

Вошёл в кабинет, там, кроме Фомина, никого не было. Достал обрез, направил на него, говорю: «Встаньте». Не могу же я в сидящего стрелять - всё равно что в лежачего. Он вылупился на меня, усмешечка такая глупо-непонимающая. Ну не понимает человек, в чём дело. Я выстрелил в

первый раз, он закричал, я опять выстрелил, после третьего выстрела он успокоился, знаете, сел так, облокотившись на угол стола, и смотрит. Туг слышу - дверь за спиной открывается, оборачиваюсь - фотокорреспондент Головков, чёрт его принёс. Мужик он здоровый, покрепче меня будет. Я направляю обрез на него, выгнал его из кабинета. Он дверь за собой закрыл. Думаю, ведь буду выходить, он может спрятаться в приёмной, схватит меня сзади. Наклонил я обрез и выстрелил через дверь, просто чтобы напугать его. Распахиваю дверь резко, смотрю, а там через приёмную след кровяной - значит, ранил я его, а вдруг убил? Тут всё у меня в голове перемешалось: жалко малого - невинный человек под руку попал.

Вдруг дверь кабинета распахивается - и оттуда Фомин. Он после трёх выстрелов жив оказался, кричит. Я обрез на него поднимаю - и наповал.

Первые четыре выстрела практически никто не слышал, а этот - многие. Мне, чтобы уйти, надо проскочить через коридор и холл. Я дверь ногой распахиваю, обрез в руках. Смотрю, по коридору двери открываются, люди выходят. Закричал им: «Все на места!» Они попрятались...

На втором этаже, когда я спускался, тоже в коридоре были люди. Я опять закричал: «Все на места!» Попрятались. Спустился я на первый этаж, обрез спрятал под мышку, под курткой, и спокойно прошёл мимо милиционера...

Думаю - нужно ещё одного пристрелить, у меня ведь два патрона оставалось... Думаю, поеду к Платову на работу. Проезжаю мимо треста «Строймеханизация», думаю, дай выскочу, может быть. Калужский (председатель профкома треста) у себя. Захожу - точно, один сидит. Выстрелил в него два раза, он дёрнулся - и всё.

Вышел на улицу, метрах в семи телефонная будка... звоню по «02», в трубке женский голос, говорю ей: «Девушка, докладываю - уничтожены два коммуниста, третий ранен, патроны кончились, сдаюсь». Она: «Подождите, не вешайте трубку». Ну да как же, не вешайте...

Прошёлся, сока попил, сигарет купил и уже шёл в УВД. На той улице, где управление расположено, подошли ко мне двое, пошли, говорят... были бы у меня патроны - не сдался бы...»

Суд приговорил В. Воронцова к смертной казни. Но самое страшное для него было, может, и не это. В момент совершения им преступления его жена была на седьмом месяце беременности. Из-за сильнейшего стресса, пережитого матерью, ребёнок родился мёртвым. Мать же хотела покончить жизнь самосожжением. И всё из-за того, что глава их семьи люто ненавидел КПСС.

Не менее показательна в этом смысле и история 30-летнего

милиционера из Ленинграда Аркадия Мокеева, который под тем же предлогом борьбы с советским строем совершал жестокие и чаще всего бессмысленные уголовные преступления. А началось всё в 1989 году, когда участковый инспектор старший лейтенант Мокеев с сообщниками Владимиром Бикмулиным, Игорем Дьяковым и Игорем Коренковым создали банду «Российское освободительное движение «Белый крест» для политической борьбы с советским строем». Жертвами этой борьбы стали кассирша столовой, инкассатор, часовой военного склада и вахтёр военно-морского архива - Мокеев с товарищами нападал на них, чтобы набрать денег «для финансирования политической борьбы с коммунизмом».

Помимо этого, члены «Белого креста» распространяли прокламации с призывом убивать коммунистов и народных депутатов, планировали поджог здания Ленсовета и памятников Ленину: И именно по пути к одному из памятников Ленину автомобиль, угнанный Мокеевым специально для теракта, и был задержан милицейским патрулём.

В марте 1993 года суд приговорил А. Мокеева к расстрелу, Коренкова - к 10 годам лишения свободы, Дьякова - к восьми, Бикмулина - к четырём годам.

Между тем именно в том январе 91-го ненависть к КПСС в обществе достигла своей критической точки. 13 января советские танки загромыхали по мирным улицам Вильнюса. В столкновении с войсками погибли люди. Диктатура, о которой несколько дней назад предупреждал с трибуны Съезда народных депутатов Эдуард Шеварднадзе, показала людям своё лицо. Горбачёв из последних сил пытался удержать нить управления страной в своих руках, но было уже поздно. И диктатор из него был явно непутёвый, да и страна была уже не той, что несколько лет назад.

Однако жёсткие меры, предпринятые Горбачёвым и его командой в Вильнюсе, вынудили демократов забыть все свои прежние разногласия и объединиться. Политический рейтинг Председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина в народе поднялся на новую высоту.

23 января председатель Мосгорисполкома Юрий Лужков наконец согласился с кандидатурой Вячеслава Комиссарова на должность начальника ГУВД Москвы. Это был первый случай компромисса между Моссоветом и Мосгорисполкомом. Открытым голосованием (281 - «за», 5 - «против», 5 - «воздержались») начальником ГУВД был назначен генерал-майор В. Комиссаров.

Однако говорить о том, что конфликт на этом был исчерпан, тогда было ещё преждевременно. Прошло чуть меньше двух недель, и 4 февраля коллегия МВД СССР постановление Моссовета о начальнике ГУВД приостановила.

26 марта Президент СССР Михаил Горбачёв издал Указ о преобразовании двух ГУВД Мосгорисполкома и Мособлисполкома в одно Управление внутренних дел по Москве и Московской области и назначил начальником нового органа первого заместителя министра МВД СССР И. Шилова.

На следующий день президиумы Моссовета и Мособлсовета заявили протест по поводу президентского Указа о преобразовании местной милиции.

А 28 марта третий (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР приостановил действие Указа Президента СССР, как нарушающего российский суверенитет, а решением Президиума ВС РСФСР непосредственное руководство ГУВД Мосгорисполкома было возложено на МВД РСФСР.

6 апреля председатель исполкома Моссовета Ю. Лужков и министр внутренних дел СССР Б. Пуго подписали соглашение о необходимости разграничения функций и сфер компетенции союзно-республиканских и городских (местных) органов внутренних дел в г. Москве по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

6 апреля министр внутренних дел РСФСР В. Баранников подписал ещё один приказ о назначении на должность начальника ГУВД Мосгорисполкома В. Комиссарова.

Однако 7 апреля МВД СССР сообщило: «начальником московской милиции, несмотря ни на что, по-прежнему является 1-й замминистра И. Шилов». Противостояние продолжалось.

Вторая бандитская война

Нищая милиция.

Тем временем, пока политики терзали столичную милицию, преступники не сидели сложа руки.

В начале 91-го года в Москве продолжалась война славянских группировок с чеченцами. 4 января у гостиницы «Байкал» в результате серьёзной разборки были ранены ножами несколько чеченцев.

16 января в Мосгорсуде началось слушание дела по членам люберецкой группировки. К тому времени в результате действий милиции в 1989 и 1990 годах люберецкая группировка понесла ощутимые потери и практически насчитывала теперь в своих радах лишь три небольшие группы. Но с арестом авторитета Сергея Лазарева по кличке Лазарь и его шестерых подручных ряды люберецких поредели ещё на несколько человек.

После того как в конце января ГУВД наконец обрело своего нового начальника, милицейские операции против бандитских формирований заметно участились. Особенно доставалось чеченцам. В феврале - марте 1991 года они понесли весомые потери в своих рядах. Например, был арестован один из крупных авторитетов группировки Н. Сулейманов по кличке Хозе (птичка). Сама Л. Кислинская, отмечая этот факт, писала в газете «Советская Россия»: «Пожалуй, впервые с момента возникновения у нас реальной угрозы со стороны организованной преступности сотрудники МУРа и КГБ СССР смогли задержать такую серьёзную фигуру. Возможно. это дело станет первым настоящим ударом по отечественной мафии...»

Оперативная информация по факту задержания Н. Сулейманова была скупа: «В 16.00 в кафе «Встреча» в результате реализации оперативной информации сотрудниками Московского уголовного розыска и Шестого Управления КГБ СССР за вымогательство 2 500 000 рублей у директора одного из совместных предприятий задержан лидер организованной преступной группировки Н. Сулейманов и его сообщники.

В ходе проведения обысков у подозреваемых обнаружено и изъято: три автомашины «мерседес» и одна «вольво», находившиеся в личном пользовании, два пистолета, стреляющих капсулами с нервно-паралитическим газом, два ружья, восемь тысяч долларов, двадцать четыре тысячи рублей, описано имущества на сумму 280000 рублей...»

Тогда же, ранней весной 1991 года, на 8 лет за вымогательство были осуждены ещё два крупных авторитета чеченской группировки, уже хорошо известные нам Хожа Нухаев и Мовлады Атлангериев. Тогда же был арестован и бывший член люберецкой группировки, а ныне входивший в чеченскую Евгений Кухтин по кличке Женя Люберецкий. В своё время у него произошёл конфликт с люберами, и он подался к своему старому студенческому приятелю М. Атлангериеву. Тот недолго думая пристроил Люберецкого «комендантом» Парка Горького, который контролировали чеченцы.

Комендантские обязанности В. Кухтина включали в себя ежедневные сборы дани с индивидуалов, торговавших в парке. До этого этим делом занимались официальные лица, вроде заведующего сектором обслуживания ЦПКиО, но после назначения «комендантом» В. Кухтина чеченцы у них эту привилегию отняли. Причём припугнули расправой в случае несговорчивости. С этого момента В. Кухтин отвечал за весь «персонал» парка - проституток, индивидуалов, кооператоров. Налог шёл с дохода в зависимости от навара.

В кооперативных кафе, например, рэкетиры, как профессиональные инспектора торговли, просматривали счета, определяя доход. С нежелающими платить обычно разбирались «боевики», которые коротали время в кафе «Времена года».

Такса у Жени Люберецкого была весьма твёрдой. Зал игровых автоматов должен был платить 1000 рублей, звукозапись - 3000-5000, аттракционы - до 5000 рублей.

Тем временем аресты в среде чеченцев несильно повлияли на их боевой дух. Сломить их было делом нелёгким. Хотя потери они несли ощутимые. В марте в Сокольниках произошла крупнейшая разборка, в которой участвовало около 70 человек. В результате двое чеченцев были убиты. Постепенно война, окрещённая журналистами Второй бандитской, вовлекала в свои боевые действия всё новых и новых участников. Попавший в начале 1990 года в тюрьму лидер солнцевских Сильвестр, как лидер крупного масштаба, руководил боевыми действиями своих подчинённых по телефону. Чеченцы совместно с казанцами наложили свою длань на авторэкет, а этого Сильвестр потерпеть не мог. Кроме этого, чеченцы во время одной из разборок выбили глаз солнцевскому авторитету Антону, что неминуемо должно было быть отмщенным.

Той же весной сыщики оперативно-розыскного бюро (бывшее 6-е управление) нанесли удар по красногорской группировке, которую возглавлял Юрий Бальчевский по кличке Борщ. Парадоксально, но факт: год назад родной коллектив, где он работал (Красногорский механический завод), выдвигал его делегатом на XXVIII съезд КПСС. Это вполне укладывается в версию того, что лидер красногорской преступной группировки был человеком отнюдь не ординарным.

Выйдя на свободу в 1988 году, Бальчевский устроился в Красногорске на должность приёмщика в мебельной мастерской. По данным же сыщиков, он фактически руководил этим предприятием, где «отмывались» деньги красногорских рэкетиров. В то время ими руководили братья Аддуловы. Но в 1990 году братьев арестовали и место главаря осталось вакантным. Вот тогда его и занял Юрий Бальчевский. Его группировка заметно расширила свои ряды, установила тесные контакты с долгопрудненской, зеленоградской, истринской группировками. Осваивая не только Подмосковье, Бальчевский вскоре выехал и в Польшу. Собирался посетить Германию, но фортуна явно отвернулась от него. На одно из дел (выбивание дани с малого арендного предприятия по разливу вина, он отправился сам, во главе двух десятков своих боевиков. Но милиция была уже заранее об этом предупреждена. Так на запястьях Ю. Бальчевского вновь защёлкнулись наручники.

Не менее криминогенной, чем в Подмосковье, выглядела обстановка, например, в такой области, как Тверская. К 1991 году там уже насчитывалось около 500 кооперативов, которые расплодились буквально везде, включая такие города, как Старица, Ржев, Торжок (в последнем банду консультировал один из ведущих специалистов ОБХСС). Надёжная связь была у бандитов с местными исполкомами. В самой же Твери недельный доход рэкета приближался к 2,5 миллиона рублей. Все группировки города образовали одно мощное объединение, которое возглавлял один человек. Связь с Москвой существовала постоянная, и

москвичи даже «выписывали» тверских боевиков для участия в своих разборках. Одним из признанных авторитетов в преступной среде Твери был Александр Костенко по кличке Лом. Как говаривали люди, ему даже гаишники отдавали честь.

С 1989 года, когда обстановка с преступностью особенно обострилась, в Твери в структуре КГБ, без всякого разрешения из Москвы, был создан внештатный отдел по борьбе с организованной преступностью. Именно этот отдел в начале 1991 года провёл крупномасштабную операцию против преступных группировок в городе. 32 преступника были задержаны. Оставшиеся на свободе бандиты собирались с оружием в руках отбить своих товарищей, но, узнав, что их арестовало не МВД, а КГБ, эту затею отбросили.

Не меньшее количество бандитов обитало и в союзных республиках. Взять, к примеру, цивилизованную Эстонию. Таллин к 1991 году был поделён между 9-ю группировками. Три из этих группировок были местные. Лишь одна из них состояла из коренных эстонцев и занималась вывозом за рубеж валюты, гормональных таблеток и художественных ценностей, сутенёрством и доставкой в Эстонию похищенных в Скандинавии автомобилей.

Две другие местные группировки трудились на ниве валюты, обкладывали данью проституток.

Среди остальных группировок можно назвать мурманско-архангельско-сочинскую, пермско-вемеровско-соликамскую, рижскую, минскую и, конечно же, кавказскую. Каждая из них объединяла в своих рядах около 80 человек. Сферы деятельности были строго очерчены. Наркотиками, например, занимаются только кавказцы. Они же пробивают связи на Запад. Минчане работают на ниве мошенничества, спекуляции и скупки драгоценностей. Все группировки прилично вооружены, имеют в своих арсеналах и пулемёты.

Точно такая же ситуация сложилась и в Хабаровском крае, где, например, расплодилась целая армия автомобильных рэкетиров. Когда в Приморье отменили режим погранзоны, сюда хлынули толпы перекупщиков с Кавказа и из Средней Азии. Именно они и моряки, везущие из загранки иномарки, и стали жертвами рэкетиров.

В порту Ванино на побережье Татарского пролива местные рэкетиры поделили сферы влияния с группировками из Комсомольска-на-Амуре, Холмска и Советской Гавани. У них были купленные диспетчеры, владеющие информацией о подходящих судах, завербованы осведомители в экипажах, подсказывающие, кто и что везёт. Преступники беспрепятственно проходили в порт, садились на рейсовые катера и как полновластные хозяева поднимались на борт прибывших из-за границы судов - выбирать себе иномарки.

Своих «крестных отцов» в Ванино знали все в лицо. 35-летний авторитет по кличке Пожар раньше был портовым грузчиком, теперь вот сменил квалификацию. Первым заместителем у него Робик - мощный детина, скопивший себе уже несколько иномарок. Все они вполне вольготно чувствовали себя в своих родных пенатах и милиции отнюдь не боялись. Да и чего её бояться, нищенку убогую.

Когда в порту проводилась операция «Ураган» по задержанию рэкетиров (задержали около 40 человек), то вывезти их всех так и не смогли, у линейного отделения не хватило машин. Начальник линейного отделения УВД на транспорте Богдан Мусянович тогда так и сказал: «Мы не столько с преступниками, сколько с нищетой своей боремся».

Да что там говорить, когда даже московская милиция продолжала влачить нищенское существование. Генерал Андрей Дунаев на этот счёт выразился тогда весьма откровенно: «Более нищенского положения милиции, чем в Москве, нет нигде в России. И пусть вас не впечатляют солидные корпуса на Петровке, 38. Это «потёмкинская деревня», за которой - милицейские «лачуги». А техника? Все «мерседесы» и «БМВ» - только для сопровождения высокого начальства. Для охраны же москвичей - разбитые «москвичи» да тарахтящие «уазики».

А соцбьгг? Тысячи московских милиционеров ютятся в общежитиях, снимают углы у частников. Для наших детей не строят ясли и детские сады, для работников профилактории и дома отдыха. За всем ходим с протянутой рукой. Я уж не говорю о зарплате...»

В июне 1992 года известный журналист Юрий Щекочихин в «Литературной газете» опубликовал статью «Страх», из которой я приведу лишь отрывок: «Меня давно интересовали связи П.С. Богданова (нач. ГУВД) и других милицейских генералов с советско-кувейтским совместным предприятием «Совкувейт-инжениринг». Хоть убейте, но когда у меня на руках оказались финансовые документы, свидетельствующие о том, что СП оплачивал поездки Богданова (ещё когда он был начальником ГУВД) и ныне действующих его заместителей за рубеж, то никакое другое слово, как коррупция, я придумать не мог. Невозможно даже представить, какой бы поднялся скандал, будь наша страна цивилизованной, если бы мой американский коллега выяснил, что в 1990-1992 годах Богданов получил от «Совкувейта» на командировочные и представительские расходы 3500 марок ФРГ и 1600 фунтов стерлингов, первый зам. нач. ГУВД Томашев - 800 долларов на одну и 2348 долларов на другую поездку, а также 4000 марок ФРГ, зам. нач. ГУВД Балагура - 750 долларов США и Шаранков - 276 марок ФРГ.

Да, да, понимаю. Милиция бедна, нищенски бедна, и, может быть, только с помощью частной фирмы таким вот, не совсем цивилизованным образом руководителям московской милиции удавалось пробить за границей что-то полезное для всей милиции. Но вот что свидетельствует инспектор 10-го отделения ГАИ Москвы В. Кендзя (его слова привела

газета «Щит и меч» 30 апреля 1992 года): «Два года уже работает «Совкувейт» при ГАИ Москвы, а как были мы в нищете, так и остались. На большинстве иномарок, которые приобретались на вырученную валюту и предназначались якобы для несения службы, катаются руководители. Зато сотрудники работают на развалюхах, купленных несколько лет назад по дешёвке».

В то время как у милиции денег не было абсолютно, бандиты имели их в несметном количестве. Когда весной 1991 года в Риге у порога своего дома был застрелен местный авторитет Виктор Авакумов, его соратники объявили премию в 1 миллион рублей тому, кто прольёт свет на обстоятельства этого убийства. К весне 1992 года эта сумма вырастет ухе до 5 миллионов.

Молодые «волки»

Между тем молва о советской мафии вовсю начинает гулять и на страницах западной прессы. И если ранее её феномену уделялось всего несколько строчек в коротеньких статьях, то в 1991 году статьи о советской мафии занимали чуть ли не целые газетные полосы. Примером подобного рода может служить январская статья в американском журнале «Бостон глоб мэгэзин» под броским названием «Гласность и «крёстные отцы». Автор её - Курт Кемпбелл, в частности, писал: «Откровенно высказывающийся руководитель КГБ Владимир Крючков признал недавно, что Советский Союз никогда не ожидал организованной преступности в таких масштабах...»

На долю «чёрного рынка» и других секторов советской «теневой экономики» в 1980 году, по словам правительственных представителей, приходилось всего 4 - 8 млрд. долларов. По последним оценкам, эта сумма достигает 66 млрд. долларов. Как мрачно мне объяснил один советский чиновник, когда я сидел недавно в его кабинете, «мафия - это фактически единственная растущая отрасль во всей стране». Один исследователь из Московского государственного университета подсчитал, что 80-85 процентов операций кооперативов и совместных предприятий систематически нарушают закон. По данным другого экономиста, 2,3 процента советского населения являются «богатыми» (имея свыше миллиона рублей, или 166000 долларов) и что почти две трети этих миллионеров приобрели свои богатства, используя незаконные источники. Гангстеры времён Горбачёва сильно отличаются от воров эры Брежнева. Советская мафия состоит по существу из коалиции гангстеров эры Брежнева, преступных семей из южных советских республик и говорящих по-английски посредников-подростков. По данным криминалистов в Советском Союзе, этим гангстерам удаётся вымогать комиссионные фактически за все неофициальные сделки в стране в твёрдой валюте. Когда американский бизнесмен платит русской проститутке 100 долларов, она должна отдать 75 долларов из этой суммы представителю мафии, который обеспечивает её квартирой в Москве (очень трудная

задача), западной одеждой и, что самое важное, «защищает».

Почти все кооперативные рестораны в Москве должны ежедневно отдавать часть своей выручки мафии только для того, чтобы уцелеть. Директора большинства кооперативов должны быть готовы дать взятки городским властям, которые в свою очередь часто находятся на содержании у мафии...

Некоторые представители советской милиции МВД смотрят сквозь пальцы на действия мафии, которая занимается вымогательством и шпионажем в отношении советских предпринимателей. Всё больше и больше государственных чиновников, в том числе милиция, получают от мафии взятки...

Советские преступники разрабатывают сейчас такие межрегиональные операции, для борьбы с которыми в Соединённых Штатах было создано ФБР. «Мы ясно видим существование подпольной преступной сети, связывающей Москву, Киев, Одессу, Тбилиси и Баку, - сказал мне в МВД специалист по организованной преступности. - У них есть самые современные средства связи, и часто они знают, что мы делаем в плане расследований и арестов. В последнее время мы наблюдали больше инцидентов с применением оружия, когда одна банда начинает претендовать на территорию другой».

Операции мафии, по-видимому, распространятся и за пределы границ Советского Союза. Правительственные чиновники просили «Интерпол» (базирующуюся в Париже организацию по борьбе с преступностью) помочь выследить преступников и контрабанду из Советского Союза в общины советских эмигрантов в Европе и Соединённых Штатах...

Пока что усилия государства по борьбе с распространением советской мафии не были особенно эффективными. В конце 1989 года правительство объявило о новом официальном обменном курсе - 1 доллар за 5 рублей, пытаясь подорвать позиции спекулянтов валютой, которые продавали её по курсу 1 доллар за 15 рублей. Однако, по данным московской милиции, в одной только Москве по-прежнему существуют свыше 100 000 профессиональных торговцев долларами...

Хотя рост организованной преступности редко упоминают в качестве потенциальной угрозы стабильности в Советском Союзе, по крайней мере один автор считает, что в некоторых регионах Советского Союза и в более широком плане в советской империи политическая власть, вероятно, окажется в руках мафии. Некоторые оптимистично высказывают мысль о том, что подпольная экономика - это признак коммерческого потенциала Советского Союза и потенциальный плюс в отношении неопределённого будущего этой страны. Но атрибуты «второй» советской экономики - распространение насилия, огромные капиталы преступников, отмывание денег и взяточничество в новых общенациональных масштабах - создают серьёзную угрозу перестройке.

Экономический хаос способствует проникновению мафии во все сферы жизни, отмечают наблюдатели, и организованная преступность, вероятно, будет процветать в Советском Союзе, пока стремление к выгоде не будет узаконено и взято под защиту официальными организациями. Многие торговцы-мафиози, продающие свой товар на улицах Москвы, говорят, что они предпочли бы заняться каким-то законным бизнесом. Но если они это и сделают, организованная преступность вряд ли исчезнет. Ведь не исчезла же она на Западе, где правит закон извлечения прибыли!

Организованная преступность в Советском Союзе в 1991 году и не думала никуда исчезать, даже несмотря на то, что органы МВД возглавил бывший чекист и генерал-афганец. Казалось, что преступники ничего и никого уже не боятся и нет в стране силы, способной хоть как-то обуздать её, не говоря уж о том, чтобы победить. Корреспонденты «Комсомольской правды» А. Ганелин и И. Черняк в июле 1991 года писали: «Бандиты меняют кожаные куртки на «тройки» деловых людей. Вчера бандит - сегодня капиталист. И с этим тоже придётся смириться. Вот только что за удивительная судьба у нашей страны? Как исторический поворот - приходят люди в кожанках, а потом их снимают. Некоторые уже бы и рады забыть грехи молодости, выйти из «группировок», заняться чистым бизнесом. Они уже сейчас действуют как умные хозяева - покупают экономистов, специалистов в области ЭВМ и финансов, адвокатов. Понимают, пока смутное время, заря развития капитализма, надо успеть «отмыть» капиталы. Пока не рассвело, в утренней темноте надо столько успеть «добропорядочным» членам нового общества.

Бандиты усиленно легализируются, а потому готовятся к приватизации. По сведениям из разных источников, между ними уже началась грызня из-за магазинов, кафе, ресторанов, бытовок. Если раньше они делили сферы рэкета, то теперь начинается драка, кто что будет покупать.

Такое уже происходило когда-то в Америке в самом начале 30-х годов. В книге К. Полькана и Х. Сцепоника «Кто не молчит, тот должен умереть» об этом сказано так: «Уход в 1931 году со сцены Аль Капоне (в тюрьму) был важной вехой в истории развития американской преступности. Перемены, происшедшие в связи с этим в преступном мире, можно, пожалуй, сравнить с изменениями, сопровождавшими переход от феодализма к капитализму. Рыцарей-разбойников сменили бизнесмены, которые ещё долгое время не отказывались от разбойничьих методов. Мафиози, не желавшие более обогащаться при помощи средств, противоречащих законам капиталистического общества) стремились приспособиться к новым условиям, чтобы жить в капиталистическом обществе, жить вместе с ним, жить за его счёт. Они учли опыт ведения деловых операций в годы «сухого закона» и не переставая учились у капитализма.

В мафии подросло новое поколение. Счастливчик Лаки Лучано был

ярким его представителем. Различие было даже чисто внешнее. Молодое поколение мафиози уже ни в чём не походило на традиционных гангстеров. Они одевались скромно и в то же время с большим вкусом, у них был вид почтенных людей...»

Изменению внешнего облика соответствовало изменение методов работы. Шеф «Коза ностры» нового поколения больше не пачкал руки грязной работой - он стал деловым человеком.

Война преступников между собой за передел сфер влияния в 1991 году имела кровавый оттенок. 15 апреля в Подмосковье был убит известный специалист по кражам икон Васин по кличке Кот. 10 июня в Братске в собственном автомобиле был взорван известный вор в законе Александр Моисеев по кличке Мася и его напарник Александр Мацак. Как установило позже следствие, машина была буквально нашпигована более чем 10 килограммами тротила. Это событие взбудоражило всю область. По городам и весям сразу пошли слухи, что началась война преступных группировок за «чёрный рынок» автолюбителей. Дело в том, что Братск был одним из центров торговли машинами, которые здесь по специальным чекам покупали бывшие строители БАМа. Наряду с Усть-Кутом Братск был основным центром перепродажи этих автомобилей. Сюда съезжались большие группы спекулянтов и рэкетиров со всего Союза. Но условия игры здесь в основном диктовали местные авторитеты, к числу которых относился и Моисеев, знавший, между прочим, самого Япончика.

Настоящие кровопролитные войны в 1991 году происходили на Украине, в частности в Киеве. Город был поделён на сферы влияния между шестью боссами, которые крепко держали власть в своих руках. Когда в июне азербайджанцы попытались навести свои порядки на киевских рынках, их встретили с оружием в руках.

Однако война эта была «скорректирована» вернувшимся из мест заключения известным авторитетом, 43-летним В. Никуличевым по кличке Пуля. Его взгляды наиболее устраивали кавказцев.

После его возвращения по Киеву прокатилась череда разборочных убийств. Так в ноябре 1991 года пропал Александр Сторук, в декабре был задушен Александр Яновский по кличке Слепой. Тогда же пошатнулись позиции известного нам киевского мафиози Черепа, проводившего свои дни в Венгрии. Против Черепа выступил 34-летний авторитет по кличке Москва. Началась борьба за власть, в которой не повезло Черепу. Однажды вечером во время традиционных посиделок в ресторане череповцы сцепились с цыганами. В драке дело дошло до стрельбы. Местная полиция задержала буянов и выслала из страны. Череп остановился в Ужгороде. Именно туда для разборок с ним отправилась бригада наёмных убийц. Но и милиция не дремала. В Ужгород отправилась группа оперативников во главе с майором Игорем Гончаровым. Черепа вывезли из Ужгорода в аэропорт на машине «скорой

помощи» и там посадили в самолёт, из которого по прибытии в Киев препроводили в изолятор ГУВД Киева.

Между тем бригаде Черепа-Москвы в Киеве принадлежали два коммерческих магазина и автозаправка в Венгрии. Под Киевом ими куплен земельный участок, на котором бандиты собирались возвести комфортабельный посёлок и построить мясоперерабатывающий комбинат.

Надо отметить, что украинская милиция приняла все меры, чтобы обуздать разгулявшуюся в республике преступность.

В 1990 году на Украине была пресечена деятельность около 2 тысяч преступных групп, в том числе 500 гангстерских. 5 декабря 1990 года президент Украины Леонид Кравчук заявил о том, что отныне начинается бескомпромиссная борьба с преступностью. После этого в течение 1991 года в одном Киеве было обезврежено 26 организованных преступных группировок, которыми было совершено 220 преступлений, в том числе 7 убийств, 11 разбойных нападений, 14 грабежей, 26 вымогательств, свыше 100 краж государственного и личного имущества. И всё же, несмотря на эти успехи, остановить вал преступности на Украине, как и по всей стране, так и не удалось.

Летом 1991 года в Самарканде были ликвидированы преступные группировки, возглавляемые братьями Рахмоном и Туляганом Ахатовыми. Эти группировки специализировались на угоне автомобилей, рэкете, других формах вымогательства. К лету 1991 года на совести боевиков этих группировок было уже убийство семерых человек. Причём первая жертва Рахмона и Тулягана была убита ещё в марте 1985 года. Седьмая жертва - 24-летний вор-карманник Ошоп Нуров - был убит ими в июне 1991 года. Этого убийства уголовный мир Самарканда братьям простить не смог. За ними началась охота. И вот в один из летних дней 1991 года на 30-м километре Узбекского тракта, по дороге из Ташкента в Самарканд, «Жигули», в которых ехали четверо (среди них Туляган и Пардокум Ахатовы) были обстреляны из проезжавшей мимо машины. В результате этого Туляган Ахатов был убит, Пардокум и водитель ранены. На место происшествия прибыл лично прокурор Ташкентской области Абдурашир Маннонов. Расследование этого происшествия и привело к разоблачению преступной деятельности братьев Ахатовых и их вооружённой группировки. Весной 1994 года Верховный суд Узбекистана вынес приговор. Рахмон Ахатов, Абдухамит Хакимов и Алишер Абидов были приговорены к смертной казни.

Касаясь событий, происходивших в тот год в Узбекистане, отметим одно событие, случившееся в феврале. Тогда на очередном заседании Президиума Верховного Совета было пересмотрено 241 «хлопковое дело». Верховный суд Узбекистана оправдал всех этих граждан. Таким образом, к весне 1991 года в Узбекистане было реабилитировано по этим «хлопковым делам» более 1600 человек.

Бойня в Медининкае

Переворот в Москве.

20 июня в Москве состоялось расширенное заседание коллегии КГБ СССР с участием руководителей КГБ - УКГБ республик, краёв и областей, на котором был рассмотрен вопрос о состоянии и мерах по усилению борьбы с организованной преступностью. С обширным докладом на этом совещании выступил начальник Управления КГБ СССР по борьбе с организованной преступностью Д.А. Лукин, который отметил, что деятельность преступных сообществ становится одним из серьёзных факторов, создающих угрозу стабильности и безопасности нашего государства, затрудняющих проведение реформ в стране. Докладчик отметил, что силами КГБ только за 1-е полугодие 1991 года пресечена деятельность 65 преступных формирований, привлечено к уголовной ответственности 640 человек, изъято свыше 900 стволов оружия.

Прошло чуть больше недели со дня окончания этого совещания, и новое кровавое преступление потрясло страну и мир. В ночь на 31 июля 1991 года, во время пребывания в СССР с официальным визитом президента США Джорджа Буша, в Литве на контрольно-таможенном посту в Медининкае, что на границе Литвы и Белоруссии, были убиты семеро таможенников. Все они были убиты выстрелами в голову с расстояния 10 сантиметров - почти в упор. Разбитые часы у одного из погибших показывали время - 4.45 утра. Расследование этого убийства взял под свой личный контроль Президент СССР Михаил Горбачёв. Была создана правительственная комиссия во главе с вице-премьером Литвы Зимасом Вайшвилой. 2 августа в МВД СССР прошло оперативное совещание под руководством министра Б. Пуго, который заявил, что лично заинтересован в поимке преступников. Приказом Пуго в Литву на помощь местным оперативникам была послана специальная оперативная группа, куда вошли асы угрозыска. За помощь в поимке преступников была назначена награда в 20 тысяч долларов или 500 тысяч рублей. 3 августа, в день похорон убитых таможенников, в республике был объявлен национальный траур.

Первые версии относительно этого преступления высказал 31 июля В. Ландсбергис: «Убийство совершили или советские военные, в том числе террористическая организация ОМОН, или мафия, недовольная деятельностью таможенников». Насквозь политизированная пресса сразу ухватилась за первую версию и на все лады склоняла «преступников из рижского ОМОНа». Вторая версия почти не обсуждалась вплоть до... 13 января 1993 года, когда в «Литературной газете» появилась статья О. Белоцкого «Металлический рок». В ней, в частности, со слов одного человека заявлялось: «Между ошмянской и медининкайской таможнями существовало негласное соглашение: смены, которые работали параллельно (а они, как правило, так и работали), брали взятки «в одни руки», то есть если груз проходил через эти таможни на Калининград, то

деньги за него брали, как правило, в Медининкае, а если машины шли на Москву, то пошлина взималась в Ошмянах. Затем деньга делились в нормальной и спокойной обстановке. При пересечении границы в Медининкае берётся от 300 до 500 долларов за машину. В день через этот пункт проходит не менее десяти машин с металлом (имеется в ВИДУ цветной металл). По сведениям, которые я получил, скажем так, от генеральных литовских пограничников, - у владельцев фирм, специализирующихся на перевозке цветных металлов, в ту ночь в Медининкае либо не было договорённости о провозной таксе, либо одна из сторон её нарушила - резко и некрасиво. Моя версия такова: были выплачены деньги, получено добро на пропуск через таможню, но на дежурство неожиданно заступила смена, которая не знала о подобной договорённости и не захотела пропускать груз. А перевозчик груза, сперва заплатив деньги, не стал вникать в технические подробности всех этих «передряг». Это первый вариант. Второй. Какие-то внешние обстоятельства заставили таможенников противиться провозу груза - может быть, комиссии какие-нибудь, может быть, среди убитых были агенты, которые вели работу по выявлению каналов, может быть, вмешалась конкурирующая группировка и переплатила деньги за то, чтобы груз не проходил через границу. В конце концов могло случиться и так, что деньги дали белорусам, а те решили не делиться... Мои литовские партнёры, когда речь заходила об этом убийстве, говорили так: «Вольно или невольно таможенники нарушили правила игры. Медининкай - это узкое горлышко, через него проходили и проходят миллионы долларов». За большие деньги организаторы убийства могли нанять любых исполнителей. Из рассказов «ветеранов» знаю, московские таможенники очень изменились с тех пор - стали учтивыми и вежливыми. Мне лично с литовцами очень приятно иметь дело, никаких неожиданностей. Всё выверено, чётко, слаженно. Точно знаешь, что не налетят ребята в маскхалатах. Никаких национальных трений, охотно переходят на русский язык, даже те, кто плохо его знает. Если хочешь побыстрее перевезти «товар», можешь заказать полицейскую машину с мигалкой. И полиция проводит тебя с «музыкой» до самого Вильнюса. А дальше машины идут на Клайпеду, где их ухе ждёт предпоследний, немецкий, посредник. Там, в порту, груз складируется. Приходят немецкие корабли и забирают его. Вот и всё».

Автор этого повествования уже неоднократно отмечал, что когда дело касалось крупного куша, преступники всегда находили возможность договориться друг с другом, несмотря ни на какие национальные, клановые или иные различия. В таких случаях даже границы Отечества не играли для них особой роли. В августе 1991 года в Варшаве и Праге прошли очередные тайные съезды представителей советской и итало-американской мафии. К этому времени проникновение международной мафии в СССР стало доказанным явлением. После того как в течение 1989-1991 гг. американское правительство и ФБР сумело очистить от мафии 38 крупнейших синдикатов, итало-американская мафия обратила свои взоры в сторону новых регионов. Одним т них стала Россия, где

наркодоллары можно было «отмывать» в так называемой гуманитарной помощи, в банковских кредитах, во всевозможных международных благотворительных фондах. Не потому ли к 1991 году около трети совместных предприятий России так или иначе были связаны с итальянским капиталом, а основным вектором внедрения стало Закавказье?

Между тем тот август 1991 года стал для СССР поворотным пунктом его истории. 20 августа все утренние газеты поместили на своих страницах Указ вице-президента СССР Г. Янаева, в котором говорилось: «В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачёвым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР на основании статьи 127 Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 г.

Вице-президент СССР Г. Янаев».

С этого дня в стране был введён режим чрезвычайного положения и всё руководство сосредоточилось в руках Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). В этот комитет вошли все силовые министры страны: В. Крючков, Б. Пуго и Д. Язов. Это была последняя попытка «державников» спасти страну от распада. Попытка запоздалая и оттого бессмысленная. Режим ГКЧП продержался всего три дня и уже к вечеру 21 августа всё было кончено. Председатель КГБ СССР В. Крючков и министр обороны Д. Язов были арестованы в Крыму, куда они прилетели на последнюю встречу с М. Горбачёвым. В Москве хотели арестовать министра внутренних дел Б. Пуго, но он вместе со своей женой предпочёл аресту самоубийство (тем самым они почти один к одному повторили путь супругов Щёлоковых). Газета «Совершенно секретно» в апреле 1992 года по факту этого самоубийства писала: «У Бурбулиса Виктор Иваненко (пред. КГБ России) застал звонок Генерального прокурора России Валентина Степанкова:

- Всё поменялось, вы едете брать Пуго, а мы с Баранниковым - за Янаевым. Сами понимаете - как-то неприлично нам арестовывать бывшего шефа. Подробности знает Ерин.

Кроме заместителя Баранникова Ерина к аресту был привлечён в качестве наблюдателя от российского парламента Григорий Явлинский. Все собрались в МВД России и стали ждать сигнала - была информация, что министр внутренних дел СССР вызвал домой машину. Ждали до десяти часов вечера, пока не выяснили, что он уже звонил в министерство. Заместитель стал привычной скороговоркой докладывать обстановку, но Пуго интересовали куда более прозаические вопросы - он распоряжался, что и кому теперь надо передать. Потом отменил заказ на машину и сказал: «Передайте товарищам, что мы хорошо вместе работали».

Опергруппа решила, что министр собрался дать тягу, тем более что

одного из гэкачепистов уже не могли найти ни в Кремле, ни в его любимом тульском совхозе. Часть оперативных работников отправилась на дачу, другие засели в кабинете министра, остальные пытались дозвониться до московской квартиры. Наверное, сейчас это кажется пародоксальным, но номер обычного городского телефона, установленного в квартире Пуго, заместитель председателя КГБ России Подесякин искал несколько часов. Наконец утром Иваненко дозвонился.

- Борис Карлович?

- Да.

- Вы будете находиться дома?

- Да, - ответил министр после некоторого молчания.

- Если вы не возражаете, мы сейчас приедем?

- Ладно. - Иваненко показалось, что в голосе Пуго было облегчение, почти радость.

Они звонили в дверь квартиры минут двадцать спустя. Кто-то прошаркал к двери, но замок не открывался. Уже обсуждался вопрос - не взломать ли дверную коробку, когда на лестничную площадку вышла Инна Пуго, дочь. Её приняли за соседку, и потому, не стесняя себя в выражениях, продолжали строчить предположения, сбежал Пуго или уже «того»? Охрана ответить на этот вопрос тогда не могла.

Прошло ещё полчаса, и дверь наконец открыл старик. «У вас несчастье?», - спросил Иваненко. «Да», - безразлично ответил он и отступил в сторону. Иваненко, Ерин и Явлинский прошли в спальню. Следом шла Инна Путо. Перед открытой дверью кто-то из прибывших небрежно бросил ей через плечо: «Только без истерик».

Борис Карлович лежал на кровати в тренировочном костюме, на губах и на подушке была кровь. Его жена сидела на полу с другой стороны кровати. Вот тотда-то Григорий Явлинский и заметил, что пистолет на тумбочке со стороны Бориса Карловича аккуратно положен. Почтя одновременно вызвали «скорую помощь» и врача из спецполиклиники. Однако тех нескольких минут, которые понадобились врачам, чтобы добраться до квартиры, оказалось достаточно, чтобы сердце Бориса Карловича перестало биться...

Из заключения судебно-медицинской экспертизы: «Около 9 часов ртра 22 августа 1991 года Пуго, находясь в спальной комнате своей квартиры, выстрелил из автоматического пистолета «Вальтер РРК» № 218090-К-ка-либра 7,65 в правую височную область жене, после чего он сразу же произвёл выстрел из того же пистолета себе в голову...»

Характер ранения самого Бориса Карловича - одиночное пулевое

сквозное проникающее ранение - позволил прожить ему ещё 10-20 минут. Валентина Ивановна Пуго скончалась, не приходя в сознание, в Центральной клинической больнице Москвы в час ночи 24 августа...

Именно отец Валентины Ивановны Иван Павлович вынул пистолет из рук зятя и положил его на тумбочку...

Версию о самоубийстве подтверждают и предсмертные записки, предоставленные работниками прокуратуры.

Вот что написал Борис Карлович: «Совершил совершенно неожиданную для себя ошибку, равнозначную преступлению.

Да, это ошибка, а не убеждение. Знаю теперь, что обманулся в людях, которым очень верил. Страшно, если этот всплеск неразумности отразится на судьбе честных, но оказавшихся в очень трудном положении людей.

Единственным оправданием происшедшему могло бы быть в том, что наши люди сплотились бы, чтобы ушла конфронтация. Только так и должно быть.

Милые Вадик, Элинка, Инна, мама, Володя, Гета, Рая, простите меня. Всё это ошибка! Жил я честно - всю жизнь».

Последнее обращение Валентины Ивановны более кратко:

«Дорогие мои! Жить больше не могу. Не судите нас. Позаботьтесь о деде. Мама».

Из обвинительного заключения от 26 февраля 1991 года:

«Пуго Б. К. 18-21 августа 1991 года принял активное участие в заговоре с целью захвата власти в стране, используя своё должностное положение министра внутренних дел и члена незаконно созданного участниками заговора и объявленного высшим органом власти комитета - ГКЧП, в указанные дни принимал решения, подписывал постановления, издавал указы, давал распоряжения и указания, направленные на обеспечение выполнения практических действий по захвату власти и устранению препятствий этому, чем совершил преступление, предусмотренное статьёй 7 Закона СССР «06 уголовной ответственности за государственные преступления» (см. ст. 64 УК РСФСР)».

И далее: «В связи с этим Прокуратура РСФСР постановляет прекратить дело в связи с самоубийством обвиняемого».

Не прошло и трёх дней после самоубийства Б. Пуго, как 25 августа прозвучало сообщение о том, что покончил с жизнью Маршал Советского Союза Сергей Ахромеев, а 26 августа - бывший управделами ЦК КПСС Николай Кручина (он выбросился из окна своей квартиры).

29 августа 1991 года Верховный Совет СССР утвердил новые назначения Президента СССР: В. Бакатина - председателем КГБ СССР, В. Баранникова - министром внутренних дел СССР, Е. Шапошникова - министром обороны СССР.

Случай в Щербинке

Дело Мадуева.

Если путч довольно легко решил судьбу министра внутренних дел Союза, то вот с начальником ГУВД Москвы дело обстояло значительно сложнее. Несмотря на тот компромисс, который был достигнут между Моссоветом и Мосгорисполкомом в декабре 1990 года, когда В. Комиссаров всё-таки был назначен новым начальником столичной милиции, летом 1991 года конфликт вновь вернулся к своей исходной точке. Комиссарову вновь не позволили занять его новое служебное кресло. В начале сентября депутаты Моссовета, активно поддерживавшие В. Комиссарова, объявили голодовку в знак протеста. Пока деятели от политики ломали копья в бесполезных спорах, сотрудники МУРа ежедневно рисковали своей жизнью. 3 сентября в подмосковном городе Щербинка Подольского района двое сотрудников МУРа погибли в схватке с вооружённым преступником. Этой схватке предшествовали следующие события.

Подольско-щербинская преступная группировка считается в криминальном мире столицы одной из самых влиятельных. Эту славу ей принесли такие авторитеты, как Раф, Скоч, Бахор, Ульян и братья Соболята. В самой Щербинке непререкаемым авторитетом пользовался неоднократно судимый Фидель. За его группировкой МУР наблюдал давно. 1 сентября в Щербинку отправился сам Андрей Гальперин, сотрудник МУРа, занимавшийся этой группировкой. Перед Фиделем и его людьми он вьщавал себя за другого, но в TOI день эта игра не принесла ему успеха.

Фидель заподозрил подвох и решил избавиться от нежелательного свидетеля. А. Гальперин был убит и зарыт недалеко от Симферопольского шоссе.

Тем временем жена Гальперина, два дня напрасно прождав мужа, позвонила в МУР. Но там никто не смог дать ей вразумительного ответа насчёт судьбы её мужа; так как Гальперин уехал в Щербинку на свой страх к риск. О дальнейших событиях мы узнаем со слов майора милиции, старшего оперуполномоченного МУРа Владимира Дельнова: «Звонок жены Гальперина был поздним вечером, а уже ранним утром 3 сентября на двух машинах мы выехали в Щербинку. Сразу же начали работать. Связались с местным отделом, создали совместную оперативно-поисковую группу, и пошло-поехало. Встречи с людьми, возможными свидетелями и т.д. и т.п. Кто видел, где видел, с кем видел? В этот же день задержали двоих -

некоего Фрола, ранее судимого, и чуть позже Ирину, сожительницу главаря по кличке Фидель. Он уже был известен нам по прежним делам. Допросы дали мало, а время поджимало. Три дня нет вестей от Гальперина. Но во время допроса Фрол и эта Ирина описали человека, который встречался с Фиделем. По описаниям - Гальперин. Значит, нужен теперь Фидель. Узнали дом, квартиру. Установили наблюдение. В ту минуту, когда туда пришёл Фидель, мы уже знали об этом. Взяли с собой Ирину, поехали. «Там?» - спрашиваем у наблюдателей. - «Там».

Постояли тихонько у двери. Музыка играет, вода, слышим, льётся. Ну, что делать? А если у него пистолет Гальперина? Позвонили всё-таки. Музыка стихла, вода, слышим, тоже не льётся. И молчок. Решили входить; расположение квартиры Ирина рассказала заранее. Выбили дверь, я, по плану, сразу в кухню. Остальные - в комнаты. Вбежал в кухню, слышу из комнаты голос, по-моему, Климовича: «Стоять спокойно! Не двигаться!» Я сразу в комнату. Вижу: сидит Фидель, руки поднял. Ну, думаю, сейчас дело техники. Наручники... И никто, чёрт возьми, не заметил, что в руках у него по гранате. Первая не взорвалась, и Климович успел выстрелить. Но в то время уже рванула вторая. Вот и всё. Самойлов умер в «скорой», Луканин жил ещё три дня... Один-единственный осколок. Но в морг. Всё!»

Самому В. Дельнову осколки попали в ногу, руки, плечи, в левый глаз. Фидель скончался в больнице. Через несколько дней товарищи устроили ему пышные похороны, о которых долго помнила вся Щербинка. На бетонном заборе возле железнодорожной платформы огромными буквами красной краской было выведено: «Фидель жив!» Эта надпись держалась несколько месяцев в двух местах и люди, спускавшиеся с платформы по лестнице вниз и проезжавшие мимо в электричках, читали её вплоть до зимы 1992 года, после чего надпись закрасили.

25 января 1992 года на Петровке, 38 состоялось вручение правительственных наград сотрудникам милиции. Среди награждённых были и четверо муровцев, 3 сентября 1991 года бравших Фиделя. Ордена Красного Знамени получили майор Владимир Дельнов, старший лейтенант Владимир Климович. Эти же ордена, выписанные на имя капитана Михаила Луканина и Михаила Самойлова, получили их вдовы.

Всего же за один только 1991 год будет убито 300 милиционеров (за два года - с 1988 - 1990 - 448 милиционеров), 566 сотрудников милиции будет ранено. 361 весь этот год милиция применит оружие в 1116 случаях и убьёт 100 бандитов. В 20 случаях Прокуратура признает стрельбу необоснованной.

Москва, как и вся страна, захлёбывалась от преступности, которая была равна ускорению гиперинфляции. Из МУРа уходили профессионалы, к тому же необратимо рушились старые межреспубликанские связи между работниками милиции, разваливались и без того слабые в материально-техническом отношении районные розыскные структуры, которые с подачи непрофессионалов и политических дилетантов

превратились в окружные.

На страницах газеты «Начало» начальник 2-го отдела МУРа, занимающийся убийствами, Вячеслав Звигуля горько резюмировал: «Самым пиковым по количеству убийств безусловно был прошлый, 1990 год. Но и нынешний ещё не закончился (интервью бралось в октябре), и на моей памяти он останется самым дерзким в массовым, убийства сейчас носят самый нелепый и невероятный характер, всё чаще имеют насильственно-корыстный характер. Увеличилось число двойных и тройных убийств. Я думаю, что самые пиковые годы ещё впереди... Раньше в Москве ежегодно происходил 100 убийств, а теперь более 400!»

Отметим, что в 1991 году Московский уголовный! розыск обрёл своего нового начальника. К руководству им пришёл Юрий Федосеев. Он начал службу в МВД в 1964 году. В 1967 году пришёл на Петровку, 38 на должность младшего лейтенанта. Оклад - «чистыми» на руки 81 рубль 70 копеек. В 1971 году Ю. Федосеева пригласили в МУР на должность оперуполномоченного в отдел по борьбе с квартирными кражами. Тогда этот отряд возглавлял настоящий профессионал своего дела Анатолий Васильевич Сельвестров.

Затем Ю. Федосеев работал в отделе по борьбе с мошенничеством. В 1974 году он перешёл в МВД СССР новую тогда службу профилактики правонарушений. В начале 80-х судьба забросила Ю. Федосеева в Афганистан в качестве советника. Затем он три года возглавлял уголовный розыск на Камчатке, после чего учился в Академии МВД. В 1989 году вернулся на Петровку, 38 заместителем начальника МУРа.

В то время как Михаил Горбачёв своим Указом назначил Виктора Баранникова министром внутренних дел СССР, Борис Ельцин в сентябре 1991 года назначил министром внутренних дел России Андрея Дунаева. Кстати, А. Дунаев являлся близким другом В. Комиссарова, они вместе учились, бок о бок работали в системе МВД в южных регионах России. В те годы В. Комиссаров был начальником А. Дунаева, теперь положение изменилось. Получив высокую должность, А. Дунаев предложил В. Комиссарову пост своего первого заместителя. И тот не отказался. А новым начальником ГУВД Москвы в сентябре 1991 года стал 33-летний Аркадий Мурашов. В 1980 году он окончил МВТУ имени Баумана и до 1989 года работал научным сотрудником Института высоких температур АН СССР. В 1989 году он был избран народным депутатом СССР и до 1991 года работал в Комитете по науке Верховного Совета СССР. Таким образом А. Мурашов никогда в своей жизни никакого отношения к правоохранительной системе не имел, однако стал весьма высоким милицейским начальником. Всё это было результатом той ситуации, что сложилась в стране после августовского путча, когда Центр окончательно проиграл битву с демократами. Вот и в УКГБ по Москве и области на должность начальника был назначен бывший научный работник Евгений Савостьянов.

В то время как деятели высокой политики делили должности и награды за победу над путчистами, отечественные мафиози жили своей, не менее насыщенной и опасной жизнью. Причём судьба отдельных их представителей тогда же была вынесена чуть ли не в анналы советской криминалистики. Взять, к примеру, историю, приключившуюся с неоднократно судимым 35-летним Сергеем Мадуевым по кличке Червонец (он же Сергей Ли, он же Андрей Ильин, он же Али Филани, он же Владимир Шпок и т.д.).

Сын чеченца и кореянки, С. Мадуев шести лет от роду вынужден быд приторговывать наркотиками. И всё по наущению матери, вдобавок требовавшей от сына не воровать поблизости от дома. Так, уже в малолетстве С. Мадуев достаточно близко соприкоснулся с криминальным миром. Этот мир сформировал и его характер - дерзкий, бесстрашный и непреклонный. Обладал С. Мадуев и настоящим мужским обаянием, что так легко очаровывает не только респектабельных женщин, но и начальников разного ранга. 17 лет просидевший по тюрьмам за разбои и грабёж, Мадуев, хотя и не был посвящён в сан «вора в законе», но авторитетом в уголовной среде пользовался немалым. Правда, дерзость Мадуева кое-где выходила ему боком; в Ташкенте, например, где он обчистил воровской «общак» на 200 тысяч, и в Тбилиси, где ограбил одного из местных мафиози, на его жизни поставили крест.

6 декабря 1988 года С. Мадуев совершил дерзкий побег из зоны и на воле сколотил преступную группировку, отличавшуюся весьма пуританскими нравами. Двоих членов её Мадуев, например, уволил за пристрастие к спиртному и наркотикам. Если читатель помнит из предыдущего повествования, в начале 50-х годов в Москве действовала дерзкая банда Митина, в которой царили точно такие же нравы. Благодаря такой дисциплине банда целых три года орудовала в Москве, не попадаясь на крючок сыщикам из МУРа и КГБ. Вот и банда С. Мадуева в течение одного только 1989 года совершила свыше 60 преступлений.

8 января 1990 года С. Мадуева всё-таки взяли на Ташкентском вокзале в поезде Ташкент - Москва. Однако «лёгкого» задержания не получилось. Как только один из оперативников, арестовавший Мадуева, приковал его к себе наручниками, Мадуев внезапно достал из кармана гранату и, зубами вырвав чеку, громко произнёс:

- Я буду разговаривать только с министром внутренних дел и прокурором республики!

Заявление было сделано, оставалось только ждать прибытия на вокзал высокопоставленной комиссии. Через некоторое время она действительно прибыла к месту происшествия. В неё входили первые заместители прокурора и министра внутренних дел Узбекистана. Но переговоры ничего не дали. Тогда решено было прибегнуть к помощи спецназа. Двое специалистов высокого класса - В. Ланских и М. Шаркаев - провели ювелирную операцию по обезоруживанию преступника. Шаркаев

внезапно, навскидку выстрелил Мадуеву в руку. И в ту же секунду Ланских метнулся к выпавшей гранате, на лету подхватил её и выбросил за дверь.

Через несколько дней после этого Мадуева доставили в Москву, в знаменитую Бутырку. По его уголовному делу работала следственно-оперативная группа из 30 опытных профессионалов. Ход работы контролировал лично Генеральный прокурор СССР.

Когда началась раскрутка питерских похождений Мадуева, его перевезли на невские берега в не менее знаменитые, чем Бутырка, «Кресты», или, как их официально именуют, в Следственный изолятор № 1 Санкт-Петербургского ГУВД. Здесь к следственной бригаде прибавились местные следователи городской прокуратуры, среди которых была и Надежда Снегирёва (имя вымышленное). Одинокая разведённая женщина, престарелые родители которой жили на Украине, а сама она вот уже несколько лет жила в одной из питерских коммуналок. Она и ведать не ведала, какой поворот в её судьбе произойдёт после встречи с заключённым С. Мадуевым.

Между тем Мадуев, даже находясь в тюрьме, выглядел прекрасно - роскошная белая пиджачная пара, столь же белоснежный спортивный костюм, дорогие свитера. Да и за душой у него кое-что было, если даже руководитель следственной группы Леонид Прошкин в Москве отозвался так: «Яркая личность, с ним не противно общаться, как со многими уголовниками. Не мразь».

Да, дорогой читатель, как порой живучи в нас предрассудки относительно того, что преступники - это сплошь опустившиеся, деградировавшие от своей профессиональной деятельности люди. Бесспорно, есть среди них и такие, впрочем, так же, как и среди законопослушных граждан встречаются всякие.

Между тем, если читатель помнит из моего предыдущего повествования, уголовный мир России во все времена имел в своих рядах ярких личностей, несмотря ни на что, так и не утративших своего человеческого облика. Взять, к примеру, того же вора-домушника Б. Венгровера или фальшивомонетчика В. Баранова. Однако наше родное рабоче-крестьянское государство, кстати, само преступное во многих своих проявлениях, приучило нас, послушных своих граждан, относиться к людям, отбывающим или уже отбывшим наказание в исправительных учреждениях, с недоверием, видеть в них не людей, а вечных «зеков», которым и прощения теперь никогда не заработать, а значит, никуда и не смыться от своего прошлого. Нам бы чуточку милосердия проявить к оступившимся, руку им протянуть, плечо подставить, глядишь, сегодня и не страшно было бы на улицу выйти. Как говорится, «за что боролись, на то и напоролись»…

Однако, уйдя несколько в сторону от нашего повествования, мы

забыли про наших героев. А они между тем в те мартовские дни 91-го года, кажется, совсем потеряли голову. Во всяком случае следователь городской прокуратуры Надежда Снегирева точно. Иначе чем объяснить то, что она брала к себе в домашнюю стирку брюки заключённого Мадуева и даже, более того, пыталась избавить подследственного от лишних, на её взгляд, эпизодов престранной деятельности. Но вечно так продолжаться не могло. Дерзкая и свободолюбивая натура Мадуева требовала действий. Он решил совершить побег из «Крестов» с помощью любимой женщины. Для осуществления этого побега ему понадобился пистолет, доступ к которому имела Снегирева. Воистину, жизнь порой выписывает такие сюжеты, что не снились и опытному романисту.

Снегирева в первые дни после просьбы Мадуева раздобыть для него пистолет как могла отговаривала его от этой затеи, обещала ждать его из тюрьмы все годы, бросить работу и ехать за ним куда угодно. Но Мадуев был непреклонен, обещая лишь одно - пистолет ему нужен только для «понта», чтобы припугнуть охрану. И Снегирева в конце концов «сломалась». Она незаметно пронесла к Мадуеву пистолет, изъятый у него при аресте в Ташкенте и хранившийся в опечатанном сейфе городской прокуратуры.

3 мая 1991 года С. Мадуев совершил попытку побега в строгом отделении изолятора. Он вытащил наружу пистолет и довольно легко разогнал усиленный наряд охраны: пятерых офицеров с собакой и восьмерых солдат. Однако дальше произошло неожиданное. Майор конвоя М. Егоров попытался выбить у Мадуева пистолет, но тот оказался проворнее, увернулся и всадил майору пулю в живот. После этого Мадуев взял в заложники дежурного помощника А. Афанасьева и заставил охрану отпереть двери во двор. Однако в самый последний момент тюремный двор был перекрыт. Мадуев попытался выстрелить из пистолета ещё раз, но тот дал осечку. Затем ещё одну. Поняв, что проиграл, Мадуев отбросил пистолет в сторону. И туг же был сбит с ног озверевшим конвоем. Тело раненого майора М. Егорова с вывалившимися наружу кишками было убедительным поводом для охранников, чтобы не оставить на Мадуеве живого места. Ему успели сломать два ребра и повредить лёгкое, прежде чем командиры отдали приказ прекратить избиение.

После этого неудавшегося побега машина следствия закрутилась с новой силой. Теперь предстояло выяснить, кто же передал Мадуеву пистолет. Сам он ни в чём не сознавался. Под подозрение попали все следователи следственной прокуратуры. Подозревали и Снегирёву, но доказать её вину тогда так и не смогли. Её уволили из прокуратуры за неформальные отношения с подследственным. Она устроилась в порту на должность юриста. Там она работала до середины августа 1991 года.

14 августа С. Мадуев заявил старшему следователю по особо важным делам УКГБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Г. Карабанову: «В своей жизни я никогда не встречал женщин, которые ради меня могли бы пожертвовать своим долгом, положением, одним словом - всем.

Поэтому я, похоже, стал испытывать к Снегирёвой возвышенное чувство. Я люблю эту женщину!»

В принципе это заявление Мадуева, где он в открытую назвал человека, передавшего ему пистолет, уже не было новостью для следственной группы. К тому времени следователи А. Георгиев и В. Фёдоров успели собрать неопровержимые улики, изобличающие Н. Снегиреву. 16 августа её арестовали на её рабочем месте в порту. При обыске у неё нашли около трёх десятков фотографий Мадуева, похищенных ею из материалов дела. Некоторые из этих снимков она постоянно носила с собой. В январе 1994 года на экраны страны вышел фильм Сергея Соловьёва под названием «Тюремный роман». Основой для его сюжета послужила история С. Мадуева и Н. Снегиревой. В главных ролях снялись популярные киноактёры Александр Абдулов и Марина Неёлова.

Тюремные бунты

Тем временем той осенью 1991 года по исправительно-трудовым управлениям и следственным изоляторам России прошла волна массовых беспорядков. Заключённые и подследственные объявляли голодовки, отказывались выходить на работу. Были случаи захвата заложников из числа администрации. География бунтов была обширная - Москва, Владивосток, Грозный, Красноярск, Мордовия, Башкортостан, Удмуртия, Владимирская. Тамбовская, Челябинская, Читинская, Архангельская, Тульская области.

6 октября в Красноярской ИТК-6 строгого режима возник стихийный бунт более чем двухтысячного контингента. К бунту привёл беспредел, царивший в колонии, когда заключённые вооружались друг против друга. Вооружаться же их заставили анархия в зоне, террор всех против всех. Мыслимо ли, около 400 осуждённых не питались в столовой, боясь зайти в неё. Там хозяйничали так называемые «авторитеты» с обслугой. В больницу везли и везли покалеченных в бесконечных «разборках». В ноябре, во время бунта, в зоне настало безвластие - ситуацию уже не контролировала не только лагерная администрация, но и группа осуждённых, придерживающихся воровских традиций, что прежде правила колонией.

Между тем ещё в сентябре в Хабаровске прошла сходка воровских авторитетов, постановившая начать забастовку с целью изменения исправительной системы с 19 октября. Но бунт в Красноярске явно не вписывался в схему прошедшей сходки, хотя в целом «играл» в её пользу.

Во время красноярского бунта обошлось без крови. ОМОН не применил оружия, и 40 дней противостояния закончились миром. Зато во время беспорядков в следственном изоляторе Грозного в том же октябре без крови не обошлось. Около 600 человек, содержащихся в изоляторе,

взломали двери камер и вышли на территорию СИЗО. Они сожгли библиотеку, медсанчасть, склад и попытались вырваться на свободу. Охрана применила оружие на поражение, в результате чего двое человек были убиты, многие ранены, однако около 30 человек сумели бежать.

12 октября 1991 года 660 заключённых колонии строгого режима посёлка Кулеватово Тамбовской области объявили голодовку, потребовав встречи с членом Верховного Совета РСФСР Л. Кудиновой. После её переговоров с представителями осуждённых администрация была вынуждена удовлетворить 15 из 17 требований (невыполненными остались требования политического характера - пересмотреть действующее законодательство и провести широкую амнистию). В колонию вскоре прибыла комиссия Верховного Совета России.

После всех этих массовых выступлений власть уже не могла оставаться безучастной к судьбе заключённых. Тем более через два месяца после подавления коммунистического путча. И вот в конце октября 1991 года новый министр внутренних дел России Андрей Дунаев по согласованию с Генеральным прокурором РСФСР Валентином Степанковым без участия Верховного Совета утвердил новые правила внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений на территории республики. Отныне заключённые имеют право не стричься наголо, носить наручные часы, читать религиозную литературу, обращаться к представителям администрации по имени-отчеству, а не «гражданин начальник», как это было раньше. Были отменены запреты на все виды продуктов, пересылаемых в посылках (кроме спиртного и скоропортящихся продуктов), существенно расширился перечень предметов первой необходимости, которые разрешено иметь «спецконтингенту». Расконвоированным осуждённым предоставлено право жить за пределами зоны. Однако, по мнению самих же работников МВД, и этих решений всё равно было мало, чтобы в максимально короткий срок ослабить напряжение в исправительных учреждениях.

Для рядового советского гражданина проблемы «зековского» бытия всё же оставались далёкими и малопонятными. Как говорится, своих проблем хватает. Однако средства массовой информации СССР не упускали возможности как можно полнее осветить жизнь в исправительных учреждениях. Самая массовая газета страны «Труд» в номере от 27 ноября 1991 года поместила статью Артёма Кречетникова под выразительным названием «Паханы», «Бугры» и другие». В ней, в частности, писалось: «Лишь на первый и неискушённый взгляд одинаково одетые осуждённые кажутся одноликой массой. На самом деле это целый мир со своими иерархией, традициями, борьбой интересов и честолюбий... «Сливки» преступного мира - воры в законе. Их ничтожно мало, по данным МВД, - около 550 человек на всю страну, но их влияние несоизмеримо с количеством. Власть и авторитет вора в законе непререкаемы, за неподчинение его воле «рядовой» осуждённый, скорее всего, поплатится головой. В сложных ситуациях осуждённые проявляют чудеса

изобретательности, чтобы узнать мнение вора в законе, содержащегося в другой колонии, где-нибудь за сотни километров... Понятно, роль вора в законе требует железной воли и больших организаторских способностей, сопряжена с постоянными хлопотами и ответственностью. Ещё недавно вор в законе под угрозой лишения титула и вечного позора обязан был неукоснительно соблюдать традиции, берущие начало в прошлом веке: не работать ни на воле, ни в зоне, не жениться, не служить в армии, не участвовать в какой бы то ни было общественной работе и художественной самодеятельности... Теперь воровские законы во многом потеряли силу. Воры новой формации, особенно уроженцы южных республик, ведут себя как хотят, покупают особняки и «мерседесы», идут на службу к миллионерам-теневикам, женятся...

Ниже стоят обычные блатные, которых в колониях называют «отрицаловкой» или «шерстью». Их около 15 процентов от общего количества осуждённых. Жизненное кредо «отрицаловки» - противодействовать всем требованиям администрации и, наоборот, делать всё, что запрещает начальство: пользоваться чужим трудом, разрабатывать и употреблять водку и наркотики, играть в карты, наносить татуировки, изготавливать недозволенные предметы - от безобидных брелоков до ножей и самогонных аппаратов.

В каждой колонии «отрицаловку» возглавляет «пахан зоны». Сам он, разумеется, никого не избивает и не режет, для того при нём состоят подручные - «торпеды»...

Параллельно с «отрицаловкой» существует другая элита, другая власть - активисты, поддерживаемые администрацией. Называют их «буграми» или «рогами». Это председатели советов коллективов колоний и отрядов, бригадиры, завхозы, члены секций профилактических правонарушений, производственной, культурно-массовой и других...

Сложные отношения царят в треугольнике «администрация - «отрицаловка» - актив». Начальство десятилетиями стремилось искоренить воров, их влияние и традиции, но никогда не преуспевало в этом до конца. Нередко между ними устанавливается негласная договорённость: администрация оставляет воров в покое взамен на поддержание внешнего порядка в зоне и выполнение плана. Отношения «отрицаловки» и актива весьма напоминают «холодную» войну, порой перерастающую в «горячую». Почти все беспорядки в колониях происходят на почве дележа власти между этими влиятельными группировками...

А в основании колонийской пирамиды - основная масса осуждённых, «мужики», «работяги». Это те, кто искренне встал на путь исправления, кому совесть не позволяет участвовать в бесконечной жестокой борьбе за власть и лишний кусок, кто из-за слабости физической либо слабости характера не нашёл себе места ни в «отрицаловке», ни в активе... Администрация и актив требуют выполнять норму выработки, иначе -

ШИЗО, лишение ларька, свидания с близкими... Фактически же её надо ежедневно перевыполнять, чтобы отдавать часть изготовленной продукции вору, который не работает. Начальство закрывает на это глаза, начни прижимать блатных - они вовсе запретят «мужикам» трудиться под страхом расправы. Есть, однако, люди, которым приходится гораздо хуже, чем «работягам». Это «петухи», «обиженные», «опущенные» - те, из кого товарищи по заключению сделали пассивных гомосексуалистов... Кличка «петух» - на всю жизнь. Если он освободился, а через много лет вновь попал в места лишения свободы и скрыл своё прошлое, то разоблачение грозит ему смертью... В столовой эти несчастные сидят отдельно и едят из специальных мисок, в краях которых пробиты дырки - чтоб не дай Бог, не спутать! В общежитии они спят в особом углу.

Численность этих отверженных в ИТУ составляет около 35 тысяч человек...

Кроме основных «мастей», есть ещё «шестёрки» - холуи при ворах или буграх, «придурки» - осуждённые, устроившиеся на «непыльные» работы дневальными, хлеборезами, библиотекарями, «черти» - те, кто пользуется устойчивой репутацией шуга горохового...»

В октябре 1991 года в газете «Правда» была опубликована статья молодого депутата СССР Юрия Голика, человека, который в своё время в прогнозах многих политических аналитиков претендовал на место Генерального прокурора СССР. Эта статья называлась «Рост преступности будет обвальным». В ней Ю. Голик заверял: «Анализ тенденций развития преступности за последние два-три года вкупе с социально-политическими брожениями наших дней позволяет сделать вывод, что мы стоим на пороге качественных изменений нашей доморощенной преступности, иными словами, будет не просто её рост (что характерно и, увы, привычно для человечества), будет даже не скачкообразный рост, какой мы испытали в 1988-1989 годах, а будет обвальный рост.

Думается, следует дать некоторые пояснения, что означает «обвальный рост преступности». А означает он следующее. Во-первых, рост будет не «процентный» (к уровню прошлого периода), а кратный, причём «много».

Во-вторых, рост этот будет очень сжат по времени и свалится почти как снег на голову, да ещё в «северном исполнении» - «зарядами».

В-третьих, этот вал будет настолько мощным, что наша хиреющая на глазах правоохранительная система не то что контролировать его не сможет - не будет успевать даже реагировать на совершаемые преступления.

Чувствовать этот вал начнём, надо полагать, уже по весне, а пик может наступить в конце 1992 - начале 1993 года. И происходить всё это будет в условиях полного паралича всей нашей сложной и запутанной

системы правоохранительных органов.

Судите сами, КГБ, которым так долго «демократы» пугали своих сограждан, в старом качестве уже просто) не существует. В новом он просто не готов (а на мой взгляд, и не должен) заниматься борьбой с общеуголовной преступностью. Прокуратура оказалась в подвешенном состоянии и вот-вот может стать разменной монетой в политических игрищах. Суд? Независимый и подчинённый только закону? Зная немного историю, смею уверить, что никогда ещё не было на судей такого жёсткого и неприкрытого преступного давления, как сейчас. Десятки (завтра будут сотни!) людей уже боятся идти в зал судебного заседания под угрозой физической расправы над ними или над их близкими. Что-то похожее, но только чуть-чуть похожее было в Италии в 50-60-е годы.

Остаётся МВД. Однако прогресс демократизации, департизации, деидеологизации, а ровно деассигнации, деквартиризации, депрофессионализации и прочих де...заций привёл к тому, что люди из милиции уходят. В особенно плачевном состоянии оказался следственный аппарат...»

Отметим, что констатация последнего факта была сделана Ю. Голиком в середине октября 1991 года. А уже через месяц, 20 ноября, всё та же газета «Правда» выступила со статьёй под названием «Ликуйте, бандиты, убийцы и воры», в которой отмечалось: «В понедельник, 18 ноября в Санкт-Петербурге началось увольнение следователей городской и районных прокуратур, большинство из которых одновременно подали заявления об отставке.

Всякие забастовки за последние годы видел Питер. Но чтобы дружно прекращали работу сотрудники правоохранительных органов! Подобное наблюдалось в последний раз в 1917 году, во время Февральской революции. Но демократы тогда быстро ликвидировали городовых, решивших бастовать, чем вызвали шквал преступности и очень приблизили октябрьский переворот.

- Сейчас у нас складывается впечатление, что Российская власть, Верховный Совет, его комиссии, прокуратура республики умышленно истребляют институт следственных работников, - считает начальник следственной части прокуратуры города О. Блинов. - Мы ждали реформ, создания следственного комитета как самостоятельной структуры, ждали хоть какого-нибудь улучшения условий труда, жизни, оказалось, всем на неё наплевать.

Следователи прокуратуры находятся в самом унизительном положении по сравнению не только со своими коллегами из МВД, КГБ, но даже с рядовыми сотрудниками милиции. Ни дополнительных отпусков, ни положенных льгот, ни приличной зарплаты. За годы перестройки в прокуратуре число следственных работников сократилось почти втрое. А количество уголовных дел к концу нынешнего года по сравнению с 1987-м

должно, по прогнозам, вырасти в два раза. В 1986 году не было раскрыто 14 убийств, на сентябрь нынешнего года - уже 86. Сколько преступников гуляет на свободе!»

В то время как правоохранительные органы страны теряли свои лучшие кадры, преступники продолжали совершенствовать своё мастерство и открывали для себя новые неизведанные горизонты. В том же октябре 1991 года известный нам начальник Главного управления по борьбе с оргпреступностью Александр Гуров, выступая на заседании Совета республики Верховного Совета РСФСР, заявил, что в России создаются фиктивные банки с целью их последующего закрытия, путём ложного банкротства, перевода огромных сумм из безналичных в наличные по сговору с банковскими работниками (только в Москве, по словам Гурова, ежедневно в среднем коммерческими банками «обналичивается» до 40 миллионов рублей).

Упомянул А. Гуров и мошеннические финансовые операции путём подделки банковских платёжных документов (сотрудниками гуровского управления зафиксированы были факты выдачи фиктивных платёжных средств на общую сумму более 8 миллиардов рублей), незаконные переводы капиталов за границу, осуществляемые как под видом платежа по фиктивным хозяйственным договорам, так и перечислением по фиктивным справкам в зарубежные банки переводных рублей гражданами, выезжающими за границу на постоянное место жительства.

В том же октябре 1991-го японская газета «Нихон кэйдой» писала: «Стало известно, что капиталы Советского Союза, ломающего сейчас голову над проблемой выплаты внешних долгов, с лета этого года уплывают в западные частные банки в виде незаконных вкладов.

На счетах этих банков оседает ныне большая часть поступлений советских предприятий от экспорта. По оценкам финансовых кругов, общая сумма таких вкладов составляет несколько миллиардов долларов, что соответствует примерно десятой часта той суммы, которую страна должна сегодня выплачивать кредиторам. Существование этих незаконных вкладов признает и Внешэкономбанк СССР. Размещены они в США, Западной Европе, а также в некоторых японских банках. С лета 1991 года действующие в различных советских республиках предприятия начали создавать свои отдельные счета в западных банках. Этот процесс усилился после путча. Сумма вкладов 1-1,5 млрд. долларов. Основная часть их находится в американских и европейских банках и размещена на низкопроцентных текущих счетах. Это выгодно самим банкам. Поэтому во многих из них принимают такие вклады, не выясняя, кто их вносит - советское предприятие или нет».

Ещё одно разительное отличие нашей мафии от той же американской в том, что если в США вначале появились банки, а потом мафия, то у нас наоборот. Деятельность наших банковских систем началась именно с криминальных форм и уже в том же 1991 году наши правоохранительные

органы забили тревогу по этому поводу. На одном из заседаний Верховного Совета Российской Федерации было зачитано послание работников МВД президенту Б. Ельцину. В нём, в частности, говорилось: «Ряд коммерческих банков, других предприятий, специализирующихся на переводе необеспеченных ресурсов безналичных денег в наличные, которые затем выбрасываются в коммерческий оборот, создают дестабилизирующую обстановку на финансовом рынке. Основными источниками этих безналичных денег, как правило, служат межбанковские и банковские кредиты, огромные переводы - до миллиарда рублей, - поступающие в Россию из отдельных республик Прибалтики, Закавказья в счёт обеспечения фиктивных договоров между коммерческими структурами».

Убийство И. Талькова

В октябре 1991-го сотрудники МУРа и КГБ раскрыли самое крупное мошенничество года. Произошло это 11 октября, когда в результате успешно проведённой операции была захвачена организованная преступная группа из девяти человек, занимавшаяся валютными махинациями в особо крупных размерах. Своими жертвами группировка избирала людей, вернувшихся из-за границы и имеющих валюту на расчётных счетах во Внешэкономбанке СССР. Около здания Внешэкономбанка, прикидываясь работниками посреднического кооператива, аферисты предлагали свои услуги в приобретении автомобилей-иномарок за валюту. Жулики снисходительно допускали и «бартер» - обмен всевозможного ценного товара на авто. Получив деньги или товар от клиента, «продавец» тут же исчезал. Одураченных таким образом клиентов к моменту ареста группы аферистов насчитывалось уже более двух десятков. У преступников было изъято 70 тысяч долларов США, 230 тысяч долларов в чеках Федерального банка США, 1 миллион 700 тысяч рублей, значительное количество теле- и видеоаппаратуры, меха, старинное холодное оружие. Описано имущества на 2 миллиона рублей, без учёта впечатляющих «коллекций» ювелирных изделий и антиквариата, стоимость которых тогда была внушительной.

В октябре же, только несколькими днями ранее - 6 октября - произошло и самое громкое убийство года: в Санкт-Петербургском Дворце спорта «Юбилейный» был убит из револьвера системы «наган» популярный певец Игорь Тальков. События в тот день разворачивались следующим образом.

В концерте, который проходил в «Юбилейном», выступали многие популярные артисты, среди которых были Олег Газманов, Азиза Мухамедова, Игорь Тальков. И, как известно, во время таких сборных концертов всегда возникает соблазн выяснить, кто же «равнее прочих», что традиционно связано с порядком выступления артистов. И чем популярнее певец или композитор, тем позже он появляется перед публикой, «раскрученной» предыдущими выступлениями менее именитых

артистов.

По версии, которой особенно охотно придерживалась в те дни российская пресса, именно очерёдность выступлений стала причиной конфликта между Игорем Тальковым и приятелем певицы Дзизы Игорем Малаховым. Этот 29-летний молодой человек часто вращался в среде шоу-бизнеса, занимался кикбоксингом и даже был одним из руководителей театра «Андре». С Азизой судьба свела Малахова летом 91-го во время круиза по Средиземноморью. По словам самой Азизы, «Малахов не был обижен богом, ему даны и ум, и сила, и интеллигентность, и талант. Он был очень артистичен, музыкален, играл на рояле, ударных инструментах, саксофоне, тонко чувствовал и понимал настоящую музыку».

В начале пятого вечера, когда Малахов и Азиза перед выступлением сидели в артистическом баре Дворца спорта, у них зашёл разговор о том, кто и в какое время сегодня будет выступать. Затем Малахова позвали к Талькову. В гримёрной последнего и начался первый акт этой драмы. Двое мужчин повздорили и между ними завязалась драка. Они выскочили в коридор. В руках у Талькова появился газовый пистолет. В это время в коридоре находились шестеро молодых людей из окружения певца. Все они набросились на Малахова. Чувствуя, что одному ему с ними не совладать, Малахов извлёк на свет револьвер и для острастки выстрелил из него пару раз в пол. После этого в револьвере осталось ещё два боевых патрона. Но стрелять Малахову больше не позволили, ему стали скручивать руки, бить по голове. Прикрывая голову, Малахов выпустил револьвер из рук. Прошло ещё несколько секунд, и револьвер вновь «заговорил»: кто-то из дерущихся нажал на курок и пуля пробила грудь... Игоря Талькова. В это время Малахов вырвался из рук бьющих его людей и бросился бежать.

Между тем истекающего кровью певца занесли в гримёрную. Вызвали «скорую помощь». Револьвер же, из которого стреляли в певца, оказался сначала в сливном бачке туалета, а затем его вытащила оттуда Азиза. Она и передала его своему администратору Эле Касимати, которая выбежала с ним на улицу и отдала его хозяину, Малахову, который возле «Юбилейного» ловил такси. Поймав машину, Малахов уехал с места происшествия вместе с орудием преступления. Более того, по дороге он разобрал его и выбросил в разные места в воды Мойки и Фонтанки.

Между тем ранение Игоря Талькова было смертельным и никакие силы уже не могли его спасти. Главный врач городской станции «Скорой медицинской помощи» Алексей Ушаков так и сказал: «С таким диагнозом - огнестрельное пулевое проникающее ранение грудной клетки с повреждением сердца, лёгкого, средостечения при запредельной кровопотере - не живут».

По факту этого убийства городская прокуратура возбудила уголовное дело № 381959. 10 октября скрывающийся от правосудия Игорь Малахов был объявлен во всесоюзный розыск. Однако, как только это сообщение

было обнародовано, Игорь Малахов добровольно явился в прокуратуру с повинной и начал давать показания - практически единственный из всех участников событий.

Оказывается, милиция записала в очевидцы более 70 человек. Не менее пяти непосредственно участвовали в конфликте и потом чрезвычайно охотно и подробно рассказывали журналистам о своём «героизме». Но помочь следствию и добровольно явиться в прокуратуру, чтобы дать показания, не пожелал ни один. Тем временем средства массовой информации усиленно сваливали всю вину на Игоря Малахова. Когда же Малахова освободили из-под стражи и взяли с него подписку о невыезде, газеты дружно осудили это решение прокуратуры. В ноябре о начале собственного, независимого расследования заявил лидер национально-патриотического фронта «Память» Дмитрий Васильев. Уже через неделю собственного расследования он заявил о невиновности Малахова. Его вывод был: «Тальков погиб за слишком русские песни».

В конце декабря 1991 года с Малахова сняли обвинение в преднамеренном убийстве, но убийство по неосторожности по-прежнему не исключалось. Ему вменяли и незаконное хранение и ношение оружия. И лишь в апреле 1992 года прокуратура России признала, что установлен истинный убийца и он отнюдь не Игорь Малахов. К такому выводу следствие пришло после проведения медицинской, баллистической и ситуационной экспертиз. Было определено направление раневого канала в теле погибшего, а комплексный анализ показаний свидетелей позволил расставить участников драки по их местам в момент выстрела. По всему выходило, что из малаховского нагана стрелял администратор Талькова Валерий Шляфман.

Однако к тому моменту как прокуратура Санкт-Петербурга 6 мая 1992 года вынесла постановление о привлечении Шляфмана в качестве обвиняемого по статье 186 УК России (неосторожное убийство), того уже не было в России. В феврале он выехал в Израиль, причём сделал это не через московский или петербургский ОВИР, а через Житомир.

В сентябре 1992 года в Израиль выехал сотрудник петербургской прокуратуры для допросов Шляфмана. Но миссия его успехом не увенчалась - между Россией и Израилем отсутствовал договор о правовой помощи.

Вокруг чеченских событий

Между тем 1991 год стал одним из самых тяжёлых ддя чеченских мафиози. Мы уже упоминали о том, что в начале года московская милиция нанесла ощутимые удары по нескольким чеченским лидерам, троих из них отправив за решётку. Чеченцы несли потери, но сдаваться на милость победителям не думали. Однако политическая обстановка в их родной республике отнюдь не играла им на руку. Ещё в июне 1991 года Второй

общенациональный съезд чеченского народа принял заявление о том, что Республика Нохчи-Чо официально не входит в состав РСФСР и СССР, и объявил единственным законным органом власти в республике Исполнительный комитет чеченского общенационального съезда. Однако эти решения принимались до августовского путча в Москве и российские властные структуры не стали заострять на них внимание. Однако и после того как команда Ельцина победила путчистов, ситуация в Чеченской республике не менялась в лучшую сторону. Народ Чечни вместе со своим новым лидером Джохаром Дудаевым уверенно шёл к провозглашению собственной независимости. 15 сентября был распущен Верховный Совет республики и образован Временный Высший Совет. Однако уже 8 октября ВВС был низложен и единственной властью в республике был объявлен ОКУН (Общенациональный Конгресс Чеченского Народа). На 27 октября были назначены выборы первого Президента Чеченской республики и парламента. Ни для кого уже не было секретом, что этим президентом наверняка станет генерал-майор авиации 42-летний Джохар Дудаев.

Команду Б. Ельцина такой расклад явно не устраивал. Поэтому российский парламент объявил вне закона выборы, намеченные на 27 октября. Послушная пресса стала изо дня в день методично впечатывать в сознание россиян страшный образ генерала Дудаева (некий гибрид из Пиночета и Хомейни).

Параллельно событиям в Чечне накалялась обстановка и в Москве. 23 октября двое неизвестных напали на такси, возвращавшееся из аэропорта Домодедово. За рулём сидел водитель 18-го таксомоторного парка Матвеев. Убив его (труп потом обнаружили на 21 километре Каширского шоссе), преступники попытались оторваться от милицейского преследования, но врезались в столб и погибли. В машине были обнаружены документы на имя С.А. Макарадзе из Аджарии. Как выяснилось потом, этого человека убийцы ограбили накануне. Личности же самих преступников, как и их этническое происхождение, до сих пор не установлены. Но тогда кто-то весьма ушло воспользовался ситуацией и объявил, что убийцы таксиста - азербайджанцы.

25 октября, в день похорон убитого, несколько десятков машин перекрыли Новоарбатский проспект в районе здания мэрии и предъявили требования: обеспечить безопасность работы таксистов в вечернее время, усилить охрану общественного порядка в аэропортах, на вокзалах. И на основании всё того же слуха, что убийцы - азербайджанцы, таксисты призвали удалить всех лиц «кавказской» национальности из Москвы. К собравшимся вышел Григорий Явлинский.

Через несколько часов после похорон таксисты перекрыли Тверскую. Министр внутренних дел РСФСР, пришедший для встречи с бастующими, обещал, что будет создана специальная комиссия для рассмотрения этих требований и принятия соответствующих мер. Однако это обещание министра не удовлетворило таксистов. На 28 октября было назначено новое выступление.

28 октября в 10 часов утра около 250 таксистов на сотне машин приехали на Советскую площадь. Через полчаса десятью машинами перекрыли Тверскую улицу. К. полудню, освободив Тверскую, двинулись на Манежную площадь. Часть таксистов направилась к Белому дому. Правительству Москвы и Съезду народных депутатов РСФСР были переданы требования бастующих: обеспечить социальную и юридическую защиту таксистов, приватизировать таксопарки, установить обязательное государственное страхование таксистов в размере 100 тысяч рублей. В пакете требований московским властям было ещё одно, дополнительное, - сохранить прописку, убрать из столицы всех лиц «кавказской» национальности, поскольку именно они-де создают криминальную обстановку в городе, бесчинствуют, грабят, убивают.

В тот же день, а также 29 октября таксисты разгромили торговые точки кавказцев на Даниловском рынке, рынки у станций метро «Каширская», «Выхино», «Рязанский проспект». Сотрудник КГБ, пожелавший остаться неизвестным, со страниц журнала «Новое время» высказал свою точку зрения на этот конфликт. Он отметил, что московские преступные группировки недовольны тем, что в Москве стало появляться слишком много «залётных» групп, в том числе и с Кавказа. Таксисты же очень тесно связаны с «местными». С середины 1990 по середину 1991 года органы охраны порядка обезвредили два десятка московских группировок. Во всех «работали» водители такси. В нескольких случаях водители лишь числились в таксопарке, но на самом деле на линию не выходили, а обслуживали банду.

Чтобы «просветить» народ в этом плане, российская пресса в те октябрьско-ноябрьские дни поместила на страницах своих газет ряд публикаций о таксомафии в Москве. Журнал «Новое время», в частности, писал: «В московских аэропортах таксисты встречают гостей тремя «эшелонами»...

Два первых «эшелона» - это так называемые «бомбилы» (от выражения «бомбить» клиента), или прописанные, а попросту местная мафия. Тех таксистов, кто зарабатывает себе на жизнь, разъезжая по городу, именуют «шляповозами», или работающими «от тротуара». «Бомбилы», естественно, в таксомоторной иерархии стоят выше и получают больше. Наиболее ловкие могут вообще никуда не ездить, достаточно поймать клиента за 300 рублей, отвезти на стоянку и сдать «шляповозу» за 150. Разницу, разумеется, в карман.

Прописка существует практически при всех железнодорожных вокзалах, гостиницах, ресторанах.

Попасть атакую компанию непросто. Выручает, как и всюду, рекомендация местных авторитетов. Можно попробовать «прописаться» и самому, начав потихоньку мозолить глаза и втираться в доверие. Правда, дело это рискованное - чужакам на первый раз прокалывают шины, а на второй могут и побить».

Ещё одна статья на эту же тему - в «Вечерней Москве» за 5 ноября 1991 г. Рассказ одного таксиста: «В летний сезон, например на Курском вокзале, таксист имеет до трёх тысяч в день. Одна ездка с фруктами до Центрального рынка - восемьсот. Кто же позволит такие деньги зарабатывать? Приходится платить. Но и есть за что. В кармане остаётся где-то четвёртая часть, но и это хорошо. Таксист, прописанный на вокзале, - это как генерал в армии, элита. Попасть туда труднее, чем на приём к английской королеве. Только через хороших знакомых, не говоря о деньгах, и то, когда освободится место. Везде работает строго определённое число водителей. Места даже по наследству передаются. Зато если уж попал - будь спокоен. Прикрытый со всех сторон, безопасность гарантирована и денежная работа тоже. Ты вступил в своеобразный профсоюз, который будет тебя защищать. А взнос сотнями пахнет.

Я на вокзале не прописан. Имею право работать «на подсадке». Это значит, что ты входишь в долю и тебе те же носильщики поставляют клиента. Но получишь ты только половину суммы, из которой надо ещё платить ментам и рэкету. Вообще все таксисты платят приличные суммы. Кто же имеет с нас такой солидный доход - я и сам бы не прочь узнать. Те, кто собирает с нас дань, - мелкая сошка. А вот хозяев никто никогда не видел».

Тем временем обстановка в Чеченской республике накануне выборов Президента оставалась взрывоопасной. 27 октября в 10 часов утра в здании МВД России на Огарева, 6 по тревоге была собрана группа офицеров центрального аппарата министерства. Инструктаж прибывших (а со званием ниже майора никого не было) провёл первый заместитель министра генерал Абрамов. «Вам предстоит вылететь в Чечню, - сказал он. - Обстановка там сложная, кто был в Афганистане, может сравнить. На месте разберётесь... Желаю всем вернуться из Грозного живыми...» Зачем лететь в Чечню и что там конкретно делать - сказано не было.

Однако, несмотря на все меры секретности, информация о вылете спецгруппы достигла ушей Дудаева. И он распорядился закрыть аэродром на посадку. Пришлось спецгруппе садиться в Северной Осетии, в Беслане. Оттуда группа тайно перебазировалась в Махачкалу.

В ночь с 5 на б ноября из Махачкалы группа проникла в Грозный. 9 ноября Д. Дудаев должен был принять президентскую присягу, поэтому российские власти торопились сорвать это мероприятие.

Однако как только спецгруппа из Москвы во главе с генералом В. Комиссаровым объявилась в Грозном, слух о ней разнёсся по всему городу. 7 ноября здание МВД в Грозном, где расположилась группа, было окружено вооружёнными чеченскими боевиками. И как это ни парадоксально, но именно появление в Чечне спецгруппы из Москвы и явилось катализатором развития «революционных» событий.

Утром 8 ноября у здания МВД сосредоточилось ещё большее количество защитников республики. Дудаев распорядился выдавать автоматы всем лицам мужского пола, достигшим пятнадцатилетнего возраста при предъявлении паспорта с местной пропиской. Вечером 8 ноября президент России Борис Ельцин объявил о введении чрезвычайного положения на территории Чечено-Ингушетии. Это решение уже тогда вызвало неоднозначную реакцию в российском существе, даже в сфере соратников Ельцина. Новый начальник ГУВД Москвы Аркадий Мурашёв в интервью журналу «Новое время» заявил: «Я открыто говорю, что Белый дом ошибается. Решение президента объявить чрезвычайное положение в Чечене-Ингушетии было просто чудовищным. Такие ошибки подтачивают всё, на чём держится доверие людей к руководству России. К. сожалению, Борис Ельцин не идеален, как и все мы. Надо признать, что российскую демократию, возможно, ожидает раскол. У части российских лидеров намечается сильный шовинистический великодержавный крен. Политики, придерживающиеся националистических взглядов, опираются на определённые настроения в обществе. Недавняя акция таксистов, потребовавших выселить из Москвы всех «кавказцев», доказывает это».

Между тем обстановка у здания МВД в Грозном накалялась с каждой минутой. Здание блокировало уже около 15 тысяч боевиков. Вскоре на площадь приехали походные машины, заправленные вместо воды бензином. Осаждённым было предложено выйти из здания с поднятыми руками. В случае же сопротивления им грозило уничтожение в течение получаса. В 11 часов утра 9 ноября спецназ внутренних войск МВД СССР в количестве 45 человек покинул здание. Однако спецгруппа из Москвы оставалась на месте, так как приказа из Москвы на их счёт пока не поступало. Затем он поступил, но ещё через несколько минут его внезапно изменили. Москва была явно в растерянности. В конце концов генерал В. Комиссаров решил этот вопрос самостоятельно и вывел группу из здания. Всех её членов посадили в автобусы и под охраной боевиков вывезли за город, на военный аэродром Ханкала. Однако там их уже ожидала радиограмма из Москвы: «Немедленно вернуться в Грозный и заняться разоружением боевиков!». И это группе в составе всего 24 человек!

Позднее один из участников этого «десанта» высказал такую точку зрения на его тайную цель: «У многих наших офицеров потом возникло подозрение, что нас использовали в качестве «наживки». Послали в Грозный без конкретного плана действий, плохо вооружёнными и неподготовленными, В такой ситуации мы не могли не погибнуть. «Отомстить» за нашу смерть должна была дивизия имени Дзержинского, находившаяся в то время в Беслане. Ворвавшись в столицу Чечни (а до неё от Беслана часа два дорога), войска под предлогом защиты русскоязычного населения расправились бы с повстанцами и с помощью силы заставили бы чеченцев, заявивших о суверенитете, вернуться в состав России».

9 ноября 1991 года четырьмя сторонниками независимой Чечни был захвачен самолёт «Ту-154», выполнявший рейс по маршруту Минеральные Воды - Екатеринбург. Самолёт изменил курс и приземлился в Турции, в аэропорту Анкары. Там угонщиков уже ждали представители местных властей и многочисленные корреспонденты. Угонщики дали краткую пресс-конференцию, на которой осудили вмешательство российского руководства во внутренние дела Чеченской Республики, введение чрезвычайного положения.

Тем временем российские средства массовой информации продолжали «разработку» чеченской тематики. Центральные газеты, например, в ноябре - декабре 1991 года были буквально заполнены статьями и заметками о чеченской мафии в Москве. Кратко проследим хронику этих публикаций.

23 октября газета «Красная звезда» опубликовала статью «Вечер в ресторане», в которой рассказывалось об убийстве в ресторане «Узбекистан» двух офицеров. Статья начиналась так: «Ресторан «Узбекистан» с недавнего времени стал чуть ли не официальной «малиной» чеченской общины, постепенно прибирающей к рукам преступный мир столицы».

Далее в статье описывалось само преступление: «Беда всегда приходит неожиданно. Майор Андрей Евдокимов только успел предупреждающе крикнуть: «Осторожно, у него оружие!» Люди инстиктивно отпрянули в сторону, и этого оказалось достаточно, чтобы преступник успел натренированным ударом убить ножом и Евдокимова, и находившегося рядом В. Галова. Убить - и скрыться на машине.

Начнём с того, что убийца и его жертвы друг друга не знали, в прошлом их пути никаким образом не пересекались. А. Евдокимов командовал одной из военно-строительных частей. В. Галов работал в части инженером. Преступник нигде не работал и занимал одну из низших ступеней в преступной иерархии чеченской общины. Сами себя ему подобные называют «бойцами», а для преступного руководства они всего лишь исполнители. Не думаю, чтобы следствие установило или убийца сам сознался в том, кто именно отдал ему распоряжение «попугал» военных, осмелившихся заказать ужин в «их» ресторане...»

16 ноября «Московский комсомолец» поместил заметку под названием «До первого случая?», в которой писалось: «По информации, полученной редакцией из неофициальных источников, вчера компетентные органы сделали предупреждение чеченцам, проживающим в Москве. Суть его в следующем: в случае каких-либо актов, предпринимаемых против официальных властей, пребывание чеченцев в Москве будет тут же прекращено».

Самый же шумный резонанс имела тройная публикация (№ 45-47 за декабрь 1991 г.) в журнале «Столица» статьёй под названием «Крёстный

отец» живёт в Москве». Эти статьи раскрывали почти всю подноготную чеченской группировки и были обильно снабжены фотоматериалами. Первая статья вышла в свет 7 декабря, а 15 декабря Москва содрогнулась от новой кровавой разборки между «славянами» и чеченцами. На следующий день «Известия» поместили статью «В Москве опять стреляют». В ней писалось: «Автоматная очередь и пистолетные выстрелы прогремели в воскресенье, 15 декабря, в центре Москвы. Сражение между неизвестными вспыхнуло во второй половине дня на Первой Брестской улице около кинотеатра. Как сообщили нам в ГУВД Москвы, сигнал о перестрелке поступил в дежурную часть в 17.27. Тотчас выехали наряды милиции и подразделение ОМОН. Но на поле боя они обнаружили лишь стреляные гильзы, патроны, боевую гранату и пятна крови.

В 17.33 инспектор ГАИ с площади Маяковского, недалеко от места, где прозвучали выстрелы, передал, что мимо него на большой скорости пронеслись бежевые «жигули» с теми, кого в милицейских сводках принято обозначать как «лица кавказской национальности». Проверка данных на подозрительную машину показала, что принадлежала она военнослужащему, но по доверенности ею пользуется его знакомый из города Грозный.

В 23.40 того же дня в приёмный покой больницы Склифосовского с огнестрельным ранением обратился ещё один житель столицы Чеченской Республики. Сотрудники уголовного розыска его уже ждали. Вскоре неподалёку они нашли и бежевые «жигули» с владельцем доверенности внутри.

Пока велось следствие, из неофициальных источников стало известно, что в перестрелке получил огнестрельное ранение ещё один человек - известный мошенник, один из организаторов игрового бизнеса в нашей стране, владелец крупных счетов в банках Австрии. Видимо, выстрелы на Брестской улице прозвучали во время «разборок» чеченской преступной группировки с противоборствующей ей стороной. Оспаривали сферы влияния в области азартных игр?»

Прошло лишь несколько дней после этой перестрелки, и газета «Московские новости» 25 декабря более подробно осветила подоплёку этого громкого события. В статье «Решения воровского съезда - в жизнь?» писалось: «Декабрьская перестрелка в центре Москвы между бандами, закончившаяся ранением чеченца, похоже, подтверждает сведения о решениях состоявшегося недавно в Киеве съезда авторитетов воровского мира.

Время и место проведения съезда позволили предположить, что там должна была идти речь о том, как использовать ликвидацию союзного МВД, чем грозит возникновение границы и таможен. Но, по имеющимся у нас сведениям, на съезде обсуждалось, как полностью устранить влияние могущественной чеченской преступной группировки, оседлавшей славянские столицы и в первую очередь Москву. Не исключено, что эта

повестка дня съезда была продиктована миру преступному властями мира легального через каналы, по которым прежде руководил организованной преступностью бывший КГБ и которые были унаследованы его преемниками. Не случайно основной упор на съезде делался на разработку методов выбивания чеченских рэкетиров из сотен коммерческих банков и совместных предприятий, власть над которыми была ими захвачена в последние годы. Ведь львиная часть этих миллиардный доходов попадает в Чечню, что в немалой степени подогревает местные амбиции, которые так не по душе российскому руководству.

Есть и ещё один акцент - разворачивающаяся в Москве приватизация. Начавшие ранее других «отмывать» преступные деньги и вкладывать их в коммерцию, чеченцы могут составить серьёзнейшую конкуренцию другим мафиозным группам, твёрдо решившим прибрать к рукам столичную недвижимость.

Попытки «погасить чечен» с помощью солнцевских и люберецких бандформирований уже делались и успехом не увенчались. Известен рейд на пятистах машинах после убийства чеченцами одного из авторитетов столичного рэкета. Его друзья объехали практически все злачные места столицы, обязали официантов сообщить в рэкетирские диспетчерские о появлении хотя бы одного горского недруга. И не смогли найти ни одного.

В этом умении исчезнуть - одна из главных особенностей чеченской группировки. Её руководители трудноуязвимы, так как свои семьи держат в разных городах. Оттуда же приезжают исполнители, как правило, не знающие языка, не имеющие контактов с иноверцами. Выполнив задание, они мгновенно возвращаются в аул.

Есть основания полагать, что на этот раз особенности чеченского стиля будут учтены.

Предвидим две тактики в грядущей чеченской войне: тихие, но не бескровные поединки в офисах СП, у сейфов коммерческих банков; пальба и резня на столичных улицах».

Случайно или нет, но в разгар войны с чеченцами в «Неделе» появилась статья В. Ерёмина «Игра с терпением» (20 декабря), в которой автор писал: «Мы уже привыкаем к сообщениям о конфликтах во многих российских городах, в эпицентре которых приезжие с юга... Если бы мы также вели себя «у них», они, во-первых, не позволили бы и, во-вторых, заставили бы говорить об этом весь мир.

Мы - позволяем. А значит, виноваты не их дельцы, насильники, бандиты и убийцы. Надеюсь, никто не сможет смешивать их с достойными людьми тех же наций.

Виноваты те из нас, в ком мертвецом спит чувство национального

достоинства. Кого они купили со всеми потрохами. А также те, кто готов терпеть всё что угодно и от кого угодно.

Прав Бердяев: нет в мире народа, который обладал бы таким расслабленным национальным чувством. Как же нам не хватает того, что в других нациях живёт, как инстинкт: беречь своих!

Главная причина этого безобразия - недостаток культуры. Нет, не той, которая обычно имеется в виду, а культуры национальной, народной. Недостаток этой культуры - следствие недостатка нетерпимости. И прежде всего по отношению к своим предателям национального достоинства».

Последние дни СССР

Как мы помним из предыдущего повествования, воровской съезд в Киеве обсуждал вопрос об объединении МВД и КГБ. Это объединение произошло 19 декабря 1991 года, но прежде чем рассказать о нём, следует проследить всю цепь событий, предшествовавших ему.

К ноябрю 1991 года в результате всё более ухудшающегося экономического и политического положения в стране позиции президента СССР Михаила Горбачёва становились всё более шаткими. И наоборот, позиции Бориса Ельцина как руководителя России заметно укрепились. События же в Чеченской Республике подстегнули его к решительным действиям. 4 ноября в Москве собрался союзный Госсовет, и хотя председательствовал на нём Горбачёв, но истинным хозяином Совета несомненно был Ельцин. Именно поэтому, на правах хозяина положения, Ельцин и потребовал от республиканских руководителей признать российскую гегемонию в рублевой зоне, признать Россию правопреемницей СССР и покорно идти в фарватере российской экономической политики. Между тем Горбачёв кое-какие позиции ещё удерживал; союзный МИД (он теперь назывался Министерством внешних сношений), единая армия и МВД ещё оставались целыми, и поэтому сохранение поста Президента СССР получало хоть какое-то оправдание - ведь кто-то должен был представлять сообщество за границей, кто-то должен был быть главнокомандующим.

Однако положение М. Горбачёва оставалось незавидным. 5 ноября начальник Управления по надзору за исполнением законов о госбезопасности Прокуратуры СССР Виктор Илюхин возбудил против Горбачёва уголовное дело по статье 64 УК РСФСР (измена Родине). Правда, на следующее утро Генпрокурор Союза Николай Трубин возбуждённое дело закрыл, а самого Илюхина из Прокуратуры уволил, однако событие это стало весьма симптоматичным в развитии дальнейшей судьбы бывшего Генсека ЦК КПСС.

Тогда же на Госсовете 4 ноября прозвучало и первое предложение Б.

Ельцина объединить МВД и КГБ в единую структуру. Но до этого события было ещё далеко, а пока 14 ноября 1991 года на своём очередном заседании Госсовет утвердил новую структуру союзного МВД. По этой структуре были ликвидированы излишние аппаратные звенья, сокращена численность личного состава.

Парадоксально, но в результате этой реорганизации из МВД «уводили» известного нам специалиста по борьбе с организованной преступностью Александра Гурова. Его Шестое управление по борьбе с оргпреступностыо превратили в оперативно-розыскное бюро и слили с другими управлениями в криминальную службу милиции. Первый заместитель министра внутренних дел СССР Виктор Ерин объяснил это на страницах газеты «Щит и меч» следующим образом: «Претензии к руководителю Шестого главка у меня были серьёзные. Приступив к новой работе, на которую я был переведён после известных августовских событий из МВД РСФСР с аналогичной должности (и, как сами понимаете, особого восторга новое назначение у меня не вызвало), я познакомился с рядом документов, в которых отражались итоги ранее проведённых служебных проверок работы Шестого главка. Они вызывали серьёзную тревогу. Квалифицированные специалисты отмечали, что организация работы в одном из ведущих подразделений МВД, мягко говоря, желает много лучшего. Его начальник с удовольствием бывает за рубежом, но в течение года не выезжал ни в одну служебную командировку внутри страны. Не вдаваясь в подробности, достаточно отметить, что отсутствовало даже Положение о Главке, важнейший нормативный акт, который определяет, чем же должны заниматься сотрудники.

Дальше - больше. В одной из справок отмечалось, что проверяющим не было предъявлено оперативное дело. Обоснование - особая секретность. Пришлось мне самому заняться его изучением. Честно говоря, пришёл в ужас. Собран громадный том материалов, которые не имеют никакого отношения к конкретным лицам, подозреваемым в совершении преступлений. Сами же преступники, ещё до заведения этого, так называемого «дела», находились в поле зрения оперативных работников МВД республики, на территории которой жили и совершали преступления. Именно работники этого МВД профессионально грамотно задокументировали все деяния преступников и добились привлечения их к уголовной ответственности. Тем не менее подчинённые Гурова А. И. продолжали «работу», собирая вместе с КГБ, по существу, пресловутый «компромат» на руководящих работников республики. При этом информация не перепроверялась, не предпринималось никаких реальных шагов для того, чтобы задокументировать противоправные действия (если они были) должностных лиц. Иначе как нарушением законности это квалифицировать было нельзя, в связи с чем виновные работники Главка были наказаны, а т. Гуров - строго предупреждён». Не найдя общего языка с новым руководством союзного МВД, А. Гуров в том же ноябре 91-го перешёл в конкурирующую структуру - Межреспубликанскую службу безопасности, где начальником был его прежний руководитель Вадим

Бакатин. В МСБ Гуров получил должность заместителя начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью. На страницах того же «Щита и меча» Гуров, вспоминая свою работу в 6-м главке МВД, рассказывал:

«Лишь в последнее время мы вели сорок восемь крупных дел на преступные группы с межрегиональными и международными связями. Разоблачили группу, действовавшую на территории России, Прибалтики, Германии, Греции, Польши. Направленность группы - разбой, рэкет, коррупция. Ещё одно дело - по наркобизнесу; эта группа охватывала шесть республик, число участников превышает полтысячи. Третья группа - основной костяк - 17 человек. Связей - 543. Район действий - РСФСР, Латвия, Украина...

Процесс становления мафии завершился. У мафии появились совершенно новые виды бизнеса: торговля оружием, «живым» товаром и вывоз его в западные бордели. Усиливаются позиции наркобизнеса. И ещё одна деталь, новая для страны: в ряде городов мафиозные структуры, контролирующие определённую территорию, фактически стали сладить за правопорядком на ней и даже контролировать работу милиции. Расцветает взяточничество. Лично мне предлагали в начале августа 300 тысяч рублей за совершенно незначительную услугу. Но самое-то интересное, что выходили на меня через один из райисполкомов Москвы (о чём я сразу же доложил руководству МВД СССР)».

В конце интервью на вопрос корреспондента: «Почему же всё-таки вас «ушли»? - А. Гуров философски изрёк: «От многих знаний - много печалей».

Между тем, пока высшие политики в который раз делили и реорганизовывали правоохранительную систему страны, бандиты не сидели сложа руки. 18 ноября газета «Известия» сообщила своим читателям: «Начиная с 5 ноября на улицах Симферополя время от времени вспыхивают перестрелки. Их участники успевают скрыться до появления милиции, оставляя ей автоматные гильзы и убитых».

Начальник управления внутренних дел Симферополя Борис Бабюк со страниц газеты «Крымская правда» сообщил жителям полуострова, что в городе началась борьба между вооружёнными группировками рэкетиров. Убитые - а их пока трое - имели связь с преступным миром. На похороны одного из них, в прошлом спортсмена, съехалось из других городов огромное количество людей, в числе которых замечены олимпийский чемпион и чемпион СССР, чьи имена полковник милиции пока не счёл нужным обнародовать.

Для расследования бандитских вылазок созданы специальные оперативно-следственные группы. Крымская милиция обратилась к руководителям кооперативов и малых предприятий, которые завели в своих фирмах вооружённую охрану, с призывом добровольно сдать

незаконно приобретённое оружие.

Летом-осенью того же года на криминальной карте страны появилась новая точка - Екатеринбург, город и область вокруг которого вскоре приобретут чуть ли не всемирную криминальную славу. В июне 1991 года в Екатеринбурге был застрелен один из лидеров уралмашевской преступной группировки Григорий Цыганов. Застрелен он был через окно из охотничьего ружья 12-го калибра.

20 сентября 1991 года в Екатеринбурге бесследно исчез крупный местный бизнесмен 28-летний Сергей Богданов. Несмотря на свой молодой возраст, этот человек занимал пост гендиректора коммерческой фирмы «Уралмет», зампредседателя правления советско-кипрского СП «Созидание» и совладельца частной фирмы в ФРГ. Помимо этого Богданов был известен тем, что являлся спонсором знаменитой свердловской группы «Наутилус Помпилиус» во время её поездки в США. Был он и экспертом комитета по внешнеэкономическим связям облсовета, а также человеком; чьё имя было известно итальянским бизнесменам и парламентариям.

Однако С. Богданов был известен и с другой стороны. А именно как человек, который перевёл со счетов «Уралмета» на свой счёт в ФРГ более миллиона марок. За это он был уволен с должности гендиректора. Он же попытался как-то провезти в страну незаконным путём четыре миллиона лир.

Между тем фирмы, в которых работал С. Богданов, занимались вывозом сырья, неликвидов, ресурсов. Специализировались по рудам цветных металлов. Причём очень часто ту же медь, ферросплавы отдавали заморским партнёрам в обмен на продукты. И вот С. Богданов бесследно исчез. Следствие тут же выделило четыре версии, каждая из которых имела право на жизнь. Это уход за рубеж, рэкет, переход на нелегальное положение и, наконец, убийство с целью ограбления. Последняя версия вызывала некоторые сомнения, так как тела Богданова обнаружено не было. Да и убийства бизнесменов в том году не особенно ещё практиковались. Их тогда насчитывали единицы. В ноябре, например, в Саратове на автомобильной стоянке был убит один из учредителей саратовской «Алисы». В прошлом известный боксёр Александр Наволокин.

Зимой того же года в Москве, в Химках, был убит наёмными убийцами 35-летний коммерческий директор научно-технического центра молодёжи «Стрела» Михаил Прохоров. Организаторами убийства были гендиректор государственного концерна «Росполикор», главный бухгалтер этой организации и директор Красногорского центра НТГМ «Стрела». Получив подпись Прохорова на пустых бланках поручений, организаторы убийства планировали похитить названную сумму, перечислив её под закупку оргтехники, а хищение списать на коммерческого директора, то есть на Прохорова, предварительно его убрав. В этом случае директор «Стрелы» и главный бухгалтер центра могли сослаться на то, что коммерческая

операция проводилась без их участия. Для убийства организаторы подключили к делу бывшего студента Московского авиационного института, двух соддат-дезертиров и одного демобилизованного военнослужащего. Под предлогом совершения одной сделки исполнители предложили Прохорову встретиться в одном из номеров общежития МАИ. Там уколом в вену Прохорова усыпили, отвезли к речке Химки, связали ему руки и ноги бельевой верёвкой, привязали к телу 10-килограммовую гантель и утопили. Эта операция позволила бы им списать хищение 4 миллионов рублей.

Это наёмное убийство образца 1991 года отличалось явным непрофессионализмом действий как организаторов, так и исполнителей преступления. Время профессионалов, однако, было уже не за горами.

Между тем наёмное убийство бизнесмена М. Прохорова осталось практически без внимания со стороны общественности. Зато убийство 8 апреля 1991 года в Ростове-на-Дону заместителя начальника управления внутренних войск МВД по Северному Кавказу и Закавказью полковника Владимира Блахотина привлекло к себе пристальное внимание многих средств массовой информации страны.

В. Блахотин был убит утром в центре Ростова возле подъезда своего дома. Дождавшись, пока Блахотин сядет в служебную «волгу» и отправится на работу, преступник изрешетил машину автоматными очередями и скрылся на автомобиле сообщника. Блахотин скончался на месте, его водитель был ранен.

После сообщения об этом убийстве правоохранительные органы установили посты на дорогах, вокзалах и через 5 дней задержали группу армян по подозрению в убийстве. Они оказались членами благотворительного общества «Амарат» и были посланы в Ростов для исполнения смертного приговора, вынесенного армянскими националистами бывшему коменданту Степанакерта генерал-майору Александру Сафонову. Армянские националисты обвиняли коменданта в ущемлении прав армянских жителей Степанакерта. После того как Сафонов был переведён в Ростов, профессиональных исполнителей приговора найти не удалось. Нанятые для убийства случайные люди перепутали служебные машины военных, воинские звания и по ошибке убили полковника Блахотина (соседа Сафонова по дому). Убийца, подходя к машине полковника, так нервничал, что даже выронил автомат «скорпион» из-под плаща.

Помогла же установить точный адрес Сафонова одна 17-летняя ростовчанка, которая сразу после убийства скрылась в Армению. Причём в аэропорту Еревана её попытались арестовать местные чекисты, но армянские боевики под угрозой оружия отбили её у сотрудников КГБ (в январе 94-го убийца получит 15 лет).

Не менее грамотно и профессионально, чем ростовские чекисты,

сработали в ноябре 91-го года московские чекисты против неизвестных террористов, грозивших взорвать чуть ли не два поезда и гражданский самолёт. Эти угрозы были направлены 19 и 20 ноября в 32 московские инстанции, которые, дабы предотвратить все эти взрывы, должны были выплатить злоумышленникам 300 тысяч долларов и 600 тысяч рублей. Письма с угрозами были выполнены на стандартной фотобумаге, текст был написан от руки, печатными буквами, чернильной ручкой были вписаны только даты в начале и в конце ультиматума. В письме террористы предупреждали, что «переговоров не будет», что ими разработаны взрывные устройства большой мощности и интересной конструкции, что взрывчатка уже заложена в один из поездов и в самолёт на одном из московских аэропортов. В случае взрыва в редакции центральных и независимых газет будет сообщено о нежелании властей расстаться со столь небольшой суммой денег ради спасения сотен людей. Террористы также сообщали: «Группа создана давно, в ней более десяти человек. На протяжении нескольких лет действует слаженно и эффективно. Люди подобраны технически грамотно. Каждый хорошо вооружён огнестрельным оружием, техническими и электронными средствами. Мы не состоим ни в какой партии, и наши действия не преследуют никаких политических целей».

Психоаналитики дали заключение, что писали это вымогатели с самыми серьёзными намерениями, в течение долгого времени обдумывавшие проведение операции до мельчайших подробностей. В письме террористы предлагали, в случае если будет приняты их требования, повесить в трёх указанных ими местах в центре Москвы объявления «предаются щенки восточноевропейской овчарки с хорошей родословной...». Что и было сделано. Однако террористы у объявлений так и не появились. Зато через два дня чекисты получили новое послание, в котором их называли «умными и грамотными людьми». Значит, террористы сумели «засечь» объявления. Теперь же террористы требовали поместить в одну из ячеек автоматической камеры хранения Казанского вокзала 300 тысяч долларов и 600 тысяч рублей. О закладе денег террористов следовало известить тем же способом: поместить объявления.

«В ваших же интересах, чтобы не было никаких задержек и провокаций... Наша труппа слов на ветер не бросает. Если же деньги будут фальшивые или не вся сумма, тогда пеняйте на себя... Ящик с деньгами будет бесшумно ликвидирован. Два поезда на полном ходу и самолёт будут взорваны по нашему расписанию. Так что думайте, что для вас важнее - много трупов и крупный скандал или небольшая сумма».

Однако и на такую «небольшую» сумму чекистов раскрутить не удалось. Они с помощью московской мэрии собрали половину суммы, а вместо остального, для «веса», положили в спортивную сумку книжку «Вопросы идеологической борьбы» и два тома стихов М. Шагинян.

Однако в указанный срок - 26 ноября - за деньгами никто не пришёл.

И лишь на следующий день около семи часов вечера к камере хранения подошёл молодой человек в куртке, спокойно открыл ячейку и взял сумку. Чекисты из «наружки» неотступно следовали за ним. Между тем молодой человек погулял в парке Сокольники, затем принялся «накручивать» километры по улицам Москвы. И лишь в половине одиннадцатого вечера, нагулявшись, он пришёл в гостиницу Курского вокзала. К этому времени чекисты, внимательно проанализировав обстановку и действия незнакомца, пришли к убеждению, что он действует в одиночку. Решено было его взять. В половине второго ночи он был арестован сонным в номере гостиницы.

Как выяснилось в ходе следствия, молодой человек оказался жителем одной из суверенных республик, 21 года от роду. В армии не служил. Последний год нигде не работал. План террористического шантажа вынашивал давно, долго к нему готовился. Денег на поездку в Москву не было, но он ухитрился украсть у отца два колеса от «Жигулей», продать их по 650 рублей каждое и таким образом заработать себе на билет.

8 декабря 1991 года стало последним днём СССР. В Беловежской Пуще в резиденции «Вискули» под Брестом лидеры трёх сторон - России (Б. Ельцин), Украины (Л. Кравчук) и Белоруссии (С. Шушкевич) - подписали соглашение о создании Союза Независимых Государств (СНГ) и аннулировании Союзного договора. СССР перестал существовать как субъект международного права. Всё это не могло не сказаться на ухудшении и без того криминальной обстановки в стране. Прокурор Москвы Л. Пономарёв несколько позднее так оценит это соглашение: «Развал СССР. Не собираюсь давать этому событию политическую оценку. Но уж коли решили разбежаться, то надо было это делать, не создавая чудовищного криминогенного фактора. Уж коли решили быть на следующий день самостоятельными, независимыми, то извольте за одну ночь возвести границы. Невозможно? Согласен. Тогда не гоните лошадей. Объявите, что СССР прекращает своё существование, допустим, с 2010 года, когда будет создана вся необходимая атрибутика по-настоящему независимого государства, границы, пограничный и таможенный контроль. Когда будут разрешены все территориальные и имущественные споры. А так, что ж... Породили серию межнациональных конфликтов в отсутствии границ. Естественно, они выплеснулись в Россию. Приблизились к Москве. И бессмысленно сетовать на присутствие в столице кавказцев. В Грузии, в Армении идёт война. Там воевать надо. Кровь проливать. Калечиться. Но ведь можно приехать в Москву или в Питер и спокойно заняться бизнесом - доходным и безопасным...»

15 декабря 1991 года подал в отставку мэр Москвы Гавриил Попов. Газета «Вечерний клуб», комментируя это событие, тогда же написала: «Гавриил Попов исполнил роль машиниста, выпрыгнувшего на ходу с летящего под откос поезда. Что будет с пассажирами этого поезда - уже не его забота».

В отличие от своего протеже начальник ГУВД Москвы Аркадий

Мурашов в отставку подавать не собирался. Это он твёрдо заявил на брифинге для журналистов 18 декабря. Он также сообщил, что между руководством ГУВД и правительством Москвы существуют серьёзные разногласия. В частности, отцы города упрекают Мурашова, что подчинённая ему милиция плохо разгоняет несанкционированные митинги, пикеты и шествия, мало отлавливает мелких спекулянтов. Смущало правительство и убеждение начальника главка в том, что милиция в первую очередь должна заниматься защитой гражданских прав жителей города, в том числе и от произвола властей.

Отцы города обвиняли Мурашова и в том, что он поручил сотрудникам оперативных служб собирать «компромат» на членов московского правительства и работников префектур. Мурашов на брифинге по этому поводу заявил, что деятельность, развёрнутая БХСС и уголовным розыском, гораздо шире. А началась она несколько недель назад, когда возбудили уголовное дело по взяткам в «Мосприватизации». На сегодня, сказал Мурашев, расследование обнаружило здесь нити, идущие очень высоко. На очереди и некоторые другие московские ведомства.

Рассуждая о судьбе старого руководства ГУВД, Мурашев сказал, что никого не собирается вышвыривать на улицу и всем найдёт достаточно места. В качестве примера он привёл судьбу бывшего начальника главка Петра Богданова, которую назвал «воплощённой мечтой». Теперь П. Богданов трудится на совместном предприятии, ездит на «вольво» и очень доволен жизнью.

На вопрос, как расценивать поступок генерала П. Богданова, когда он практически одновременно запретил подчинённым ему милиционерам любое совместительство, а сам возглавил СП, Мурашев ответил: «Время было сложное и заставляло искать нетрадиционные решения».

По этой логике, бывший заместитель начальника главка Бугаев возглавит управление международных связей ГУВД, а бывший зам. Шаронков займётся капитальным строительством.

19 декабря 1991 года Борис Ельцин подписал Указ № 289 «Об образовании министерства безопасности и внутренних дел РСФСР». Создание МБВД было предложено осуществить на базе упраздняемых МВД СССР и России, а также Межреспубликанской службы безопасности (бывший КГБ) и Агентства федеральной безопасности РСФСР. Профессор Института государства и права РАН Игорь Петрухин на страницах газеты «Куранты» так прокомментировал этот указ: «Президентский акт следует рассматривать в контексте усилий, направленных на укрепление исполнительной власти, которая, в свою очередь, призвана обеспечить проведение экономических реформ. В том числе и малопопулярных у населения мер по введению свободного рынка и неконтролируемых цен. Иными словами, новый орган явно не случайно создан в преддверии ожидаемых проявлений недовольства - голодных бунтов, забастовок и

массовых беспорядков...»

20 декабря свой комментарий к Указу дала газета «Московский комсомолец»: «Подписанию Указа предшествовала долгая борьба. Первый вице-премьер Г. Бурбулис и вице-премьер С. Шахрай были категорически против слияния МВД и бывшего КГБ. По неофициальной информации, подписывая Указ, Ельцин даже сказал им: «За что же вы его так ненавидите?» Имеется в виду не Указ, а нынешний министр МВД В. Баранников. «Не секрет, что после путча он находится в фаворе у российского президента и именно «под него» было создано новое министерство. Указа о назначении министра МБВД РСФСР ещё нет, но ни у кого нет ни малейшего сомнения, что им станет В. Баранников.

Из источников, близких к руководству Агентства федеральной безопасности России, стало известно, что вчера утром, узнав об Указе, нынешний Генеральный директор АФБ РСФСР В. Иваненко даже собирался подать в отставку, но подчинённые его отговорили. На их взгляд, борьба ещё не окончена - на следующей неделе во вторник Указ будет обсуждаться Комитетом по безопасности Верховного Совета РСФСР.

Один из высокопоставленных сотрудников АФБ России так прокомментировал подписанный Указ: «Это уже было в нашей истории. Был такой монстр, НКВД назывался. Это монополия, а монополия всегда опасна. И потом) это приведёт к растворению значительно меньших по численности органов безопасности в МВД. Ничего хорошего от этих экспериментов не было и не будет. И вообще в период такого обострения обстановки надо очень взвешенно идти на любые реорганизации. А у нас иногда начинается прямо реформаторский зуд. Любая реорганизация неизбежно ведёт к резкому снижению уровня работы. Люди начинают тревожиться за своё будущее, таскать стулья, столы, сейфы, вместо того чтобы работать...»

С этим комментарием трудно не согласиться... Огромная и трудноуправляемая репрессивная машина окажется просто без должного контроля. По некоторым данным, 75 процентов мафиозных группировок имеют прикрытием сотрудников МВД, 5 процентов - сотрудников госбезопасности. Во всём мире, чтобы избежать этого, в правоохранительной области работают параллельные структуры. В США даже при Министерстве труда создан отдел по борьбе с коррупцией) независимый от полиции и служб безопасности. Но мы и тут пошли своим путём...

Уже в день подписания Указа он стал «работать». 18-го вечером была ликвидирована просуществовавшая меньше суток комиссия при АФБ РСФСР, занимавшаяся рассмотрением передачи, американской стороне руководителем МСБ В. Бакатиным сведений об элементах и местах расположения спецтехники в новом здании посольства США в Москве».

В своей книге «Избавление от КГБ» В. Бакатин, вспоминая те

декабрьские дни 91-го и Указ Б. Ельцина за № 289, писал: «Нельзя сказать, что я не видел негативных сторон Указа. Конечно, создание единого аппарата служб правопорядка не вполне вписывалось в концепцию их взаимного контроля и сдерживания. (Напомним читателю, что в 1991 году по материалам КГБ в отношении работников органов внутренних дел было возбуждено 31 уголовное дело. По материалам подразделений по борьбе с организованной преступностью - 256 уголовных дел. - Ф.Р.) Но если честно, то его и раньше не было. А парламентский контроль, которого тоже не было, должен быть организован при любой схеме. Я предвидел негативную реакцию республик на поглощение Россией ещё одной межреспубликанской структуры - МСБ. Я знал о настроениях на самой Лубянке. Сотрудников элитных спецслужб угнетала мысль о переходе под начало МВД, где и работа потруднее. Они интересовались друг у друга, когда идти получать милицейские свистки?

Тем не менее в разговоре с Ельциным я поддержал возможность соединения спецслужб и милиции. Как я уже говорил, я полагал, что самое худшее для спецслужб заключалось в затянувшейся их реорганизации и страшной неопределённости в отношении будущего, что буквально парализовало их деятельность. Указ позволял в короткие сроки закончить все реорганизации, обрести почву под ногами и начать наконец нормально функционировать. Даже плохая определённость лучше неопределённости».

Как и было положено ранее, в последний месяц уходящего года подводились окончательные итоги. В сфере борьбы с преступностью они были неутешительными, по всем видам преступлений был отмечен значительный их рост. Квартирные кражи, например, выросли на 44% и составили 294 846. За год были изобличены 943 организованные преступные группы. У членов преступных группировок по уголовным делам, находящимся в производстве, было изъято ценностей и описано имущества на сумму более 111 миллионов рублей, драгоценных металлов и камней - на 55 миллионов рублей, валюты - на 496 тысяч долларов.

За весь год был выявлен 2691 факт взяточничества. Расследовано 1999 дел. Виновные привлечены к ответственности по 878 дедам. Всего же за 1988-1991 гг. прокуратурой и МВД было вскрыто 9 млн, 700 тыс. фактов взяточничества.

В последний месяц уходящего года подводили итоги и наметали планы на будущее и преступники разваливающегося на части СССР. Так, в том месяце прошла представительная сходка воровских авторитетов по вопросу разграничения сфер влияния на территории Кавказа. В Ташкенте прошла сходка, посвящённая разделу сфер влияния в Хабаровском крае и Узбекистане.

В декабре сотрудники ГУВД Московской области обезвредили орудовавшую в течение двух лет в Щелкове преступную группировку

Карима. «Раскрутить» его удалось только после того, как пострадавшая от него женщина решилась заявить на него в милицию. Эту женщину Карим обвинил в том, что она украла из «общака» группировки 70 тысяч рублей. Женщина это обвинение отвергла. Тогда её стали пытать с помощью утюга, шнура и электрического пакета, который жертве надевали на голову... Один раз чуть не утопили в озере. Так продолжалось долгих одиннадцать дней. На двенадцатый женщине удалось бежать, воспользовавшись тем, что один из охранников перебрал «наркоты». Женщину стали уговаривать дать свидетельские показания против истязателей. Она поначалу отказывалась. Затем всё-таки согласилась.

И вот в один из декабрьских дней сотрудники оперативно-розыскного бюро ГУВД Мособлисполкома в количестве 50 человек прибыли в Щёлково. Сначала намечалось заманить всю банду в одно место, но этот план сорвался. Тогда стали брать преступников по одному на их квартирах.

Оценивая эту операцию на страницах газеты «Куранты», начальник оперативно-розыскного бюро ГУВД Мособлисполкома С. Жуков с грустью произнёс: «Групп, подобной той, что наши ребята взяли в Щелкове, по всей «Московской области насчитывается не один десяток. Концентрация их находится не на окраине, где население занято главным образом сельским хозяйством, а на приближённых к центру промышленных городов.. В числе ставших уже печально известными - Люберцы (200 тысяч жителей), Лобня (65 тысяч жителей), Долгопрудный (100 тысяч жителей), Балашиха (150 тысяч жителей), Пушкино (400 тысяч жителей), Железнодорожный (100 тысяч жителей). И в каждом этом населённом пункте по нескольку преступных группировок, чётко разделивших зоны влияния, распределивших «клиентов»...

Поэтому, к сожалению, конец банды Карима - это отнюдь не финал нашей работы с организованными преступными группировками. Это просто один из успешных эпизодов».

Такой же успешный эпизод в борьбе с организованной преступностью произошёл в конце 1991 года во Владикавказе. Там силами оперативно-розыскного бюро МВД России вкупе с местными органами правопорядка была проведена операция «Осьминог», в результате которой была разгромлена вооружённая преступная группировка, во главе которой стоял некий Амис, председатель кооператива «Ритм». К моменту ареста группировка успела совершить 19 тягчайших преступлений, среди которых были два убийства, четыре разбойных нападения, девять автомобильных угонов, четыре крупные квартирные кражи и т. Д. Всего, как потом выяснилось, под крышей этого кооператива работало 12 ранее судимых лиц, которые в свободное время и совершали преступления.

В 1991 году наша мафия продолжила своё активное внедрение в страны дальнего зарубежья. Осенью 1991 года американская печать сообщила об убийстве в Лос-Анджелесе 28-летнего выходца из СССР

Андрея Кузнецова и его товарища. У обоих были отрублены пальцы рук. Комментируя это убийство, пресса США отмечала, что Андрей Кузнецов прибыл в Америку два года назад. В СССР он отсидел четыре года в тюрьме и по выходе из неё счёл за благо для себя покинуть пределы негостеприимной родины. В Америке же Кузнецов сумел вскоре стать главарём целой преступной организации с хорошо отлаженными связями в Лос-Анджелесе и в русской колонии в Нью-Йорке. Это позволило ему крепко встать на ноги и обзавестись жильём по самому дорогому адресу в Америке - в районе Беверли-Хиллс в Лос-Анджелесе. Убийством А. Кузнецова и его партнёра занялась группа по борьбе с советской организованной преступностью в Южной Калифорнии, которая была создана несколько месяцев назад. Это спецподразделение включает в себя сотрудников ФБР, налоговой инспекции, службы иммиграции и натурализации, полиции Лос-Анджелеса и аппараты шерифа графства Лос-Анджелеса.

Через некоторое время после убийства полиции удалось задержать двух выходцев из России, подозреваемых в этом преступлении. Эти двое в прошлом, также, как и убитые, занимались мошенничеством в особо крупных размерах, присваивая в итоге произведения искусства, драгоценности, электронику на миллиарды долларов. 29 ноября газета «Известия» поместила статью под названием «Станет ли Берлин вторым после Палермо?». В ней корреспондент В. Лепский писал: «Такой вопрос задала местная газета «Бильд» в связи с разгулом советской мафии, о которой здесь всё больше разговоров. Должно быть, волосы стали дыбом у тех немцев, кто смотрел недавно телерепортаж о боевиках и жертвах.

Такого тут не было, ни в Западной, ни, уж подавно, в Восточной половине города. В центральной части Западного Берлина на многолюдной Фазаненплац, в уютном итальянском уличном ресторанчике «Джианни» двое небритых, одетых в мятые костюмы молодых людей открыли огонь из пистолетов. Прозвучало десять выстрелов, ранения получили пятеро, в том числе случайные люди. Один раненый гангстер по фамилии Балашов попал в руки полиции.

То был эпизод междоусобной борьбы двух враждующих банд. Начали распутывать клубок. Вспомнили многое из недавнего прошлого. На озере Оберзее под Берлином местные рыболовы выудили два связанных лицом к лицу трупа. По словам немецких криминалистов, эти двое были зверски убиты ударами ножа в грудь и тяжёлым предметом по голове. Удалось их опознать. Ими оказались приехавшие с Кавказа 22-летний Руслан Беречетов и 26-летний русский Юрий Булгаков. Оба прежде работали служащими в Западной группе войск (ЗГВ), осели в Германии. Оба находились под наблюдением немецкой полиции. Банда, в которую они входили, промышляла покупкой или кражей машин «Жигули». Машины, как правило, тайно по ночам перекрашивались, приводились в товарный вид в автомастерских ЗГВ и продавались нашим военнослужащим для дальнейшей перегонки на Родину. Напомню, что при ввозе в нашу страну

машины советского производства не облагаются пошлиной, поэтому пользуются спросом среди наших соотечественников. Предполагают, что банда, в которую входили убитые Булгаков и Беречетов, что-то не поделила с другой «автомобильной» шайкой. Полиция арестовала несколько человек по подозрению в убийстве.

Вот уже много месяцев нахлынувшие в Берлин из СССР мафиози ведут кровавую конкурентную войну. Обнаружены в общей сложности тела шести убитых гангстеров. А сколько не обнаружено?

При берлинском полицейском управлении создан специальный секретариат по борьбе с гангстерами, приезжающими «на гастроли» из бывшего СССР, в первую очередь, конечно, с теми, кто связан с наркобизнесом и рэкетом.

О разгуле советской мафии в Германии написала той же осенью и «Комсомольская правда», которая сообщила читателям, что по большинству уголовных дел, возбуждённых в Берлине против советских мафиози, проходят чеченцы. Газета сообщила, что в Берлине постоянно находятся около 30 чеченцев.

В 1991 году началось активное внедрение советских бандитов и в бывшую Чехословакию. Поначалу это были торговцы иконами, наперсточники, которые за день, бывало, выигрывали у доверчивых чехов до 70 тысяч крон. Постепенно русские вытеснили чешских наперсточников с рынка, но при этом уже не играли сами, а лишь руководили труппами игроков. Наравне с наперсточниками действовали и наши торговцы воинскими «сувенирами», выпестованные из числа «иконников». Иконы у них не пошли, зато всякая советская воинская атрибутика шла нарасхват. Сначала доставляли товар труппам чешских фарцовщиков, затем окрепли и решили действовать без посредников. А чтобы избавиться от конкурентов, ликвидировали несколько складов с обмундированием. Вообще жестокость наших мафиози привела чешских преступников в панику. Наши бывшие «афганцы» буквально «огнём и мечом» чистили отдельные области бывшей Чехословакии, устанавливая там свои порядки.

Также «русские» мафиози привнесли в преступную практику Чехословакии жёсткий рэкет. Они навещают честных предпринимателей и требуют плату «за охрану». В случае отказа грозят уничтожить магазин или фирму. Мзда за «охрану» составляет от 5 до 8 тысяч крон в месяц. К классическим атрибутам организованной преступности «русских» относятся оружие и наркотики. Именно наркотики позволили «русским» взять под свою опеку некоторые пражские отели и увеселительные заведения, где они платят бизнесменам, консьержам и собирают дань с сутенёров.

Наркомафия

Между тем проблема наркомафии была не менее актуальна в самой России. За последние 5 лет было пресечено свыше 1,5 тысячи попыток провезти наркотики через территорию СССР. Однако попыток контрабанды не уменьшилось. За 9 месяцев 1991 года на границе было задержано смертельного товара в 10 раз больше, чем за тот же период 1990 года. За год было обезврежено 28 групп, занимавшихся наркобизнесом. В мае-июне в СССР прибыли представители колумбийской наркомафии, которые изучали возможность серьёзных контактов с «русской» наркомафией. Именно в 1991 году в Москву из Азербайджана стал нелегально поступать такой наркотик, как «триметилфентанил», известный как «розовый метадон» или «китайский белок». Этот наркотик превосходил тот же морфий в 5,5 тысячи раз и одна ампула его ёмкостью в 10 мл стоила у розничного торговца не менее 10-15 тысяч рублей. На след этого синтетического наркотика сыщики из МУРа вышли в октябре 1991 года в процессе операции по отслеживанию каналов поступления в Москву метадона. Метадон же стал известен Москве с 1988 года, до этого на столичном наркорынке господствовали производные от растительного сырья - конопли, опийного мака, эфедры. Метадон поступал в столицу из Азербайджана, куда он, в свою очередь, прибывал из Пакистана. Этот канал поступления контролировала труппа Малаева - Поцелуева. Однако в 1990 году эта группа была разгромлена силами МВД и КГБ. И тогда на рынке наркотиков объявился некий 54-летний Актай Бабаев, уроженец азербайджанского города Гянджи. В своё время он провёл 9 лет в тюрьме за хищение в особо крупных размерах. Отсидев своё, поселился в узбекском городе Акмалыке, где открыл свой ресторан. В 1989 году перебрался на Украину, откуда перебрасывал в Россию крупные партии маковой соломки. После разгрома группы Малаева-Поцелуева Бабаев решил организовать в родной Гяндже лабораторию по синтезу метадона. Помог же ему в этом начинании собственный сын Умур, в ту пору студент Московской медицинской академии. Именно Умур свёл своего отца со своим одарённым однокурсником, призёром всесоюзных и международных химических олимпиад. Этот призёр собрал своих не менее одарённых, чем он сам, химиков-студентов из МГУ, Казанского университета, Ивановского химико-технологического института, МХТИ и с их помощью открыл небольшие лаборатории в Уфе и Волжске. Именно там эти «химики» синтезировали сначала эторфин, а затем и более сильный и ходовой метадон. К этому времени ещё одна лаборатория появилась в Гяндже (там был выделен густой метадон) и в Казани, где появился упоминаемый нами триметилфентанил. Так образовалась цепь: в Гяндже готовили метадон, а из Казани для последующего разведения и упаковки в ампулы мощным потоком шёл триметилфентанил. Причём «химики» особо и не прятались, наркотик изготовлялся непосредственно в химлаборатории КГУ.

Между тем грамм химически чистого вещества приносил сбытчикам 280 миллионов рублей прибыли минус расходы на производство, транспортировку и прочее. Таких же граммов «химиками» к 1993 году будет получено 30-. Однако и этих денег Бабаеву явно не хватало. Свои

ампулы он вынужден был сдавать оптом ещё более крупному наркопредпринимателю в Гяндже. Тот же отправлял его в дальний путь, в частности, и в Москву. Так будет продолжаться до 1993 года, когда сыщики из МУРа наконец-то выделят всех участников этой наркоцепочки. Однако об этом мы расскажем несколько позднее. Сейчас же отметим, что именно с 1991 года в России значительно расширился ассортимент наркотиков. За счёт «жёстких» наркотических средств растительного происхождения (опиум, героин, кокаин), а также синтетических препаратов (феномин, антифетомин).

По оценкам специалистов, общий оборот наркобизнеса в странах СНГ в 1991 году составил 10 млрд. рублей. Причём наркобизнес по своей рентабельности оставил далеко позади себя другие виды организованной преступности; один рубль, вложенный в него, даёт 1000 рублей прибыли.

Газета «Куранты» 30 ноября 1991 года писала: «Чтобы обеспечить растущую потребность города (Москвы) в наркотиках, мафия изрядную часть средств вкладывает в новые каналы доставки. В преступную деятельность втягиваются работники транспорта и даже милиции. Всё полноводнее становится река конопли из Средней Азии и с Дальнего Востока, течёт в Москву российский и украинский мак. И судя по насыщенности рынка, успехи правоохранительных органов в борьбе с наркомафией погоды пока не делают. И вообще похоже на то, что никому эти успехи и вовсе не нужны. Мало того, под большим вопросом находится само существование этого направления в деятельности органов как приоритетного и скоординированного.

Созданные несколько лет назад МВД СССР межрегиональные отделы ещё прошедшей зимой парализовали выяснение отношений между российским и союзным министерствами внутренних дел. Развал империи ещё больше осложнил ситуацию.

Наркомафия же по части интернационализации заметно опережает государственные структуры бывшего Союза. Ни границ, ни «высших национальных интересов» для неё не существует. В сердце России Москве, кстати, главенствующее положение на наркорынке занимают «гости» из суверенного Азербайджана. А охраняют их покой столичные боевики...»

О наркомафии в Москве размышлял на страницах газеты «Начало» от 16 ноября 1991 года и начальник Межрегионального отдела по борьбе с наркобизнесом МВД СССР Михаил Рощин. Он, в частности, сказал: «Москва - сугубо потребительский город. Наркотики сюда везут не только из разных республик, но и используют её как транзитный пункт по пересылке товара в Западную Европу. Вспомните крупную партию героина, задержанную на Казанском вокзале. Наркотики сюда не только везут, но и изготавливают лабораторным способом - этим делом занимались студенты одного из химических вузов. Препарат, который они выпускали в своём институте, очень действенный и очень дорогой, один

грамм шёл на рынке по полторы - две тысячи рублей. Вы спрашиваете о связях с регионами? Они крайне зыбкие, почти никакие. Мы не имеем возможности направлять своих сотрудников по цепочке в Казахстан и делать засады на 3,5 миллиона гектарах земли, засеянной конопляными и маковыми плантациями, - со своими бы проблемами справиться. Я не знаю, кто может уничтожить эту многоголовую гидру - наркомафию, следы которой ведут в Казахстан и Азербайджан. Казахи трудолюбиво выращивают товар, азербайджанцы также его сбывают, русские и прибалты употребляют, получают кайф и не доживают до сорокалетнего возраста. Межрегиональный отдел по борьбе с наркобизнесом был образован ещё при В. Бакатине. В наиболее поражённых наркобизнесом районах страны были сформированы специальные подразделения по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, непосредственно подчинённые союзному МВД. Например, республики Средней Азии и Казахстана контролирует один отдел со штаб-квартирой в Ташкенте. Закавказские республики - другой, и так далее. Все специализированные подразделения работают на один «карман», разоблачение преступных групп наркобизнеса, имеющих, как правило, разветвлённые, глубоко законспирированные межреспубликанские связи, осуществляется в едином комплексе. С первого дня существования МРО МВД СССР, чрезвычайно усложняя деятельность местных баронов наркобизнеса, межрегиономика постоянно испытывала жёсткий прессинг республиканских министерств. Стремление народов к выстраданному суверенитету пришлось как нельзя кстати «крёстным отцам» наркомафии. Деятельность МРО, в поле зрения которого могли попасть коррумпированные связи, в большинстве республик была искусно блокирована.

Однако и в такой тяжёлой обстановке Межрегиональный отдел продолжал действовать и наносить ощутимые удары по наркомафии. В 1991 году в Подмосковье был обнаружен вход в «нору» длиной в тысячи километров. Были арестованы несколько «гонцов», которые вывели московских сыщиков на город Бишкек (бывший Фрунзе) в Киргизии. Там местный отдел по борьбе с наркобизнесом отработал свой пласт информации и вышел на ещё одну группу наркодельцов, базировавшихся в казахском посёлке Мерке. Здесь действовала группа заготовителей марихуаны - наркотика из конопли, в изобилии произрастающей в Чуйской долине. Так называемые «шанопалы» (заготовители конопли) просушивают под жарким азиатским солнцем скошенное серпами наркотикосодержащее растение. Листья они отделяют от стебля, упаковывают и прячут в тайники; дают выстояться драгоценному продукту. Игра стоит свеч. Ведь на «чёрном рынке» за килограмм чуйской травки выкладывали несколько тысяч рублей. За килограмм опия - до 200 тысяч. Именно из Мерке и приходил наркотик в ту «нору», что «засветили» сыщики в Подмосковье.

Однако рассекреченных заготовителей задерживать было бесполезно. Сыщики не смогли узнать главного, не удалось установить

местонахождение тайников. И тогда руководитель бишкекской межрегионалки подполковник Владимир Трегубов предложил свой план - внедрить его в подпольный синдикат. Дело было крайне рискованное, поэтому в МВД Киргизии заколебались. Однако и время поджимало. Наконец разрешение на операцию было получено. Трегубов взял на себя роль гонца из Москвы, благо весть о том, что «нора» опалилась, до Мерке ещё не дошла. Главарь местных наркодельцов дотошно выспрашивал у «москвича» многие детали его принадлежности к наркомафии, после чего наконец поверил ему. И тогда главарь предложил «москвичу» приобрести у них новую партию марихуаны не за деньги, а за видеокамеру. «Мне позарез нужна хорошая вещь, а здесь её не достать». Трегубов согласился. На следующий день видеокамера была у главаря и он назначил место передачи марихуаны - пограничный Чалдовар в соседней Киргизии.

На встречу с торговцами Трегубов приехал в ритуальном автобусе. В гробах, которые лежали в нём, находились... вооружённые омоновцы. Однако главарь оказался хитрее сыщиков. Он сам проверил катафалк и тут же заподозрил неладное. Дал команду своей братве сматываться.

На следующий день Трегубов вновь встретился с главарём. Объяснил наличие людей в гробах своими опасениями за собственную жизнь. Главарь вновь принялся выспрашивать у «москвича» детали его московской биографии. И вновь этот поединок выиграл подполковник милиции. После этого главарь сдался и назначил место встречи в том же Чалдоваре. «Только теперь явишься без охраны», - закончил он свою речь. Однако в Чалдоваре главарь внёс некоторые коррективы в свои действия. Он изменил место передачи товара. Приехали вновь в Мерке. Там главарь предложил москвичу пересесть в свои «жигули». Трегубов подчинился, хотя риск бил. огромный. «Жигули» долго плутали по тёмным ночным улочкам города. Проверяли, нет ли за ними «хвоста». «Хвоста» не было, только катафалк Трегубова шёл следом. В нём всего один водитель, поэтому главарь не особенно возражал против его присутствия на продаже.

Наконец «Жигули» подъехали к нужному месту. Из тайника вынимается первый мешок с марихуаной. Трегубов медлит только мгновение, после чего выхватывает пистолет и направляет его на главаря. Водитель катафалка, капитан милиции Виталий Сон, извлекает на свет автомат. Всё произошло настолько быстро и неожиданно, что никто из преступников даже не успел опомниться.

22 октября 1991 года уже после этой операции министр внутренних дед СССР В. Баранников подписал приказ, по которому межрегиональные группы и их подразделения, дислоцирующиеся на территории республики, передавались в непосредственное подчинение МВД соответствующих республик.

Последние маньяки 1991 года

Подводя итоги 1991 года, нельзя не отметить успех наших сыщиков в поимке двухкрупных сексуальных маньяков: Николая Джумагалиева и маньяка из Пензы. Он был схвачен в ночь с 15 на 16 апреля 1991 года в небольшом горном посёлке Янг Кишлак, что близ Ферганы. С. Мельник так описывает предысторию джумагалиевского падения: «Когда Джумагалиев был ребёнком, ничто не предвещало его возможного превращения в изощрённого палача, упоминание о котором и сегодня вызывает ужас в его родном казахском селе.

Родители (отец - инвалид войны, мать всю жизнь проработала дояркой), кажется, не обделили вниманием единственного сына в многодетной семье, здорового, послушного ребёнка, без особых странностей, но с обострённым чувством справедливости. Упоминается о его бережном отношении к животным.

Да и читал, по его словам, много: о животных, о традициях различных народов. Особое впечатление производили описываемые ритуалы жертвоприношения животных и людей....»

Полоса неудач и скитаний. В перерыве - армия, служил в десанте, на втором году запил, часто «до полного забытья». Долгое время во взаимоотношениях с женщинами был сдержан, застенчив, а с 1974 по 1977 год, разъезжая по стране, вовсе не общался с женщинами. В это время, где-то в возрасте 23 лет, стали непроизвольно возникать зрительные представления отдельных расчленённых частей обнажённого женского тела и внутренних органов, при этом испытывал половое возбуждение. Вернувшись домой, «загулял» и даже «познакомился» с венерическими болезнями. Обычная близость с женщиной уже не устраивала. В конце 1978 года стал разрабатывать план, как «добыть женщину, разрезать её и изучить строение внутренних органов», якобы решив, что можно стать пророком, напившись крови, и уменьшить половое влечение, наевшись мяса...»

6 января 1979 года Джумагалиев убил Н. Авдронник, которая возвращалась из молитвенного дома в селе Узун-Агач в посёлок Фабричный. В протоколе осмотра места происшествия читаем: «...на свалке Карилинско-10 суконного комбината обнаружены части человеческого тела женского пола, две ноги, в 15 метрах от них сапоги, распоротые острым предметом до голени. Под кучей камней, земли и проволоки обнаружены грудная клетка, руки... обе груди вырезаны. Осмотром ног установлено, что надрезы начинаются на 15 сантиметров выше пятки, идут далее до сустава, т.е. икры отсутствуют. Голова отпилена на уровне первого шейного позвонка...» После этого убийства потянулись нескончаемой чередой: 21 апреля, 21 июня (двойное убийство матери и дочери), 27 июня. В тот день он убил Марину Волкову в сарае собственного дома. На следствии он об этом рассказывал так: «В сарае с

Волковой по её согласию я совершил половой акт в обычной и в извращённой формах. Этого мне показалось мало. Я стал избивать её. Удары по животу женщин мне всегда доставляли удовольствие - жертвы меняются в лице и корчатся от боли. Её крик привлёк внимание Якиной, и та стала стучать в дверь сарая. Продолжая совершать половой акт, я одновременно стал душить Волкову. Когда Якина ушла в дом, я потихоньку вышел из сарая и забрался на чердак, где у меня в рюкзаке хранились инструменты, туристический топорик, несколько ножей. Якина в это время сидела на кухне. В сарае я расчленил Волкову, порезал на мелкие куски и засолил в бочке. Её мясо использовал для еды. Татьяну Якину я в тот вечер больше не видел, она ушла, не дождавшись меня...»

Хотя Якина и заподозрила неладное в тот вечер, но Джумагалиев сумел выкрутиться в своих объяснениях и отвести от себя подозрения. 8 ноября 1980 года Джумагалиев совершил новое убийство - Т. Гладких. 13 декабря того же года он убил В. Манухину. Её он тоже расчленил, пил кровь, ел мозга. Правда, у этого преступления было уже несколько свидетелей - друзья, которым он, похваляясь, показал отрезанную голову Манухиной. Убийцу арестовали. В ходе следствия вскрылись все его преступления. Признав психически больным, судьи направили его в Ташкентскую психиатрическую больницу закрытого типа. Восемь лет он находился на лечении.

Летом 1989 года медицинская комиссия Ташкентской больницы признала его выздоравливающим и обратилась в районный суд с ходатайством об изменении ему места и условий лечения. Суд принял во внимание эти документы и направил Джумагалиева в обычную психбольницу поближе к дому, в посёлок Александровка Алма-Атинской области. Однако 27 августа 1989 года опасный психически больной Н. Джумагалиев обманул сопровождавших его медработников в аэропорту Манас города Бишкека и исчез.

Джумагалиева задержали в апреле 1991 года вовремя совершения им кражи. Себя он выдавал за гражданина Китайской Народной Республики Наримана Аббакова. Следователь должен был проверить обвиняемого по алфавитно-дактилоскопическому учёту Информационного центра МВД республики, запросить аналогичные центры суверенных государств, а также проверить и общий всесоюзный учёт в Москве в Государственном информационном центре МВД. Однако этого сделано не было. Не стал следователь составлять и опознавательную ориентировку. Так до августа 1991 года Джумагалиев был Аббаковым.

Тем временем в Москве происходили следующие события. По настоянию полковника МВД, учёного-криминалиста Юрия Дубягина московская газета «Куранты» 8 августа опубликовала статью под громким названием: «В столице скрывается людоед!» В ней сообщалось: «По оперативным данным, в настоящее время Джумагалиев находится в Москве или окрестностях!

Он среднего роста, 175-180 см, плотного телосложения. Год рождения - 1952-й. У него вставные зубы, возможно, из белого металла. По-русски говорит без акцента, контактен, образован, всегда выбрит и опрятен - в общем, джентльмен.

Для того, чтобы можно было узнать преступника, кроме фотографии мы даём рисованные портреты, на которых по специальной методике воссоздаём его образ в основных эмоциональных состояниях».

После этой публикации высокие чины из МВД обвинили Ю. Дубягина в дезинформации, в нагнетании ненужных страстей. МВД России официально, по телевидению, заявило, что действительно людоед существует, он в розыске, но то, что он находится в Москве, - преувеличено. На всякий случай по телевидению были показаны фотографии Джумагалиева. И вот эту передачу случайно увидела секретарь прокуратуры Ферганской области, которая знала о задержании Аббакова. Она тут же опознала в нём Джумагалиева. В МВД Киргизии и Казахстана полетели срочные телеграммы. Из УВД Алма-Атинского облисполкома на опознание преступника приехал капитан Кадыков.

Однако это был не конец истории. Ферганские эксперты-психиатры посчитали Джумагалиева вменяемым и на этом основании его надо было привлекать к уголовной ответственности. Но вслед за этой экспертизой была назначена новая, теперь уже в Ташкенте. И она признала Джумагалиева невменяемым. Его вновь поместили в Ташкентскую психбольницу закрытого типа. Круг замкнулся.

Не менее громким было и задержание маньяка из Пензы, который убивал с ноября 1990 года. Его задержали 15 августа 1991 года. Маньяк убивал детей, потом, уже мёртвых, насиловал. Вид трупов был ужасен. При вскрытии в их трахеях находили предметы туалета: маечки, трусики... За девять месяцев маньяк убил четырёх детей и только после третьего случая оперативные работники пошли по школам, детским садами предупреждением. До этого же официальная власть молчала. а город обрастал страшными слухами.

Последнее преступление маньяк совершил в августе 1991-го. Увидел во дворе гуляющую с бабушкой школьницу. Она приехала из Москвы на каникулы. Бабушка сидела на скамеечке и не спускала с внучки глаз. Но вот девочка запросилась в туалет. Бабушка отпустила. Девочка поднялась к себе на этаж. С нею туда же поднялся и маньяк. Он позвонил в дверь её квартиры и попросил дать ему напиться. Девочка впустила его в квартиру. У него было немного времени и поэтому он торопился. Убив и изнасиловав девочку, он забыл в квартире свою авоську. А в ней лежал его паспорт. После этого задержать его не составляло особого труда.

Маньяком оказался 22-летний парень. Он готовился к свадьбе, у него уже была невеста. До армии он выказывал склонности к гомосексуализму, жил с соседом, парнишкой на четыре года моложе его. Затем он

переключился на девочек, нападал на них в лифтах. В армии прослужил недолго. За отклонения в психике его комиссовали. Он вернулся в Пензу и начал свою страшную охоту.

Угон века

Ещё во времена, которые в народе окрестили «застойными», угоны автомобилей считались делом достаточно прибыльным. Однако только с начала 90-х годов, когда страну начала буквально захлёстывать «автомобильная волна», это дело в преступном мире было поставлено на настоящую профессиональную основу. Появились целые «команды» угонщиков, поставившие этот прибыльный бизнес, что называется, иа поток. Однако в той череде десятков тысяч угонов, что происходили в 1991 году, я хочу выделить только один, который по праву можно назвать «угоном года» или даже «угоном века», так как до этого ничего подобного в нашей стране не происходило.

У известного московского автоколлекционера Александра Рево самым бесподобным экземпляром в коллекции был уникальный автомобиль «альфа-ромео», 1940 года выпуска. Так как во всём мире насчитывалось всего лишь несколько экземпляров этого автомобиля, московский экземпляр был зарегистрирован как национальное достояние комиссией по культуре Мосгорисполкома. Угонять такой автомобиль, по мнению специалистов, было крайне непрактично, так как вывезти его за пределы страны незаметно было невозможно, а тайно хранить его в какой-нибудь частной коллекции в СССР было просто глупо. Именно поэтому автомобиль хранился не в каком-нибудь спецгараже, а на обыкновенной платной стоянке в центре Москвы. Однако специалисты в своих расчётах не учли одного: времена в нашей стране наступали совсем иные.

И вот в один из дней в начале 1991 года хозяин автомобиля пришёл с утра на эту стоянку и своего уникального автомобиля там не обнаружил. И несмотря на то, что будка сторожа стояла всего лишь в 50 метрах от того места, где ещё вчера находилась «альфа-ромео», сам сторож ничего определённого о судьбе машины сказать не смог.

Когда в тот же день об этом угоне стало известно в МУРе, а именно - в отделе по угонам автотранспорта и мошенничеству, руководил им тогда 37-летний Валерий Стрелецкий, там только руками развели. «Да кому понадобился этот автомобиль? Глупее угона не придумаешь!» Однако вскоре стало понятно, что «альфу-ромео» угнали отнюдь не школьники, чтобы покататься.

После того как и через неделю после исчезновения машины о ней не поступило никаких сведений, было решено заняться кражей всерьёз. Из восьми человек, которые работали тогда в этом отделе МУРа, был выделен один, который конкретно, не отвлекаясь ни на что другое, должен был раскрутить это дело. Поиски длились без малого полгода и в

конце концов увенчались успехом.

Как оказалось, «глаз» на редкую машину положил один частный коллекционер из далёкого Франкфурта-на-Майне. В Москве у него нашёлся человек, который за приличные деньги согласился осуществить этот угон века. После этого в дело были подключены с десяток молодых людей, специализировавшихся на угонах автотранспорта. Ночью они угнали «альфу», спрятали её в фургон и именно в нём привезли в один из тайных гаражей. Там машину перекрасили, навесили на неё новые номера и зарегистрировали в документах как довоенный «хорьх» (такую машину в своей коллекции как раз имел московский похититель). Именно под этими документами «альфа-ромео» в те же дни и переправили в Германию.

Для такой страны, как СССР, подобного рода преступление было нечто из разряда необыкновенного. Однако когда автомобиль угнали, СССР ещё был в силе, когда вернули - он доживал последние дни. Страна стояла на пороге времени, для которого подобного рода происшествия станут вскоре чем-то обыденным.

Литература

При работе над книгой использованы газеты:

«Сегодня», «Коммерсант-Дейли», «Московский комсомолец», «Известия», «Московские новости», «Литературная газета», «Куранты», «Правда», «Советская Россия», «Труд», «Неделя», «Красная звезда», «Собеседник», «Щит и меч», «Петровка, 38», «Вечерняя Москва», «Вечерний клуб», «Очная ставка», «Социалистическая индустрия», «Совершенно секретно», «Криминальная хроника», «Аргументы и факты», «Независимая газета», «Семья», «Общая газета», «Мегаполис-Экспресс», «Столичный криминал», «Московская правда», «Российская газета», «Российские вести», «Россия», «Голос», «Гласность», «Век», «Иностранец», «Новости разведки и контрразведки», «Каретный ряд», «На боевом посту», «Советская молодёжь».

Журналы:

«Огонёк», «Советская милиция», «Человек и закон», «Новое время», «Крик», «Криминал», «Интерполиция», «Юность», «Крокодил», «Смена», «Преступление и наказание».

Оглавление

Предисловие 1
Первые банды Республики Советов 1
Преступления времён Великой Отечественной 19
Борьба за власть в правительстве СССР. Банды 50-х 25
Начало теневой экономики 39

«Мосгаз» и первые террористические акты 45
Антимилицейские восстания 54
Становление советского рэкета 59
Историческая справка 62
Дело Глода 65
Гении преступного мира 66
Вооружённые ограбления 70-х 76
Слияние властных структур с преступными группировками 81
Преступления хозяйственников и местных властей 86
Молодёжные банды. Стервятники на дорогах 91
Маньяки 99
Акты терроризма 70-х 104
Ограбление квартиры А. Толстого 112
«Перестройка» воров в законе. Загадочные смерти высокопоставленных деятелей 114
Оборотни 118
Борьба КГБ с МВД 120
Чеченская, автомобильная, торговая мафии 132
Чистки государственных и партийных структур 135
Банда похитителей орденов 139
Андропов и Черненко 142
«Хлопковое» и другие дела 145
Самоубийство Н Щёлокова и судьба семьи Гоглидзе 147
Сексуальный маньяк из Иркутска 151
Гибель актёра Талгата Нигматулина 152
Нападения на инкассаторов 156
Приход к власти М. Горбачёва 157
Каннибалы, Михасевич и другие 163
«Волгоградское дело» и должностные преступления 168
Проституция и наркомания 170
Вооружённый налёт у магазина «Молодёжный» 175
Арест Ю. Чурбанова 178
«Любера» 179
От убийств до киднеппинга 182
Закон о кооперации и бандиты 186
Лев прыгнул 191
Банда Можаева и братья Овечкины 197
Захват в Орджоникидзе 204
Убийство Свинтковского. Маньяк Фефилов 207
Бой с тенью 209
Банда Колчина. Маньяки 1989-го 214
Операция «Капкан» 224
Русская мафия 227
Побег в Москве. Побег в Якутии 232
Кража века в Шереметьеве. Убийство А. Меня 236
Бандитские войны. Осень 1990-го 239
Борьба за власть. Снятие В. Бакатина 242
Арест Чикатило и других 252

Убийство в Калуге 257
Вторая бандитская война 261
Молодые «волки» 265
Бойня в Медининкае 269
Случай в Щербинке 273
Тюремные бунты 278
Убийство И. Талькова 283
Вокруг чеченских событий 285
Последние дни СССР 291
Наркомафия 301
Последние маньяки 1991 года 305
Угон века 307
Литература 308